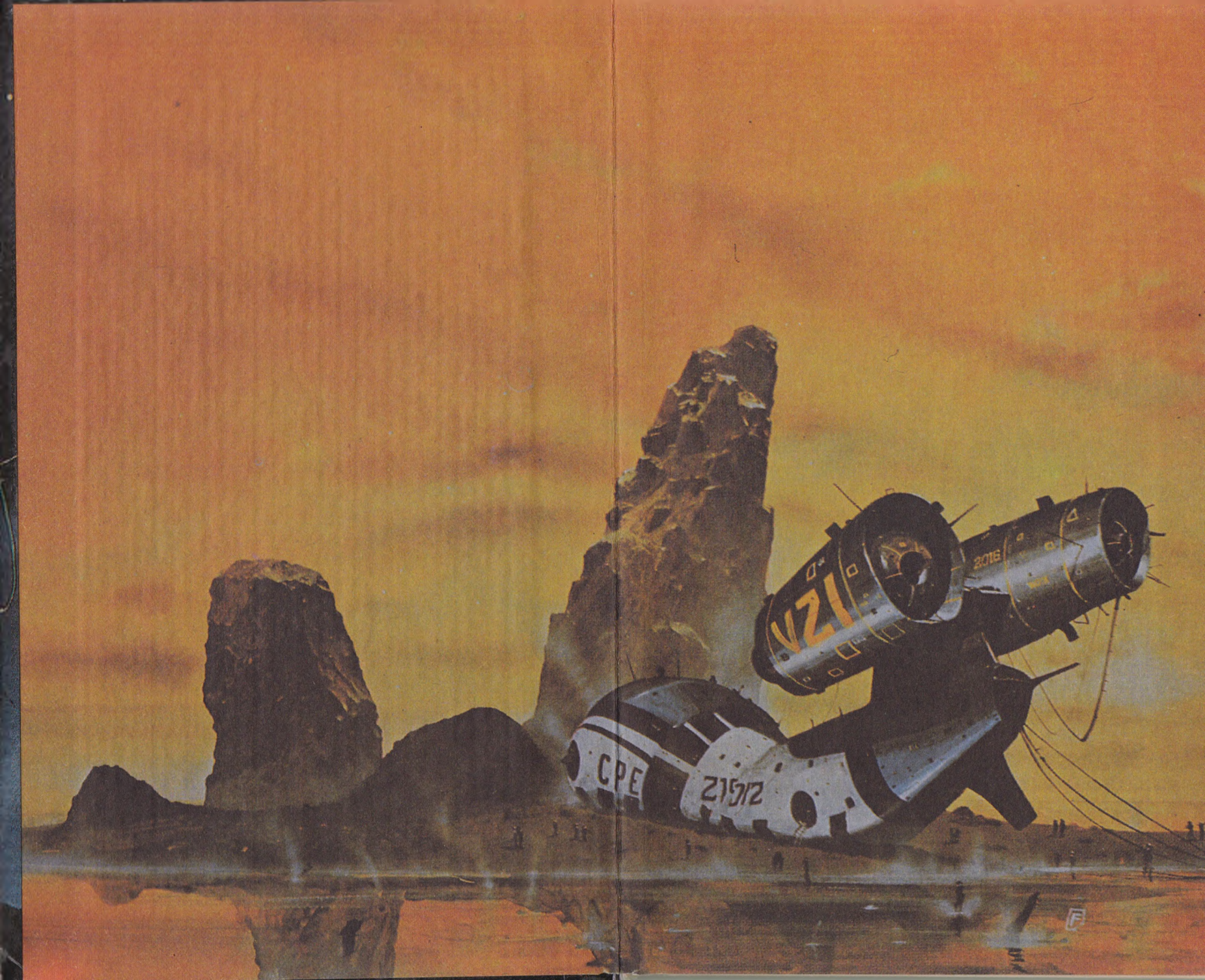
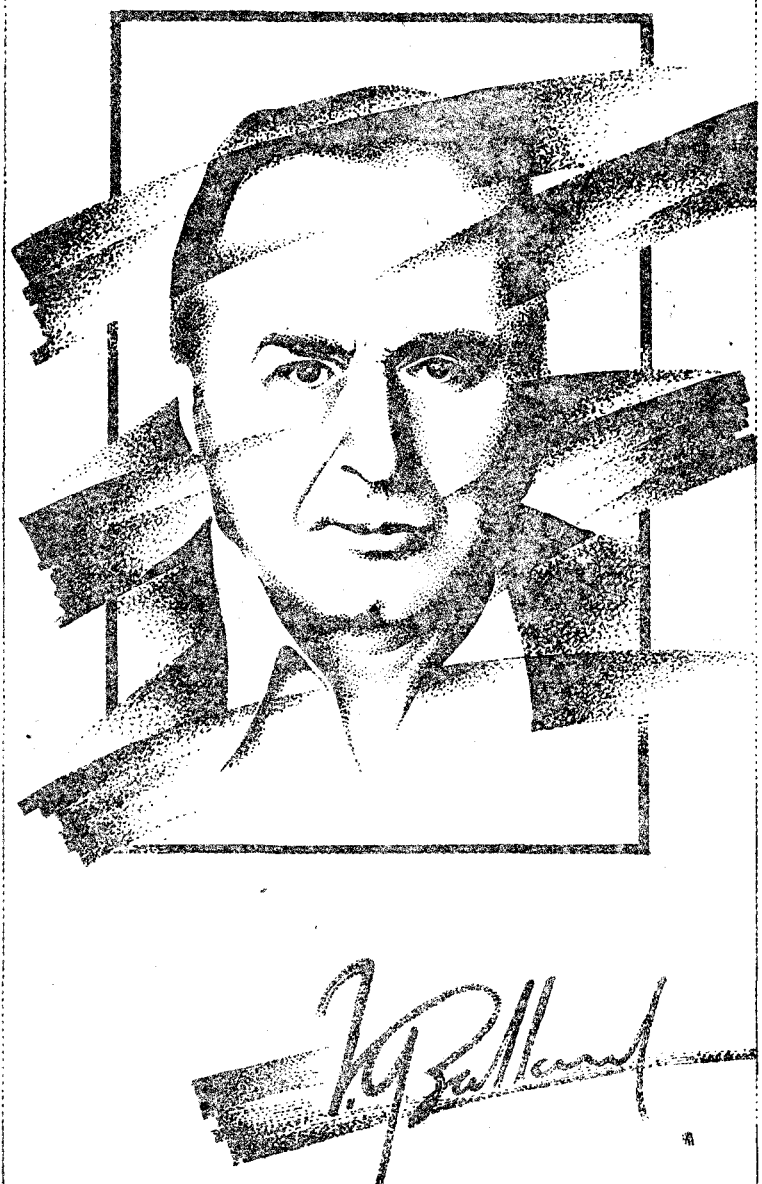

МИР ФАНТАСТИКИ
ДЖЕЙМС БОЛЛАРД
ЗАТОНУВШИЙ МИР
ЗАТОНУВШИЙ МИР
ДЖЕЙМС БОЛЛАРД

VZ1
CPE
21512

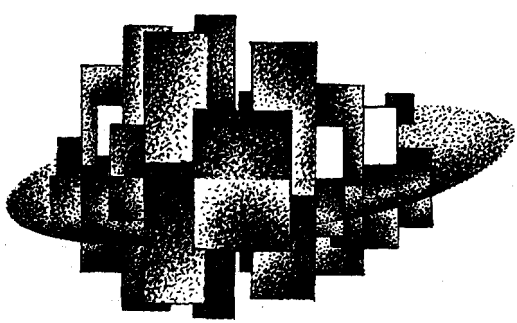

МИР ФАНТАСТИКИ

Джеймс Баллард

ЗАТОНУВШИЙ МИР

Фирма "Нижкнига"
Н.Новгород
1994

ББК 84.7 Англия

Б 20

Художник Ю. Лук

На обложках использованы работы
Питера Джонса

Б 20 Джеймс Боллард. Затонувший мир. Фантастический роман, рассказы. Пер. с англ. — Н. Новгород, ТОО "Нижкнига" совместно с ГИПП "Нижполиграф", 1994. — 544 с.

ISBN 5-87645-002-2

В однотомник выдающегося английского фантаста Джеймса Болларда вошел роман "Затонувший мир" и рассказы из разных сборников.

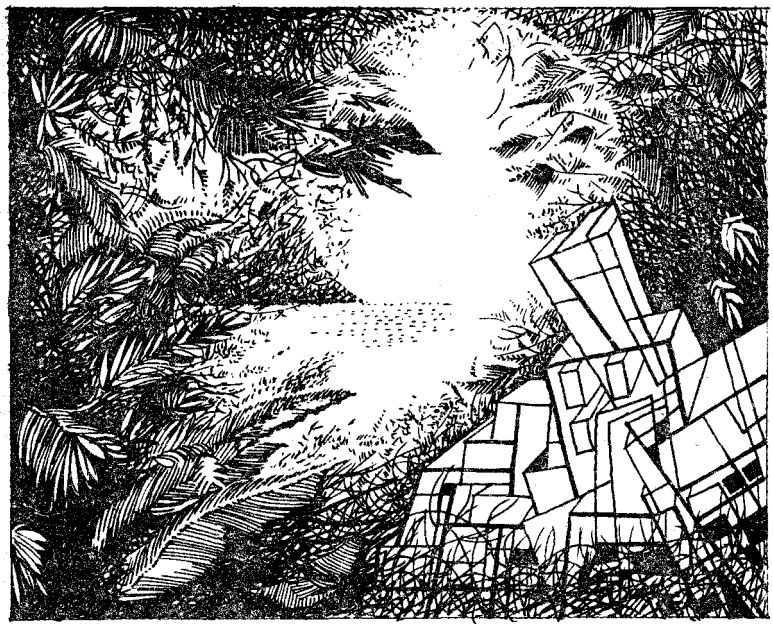
Б $\frac{4703040100\text{-}002}{9Ш7(03)\text{-}94}$ без объявления ББК 84.7 Англия

ISBN 5-87645-002-2

© ТОО "фирма "Нижкнига", перевод, 1994
© ТОО "фирма "Нижкнига", Ю. Лук, иллюстрации, 1994

ЗАТОНУВШИЙ МИР

Глава 1

Отель «Риц»

Скоро жара станет нестерпимой. С балкона отеля в начале девятого часа утра Керанс глядел на солнечный диск, поднимавшийся сквозь густую рощу хвощей над крышей заброшенного универсама к востоку от лагуны. Пронзая толщу оливково-зеленых листьев безжалостные солнечные лучи обжигали обнаженную кожу груди, плеч, лица, вызывая обильный пот и слепя настолько, что пришлось нацепить массивные защитные очки. Солнечный диск уже не был четко очерченной сферой: он превратился в широко вытянутый эллипс, поднимавшийся над горизонтом, как гигантский огненный мяч; его свет превратил мертвую свинцовую гладь лагуны в сверкающее медное поле. К полудню, быстрее чем через четыре часа, вода будет казаться пылающей.

Обычно Керанс поднимался в пять и сразу же отправлялся на биологическую испытательную станцию, где работал несколько часов до того, как жара становилась невыносимой, однако, сегодня ему ужасно не хотелось

оставлять прохладные благодаря кондиционерам апартаменты отеля. Он провел несколько утренних часов в одиночестве, заполняя свой дневник, и всячески тянул время до того момента, когда полковник Риггс будет проплывать мимо отеля на своем патрульном катере, и тогда можно будет уже не идти на станцию. Полковник обычно готов был поболтать часок, особенно пропустив несколько стаканчиков аперитива, и когда, предвкушая предстоящий ленч на базе, он покинет отель, будет уже полдень.

Однако сегодня почему-то Риггс задерживался. Возможно, он отправился в затяжной рейс по соседним лагунам, а может быть, ждал Керанса на испытательной станции. Сперва Керанс подумал, что можно попытаться вызвать Риггса по радиопередатчику, но вспомнил, что батареи питания уже давно сели, а сам передатчик глубоко похоронен под грудой книг. Капрал — радист базы доложил об этом Риггсу, когда однажды оптимистический выпуск новостей — две игуаны минувшей ночью напали на вертолет, сводка температуры и влажности — перемежающийся со старыми поп-песнями был резко оборван в самой середине. Но для Риггса не было секретом неосознанное стремление Керанса разорвать связи с базой — гора книг на радиопередатчике слишком заметно противоречила обычной, доходившей до мелочей педантичности Керанса и вполне отвечала его тяге к самоизоляции.

Склонившись над перилами балкона — стоячая вода десятью этажами ниже отражала его худые угловатые плечи и удлиненный профиль — Керанс следил за одним из тепловых вихрей, пересекавших рощу хвощей на мелководье лагуны. Задержанные окружающими зданиями и огражденные от смешивания слоев, карманы воздуха постепенно разогревались и устремлялись ввысь, и тогда давление в этом месте резко падало. За несколько секунд облака пара, нависшие над поверхностью воды, стремительно закручивались, и разражался миниатюрный смерч, ломающий шестидесятифутовые деревья как спички. Затем, так же внезапно, смерч терял свою силу, и огромные колоннообразные стволы валились друг на друга в воду как вялые аллигаторы.

Керанс убеждал себя, что разумнее было бы остаться в отеле, — вихри возникали все чаще по мере того как поднималась температура, — но он понимал, что главной причиной его нежелания выходить было то обстоятельство, что биологическое картографирование стало бессмысленной забавой: на линиях, нанесенных несколько лет назад,

все чаще обнаруживалась совсем новая флора, и он подозревал, что никто в Кемп Берд, в Северной Гренландии, не подумает даже зарегистрировать его доклады, не говоря уже о том, чтобы просмотреть их.

В самом деле, однажды старый доктор Бодкин, помощник Керанса по станции, включил в сообщение рассказ одного из сержантов полковника Риггса. Тот обнаружил в одной из лагун огромного ящера со спинным плавником, похожим на парус; этот ящер в точности походил на пеликозавра — ископаемое пресмыкающееся из ранних пенсильванских отложений. Если бы его информацию по достоинству оценили, — а она свидетельствовала о возвращении эры гигантских рептилий, — то здесь сразу же объявилась бы толпа экологов в сопровождении армейских отрядов с тактическим атомным оружием и приказом не допускать распространения ящеров больше, чем на двадцать узлов в окружности. Но, кроме стандартного подтверждения, что доклад получен, ничего не последовало. Возможно, что специалисты в Кемп Берд были слишком утомлены даже для того, чтобы поиздеваться над свихнувшимся разведчиком.

К концу месяца полковник Риггс и его маленький сдерживающий отряд закончат обследование города и двинутся на север, буксируя за собой испытательную станцию. Керанс иногда задавал себе вопрос, какой же это город: Париж, Лондон? Ему не хотелось думать, что придется покинуть эти номера под крышей отеля, где он жил последние полгода. Репутация «Рица», как признавал Керанс, была вполне заслуженной: например, ванная комната с ее черными мраморными бассейнами и позолоченными кранами и зеркалами походила на алтарь большого собора. Керансу нравилось сознавать, что он является последним обитателем этого суперлюкса; он понимал, что заканчивается определенный цикл его жизни — одиссея по затонувшим городам юга скоро завершится возвращением в Кемп Берд с его суровой дисциплиной, и это станет последней точкой в долгой и блестящей истории «Рица».

Он был прикомандирован к отряду Риггса буквально в последнюю минуту и принял это назначение с радостью: ему давно хотелось сменить свой тесный уголок среди лабораторных стендов испытательной станции на простор высоких номеров отеля. Ему нравились роскошная парчовая обивка стен, бронзовые стилизованные статуи в коридорных нишах — он принимал все как естественное обрамление своего нового образа жизни; он смаковал изысканную атмосферу меланхолии, пронизывавшую эти

остатки культуры, теперь уже фактически исчезнувшей. Большинство других зданий вокруг лагуны затянуло илом, и теперь лишь «Риц» стоял в гордом одиночестве на западном берегу, и его великолепие не портили даже пятна серой плесени на коридорных коврах, хранивших память о величии девятнадцатого столетия. Его апартаменты предназначались в свое время для известного миланского банкира, они были богато украшены и блестяще оборудованы. Воздушные занавеси, ограждавшие от жары, все еще действовали и, хотя нижние шесть этажей здания скрылись под водой, а стены начали трескаться, кондиционеры работали бесперебойно. Несмотря на то, что помещения пустовали уже десять лет, пыли на каминах и позолоченных столиках скопилось совсем немного, а три фотографии на обитом крокодиловой кожей письменном столе — сам банкир, банкир со своей лоснящейся, упитанной семьей и, наконец, еще более лоснящееся сорокаэтажное здание офиса — были вполне четкими. К счастью для Керанса, прежний постоялец покинул отель в большой спешке — и буфеты, и гардеробы были заполнены сокровищами: одеждой, обувью, парфюмерией, украшенными слоновой костью теннисными ракетками, а в коктейль-баре сохранились солидные запасы виски и бренди.

Гигантский комар-анофелес, похожий на летучего дракона, прожужжал мимо его лица, спикировал и исчез за выступом здания в том месте, где был пришвартован катамаран Керанса. Солнце палило беспощадно и жара выгнала огромных отвратительных насекомых из их убежищ в покрытых мхом стенах отеля. Керансу пришлось укрыться за проволочной сеткой. В свете дня лагуна была красива загадочной траурной красотой; мрачные зелено-черные стволы хвощей, пришельцев из триасовой эпохи, и полузатонувшие белые корпуса зданий двадцатого столетия, все это отражалось вместе в темном зеркале воды — два разновременных мира, негаданно встретившиеся в этой точке пространства. Но это ощущение ирреальности сразу пропадало, как только гигантский водяной паук разбивал эту картину.

Вдалеке, к полумиле к югу, где-то за затонувшим островом большого особняка готического стиля, взревел мотор и поднял невысокую волну. Керанс, прикрыв за собой проволочную дверь балкона, направился в ванную бриться. Водопровод давно не работал, но он расчистил плавательный бассейн на крыше и через окно провел оттуда трубу.

Хотя Керансу было уже почти сорок и от радиоактивного фтора его борода поседела, черные волосы и сильный загар молодили его лет на десять. Давнее отсутствие аппетита и различные модификации малярии, иссушившие его кожу, придали ему вид аскета. Бреясь, он критически изучал свое лицо, разминая пальцами натянутую кожу и массируя лицевые мышцы — с годами черты его лица постепенно менялись, как бы проявляя скрывавшегося в нем иного человека. Несмотря на склонность к самоанализу и рефлексии, он чувствовал себя вполне спокойно и трезво, холодные голубые глаза смотрели из зеркала с ироническим отчуждением. Полусознательное погружение в привычный мир, с его ритуалами и обычаями, отхлынуло. Если он и сторонился Риггса и его людей, то это диктовалось лишь стремлением к удобствам, а отнюдь не человеконенавистничеством.

Выйдя из ванны, он выбрал из обилия туалетов, оставленных банкиром, кремовую шелковую рубашку и светло-бежевые брюки. Плотно прикрыв за собой двойные двери — все занимаемое помещение представляло собой стеклянный ящик внутри другого ящика, кирпичного — он сбежал по лестнице.

Вскоре он оказался на площадке, где напротив его катамарана причалил катер полковника Риггса — переоборудованная наземная машина. Риггс, подтянутый, щегольски одетый мужчина средних лет, стоял на носу, упираясь сапогом в борт катера, и озирал берега бухты, заросшие буйной растительностью.

— Доброе утро, Роберт, — приветствовал он Керанса, спрыгивая на плавучую платформу — пятидесятигаллоновый барабан, привязанный к деревянной раме. — Рад, что вы здесь. Для вас есть работа. Сможете на денек отлучиться со станции?

Керанс помог ему перебраться на выступавший над водой бетонный балкон.

— Конечно, полковник. Вы же знаете, я всегда рад оказать вам помощь.

Испытательная станция была в полном подчинении Риггса, и поэтому Керанс не мог отказаться, но отношения между ними были избавлены от формальностей и официальности. Они работали вместе уже три года, и, по мере того как испытательная станция и ее военный эскорт медленно перемещались на север по европейским лагунам, Риггс предоставил Керансу и Бодкину полную самостоятельность, слишком занятый нанесением на карту движу-

щихся отмелей, гаваней и эвакуацией последних жителей. При этом он часто прибегал к помощи Керанса, так как большинство людей, все еще остававшихся в затонувших городах, были либо психопатами, либо мучились от длительного недоедания и последствий радиации.

В дополнение к своей работе на плавучей испытательной станции Керанс нес обязанности врача отряда. Большинство людей, которых они эвакуировали, нуждались в срочной медицинской помощи, прежде чем их можно было на вертолетах переправить на один из гигантских танкеров, которые должны были доставлять беженцев в Кемп Берд. Остатки военных отрядов, бродивших в покинутых болотах, умирающие отшельники, не способные добровольно расстаться с городами, где провели долгие годы своей жизни, потерявшие кураж грабители, первоначально думавшие поживиться добычей в гибнувших городах, — всем этим людям Риггс помогал спастись, а Керанс всегда готов был поддержать их обезболивающими или успокаивающими средствами. Керанс считал Риггса, несмотря на его демонстративно военный облик и манеры, разумным и приятным человеком, наделенным к тому же своеобразным чувством юмора. Временами он собирался проверить это свое мнение, поведав полковнику о бодкинском пеликозавре, но всякий раз благоразумно отказывался от этой мысли.

Сержант Макреди, строгий и педантичный шотландец, взобравшись на проволочную сетку, покрывавшую палубу катера, тщательно очищал ее от тяжелых листьев и лиан. Из остальных людей, находившихся на палубе, никто не потрудился ему помочь; покрытые коричневым загаром лица их были худыми и изможденными, они равнодушно сидели в ряд. Постоянная жара и ежедневные огромные дозы антибиотиков отняли у них всю энергию.

Солнце стояло уже высоко над лагуной, превратив облака пара в сплошной золотой занавес, и Керанс ощутил мерзкое зловоние, поднимающееся от поверхности воды: запах разлагавшихся растений и животных. Огромные мухи жужжали вокруг, отражаемые проволочной сеткой катера, а над поверхностью воды проносились большие летучие мыши, направляясь к своим обиталищам в полузатонувших зданиях. Керанс осознал, что лагуна, казавшаяся с балкона несколько минут назад такой прекрасной и безмятежной, на самом деле была лишь гигантским гниющим болотом.

— Пойдемте наверх, — предложил он Риггсу, понижая

голос, чтобы не услышали остальные, — у меня есть выпивка.

— Вы славный парень. Отрадно, что вы сохранили столь прекрасные манеры... — Затем Риггс крикнул Макреди: — Сержант, я поднимусь наверх проверить работу дистилляционной установки доктора.

Он подмигнул Керансу, так как Макреди выслушал его слова со скептической миной, но предлог был безупречным. Остальные люди на палубе, получив неохотное согласие сержанта, отцепили с поясов фляжки и, утолив жажду, стали терпеливо ждать возвращения своего начальника.

Керанс через подоконник взобрался в спальню, выходившую на выступ.

— В чем ваша проблема, полковник?

— Это не моя проблема. На самом деле она скорее ваша.

Они не спеша поднимались по лестнице, и Риггс своей полицейской дубинкой время от времени сбивал лианы, опутавшие перила.

— Вы не застали здесь действующий лифт? Я всегда утверждал, что это место переоценивают...

Однако он довольно улыбнулся, когда они вступили в прохладные помещения под крышей, и с удовлетворенным видом устроился в позолоченном кресле, имитирующем стиль времен Людовика XV.

— Что ж, тут неплохо. Завидую, как вы умеете использовать себе во благо эти обломки. Неплохо было бы пожить тут. Найдется место?

Керанс покачал головой, нажимая кнопку и дожидаясь когда из книжного шкафа выдвинется коктейль-бар:

— Попробуйте поселиться в «Хилтоне». Там лучше обслуживание.

Ответ был шутливым, но, хотя Керансу и нравился Риггс, он предпочитал общаться с ним пореже. Сейчас их жилье разделяла лагуна, а от постоянного звона оружия и кухонных запахов базы — джунгли. Хотя Керанс знал всех членов отряда Риггса — их было человек двадцать, — за исключением коротких бесед в госпитале, он уже полгода ни с кем не разговаривал. Даже свои контакты с Бодкиным он свел к минимуму. По взаимной негласной договоренности биологи отказались от шуток и коротких бесед на посторонние темы, которые позволяли себе в первые годы работы.

Растущая замкнутость и стремление к одиночеству,

которые возникли у всех членов отряда, кроме жизнерадостного Риггса, напоминали Керансу замедленный метаболизм и биологическое одиночество, которое испытывали все животные формы перед значительными видовыми изменениями. Иногда он размышлял над тем, в какой стадии метаморфозы находится он сам, ибо был убежден, что его самоизоляция не симптом скрытой шизофрении, а тщательная подготовка к жизни в совершенно иной среде с новой внутренней логикой поведения, где старые категории будут лишь ненужным балластом.

Протянув Риггсу стакан шотландского виски, он поставил свой стакан на стол, слегка сдвинув при этом стопку книг с радиопередатчика.

— Слушаете иногда эту штуку? — спросил Риггс с легким сарказмом.

— Никогда, — ответил Керанс. — Зачем? На ближайшие три миллиона лет и так все известно.

— Так уж и все. Советую иногда включать приемник. Можно услышать любопытные вещи. — Он поставил стакан и наклонился вперед. — Например, сегодня утром вы могли бы узнать, что мы в течение трех дней должны собраться и уйти. — Он кивнул, когда Керанс с недоверием посмотрел на него. — Ночью пришло сообщение из Берд. Уровень воды по-прежнему повышается, и вся ваша работа проделана впустую — как я, кстати, всегда и утверждал. Американские и русские отряды уже отозваны. Температура на экваторе достигла 180 градусов* и продолжает подниматься, а пояс дождей достиг двадцатой параллели. Увеличивается и количество ила.

Он замолчал, задумчиво глядя на Керанса:

— В чем дело? Разве вы не рады уйти?

— Конечно, рад, — механически ответил Керанс. Он поднял пустой стакан и пересек комнату, направляясь к бару, но внезапно остановился и погладил каминные часы. Казалось, что он что-то искал в комнате. — Через три дня, говорите?

— А сколько вам нужно — три месяца? — Риггс широко улыбнулся. — Роберт, мне кажется, что вы в глубине души хотите остаться.

Керанс подошел к бару и еще раз наполнил свой стакан. За последние три года он привык к монотонности и рутине их существования, являющего собой некий кокон

---

* Здесь и далее температура указывается по шкале Фаренгейта. 180 градусов по Фаренгейту равны 82 градусам по Цельсию.

в обычном времени и пространстве, и внезапное возвращение к действительности выбивало его из колеи. Кроме того, он сознавал, что есть и иные причины его теперешнего состояния.

— Не говорите ерунду, — ответил он. — Просто я не думал, что придется собираться так быстро. Конечно, я буду рад уехать. Хотя, честно говоря, мне и тут нравится. — Он жестом обвел комнату. — Возможно, все это ближе к моему менталитету, более соответствующему концу прошлого века. В Кемп Берд придется жить как сардине в консервной банке.

Риггс встал, застегиваясь.

— Роберт, вы странный человек.

Керанс резко поставил стакан.

— Извините, полковник, я не смогу вам помочь сегодня. Я кое-что вспомнил. — Он заметил, как Риггс укоризненно помотал головой. — Да, я знаю. Это моя проблема.

— Точно. Я видел ее вчера вечером и еще вторично сегодня утром, уже после получения распоряжения. Вы должны убедить ее, Роберт. Сейчас она наотрез отказывается уходить. Она не хочет понять, что это конец, что больше здесь не будет ни одного сдерживающего отряда. Она, возможно, продержится еще полгода, но в марте, когда пояс ливней переместится сюда, мы не сможем послать за ней даже вертолет. В любом случае после нашего ухода никто не будет о ней заботиться. Я пытался объяснить ей это, но она не желает даже слушать.

Керанс горько улыбнулся, представив себе резкий поворот головы и надменную походку.

— Иногда с Беатрис нелегко, — сказал он, надеясь, что она не слишком обидела Риггса. Вероятно, потребуется много больше трех дней, чтобы убедить ее, и Керанс хотел верить, что полковник подождет. — Она сложная натура и живет как бы сразу на нескольких уровнях. Пока эти уровни рассогласованы, она может вести себя, как ненормальная.

Они вышли из комнаты; перед уходом Керанс установил термостат на нужную температуру и проверил работу воздушных занавесей. Они не спеша спускались к катеру, по пути Риггс заглядывал в номера и свистом разгонял змей, оккупировавших покрытые плесенью диваны. Когда они шагнули на палубу катера, Макреди закрыл за ними проволочную дверь.

Через пять минут, взяв на буксир катамаран, они

скользили по лагуне, стремительно удаляясь от отеля. Поднятые катером волны слепили глаза, причудливая вязь прибрежных зарослей дрожала в мареве восходящих воздушных потоков — джунгли были полны магического очарования.

Риггс пристально смотрел вперед сквозь проволочную сетку.

— Хвала Господу, этот сигнал из Берд наконец-то пришел. Пора было уйти еще год назад. Все это тщательное картографирование гаваней для возможного использования в неизвестно каком будущем — сплошной идиотизм. Даже, если солнечные вспышки и утихнут, пройдет не менее десяти лет, прежде чем можно будет попытаться вновь обживать города. За это время даже самые крупные здания исчезнут под илом. Потребуется несколько дивизий для того, только, чтобы расчистить эти джунгли по берегам лагуны. Бодкин говорил мне утром, что некоторые из этих растений уже превышают двести футов. Это место — смесь зоопарка с дендрарием.

Он снял за козырек свою фуражку и вытер лоб, затем, перекрывая рев дизелей, прокричал:

— Если Беатрис останется здесь, то она действительно сумасшедшая. Кстати, это напомнило мне еще одну причину, по которой нам нужно уносить ноги. — Он взглянул на одинокую высокую фигуру сержанта Макреди, стоявшего у румпеля и пристально всматривающегося в воду, и на истощенные лица остальных. — Скажите, доктор, как вы спите последнее время?

Удивленный, Керанс взглянул на полковника, размышляя, связан ли этот вопрос с его отношениями с Беатрис Дал. Но Риггс, ничего более не говоря, пристально смотрел на него своими проницательными глазами.

— Очень крепко, — спокойно ответил Керанс. — Никогда не спал лучше. А в чем дело?

Но Риггс лишь неопределенно пожал плечами и принялся отдавать команды.

Глава 2

Приход игуан

Пронзительно крича, как потревоженный дух баньши, крупная летучая мышь с носом, похожим на молот, вылетела из зарослей боковой протоки и устремилась прямо на катер. Ее сонар был дезориентирован сетью гигант-

ских паутин, натянутых в протоке колонией пауков-волков, и она едва не врезалась в проволочную сетку над головой Керанса, а затем помчалась над линией затонувших зданий, увертываясь от огромных листьев папоротников, выросших на крышах. Внезапно, когда она пролетала мимо одного из нависавших карнизов, неподвижный, похожий на камень выступ рванулся и мгновенно поймал ее в воздухе. Раздался короткий пронзительный визг, и Керанс успел заметить, как ломались крылья мыши в пасти ящера. Затем рептилия снова застыла среди листвы.

На всем пути вдоль залива из окон жилых и административных зданий за ними следили игуаны, медленно поворачивая свои шишковатые, покрытые роговыми наростами головы. Некоторые из них устремлялись за катером, хватая насекомых, в панике взлетающих из своих гнезд в гниющей растительности, а затем вновь возвращались на прежние наблюдательные посты. Лагуны и заливы с коробками полузатонувших зданий были полны сонного очарования в нетерпимой жаре, но игуаны и другие пресмыкающиеся разрушали эти чары. Их массовое появление доказывало, что они овладели городом и стали здесь господствующей формой жизни.

Глядя вверх на их древние, лишенные каких-либо эмоций, морды, Керанс ощутил ужас, который вечно вызывало у человека это наследие страшных джунглей палеозоя — эпохи, когда рептилии отступили под натиском млекопитающих, и еще почувствовал ту физиологическую неприязнь, которую всегда испытывает один зоологический класс к другому, противостоящему ему.

Вскоре они оказались в другой лагуне, широком круге темной зеленой воды с полмили в диаметре. Цепочка красных пластмассовых бакенов отмечала проход к узкой протоке в дальнем краю лагуны. Осадка катера была немногим более фута, и когда они скользили по ровной глади, лучи солнца просвечивали воду на большую глубину. Ясно были видны остовы пяти- и шестиэтажных зданий, колеблющиеся в воде, как привидения. Изредка на поверхность выглядывали поросшие мхом крыши.

В шестидесяти футах под ними между зданиями пролегала прямая широкая магистраль: часть бывшего главного городского проспекта. Видны были проржавевшие корпуса автомашин, брошенных у обочины. Большинство лагун в центре города было окружено сплошным кольцом зданий, поэтому в них скопилось сравнительно немного ила. Свободные от растительности, защищенные от дрей-

фующих масс саргассовых водорослей, улицы и магазины сохранились нетронутыми, словно отражения в воде, убежавшие от своего оригинала.

Большая часть мегаполиса была покинута давно; сравнительно долго держались высотные железобетонные здания в центре — в торговом и административном районах. Кирпичные дома и одноэтажные фабрики пригородов без следа исчезли под толщей ила. Гигантские тропические леса выросли по вновь образовавшимся берегам после затопления низменностей Европы и Северной Америки. Сплошная стена растительности, местами достигавшая трехсот футов высоты, стала следствием возвращения конкурирующих видов из палеозойской эры, и единственными доступными для отрядов Объединенных Наций маршрутами оказались системы лагун, образовавшихся на месте былых городов. Но и они постепенно затягивались илом и погружались все глубже.

Керанс вспомнил бесконечные зеленые сумерки, смыкающиеся за отрядом, по мере того как он сдавал один город за другим, медленно отступая к северу Европы. Растительность стремительно закрывала протоки, перебрасываясь с крыши на крышу.

И вот они оставляли еще одну столицу. Массивные конструкции зданий центра разбивали его на три основные лагуны, окруженные сетью небольших озер до пятидесяти ярдов в диаметре, и сложную паутину каналов и проток, повторявших в общих чертах план городских магистралей, и переходивших по краям в сплошные джунгли. Кое-где эти каналы совсем исчезали, а кое-где расширялись, образуя озерца чистой воды. Джунгли захватили архипелаг островов и переходили в сплошной массив на южной окраине города.

Военная база, где размещался отряд Риггса, находилась в самой южной из трех лагун под защитой нескольких самых высоких зданий городского центра — тридцати- и сорокаэтажных небоскребов — бывших резиденций фирм и банков. Часть базы составляла прибуксированная сюда и поставленная на якорь испытательная биологическая станция.

Когда они пересекли лагуну, их взору открылся желтый плавучий барабан основного помещения базы; винты вертолета на крыше базы поднимали волну, которая покачивала белый корпус биологической станции, пришвартованной в двухстах ярдах ниже по берегу к большому овальному зданию — бывшему концертному залу.

Керанс взглянул на белые прямоугольники сплошных стен без окон, и ему представились залитые солнцем улицы Рио или Майами, — он в детстве читал о них в энциклопедии в Кемп Берд. Любопытно, однако, что Керанс довольствовался созерцанием великолепия зачарованных лагун затонувших столиц, никогда не испытывая ни малейшего желания узнать, в каком именно городе находится сейчас станция.

Доктор Бодкин, который был на двадцать пять лет старше Керанса, когда-то бывал в различных странах Европы и Америки и потому проводил много времени на окраинных водных протоках, исследуя там библиотеки и музеи. Но он не находил в них ничего, кроме своих давних воспоминаний.

Возможно, именно отсутствие личных ассоциаций делало Керанса равнодушным к прошлому этой затонувшей цивилизации. Он родился и вырос в местах, известных под названием Арктического Круга, — теперь это была субтропическая зона с максимумом годовой температуры в 85 градусов — и южнее бывал только в экологических экспедициях. Обширные болота и джунгли являлись для него лабораторным полигоном, а затонувшие города — всего лишь сложным основанием этой лаборатории.

Кроме нескольких стариков, таких как Бодкин, никто не помнил как жили прежние горожане, тем более, что уже в дни детства Бодкина города представляли собой осажденные крепости, окруженные огромными дамбами и отравленные паникой и отчаянием. Сейчас их странное очарование и красота заключались в необитаемости и необычном соединении рукотворной и дикой природы, напоминавшем о короне, сплетенной из диких орхидей.

Последовательность гигантских геофизических катаклизмов, преобразивших жизнь Земли, началась шестьдесят лет назад. Серия мощных длительных солнечных бурь, вызванных внезапной нестабильностью Солнца, привела к расширению поясов Ван Аллена и тем самым к исчезновению верхних слоев ионосферы из-за ослабления действия на них земного тяготения. Эти слои рассеялись в космосе, ослабив естественный защитный барьер против солнечной радиации; температура начала постоянно расти, нагретые слои атмосферы поднимались в ионосферу, рассеивались и цикл повторялся.

По всей Земле среднегодовая температура возрастала

ежегодно на несколько градусов. Большая часть тропиков вскоре стала необитаемой; население, спасаясь от неимоверной жары, устремилось на север и юг. Умеренные зоны стали тропическими. Европа и Северная Америка изнемогали от зноя: температура тут поднималась до ста градусов. Под руководством Объединенных Наций началось заселение Антарктиды и северных районов Канады и России.

В первые двадцать лет после случившегося все живое постепенно приспосабливалось к изменившемуся климату. Людям же не хватало сил и энергии для того, чтобы отбросить надвигающиеся из экваториальных районов джунгли. Возросший уровень радиации привел к многочисленным мутациям и бурному росту растительности... Появилось множество необычных растительных форм, напоминавших тропические леса Калифорнийского периода; стремительно пошли в наступление низшие формы растительного и животного мира.

Наступление этих далеких предшественников современной жизни было поддержано новым большим геофизическим взрывом. Неуклонное повышение температуры вызвало таяние полярных снеговых шапок. Огромные ледяные поля Антарктиды треснули и растаяли, десятки тысяч ледников, окружавших Арктический круг в Гренландии, Северной Европе, России и Северной Америке, превратились в моря и гигантские реки.

Вначале уровень воды в мировом океане повысился лишь на несколько футов, но огромные расширяющиеся потоки несли с собой биллионы тонн ила. В их устьях формировались обширные дельты, изменившие очертания континентов и открывшие дорогу океану вглубь суши. Их постепенное расширение привело к тому, что более двух третей земной поверхности оказалось под водой.

Намывая ил и грязь, новые моря непрерывно меняли контуры континентов. Средиземное море превратилось в систему внутренних озер, Британские острова соединились с Северной Францией, Средний Запад Соединенных Штатов, затопленный Миссисипи, пробившей Скалистые горы, стал огромным заливом, соединившимся с заливом Гудзона. Карибское море превратилось в болото, полное ила и соленой грязи. Европа покрылась системой гигантских лагун, в центре каждой из них лежал город, затопленный илом, который несли расширяющиеся водные потоки.

В следующие тридцать лет произошла миграция населения на полюса. Несколько укрепленных городов пытались сопротивляться поднимающемуся уровню воды и наступавшим джунглям, сооружая по своему периметру

огромные стены, но они одна за другой прорывались. Только внутри Арктического и Антарктического кругов оказалось возможной жизнь. Значительный наклон солнечных лучей снижал здесь губительное действие радиации. Города высоко в горах ближе к экватору были покинуты, несмотря на сравнительно невысокую температуру, именно из-за отсутствия атмосферной защиты от солнечной радиации.

Именно этот последний фактор, по-видимому, и помог решить задачу размещения населения Земли. Резкое ухудшение условий жизни млекопитающих и стремительное наступление земноводных и рептилий, более приспособленных к водной жизни в лагунах и болотах, изменил экологический баланс. Ко времени рождения Керанса в Кемп Берд, городе с десятью тысячами жителей в Северной Гренландии, на обоих полюсах Земли, по приблизительным подсчетам, жило всего около пяти миллионов человек.

Рождение детей стало сравнительной редкостью, и всего один брак из десяти давал потомство. Как иногда говорил себе Керанс, генеалогическое древо человечества постепенно сокращалось, отступая по времени назад. Когда-нибудь мог наступить такой момент, когда вторые Адам и Ева обнаружат, что кроме них никого больше не осталось в этом Новом Эдеме.

Риггс заметил, как Керанс улыбается этому мысленному образу.

— Что вас позабавило, Роберт? Снова одна из ваших двусмысленных шуток? Не пытайтесь объяснить ее мне.

— Я представил себя в необычной роли...

Керанс глянул на прямоугольник какого-то здания в двадцати футах от них; волна, поднятая катером, захлестнула окна одного из верхних этажей. Резкий запах влажной извести смешивался с тяжелыми испарениями растительности. Макреди ввел катер в тень здания, так как здесь было относительно прохладно.

Через лагуну Керанс видел дородную, с голой грудью, фигуру доктора Бодкина на правом борту испытательной станции; широкий пояс и зеленый целлулоидный козырек на лбу придавали ему сходство с флибустьером. Он срывал оранжевые ягоды с папоротника у борта станции и бросал их в галдящих обезьян, висевших на ветках над его головой, подстрекая их задорными криками и свистом. В пятидесяти футах выше, на карнизе здания три игуаны с каменной неподвижностью наблюдали за этой сценой; только их хвосты как маятники ходили из стороны в сторону.

Макреди повернул румпель, и они в облаке брызг приблизились к белому фасаду небоскреба; над водой возвышалось еще не менее двадцати этажей. Крыша прилегающего меньшего здания служила пристанью, к ней был пришвартован небольшой крейсер с белым проржавевшим корпусом. Обзорные иллюминаторы рулевой рубки были разбиты и грязны, а из машинного отделения просачивались в воду струйки масла.

Пока катер под управлением опытного Макреди покачивался возле крейсера, они спрыгнули на пристань, прошли по ней и по узкому металлическому трапу перебрались в большое здание. Стены коридора в нем были влажными, на штукатурке были видны большие пятна плесени, но лифт все еще работал, питаемый автономным генератором. Они медленно поднялись на крышу и оттуда спустились в двухэтажную квартиру, находившуюся на верхнем этаже дома.

Прямо под ними находился крытый дворик с небольшим плавательным бассейном; яркие пляжные кресла скрывались в тени вышки для прыжков в воду. С трех сторон бассейн был обрамлен витражами с желтыми венецианскими стеклами, но сквозь щели жалюзи была видна прохладная полутьма внутренних комнат, блеск хрусталя и серебра старинных интерьеров. В тусклом свете под синим полосатым навесом в глубине крытого дворика разместилась длинная хромированная стойка, столь же соблазнительная, как и прохладный бар, видимый с пыльной и жаркой улицы — стаканы и графины отражались в изысканном дорогом зеркале. Все в этих частных богатых покоях выглядело безмятежным и бесконечно далеким от полной насекомых и дикой растительности перегретой воды лагуны, находившейся двадцатью этажами ниже.

За дальним краем бассейна, украшенным оригинальным балконом, открывался вид на лагуну: город, поглощаемый надвигающимися джунглями, широкие улицы-протоки серебряной воды, сходящиеся к зеленому пятну в южной части горизонта. Обширные наносы ила поднимали свои горбы над поверхностью воды, из них торчали светло-зеленые копья — ростки гигантского бамбука.

Вертолет поднялся со своей платформы на крыше базы и по широкой дуге пролетел в воздухе над их головами, пилот выправил машину и изменил направление полета, два человека через открытый люк в бинокли внимательно рассматривали крыши.

Беатрис Дал полулежала в одном из кресел, ее длин-

ноногое гладкое тело мерцало в тени, как чешуя спящего питона. Розовые кончики пальцев руки касались наполненного стакана, стоявшего на столике, другой рукой она не спеша листала журнал. Огромные защитные очки закрывали почти все ее лицо, но Керанс заметил на нем выражение легкого раздражения. Очевидно, Риггс своей фундаментальной логикой вывел ее из себя.

Полковник остановился у перил, с нескрываемым интересом глядя вниз на прекрасное гибкое тело. Заметив его, Беатрис сняла очки и поправила бретельки своего бикини. Глаза ее были спокойны.

— Эй вы, оба! Марш отсюда! Здесь вам не стриптиз.

Риггс улыбнулся и быстро спустился по белой металлической лесенке. Керанс шел за ним, размышляя, как убедить Беатрис покинуть это комфортабельное убежище.

— Моя дорогая мисс Дал, вам должно польстить, что я пришел полюбоваться на вас, — сказал Риггс, откидывая тент и садясь рядом с ней в свободное кресло. — Поскольку, как военный губернатор этой территории, — тут он с видом заговорщика подмигнул Керансу, — я несу определенную ответственность за вас... и наоборот.

Беатрис бросила на него короткий гневный взгляд, отвернулась и включила автоматический проигрыватель.

— О боже... — она добавила про себя нечто похожее на проклятие и обратилась к Керансу. — А вы, Роберт? Что вас привело сюда так рано?

Керанс дружелюбно улыбнулся:

— Мне не хватало вас...

— Милый мальчик. А я вообразила, что этот гауляйтер запугал вас своими страшными россказнями.

— Да, он напугал меня. — Керанс взял с колен Беатрис журнал и принялся лениво его просматривать. Это был сорокалетней давности выпуск парижского журнала «Вог», и листы его были ледяными: по-видимому, он хранился где-то в холодильнике. Керанс уронил журнал на выложенный зеленым кафелем пол. — Беа, похоже, что мы все уйдем отсюда через несколько дней. Полковник и его люди отозваны. Мы не сможем оставаться здесь после этого.

— Мы? — сухо повторила она. — А разве у вас есть хоть какой-то шанс остаться.

Керанс невольно взглянул на Риггса.

— Нет, конечно, — кратко ответил он. — Но вы же понимаете, о чем я говорю. В ближайшие сорок восемь часов нам предстоит сделать очень многое, постарайтесь не осложнять нашего положения.

Прежде чем девушка ответила, Риггс сдержанно добавил:

— Температура продолжает повышаться, дорогая мисс Дал. Здесь будет ужасно, когда она достигнет 130 градусов, а горючее для вашего генератора кончится. Большой экваториальный пояс дождей движется на север, через несколько месяцев он будет здесь. Когда пройдут ливни и рассеются облака, вода в вашем бассейне, — он указал на резервуар с обеззараженной водой, — просто вскипит. К тому же анофелес типа X, скорпионы и игуаны, ползающие всю ночь, не дадут вам уснуть. — Опустив глаза он добавил. — Вот что вас ждет, если вы не уедете.

При его словах рот девушки скривился. И Керанс понял, что задавая вопрос о том, как он спал последние ночи, Риггс не имел в виду его взаимоотношения с Беатрис.

Полковник продолжал:

— Добавлю, что от средиземноморских лагун к северу движется всякое отребье: грабители и мародеры, — и вам придется иметь дело с ними, а это малоприятно.

Беатрис перебросила свои длинные черные волосы через плечо.

— Я буду держать дверь на запоре, полковник.

Керанс не выдержал:

— Ради бога, Беатрис, что вы пытаетесь доказать? Пока еще вы можете забавляться, шокируя нас своими шуточками, но когда мы уйдем, вам будет не до веселья. Полковник искренне хочет вам помочь, но вообще-то ему наплевать, останетесь вы или нет.

Риггс коротко рассмеялся.

— Что ж, я оставлю вас. А если вам так неприятны мои заботы о вашей безопасности, мисс Дал, спишите их на счет моего гипертрофированного чувства долга.

— Это любопытно, полковник, — саркастически заметила Беатрис. — А я-то всегда полагала, что наш долг — оставаться здесь до последней возможности. Во всяком случае, — тут в ее глазах мелькнуло привычное выражение язвительного юмора, — так утверждал мой дед, в те давние дни, когда правительство конфисковало большую часть его недвижимости. — Она заметила, что Риггс через ее плечо смотрит на бар. — Ищите своего носителя опахала? Я не собираюсь предлагать вам выпить. Ваши люди и так поднимаются сюда лишь пьянствовать.

Риггс поднялся.

— Хорошо, мисс Дал. Я ухожу. Увидимся позднее,

доктор. — Он с улыбкой козырнул Беатрис. — Завтра я пришлю катер за вашими вещами, мисс Дал.

После ухода Риггса Керанс откинулся в кресле и с показным вниманием стал наблюдать за вертолетом, кружившимся над соседней лагуной. Иногда вертолет опускался почти к самой воде, и тогда воздушная волна от винта срывала с папоротников листья и сбрасывала с ветвей итуан. Беатрис достала бутылку из бара и присела на скамеечку у ног Керанса.

— Я не хочу, чтобы вы думали обо мне так же, как этот человек, Роберт. — Она протянула ему напиток, опираясь локтями в его колени. Обычно Беатрис выглядела спокойной и самоуверенной, но сегодня она была печальной и утомленной.

— Простите, — сказал Керанс. — Возможно, я еще сам не все осознал. Ультиматум Риггса был и для меня неожиданностью. Я не думал, что придется уходить так внезапно.

— Вы останетесь, Роберт?

Керанс промолчал. Автоматический проигрыватель перешел от пасторали к седьмой симфонии Бетховена. Весь день без перерыва он мог проигрывать цикл из девяти симфоний. Керанс задумался, медля с ответом, печальная мелодия седьмой симфонии отвечала его колебаниям.

— Наверное, останусь, хотя не знаю, почему. Возможно, что эти лагуны напоминают мне затонувший мир моих прапредков. Хотя одни эмоции не могут быть причиной. Должны иметься куда более веские основания. Все, что говорит Риггс, жестокая правда. Очень мало шансов выжить при тропических штормах и малярии.

Он положил ей руку на лоб, определяя температуру, как у больной.

— Что Риггс имел в виду, когда говорил, что вы не сможете хорошо спать? Он упомянул об этом сегодня уже вторично.

Беатрис на мгновение отвела взгляд.

— О, ничего. Две прошлые ночи меня мучили кошмары. И то же у большинства людей здесь. Забудьте это... Ответьте мне, Роберт, серьезно — если я решу остаться, останетесь ли вы? Вы сможете поселиться здесь...

Керанс улыбнулся.

— Пытаетесь соблазнить меня, Беа? Что за вопрос. Вы не только самая прекрасная женщина здесь, вы вообще единственная женщина. Нет ничего более необходимого,

чем альтернатива. У Адама не было эстетического чувства, но и имея его, он не смог бы понять как прекрасна Ева, поскольку...

— Вы нынче откровенны. — Беатрис встала и подошла к краю бассейна. Она обеими руками перебросила волосы на лицо, ее гибкое тело сверкало в солнечных лучах. — Но разве все действительно так безысходно, как утверждает Риггс? У нас останется крейсер.

— Он поврежден. Первый же серьезный шторм потопит его как ржавую жестянку.

Ближе к полудню, когда жара на террасе стала невыносимой, они оставили дворик и перешли внутрь. Двойные венецианские стекла пропускали лишь часть солнечного света, воздух внутри был прохладен. Беатрис растянулась на длинной, покрытой какой-то шкурой бледно-голубого цвета, софе; рука ее играла мехом. Это здание принадлежало деду Беатрис и было ее домом с тех пор, как вскоре после ее появления на свет, умерли ее родители. Выросла она под присмотром деда, одинокого чудаковатого промышленного магната. Керанс не знал источников его богатства; когда он спросил об этом Беатрис вскоре после того, как они с Риггсом обнаружили под крышей небоскреба ее двухэтажную квартиру, она кратко ответила: «Скажем так, у него было много денег». В прежние времена этот богач был известным меценатом. Вкус его был эксцентричен и причудлив, и Керанс часто размышлял, насколько же его личность отразилась во внучке. Над камином висела большая картина Дельво — сюрреалиста XX века; на ней женщина с обезьяньим лицом, обнаженная до пояса, танцевала со скелетами в смокингах на фоне многоцветного пейзажа. Другую стену украшали фантасмагорические джунгли Макса Эрнста.

Некоторое время Керанс молча смотрел на тусклое желтое солнце, пробивавшееся через экзотическую растительность на картине Эрнста; неясное чувство воспоминания и узнавания появилось у него. Вид этого древнего солнца что-то будил в глубинах его подсознания.

— Беатрис!

Она смотрела на него, пока он шел к ней.

— В чем дело, Роберт?

Керанс помедлил, чувствуя, что с этого момента жизнь его делает поворот, вступая в полосу непредсказуемых потрясений и перемен.

— Вы должны осознать, что если Риггс уйдет без нас, позже мы сами уйти не сможем. Хорошо, остаемся!

К новой психологии

Поставив свой катамаран на якорь у причальной площадки, Керанс по трапу поднялся на базу. Подойдя к двери в защитной сетке, он обернулся и сквозь волны зноя, заливавшего лагуну, рассмотрел на другом берегу у балконных перил фигуру Беатрис. Он помахал ей рукой, но она отвернулась, не отвечая.

— Сегодня у нее плохое настроение, доктор? — сержант Макреди вышел из каюты охраны, на его лице с острым, как клюв, носом изобразилось подобие усмешки. — Она — необычная личность, не правда ли?

Керанс пожал плечами.

— Как понять этих девушек, слишком давно живущих в одиночестве, сержант? Если вы позволите, они быстренько сведут вас с ума. Я старался убедить ее собрать вещи и отправиться с нами. Вряд ли мне это удалось.

Макреди заинтересованно рассматривал крышу далекого небоскреба на противоположном конце лагуны.

— Я рад это слышать, доктор, — заметил он уклончиво, и Керанс так и не понял, относится ли его скептицизм к Беатрис или к нему самому.

Останутся они или нет, но Керанс решил делать вид, что они уходят вместе с отрядом: каждую минуту из последующих трех дней следовало использовать для увеличения их запасов; нужно было тайком унести со складов базы как можно больше необходимого оборудования. Керанс все еще не решился окончательно — вдали от Беатрис сомнения снова охватили его, и он уныло размышлял, насколько искренна была она с ним — эта Пандора с ее смертоносным ртом и ящичком, полном желаний и разочарований, с легко открывающейся и столь же легко захлопывающейся крышкой. Он знал, что колебания ясно читаются на его лице, и это мучило, ведь и Риггс, и Бодкин легко могли понять его состояние, и все-таки он решил не ставить точку до последней возможности. Он хоть и не любил эту базу, но знал, что вид уплывающей станции подействует на него, как мощный катализатор страха и паники, и тогда любые надуманные причины его отказа уехать не помогут ему выдержать это испытание. Го назад он случайно остался один на небольшом рифе. Ему довелось проводить дополнительное геомагнитное исследование, и он не услышал сирену, так как снимал показания

приборов в глубокой пещере. Когда десять минут спустя он выбрался наружу и обнаружил, что база находится в шестистах ярдах от берега, причем расстояние между ними увеличивается, он ощутил себя как ребенок, внезапно лишившийся матери. Тогда он волевым усилием преодолел страх, и успел выстрелить из сигнального пистолета.

— Доктор Бодкин просил меня проводить вас в лазарет, как только вы приедете, сэр. Лейтенанту Хардману сегодня утром стало хуже.

Керанс кивнул и осмотрел пустую палубу. Он пообедал с Беатрис, зная, что база все равно в эти часы после полудня пустует. Половина экипажа находилась на катере Риггса или в вертолете, остальные спали в своих каютах, и он рассчитывал без помех осмотреть склады и арсенал базы. К сожалению, Макреди, этот сторожевой пес полковника, шел за ним следом, нога в ногу и собирался сопровождать до лазарета на палубе В.

Керанс показал рукой на пару комаров-анофелесов, пробравшихся сквозь проволочную сетку.

— Все еще пролезают, — упрекнул он Макреди. — А что слышно на счет второго ряда заграждений, который вам поручили установить?

Сбивая комаров фуражкой, Макреди неуверенно огляделся. Второй ряд экранов из проволочной сетки вокруг всей базы был любимым проектом полковника Риггса. Время от времени он приказывал Макреди выделить для их установки людей, но так как эта работа на неудобных деревянных козлах под прямыми солнечными лучами в облаке москитов никого не привлекала, то до сих пор было установлено лишь несколько секций вокруг каюты Риггса. Теперь, когда они должны были отступить на север, нужда во втором ряде ограждений вообще отпадала, но пуританская совесть Макреди продолжала терзаться.

— Сегодня же вечером начнем, доктор, — заверил он Керанса, доставая из кармана ручку и блокнот.

— Решайте сами, сержант, но если более важных дел не найдется, полковник будет доволен.

Керанс оставил сержанта, осматривающего металлические жалюзи, и пошел по палубе. Когда Макреди не мог его видеть, он свернул в первую же дверь.

На палубе С, самой нижней из трех палуб базы, располагались каюты экипажа и камбуз. Два или три человека находились в каютах, но кают-компания пустовала, только в углу, со стола для настольного тенниса, тихо доносилась музыка из радиоприемника. Керанс подождал,

прислушиваясь к резким ритмам гитары, перекрываемым отдаленным гулом вертолета, кружившего над соседней лагуной, затем по центральному трапу спустился в трюм, где находились мастерские и арсенал базы.

Три четверти трюма были заняты двухтысячесильным дизелем, вращавшим два винта и резервуарами с маслом и авиационным бензином; мастерские частично переместили на палубу А, так как там пустовало несколько помещений, а механикам, обслуживающим вертолет, удобнее было работать наверху.

Когда Керанс вошел в трюм, здесь царил полумрак. Единственная слабая лампа горела в стеклянной будке техника; арсенал был закрыт. Керанс осмотрел ряды тяжелых деревянных стоек и шкафов с карабинами и автоматами. Стальной прут, проходивший сквозь кольца всех карабинов, закреплял их на месте; Керанс трогал тяжелые ложа, размышляя, смог ли бы он вынести оружие, даже если бы его удалось освободить из крепления. В ящике его стола на испытательной станции лежал кольт сорок пятого калибра с пятьюдесятью патронами, полученный три года назад. Раз в год он предъявлял это оружие и получал к нему новые патроны, но ему ни разу так и не довелось стрелять из него.

На обратном пути, он внимательно разглядывал темно-зеленые ящики с амуницией, сложенные в аккуратный штабель; все ящики были закрыты на висячие замки. Проходя мимо будки техника, он увидел, что тусклый свет оттуда осветил ярлыки на ряде металлических сосудов под одним из рабочих столов.

Керанс остановился, просунул пальцы через проволочную сетку, стер пыль с ярлыков, и прочел написанную на них формулу: «Циклотрайнтиленетринитрамин; скорость расширения газа — восемь тысяч метров в секунду».

Размышляя над возможным применением взрывчатки, — было бы эффектно отметить уход Риггса взрывом одного из затопленных зданий и тем самым перекрыть водный доступ к убежищу, — он оперся локтем о стол, бездумно играя медным трехдюймовым компасом, оставленным для починки. Шкала прибора была чистой и поворачивалась на сто восемьдесят градусов, при этом стрелка упиралась в меловую отметку.

Все еще думая о взрывчатке и необходимости раздобыть детонаторы и бикфордов шнур, Керанс стер меловую отметку, поднял компас и взвесил его в руке. Выйдя из арсенала, он поднялся по лестнице; освобожденная стрел-

ка компаса дрожала. Мимо, по палубе С, прошел матрос, и Керанс быстро спрятал компас в карман.

Представив себе, как одним нажатием рукоятки он перебрасывает Риггса, испытательную станцию и всю базу в далекую лагуну, Керанс заставил себя остановиться у перил. Улыбаясь абсурдности своего замысла, он поразился, как мог дойти до таких фантазий.

Потом он заметил корпус компаса, торчащий из кармана. Некоторое время он задумчиво глядел на прибор.

— Остынь, Керанс, — пробормотал он. — Пока что ты живешь двумя жизнями.

Пять минут спустя, Керанс входил в лазарет, где его ждали более срочные проблемы.

Три человека находились в лазарете из-за тепловых ожогов, но остальная часть палаты на двенадцать коек пустовала. Керанс кивнул санитару, накладывающему пенициллиновые повязки, и прошел к маленькой одиночной палате у правого борта.

Дверь была заперта, но Керанс слышал из-за нее безостановочное тяжелое скрипение койки, сопровождаемое раздраженным бормотанием пациента и ровным голосом доктора Бодкина. Какое-то время Бодкин произносил сдержанный монолог, затем прозвучало несколько возмущенных реплик и воцарилось молчание.

Лейтенант Хардман, старший пилот вертолета (теперь вертолетом управлял его помощник сержант Дейли), был вторым по старшинству офицером в отряде. До последних трех месяцев он был заместителем Риггса и осуществлял командование в отсутствие полковника. Породный, умный, но, пожалуй, излишне флегматичный человек лет тридцати, он сторонился остальных членов отряда. Будучи натуралистом-любителем, он вел собственные наблюдения изменяющейся фауны и флоры и разрабатывал свою классификацию изменений. В один из редких моментов добродушного настроения он показал эти записи Керансу, но забрал их назад, когда Керанс мягко указал, что его систематизация ошибочна.

Первые два года Хардман являлся прекрасным буфером между Риггсом и Керансом. Большая часть экипажа получала распоряжения, в основном, через лейтенанта, и это, по мнению Керанса, было большой удачей, так как более нетерпимое второе по старшинству лицо в отряде могло бы сделать общую жизнь невыносимой. С легкой руки Хардмана в их небольшом коллективе сложились свободные взаимоотношения, при которых новоприбывший

через пять минут становился полноправным членом экипажа, и никто не допытывался, где он был и чем занимался два дня или два года назад. Когда Хардман организовывал баскетбольный матч или регату на лагуне, это не доводилось до абсурда: нежелание кого-либо принять участие в состязании встречалось с вежливым пониманием.

Недавно, однако, в характере Хардмана начали проявляться иные черты. Два месяца назад он пожаловался Керансу на постоянную бессонницу. Нередко из окон Беатрис Дал Керанс далеко за полночь видел в лунном свете лейтенанта, стоявшего у вертолета на крыше базы и глядевшего на тихую лагуну. Затем Хардман, сославшись на малярию, отказался от своих ежедневных полетов. Запершись на неделю в каюте, он погрузился в странное состояние, перечитывая свои давние записи и перебирая пальцами, как слепой, изучающий азбуку Брайля, или переставляя сосуды с чучелами бабочек и гигантских насекомых.

Заболевание было несложно распознать... Керанс узнал симптомы, которые наблюдал у себя самого: ускоренное вступление в «зону перехода» — и поместил лейтенанта в лазарет, попросив Бодкина регулярно навещать его.

Однако, Бодкин отнесся к болезни Хардмана гораздо серьезнее.

Распахнув дверь, Керанс вошел в затемненную палату и остановился в углу у вентилятора, так как Бодкин предостерегающе поднял руку. Жалюзи на окнах были опущены, и, к удивлению Керанса, был выключен кондиционер. Воздух в комнате был ненамного прохладнее наружного — кондиционер же никогда не позволял температуре подниматься выше семидесяти градусов. Но Бодкин не только отключил кондиционер, но и включил небольшой электрический камин... Керанс вспомнил, как Бодкин мастерил этот камин на испытательной станции, закрепляя вокруг зеркала для бритья нить накаливания. Мощностью немногим больше одного киловатта, камин, казалось, посылал невыносимый жар, и через несколько секунд Керанс ощутил, как пот струится по его телу. Бодкин, сидевший в легком металлическом кресле спиной к теплу, был одет в свой белый шерстяной жакет, на котором виднелись две широкие влажные полосы пота, и в тусклом багровом свете Керанс видел, как по его коже скатывались капли, похожие на раскаленный добела свинец.

Хардман лежал, опираясь на локоть, широкая грудь и плечи его были обнажены, к ушам прикреплены два на-

ушника. Его узкое лицо с крупными тяжелыми челюстями повернулось к Керансу, но глаза не отрывались от электрического пламени. Отраженный параболическим экраном багровый диск трех футов в диаметре освещал стену каюты.

Этот диск окружал голову Хардмана как огромный сверкающий нимб. Слабые скребущие звуки слышались из портативного проигрывателя, стоящего на полу у ног Бодкина — на диске проигрывателя вращалась небольшая пластинка. Они чем-то напоминали мерные удары далекого барабана. Но вот Бодкин выключил проигрыватель. Он быстро записал что-то в своем блокноте, затем он отключил камин и зажег лампу у кровати больного.

Медленно качая головой Хардман отцепил наушники и протянул их Бодкину.

— Пустая трата времени, доктор. Эта запись бессмысленна. Вы можете дать ей любое произвольное толкование.

Он вытянул свои тяжелые ноги на узкой койке. Несмотря на жару, на его лице и обнаженной груди почти не было пота, и он следил за меркнувшей спиралью камина с очевидным сожалением.

Бодкин поднялся, поставил проигрыватель на стул и вложил в него наушники.

— Вы не правы, лейтенант. Это нечто вроде звуковых пятен Роршаха. Вы не находите, что последняя запись была более четкой?

Хардман неопределенно пожал плечами, не соглашаясь с Бодкиным, но и не желая вступать в спор. Но несмотря на это, Керанс понял, что лейтенант охотно участвует в этом эксперименте, преследуя какие-то собственные цели.

— Может быть, — нехотя произнес Хардман. — Но думаю, что это не имеет никакого смысла.

Бодкин улыбнулся, он ждал возражений Хардмана и готов был спорить с ними.

— Не сомневайтесь, лейтенант; поверьте мне, это время потрачено не зря. — Он поманил Керанса. — Идите к нам, Роберт; правда здесь чертовски жарко — мы с лейтенантом Хардманом проводили небольшой эксперимент. Я расскажу вам о нем, когда мы вернемся на станцию. Теперь, — он указал на два будильника, обращенные задними стенками друг к другу и соединенных системой перемычек, похожей на лапы двух сцепившихся пауков, — пусть эта штука действует постоянно, для вас будет совсем не трудно заводить оба будильника через двенадцать

часов. Они будут будить вас каждые десять минут — это время, достаточное для отдыха, но в то же время вы не успеете погрузиться в глубокий сон с его подсознательными видениями. Думаю, кошмаров больше не будет.

Хардман скептически усмехнулся, бросив быстрый взгляд на Керанса.

— Я думаю, вы слишком оптимистичны, доктор. На самом деле вы, наверное, полагаете, что я должен научиться не бояться своих снов, отдавая себе о них полный отчет... — Он взял в руки толстую зеленую папку, свой ботанический дневник, и стал механически листать страницы. — Порой мне кажется, что я вижу сны непрерывно, каждую минуту дня и ночи. Возможно, мы все видим их.

Его тон был мягким и неторопливым, несмотря на утомление, иссушившее кожу у его глаз и рта, отчего крупные челюсти выдавались еще больше, а щеки впали. Керанс понял, что болезнь, какой бы она ни была, не затронула основу личности Хардмана. Жесткая независимость лейтенанта оставалась такой же твердой, как и раньше, может, даже усилилась, как будто стальное лезвие рассекло какой-то барьер и высвободило скрытые силы организма.

Бодкин вытирал лицо желтым шелковым носовым платком и внимательно смотрел на Хардмана. Грязный шерстяной жакет, полное безразличие к своему туалету и одутловатая, желтая от хинина кожа делали его похожим на потрепанного знахаря, но под этим обликом скрывался своеобразный и острый интеллект.

— Может быть, вы правы, лейтенант. Действительно, существует теория, согласно которой сознание есть ни что иное, как особая разновидность каталептического бреда, а способности и возможности центральной нервной системы во время сна столь же велики, как и в период бодрствования. И все-таки, мы должны удовлетвориться первым приближением к истине и постараться излечить то, что возможно? Вы согласны со мной, Керанс?

Керанс кивнул. Температура в каюте начала снижаться и дышать стало легче.

— Нам поможет смягчение климата, — снаружи послышался удар, как будто одна из лодок, висевших на шлюпбалках, стукнулась о борт базы. — Атмосфера лагуны вызывает слишком большое нервное напряжение, — добавил он. — Я уверен, что через три дня, когда мы уйдем отсюда, все почувствуют себя лучше.

Он предполагал, что Хардману уже сказали о скором

уходе, однако лейтенант бросил на него острый взгляд и отложил свою папку. Бодкин громко откашлялся и вдруг принялся разглагольствовать о вреде сквозняков от вентилятора. Несколько секунд Керанс и Хардман смотрели друг другу в глаза, затем лейтенант кивнул сам себе и продолжил чтение, предварительно взглянув на будильники.

Злясь на себя, Керанс отошел к окну, повернувшись к остальным спиною. Он сознавал, что умышленно предупредил Хардмана об отъезде, надеясь на вполне определенную реакцию и точно зная, почему Бодкин не сообщил больному эту новость. Без тени сомнения он намекнул Хардману, что если тот задумал что-то, то на все приготовления ему отпущено всего три дня.

Керанс окинул раздраженным взглядом спаренные будильники на столе, анализируя собственное поведение. Вначале бессмысленная кража компаса, затем эта беспричинная эскапада. Ему и раньше доводилось ошибаться, но тогда он верил, что его промахи возмещаются одним достоинством — полным и точным пониманием причин и целей своих действий. Так, если сейчас он никак не мог принять решение об отъезде, то причиной тому была не рефлексия, а нежелание действовать, пока он полностью не разберется в своем отношении к Беатрис Дал.

В тщетной попытке успокоить свою совесть, он обратился к Хардману:

— Не забудьте часы, лейтенант. На вашем месте я добился бы, чтобы они звонили регулярно.

Покинув госпиталь, они спустились на пристань и взобрались в катамаран Керанса. Слишком утомленный, чтобы заводить мотор, Керанс греб вдоль троса, натянутого между базой и испытательной станцией. Бодкин сидел на носу, опустив проигрыватель, похожий на почтовый ящик, между ног и глядя как нос лодки рассекает вялую зеленую воду, отбрасывающую резкие яркие блики. Его потное лицо, заросшее неопрятной серой щетиной, казалось изможденным; он о чем-то думал, посматривая на кольцо полузатонувших зданий, как усталый корабельный лоцман, в тысячный раз входящий в родную гавань. Когда они приблизились к испытательной станции, с ее крыши с ревом сорвался вертолет; корпус станции закачался, по воде пошла рябь, каскад брызг обрушился на их плечи. Бодкин выругался, но через несколько секунд они вновь были сухими. Хотя время уже приближалось к пяти часам дня, солнце заполняло небо, превращая его в пылающий

костер и вынуждая их опускать глаза к поверхности воды. Вновь и вновь в стеклянных стенах окружающих зданий они видели бесчисленные отражения солнца, преследующие их, как языки пламени, как сверкающие фасеточные глаза гигантского насекомого.

Испытательная станция представляла собой двухэтажный барабан около пятидесяти футов в диаметре и грузоподъемностью в двадцать тонн. На нижней палубе находились лаборатории, на верхней — каюты двух биологов, штурманская рубка и кают-компания. Над крышей станции был перекинут небольшой мостик, на котором помещались приборы, измеряющие температуру и влажность воздуха, количество осадков и уровень радиации. Груды сухих летучих семян и бурых водорослей корой покрывали асфальтовые плиты понтона; сморщенная и сожженная солнцем, эта бесформенная масса смягчила удар лодки о корпус станции, медленно расступаясь, как огромный творожный ком.

Они вошли в прохладную полутьму лаборатории и уселись за свои столы под сводом выгоревших таблиц и графиков, которые занимали всю стену до потолка и, отмеченные следами плесени и кофейного пара, напоминали древние фрески. Таблицы слева, выполненные в первые годы их работы, были испещрены подробными записями, различными ярлыками и вычерченными стрелами, но на таблицах справа записи быстро редели, и на последних было лишь несколько карандашных пометок, отражавших важнейшие экологические параметры. Многие из таблиц оторвались от стены и беспорядочно болтались, напоминая листы обшивки покинутого корабля. Некоторые свернулись в беспорядочную груду у стены и были покрыты краткими и бессмысленными надписями.

Машинально гладя циферблат компаса, Керанс ждал, что Бодкин объяснит ему свой эксперимент с Хардманом. Но доктор удобно устроился у своего стола, окинул взглядом беспорядочную кучу папок и ящичков с картотеками на нем, затем открыл проигрыватель и достал из него диск, осторожно поворачивая его в руках.

— Хочу извиниться за свой промах, — начал Керанс. — Не стоило говорить об отъезде через три дня. Я не думал, что вы скрываете это от Хардмана.

Бодкин пожал плечами, показывая, что происшедшее не заслуживает обсуждения.

— Состояние Хардмана сложное, Роберт. Мне кажется, что я близок к разгадке и рассчитываю двигаться дальше без помех.

— Но, с другой стороны, почему бы и не сказать ему? — возразил Керанс, слабо надеясь уменьшить чувство своей вины. — А вдруг, перспектива близкого отъезда как раз и выведет его из летаргии.

Бодкин лениво сдвинул очки на самый кончик носа и саркастически поглядел на Керанса.

— Кажется, на вас эта новость так не подействовала, Роберт. Если я не ошибаюсь, вы не в восторге. Так почему же реакция Хардмана должна быть иной.

Керанс улыбнулся.

— Сдаюсь, Алан. Я не буду вмешиваться и целиком оставляю Хардмана вам, но что это вы задумали, для чего этот электрический камин и будильники?

Бодкин поставил пластинку на небольшой стеллаж за своей спиной, где находилось много таких же дисков. Он повернулся к Керансу и некоторое время смотрел на него тем же спокойным, но проницательным взглядом, каким ранее изучал Хардмана, и Керанс понял, что их связывает теперь не просто общая работа, но и отношения испытателя с объектом изучения. После паузы Бодкин отвернулся к таблицам на стене, и Керанс невольно улыбнулся. Он сказал себе: «Чертов старик, теперь он занес меня в свои схемы рядом с морскими водорослями и моллюсками; в другой раз он опробует свой проигрыватель и на мне».

Бодкин встал и указал на три ряда лабораторных столов, уставленных банками с образцами; к крышке каждой банки был прикреплен ярлык.

— Скажите мне, Роберт, если бы вам предложили суммировать результаты нашей работы за последние три года, то что бы вы сказали?

Некоторое время Керанс колебался, затем небрежно махнул рукой.

— Это не так уж трудно. — Он видел, что Бодкин ожидает серьезного ответа, и собирался с мыслями. — Что же, можно утверждать, что под влиянием повышения температуры, влажности и уровня радиации флора и фауна планеты начали возвращаться к тем формам, которые были распространены на Земле при таких же условиях, точнее говоря — в Триасовую эру.

— Верно, — Бодкин начал прохаживаться между столами. — На протяжении последних трех лет мы с вами, Роберт, изучили не менее пяти тысяч образцов животных и буквально десятки тысяч новых разновидностей растений. Везде мы наблюдали одно и то же: бесчисленные мутации направленные на выживание организмов в изменив-

шихся условиях. Повсюду мы наблюдали лавинообразное возвращение в прошлое — настолько массовое, что немногие сложные организмы, сохранившиеся на прежнем уровне развития выглядят странными аномалиями: это немногие земноводные, птицы и... человек. Любопытно, что детально систематизируя возвращение в прошлое у многочисленных растений и животных, мы игнорируем... наиболее важный организм планеты.

Керанс засмеялся.

— Преклоняюсь перед вами, Алан. Что же вы предполагаете — что хомо сапиенс превращается в кроманьонца, яванского человека или даже синантропа? Трудно поверить, что вы стараетесь вывернуть наизнанку теорию Ламарка.

— Согласен. Этого я не собираюсь делать. — Бодкин наклонился над одним из столов, набрал полную горсть арахиса и бросил маленькой обезьянке, сидевшей в клетке неподалеку. — Хотя несомненно, что через две или три сотни миллионов лет хомо сапиенс вымрет и эта наша маленькая кузина останется высшей формой жизни на планете... Однако биологический процесс развивается не прямолинейно. — Он достал из кармана шелковый носовой платок и протянул его обезьянке, которая вздрогнула и отскочила. — Если мы возвратимся в джунгли, то быстро станем чьим-нибудь обедом.

Он подошел к окну и взглянул сквозь густую проволочную сеть, которая пропускала лишь солнечный свет. Погруженная в жару, лагуна была неподвижной, клочья пара колыхались над водой, как гигантские привидения.

— В действительности я думаю совсем о другом. Разве меняется только внешность? Как часто многим из нас казалось, что все это мы уже видели когда-то, что мы каким-то образом помним эти болота и лагуны? Однако наше сознание и подсознание хранят эти картины выборочно, большинство из них — это воспоминания об угрозе и ужасе. Ничто не сохраняется так долго, как страх. Где-то в глубинах организма имеются древние, миллионнолетнего возраста, механизмы, которые спали на протяжении тысяч поколений, но сохранили свои возможности нетронутыми. Классический тому пример — реакция выращенной в лаборатории полевой мыши на силуэт ястреба. Даже вырезанный из бумаги, силуэт этот, поднесенный к клетке, заставляет мышь в панике искать спасения. А как иначе можно объяснить всеобщее, но беспричинное отвращение к паукам, хотя есть лишь один, да и то редкий вид, ко-

торый опасен для человека? Или не менее удивительную — из-за их безобидности — неприязнь к ящерицам? Да просто мы все храним память о тех временах, когда огромные разнообразные виды пауков были смертельно опасны, когда ящеры были господствующей формой жизни на планете.

Ощущая тяжесть медного компаса в кармане, Керанс сказал:

— Значит, вы полагаете, что рост температуры и радиации пробудят эти механизмы в нашем сознании?

— Не в сознании, Роберт. Информация о развитии нашего вида закодирована в каждой хромосоме и в каждом гене. Каждый шаг, сделанный нами на пути эволюции, — века, закрепленная в органической памяти — от энзимов, контролирующих углеродно-кислородный цикл, до сплетения нервов спинного мозга и миллиардов клеток головного мозга — везде зафиксированы тысячи решений, принятых в периоды внезапных физико-химических кризисов. Как психоанализ восстанавливает психические травмы, перенесенные человеком в детстве, так и мы теперь, открывая древнейшее табу, заглядываем в археопсихическое прошлое, спавшее целые эпохи. Краткий период индивидуальной жизни не должен вводить нас в заблуждение. Каждый из нас столь же стар, как и весь животный мир, а наши кровеносные сосуды — струи огромного моря всеобщей памяти. Одиссея зародыша в утробе матери воспроизводит всеобщее эволюционное прошлое, а его центральная нервная система — это заполненная временная шкала, где каждый позвонок представляет собой символическую остановку.

Чем ниже по уровням центральной нервной системы мы станем спускаться — от головного мозга через спинной к костному — тем глубже будем отступать в прошлое. Например, узел между грудной клеткой и поясничным позвонком — есть великая переходная зона между рыбами, дышащими с помощью жабр, и земноводными, дышащими легкими, — по времени примерно соответствующий тому, что мы наблюдаем теперь на берегах лагуны — между палеозойской и триасовой эрами.

Бодкин возвратился к своему столу и провел рукой по стопке папок. Слушая его спокойный и неторопливый голос, Керанс подумал, что ряд черных дисков напоминает модель спинного мозга. Он вспомнил слабые удары барабана, воспроизведенные проигрывателем в каюте Хардмана, и те странные ощущения, которые вызвал у него этот звук.

Бодкин продолжал:

— Если желаете, можно назвать это психологией всеобщего эквивалента, а для краткости — невроникой, или отбросить как метабиологическую фантасмагорию. Однако я уверен, что по мере того, как мы возвращаемся в геофизическое прошлое Земли, мы возвращаемся назад и в подсознании, переходя от одной геологической эпохи к другой, со свойственной каждой из них уникальной флорой и фауной, как путешественник на машине времени Уэллса. И это не чисто внешнее изменение, а всеобщая переориентация личности. Если мы позволим призракам подсознания овладеть нами, они безжалостно потопят нас, как обломки разбитого судна. — Он выбрал один из дисков, затем с неуверенным видом отложил его в сторону. — Сегодня в эксперименте с Хардманом я пошел на риск, используя камин для того, чтобы поднять температуру до ста двадцати градусов, но опыт не удался. В течение трех недель он противился своим кошмарам, но в последние несколько дней смирился с ними и позволил им увлекать себя в прошлое без всякого сознательного контроля. Для его здоровья нужно, чтобы он больше бодрствовал, — для этого и нужны будильники.

— Если он станет заводить их, — хладнокровно парировал Керанс.

Снаружи послышался шум катера Риггса. Подойдя к окну, Керанс смотрел, как катер по крутой дуге приближается к базе. Когда катер причалил, Риггс некоторое время о чем-то совещался с Макреди. Несколько раз он указывал своей дубинкой на испытательную станцию, и Керанс был уверен, что они обсуждают ее буксировку. Однако он оставался неподвижным. Рассуждения Бодкина и его новая модель психики — невроника — дали вполне четкое объяснение переменам, происходившим в его сознании. Убежденность директора Объединенных Наций в том, что в пределах нового периметра, очерченного Арктическим и Антарктическим кругами, жизнь будет продолжаться, как раньше, с прежними социальными и семейными нормами, была явно ошибочной, и это становилось все очевиднее по мере того, как повышение уровня воды и температуры заставляло сдавать полярные редуты один за другим. Чем составлять карты новых заливов и лагун, следовало решать более важную задачу — исследовать меняющуюся психологию человечества.

— Алан, — обронил он через плечо, все еще глядя на жестикулирующего на пристани Риггса, — почему вы не

шлете доклад в Берд, я думаю, их необходимо поставить в известность! Всегда остается шанс, что...

Но Бодкин уже вышел. Керанс слышал, как его шаги слабо прозвучали на лестнице и замерли в каюте, усталые шаги человека, слишком старого и слишком опытного, чтобы беспокоиться о чем-либо, что лично его не касалось.

Керанс подошел к своему столу и сел. Он извлек из кармана компас и положил перед собой. Вокруг раздавались обычные приглушенные звуки лабораторной жизни — бормотание обезьянок, мышиная возня...

Керанс не спеша осматривал компас, слегка поворачивая шкалу, затем выровнял стрелку. Он пытался понять, для чего взял компас из арсенала. Компас был снят с одной из моторных лодок, и скоро его отсутствие обнаружится, и тогда Керансу придется испытать неловкость, придумывая объяснение краже прибора.

Продолжая задумчиво разглядывать компас, он увидел, что колеблющаяся стрелка неизменно останавливалась на точке «юг», и эта надпись действовала на Керанса с чарующей силой, как пьянящие пары из какой-то колдовской чаши.

Глава 4

Солнечные мостовые

На следующий день пропал лейтенант Хардман. Причины его бегства стали полностью понятны Керансу лишь много времени спустя.

После глубокого ночного сна Керанс поднялся рано и позавтракал около семи утра. Затем около часа он отдыхал на балконе, откинувшись в шезлонге и подставив свое стройное бронзовое тело лучам утреннего солнца, заливающего темную поверхность воды. Небо над головой было ярким и крапчатым, черная чаша лагуны по контрасту казалась необыкновенно глубокой и неподвижной, как огромный колодец в солнечный день. Поросшие растениями здания, возвышавшиеся по краям лагуны, выглядели необыкновенно древними, вырвавшимися из земных недр в результате какой-то чудовищной природной катастрофы, и забальзамированными на время, минувшее с момента их появления.

Покрутив в руках медный компас, сверкавший в полутьме комнаты, Керанс прошел в спальню и надел тре-

нировочный костюм цвета хаки, показав тем самым, что он помнит предупреждение Риггса об отъезде. Он лишь усилил бы подозрения полковника, выйдя в пляжном ансамбле, украшенном эмблемой отеля «Риц».

Хотя он и не отбросил возможности остаться здесь после ухода отряда, Керанс чувствовал себя фатально неспособным к каким-либо систематическим приготовлениям. Кроме запасов горючего и пищи, которые в последние полгода полностью зависели от щедрости полковника Риггса, он нуждался в несметном количестве различных вещей и деталей оборудования, начиная от умывальника и кончая проводкой для электроосвещения в комнатах. Как только база с ее складами уплывет, он быстро попадет в осаду множества мелких и крупных неприятностей, и рядом не будет техников, готовых придти на помощь.

Для удобства интендантов и для того, чтобы избежать себя от частых поездок на базу и обратно, Керанс хранил месячный запас консервированных продуктов у себя в отеле. В основном это было сгущенное молоко и сушеное мясо, фактически несъедобное без добавки специй, хранившихся в глубоком холоде у Беатрис. У нее имелся вместительный холодильник с паштетами, филе и другими деликатесами, но и их хватило бы всего на несколько месяцев. Потом им придется ограничить свое меню супом из водорослей и мясом игуан.

Топливо представляло более серьезную проблему. В резервуарах дизельного горючего отеля «Риц» осталось немногим более пятидесяти галлонов, этого могло хватить для работы кондиционеров в течение нескольких месяцев. Отказавшись от нескольких комнат, перестав пользоваться моторкой и подняв среднюю температуру в помещениях до девяноста градусов, он мог вдвое увеличить этот срок, но когда запасы горючего окончательно иссякнут, шансы пополнить их будут ничтожными. Все хранилища и тайники в заброшенных зданиях вокруг лагун были давно уже опустошены толпами беженцев, в течение тридцати лет перебиравшихся к северу на моторных лодках и кораблях. На катамаране находился бак с тремя галлонами, этого было достаточно лишь для тридцатимильной экскурсии, или для того, чтобы ежедневно навещать Беатрис в течение месяца.

Однако, по каким-то причинам, перспектива этой вынужденной робинзонады — добровольного пребывания в необитаемом районе без надежды, что спасительный ко-

рабль, полный запасов и инструментов потерпит крушение на рифах — мало тревожила Керанса. Покидая отель, он как всегда, оставил термостат на уровне восьмидесяти градусов, хотя и понимал, что драгоценное топливо расходуется впустую; он не хотел даже мельком думать об опасностях, которые будут окружать их после ухода отряда Риггса. Вначале он считал, что это означает уверенность в том, что здравый смысл все равно победит, однако позже, плывя по спокойной маслянистой поверхности к протоке в следующую лагуну, он понял, что это его равнодушие вызвано твердым решением остаться. Используя символический язык схемы Бодкина, можно было сказать, что он добровольно отказывается от тех привычных условий жизни, которые выработала цивилизация. Он готовился к погружению в прошлое, в необозримые глубины времен, где каждый временной промежуток означал целую геологическую эру. На этой временной шкале минимальное деление имело цену в миллион лет, и проблемы пищи и одежды становились для него столь же неуместными, как и для буддиста, погрузившегося в созерцание лотоса над чашей риса перед ликом миллионноглавой кобры вечности.

Войдя в третью лагуну и раздвигая веслом десятифутовые листья хвощей, преграждавшие ему путь, Керанс без особого волнения обнаружил, что отряд под руководством сержанта Макреди поднял якорь испытательной станции и плавно буксирует ее к базе. Расстояние между ними сокращалось, как занавес, сдвигающийся после заключительного акта, а Керанс бесстрастно смотрел на это, стоя на корме своего катамарана, — наблюдатель из-за кулис, чья роль в этом представлении, и без того ничтожная, теперь совершенно исчерпана.

Чтобы не обратить на себя внимание шумом мотора, он укрылся под пологом гигантских листьев папоротников и медленно греб вдоль периметра лагуны к особняку Беатрис. Внезапно взревел мотор на вертолете, будто столкнувшись с преградой: волны, поднятые при буксировке станции, достигли катамарана и начали колотить в его правый борт. Крейсер Беатрис жалобно заскрипел на своих швартовах. Его штурманская рубка была наполовину затоплена, а корма под тяжестью двух больших дизелей Крайслера погрузилась до уровня воды. Раньше или позже один из тепловых порывов сорвет его с якоря и затянет судно на глубину в 50 футов, на одну из затопленных улиц.

Когда он вышел из лифта, дворик вокруг бассейна был пуст, стаканы, неубранные со вчерашнего вечера, стояли на подносе между опрокинутых кресел. Солнце начало проникать в помещение, освещая желтых морских коньков и голубые трезубцы, выложенные на полу. Несколько летучих мышей висели в тени водосточного желоба над окном спальни Беатрис, но когда Керанс подошел, они улетели, как вампиры, боящиеся дневного света.

Через стекло Керанс увидел, вернее уловил движение Беатрис. Через несколько минут она вышла во дворик, набросив на себя большое черное полотенце. В тени дворика и она казалась усталой и удрученной. Увидев Керанса, Беатрис приветствовала его взмахом руки. Опираясь локтями о бар, она смешала себе напиток, незряче взглянула на одну из картин Дельво и ушла.

Поскольку она не спешила выйти снова, Керанс отправился на поиски. Толкнув стеклянную дверь, он почувствовал, как ему в лицо ударила волна горячего воздуха. Очевидно, как это уже случалось несколько раз за последние месяцы, испортился термостат и температура немедленно начала подниматься, чем частично и объяснялась летаргия и апатия Беатрис.

Керанс нашел ее сидящей на кровати с бокалом виски на коленях. Жаркий воздух комнаты напомнил Керансу каюту Хардмана во время эксперимента, проводимого Бодкиным над лейтенантом. Керанс подошел к термостату и передвинул стрелку с семидесяти до шестидесяти градусов.

— Он снова барахлит, — равнодушно сказала Беатрис. — Генератор испортился.

Керанс попробовал отобрать у нее стакан с виски, но она отвела его руку.

— Оставьте меня, Роберт, — сказала она уставшим голосом. — Да, я неряшливая, пьяная женщина, но эту ночь я провела в марсианских джунглях, и у меня нет сил выслушивать нотации.

Керанс внимательно посмотрел на нее и постарался скрыть свою болезненную и горькую улыбку.

— Посмотрю, нельзя ли починить генератор. Спальня пахнет так, как будто вы провели ночь с целым батальоном солдат. Примите душ, Беа, и постарайтесь взять себя в руки. Риггс уходит завтра, и мы должны кое о чем позаботиться. Что за кошмары вас мучают?

Беатрис пожала плечами.

— Джунгли, Роберт, — неопределенно пробормотала

она. — Эту ночь я провела в джунглях на берегу реки. — Она слабо улыбнулась ему, затем добавила с оттенком мрачного юмора. — Не смотрите так сурово, скоро у вас будут такие же сны.

— Надеюсь, что нет. — Керанс с неприязнью смотрел, как она подносит стакан к губам. — Уберите выпивку. Возможно, виски на завтрак и древний шотландский обычай, но это самоубийственно.

Беатрис отмахнулась.

— Знаю. Алкоголь убивает медленно, но и я ведь не тороплюсь. Идите, Роберт.

Керанс встал и отправился по лестнице на кухню этажом ниже, там он нашел светильник, ящик с инструментами и отправился ремонтировать генератор.

Полчаса спустя, когда он вернулся во дворик, Беатрис уже наполовину очнулась от апатии и любовно красила ногти синим лаком.

— Салют, Роберт, у вас теперь настроение лучше?

Керанс уселся на кафельный стол, стирая последние остатки смазки с рук. Он шутливо шлепнул Беатрис по ноге и проворно увернулся от ее пятки.

— Я исправил генератор; к счастью, поломка была незначительной, и теперь у вас не будет беспокойств.

Он хотел еще что-то сказать, но тут раздался многоголосый шум. Со стороны базы слышались звуки внезапного бурного аврала: скрежетали запускаемые моторы, визжали шлюпбалки под тяжестью запасных моторных лодок, спускаемых на воду, звучали команды, возгласы и топот ног.

Керанс поднялся и подошел к перилам на краю бассейна.

— Неужели они решили уйти сегодня? Может, Риггс решил застать нас врасплох?

Стоя рядом с Беатрис, продолжавшейся кутаться в полотенце, он смотрел на базу. Казалось, были мобилизованы по тревоге все члены отряда: катер и две моторные лодки готовились к отплытию. Медленно вращались лопасти винта вертолета, в который садились Риггс и Макреди. Остальные толпились на причале, ожидая своей очереди на посадку в корабли. Даже Бодкина вытащили из его каюты; он, по пояс голый, стоял у борта испытательной станции и что-то кричал Риггсу.

Вдруг Макреди заметил Керанса. Он сказал что-то Риггсу, тот схватил мегафон и подошел к краю крыши.

— КЕ-РАНС!! ДОК-ТОР КЕ-РАНС!!

Обрывки громогласных фраз перекатывались по крышам, отдаваясь эхом в разбитых окнах. Керанс приставил руки к ушам, стараясь понять, что кричит Риггс, но все заглушал рев вертолета. Риггс и Макреди забрались в кабину, и пилот начал передавать Керансу сигналы через ветровое стекло кабины.

Керанс принял сообщение, переданное ему азбукой Морзе, отошел от перил и быстро двинулся к своей лодке.

— Они подберут меня здесь, — сказал он Беатрис. Вертолет в это время взлетел и по диагонали начал пересекать лагуну. — Вы лучше оденьтесь. Ветер от винта сорвет с вас это полотенце, как папиросную бумагу. Риггс очень спешит.

Беатрис помогла ему свернуть навес над двориком и ушла в комнаты, когда мелькающие тени от винта заполнили дворик. Уходя, она бросила через плечо:

— Но что случилось, Роберт? Почему Риггс так возбужден?

Керанс прикрывая уши от рева и всматриваясь в зеленую лагуну, почувствовал, как во внезапном приступе тревоги задергались углы его рта.

Он не возбужден, он просто встревожен. Пропал лейтенант Хардман.

Джунгли, как огромная разлагающаяся язва, простирались под открытым люком вертолета. Гигантские водоросли вздымались с крыш затонувших зданий, густо покрывая белые прямоугольники. Тут и там из болот поднимались остатки старых крепостных стен, воздвигнутых некогда, чтобы остановить напор воды; временные причалы все еще колыхались у полуразрушенных зданий офисов и учреждений, покрытые акациями и цветущими тамарисками. Узкие протоки, которые перебросившаяся с одного берега на другой растительность превратила в тоннели, тянулись от больших центральных лагун, сливаясь в каналы шириной до шести сотен ярдов каждый. Эти каналы обозначали границы прежних жилых массивов. Везде виднелись потоки ила, скапливающегося у железнодорожных насыпей или остатков зданий и просачивающегося сквозь затонувшие арки, как из гигантской клоаки. Большинство мелких озер уже заполнилось илом, желтые диски плесени и грибов покрывали поверхность тины, а вокруг плесени вздымалась обильная поросль конкурирующих растений — обнесенный стеной безумный райский сад.

Крепко привязанный к корпусу вертолета нейлоновым шнуром, охватывавшим его талию и плечи, Керанс смотрел вниз, на развертывающийся ландшафт, следуя взглядом по водным путям, шедшим из центральной лагуны. Пятью сотнями футов ниже тень вертолета плыла по пестрой зеленой поверхности воды, и он сконцентрировал внимание на местности рядом с тенью. Изобилие животной жизни, заполнявшей протоки и каналы, потрясало: водяные змеи скользили среди затонувших в воде бамбуковых стволов, стаи летучих мышей вырывались из зеленых тоннелей, как переносимые ветром облака сажи, в темных углах неподвижно, как каменные сфинксы, сидели игуаны. Часто, как бы потревоженная шумом вертолета, возникала человеческая фигура среди полузатопленных строений, но затем выяснялось, что это крокодил, стерегущий добычу, или комель затонувшего ствола, торчащий из чащи папоротников.

На расстоянии двадцати миль горизонт все еще был затянут утренним туманом, огромные завесы золотистого пара тянулись к небу, как полупрозрачные покрывала, но воздух над городом был чист и ясен, а выхлопные газы вертолета в отдалении превращались в странную волнистую надпись. После того, как они по спирали удалились от центральной лагуны, Керанс перестал смотреть вниз и загляделся на этот загадочный текст, оставленный вертолетом.

Надежды отыскать Хардмана с воздуха были ничтожны. Если только он не скрывался в одном из зданий рядом с базой, то мог избрать любой из водных путей, а там имелось сколько угодно проток, закрытых сверху смыкающимися джунглями.

В кормовом люке продолжали свою вахту Риггс и Макреди, рассматривая окрестности через бинокли. Без обычной фуражки, с тонкими, песочного цвета волосами, развевающимися вокруг лица, полковник выглядел, как взъерошенный рассерженный воробей; раскрытым ртом он ловил набегающий воздух.

Заметив, что Керанс смотрит в небо, он крикнул:

— Ищите его, доктор! Не теряйте времени зря, для успешных поисков нужна предельная концентрация внимания.

Получив замечание, Керанс вновь принялся рассматривать вырезаемый овалом люка и наклоненный диск джунглей внизу; высокие башни центральной лагуны являлись как бы осью, относительно которой кружил верто-

лет. Бегство Хардмана было обнаружено санитаром лазарета в восемь часов утра, но постель его была холодна и оставлена, несомненно, вскоре после вечернего осмотра в девять тридцать. Все шлюпки были на месте, но Хардман легко мог связать вместе несколько пустых бочек от горючего, кучей сваленных на палубе С, и бесшумно спустить их на воду. Такой плот, хотя и примитивный, легко держался на воде, и за ночь на нем можно было уплыть за десять миль; следовательно, район поисков составлял около трехсот квадратных миль, каждый акр которых был полон полузатонувших зданий.

Так как он не смог поговорить с Бодкиным перед тем, как подняться на борт вертолета, Керанс мог лишь предполагать о причинах, побудивших Хардмана оставить базу. Он не знал, было ли это запланировано заранее или поступок Хардмана был реакцией на внезапное сообщение о том, что отряд через три дня уходит. Первоначальное возбуждение Керанса исчезло, он испытывал странное чувство облегчения, как будто одна из цепей, сковывающих его, лопнула с исчезновением Хардмана. Однако, теперь остаться после ухода отряда будет еще сложнее.

Освободившись от ремней безопасности, Риггс встал с жестом раздражения и протянул бинокль одному из двух солдат, скорчившихся на полу в глубине кабины.

— Сплошное прочесывание на территории подобного типа — пустая трата времени, — крикнул он Керансу. — Мы приземлимся где-нибудь и внимательно изучим карту, а вы поможете нам анализом психологии Хардмана.

Они были в десяти милях к северо-западу от центральной лагуны, башни которой по-прежнему виднелись сквозь туман на горизонте. В пяти милях позади, непосредственно между ними и базой, двигалась одна из моторных лодок, курсировавшая по открытому каналу, за ней вился пенный след, рассекавший поверхность воды. В эту область проникло сравнительно мало ила, так как путь ему преграждали многочисленные здания юга города, растительность была реже и среди зданий виднелись многочисленные зеркала открытой воды. Тем не менее зона под ними была без следов человеческой деятельности, и Керанс чувствовал, хотя никаких доказательств у него и не было, что Хардмана в этом северо-западном секторе они не обнаружат.

Риггс перебрался в кабину летчика, и через мгновение скорость и направление полета изменились. Они спустились до высоты в сто футов и закружили в поисках под-

ходящей для посадки крыши. В конце концов они отыскали полузатонувшее здание кинотеатра и медленно опустились на квадратную крышу над неоассирийским портиком.

Короткое время они разминали ноги, вглядываясь в поверхность сине-зеленой воды. Ближайшим строением от них было отдельно стоящее здание мэрии в двухстах ярдах, и открывшаяся картина напоминала Керансу описанное Геродотом древнее наводнение в Египте с его окруженными валами городами, подобными островам Эгейского моря.

Риггс достал свою карту и расстелил ее на полу вертолета у входа в кабину. Локтем упираясь в края люка, он указал пальцем их местонахождение.

— Видите, сержант, — сказал он Дейли, — мы почти на полпути в Берд. Но ровно ничего не достигли, только сожгли порядочно топлива.

Дейли кивнул, его небольшое серьезное лицо под фиберглассовым щитком шлема оставалось спокойным.

— Сэр, я полагаю, единственная возможность его найти — это тщательно обыскать несколько основных направлений. Тогда есть шанс, что мы что-то обнаружим — плот или масляное пятно.

— Согласен. Но проблема именно в том и заключается, — Риггс постучал по карте своей дубинкой, — где искать. Хардман, вероятно, не далее чем в двух-трех милях от базы. Как вы считаете, доктор?

Керанс пожал плечами.

— Я не знаю, что двигало Хардманом, полковник. Он полностью находился на попечении Бодкина. Возможно...

Он замолчал, так как Дейли прервал его другим предложением, заинтересовавшим Риггса. Следующие пять минут полковник, Дейли и Макреди оживленно обсуждали возможные пути бегства Хардмана, рассматривая только широкие водные пути, как будто Хардман сбежал на корабле. Керанс смотрел на воду, бурлившую в водовороте вокруг кинотеатра. Несколько ветвей и клубков водорослей проплыли, подгоняемые течением с севера, яркое солнце тысячью бликов отражалось в воде. Мерный шум волн, ударявших в портик под его ногами, отдавался в мозгу, постепенно погружая его в безвольное созерцание. Он следил, как небольшие волны безуспешно пытаются захлестнуть крышу и мечтал уйти от всех, кинуться прямо вниз, под воду, раствориться в своих бредовых видениях, вившихся, как птичьи стаи, погрузиться навсегда в темно-зеленую и искрящуюся солнцем воду моря.

Внезапно без тени сомнения он понял, где искать Хардмана.

Он выждал, пока Дейли закончит фразу:

— ... я знаю лейтенанта Хардмана, сэр, налетал с ним около пяти тысяч часов, у него случались приступы душевного смятения. Тогда он мечтал вернуться в Берд и не мог ждать даже дня. Я думаю, что он направился на север, и сейчас отдыхает где-нибудь на открытом канале недалеко от города.

Риггс с сомнением кивнул, не убежденный, но готовый последовать совету сержанта, за неимением другого.

— Может, вы и правы. Можно попытаться. А как вы считаете, Керанс?

Керанс покачал головой.

— Полковник, искать к северу от города — пустая трата времени. Хардмана тут нет, здесь слишком открытое и изолированное место. Я не знаю, пошел ли он пешком, или поплыл на плоту, но он никогда не направится на север: Берд последнее на земле место, где бы он хотел оказаться... Есть только одно направление, в котором следует искать Хардмана — юг. — И Керанс указал на пучок нескольких каналов, ведших из центральной лагуны. — Здесь, в трех милях к югу, за болотами ила начинается большой водный поток. Хардман где-то там. Вероятно, поиски главного канала заняли у него всю ночь, и я уверен, что сейчас он отдыхает в одном из небольших заливов, с тем, чтобы ночью двинуться дальше.

Он замолчал, а Риггс, надвинув на лоб свою фуражку, с сосредоточенным видом уставился на карту.

— Но почему юг? — возражал Дейли. — Ведь за этим каналом нет ничего, кроме сплошных джунглей и открытого моря. Температура все время повышается — он просто поджарится.

Риггс посмотрел на Керанса.

— Сержант Дейли прав, доктор. Зачем Хардману двигаться на юг?

Не отрывая взгляда от воды, Керанс ровным голосом ответил:

— Полковник, любое другое направление исключено.

Риггс задумался, затем взглянул на Макреди, подошедшего к Керансу; высокая сутулая фигура сержанта, черневшая на солнце, делала его похожим на ворона. Он украдкой кивнул Риггсу, отвечая на невысказанный вопрос. Даже Дейли шагнул к кабине вертолета, как бы со-

глашаясь с Керансом, признавая, что только психолог может понять причины поступков Хардмана.

Через три минуты вертолет на полной скорости мчался к южным лагунам.

Как и считал Керанс, они отыскали Хардмана среди илистых отмелей на юге.

Опустившись до трехсот футов над водой, они принялись тщательно осматривать участок большого канала в пять миль длиной... Огромные груды ила поднимались над поверхностью, как спины гигантских кашалотов... Там, где гидродинамические условия позволяли скоплениям ила задержаться, с крыш сползали джунгли и укоренялись в грязи, превращая подвижный ил в прочную почву. Керанс из люка осматривал узкие берега под покровом папоротников, отыскивая признаки замаскированного плота или примитивной хижины.

Через минут двадцать Риггс, однако, с разочарованием отвернулся от люка.

— Возможно, вы и правы, Роберт, но это мартышкин труд. Хардман не дурак, если он захочет спрятаться, мы никогда не найдем его. Даже если он высунется из окна и станет махать нам, десять к одному, что мы его не заметим.

Керанс что-то пробормотал в ответ, глядя вниз. Он смотрел на полукруглое здание, стоявшее на пересечении главного канала и небольшого протока, скрывавшегося в джунглях. Верхние восемь или девять этажей этого здания поднимались над водой, окруженные низким валом из грязно-коричневого ила. Поверхность ила рябила множеством луж. Два часа назад отмель представляла собой широкую полосу вязкой трясины, но к десяти утра, когда над ней пролетал вертолет, грязь начала высыхать и затвердевать. Керансу, прикрывавшему глаза от яркого света, показалось, что на поверхности отмели на некотором расстоянии друг от друга тянутся две полосы, ведущие к балкону здания. Когда они подлетели ближе, он попытался заглянуть под бетонную плиту балкона, но этому мешали свисающие ветви растений.

Он притронулся к руке Риггса и указал ему на полосы, настолько завладевшие его вниманием, что он поначалу даже не заметил между ними отчетливых следов, несомненно принадлежавших высокому и сильному человеку, который тянул за собой тяжелый груз. Посадив вертолет на крышу, Риггс и Макреди вышли, перелезли на балкон и обнаружили там примитивный катамаран, спрятанный

среди мусора. Он был изготовлен из двух пустых бочек, привязанных к краям рамы от кровати. Двойной корпус катамарана был покрыт влажным илом. Следы человеческих ног вели от катамарана в комнату и исчезали в коридоре.

— Это, несомненно, он — согласны, сержант? — сказал Риггс, выступая вперед на солнечный свет и рассматривая полукруглое строение.

Это был целый комплекс зданий, связанных между собой переходами и лестницами. Большинство окон его было разбито, облицовка из кафельных плит кремового цвета покрыта плесенью, и все это вместе выглядело, как кусок перезрелого камамбера.

Макреди нагнулся над одной из бочек, счистил грязь и прочел кодовое обозначение.

— УНАФ 22-Н-549 — это наш номер, сэр. Горючее из бочек слито вчера, мы сгрузили их на палубе С. А раму он взял в лазарете после вечернего осмотра.

— Отлично. — Потирая руки с довольным видом, Риггс подошел к Керансу и одобрительно улыбнулся. Самоуверенность и хорошее расположение духа полностью вернулись к нему. — Отлично, Роберт. Верх диагностического мастерства: вы, конечно, оказались абсолютно правы. — Он испытующе взглянул на Керанса, как бы размышляя над причинами осведомленности доктора. — Не грустите, Хардман поблагодарит вас, когда мы отыщем его.

Керанс стоял на краю балкона, под ним матово блестел наплыв подсыхающего ила. Он смотрел на безмолвные проемы окон, размышляя, куда мог спрятаться Хардман.

— Надеюсь, вы правы. Но мы еще не нашли его.

— Не волнуйтесь, найдем. — Риггс отдал команды двум солдатам, помогавшим на крыше Дейли привязывать вертолет. — Уилсон, начните поиски в юго-западном углу; Колдуэлл, вы направитесь на север. Будьте осторожны, он может оказать сопротивление.

Оба отсалютовали и двинулись, держа наготове карабины. Макреди взял в руки автомат Томпсона, а Риггс расстегнул кобуру своего пистолета. Керанс спокойно сказал:

— Полковник, мы ведь не выслеживаем бешеную собаку.

Риггс отмахнулся:

— Успокойтесь, Роберт, просто я не хочу, чтобы мне откусил голову крокодил. К тому же, если хотите знать, —

тут он одарил Керанса ослепительной улыбкой, — Хардман прихватил с собой кольт сорок пятого калибра.

Оставив Керанса переваривать это сообщение, он поднес к губам электромегафон.

— ХАРДМАН! ЗДЕСЬ ПОЛКОВНИК РИГГС!!! — он бросил имя Хардмана в молчащий зной и, взглянув на Керанса, добавил. — ДОКТОР КЕРАНС ХОЧЕТ ПОГОВОРИТЬ С ВАМИ, ЛЕЙТЕНАНТ!! ДОКТОР КЕРАНС!

Сфокусированный полукругом зданий, его призыв пролетел над болотами и протоками, эхом отдаваясь вдали. Вокруг них все плавилось от невыносимого зноя, и люди на крыше мучились в громоздкой военной амуниции. Тяжелое зловоние струилось от полей ила, покрывало из миллионов насекомых пульсировало и плотоядно жужжало над ними; внезапный позыв тошноты стиснул пищевод Керанса, на миг вызвав у него головокружение. Стиснув ладонями лоб, он прислонился к столбу, слушая переклик эхо. Звуки его имени — Керанс... Керанс... Керанс... казались Керансу воплями ужаса и отчаяния. В четырехстах ярдах из зарослей выступали две башни с белыми циферблатами часов, и бессмысленное расположение часовых стрелок поразило его больше, чем все окружающее.

Собственное имя все еще слабо отдавалось в ушах Керанса, когда они приступили к осмотру здания. Он занимал позицию в центре, в то время как Риггс и Макреди шли по бокам, сохраняя бдительность и осторожность по мере того, как они поднимались по этажам. Доски пола прогнили или были вырваны, и они медленно двигались по перекрытиям среди разбитых кафельных инкрустаций, осторожно перебираясь от одной анкерной балки к другой. Большая часть штукатурки отвалилась от стен и серыми кучами валялась вдоль плинтусов. Там, где проникало солнце, стенная дранка была покрыта вьющимися растениями или мхом, и казалось, что здание еще не рушится лишь потому, что поток растительности, рвущейся через все коридоры в каждую комнату, поддерживает его.

Через щели пола поднимался гнилостный запах грязной воды из затопленных нижних этажей. Потревоженные летучие мыши срывались с покосившихся перил и в панике летели к окнам, с криками испуга исчезая в бриллиантовом сиянии солнца. Ящерицы выбегали из щелей в полу и скользили по сухим бассейнам и ванным.

Обостренная жарой нервозность Риггса все возрастала по мере того, как они взбирались выше и ничего не находили. Сейчас они были уже под самой крышей.

— Ну, где же он? — Риггс, прислонившись к перилам и тяжело дыша сквозь зубы, жестом разрешил всем отдохнуть и вслушаться в молчание здания. — Отдых в течение пяти минут, сержант. Будьте начеку... Он где-то недалеко.

Макреди перекинул ружье через плечо и взобрался на следующую лестничную площадку, где был слабый ветерок. Керанс прислонился к стене, пот струился у него по спине и по шее, кровь в висках пульсировала от напряжения. Было одиннадцать тридцать, и температура снаружи достигла ста двадцати градусов. Керанс смотрел на блестевшее от пота багровое лицо Риггса, восхищаясь самообладанием и выдержкой полковника.

— Не смотрите так снисходительно, дорогой Роберт. Я знаю, что взмок, как загнанная лошадь, но сегодня я отдыхал куда меньше вас.

Они с вызовом взглянули друг на друга, каждый не хотел конфликта, и Керанс, стараясь снять напряженность, сдержанно сказал:

— Теперь мы его наверняка найдем, полковник.

В поисках места, где можно было бы присесть, он немного прошел по коридору и толкнул первую попавшуюся на его пути дверь.

От его движения дверь рухнула, превратившись в груду мусора и источенных червями досок; перешагнув через эту груду, Керанс приблизился к широкому французскому окну, выходящему на балкон. Из окна веяло легкое дуновение; Керанс, подставив ветерку лицо и грудь, пристально рассматривал джунгли внизу. Мыс, на котором находился полукруг зданий, был одновременно невысоким холмом, и несколько зданий, расположенных по его другую сторону, были совсем не тронуты водой. Керанс смотрел на две часовые башни, возвышавшиеся как обелиски над зарослями папоротников. Горячий воздух полудня, казалось, придавил все вокруг, как полупрозрачное одеяло, зелень была неподвижна, лишь изредка слегка шевелилась случайная ветка, и легкая водяная рябь отбрасывала вокруг миллионы пятен света. Классический портик и фасад с колоннадой, различимые под часовыми башнями, подсказывали, что прежде тут находился муниципалитет. На одном из циферблатов стрелок не было; другой, как ни странно, показывал точное время — одиннадцать тридцать пять. Керанс призадумался, были ли эти часы на самом деле исправны, не заводил ли их какой-нибудь безумный отшельник, цепляющийся за точное время, как за последние остатки здравого смысла; впрочем, если механизм

действительно исправен, роль этого пустынника вполне мог сыграть Риггс. Несколько раз, когда они покидали затонувшие города, полковник заводил заржавевшие механизмы башенных часов, и они отплывали под звуки прощального перезвона колоколов. В следующие ночи Керанс часто видел во сне Риггса в костюме Вильгельма Телля. Полковник шагал по пустыне, напоминавшей картины Дали, и сажал в расплавленный песок растекающиеся и гнущиеся солнечные часы.

Керанс перегнулся через окно глядя на часы и ожидая, когда дрогнет минутная стрелка. А может, стрелки были неподвижны (ведь и остановившиеся часы дважды в сутки показывают правильное время).

Размышления Керанса приняли другое направление, когда он увидел за грудой развалин маленькое кладбище; верхушки надгробий торчали из воды, как группа купальщиков. Он вспомнил страшный погост, над которым они однажды проплывали. Богато украшенные надгробия треснули и раскололись; трупы с распустившимися волосами кружили в воде, будто во время зловещей генеральной репетиции страшного суда.

Опустив глаза, он отвернулся от окна и вдруг увидел, что в двери неподвижно стоит высокий чернобородый человек. Керанс настороженно глядел на этого мужчину, так резко ворвавшегося в его размышления. Тот стоял сгорбившись, его тяжелые руки свободно свисали по бокам. Корка засохшей грязи покрывала его грудь и лоб, ботинки и брюки тоже были в грязи, и на мгновение Керанс вновь вспомнил воскресшие трупы. Заросший подбородок мужчины свисал между широких плеч, впечатление громоздкости усугублялось тем, что форменная голубая куртка медицинского служителя, изготовленная из грубой бушлатной ткани, была на несколько номеров меньше, чем нужно; капральские нашивки топорщились на мощном плече. Он глядел на Керанса с угрюмой отчужденностью, глаза его лихорадочно блестели.

Керанс подождал, пока глаза его привыкнут к полутьме комнаты, непроизвольно глядя на дверь, через которую прошел бородач. Он протянул к нему руку, боясь разрушить чары, державшие его в неподвижности, предупреждая незнакомца, чтобы он не двигался; своему лицу он постарался придать выражение доброжелательного понимания.

— Хардман! — тихо позвал он.

Как пораженный током, Хардман внезапно рванулся к

Керансу; огромным прыжком он преодолел половину разделяющего их расстояния, затем сделал обманное движение, как в баскетболе и, прежде чем Керанс пришел в себя, проскочил к окну, оказался на балконе и перемахнул через перила.

— Хардман!

Это один из людей на крыше поднял тревогу. Керанс кинулся к окну. Хардман, как акробат, спускался по водосточной трубе на нижний балкон. Риггс и Макреди вбежали в комнату. Придерживая фуражку, Риггс перегнулся через балюстраду, глядя, как Хардман скрывается в комнатах нижнего этажа.

— Ничего, Керанс, мы его возьмем! — вместе они выбежали в коридор и бросились вниз по лестнице, где четырьмя этажами ниже спускался Хардман, большими скачками перелетая с одной лестничной площадки на другую.

Когда они достигли самого низа, Хардман уже значительно опережал их, и с крыши слышались взволнованные крики. Но Риггс неподвижно замер на нижнем балконе.

— Боже, он пытается перетащить свой плот на воду!

В тридцати ярдах от них Хардман тянул свой катамаран по илистой отмели, перекинув через плечо веревку и дергая ее с нечеловеческой энергией.

Риггс вложил пистолет в кобуру и грустно покачал головой. До воды оставалось около пятидесяти ярдов, когда Хардман упал на колени, погрузившись во влажный ил и забыв о людях, наблюдающих за ним с крыши. Он отбросил веревку и, схватив обеими руками кроватную раму, пытался протащить ее дальше; от усилий голубая куртка лопнула у него на спине.

Риггс жестом приказал Уилсону спуститься с крыши.

— Бедняга, он совсем спятил. Доктор, вы ближе всех к нему, попробуйте его успокоить.

Они осторожно приблизились к Хардману. Пятеро человек: Риггс, Макреди, двое солдат с крыши и Керанс, медленно пробирались по корке ила, защищая глаза руками от яркого солнечного света. Как тонущий бизон, Хардман продолжал биться в тине в десяти ярдах от них. Керанс жестом приказал остальным не шевелиться и двинулся вперед вместе с Уилсоном, светловолосым юношей, который был ординарцем Хардмана... Размышляя как приступить к разговору с Хардманом, Керанс откашлялся, прочищая горло.

Внезапно с крыши донесся рев запускаемого двигателя

вертолета, разом осложнивший ситуацию. Шедший в нескольких шагах за Уилсоном Керанс остановился, глядя как Риггс в бешенстве замахал руками. Решив, что их миссия завершается, Дейли поспешил включить мотор, и лопасти винта начали медленно раскручиваться.

Оставив свои попытки дотащить катамаран до воды, Хардман поднял голову, осмотрел окруживших его людей и припал к земле. Уилсон, держа карабин наготове перед собой, продолжал осторожно продвигаться вперед, по краю илистой отмели, отрезая Хардмана от воды. Внезапно он провалился по колено, и прежде чем Керанс сумел его поддержать, Хардман выхватил свой кольт и выстрелил. Пламя из ствола пронзило раскаленный воздух, с коротким вскриком Уилсон упал на свой карабин, затем перевернулся на спину, зажав ладонью окровавленный локоть. Его фуражка слетела с головы и покатилась по илу.

Остальные начали отступать по склону, а Хардман, сунув револьвер за пояс, повернулся и помчался по краю отмели к зданиям, возвышавшимся среди джунглей в ста ярдах впереди.

Под усиливающийся рев вертолета, Макреди с солдатами устремились за ним. Риггс и Керанс помогли раненому Уилсону и продолжали двигаться, спотыкаясь в рытвинах, оставленных спешившими впереди. На краю илистой отмели начинались джунгли, огромной зеленой стеной, ярус за ярусом, возвышались папоротники. Без малейшего раздумья Хардман нырнул в узкий лаз между двумя древними стенами из булыжника и исчез в этом проходе. Макреди и Колдуэлл следовали за ним в двадцати ярдах.

— Не упускайте его, сержант! — закричал Риггс, когда Макреди заколебался, не решаясь идти вперед. — Мы сейчас его схватим, он начал уставать! — Обращаясь к Керансу, он добавил: — Боже, что за бойня! — и беспомощно указал на высокую фигуру Хардмана, с трудом продвигавшегося перед ними среди густых зарослей. — Что нам с ним делать? Он совсем ничего не воспринимает!

Уилсон смог идти без посторонней помощи и Керанс оставил его и побежал вперед.

— Все будет в порядке, полковник. Я постараюсь поговорить с Хардманом; может, мне удастся убедить его.

Проход кончился, и они оказались на небольшой площади, где несколько муниципальных зданий XIX века окружали украшенный скульптурной группой фонтан. Дикие орхидеи и магнолии обнимали серые конические колонны старого здания суда, миниатюрного лже-Парфе-

нона с тяжелым скульптурным портиком; хотя над площадью пронеслось не одно десятилетие, ее мостовая была почти нетронута. Рядом с особняком суда, окаймленном часовыми башнями, находилось другое сооружение с колоннадой — то ли библиотека, то ли музей. Его белые колонны сверкали на солнце, как побелевшие ребра гигантского ископаемого.

Наступил полдень, солнце заливало площадь резким жгучим светом; Хардман остановился и непонимающе посмотрел на преследователей, а затем по лестнице поднялся в здание суда. Сигнализируя Керансу и Колдуэллу, Макреди отступил к центру площади и занял позицию у фонтана.

— Доктор, идти туда слишком рискованно! Он может не узнать вас. Подождем, пока усиливающаяся жара окончательно обессилит его. Доктор...

Керанс не реагировал на его предостережение. Прикрывая ладонями глаза, он медленно продвинулся вперед по расколотым плитам и неуверенно поставил ногу на нижнюю ступень лестницы, ведшей в помещение суда. Он слышал, как где-то впереди, в тени, хрипло дышит Хардман, втягивая в легкие раскаленный воздух.

Заполнив площадь ревом, над ними медленно пролетел вертолет; Риггс с Уилсоном торопливо ушли с центра площади и следили, как машина развернулась и начала спускаться. Шум и жара сообща колотили Керанса по голове; ощущение было такое, будто его били одновременно тысячью дубинок. Вертолет начал резко спускаться, машина взревела и зависла над судом. Керанс торопливо укрылся вместе с Макреди у фонтана, а вертолет скользнул у них над головами и, задев хвостом портик суда, в облаке мраморных осколков и пыли тяжело опустился на булыжник площади, его поврежденный хвостовой винт вращался с натужным скрежетом. Дейли склонился над контрольным щитком, слегка оглушенный при посадке. Он тщетно старался привести в порядок свое разбитое лицо.

Вторая попытка поймать Хардмана тоже срывалась. Они собрались в тени портика музея, ожидая пока спадет жара. Освещенные ярким солнцем, здания напоминали Керансу меловые колоннады египетских некрополей. По мере того, как солнце поднималось к зениту, камни мостовой все более раскалялись. Время от времени приподнимаясь, чтобы дать Уилсону несколько гран морфия, Керанс видел остальных, лежащих в ожидании Хардмана и вяло обмахивающихся своими фуражками.

Где-то вскоре после полудня, он, очнувшись от дремоты, взглянул на площадь. Дома на другой стороне площади, за фонтаном, колыхались в нагретом воздухе, временами совсем исчезая из виду. Внезапно в центре площади у края фонтана возникла высокая человеческая фигура; потоки горячего воздуха искажали ее размеры, превращая в великана. Обожженное солнцем лицо и черная борода Хардмана казались куском угля, обрывки его одежды сверкали на солнце, как золотая парча.

Керанс привстал, ожидая, что Макреди последует за ним, но сержант, солдаты, а также Риггс сгрудились в беспорядочную кучу у портика, глаза их были опущены; казалось, они ослепли или же впали в транс.

Обогнув фонтан, Хардман медленно двинулся через площадь, временами исчезая в потоках света. Он прошел в двадцати футах от Керанса, который стоял на коленях за колонной, придерживая стонущего Уилсона и успокаивая его. Миновав вертолет, Хардман дошел до конца особняка и покинул площадь, направляясь к илистой отмели, находящейся в ста ярдах.

Сразу после его исчезновения яркость солнечного света резко уменьшилась.

— Полковник!

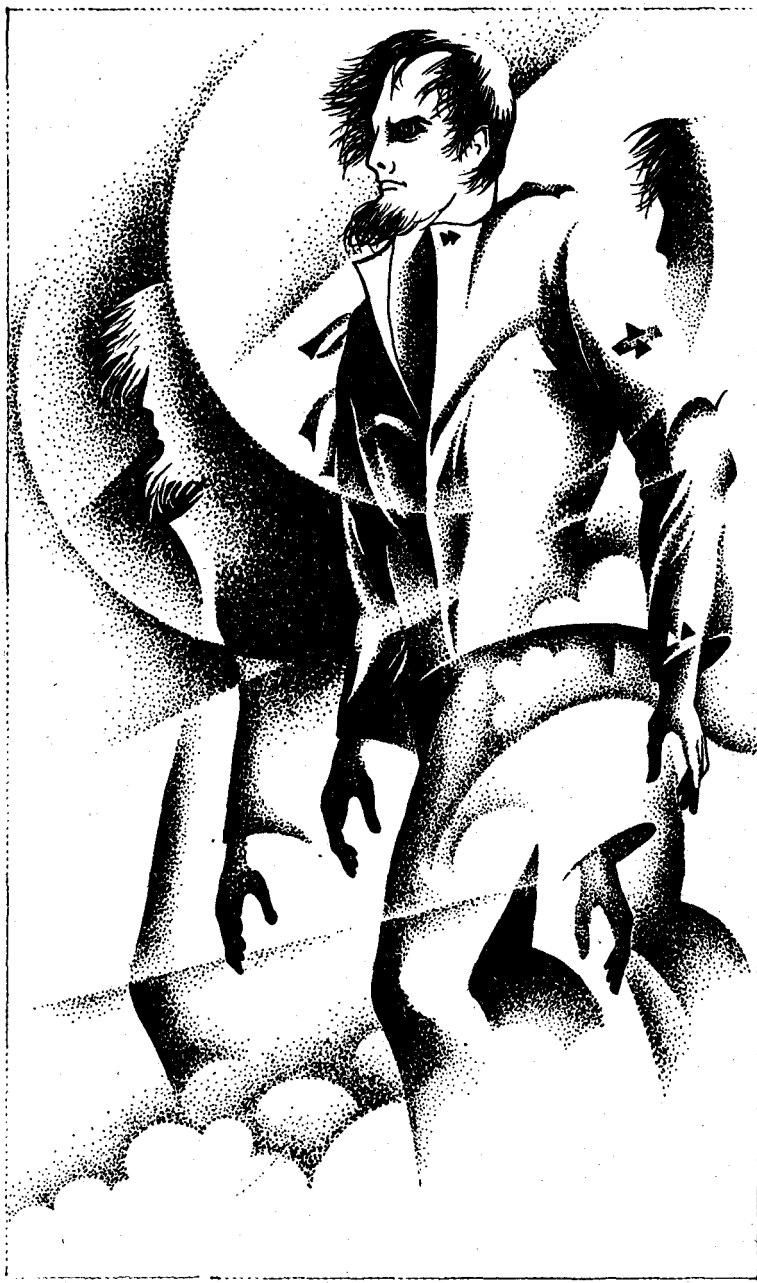
Макреди спускался по ступенькам, прикрывая глаза рукой и указывая ружьем на отмель. Риггс, без фуражки, с опущенными плечами, усталый и раздраженный, догнал его и удержал за локоть.

— Пусть идет, сержант. Мы не будем его задерживать. В этом нет никакого смысла.

В двухстах ярдах от них, в полной безопасности, Хардман продолжал идти, жара как будто не мешала ему.

Он уже достиг первого перекрестка, временами исчезая в клубах пара, поднимающегося из ила, как в густом тумане. Перед ним, сливаясь на горизонте с небом, простиралось бесконечное внутреннее море, так что Керансу казалось, будто Хардман движется по раскаленному пеплу прямо к солнцу.

Следующие два часа Керанс спокойно сидел у музея, ожидая прибытия катера, слушая вполуха раздраженное ворчание Риггса и слабые оправдания Дейли, пытавшегося поднять вертолет в воздух. Измученный жарой, он пытался вздремнуть, но неожиданный звук взведенного курка карабина подействовал на него, как удар сапогом. При-

влеченные шумом вертолета, сюда сбежались игуаны; теперь они прятались по углам площади, время от времени лая на людей, расположившихся на ступеньках музея. Их резкие голоса наполнили Керанса смутным страхом, который не оставлял его даже после прибытия катера и во время их возвращения на базу. Сидя в относительной прохладе под широким навесом и следя за убегающими назад зелеными берегами, Керанс все еще слышал их хриплый лай.

На базе он отвел Уилсона в лазарет, затем зашел к доктору Бодкину и описал ему утреннюю одиссею, все еще прислушиваясь к крикам игуан, звучащим в его мозгу. Бодкин, к его удивлению, заметил это и сказал:

— Будьте готовы, Роберт, вы еще не раз их услышите.

Бегство Хардмана он оставил без комментариев.

Катамаран Керанса все еще находился на другом берегу лагуны, поэтому он решил переночевать в своей каюте на испытательной станции. Здесь он мирно провел остаток дня, пытаясь справиться со своим нервным возбуждением, размышляя о странном влечении Хардмана к югу и об илистых отмелях, сверкающих при полуденном солнце, как расплавленное золото, одновременно отталкивающих и манящих, как утраченные и недосягаемые брега древнего рая.

Глава 5

Спуск в глубины времени

Позже, вечером, когда Керанс лег спать в своей каюте на испытательной станции, и темные воды лагуны струились через затонувший город и его сознание, к нему пришел первый сон. Он, покинув каюту, шел по палубе, глядя на черную сверкающую поверхность лагуны. Плотные столбы густого пара висели над его головой, поднимаясь до двухсот футов над поверхностью воды; через них с трудом просматривались очертания огромного солнечного круга. С глухим барабанным гулом светило посылало тусклое пульсирующее по всей округе свечение, на мгновения освещая высокие известковые скалы, кольцом обступившие лагуну, там где раньше высились белые здания.

Отражая этот вспыхивающий свет, глубокая чаша воды сверкала и переливалась; множество микроскопических животных в ее глубине образовывало бесконечный орнамент из светящихся ореолов. Среди них, рассекая гладь лагуны и сплетаясь в фантастические узоры, извивались тысячи змей и угрей.

Барабанный стук гигантского солнца слышался все ближе, оно заполнило все небо, густая растительность у известковых скал вдруг раздвинулась, открыв уродливые силуэты огромных ящеров триасовой эпохи. Неуклюже переваливаясь на краю скал, они дружно принялись реветь на солнце, шум все разрастался, пока не слился с вулканическим грохотом солнечных вспышек. Ощущая этот гул внутри себя, как собственный пульс, Керанс вместе с тем ощутил и гипнотическую притягательную силу ревущих ящеров, которые теперь казались частью его собственного организма. Рев разрастался, и Керанс почувствовал как барьеры, разделяющие на клеточном уровне его существо и этот древний мир, рушатся, и он, с глухим плеском погрузившись в теплую воду, поплыл вперед...

Он очнулся в душном металлическом ящике своей каюты; голова раскалывалась от боли, он был не в силах открыть глаза. Даже после того, как он сел на кровати и сполоснул лицо теплой водой из кувшина, он все еще ощущал тяжелое давление огромного горящего диска, все еще слышал биение его огромного сердца. В конце концов он понял, что то была пульсация его собственного сердца, но каким-то безумным образом звуки ее настолько усиливались, что напоминали удары подводных скал о стальные борта подводной лодки.

Этот стук продолжал преследовать его, когда он распахнул дверь каюты и пошел по коридору в камбуз. Время подходило к шести утра, испытательная станция была погружена в мертвую тишину, первые отблески рассвета падали на пыльные лабораторные столы и упаковочные корзины, грудой набросанные под веерообразными окнами в коридоре. Несколько раз Керанс останавливался, надеясь отделаться от эха, звучавшего в его ушах и размышляя про себя, в чем истинная причина этого удивительного состояния. Его подсознание быстро заполнялось защитными фобиями и навязчивыми идеями, невесть откуда ворвавшимися в его перегруженную психику, как будто он усваивал их телепатически. Рано или поздно прототипы этих страхов вырвутся наружу и начнут бороться друг с другом, зверь против личности, «я» против «оно»*...

---

* «Я и оно» — знаменитая работа Зигмунда Фрейда, излагающая центральный постулат психоанализа об иерархической сущности систем высшей нервной деятельности.

Внезапно он осознал, что Беатрис Дал видела такие же сны и взял себя в руки. Он вышел на палубу и посмотрел на противоположный берег лагуны, раздумывая, стоит ли взять одну из лодок, пришвартованных к базе, и отправиться к Беатрис. Теперь, пережив сам гнетущий ночной кошмар, он понял, какую волю и мужество проявила Беатрис, отвергая его сочувствие и поддержку.

Однако Керанс знал, что по некоторым причинам ему совсем не хочется сопереживать Беатрис, и он вовсе не будет допытываться о природе ее ночных кошмаров и никогда не предложит ей лекарства или успокоительные препараты. Не станет он теперь задумываться над постоянными предупреждениями Риггса и Бодкина о ночных кошмарах и их опасности. Он уже знал, что вскоре вновь увидит эти сны и примет их как неотвратимую часть жизни, как понимание неизбежности собственной смерти, которое каждый человек хранит где-то в глубинах своего сознания.

Бодкин сидел за столом в камбузе; когда Керанс вошел, он спокойно дегустировал кофе, сваренный на плите в большой потрескавшейся кастрюле. Он мягко, но пристально рассматривал Керанса, пока тот усаживался в кресло, потирая лоб слегка дрожащей рукой.

— Итак, отныне и вы присоединились к тем, кого посетили эти сны, Роберт. Вы испытали на себе гипноз миражей лагуны. У вас усталый вид. Это был глубокий сон?

Керанс коротко рассмеялся.

— Вы хотите запугать меня, Алан? Не могу сказать точно, но кажется, сон был довольно глубокий. Боже, зачем я остался на эту ночь здесь. В «Рице» у меня не было никаких кошмаров. — Он рассеянно отхлебнул горячий кофе. — Так вот что имел в виду Риггс. Многие ли из членов отряда видят эти сны?

— Сам Риггс не видит, но большинство — видят. И, конечно, Беатрис Дал. Мне они снятся уже почти три месяца. По сути это все один и тот же повторяющийся сон.

Бодкин говорил негромким неторопливым голосом, мягко, в отличие от своей обычной манеры, резкой и грубоватой, как если бы Керанс стал неофитом избранной группы, к которой принадлежал и сам Бодкин.

— Вы держались очень долго, Роберт, это говорит о большой прочности защитных механизмов вашего сознания. Мы все уже удивлялись вашему столь сильному иммунитету. — Он улыбнулся Керансу. — В переносном смысле, конечно. Я никогда не обсуждал эти сны ни с кем.

Кроме Хардмана, естественно. Бедняга, они полностью овладели им.

В раздумьи он добавил:

— Вы обратили внимание на солнечную пульсацию? Пластинка, что я проигрывал Хардману, была записью его собственного пульса. Я рассчитывал таким образом вызвать кризис. Не думайте, что я добивался, чтобы он бросился на зов джунглей.

Керанс кивнул и взглянул через окно на полукруглый корпус базы, слегка покачивающийся поблизости. На самой верхней палубе, у перил неподвижно стоял Дейли и пристально смотрел на прохладную утреннюю воду. Возможно, что он тоже лишь минуту назад очнулся от того же колдовского сна, и его глаза все еще видели оливково-зеленую лагуну, залитую светом огромного триасового солнца. Стоило Керансу перевести взгляд в полутьму каюты, как перед ним снова возникла та же картина. В ушах его продолжали звучать пульсирующие звуки солнечного барабана. Но теперь, пережив ночной страх, он уже находил в этих звуках что-то успокаивающее, что-то ободряющее, как собственное сердцебиение. Но гигантские ящеры все же были ужасны.

Он вспомнил игуан, лающих и нагло ползающих по ступеням музея. Как различие между скрытым и явным содержанием сна переставало иметь значение, так же стиралась разница между сном и реальностью. Фантомы из сна плавно перешли в сегодняшний день, воображаемый и истинный ландшафты теперь стали неразличимы, как если бы это были Хиросима и Аушвиц, Голгофа и Гоморра.

Скептически подумав о лекарствах, он сказал Бодкину:

— Дайте мне будильник Хардмана, Алан. Или напомните, чтобы я принял на ночь фенобарбитал.

— Не стоит, — коротко ответил Бодкин. — Если только вы не стремитесь, чтобы сила впечатления удвоилась. Единственное, что может помочь бороться с кошмарами, это наше сознание, осознанный контроль.

Он застегнул на голой, без рубашки, груди свою шерстяную куртку.

— Это был не обычный сон, Роберт. Это заговорила древняя органическая память, и возраст ее — миллионы лет.

Он указал на полукруг солнца, показавшийся над чащобой хвощей и папоротников.

— Пробудился врожденный механизм, проспавший в вашей протоплазме много миллионов лет. Повышение солнечной радиации и температуры включило спавшие меха-

низмы спинного мозга, поясничного нерва, влекущие нас назад, в древние моря, в область древней психологии — невроники. Это работает всеобщий биофизический возраст. Мы действительно помним эти древние болота и лагуны. Через несколько ночей эти сны не будут пугать вас, ужас от них поверхностен. Действительность более ужасна. Именно поэтому Риггс и получил приказ вернуться.

— Пеликозавр? — спросил Керанс.

Бодкин кивнул:

— Они не восприняли мой рапорт как сенсацию, потому что уже получали такие сообщения.

На лестнице, ведущей к камбузу, послышались шаги. Дверь энергично распахнулась и вошел Риггс, гладко выбритый и уже позавтракавший.

Он дружелюбно отсалютовал дубинкой, с укоризной рассматривая двух своих подчиненных, раскинувшихся в креслах в окружении кучи грязной посуды.

— Боже, что за свинарник!? Доброе утро. Нам предстоит напряженный день, поэтому давайте посидим немного и все обмозгуем. Я назначил отъезд на двенадцать часов завтрашнего дня, поэтому к десяти утра все должно быть погружено на борт. Я не собираюсь расходовать зря ни капли горючего, поэтому ничего лишнего. Как вы, Роберт?

— Превосходно, — коротко и не вставая, бросил Керанс.

— Рад слышать. Хотя выглядите вы несколько вяловато. Если вы хотите взять катер, чтобы привезти свои вещи из «Рица»...

Керанс слушал его вполуха, глядя на величественно поднимающееся солнце. Между ними глухой стеной встало то обстоятельство, что Риггс не видел снов, не ощущал их притягательной силы. Он все еще верил в причинность и логику, все еще жил в прежнем, потерявшем теперь всякий смысл мире, управляемый набором теперь никому не нужных инструкций, как рабочая пчела в полете. Через несколько минут Керанс уже совершенно не улавливал слова полковника, прислушиваясь только к непрерывному барабанному бою в ушах, полуприкрыв глаза, так чтобы из-под ресниц наблюдать сверкающую пятнистую поверхность лагуны.

Бодкин, сидевший против него, делал то же самое, сложив руки на животе. Сколько раз во время их прежних бесед он на самом деле находился в миллионах лет отсюда?

Когда Риггс двинулся к выходу, Керанс сделал за ним несколько шагов.

— Конечно, полковник, все будет сделано и готово вовремя. Спасибо за напоминание.

Когда катер с полковником отошел от станции, Керанс вернулся в свое кресло. В течение нескольких минут двое мужчин смотрели друг на друга через стол; по мере того, как вставало солнце, жужжание насекомых за проволочной сеткой все усиливалось. Наконец Керанс заговорил:

— Алан, я не уверен, что уйду вместе со всеми.

Не отвечая, Бодкин достал сигарету. Он зажег ее и принялся неторопливо курить, откинувшись в кресле.

— Знаете ли вы, где мы находимся? — спросил он после паузы. — Ну, в каком городе?

Когда Керанс отрицательно покачал головой, Бодкин сказал:

— Это Лондон. Удивительно, но я здесь родился. Вчера я плавал к старому зданию университета и нашел лабораторию, которую возглавлял мой отец. Мне было шесть лет, когда мы уехали отсюда, но я все отлично помню. В нескольких сотнях ярдов оттуда расположен планетарий, я был в нем на одном сеансе, еще до того, как испортился проектор. Купол планетария можно видеть до сих пор, он в двадцати футах под водой. Напоминает огромную раковину. Интересно: когда я смотрю на купол сквозь толщу воды, мое детство становится очень близким. Честно говоря, я многое забыл — в моем возрасте и у вас будет куча иных воспоминаний... Когда мы уйдем отсюда, наша жизнь станет совсем кочевой, а ведь тут единственный дом, который я когда-либо называл своим...

Он внезапно замолчал и сразу показался бесконечно усталым и старым.

— Продолжайте, — ровным голосом попросил Керанс.

Глава 6

Затопленное судно

Два человека быстро передвигались по палубе, беззвучно ступая мягкими подошвами по стальным плитам. Белое полуночное небо нависало над темной поверхностью лагуны, в нем, как спящие галеоны, неподвижно застыли редкие облака. Низкие звуки ночных джунглей ползли над водой; изредка бормотали обезьяны, игуаны вскрики-

вали в своих гнездах в полузатонувших зданиях. Мириады насекомых роились над водой, испуганно отлетая, когда волны ударяли в скошенные борта понтона, на котором была смонтирована испытательная станция.

Один за другим Керанс освобождал швартовы, пользуясь тем, что качка регулярно ослабляла натянутые тросы. Когда станция начала медленно отплывать, он с тревогой посмотрел на темный корпус базы. Постепенно обнаружились лопасти большого винта вертолета, закрепленного на верхней палубе базы, затем меньший хвостовой винт. Керанс не спешил сбросить последний трос с ржавой причальной тумбы: он дожидался сигнала Бодкина с верхней палубы станции.

Натяжение троса усилилось, и Керансу пришлось выждать несколько минут, прежде чем удалось снять последнюю петлю с причала; к счастью, волна, приподнявшая станцию, подарила ему несколько дюймов слабины троса. Над собой он слышал торопливый шепот Бодкина — они медленно двигались в сторону лагуны, в которой был виден единственный огонек — это светилось окно Беатрис. Наконец Керансу удалось сбросить последний конец — он снял его с тумбы и осторожно опустил в темную воду в трех футах под собой. Какое-то время он смотрел, как трос, разрезая воду, возвращается к базе.

Освободившись от тяжести станции — к тому же вертолет, укрепленный не по центру палубы, нагружал противоположный край базы, — огромный корпус качнулся, отклонившись почти на пять градусов от вертикали, затем постепенно снова восстановил равновесие. В одной из кают вспыхнул свет, но через несколько мгновений погас. Керанс схватил багор, лежавший рядом с ним на палубе, и стал осторожно отталкиваться. Расстояние между станцией и базой постепенно возрастало; вначале оно составляло двадцать ярдов, потом пятьдесят... Низкая завеса тумана лежала над лагуной, и вскоре они уже с трудом различали место своей прежней стоянки.

Удерживая станцию в стороне от стоявших на мелководье зданий, они вскоре преодолели около двухсот ярдов. Станция раздвигала своим корпусом растительность, ветви папоротников хлестали по окнам. Вскоре они остановились в маленькой заводи площадью около тысячи квадратных футов.

Керанс перегнулся через перила, глядя сквозь темную гладь на небольшой кинотеатр в двадцати футах под зеркалом воды, на плоской крыше здания не было ни выхо-

дов лифта, ни пожарных кранов. Помахав Бодкину, попрежнему находившемуся на верхней палубе, Керанс пошел в лабораторию, а затем мимо сосудов с образцами и раковин для воды спустился вниз, к понтону.

В основании понтона был запорный кран, и когда Керанс с трудом отвернул его, мощная струя холодной воды хлынула к его ногам. К тому времени, когда он поднялся в лабораторию, чтобы в последний раз осмотреть ее, вода уже достигла уровня его лодыжек и разливалась среди лабораторных столов и раковин. Керанс открыл клетку и выпустил в окно обезьянку — любимицу Бодкина. Станция, как лифт, медленно погружалась. Керанс, по пояс в воде, добрался до узкого трапа, который вывел его на верхнюю палубу, где нервничающий Бодкин смотрел на окна соседнего здания, неясно вырисовывающегося в тумане.

Спуск прекратился, когда верхняя палуба оказалась в трех футах над водой — плоское дно станции опустилось на крышу кинотеатра, а с борта было нетрудно перебраться в здание. Слышалось, как внизу, под водой, булькает воздух, вырываясь из реторт и других сосудов, пенная струя поднималась из затонувшего окна лаборатории, где стоял стол с различными реактивами.

Керанс следил, как пятна индиго растекаются по воде и думал о схемах и таблицах, исчезнувших под водой в лаборатории. В них были занесены результаты многолетних наблюдений за изменениями животного и растительного мира; гибель этих записей подчеркивала ту неопределенность, в которую вступили они с Бодкиным. Они шагнули в неизвестность, где могли руководствоваться лишь правилами, найденными методом проб и ошибок.

Керанс напечатал несколько слов на пишущей машинке в своей каюте на катамаране и прикрепил этот лист к двери камбуза. Бодкин скрепил их послание своим автографом, затем они оба вернулись на палубу и спустили на воду катамаран Керанса.

Медленно работая веслами, они обогнули корпус станции и, скользя по темной воде, вскоре скрылись в черной тени, скрывающей берега лагуны.

Порывы ветра от винта рябили воду в плавательном бассейне, чуть не срывали навес, вертолет нырял и поднимался, как бы в поисках места для посадки. Керанс с улыбкой следил за ним сквозь пластиковые окна гостиной,

уверенный, что груда пустых бочек из-под горючего, которые они с Бодкиным нагромоздили на крыше, убедит пилота не рисковать с посадкой. Пара бочек скатились с крыши во дворик и с плеском упали в бассейн, вертолет отлетел и вновь вернулся, но уже более осторожно.

Пилот, сержант Дейли, развернул фюзеляж таким образом, что люк вертолета оказался против окон гостиной, в нем возникла фигура Риггса, он был без фуражки, двое солдат держали его под руки, чтобы он не рухнул вниз. Риггс что-то кричал в электрический мегафон.

Беатрис Дал подбежала к Керансу со своего наблюдательного пункта в дальнем конце комнаты, прикрывая уши от рева вертолета.

— Роберт, он хочет что-то сказать нам.

Керанс кивнул, но голос полковника совершенно заглушался гулом вертолета. Риггс замолчал, вертолет взмыл в небо и полетел над лагуной, унося с собой шум и вибрацию.

Керанс обнял Беатрис за плечи, ощутив под пальцами ее гладкую кожу.

— Что ж, я догадываюсь, что он хотел нам сказать.

Они вышли во дворик и помахали Бодкину, который выбрался из лифта и принялся укреплять на крыше груду бочек. Внизу, на противоположном конце лагуны виднелась верхняя палуба испытательной станции, поверхность воды вокруг нее покрывали сотни блокнотных листков. Стоя у перил Керанс указал на желтый корпус базы, пришвартованный к отелю «Риц» в дальнем углу третьей лагуны.

После безуспешной попытки поднять затонувшую станцию, Риггс, как и планировалось, отплыл в двенадцать, направив катер к дому Беатрис, где, по его убеждению, скрывались оба биолога. Увидев, что лифт не действует, а его люди не смогли преодолеть двадцать этажей по лестнице, где на каждой лестничной площадке было множество гнезд игуан, Риггс попытался добраться до них на вертолете...

— Слава богу, что он уплывает, — сказала Беатрис. — Почему-то он вечно раздражал меня.

— Вы не делали из этого секрета. Удивляюсь, как он вообще не открыл огонь!

— Но, дорогой мой, он на самом деле несносен. Этот вечно выбритый подбородок, это ежедневное переодевание к ужину — абсолютное нежелание соответствовать обстановке.

— Риггс вполне нормален, — спокойно ответил Керанс. — Он только, как за якорь, цепляется за привычный для себя образ жизни.

Теперь, когда Риггса не было, Керанс понял, как много держалось на оптимизме и выдержке полковника. Без него дисциплина и порядок в отряде быстро упали бы. Это напомнило Керансу, что теперь ему самому придется беспокоиться о моральном климате их маленькой группы. Очевидно, что бремя лидерства ляжет на него: Бодкин слишком стар, Беатрис занята лишь собой.

Керанс взглянул на часы с термометром на своей руке. Уже три тридцать, но температура все еще около ста десяти градусов, и солнце палит как доменная печь. Они присоединились к Бодкину и вместе с ним прошли в гостиную.

Подводя итоги разговора, который прервал прилет вертолета, Керанс сказал:

— В резервуаре на крыше около тысячи галлонов горючего, Беа этого хватит на три месяца, или, допустим, на два, так как мы знаем, что температура повысится. Беатрис, я рекомендую вам закрыть все другие комнаты и жить в этой. Она находится с северной стороны дворика, а надстройка на крыше защитит вас от ливней, которые скоро разразятся. Десять к одному, что они разнесут ставни и воздушные завесы в спальне. Как насчет еды, Алан? На сколько времени хватит запасов в холодильнике?

Бодкин повернулся к нему с выражением отвращения на лице.

— Если не считать деликатесов типа змеиных языков, там находится в основном первоклассное пиво. Если вы действительно собираетесь питаться этими запасами, их хватит на шесть месяцев. Но я предпочитаю игуан.

— Боюсь, что игуаны предпочтут вас. Ну что ж, дела не так плохи. Алан сможет жить на станции, пока уровень воды не поднимется, а я по-прежнему буду в «Рице». Что еще?

Беатрис поднялась и двинулась к бару.

— Все, дорогой. Кончайте. Вы начинаете говорить, как Риггс. Вам не к лицу военные манеры.

Керанс шутливо отдал ей честь и перешел в другой конец комнаты, к картине Эрнста, а Бодкин стал рассматривать через окно джунгли. День ото дня эти два пейзажа становились все более неотличимыми друг от друга, а в мозгу у каждого был и третий — из ночного кошмара. Они никогда не обсуждали свои сны — этот призрачный

общий мир, в котором они бродили, как привидения с картин Дельво.

Беатрис откинулась на диван спиной к нему, и Керанс вдруг с горечью понял, что нынешнее единство их трио сохранится ненадолго. Беатрис была права: ему не шли командные манеры, по характеру он был пассивным и сосредоточенным на себе человеком. Куда важнее, однако, что для них началась новая жизнь, где прежние привязанности и личные обязательства теряли всякий смысл. Узы между ними будут слабеть, и первое доказательство тому — решение жить порознь. Хотя Керанс тянулся к Беатрис, тем не менее это влечение не позволяло ему полностью ощутить свою свободу. Отныне каждый из них пойдет по джунглям времени своим путем. Хотя они и будут встречаться в лагунах или на испытательной станции, подлинные встречи возможны теперь только во сне.

Глава 7

Карнавал аллигаторов

Тишина раннего утра взорвалась тяжелым ревом за окнами отеля. Керанс с трудом извлек свое вялое тело из постели и, спотыкаясь на грудах книг, разбросанных на полу, распахнул сетку-дверь балкона. Большой белый гидроплан на большой скоростью скользил посредине лагуны. Боковые плоскости, рассекая воду, отбрасывали длинные полосы пены. Когда тяжелая волна ударила в стену отеля, смывая колонии водяных пауков и потревожив летучих мышей, обитавших в гниющих обломках, Керанс успел заметить в кабине человека, в белом шлеме и короткой белой куртке. Пилот склонился над приборным щитком.

Он управлял судном с изящной небрежностью, включив две мощные турбины в тот момент, когда самолет, казалось, врежется в берег. Гидроплан отвернул в брызгах, пене и радуге. Человек продолжал вести его с рассеянным видом, ноги его были гибкими и расслабленными, он походил на возницу, управляющего движением горячей тройки.

Скрываясь за зарослями тростника, которые покрывали весь балкон, — многократные попытки уничтожить эти заросли ни к чему не привели, — Керанс, незамеченный, следил за пришельцем. Когда самолет делал очередной вираж, Керанс рассмотрел самодовольный профиль, яркие

глаза, белые зубы и выражение победителя на его веселом лице.

Серебряные круги патронташа сверкали на его поясе, и когда он достиг дальнего конца лагуны, послышалась очередь выстрелов. Сигнальные ракеты взвились в небо, а затем, как маленькие парашюты, плавно опустились на воду.

Взвыв турбинами, гидроплан вновь свернул и, срезая на пути зеленую листву, исчез в протоке, ведущей в следующую лагуну. Керанс вцепился в балконные перила и смотрел, как медленно успокаивается взволнованная вода, а деревья на берегу продолжают трепетать под ударами воздушной струи. Тонкая полоса красной дымки тянулась на север, постепенно растворяясь в воздухе по мере того, как таял гул моторов гидроплана. Внезапное появление незнакомца в белом костюме вызвало у Керанса тревогу и замешательство, бесцеремонно вырвав его из обычного состояния усталости и апатии.

В течение шести недель, что минули после ухода отряда Риггса, он жил один в комнатах под крышей отеля, все более и более сливаясь с безмолвной жизнью окружающих джунглей. Неуклонное повышение температуры — термометр на балконе в полдень показывал сто тридцать градусов — и уменьшение влажности не позволяли выходить из отеля после десяти утра: лагуны и джунгли буквально плавились от жары до четырех часов дня, а к этому времени он уже обычно так уставал, что с трудом добирался до постели.

Весь день он проводил за закрытыми окнами отеля, слушая в полутьме, как потрескивает от жары расширяющаяся проволочная сетка. Большинство окружающих зданий лагуны уже поглотили джунгли; сплошные ковры мха и заросли тростника закрыли белые прямоугольники фасадов, вьющиеся лианы опутали окна, скрыв гнезда игуан.

По краям лагун наносы ила стали сливаться в огромную сверкающую отмель, местами возвышающуюся над береговой линией, как огромные терриконы у заброшенной шахты. Свет и жара включали таинственные механизмы в мозгу Керанса, увлекая его разум в глубины генной памяти, где реальность времени и пространства исчезали. Влекомый своими снами, он спускался в бездны прошлого и каждый раз лагуна представала во сне в новом обрамлении, и каждый ландшафт, как и предупреждал доктор Бодкин, представлял иную геологическую эпоху. Иногда зеркало воды был ярким и дрожащим, иногда стоячим и темным, а берега порой становились глинистыми и блесте-

ли, как спина гигантского ящера. Затем пологие склоны начинали зеленеть, небо становилось нежным и прозрачным, пустота вытянутых песчаных отмелей — абсолютной и полной, наполняя его утонченной и сладкой болью.

Его все больше влекли эти экскурсии в безбрежное прошлое, а окружающий мир с каждым днем становился все более чуждым и враждебным.

Иногда он делал небрежные пометки в своем ботаническом дневнике о новых растительных формах; в течение первых недель несколько раз навещал доктора Бодкина и Беатрис Дал. Но оба они были целиком захвачены своими собственными погружениями в прошлое. Бодкин находился во власти постоянной мечтательности и задумчивости, без цели блуждая по узким протокам в поисках мира своего детства. Керанс видел, как он часами сидит на корме своей лодки и рассеянно рассматривает окружающие здания. Он невидяще смотрел сквозь Керанса и никак не реагировал на его зов.

Что же касается Беатрис, то, несмотря на внешнюю отчужденность, между ними сохранялся не выраженный словами, подсознательный союз, основанный на предчувствиях уготованной обоим мистической роли в будущем.

Множество сигнальных разрывов засветилось над лагуной, где находилась испытательная станция и дом Беатрис, и Керанс зажмурился от яркого огня пронзительных разноцветных пятен. Через несколько секунд за илистыми отмелями к югу рассыпались ответные сигнальные вспышки и донеслись глухие раскаты, вскоре однако смолкнувшие.

Значит, незнакомец на гидроплане был не один. Поняв, что вторжения не избежать, Керанс взял себя в руки. Расстояние между сериями ответных разрывов было слишком велико и означало, что групп было несколько, а также то, что гидроплан проводил разведку.

Плотно прикрыв за собой проволочную дверь, Керанс прошел в комнату и снял со спинки стула куртку. Затем он зашел в ванную и постоял перед зеркалом, критически осматривая недельную щетину. Волосы его стали белыми и отливали перламутром, и это вместе с бронзовым загаром и глубоко запавшими глазами придавало ему внешность бродяги, поддерживающего свою жизнь на тихоокеанских островах ловлей жемчуга и случайным заработком. Из разбитого дистиллятора, установленного на крыше, натекло полное ведро мутной жидкости, он зачерпнул немного этой воды и сполоснул лицо, чего давно уже не делал.

Вооружившись багром, он разогнал несколько игуан, устроившихся на причале, спустился в катамаран и медленно поплыл. Под катамараном виднелись купы зарослей, по поверхности воды скользили жуки и водяные пауки. Было начало восьмого, а температура около восьмидесяти градусов — сравнительно прохладно и приятно, воздух чист от туч москитов, которых позже выгонит из гнезд жара.

Пока он плыл по каналу, ведшему в южную лагуну, над его головой вспыхнуло еще множество сигнальных разрывов, слышалось гудение гидроплана, носившегося по лагунам из конца в конец, иногда на мгновение в просветах джунглей мелькал сам аппарат с фигурой человека в белом, склонившегося над приборной доской. Керанс ввел катамаран в лагуну и спокойно поплыл среди свисающих листьев папоротников, следя за водяными змеями, смытыми с мест обитания набегающей волной.

В двадцати пяти ярдах от берега он поставил судно на якорь среди свешивавшихся с крыши полузатонувшего здания хвощей, вскарабкался по бетонному склону к пожарной лестнице и по ней поднялся на плоскую крышу, возвышавшуюся над водой на пять этажей. Там он прилег за низким фронтоном и взглянул в сторону находившегося неподалеку особняка Беатрис.

Гидроплан шумно кружил над небольшим заливом на противоположной стороне лагуны, летчик бросал его туда-сюда, как всадник направляет горячую лошадь. В воздух взмыло еще несколько сигнальных ракет, некоторые совсем близко, в четверти мили от Керанса. Следя за самолетом, Керанс услышал низкий, мощный рев — крик животного, но не игуаны. Рев, сопровождаемый треском ломаемых растений, приближался, перекрывая гул моторов. Вдоль всего пути самолета в воду рушились папоротники и хвощи, ветви которых свешивались вниз, как брошенные знамена. Казалось, джунгли разрываются надвое. Полчища летучих мышей взмыли в воздух и в панике носились над лагуной; их зловещие крики заглушались ревом турбин гидроплана и разрывами сигнальных ракет.

Внезапно вода в горловине узкой протоки поднялась на несколько футов; казалось, где-то прорвалась плотина, и яростный поток обрушился в лагуну. На гребне этой миниатюрной Ниагары возникли несколько моторных лодок, похожих на катер Риггса. На их черных корпусах были нарисованы огромные глаза и зубы дракона. На каждом

катере находилось по дюжине смуглых людей в белых шортах и майках. Лодки мчались к центру лагуны, а с их палуб в сплошном содоме летели в небо последние сигнальные ракеты.

Полуоглушенный шумом, Керанс с удивлением смотрел на множество длинных коричневых тел, бороздящих кипящую воду; массивные хвосты животных взбивали пену. Таких огромных аллигаторов он никогда не видел, некоторые из них достигали двадцати пяти футов в длину. Прокладывая себе путь в чистую воду, они яростно теснили друг друга, собираясь полчищами вокруг уже неподвижного гидроплана. Человек в белом стоял у открытого люка, сложив руки на поясе и возбуждено глядя на стаю рептилий. Он небрежно махнул экипажам катеров, затем жестом указал на лагуну, как бы приказывая встать на якорь именно здесь.

Когда по команде помощника-негра моторы катеров были вновь включены, и суда медленно двинулись к берегу, человек в самолете окинул критическим взглядом окружающие здания, и его жестокое лицо смягчила самодовольная улыбка. Аллигаторы, как стая собак, сгрудились вокруг своего хозяина, в воздухе с криком реяла стая птиц — ржанок и кроншнепов, — спутников крокодилов. Все больше и больше аллигаторов вливалось в лагуны из протоки, плывя бок о бок в белой пене. Вскоре их собралось не менее двух тысяч — огромная стая, настоящее воплощенное зло.

С криком, от которого из воды высунулись все две тысячи крокодилов, пилот снова прильнул к приборам. Пропеллеры ожили и гидроплан, рассекая острыми плоскостями оказавшихся на пути рептилий, устремился в соседнюю лагуну; огромная масса аллигаторов тянулась вслед за ним. Несколько крокодилов покинули стаю и парами плавали вдоль берегов, обыскивая окна затопленных зданий. Другие чудовища вскарабкались на едва выступающие из воды крыши. В центре лагуны вода продолжала кипеть, изредка там мелькало белое брюхо аллигатора, убитого гидропланом.

Когда армада рептилий углубилась в узкий пролив, ведущий в соседнюю лагуну, Керанс спустился по пожарной лестнице и направился по бетонному пандусу к своему катамарану. Но прежде чем он достиг его, тяжелая волна, поднятая гидропланом, подхватила катамаран, сорвала его с якоря и швырнула в кучу теснящихся аллигаторов. Через несколько секунд катамаран был сжат боками кроко-

дилов, стремящихся в узкий залив, и разорван на куски их мощными челюстями.

Огромный кайман, притаившийся в зарослях хвощей, заметил смытого волной Керанса и, не спуская с него глаз, как торпеда устремился к нему. Его чешуйчатая спина и гребень на хвосте производили жуткое впечатление. Керанс на четвереньках, скользя и оступаясь, вскарабкался по пандусу и взлетел по пожарной лестницы на крышу, прежде чем кайман достиг мелкого места и побежал на своих коротких лапах.

Стараясь отдышаться, Керанс облокотился на перила, глядя вниз, в холодные немигающие глаза, которые бесстрастно изучали его.

— Ты славная сторожевая собака, — похвалил он зверя, а затем вытащил из кладки расшатанный кирпич и обеими руками запустил его в морду крокодила. Он улыбнулся, когда кайман подскочил и отступил, злобно кусая хвощи и обломки катамарана.

Через полчаса, выиграв несколько дуэлей с игуанами, Керанс добрался до дома Беатрис. Когда он вышел из лифта, Беатрис встретила его с широко раскрытыми в тревоге глазами.

— Роберт, что происходит? — она опустила руки ему на плечи и прижалась головой к его мокрой куртке. — Вы видели аллигаторов? Их здесь тысячи!

— Видел их? Один из них чуть не сожрал меня у ваших дверей...

Керанс высвободился и быстро подошел к окну. Гидроплан на большой скорости кружил в центральной лагуне, в его кильватере следовала стая аллигаторов. Множество их сгрудилось вокруг затопленной испытательной станции, взбивая хвостами пену. Тридцать или сорок крокодилов остались в нижней лагуне и небольшими группками курсировали по ней, разгоняя игуан.

— Эти чертовы звери, должно быть, их охрана, — предположил Керанс. — Как стая сторожевых псов. Лучше не придумаешь.

Беатрис стояла рядом с ним, нервно теребя пальцами высокий воротник желто-зеленой шелковой блузки, которую она надела поверх купальника. Хотя комната постепенно становилась все более запущенной, Беатрис продолжала уделять много времени своей внешности... Несколько раз Керанс заставал ее сидящей перед зеркалом во дворике или в спальне на кровати: она тщательно разглаживала мелкие морщинки на лице, подобно тому, как слепой ху-

дожник ощупывает свою картину, стараясь вспомнить, что же он сам нарисовал на ней. Волосы Беатрис всегда были безукоризненно причесаны, глаза и губы подкрашены, но сомнамбулический, погруженный в себя взгляд делал ее похожей на прекрасный восковой манекен. Сейчас она впервые была взволнована.

— Но кто они, Роберт? Этот человек в самолете пугает меня. Я хотела бы, чтобы полковник Риггс был здесь.

— Теперь он в тысячах миль отсюда, если вообще не в Берд. Успокойтесь, Беа. Они выглядят как пираты, но у нас им нечем поживиться.

Большой трехпалубный колесный пароход входил в лагуну и медленно приближался к трем катерам, причаленным в нескольких сотнях ярдов от того места, где прежде была стоянка базы Риггса. Судно было перегружено, его палубы покрывали горы укутанных в парусину механизмов, так что на борту не видно было свободного места.

Керанс решил, что это корабль-склад, на котором хранится добыча группы... Подобно большинству других пиратских шаек, эта, должно быть, тоже охотилась за механизмами и электротехникой в районах, оставленных правительственными отрядами. Законы за разбой грозили суровым наказанием, но фактически власти были слишком слабы, чтобы обеспечить порядок на периферии.

— Смотрите!

Беатрис схватила Керанса за локоть. Она указывала вниз, на испытательную станцию, на крыше которой стоял полуодетый, заросший многодневной щетиной доктор Бодкин и махал руками, привлекая внимание людей на корабле. Один из них, негр с голой грудью в белых брюках и белой форменной фуражке, что-то крикнул в ответ.

Керанс пожал плечами.

— Алан поступает правильно. Прячась, мы ничего не добьемся. Наоборот, если мы им поможем, они скорее оставят нас одних.

Беатрис сомневалась, но Керанс взял ее за руку. Гидроплан, уже без крокодильей свиты, возвращался в облаке водяной пыли и пены.

— Идем, если мы успеем спуститься к причалу, он захватит нас на борт.

FR

Глава 8

Человек с невинной улыбкой

Красивое мрачное лицо Стренгмена выражало смесь подозрительности и презрения. Он сидел, откинувшись в кресле, под навесом на палубе парохода. Теперь на нем был накрахмаленный белый костюм, гладкая шелковая ткань которого на фоне позолоченного кресла с высокой спинкой эпохи Возрождения, реквизированного из какой-нибудь венецианской или флорентийской лагуны, подчеркивала его магическую власть над людьми и крокодилами.

— Ваши объяснения выглядят слишком невнятными, доктор, — бросил он, обращаясь к Керансу. — Впрочем, возможно вы и сами не отдаете себе отчета в подлинных мотивах... Назовем их тотальным синдромом безделья и покончим с этим.

Он щелкнул пальцами. Подошел стюард, стоявший невдалеке; Стренгмен выбрал с подноса маслину. Беатрис, Керанс и Бодкин сидели полукругом в маленьких креслах, овеваемые потоком прохладного воздуха от вентилятора. Было уже полпервого. Лагуна за бортом превратилась в сплошной костер, яркий свет скрыл все здания, возвышающиеся на ближайшем берегу. Джунгли неподвижно застыли в гнетущей жаре, аллигаторы попрятались в те жалкие остатки тени, которые сумели отыскать.

Несмотря на жару, несколько людей Стренгмена с ленцой работали на одном из катеров, разгружая какой-то тяжелый груз под присмотром здоровенного горбатого негра в зеленых шерстяных шортах. Огромная гротескная карикатура на человека, этот негр время от времени поправлял повязку на глазу и непрерывно отдавал команды; сумбурную смесь одобрений и проклятий стояла в прокаленном солнцем воздухе.

— Скажите, доктор, — продолжал допытываться Стренгмен, очевидно, неудовлетворенный объяснениями Керанса, — когда вы все же собираетесь покинуть лагуну?

Керанс колебался, не рискуя назвать определенную дату. После того, как они целый час прождали, пока Стренгмен переоденется, им позволили представиться ему и объяснить, почему они остались в лагуне после ухода отряда. Однако Стренгмен, по-видимому, не принял их рассказ всерьез и его удивление их наивностью сменилось подозрительностью. Керанс внимательно следил за ним, не желая допустить даже малейшей фальшивой ноты. Кем бы

он ни был на самом деле, Стренгмен не был заурядным мародером. Странное пугающее впечатление производил этот корабль, его экипаж и его начальник. Стренгмен, с его неприятным лицом, черты которого становились еще более резкими и зловещими, когда он улыбался, казался Керансу особенно опасным.

— Мы, в сущности, и не говорили на эту тему, — сказал Керанс. — Я думаю, мы все собирались остаться здесь на долгий срок. Правда, у нас не слишком велики запасы горючего и продовольствия.

— Но, мой дорогой, — возразил Стренгмен, — температура скоро достигнет двухсот градусов. Вся планета скоро вернется в мезозойский период.

— Совершенно верно, — вмешался доктор Бодкин, внезапно вернувшийся из глубин своего внутреннего мира. — И поскольку мы часть планеты, мы тоже возвращаемся в прошлое. Здесь наша зона перехода, тут мы вновь осваиваем свое биологическое прошлое. Поэтому мы и решили остаться здесь. Никаких других причин этого поступка нет, Стренгмен.

— Конечно, нет, доктор, я вполне доверяю вашей искренности. — Выражение лица Стренгмена непрерывно менялось, он становился то раздраженным, то доброжелательным, то скучающим, то отрешенным. Он прислушался к шипению воздушного насоса на палубе, потом спросил. — Доктор Бодкин, вы ребенком жили в Лондоне? У вас, должно быть, сохранилось много сентиментальных воспоминаний о дворцах и музеях? — И добавил. — Или вас интересуют лишь воспоминания доутробного периода?

Керанс взглянул на него, пораженный той легкостью, с которой Стренгмен усвоил терминологию Бодкина. Он заметил, что Стренгмен не только ждет ответа Бодкина, но одновременно наблюдает за Беатрис и им самим.

Но Бодкин сделал неопределенный жест.

— Нет, боюсь, что я ничего не помню. И меня уже не интересует недавнее прошлое.

— Жаль, — лукаво ответил Стренгмен. — Вся ваша беда, значит, заключается в том, что вы живете где-то за тридцать миллионов лет отсюда. Вы потеряли всякий интерес к жизни. Я же очарован близким прошлым и все сокровища Триасовой эры для меня ничто по сравнению с драгоценностями, оставленными вторым тысячелетием нашей.

Он оперся на локоть и улыбнулся Беатрис, сидевшей со сложенными на обнаженных коленях руками с выражением мыши, настороженно следящей за сытым котом.

— А как насчет вас, мисс Дал? Вы выглядите несколько меланхоличной. Может быть, легкое временное недомогание? Или и вас тревожат изгибы хроноклазма? — он усмехнулся, довольный собственным остроумием, а Беатрис спокойно ответила:

— Мы обычно быстро устаем здесь, мистер Стренгмен. К тому же я не в восторге от ваших аллигаторов.

— Они вас не тронут, — Стренгмен склонился вперед и осмотрел все трио. — Все это очень странно. — Через плечо он бросил короткую команду стюарду, затем снова нахмурился.

До Керанса вдруг дошло, что кожа на его лице и руках была неестественно белой, она была совершенно лишена пигментации. Густой загар Керанса, такой же, как у Беатрис и Бодкина, делал их почти неотличимыми от негритянского экипажа, вообще под жарким солнцем исчезло всякое отличие между мулатами и квартеронами. Стренгмен же сохранил поразительную бледность, и этот эффект еще более подчеркивался белым костюмом.

Появился гологрудый негр в форменной фуражке, по его мощным мускулам струйками стекал пот. Он был выше шести футов ростом, но из-за необъятной ширины плеч казался приземистым и коренастым. Он разговаривал со Стренгменом почтительно, и Керанс удивился, каким образом Стренгмену удается поддерживать дисциплину экипажа, тем более, что обращался он со своими людьми резко и сухо.

Стренгмен коротко представил негра.

— Это Адмирал, — мой помощник. Если вам что-то потребуется, а меня в это время не будет, обращайтесь к нему. — Он встал и спустился с возвышения, на котором стояло его кресло. — И прежде чем я отпущу вас, позвольте показать мой корабль сокровищ...

Он галантно протянул руку Беатрис, та робко приняла ее, глаза Стренгмена опасно сверкнули.

Когда-то, решил Керанс, этот пароход использовался как игорный клуб, пришвартованный где-нибудь вблизи Ниццы... или Бейрута, или в устье какой-нибудь тропической реки, под более мягкими и терпимыми небесами. Когда они покидали палубу, группа людей Стренгмена укрепляла старинную разукрашенную лестницу, ее перила покрывала шелушащаяся позолота, а над ступеньками возвышался балдахин, драпированный бархатом и повизгивающий в кронштейнах, как древний фуникулер. Внутренние помещения корабля были стилизованы под барокко. Бар, в этот

час темный и закрытый, располагался в дальнем конце палубы, напоминая деревянные замки, которые во времена Колумба устанавливались на корме галеонов, нагие позолоченные кариатиды поддерживали его портик. Колонны и арки из фальшивого мрамора вели к обеденным залам, а центральный зал выглядел пародией на Версаль — множество спящих купидонов и куча канделябров, позеленевшая грязная медь была покрыта плесенью.

Колеса рулетки и столики для фиен-де-фер были задвинуты в угол, а выщербленный паркетный пол заставлен множеством ящиков и больших упаковочных коробок, нагроможденных почти до портала, так что лишь узкая полоска солнечного света проникала через верх затянутых проволокой окон. Все было тщательно упаковано и увязано, лишь на одном столике красного дерева, стоявшем в углу, Керанс увидел множество бронзовых и мраморных фигурок, ждавших упаковки.

На нижней ступеньке лестницы Стренгмен задержался, стирая подтек темперы с фрески.

— К сожалению, все здесь постепенно разрушается. У вас в «Рице» много лучше, доктор. Я одобряю ваш вкус.

Керанс пожал плечами:

— Сейчас все и всюду разрушается.

Они подождали, пока Стренгмен откроет дверь, а затем вошли в помещение главного склада — огромный душный зал, уставленный деревянными ящиками. Пол здесь был усеян опилками. Кондиционер не работал, но сопровождавшие их Адмирал и матросы обдували их струей холодного воздуха из шланга, подключенного к вентилю в стене. Стренгмен щелкнул пальцами, и Адмирал поспешно откинул покрывало с части груза.

В тусклом свете Керанс с трудом различил очертания большого, пышно украшенного церковного интерьера в дальнем конце комнаты, снабженного искусно сделанными орнаментами из завитков и неоклассическим просцениумом* с канделябрами в виде дельфинов. По своим размерам просцениум вполне мог вместить небольшой дом. Рядом с ним возвышался десяток деревянных, с остатками позолоты статуй, большей частью эпохи позднего Возрождения. За ними виднелись несколько икон, триптихов и, отделанная золотом, кафедра проповедника, три большие конные статуи, с грив лошадей все еще свисали высохшие стебли водорослей, несколько больших соборных дверей,

* Просцениум (лат.) — передняя часть сцены.

выложенных золотом и серебром, и большой, многоярусный фонтан. Металлические стеллажи по стенам комнаты были заполнены многочисленными, меньшими по размерам предметами и безделушками: урнами для голосования, кубками, щитами, подносами, письменными приборами.

Все еще держа Беатрис за руку, Стренгмен жестикулировал, внушая ей что-то. До Керанса доносилось: «Сикстинская мадонна... гробница Медичи...», но Бодкин пробормотал:

— С эстетической точки зрения все это — хлам, а хранят его здесь из-за золота. Но и золота здесь не столь уж много. К чему ему все это?

Керанс кивнул, следя за Стренгменом и Беатрис. Внезапно ему вспомнилась картина Дельво, с облаченными в смокинги скелетами. Мелово-белое лицо Стренгмена напоминало череп, а в его самодовольстве было нечто от скелета. Без особой объективной причины Керанс ощутил к Стренгмену отвращение.

— Что вы думаете об этом, Керанс? — Стренгмен проследовал до конца зала и сделал знак Адмиралу снова закрыть коллекцию покрывалом. — Впечатляет, доктор?

Керанс взглянул в его жадно горящие при виде добычи глаза.

— Это напоминает кладбищенские кости, — спокойно сказал он.

Возмущенный Стренгмен вздернул голову:

— Кости? О чем это вы говорите? Керанс, вы сошли с ума! Кости!

Но тут Адмирал подхватил последнее слово, вначале негромко, как бы дегустируя, потом снова и снова все громче и быстрее, как бы в нервном припадке; его широкое лицо исказилось от хохота. Остальные моряки присоединились к нему и принялись твердить, дергаясь от хохота, как в конвульсиях:

— Кости! Да, черт возьми, кости, черт возьми, кости, черт возьми, кости, черт...

Стренгмен с гневом смотрел на них, лицо его перекосилось от отвращения к этому взрыву грубости и неуравновешенности. Керанс повернулся и направился к выходу. Обозленный Стренгмен с экскурсантами последовал за ним.

Через несколько минут, когда они отплывали в одном из катеров, Адмирал и с полдюжины других членов экипажа все еще висели на перилах, корчась от смеха. Стренгмен уже справился с собой; в своем белом костюме он стоял в стороне, иронически усмехаясь.

Бассейн смерти

В течение следующих двух недель южная часть горизонта все чаще затягивалась грозовыми тучами. Керанс регулярно встречался со Стренгменом. Тот обычно на бешеной скорости носился в своем гидроплане по лагунам, облаченный в белый костюм, комбинезон и шлем, и проверял работу своих людей. В каждой из трех лагун действовал отряд из нескольких человек; водолазы методично осматривали затонувшие здания. Порой привычные звуки насосов прерывались ружейными выстрелами: стреляли в крокодилов, слишком близко подбиравшихся к водолазам.

Скрываясь в полутьме своих комнат в отеле, Керанс был далек от лагун и поисковых работ Стренгмена. Сны все более заполняли его жизнь, бодрствующая часть мозга как будто высыхала и уменьшалась. Реальная жизнь, в которой царил Стренгмен со своими наемниками, казалась призрачной по сравнению с миром снов. И лишь когда появлялся Стренгмен, он вынужден был возвращаться к этому никчемному реальному миру, но его мозг продолжал блуждать далеко в мире грез. Любопытно, что после первых проявлений раздражения Стренгмен стал проявлять необъяснимую благосклонность и интерес к Керансу. Трезвый нестандартный ум биолога представлял отличную мишень для язвительного Стренгмена. Случалось, что он поддразнивал Керанса, беря его за руку во время разговора и говоря елейным тоном:

— Знаете, Керанс, покинув море два миллиона лет тому назад, вы можете при переходе обратно получить серьезную травму, берегите голову, дорогой...

Он послал двух своих людей на лодке через лагуну, где на самом высоком здании они написали буквами высотой в тридцать футов: ЗОНА ПЕРЕХОДА ВО ВРЕМЕНИ.

Керанс добродушно воспринимал эти подначки, а когда из-за неудач в работе водолазов шутки Стренгмена становились злобными, попросту игнорировал их. Погруженный в прошлое, он терпеливо ждал прихода ливней.

Несколько дней спустя Керанс осознал истинную причину своей неприязни к Стренгмену. Произошло это на организованном Стренгменом приеме.

Формально, по версии Стренгмена, прием был организован для того, чтобы собрать вместе троих членов груп-

пы. В обычной бесцеремонной манере Стренгмен начал осаждать Беатрис, пытаясь использовать Керанса как отмычку, чтобы легче проникать в ее дом. Когда же он обнаружил, что трое отшельников редко видятся друг с другом, он решил испробовать другой путь, пытаясь соблазнить Керанса и Бодкина своей изысканной кухней и винным погребом. Беатрис, однако, всегда отклоняла эти приглашения на ленчи и полуночные трапезы — сам Стренгмен и его свита из аллигаторов и одноглазых мулатов продолжали пугать ее, и вечера откладывались.

Однако, истинная причина намеченного банкета была более прозаичной. Несколько раз люди Стренгмена замечали Бодкина, нетерпеливо гребущего по протокам в район бывшего университета. Вскоре за стариком начали следить Адмирал и другой помощник Стренгмена — Великий Цезарь. Они пользовались небольшой весельной лодкой, замаскированной листьями папоротника, как карнавальная гондола. Стренгмен полагал, что биолог разыскивает спрятанные некогда сокровища. Главные его подозрения сосредоточились в конце концов на затопленном здании планетария, доступ к которому был сравнительно нетрудным. Стренгмен выставил даже постоянный пост в этом небольшом озере, в двухстах ярдах к югу от центральной лагуны, но когда однажды Бодкин приплыл сюда ночью с ластами и аквалангом, Стренгмен потерял терпение и решил перехватить инициативу.

— Я пришлю за вами в семь утра, — сказал он Керансу. — Шампанское и холодные закуски. Завтра мы наверняка отыщем то, что запрятал Бодкин.

— Могу открыть вам, Стренгмен, что он спрятал. Одни свои воспоминания. Для него они дороже всех сокровищ на свете.

Но Стренгмен саркастически рассмеялся и унесся на своем ревущем гидроплане, оставив Керанса в беспомощном одиночестве на бетонном причале отеля, напоминающем американские горки.

Ровно в семь на следующее утро за ним прибыл Адмирал. Они захватили Беатрис, доктора Бодкина и возвратились на пароход, где Стренгмен подготовил все для погружения в воду. Один из катеров был полон водолазного оборудования: акваланги, водолазные костюмы, насосы, телефон. С его шлюпбалки свисала клетка для водолазов, но Стренгмен заявил, что озеро очищено от игуан и аллигаторов, и клетка не понадобится.

Керанс скептически отнесся к его утверждению, но на

сей раз Стренгмен был прав. Озеро оказалось полностью очищено. Массивные стальные решетки закрывали подводные проходы, а сверху на плавучих понтонах находились вооруженные охранники с гарпунами и ружьями. Когда катер вошел в озеро и пришвартовался к балкону одного из зданий, в воду на всякий случай бросили связку гранат, и взрывная волна выбросила на поверхность множество оглушенных угрей, креветок и прочих морских животных. Их быстро сгребли в сторону.

Вода, замутненная пеной и илом, постепенно очистилась, и со своих сидений у перил они увидели под водой овальную крышу планетария, заросшего водорослями и похожего, как говорил Бодкин, на зачарованный дворец из детских волшебных сказок. Круглое смотровое окно на вершине купола было закрыто металлическим щитом. Попытались разобрать одну из секций щита, но, к сожалению Стренгмена, они все проржавели и так слились в единое целое, что не разъединялись. Главный вход в купол находился на уровне прежней улицы, слишком глубоко, чтобы сверху можно было что-либо рассмотреть, но предварительная разведка показала, что войти внутрь можно без особых сложностей.

Когда солнечные лучи тронули воду, Керанс, глядя в тусклую зеленую глубину, вспомнил теплый доисторический студень, в котором он плавал в своих снах. Он вспомнил также, что несмотря на обилие воды вокруг, он в реальной действительности не плавал в море уже около десяти лет, и в уме принялся повторять ритмичные движения брассом, который нес его во сне.

В трех футах под поверхностью воды промелькнул небольшой питон-альбинос. Глядя, как он резво увертывается от ударов гарпунов, Керанс вдруг ощутил активное нежелание опускаться в воду. На другой стороне озера, у стальных решеток, огромный крокодил сражался с группой моряков, пытающихся отогнать его. Великий Цезарь, упираясь огромными ступнями в нижний брус плавучего заграждения, изо всех сил колотил гиганта, а тот огрызался, пытаясь ухватить багор. Животному было не менее девяноста лет, в длину он достигал тридцати футов, а объем его груди был не менее шести или семи футов; его снежно-белый живот напомнил Керансу, что после прихода Стренгмена, как бы привлеченные его появлением, из джунглей высыпало много животных-альбиносов: змей и ящериц. Он даже видел несколько белых игуан. Одна из таких игуан сидела вчера утром на причале отеля, и он

подсознательно решил, что эта алебастровая рептилия — посланник Стренгмена.

Керанс взглянул вверх на Стренгмена, который стоял на мостике и жадно наблюдал за схваткой, а в это время крокодил мощным ударом чуть не сбил негра-великана в воду. Симпатии Стренгмена были целиком на стороне крокодила, причем не просто из спортивного интереса, а больше из-за садистского желания увидеть одного из своих помощников разорванным на части.

Керанс и Беатрис отвернулись, ожидая конца схватки, а Стренгмен оскорбительными криками подзуживал своих подчиненных.

В конце концов после шквала громоподобной ругани Великому Цезарю протянули винтовку, и он разрядил оба ствола в разъяренного зверя. Тот с ревом отпрянул в сторону, взбивая хвостом воду.

— Когда они попадают в ловушку или погибают, они колотят хвостом по воде, подавая тревожный сигнал остальным. — Стренгмен махнул рукой в сторону Беатрис, как бы приглашая ее досмотреть спектакль. — Не жалейте никчемного негра, Беатрис, проявите побольше симпатии к бедному зверю. Они появились сто миллионов лет назад, это старейшие обитатели нашей планеты.

Хотя с чудовищем было покончено, Стренгмен продолжал стоять у перил, балансируя на носках ботинок, как бы надеясь, что крокодил оживет и продолжит схватку. Лишь когда отрубленная голова аллигатора была вздернута на багре, он с недовольным видом продолжил подготовку к погружению.

Под наблюдением Адмирала два члена экипажа произвели пробное погружение в аквалангах. Они спустили в воду узкую металлическую лестницу и нырнули вниз, под нависающий купол. Сперва осмотрели вентиляционные окна, затем проверили прочность полукруглых ребер купола, пытаясь через щели проникнуть внутрь. После их возвращения в дело вступил третий моряк в водолазном костюме и с веревкой. Он медленно погрузился на чуть различимую в облаке ила мостовую улицы; свет лампы, закрепленной на шлеме, слабо освещал его плечи. Когда в воду вытравили большую часть каната, он смог приблизиться к главному входу и исчез из поля зрения, разговаривая с Адмиралом по телефону. Адмирал вслух повторял присутствующим его сообщения неожиданно глубоким мелодичным баритоном:

— В кассе... теперь в центральном помещении... капи-

тан Стренгмен, Джомо говорит, что это церковь, кресла на месте, но алтаря нет.

Все сгрудились у перил, с нетерпением ожидая известий от Джомо, лишь один Стренгмен раскинулся в кресле, подложив одну руку под затылок.

— Церковь! — презрительно фыркнул он. — Боже! Пошлите вниз кого-нибудь другого. Джомо круглый дурак!

— Есть, капитан!

Еще несколько водолазов ушли под воду, и стюард предложил по первому бокалу шампанского. Решившись на погружение, Керанс лишь слегка пригубил шипящий напиток.

Беатрис с тревогой на лице коснулась его локтя.

— Вы собираетесь спуститься, Роберт?

Керанс улыбнулся.

— К самому основанию, Беа. Не беспокойтесь — в водолазных костюмах это совершенно безопасно.

— Я думала не об этом. — Она пристально смотрела на багровый диск восходящего солнца, уже поднимавшийся над крышей ближайшего здания. Оливково-зеленый свет, проникший через заросли папоротников, освещал желтые болотные испарения, клубящиеся над поверхностью озера. Только что вода была прохладной и манящей, теперь же она казалась чуждый и враждебной, а тонкая пленка ее поверхности стала границей, разделяющей эти два мира. Клетку для водолазов опустили в воду, ее ржавые прутья блестели от пузырьков воздуха, и постепенно, по мере погружения, искажались. Даже фигуры людей, еще плывших на поверхности, превращались в сверкающие химеры, похожие на чудовищ доисторических веков.

Глубоко внизу под ними в желтом свете горбился огромный купол планетария. Он напоминал Керансу космический корабль, оставленный на Земле пришельцами миллионы лет назад и только теперь возникший из моря. Керанс сказал Бодкину:

— Алан, Стренгмен ищет спрятанные вами сокровища...

Бодкин чуть улыбнулся.

— Надеюсь, он найдет их, — сказал он мягко. — Награда ждет его, если он сумеет ее увидеть и оценить.

Стренгмен стоял на носу своего самолета и беседовал с одним из водолазов, которому в это время помогали снять снаряжение. Вода, стекавшая с медных боков скафандра, образовала лужу на палубе. Задавая очередной

вопрос, Стренгмен заметил, что Керанс и Бодкин о чем-то говорят. Нахмурившись, он подозрительно взглянул на них, потом скользнул на палубу с видом стражника, раскрывшего опасный заговор своих пленников.

Салютуя ему поднятым бокалом шампанского, Керанс шутливо сказал:

— Я сейчас спросил доктора Бодкина, где он скрывает свои сокровища.

Стренгмен помолчал, холодно глядя сперва на него, затем на неуверенно засмеявшуюся Беатрис. Он опустил на спинку кресла Керанса руки, лицо его напоминало гипсовый слепок.

— Не вмешивайтесь, Керанс, — фыркнул он уверенно, — я знаю, где они, и обойдусь без вашей помощи. — Он повернулся к Бодкину, спросив. — Не правда ли, доктор?

Прикрывая уши от резкого голоса Стренгмена, Бодкин ответил:

— Вероятно знаете, Стренгмен. — Он переставил кресло и отодвинулся в тень. — Когда начнется прием?

— Прием? — Стренгмен раздраженно огляделся, очевидно забыв, что сам же использовал это слово. — Здесь не плавательный бассейн, доктор. Однако, подождите минутку, я не хочу быть невежливым, я не забыл о прекрасной мисс Дал. — Он склонился перед ней с медоточивой улыбкой. — Идемте, моя дорогая, я сделаю вас морской владычицей со свитой из пятидесяти крокодилов.

Беатрис отвела взгляд.

— Спасибо, не надо, Стренгмен. Море пугает меня.

— Но это необходимо. Керанс и доктор Бодкин ждут вашего погружения. И я тоже. Вы будете Венерой, в пене морской, и станете вдвое прекрасней после возвращения. — Он схватил ее за руку, но Беатрис отшатнулась, испытывая отвращение от его фальшивой самодовольной улыбки. Керанс привстал со своего места и взял ее за другую руку.

— Не думаю, что сегодня день Беатрис, Стренгмен. Мы плаваем только по вечерам, при свете полной луны. Это дело настроения, вы понимаете?

Он улыбнулся Стренгмену, но тот еще крепче сжал руку Беатрис, и лицо его стало похожим на морду разъяренного вампира. Керанс поднялся.

— Давайте, Стренгмен, я пойду вместо нее. Хорошо? Мне хочется спуститься вниз, чтобы осмотреть планетарий. — Он махнул рукой в ответ на нервное движение

Беатрис. — Не волнуйтесь: Стренгмен и Адмирал позаботятся обо мне.

— Конечно, Керанс. — Хорошее настроение вернулось к Стренгмену, он буквально излучал доброжелательность, но внимательный наблюдатель мог бы прочитать в его глазах злобную радость от мысли, что Керанс окажется в его лапах. — Мы дадим вам лучший скафандр и будем поддерживать связь по телефону. Успокойтесь, мисс Дал, никакой опасности нет! Адмирал! Скафандр для доктора Керанса! Живее! Живее!

Керанс поймал удивленный взгляд Бодкина и отвел глаза, так как увидел испуг и растерянность доктора от его готовности спуститься в глубину. Керанс испытывал легкомысленное возбуждение, он вновь слегка отхлебнул из бокала.

— Не оставайтесь внизу слишком долго, Роберт, — сказал ему Бодкин. — Температура воды высокая, не меньше девяноста пяти градусов, она плохо на вас подействует.

Керанс кивнул, затем спустился за Стренгменом на нижнюю палубу. Несколько человек готовили водолазное снаряжение, а Адмирал, Великий Цезарь и остальные моряки с нескрываемым интересом следили за Керансом.

— Проверьте, можно ли проникнуть в главную аудиторию, — сказал ему Стренгмен. — Один из парней, кажется, нашел проход. — Он критическим взглядом окинул Керанса, стоявшего в ожидании, пока ему наденут шлем. Костюм предназначался для использования на глубине не больше пятидесяти метров и давал максимальную возможность обзора. — В этом скафандре, Керанс, вы напоминаете космонавта. — Гримаса смеха исказила его лицо. — Но не пытайтесь достичь «подсознательного», Керанс, учтите, что ваше снаряжение не позволяет задерживаться внизу слишком долго.

Тяжело и медленно подойдя к перилам — в это время матросы тащили за ним трос и шланг — Керанс остановился, чтобы неуклюже помахать Беатрис и Бодкину, затем ступил на узкую металлическую лестницу и стал медленно погружаться в вязкую зеленую воду. Было начало девятого, солнце нагрело липкую виниловую внутреннюю оболочку костюма, прилипавшую к груди и ногам, и он с удовольствием смотрел вниз, ожидая встречи своей горячей кожи с прохладой воды. Поверхность озера была совершенно непрозрачной. Клубок листьев и водорослей плыл неподалеку, волнуемый пузырями воздуха, поднимавшимися со взбаламученного дна.

Справа от себя он видел Беатрис и доктора Бодкина. Они подбородками опирались на перила и с тревогой смотрели на него. Прямо впереди, на крыше катера, возвышалась высокая худая фигура Стренгмена, полы его куртки развевались, руки он упер в бока, а волосы змеились вокруг его белого лица клоуна. Он молча чему-то жмурился, затем, когда Керанс ступил в воду, крикнул, но Керанс не расслышал, что именно. Немедленно свист воздуха в вентилях усилился и ожил внутренний микрофон.

Вода была теплее, чем он ожидал. Вместо прохладной освежающей ванны он погрузился в цистерну с теплым клейким желе, которое льнуло к его икрам и бедрам, как зловонные объятия гигантского протозойского чудовища. Он медленно опустился по плечи, затем сошел еще ниже и позволил своему весу медленно утянуть себя в зеленоватую глубину, придерживаясь руками за ступеньки лестницы. На глубине в десять футов он остановился.

Здесь вода была прохладней, и он с удовольствием расслабил руки и ноги и дал глазам привыкнуть к бледному свету. Несколько маленьких рыбок скользнули мимо него, их тела, как серебряные звезды, сверкали на фоне расплывавшегося пятна — такой выглядела поверхность снизу. В сорока футах от него вырисовывалась полукруглая громада планетария; она казалась гораздо больше и загадочней, чем с поверхности, как корма древнего затонувшего лайнера. Полированная алюминиевая поверхность купола стала тусклой, обросла множеством моллюсков; ниже, там где купол переходил в прямоугольную крышу аудитории, медленно колебались в воде гигантские водоросли, длина листьев некоторых из них достигала десяти футов.

В двадцати футах от дна лестница кончалась, но Керанс почти достиг состояния равновесия в воде. Он медленно опускался, держась руками за нижнюю ступеньку лестницы, затем разжал руки и опустился на дно, увлекая за собой сигнальный шнур и воздушный шланг; они круто уходили вверх, к черному прямоугольнику днища катера.

Он был отрезан скафандром от внешнего шума, поэтому свист нагнетаемого насосом воздуха и звук собственного дыхания громко отдавались в его ушах, усиливаясь по мере того, как возрастало давление воздуха. Звуки, казалось, барабанили вокруг него в темной оливково-зеленоватой воде, глухо стуча, как приливно-отливный ритм из его снов.

Из наушника раздался голос:

— Говорит Стренгмен, Керанс. Как вам нравится наша всеобщая прародина?

— Чувствую себя как дома. Я уже почти на дне. Водолазная клетка висит у входа в планетарий.

Он опустился коленями на мягкую глину, покрывавшую дно, и осмотрелся, цепляясь за покрытый моллюсками фонарный столб. Наклонившись вперед, преодолевая сопротивление воды, он побрел сквозь густую тину, которая поднималась от его башмаков, как облачка газа. Справа от него виднелась смутная линия фасадов зданий, ограниченная тротуаром; ил мягкими дюнами возвышался около них, доходя до окон первого этажа. В промежутках между домами наносы ила достигали двадцати футов высоты, и ограждающие сетки тонули в них, как заросшие землей пропускные решетки древних крепостей. Большинство окон было забито обломками досок, мебели и увито водорослями.

Водолазная клетка медленно раскачивалась на тросе в пяти футах над улицей, набор разнообразных пилок и гаечных ключей был прикреплен к ее полу. Керанс приблизился ко входу в планетарий, таща за собой веревку и шланг, спотыкаясь, когда они сильно натягивались.

Перед ним, как гигантский подводный замок, возвышалась белая громада планетария, слабо освещенная солнечными лучами, проникавшими с поверхности. Металлические перегородки у входа были разобраны водолазами Стренгмена, и полукруглая дверь, ведущая в фойе планетария, была распахнута. Керанс включил лампу на шлеме и прошел внутрь. Он внимательно осмотрел входное помещение и пошел по лестнице, ведущей на антресоли... Металлические перила и хромированные стенные панели заржавели, но в общем интерьер планетария, изолированный от растительной и животной жизни лагуны, выглядел совершенно девственным, не тронутым временем, как и в тот день, когда рухнула последняя плотина.

Пройдя билетную кассу, Керанс медленно поднялся на антресоли и остановился у перил, чтобы прочесть надписи на дверях гардеробов. Круглый коридор шел кольцом вокруг аудиторий, лампа бросала четко очерченный конус света на сплошную стену металлического заграждения. В надежде, что когда-нибудь плотины будут восстановлены, администрация планетария установила эту конструкцию вокруг центральной аудитории, оборудовав ее поперечны-

ми креплениями, закрытыми на висячие замки, которые сейчас полностью проржавели.

В одной из панелей перегородки виднелось пробитое ломом отверстие, которое позволяло заглянуть в аудиторию. Уставший от давления и сопротивления воды, Керанс ограничился коротким взглядом внутрь при свете головного фонаря, терявшемся во мраке.

Возвращаясь, чтобы взять в водолазной клетке ножовку, он заметил небольшую боковую лесенку, которая вела к двери наверху, там находилась либо проекционная, либо кабинет администратора. Держась за перила, он с трудом поднялся по скользким ступеням. Дверь была закрыта, но он нажал плечом, и створки раскрылись.

Остановившись, чтобы распутать шланг, Керанс прислушался к шуму в ушах. Ритм заметно изменился: очевидно на насосах начала работу новая пара операторов. Они качали медленнее и давление воздуха уменьшилось. Почему-то Керанс ощутил легкую тревогу. Хотя он ощущал злобу и недоброжелательность Стренгмена, он почему-то был уверен, что тот не станет кончать с ним столь откровенно, попросту перекрыв доступ воздуха. Рядом находились Беатрис и Бодкин, и хотя Риггс и его люди были отозваны, всегда сохранялась вероятность того, что какой-нибудь специальный правительственный отряд заглянет в лагуну. Если только он не убьет и Беатрис с Бодкиным, что казалось невероятным по целому ряду причин (Стренгмен полагал, что они очень хорошо знают город, который он обшаривал), для Стренгмена смерть Керанса доставит больше осложнений, чем выгоды.

Когда воздух в прежнем ритме засвистел в шлеме, Керанс двинулся вперед через пустую комнату. Несколько полок висело на стене, в углу стоял картотечный шкаф. И вдруг Керанс с ужасом увидел впереди человека в огромном скафандре стоявшего лицом к нему в десяти шагах напротив; белые пузыри поднимались вверх от его лягушачьей головы, руки застыли в угрожающей позе, луч света от лампы на его шлеме рассекал пространство.

— Стренгмен! — невольно воскликнул Керанс.

— Керанс! Что случилось? — голос Стренгмена, раздававшийся неожиданно громко, пресек панику. — Керанс!

— Извините, Стренгмен. — Керанс взял себя в руки и медленно двинулся навстречу приближающейся фигуре. — Я увидел себя в зеркале. Я наверху в административном помещении. Точно не могу сказать. С антресолей сюда ве-

дет особая лестница... И, возможно, тут есть вход в аудиторию.

— Хорошо. Посмотрите, может быть, там есть сейф.

Не реагируя на его приказы, Керанс положил руки на гладкую поверхность стекла и покачал головой из стороны в сторону. Он находился в контрольном помещении, выходящем в аудиторию, его отражение возникло на стеклянной звуконепроницаемой перегородке. Рядом стоял письменный стол, а перед ним кресло. Утомленный давлением воды, Керанс опустился в кресло и через панель посмотрел в аудиторию.

Слабо освещенный маленькой нашлемной лампой, перед ним смутно высился темный свод, стены его были покрыты тонким слоем ила, он напоминал огромное бархатное чрево из какого-нибудь сюрреалистического кошмара. Черная непрозрачная вода сплошным вертикальным занавесом скрывала низкую сцену в центре аудитории, как бы пряча некую священную тайну. Сходство помещения с огромным чревом увеличивалось, а не уменьшалось круглыми рядами сидений, и Керанс, прислушиваясь к шуму в ушах, уже не был уверен, что не слышит смутный подсознательный реквием из своих снов. Он открыл маленькую дверь, которая вела вниз, в аудиторию, и отключил телефонный кабель, чтобы не слышать голоса Стренгмена.

Лампа осветила покрытые илом ступени лестницы. В центре купола вода была почти на двадцать градусов теплее, чем в контрольном помещении из-за странных причуд конвекции, и он ощутил себя как в горячей ванне. Прожектор осветил карту звездного неба на куполе, покрытом трещинами; они светились, как очертания далеких галактик. Он смотрел вверх на незнакомые созвездия, словно какой-то подводный Кортес, вынырнувший из глубин и впервые взглянувший на безбрежный Тихий океан открытого неба.

Стоя на сцене, он смотрел на слепые ряды сидений, окружавшие его, и размышлял о том, какой же утробный обряд совершается здесь. Давление воздуха в шлеме резко усилилось, как только люди наверху потеряли телефонную связь. Клапаны по бокам шлема глухо стучали, серебряные пузыри срывались и улетали прочь, как маленькие стремительные призраки.

Постепенно, по мере того, как медленно текли минуты, наблюдение за этими странными созвездиями, возможно, глядевшими еще на Землю триасового периода, стало казаться Керансу самым важным делом. Он спустил-

ся с эстрады и двинулся назад в контрольное помещение, волоча за собой воздушный шланг. Дойдя до двери, он с внезапной вспышкой раздражения завязал его петлей и одел на руку. Немного помедлил, затем сделал вторую петлю на ручке двери, обеспечив себе радиус перемещения в двадцать футов. Он вновь спустился вниз, но застыл на полпути к помосту, откинув назад голову и стараясь прочно запечатлеть очертания звездного неба на своей сетчатке. Теперь эти звезды казались ему более привычными и знакомыми, чем те, что он всегда видел на небе.

Почувствовав резкую боль в евстахиевой трубе, он попытался глотнуть, но внезапно понял, что внутренний клапан, пропускавший в шлем воздух, не действует. Слабый свист раздавался через каждые десять секунд, но давление стремительно падало. Чувствуя головокружение, он взобрался наверх и попытался отвязать воздушный шланг от ручки двери. Теперь он был убежден, что Стренгмен воспользуется моментом, чтобы инсценировать несчастный случай. Задыхаясь, он споткнулся на ступеньке, поднялся и неуклюже упал на сиденье в контрольной комнате.

Его прожектор в последний раз осветил потолок аудитории — этот огромный свод кошмарного чрева. Керанс ощутил приступ тошноты. Он рванулся назад и распластался на ступенях, оцепенело вцепившись в петлю на дверной ручке. Внешнее давление воды смяло его водолазный костюм — казалось, перегородки между его кровеносными сосудами и теплой морской водой больше не существовало. Глубокая иловая колыбель ласково обняла его, как огромная плацента, более мягкая, чем самая нежная постель, какую он когда-либо знал. Сознание угасало. Высоко над собой он видел древние туманности и галактики, светящиеся сквозь тьму утробной ночи, но постепенно даже их свет отступал, и теперь он видел лишь слабый отблеск, доходивший из укромных уголков мозга. Он спокойно начал приближаться к этому свету, медленно плывя к центру купола, а этот слабый маяк все отступал и удалялся по мере его приближения. И вот он совсем погас, и Керанс плыл в ночной темноте, как слепая рыба в бесконечном незнакомом море, чем-то побуждаемый двигаться вперед, но никак не осознающий истоков этого побуждения...

Проходили эпохи. Гигантские волны, бесконечно медленно накатывались на берега времени и опадали. Он плыл из одного потока времени в другой, из одного океана

вечности в следующий, тысячи его отражений дрожали в зыбких гранях бесконечного. В его легких, казалось, плескалось гигантское внутреннее озеро, его грудная клетка взорвалась, как у кита, проглотившего целый океан.

— Керанс...

Он увидел ярко освещенную палубу, блестящее от пота, полное ожидания эбеновое лицо Адмирала, сидевшего перед ним на корточках и сжимавшего его грудь своими огромными руками.

— Стренгмен, он... вы...

Подавившись хлынувшей из желудка водой, Керанс откинулся назад, на горячую палубу, солнце слепило глаза. На него внимательно смотрел круг лиц — Беатрис с широко раскрытыми в тревоге глазами, серьезный, хмурый Бодкин, мешанина коричневых овалов под фуражками цвета хаки. Внезапно среди них возникло единственное белое лицо.

— Стренгмен, вы...

Мрачное выражение сменилось улыбкой.

— Нет, не я, Керанс. Не обвиняйте меня в этом. Доктор Бодкин подтвердит это. — Он помахал пальцами перед Керансом. — Я же предупреждал вас, что погружаться слишком глубоко нельзя.

Адмирал встал, удовлетворенный тем, что Керанс пришел в себя. Раскаленная железная палуба жгла спину, и Керанс, опираясь на локоть, сел в луже воды. В нескольких футах от него, как смятый труп, валялся водолазный костюм.

Беатрис протиснулась сквозь кольцо зевак и присела рядом с ним.

— Роберт, расслабьтесь, не думайте сейчас ни о чем.

Она обняла его руками за плечи и внимательно взглянула на Стренгмена. Тот стоял рядом с ними, уперев руки в бока и улыбаясь.

— Не стало воздуха... — Сознание Керанса прояснилось, но легкие трепыхались, как обожженные крылья бабочки. Он постарался охладить их, глубоко вдыхая воздух. — Кончилась подача. Разве вы не перестали...

Подошел Бодкин с курткой Керанса и набросил ему на плечи.

— Спокойно, Роберт, теперь это уже не важно. Я убежден, что ничьей вины тут нет. Мы все трое разговаривали, когда это произошло. Шланг зацепился за какое-то препятствие, это просто несчастный случай.

— Но это же не так, доктор, — вмешался Стренгмен. — Не создавайте миф, Керанс будет вам больше признателен за правду. Он сам зацепил этот шланг, совершенно добровольно. Почему? — Тут Стренгмен сделал выразительный жест. — Потому что он хотел стать частью этого затонувшего мира. — Тут он расхохотался и продолжал весело смеяться, пока Керанс с трудом ковылял к креслу. — И вся шутка заключается в том, что он никогда так и не узнает, правду ли я говорю или нет. Понимаете это, Бодкин? Посмотрите на него, он искренне растерян. Боже, какая насмешка!

— Стренгмен! — гневно выкрикнула Беатрис, победив свой страх. — Прекратите! Это был несчастный случай!

Стренгмен театрально пожал плечами.

— Это был несчастный случай! — передразнил он. — Ну что ж, попробуем согласиться с этим. Но такая версия делает происшедшее еще менее понятным, особенно для Керанса. «А пытался ли я убить себя?» — вот вопрос, гораздо более важный, чем пресловутое «быть или не быть?»

Он снисходительно улыбнулся Керансу, сидевшему в кресле и прихлебывающему шампанское, которое принесла ему Беатрис. — Керанс, желаю вам решить эту задачу — если только вы сумеете.

Керанс слабо улыбнулся. По скорости, с которой он приходил в себя, он понял, что уже преодолел кризисное состояние. Члены экипажа вернулись к своим делам и им больше не интересовались.

— Спасибо, Стренгмен. Я сообщу вам, когда найду ответ.

На обратном пути в «Риц» Керанс молча сидел на корме катера, вспоминая похожую на огромное чрево аудиторию планетария, а также вызванные этим подобием странные ассоциации и стараясь вычеркнуть из памяти: «Пытался ли я...» — навязанное ему Стренгменом. Действительно ли он сам перекрыл доступ воздуха в шланге или это был несчастный случай, а может, сам Стренгмен приложил к этому руку? Он обязан найти ответ. К тому же он не мог полностью осознать причины своего стремления произвести погружение. Несомненно, им двигало желание испытать Стренгмена, своего гипотетического убийцу.

На протяжении следующих ближайших часов и дней вопрос оставался без ответа. Был ли этот затонувший мир, как и удивительное бегство на юг Хардмана проявлением бессознательной логики вырождения, возвращения в прошлое? Керанс напрасно напрягал свою память, стараясь

разрешить эту загадку, выяснить роль, которую играл Стренгмен. А Беатрис и Бодкин отказывались обсуждать этот случай, как будто их тоже тревожили какие-то свои вопросы, разобраться в которых он, Керанс, им мешал.

Глава 10

Прием с сюрпризом

Разбуженный ревом приближающегося гидроплана, Керанс испуганно вздрогнул, его голова качнулась из стороны в сторону на изношенной подушке. Он остановил взгляд на ярко-зеленых параллелограммах, покрывавших потолок — отражениях венецианских зеркал, — слушая, как снаружи усиливается и затихает гул турбин, затем с трудом поднялся с постели. Было уже семь тридцать — на час позже времени его обычного подъема и беспощадный поток света, отражаясь от поверхности лагуны, уже запустил свои щупальца в затененную комнату, как хищное золотое чудовище.

С внезапной вспышкой раздражения он заметил, что забыл включить перед сном стоявший у постели вентилятор. Он теперь засыпал неожиданно, в самые неподходящие моменты, например, сидя на кровати и снимая башмаки. Стремясь сэкономить горючее, он отказался от спальни и передвинул тяжелую кровать в гостиную, но там ему так плохо спалось, что вскоре он был вынужден вернуть кровать обратно.

— Керанс!..

В коридоре внизу раздался голос Стренгмена. Керанс лениво направился в ванную, собираясь сполоснуть лицо, пока Стренгмен будет подниматься наверх.

Бросив шлем на стол, Стренгмен извлек из комбинезона термос с черным кофе и сушеные орешки, позеленевшие от времени.

— Презент для вас. — Он с дружелюбной улыбкой посмотрел в тусклые глаза Керанса и спросил. — Как дела в далеком прошлом?

Керанс опустился на край постели, ожидая, пока утихнет барабанная дробь призрачных джунглей в его мозгу. Остатки снов пронизывали реальность вокруг него.

— Что привело вас сюда? — безразлично спросил он.

Лицо Стренгмена окрасилось откровенной иронией.

— Керанс, это мне нравится. Вы все забыли. — Он

снял с кондиционера какую-то книгу, улыбнувшись Керансу. — Конечно же, у меня есть повод — я хочу пригласить вас поужинать со мной сегодня вечером. Не трясите головой. Я посетил вас, и вы должны нанести ответный визит. Беатрис и старый Бодкин тоже будут, мы отлично проведем время — фейерверк, угощение и... сюрприз.

— Какой сюрприз?

— Увидите. Нечто действительно захватывающее, поверьте мне, я никогда не делаю ничего наполовину. Если мне захочется, я заставлю крокодилов танцевать на кончиках своих хвостов. — Он самодовольно кивнул. — Керанс, вы выглядите подавленным... Для вас будет лучше и полезнее отвлечься, это притормозит вашу безумную машину времени. — Настроение его изменилось, он стал глубокомысленным и рассеянным. — Я не думаю подшучивать над вами, сам я не выдержал бы и десятой доли психологического бремени, что вы возложили на свои плечи. Взять хотя бы ваше трагическое одиночество в триасовых болотах. — Он раскрыл книгу, — это были стихи Донна, — и наугад прочел строку:

— «Мир в мире, каждый человек — это остров в самом себе, плывущий через моря и архипелаги...»

Наполовину убежденный, что его все же дурачат, Керанс спросил:

— Как идут поиски?

— Не очень хорошо. Город расположен слишком близко к северу, чтобы в нем оставили что-либо ценное. Но несколько интересных вещей мы нашли. Посмотрите вечером.

Керанс колебался, сомневаясь, хватит ли у него сил для бесед с Беатрис и доктором Бодкиным, — он не видел их с момента своего печального погружения, хотя знал, что каждый вечер Стренгмен на своем гидроплане летает к дому Беатрис... Какого успеха он там этом добился, Керанс мог лишь гадать, но замечания Стренгмена — типа «Женщины похожи на пауков, они ткут свою паутину, подстерегая вас», или «Она предпочитает говорить о вас, Роберт» — давали ему надежду на то, что Стренгмен ничего не достиг.

Однако что-то в облике и интонациях Стренгмена говорило, что присутствие Керанса должно было стать гвоздем программы и что отказываться бесполезно. Стренгмен следил за ним, ожидая ответа.

— Слишком туманное предложение, Стренгмен.

— Мне очень жаль, Керанс, но если бы мы знали друг

друга лучше, я уверен, вы бы не колебались. А сейчас сделайте скидку на мою маниакально-депрессивную личность. Мой стиль — экстравагантность.

Керанс разыскал две позолоченные фарфоровые чашки и наполнил их холодным кофе из термоса. «Знали друг друга лучше, — горько повторял он про себя. — Будь я проклят, если я вообще знаю о вас что-нибудь, Стренгмен».

Блуждающий по лагунам-городам, как преступный дух тонущего мира, воплощение его бессмысленной жестокости и грубости, Стренгмен был полуграбителем, полудьяволом. Однако он играл и определенную положительную роль, как встающее перед Керансом говорящее зеркало, предупреждающее его, какую жизнь он выбирает. Это и еще нечто влекло их друг к другу, иначе Керанс давно покинул бы лагуну и устремился бы куда-нибудь на юг.

— Я надеюсь, это не прощальный ужин? — спросил он Стренгмена. — Вы не собираетесь покинуть нас?

— Что вы, Керанс, конечно, нет, — возразил Стренгмен. — Мне еще здесь не наскучило. К тому же, — глубокомысленно добавил он, — куда ж нам плыть? Больше ничего не осталось. Иногда, должен вам признаться, я чувствую себя, как финикийский мореплаватель на краю света... Великая роль, не правда ли?

...подводное течение с шепотом перебирало его кости. Когда он лежал или сидел, он забывал свой возраст, вспоминал юность и погружался в водоворот...

Стренгмен продолжал приставать к Керансу, пока тот не принял приглашения, затем торжествующе удалился. Керанс прикончил кофе и принялся зашторивать венецианские окна, выходящие на яркое солнце.

Снаружи, в его кресле на веранде, сидел белый варан и смотрел на него каменными глазами, выжидая, что произойдет.

Плывя по лагуне вечером к пароходу, Керанс размышлял о том, что же за сюрприз приготовил Стренгмен. Он надеялся, что это не станет искусно подготовленным розыгрышем. Усилия, которые он затратил на бритье и примерку белого обеденного пиджака, изрядно утомили его.

По всей лагуне были заметны приготовления к приему. Пароход стоял на якоре в пятидесяти ярдах от берега. Он был украшен гирляндами из цветов и разноцветных ламп, два катера систематически прочесывали лагуну, выгоняя из нее аллигаторов.

Керанс указал на большого каймана, которого матросы

баграми гнали к выходу из лагуны и спросил Великого Цезаря:

— Что, в сегодняшнем меню — жаренные аллигаторы?

Гигантский горбатый мулат, стоявший на носу катера, неопределенно пожал плечами:

— Стренгмен дает сегодня вечером большое представление, мистер Керанс, действительно большое. Увидите.

Керанс встал и подошел к борту.

— Великий Цезарь, давно ли вы знаете капитана?

— Очень давно, мистер Керанс. Лет десять, может, двенадцать...

— Он странный человек, — продолжал Керанс. — Его настроение меняется так быстро. Должно быть вы и сами заметили это. Он иногда пугает меня.

Огромный мулат улыбнулся.

— Вы правы, мистер Керанс, — заметил он со смешком. — Вы совершенно правы.

Но прежде чем Керанс сумел задать очередной вопрос, их окликнули в мегафон с борта парохода.

Стренгмен приветствовал каждого из своих гостей по мере их прибытия на верхних ступеньках трапа. Он был в отличном настроении и восторженными репликами прокомментировал появление Беатрис. На ней было длинное бальное платье из синей парчи, лазурная краска вокруг глаз делала ее похожей на экзотическую райскую птицу. Даже Бодкин сделал уступку приличиям, подровняв бороду, надев старый респектабельный пиджак и повязав вокруг шеи полоску крепа вместо галстука. Но, как и Керанс, он был погружен в себя и участвовал в разговоре за ужином автоматически.

Стренгмен, казалось, не замечал этого, а если и заметил, то никак не реагировал, ибо был очень занят. Какими бы ни были его мотивы, он затратил много труда и энергии для подготовки этого приема. Над палубой был натянут новый белый тент, похожий на парус: он легко поднимался, давая возможность широкого обзора лагуны и берега. Большой круглый обеденный стол стоял у перил, вокруг него разместились низкие диваны в египетском стиле с позолотой и инкрустацией из слоновой кости. Множество разномастной, но яркой золотой и серебряной посуды украшало стол, для напитков были поставлены высокие бокалы из золоченой бронзы.

В припадке расточительности Стренгмен покусился и на свой склад антиквариата — несколько почерневших бронзовых статуй стояли у стола, держа подносы с фрук-

тами и цветы, а к трубе парохода была прислонена огромная картина школы Тинторетто. Называлась она «Свадьба Эсфири и царя Ксеркса», но вид венецианской лагуны и дворцов Большого Канала и костюмы шестнадцатого века персонажей картины делали ее, как съязвил Бодкин, скорее похожей на «Свадьбу Нептуна и Минервы», и было очевидно, что Стренгмен хотел сказать этой картиной. Царь Ксеркс, хитрый пожилой венецианский дож с клювообразным носом, выглядел покоренным скромной черноволосой Эсфирью, в которой просматривалось отдаленное, но явственное сходство с Беатрис. Рассматривая картину, среди изображенных на ней множества гостей, Керанс внезапно заметил знакомый профиль — резкое жесткое лицо Стренгмена в одеянии Члена Совета Десяти, — но когда подошел поближе, это сходство исчезло.

Свадебная церемония Ксеркса проходила на борту галеона, пришвартованного ко дворцу дожей и искусно выписанный такелаж старинного судна казался продолжением стальных тросов парохода. Кроме переклички пейзажей — живописного и окружающего, похожи были и персонажи; команда Стренгмена, казалось, только что сошла с полотна с капитаном, матросами-неграми и гондольерами.

Потягивая коктейль, Керанс обратился к Беатрис:

— Узнаете себя на картине, Беа? Очевидно Стренгмен надеется, что вы поступите с ним так же, как Эсфирь с Ксерксом.

— Вы, как всегда, правы, Керанс. — Стренгмен подошел к ним и с ужимками поклонился Беатрис. — Я надеюсь, вы не лишите меня надежды, дорогая?

— Я крайне польщена, Стренгмен. — Беатрис оглядела картину, затем повернулась и встала у перил в облаке пара, глядя на воду, — но я не уверена, что хочу видеть себя в этой роли.

— Но, мисс Дал, это неизбежно. — Стренгмен жестом указал стюарду на Бодкина, сидевшего в задумчивости в углу, потом схватил Керанса за плечо. — Верьте мне доктор, скоро вы увидите...

— Хорошо бы, а то мое терпение на исходе.

— Неужели после тридцати миллионов лет ожидания вы не в силах подождать пять минут? Я вскоре верну вас в настоящее.

На протяжении ужина Стренгмен дирижировал последовательностью смены вин и блюд, время от времени совещаясь о чем-то с Адмиралом. Когда принесли десерт,

Стренгмен наконец перестал суетиться и подмигнул Керансу. Два катера в это время отплыли в разные концы лагуны и скрылись в протоках, третий занял позицию в центре, а затем из трех точек в небо вознеслись и рассыпались фонтаны огня.

Последние солнечные лучи еще золотили поверхность воды, но их превосходили яркостью огни фейерверка: огненные колеса и россыпи были как бы выгравированы на смеркающемся небе. Усмешка на лице Стренгмена становилась шире и шире, он откинулся на своем диване и чему-то улыбался, резкие тени от фейерверка на лице подчеркивали его сходство с сатиром.

Керанс наклонился к нему, чтобы узнать, когда же будет сюрприз, но Стренгмен предвосхитил его.

— Вы ничего не заметили? — он осмотрел всех за столом. — Беатрис? Доктор Бодкин? Вы трое слишком отстранены. Вынырните из глубины своего отсутствия хоть на мгновение.

Необычное молчание нависло над кораблем, и Керанс вдавился в спинку кресла, чтобы быть наготове в случае какой-нибудь выдумки Стренгмена. Случайно взглянув на нижнюю палубу, он вдруг заметил двадцать или тридцать членов экипажа, неподвижно смотревших на поверхность лагуны, их эбеновые лица и белые фуфайки жутковато мерцали при свете фейерверка, как у команды корабля-призрака...

Удивленный Керанс осмотрел небо и лагуну. Сумерки наступили раньше, чем он ожидал, и стены зданий, окружавших лагуну, слились с берегом. В то же время небо оставалось светлым, верхушки растений и вода тоже были хорошо освещены.

Ритмичный гул слышался отовсюду, перекрывая звуки фейерверка. Вода вокруг парохода стала странно вязкой и неподвижной, обычное легкое волнение пропало. Раздумывая, не решил ли Стренгмен поразить их выступлением дрессированных крокодилов, Керанс смотрел вниз на воду.

— Алан! Во имя неба, взгляните! Беатрис, вы видите? — Керанс вскочил со своего места и подбежал к перилам, в изумлении указывая на воду. — Уровень понижается!

В сполохах фейерверка сквозь поверхность воды теперь смутно вырисовывались прямоугольники крыш затонувших зданий, их окна, похожие на глазницы огромных черепов. Они становились все ближе и ближе, возникая из-под воды, как затонувшая Атлантида. Вначале показались десять, затем двадцать зданий, их карнизы и пожар-

ные лестницы все яснее вырисовывались сквозь утончавшийся слой прозрачной воды. Большинство из них было в пять этажей — часть района небольших магазинов и учреждений, окруженных более высокими зданиями, определяющими границы лагуны.

В пятидесяти ярдах от них первая крыша вырвалась на поверхность — скошенный прямоугольник, густо поросший водорослями, в которых билось несколько крупных, не успевших уплыть рыб. Сразу вслед за этим появилось еще с полдюжины зданий; уже было видно, что они образуют узкую улицу. Из окон потоками низвергалась вода, водоросли свисали с перепутанных проводов.

Вид лагуны менялся на глазах: при этом корабль медленно опускался на что-то, похожее на небольшую площадь, а вокруг из воды выступало все больше крыш с полуразрушенными трубами и шпилями, и ровная поверхность воды превращалась в авангардистские джунгли — кубы и пирамиды возникающих из-под воды зданий были покрыты мощной растительностью. Остатки воды превратились в отдельные каналы, темные и мрачные в узких улочках.

— Роберт! Прекратите! Это ужасно!

Керанс почувствовал, как Беатрис схватила его за руку. С искаженным лицом она смотрела на возникающий город, резкий острый запах водорослей вызывал у нее отвращение. Вуаль пены покрывала перепутанные телеграфные провода и исковерканные трубки неоновых реклам, слой тины покрывал фасады зданий, превращая ранее сказочно прекрасный подводный город в гниющий канализационный коллектор.

На миг Керанс испугался за свой рассудок, не в силах понять умом это превращение знакомого и привычного ему мира. Сперва он подумал о внезапном климатическом катаклизме, который вызвал быстрое падение уровня Мирового океана и осушение затонувших городов. Если это так, то снова придется приспосабливаться к новой жизни, или он навсегда окажется изолированным в какой-нибудь заброшенной лагуне триасового периода. Но огромное древнее солнце в глубине его мозга пульсировало с неослабевающей силой, кроме того до него дошел шепот Бодкина:

— Удивительно мощные насосы. Вода убывает на два-три фута в минуту. Мы совсем недалеко от дна, фантастично!

В полумраке раздался сдавленный смех — Стренгмен с торжеством откинулся на своем диване, вытирая глаза

салфеткой. Дождавшись, наконец, этого рукотворного чуда, он наслаждался видом трех потрясенных людей над перилами. Над ним, на месте рулевого стоял Адмирал и с восторгом смотрел на возникший город; его голая грудь сверкала в мерцающем свете, как медный таз. Несколько матросов то натягивали, то ослабляли причальные концы, маневрируя, чтобы корабль не ударился о ближайшие здания. Два катера, ранее исчезнувшие из виду, теперь появились вновь; мощные насосы, установленные на них, поглощали воду и гнали ее по гибким трубам дальше — за пределы лагуны. Вскоре выступившие из воды здания закрыли обзор. Оставалось всего десять-двенадцать футов воды, а в ста ярдах виднелся на мели третий катер.

Стренгмен овладел собой и подошел к перилам.

— Великолепно, не правда ли, доктор Бодкин? Какая оригинальная шутка, какой истинно совершенный спектакль! Пойдемте, доктор, перестаньте дуться и поблагодарите меня — организовать это было нелегко.

Бодкин кивнул и со все еще напряженным лицом двинулся вдоль борта. Керанс спросил:

— Но как вы замкнули периметр? Ведь стен вокруг лагуны нет.

— Теперь они есть, доктор. Я думал, вы разбираетесь в морской биологии. Водоросли, растущие в болотной грязи, за две недели превратили ее в водонепроницаемую преграду; на сегодняшний день оставался небольшой проход, и мы закрыли его за пять минут.

Они находились на проезжей части улицы со стоящими на обочинах со спущенными колесами проржавевшими автомобилями и автобусами. Огромные анемоны и морские звезды копошились в лужах, из окон на тротуары спускались водоросли.

Бодкин оцепенело произнес:

— Лейстер-сквер!

С замолкшим смехом Стренгмен повернулся к нему, его взгляд хищно блуждал по портикам бывших кинозалов и театров.

— Значит, вы знаете, где мы находимся и куда вы сами стремились попасть, доктор! Вы пожалеете, что не помогли нам раньше, когда мы только прибыли сюда, — он в бешенстве ударил кулаком по перилам и схватил Бодкина за руку. — Клянусь господом, сейчас только и пойдут у нас дела! — он со злорадной ухмылкой бросился прочь, налетев по дороге на обеденный стол. Издали послышались его обращенные к Адмиралу слова.

Беатрис прижав руки к горлу, с тревогой следила, как он исчезает внизу.

— Роберт, он безумец. Что нам делать? Он осушит все лагуны.

Керанс кивнул, думая о метаморфозе Стренгмена, свидетелем которой они стали. С осушением лагуны манеры Стренгмена резко изменились: налет утонченной вежливости и лаконичного юмора слетел, как шелуха, он стал бессердечным и коварным, в него как бы вселился хулиганский дух пригородных улиц. Можно было подумать, что вода, затопившая города, скрыла и его истинный характер, придав ему ненадолго внешний лоск и утонченность, а сейчас обнажив его.

На палубу легла тень соседнего здания, закрыв часть полотна картины темным занавесом. Было видно лишь несколько фигур: Эсфирь, негр-гондольер и поразительно напоминающий Стренгмена безбородый член Совета Десяти. Как и предрекал Стренгмен, Беатрис сыграла свою символическую роль, и Нептун сдался и отступил. Керанс посмотрел на круглый корпус испытательной станции, лежавший на крыше кинотеатра, как огромный валун на краю обрыва. Здания, составлявшие периметр лагуны, теперь закрывали полнеба: они оказались на влажном дне каньона.

— Не расстраивайтесь, — сказал Керанс. Он поддержал Беатрис, когда корабль коснулся дна и слегка накренился. — Когда они обшарят все магазины и музеи, то уйдут. И в любом случае, через одну-две недели хлынут ливни.

Беатрис передернуло при виде летучих мышей, метавшихся от одного капающего карниза к другому.

— Но все стало так отвратительно. Я не могу поверить, что здесь кто-то жил. Похоже на воображаемый адский город. Роберт, мне необходима лагуна.

— Ну что же, мы можем двинуться на юг. Что вы думаете об этом, Алан?

Бодкин медленно покачал головой, все еще слепо глядя на темные здания, окружающие площадь.

— Уходите вдвоем, я должен остаться здесь.

Керанс колебался.

— Алан, — мягко предупредил он. — Стренгмен теперь сам возьмет все, что хотел... Мы для него теперь не просто бесполезны, мы — нежелательные свидетели.

Но Бодкин не слушал его. Он смотрел вниз, на улицы, вцепившись в перила, как человек за прилавком огромного магазина, торгующего воспоминаниями его детства.

Вода с улиц почти исчезла. Ближайший катер уже лежал на боку. Его экипаж во главе с Великим Цезарем спрыгнул в воду, которая доходила людям до пояса, и побрел к пароходу.

Судно, последний раз качнувшись, прочно село на дно, послышались крики Стренгмена и его подчиненных, отталкивающих баграми путаницу телеграфных проводов. В воду спустили маленькую шлюпку и под торжествующие вопли Адмирал через мелеющую воду перевез Стренгмена к фонтану в центре площади. Здесь Стренгмен выхватил из кармана ракетницу и с криком принялся очередь за очередью пускать в темнеющее небо разноцветные ракеты.

Глава 11

Баллада о Мисте Костлявом

Через полчаса Беатрис, Керанс и доктор Бодкин смогли ступить на улицы. Повсюду еще были большие лужи, вода продолжала вытекать из окон и дверей зданий, но глубина ее не превышала двух-трех футов. Видны были сухие полосы тротуара в сотни ярдов длиной, а большинство узких улиц совершенно просохло. Рыбы гибли посреди мостовых, на тротуарах и в сточных канавах виднелись завалы водорослей и тины, но, к счастью, убегающая вода пробила в них широкие проходы.

Орава пьяных грабителей заполнила площадь. Стренгмен в белом костюме, посылающий разноцветные сигнальные ракеты в полутьму улиц, возглавил орущую толпу. Некоторые тащили бочонки с ромом, другие размахивали целыми батареями бутылок, мачете и гитарами. Несколько насмешливых выкриков послышалось среди них, когда Керанс помогал Беатрис спуститься с трапа, но вскоре они, отделившись от остальных, углубились в молчаливый город.

С опаской осматривали они улицы-джунгли, возникавшие со всех сторон, как ответвления горного ущелья. Керанс свернул к ближайшему зданию, и вскоре они стояли в вестибюле одного из огромных кинотеатров. Морские ежи и огурцы вяло ползали среди наносов мусора по влажному кафельному полу.

Беатрис одной рукой подобрала свою длинную юбку, и они медленно двинулись вдоль кинотеатра, населенного теперь лишь ракушками и моллюсками. На первом же углу они свернули в сторону от звуков разгула, доносивших-

ся со стороны площади и пошли на запад по влажному каньону улицы. Над их головами продолжали взрываться разноцветные сигнальные ракеты, и тонкие стеклообразные губки отражали голубые и розовые вспышки.

— Ковентри-стрит, Хаймаркет... — Керанс читал заржавевшие вывески улиц. Они быстро свернули в один из переулков, так как Стренгмен и его банда с выстрелами и криком, вспарывая мачете проржавевшие витрины магазинов, приблизились к ним.

— Будем надеяться, что они найдут что-нибудь, что удовлетворит их, — пробормотал Бодкин. Он ощупывал взглядом потемневшую линию горизонта, как бы ища ушедшую воду, которая еще недавно скрывала город.

Несколько часов они, как бесприютные призраки, бродили по узким улицам, изредка встречая кого-нибудь из членов загулявшегося экипажа, пьяно бредущего с мешком награбленного в одной руке и мачете в другой. На некоторых перекрестках разожгли маленькие костры, группки по два-три человека грелись вокруг тлеющего гнилого дерева.

Избегая их, трио двигалось к южному краю бывшей лагуны, где в темноте возвышался дом Беатрис, его навес виднелся на фоне звезд.

— Как мы преодолеем первые десять этажей до лифта? — спросила Беатрис у Керанса.

Она указала на влажную гору, которая поднималась до окон пятого этажа и являлась частью огромного вала слежавшейся глины, о которой говорил Стренгмен. Этот вал теперь окружал лагуну образуя на пути моря непреодолимую преграду. Вдали поперек улицы они видели ту же вязкую массу грязи.

Тут и там дамба опиралась на какое-нибудь высокое здание — церковь или административный центр, — включая их в свою огромную дугу, огибавшую всю лагуну. Одно из таких зданий оказалось у них на пути, и Керанс ускорил шаги, чтобы быстрее обойти преграду. Что-то беспокоило его. Он нетерпеливо поджидал спутников; которые, задержавшись у пустых витрин большого универмага, смотрели на черный поток тины, медленно стекавший по лестнице в сточный резервуар посреди улицы.

Даже небольшие здания были закрыты прежде чем их покинули, и поломанные заржавевшие металлические щиты и решетки скрывали их внутренние помещения. Все покрывал тонкий слой тины, и Керансу показалось, что

город возник из канализации. Когда настанет судный день, подумал он, легионы мертвых вынуждены будут выйти на свет в грязных саванах.

— Роберт, — Бодкин тронул его за руку, указывая вперед. В пятидесяти ярдах от них стоял мрачный затененный купол планетария, его матовое металлическое покрытие блестело в беспорядочных вспышках сигнальных ракет. Керанс осмотрелся, узнавая окружающие здания, тротуар и фонарные столбы, затем неуверенно, но с любопытством двинулся вперед, к этому пантеону своих страхов и загадок.

Губки и бурые водоросли усеивали тротуар, по которому они осторожно приближались ко входу, пробираясь среди груд ила, загромождавших улицу. Стебли водорослей, которыми порос купол, теперь безжизненно свисали с портика, их длинные вялые листья нависали над входом, как театральный занавес. Керанс раздвинул его и осторожно заглянул в темное фойе. Все покрывал толстый слой черной грязи, слегка шевелившийся, так в нем погибали населявшие его морские животные, и их плавучие мешки разрывались, выпуская пузыри воздуха. Эта грязь была везде: в билетной кассе, на лестнице, ведущей к антресолям, на стенах и дверных панелях. Магическое чрево, которое он помнил по своему погружению, теперь превратилось в свалку гниющих органических останков. Глухое покрывало загадочности исчезло, уступив место входу в канализационный отстойник.

Керанс не торопясь осмотрел фойе, вспоминая мистический полумрак аудитории и странные очертания созвездий на куполе, ощущая тяжелый запах, струившийся отовсюду.

Наконец он взял Беатрис за руку и пошел к выходу на улицу.

— Боюсь, что вся магия исчезла, — спокойно заметил он. Затем принужденно засмеялся. — Вероятно, Стренгмен сказал бы, что самоубийце никогда не следует приходить на место своего преступления.

Пытаясь выбрать кратчайший маршрут, они забрели в тупик и вынуждены были отступить, так как на них из небольшой мелкой лужи бросился крокодил. Отступая между заржавевшими корпусами автомобилей, они бежали к улице, преследуемые аллигатором. Тот ловко отрезал им путь и остановился у фонарного столба, на краю тротуара, его хвост раскачивался, челюсти сжимались и разжимались. Керанс закрыл собой Беатрис. Они побежали в

сторону и покрыли уже ярдов десять, когда Бодкин споткнулся и рухнул в кучу ила.

— Алан! Быстрее! — Керанс побежал назад к Бодкину, над которым уже нависла пасть крокодила. Тот, оказавшись в осушенной лагуне, был разъярен, испуган и готов напасть на кого угодно.

Вдруг послышались звуки выстрелов и крики. Из-за угла появилась группа людей. Впереди шел Стренгмен, с Адмиралом и Великим Цезарем с винтовками через плечо. Глаза Стренгмена сверкали во вспышках сигнальных ракет. Он слегка поклонился Беатрис и, приветствуя Керанса, взмахнул рукой. Аллигатор с перерубленной спиной уже бессильно бился в сточной канаве, но Великому Цезарю это показалось недостаточно, и он принялся отрубать ему голову мачете.

Стренгмен со злобным удовлетворением следил за его действиями.

— Отвратительный зверь, — заметил он, а затем вытащил из кармана большое ожерелье из фальшивых бриллиантов, перевитое водорослями, и продемонстрировал его Беатрис.

— Для вас, дорогая. — Он ловко застегнул ожерелье у нее на шее и с удовольствием посмотрел на результат. Водоросли среди сверкающих камней на белой коже груди делали Беатрис похожей на морскую наяду. — Как и все остальные жемчуга этого мертвого моря...

С этим цветистым выражением он отправился дальше; разрывы ракет и крики постепенно затихали во тьме. Трио осталось в тишине улицы рядом с еще содрогающимся обезглавленным аллигатором.

На протяжении следующих дней жизнь становилась все глупее и бессмысленнее. Без всякой цели Керанс ночами бродил один по темному городу — днем в лабиринте улиц было невыносимо жарко, — неспособный отвлечься от воспоминаний о старой лагуне и в то же время крепко привязанный к пустым улицам и полуразрушенным зданиям.

После первого удивления при виде осушенной лагуны он быстро впал в состояние инертности и апатии, из которого безуспешно пытался выйти. Смутно он понимал, что лагуна означала для него комплекс духовных и физических нужд, которые теперь следовало удовлетворять другим способом. Эта тупая летаргия углублялась, и он

все больше и острее чувствовал себя человеком, заброшенным во временное море, окруженным массой реалий миллионнолетней давности.

Могучее солнце, бившееся в его мозгу, полностью заглушало звуки грабежа и разгула, взрывов и ружейных выстрелов. Как слепой блуждал он по площадям и улицам, его белый обеденный пиджак испачкался и изорвался, вызывая насмешки встречных моряков, которые панибратски похлопывали его по плечам. В полночь он бродил среди пьяных певцов на площади или сидел рядом со Стренгменом среди его пиратов в тени парохода, глядя на танцующих и прислушиваясь к стуку барабанов и гитарным переборам, звуки которых едва доносились сквозь биение огромного черного солнца.

Он оставил всякие попытки вернуться в отель — канал был закрыт двумя насосами и катерами, а соседние лагуны кишели аллигаторами. Днем он либо спал в доме Беатрис на диване, либо сидел в полудреме под кондиционером на верхней палубе парохода. Большинство членов экипажа спало среди упаковочных корзин или обсуждало свою добычу, с нетерпением ожидая сумерек. Они оставляли его в одиночестве. По извращенной логике оцепенелого сознания было безопасней оставаться рядом со Стренгменом, чем пытаться вернуть свою прежнюю одинокую жизнь. Бодкин пытался жить именно так, вернувшись в состоянии усиливающегося стресса на испытательную станцию — теперь ему приходилось взбираться туда по крутой пожарной лестнице, — но во время одного из своих полуночных походов по университетскому кварталу за планетарием он был сильно избит группой пьяных моряков. Примкнув к свите Стренгмена, Керанс как бы окончательно признал его абсолютную власть над лагуной.

Однажды он заставил себя проведать Бодкина и нашел его лежащим в постели. Работал самодельный кондиционер. Как и Керанс, Бодкин казался Робинзоном, изолированным на маленьком островке реальности в безбрежном море времени.

— Роберт, — пробормотал он своими разбитыми губами, — уходите отсюда. Берите ее, эту девушку, — тут он замолчал, вспоминая имя, — Беатрис, и ищите другую лагуну.

Керанс кивнул, стараясь поймать лицом поток прохладного воздуха от кондиционера.

— Я знаю, Алан, Стренгмен безумен и опасен, но я еще не могу уйти. Не знаю почему, но что-то держит ме-

ня здесь, на этих нагих улицах. — Он помолчал, размышляя. — Что это? Какой-то демон владеет моим мозгом, вначале я должен с ним разобраться.

Бодкин попытался сесть.

— Керанс, послушайте. Берите ее и уходите. Сегодня же вечером. Время здесь больше не существует.

В лаборатории внизу бледно-коричневая пена покрывала развешенные на стенах таблицы и рабочие лабораторные столы. Керанс машинально начал собирать упавшие на пол таблицы, но вскоре отказался от этого и следующий час посвятил стирке своего белого парадного пиджака в луже воды.

Возможно, издеваясь над ним, несколько членов экипажа вырядились в черные смокинги и нацепили галстуки. В одном из складов был обнаружен большой запас вечерних нарядов в водонепроницаемой упаковке. Подстрекаемые Стренгменом, с полдюжины моряков нарядились и понеслись по улице в бурном веселье. Полы смокингов развевались, они походили на участников какого-то загробного шутовского карнавала.

После первых стихийных вылазок грабеж был организован более серьезно и методично. Стренгмен почему-то больше всего интересовался предметами искусства. В результате тщательных поисков был обнаружен главный городской музей. Но, к огромному огорчению Стренгмена, он оказался пустым, единственной находкой была большая мозаика, которую его люди кусок за куском переносили из зала музея на верхнюю палубу парохода.

Это побудило Керанса предупредить доктора, что свое разочарование Стренгмен может выместить на нем. Но когда на следующий день к вечеру Керанс взобрался на испытательную станцию, он обнаружил, что Бодкин исчез. В кондиционере не осталось ни капли горючего, и, прежде чем покинуть станцию, Бодкин распахнул все окна. Теперь помещение было пропитано сыростью и запахом гнили.

Исчезновение Бодкина не встревожило Керанса. Замкнутый на своих видениях, он решил, что биолог последовал своему собственному совету и отправился на юг в поисках другой лагуны.

Беатрис, однако, оставалась здесь. Как и Керанс, она была постоянно погружена в смутные мечтания. Днем Керанс редко виделся с ней: она обычно оставалась в постели. Но по вечерам, когда становилось прохладнее, она спускалась из-под своего навеса среди звезд и присоединялась к Стренгмену и его пиратам. Она равнодушно си-

дела рядом с ним в своем синем вечернем платье, волосы ее украшали три — четыре тиары, которые Стренгмен обнаружил в одном из ювелирных магазинов, грудь ее скрывалась под массой сверкающих цепей и ожерелий, как у безумной королевы в кровавой трагедии.

Стренгмен вел себя с ней со странной почтительностью, но с оттенком вежливой враждебности, словно она была племенным тотемом, способным принести успех и удачу, но власть которого тяготит. Керанс старался находиться рядом с ней. В тот вечер, когда исчез Бодкин, он наклонился к ней через груду диванных подушек и сказал:

— Алан ушел. Старый Бодкин. Он виделся с вами перед уходом?

Но Беатрис, глядя мимо него на пылавшие на площади костры, ответила:

— Прислушайтесь к барабанному бою, Роберт. Как вы думаете, сколько тут солнц?

Стренгмен, выглядевший еще более дико, чем обычно, плясал среди лагерных костров. Иногда он пытался вытащить с собой Керанса. Наконец, довольно уставший, он раскинулся на диване. Его бледное лицо блестело от пота.

— Знаете, почему они боятся меня, мой дорогой Керанс? Адмирал, Великий Цезарь и остальные. Я вам раскрою свой секрет... — он добавил шепотом: — они считают меня зомби. — В припадке хохота он опрокинулся на диван. — О, боже, Керанс! Что мне делать с вами обоими? Выйдите из своего транса. — Он смотрел на приближавшегося к ним Великого Цезаря, который отбросил в сторону чучело головы крокодила, которое он носил как капор. — Да? Песня для доктора Керанса? Великолепно! Слышали, когда-нибудь, доктор балладу о Мисте Костлявом?

Прочистив горло, размахивая руками и жестикулируя, огромный негр начал глубоким гортанным голосом:

«Миста Костлявый любил сухощавых людей,
Банановую девку нашел он себе.
Была она трех колдунов хитрей
И свела беднягу с ума.
В змеином вине он начал купаться,
Слышал крики болотных птиц.
Этот хозяин — Аллигатор —
Никогда не думал, что их легион.
Миста Костлявый решил порыбачить
И отправился вниз по реке.

Вдоль залива Ангела плыл сухощавый.
Миста решил подстеречь его.
Он ждал, когда приблизится лодка,
И черепаховый панцирь надел.
Такую хитрую шутку придумать
Не смогли бы даже три колдуна.
Вдруг свою девку Костлявый увидел,
За два банана свой панцирь отдал,
И получил за это девчонку,
Но колдуны сказали ему:
«Теперь сухощавых людей не получишь».
Но Миста Костлявый на это плевал.
Он танцевал для своей любимой,
Построил дом для постели ее...»

С внезапным воплем Стренгмен вскочил с дивана и промчался мимо Великого Цезаря к центру площади, указывая на вершину стены, составляющей часть периметра лагуны. На фоне темнеющего неба виднелась фигурка человека, в которой Керанс узнал доктора Бодкина, медленно пробиравшегося среди нагромождения рухнувших стволов к устью канала, соединявшего лагуны. Не обращая внимания на крики снизу, он продолжал идти к своей цели, держа в руках маленький деревянный ящик, из которого свисал дымящийся шнур.

Опомнившийся Стренгмен закричал:

— Адмирал! Великий Цезарь! Хватайте его — у него взрывчатка!

Кроме Керанса и Беатрис, все в панике разбежались по углам площади. Справа и слева загремели выстрелы. Бодкин неуверенно замер, огонь запального шнура искрился у его ног. Затем он повернулся и пошел по краю заграждения.

Керанс вскочил на ноги и побежал за другими. Когда он достиг стены периметра, в воздухе рассыпались осветительные ракеты. Адмирал и Стренгмен взбирались по пожарной лестнице, и, перекрывая шум, безостановочно гремело ружье Великого Цезаря. Бодкин оставил бомбу в центре дамбы и уходил по крышам.

Ухватившись за последнюю ступеньку лестницы, Стренгмен взлетел на дамбу, в несколько прыжков добежал до ящика и швырнул его в наружный залив. Когда замер всплеск, снизу раздались крики одобрения. Переведя дыхание, Стренгмен расстегнул куртку и извлек из кобуры короткоствольный 38-миллиметровый пистолет. Зловещая улыбка перекосила его лицо. Подстрекаемый криками своих подчиненных, он бросился за Бодкиным, который в этот момент уже подходил к испытательной станции.

Керанс оцепенело слушал крики, он вспомнил предупреждение Бодкина и подумал, что Стренгмен может силой увести его со своим отрядом. Он медленно побрел обратно на площадь, где на груде диванных подушек все еще сидела Беатрис, а рядом с ней на земле валялась оскаленная голова аллигатора... Когда он уже подходил к ней, то услышал за спиной чьи-то осторожные шаги, зловеще звучавшие в странной тишине, охватившей лагерь грабителей.

Он оглянулся и увидел приближающегося к ним Стренгмена, лицо которого по-прежнему было искажено зловещей ухмылкой. Великий Цезарь и Адмирал шли за ним, кроме ружей у них в руках блестели мачете. Остальные его бандиты шли веером, захватывая Керанса в полукруг.

— Со стороны Бодкина это было большой глупостью, не правда ли, доктор? Причем, опасной глупостью. Этот проклятый старик чуть не утопил нас. — Стренгмен остановился в нескольких шагах от Керанса, мрачно глядя на него. — Вы были близки с Бодкиным, и я сомневаюсь, что вы не были в сговоре с ним. Не знаю, стоит ли мне далее позволять жить безумным биологам?

Он подал знак Великому Цезарю, но в этот момент Беатрис вскочила на ноги и подбежала к нему:

— Стренгмен! Ради бога, хватит! Остановитесь, мы не повредим вам! Ведь здесь все ваше: и вещи, и жизни!!

Сильно рванув, она разорвала свои ожерелья, отцепила с волос тиары и швырнула все на землю перед Стренгменом. В гневе оскалившись, Стренгмен пнул их в канаву, а Великий Цезарь, встав за спину Беатрис, поднял свой мачете.

— Стренгмен! — Беатрис вцепилась в лацканы его мундира и чуть не повалила на землю. — Белый дьявол, оставьте нас в покое!

Стренгмен оттолкнул ее, дыхание со свистом вырывалось у него сквозь зубы. Он диким взором уставился на растрепанную женщину, стоявшую на коленях среди разбросанных жемчужин, и что-то крикнул Великому Цезарю, но внезапная судорога свела его правую щеку. Он схватился за щеку рукой, будто пытаясь поймать муху; затем, не в силах справиться со спазмом, застыл с перекошенным в гротескном зевке лицом, как будто пораженный столбняком. Неуверенный в приказании своего хозяина, Великий Цезарь колебался, и Керанс отступил в тень парохода.

— Отлично! Боже, что за... — Стренгмен что-то пробормотал про себя и поправил одежду. Тик прекратился. Он медленно кивнул Беатрис, как бы предупреждая ее, что всякое дальнейшее заступничество исключается, затем рявкнул что-то Великому Цезарю. Мачете полетели в сторону, и прежде чем Беатрис смогла сказать слово, вся дико орущая банда бросилась на Керанса с кулаками.

Керанс пытался уклониться от этого нападения, вызванного желанием снять напряжение после убийства Бодкина. Когда банда приблизилась к нему, он перескочил через диван Стренгмена, но увидел, что путь к отступлению уже отрезан Адмиралом, который как танцор переступал с ноги на ногу в своих белых теннисных брюках. Внезапно негр прыгнул вперед и сбил Керанса с ног. Биолог тяжело рухнул на диван, дюжина коричневых рук схватила его и бросила на покрытую булыжником мостовую. Он безуспешно попытался вырваться, увидев в просвете между телами нападающих Беатрис и Стренгмена. Схватив Беатрис за руку, Стренгмен тащил ее вверх по трапу.

Большая шелковая подушка закрыла лицо Керанса, тяжелые кулаки обрушились на его живот, бока, грудь.

Глава 12

Праздник черепов

— Праздник черепов!

Резко подняв кубок в мерцающем свете костров так, что его янтарное содержимое выплеснулось на одежду, Стренгмен испустил вопль и спрыгнул с фонтана, когда телега свернула в сторону по вымощенной булыжниками площади. Влекомая шестью потными гологрудыми матросами, впрягшимися в оглобли, она грохотала и тряслась по брусчатке площади и угольям костров, дюжина рук помогала ей двигаться, наконец с заключительным ускорением она врезалась в край помоста и вывалила свой груз к ногам Керанса. Немедленно вокруг него образовался поющий круг, белые зубы сверкали, как дьявольские игральные кости, бедра вертелись, руки отбивали, а пятки отстукивали возбуждающий ритм. Адмирал прыгнул вперед, расчищая путь среди вертящихся торсов, а Великий Цезарь с ворохом гнилых водорослей на стальном трезубце наклонился над помостом и с шутовским поклоном взметнул эту груду над троном.

Керанс беспомощно качнулся вперед, когда остро пахнущие водоросли обрушились на его голову и плечи; огни костров отражались в позолоченных ручках его трона. Гул барабанов вокруг него вторил внутреннему оглушительному ритму древнего солнца. Он повис всем телом на окровавленных ремнях, связывающих его запястья, равнодушный к боли, часто теряя сознание. У его ног, в основании трона, сверкала белизной груда костей: тонкие берцовые кости и толстые бедренные, лопатки, похожие на мастерки, мешанина ребер и грудных клеток и даже два оскаленных черепа. Свет отражался на их гладких голых макушках и мерцал в пустых глазницах, струясь из примитивных керосиновых светильников, которые держали статуи, расставленные на площади вокруг трона. Танцоры во главе со Стренгменом образовали длинную волнистую цепочку и принялись извиваться вокруг мраморных нимф, а барабанщики наклонялись со своих мест, чтобы уловить изгибы их передвижений.

Пользуясь короткой передышкой, пока танцоры двигались по площади, Керанс откинулся на обитую бархатом спинку трона, машинально попытавшись высвободить свои связанные запястья. Водоросли покрывали его шею и плечи, свисая на глаза с оловянной короны, которую Стренгмен натянул ему на брови. Еще влажные водоросли издавали тяжелый запах, тяжелой грудой покрывая его грудь и колени, так что видно было лишь несколько клочков обеденного пиджака. На краю помоста, возле кучи костей и пустых бутылок из-под рома, скопилась груда раковин, дохлой рыбы, морских звезд и прочего мусора, которым его забрасывали до того, как вскрыли мавзолей с костями.

В двадцати футах за ним высился темный корпус парохода, на его палубах все еще горело несколько огней. Две ночи длилась оргия, но темп ее все нарастал с каждым часом, очевидно, Стренгмен подпаивал экипаж. Керанс пребывал в состоянии пассивной полубессознательной прострации, его боль смягчалась ромом, насильно вливаемым ему в рот (очевидно, крайнее унижение, которому в его лице подвергался Нептун — владыка враждебного и пугающего моря), затуманенное сознание воспринимало происходящее через покров кровавого цвета. Смутно он ощущал свои связанные запястья и измученное тело, но сидел терпеливо, стоически исполняя роль Нептуна, на которую был обречен, принимая мусор и оскорбления, громоздимые перед ним экипажем, выражавшим тем са-

мым свой страх и ненависть к морю. По неизвестным причинам Стренгмен все еще не решался убить его, и экипаж следовал колебаниям своего главаря, облекая издевательства и пытки в форму гротескной и шумно-веселой шутки, делая вид, что забрасывая его водорослями и мусором, они поклоняются идолу.

Цепь танцоров вновь приблизилась и образовала вокруг него поющий круг. Стренгмен держался в центре круга — он, возможно, не хотел приближаться к Керансу, опасаясь, что окровавленные запястья и разбитое лицо пленника заставят его осознать всю жестокость шутки, — вперед вышел Великий Цезарь, его шишковатое лицо напоминало морду гиппопотама. Неуклюже подпрыгивая в ритме барабанного боя, он вытащил череп и берцовую кость из кучи у трона и принялся выбивать дробь, используя различную толщину височной и затылочной долей, чтобы извлечь грубую черепную октаву. Несколько моряков присоединились к нему, и под трескотню берцовых, лучевых и локтевых костей начался безумный танец. Без сил, еле различая угрюмые искаженные лица, в стремительном калейдоскопе проносящиеся мимо, Керанс молил бога, чтобы для него все окончилось, потом откинулся на спину, спрятав под водорослями глаза от разрывов сигнальных ракет, озарявших корабль и фасады окружающих зданий. Это означало конец вакханалии и начало ночной работы. Стренгмен и Адмирал с криком выбежали из танцующей толпы. Телегу оттащили, гремя металлическими ободьями ее колес о булыжник мостовой, керосиновые светильники погасили. Через минуту площадь стала темной и пустой, лишь несколько костров, шипя, догорали в окружении диванных подушек и брошенных барабанов, их угасающий свет время от времени отражался в позолоченных ручках трона и белых костях, усеявших площадь.

Всю ночь, с небольшими промежутками, группы грабителей появлялись на площади, таща добычу: стекло, мрамор, бронзовые статуи, металлическую утварь, — сгружали все на корабль и исчезали вновь, не обращая внимания на неподвижную фигуру, скорчившуюся в тени на троне. Почти все время Керанс спал, невзирая на усталость и боль, проснулся он за несколько минут до рассвета от ночной прохлады, и позвал Беатрис. Он не видел ее с момента своего пленения после смерти Бодкина и был уверен, что Стренгмен запер ее на пароходе.

Наконец, после безумной ночи с ее барабанным боем, с разрывами сигнальных ракет, на затененную площадь

заглянуло солнце, расстелив золотистый ковер света. Площадь и осушенные улицы замерли в молчании, только слабый шум кондиционеров парохода напоминал Керансу, что на судне есть люди. Каким-то чудом он выдержал этот день, выжил, сидя на солнцепеке, в невыносимой жаре, защищенный одним плащом из водорослей, спадавших с короны. Как выброшенный на берег Нептун, он смотрел из своего травяного шатра на ковер слепящего света, покрывавший кости и гниющие отбросы. Однажды он услышал, как на палубе корабля открыли люк, и понял, что это Стренгмен вышел из своей каюты, чтобы взглянуть на него, — через несколько минут на него вылили ведро ледяной воды. Он лихорадочно хватал ртом холодные капли, стекавшие с водорослей, как жидкий жемчуг. Сразу после этого он впал в глубокое оцепенение и очнулся лишь в сумерки, когда начался очередной шабаш.

В своем белом отглаженном костюме подошел Стренгмен и, критически осмотрев его, со странным выражением жалости пробормотал:

— Керанс, вы еще живы, как вам это удалось?

Это замечание дало ему сил продержаться ночь и следующий день, когда белый полог полудня лежал на площади полосами нетерпимо яркого света, как пласты параллельных вселенных, кристаллизировавшиеся в едином континууме* под действием чудовищной жары. Воздух обжигал его кожу как огонь преисподней. Он равнодушно смотрел на мраморные статуи и думал о Хардмане, двигавшемся в потоке света на своем пути к солнцу и исчезнувшем в дюнах сверкающего пепла. Та же сила, что спасла Хардмана, проявляла себя теперь в Керансе, каким-то непостижимым путем изменив его метаболизм так, что он мог выдерживать невыносимый зной. За ним по-прежнему наблюдали с палубы. Однажды большая, трех футов длины, саламандра выползла из груды костей перед ним, ее огромные зубы, похожие на куски обсидиана, щелкнули, когда она почуяла запах Керанса, но с палубы прогремел выстрел, и ящерица, содрогнувшись, затихла у его ног.

Как рептилии, неподвижно сидящие на солнечном свете, он терпеливо ждал конца дня.

И вновь Стренгмен, обнаружив его истощенным и оцепенелым, но, несомненно, живым, был потрясен. Уже знакомая Керансу нервная гримаса исказила его рот, он раз-

---

* Континуум (лат.) — непрерывное многообразие.

драженно оглядел свою команду, окружившую трон при свете факелов и не менее пораженную, чем он сам. Когда Стренгмен орал, приказывая принести барабаны, то приказ на этот раз был выполнен значительно медленнее.

Видим, решив окончательно покончить с феноменом Керанса, Стренгмен приказал доставить с корабля еще две бочки рома. Он хотел заглушить бессознательный страх своих людей перед Керансом и морем, которое тот символизировал и которое ему покровительствовало. Вскоре площадь вновь заполнилась шумом, матросами с бутылками и фляжками рома, пляшущими под грохот барабанов. В сопровождении Адмирала Стренгмен передвигался от одной группы к другой, побуждая людей на новые бесчинства. Великий Цезарь надел голову аллигатора и кружился посреди площади в окружении пляшущих моряков.

Керанс покорно ждал кульминации. По приказу Стренгмена трон стащили с помоста и взгромоздили на телегу. Керанс, расслабившись, полулежал на спинке трона, глядя на темные фасады зданий, пока Великий Цезарь заваливал его ноги костями и прочим мусором. Во главе со Стренгменом приблизилась пьяная толпа. Десяток моряков ухватились за телегу и потащили ее вокруг площади, сбивая при движении статуи с светильниками. Сопровождаемая криками и приказами Стренгмена и Адмирала, которые бежали следом, безуспешно пытаясь выровнять ход, телега, все увеличивая скорость, свернула на улицу, накренилась и снесла ржавый фонарный столб. Колотя своими огромными кулаками по головам, Великий Цезарь вцепился в оглобли и замедлил бег телеги.

Керанс сидел в качающемся троне высоко над их головами, прохладный воздух медленно оживлял его. Он с бессознательной отстраненностью следил за происходящим, чувствуя, как его влекут по осушенным улицам бывшей лагуны, словно бы он действительно был плененным Нептуном, которого против воли заставили своим присутствием освящать эти районы затонувшего города, отобранные Стренгменом у морской стихии. Постепенно, по мере того, как усталость отрезвляла головы и заставляла перейти на шаг, люди между оглоблями начали петь что-то, звучащее как старый негритянский религиозный гимн. Глубокая напевная мелодия подчеркивала их почти мистическое отношение к Керансу. В попытках преодолеть эти настроения Стренгмен начал кричать что-то и стрелять из пистолета, заставляя все время менять направление движения. Когда они проходили мимо планетария, Ве-

ликий Цезарь взобрался на телегу, вцепившись в трон, как огромная обезьяна, сорвал с себя голову аллигатора и нахлобучил ее на голову Керанса по самые плечи. Ослепленный и почти задохнувшийся от отвратительного запаха, Керанс беспомощно мотался из стороны в сторону на вновь набравшей скорость телеге. Люди в оглоблях, не понимая, куда двигаться, метались из стороны в сторону под крики Стренгмена и Адмирала, а Великий Цезарь подгонял их ударами кулаков. Полностью лишившись управления, телега рыскала по сторонам, едва вписываясь в узкую улицу, а затем вырвавшись на более широкую дорогу, вновь увеличила скорость. Когда они огибали угол, Стренгмен прокричал что-то Великому Цезарю, тот всей тяжестью навалился на правый край, телега накренилась, почти касаясь тротуара. В таком положении она промчалась еще ярдов пятьдесят, сбивая с ног моряков, а затем с грохотом врезалась в стену и опрокинулась.

Вырванный из своих креплений, трон вылетел на середину улицы и упал в грязь неглубокой лужи. Керанс лежал лицом вниз, удар о землю был смягчен влажным илом, голова аллигатора свалилась, но он все еще оставался привязанным к сидению. Два или три моряка распластались рядом с ним, а в воздухе медленно вращалось колесо телеги.

Задыхаясь от хохота, Стренгмен колотил по спинам Адмирала и Великого Цезаря. Вскоре весь экипаж вновь собрался вокруг главаря. Они осмотрели разбитую телегу, потом подошли к опрокинутому трону и Стренгмен величественно поставил на него ногу. Постояв так достаточно долго, чтобы убедить своих подчиненных в полном бессилии Керанса, он вытащил свой сигнальный пистолет и пошел прочь по улице, увлекая за собой остальных. Банда с криками и шумом двинулась вслед за ним.

Крепко привязанный к перевернутому на земле трону, Керанс, испытывая острую боль, пошевелился. Его голова и правое плечо были погружены в подсыхающий ил. Он попытался ослабить веревку, связывающую его руки, но та была слишком прочно завязана.

Упираясь плечами, он попытался перевернуть трон, и тут левая ручка трона вылетела из своего гнезда. Он крепко прижал веревку к острому краю паза и принялся волоконце за волоконцем перетирать ее.

Освободив руку, он бессильно опустил ее и подождал, пока восстановится кровообращение, потом начал растирать разбитые губы и щеки, разминать сведенные мышцы

груди и живота. Используя краткие вспышки сигнальных ракет, он с трудом развязал узел на второй руке.

Минут пять он неподвижно лежал под троном, прислушиваясь к голосам, удалявшимся в направлении корабля. Они постепенно замолкли, и улица превратилась в молчаливое ущелье, слабо освещенное фосфоресцирующим светом тысяч умирающих микроорганизмов, которые набросили неяркий покров на здания, превратив улицу в уголок призрачного города. Выбравшись из-под трона, он неуверенно поднялся на ноги, споткнулся о бордюр тротуара и был вынужден прислониться к стене; в голове у него стучало от напряжения. Он прижался лицом к холодному, все еще влажному камню, глядя вдоль улицы, по которой ушел со своими людьми Стренгмен.

Внезапно, прежде чем его глаза закрылись от усталости, он увидел две приближающиеся фигуры: одну — в знакомом белом костюме, вторую — огромную, горбатую; они подходили к нему.

— Стренгмен... — прошептал Керанс.

Он замер в тени стены. Два человека были еще в ста ярдах от него, но он узнал быструю и решительную походку самого Стренгмена. На подходивших упал лунный луч и отразился от предмета, зажатого в руке Великого Цезаря.

В поисках укрытия Керанс скользнул вдоль стены. Через несколько ярдов он обнаружил вход в большую сводчатую галерею, ведущую через здание на параллельную улицу в пятидесяти ярдах к западу. Скользкий ил в фут толщиной покрывал ее пол, и Керанс, согнувшись, продвигался вперед мелкими шагами, потом помчался по темному туннелю к дальнему концу галереи, и ил заглушал его бег.

Он ждал у выхода из галереи, укрывшись за столбом и следя за Стренгменом и Великим Цезарем, подходившими к трону. Мачете в огромной руке мулата казался игрушечным. Стренгмен предупреждающе поднял руку, когда они достигли трона. Он внимательно осмотрел улицу и окна ближайших зданий, его белое лицо было жутким в лунном свете. Затем он кивнул Цезарю и толкнул трон ногой.

Когда в воздухе зазвучали их проклятия, Керанс на цыпочках пересек улицу и углубился в лабиринт университетского квартала.

Через полчаса он обосновался на верхнем этаже пятидесятиэтажного дома, составляющего часть периметра ла-

гуны. Узкий балкон шел вокруг всего здания и оканчивался у пожарной лестницы, которая вела в джунгли на краю осушенной лагуны. Последние ступени лестницы скрывались под илом. На пластиковом полу были небольшие лужи конденсата полуденных испарений и, взобравшись по центральной лестнице, Керанс лег на пол и погрузил лицо и руки в прохладную жидкость, медленно успокаивающую боль израненных запястий.

Его не искали. Не желая признавать своего поражения — а экипаж только так мог воспринять исчезновение Керанса, Стренгмен решил, очевидно, махнуть на него рукой в надежде, что Керанс сгинет где-нибудь в южных лагунах.

Ночью отряды грабителей продолжали бродить по улицам, отмечая каждую свою находку пальбой из ракетниц.

Керанс отдыхал до рассвета, лежа в луже и позволяя воде отмачивать коросту струпьев и грязи на его измученном теле. За час до рассвета он встал на ноги, содрал с себя пиджак и шорты и спрятал их в трещину стены. Отвинтив от стены стеклянный плафон бра, каким-то чудом оставшийся целым, он бережно собрал в него воду из чистой лужицы. К восходу солнца у него было уже около кварты воды. Спустившись на два этажа, он обнаружил в ванной маленькую ящерицу и убил ее ударом кирпича. Использовав кусок стекла, как линзу, он разжег костер из сухого прогнившего дерева и жарил темное волокнистое мясо, пока оно не стало мягким. Жадно, не жуя, глотал он маленькие куски теплого мяса воспаленным ртом. Восстановив силы, он вновь взобрался на верхний этаж и укрылся в небольшом служебном помещении рядом с лифтом. Заклинив дверь изнутри обломком перил, он сел в углу и стал ждать вечера.

Косые солнечные лучи еще достигали воды, когда Керанс на маленьком плоту покинул свое убежище, стараясь плыть под листьями папоротников, растущих из глубины; кровавые лучи солнца окрашивали воду в глубине в цвет индиго. Небо над головой превратилось в огромный колпак из сапфира и жемчуга, фантастические завитки коралловых облаков обрамляли заходящее солнце. Медленные маслянистые волны колебали поверхность лагуны, казалось, что вода прилипала к листьям папоротника, как расплавленный воск. В ста ярдах далее она лениво набегала на остатки разрушенного причала отеля «Риц», играя обломками деревьев. Все еще удерживаемые сетью причальных тросов, пятидесятигаллоновые барабаны цепочкой покачивались на воде, как спины горбатых аллигаторов. К

счастью, настоящих аллигаторов, которых Стренгмен разогнал по соседним лагунам, не было видно — видимо, они попрятались по своим гнездам в зданиях или рассеялись в поисках пищи по окружающим заливам, так как игуаны разбежались еще при их первом появлении.

Керанс помедлил, прежде чем пересечь открытое водное пространство, отделявшее его от «Рица», внимательно осматривая береговую линию и ближайшие протоки, но никаких признаков засады не заметил. Усилия, затраченные на постройку плота из нескольких пустых металлических баков для воды, вымотали его, и ему пришлось долго отдыхать, прежде чем пуститься в путь. Приблизившись к пристани он увидел, что причальные тросы перепутаны, а деревянная рама причала разбита каким-то тяжелым судном, скорее всего гидропланом Стренгмена.

Загнав плот между двух барабанов, где его скрывали плавающие обломки, Керанс взобрался на балкон и через окно вошел в отель. Он быстро поднялся по лестнице, стараясь ступать по отпечаткам огромных ног, которые виднелись на плесени, покрывавшей ковер.

Навес был сорван. Когда он открыл дверь в помещение, к его ногам рухнули остатки конструкции воздушного занавеса. Кто-то прошелся по комнатам в припадке бешеной злобы, методически уничтожая все, что попадало в поле зрения. Изящная мебель, сработанная в стиле Людовика Пятнадцатого была разбита на куски, а оторванные ножки и ручки кресел этот кто-то швырял во внутреннюю стеклянную стену, зиявшую пробоинами. Ковер, покрывавший пол, был разрезан на множество узких полос, перепутанных друг с другом. Письменный стол с отломанными ножками разбит на две части, крокодиловая кожа с его поверхности срезана. Повсюду валялись книги, многие из них были разорваны. Камину досталось не меньше — мрамор облицовки и чугунные решетки разнесли вдребезги. На зеркалах, как замерзшие взрывы, тоже виднелись следы ударов.

Ступая по обломкам, Керанс прошел на террасу; проволочная сетка от насекомых разорвана, пляжные кресла, в которых он провел столько времени, разбиты и измочалены.

Как он и ожидал, ложный сейф возле письменного стола был вскрыт, открытая дверца обнажала пустую внутренность. Керанс прошел в спальню; слабая улыбка тронула его губы, когда он увидел, что головорезы Стренгмена не нашли его настоящий сейф, спрятанный за секретером у

кровати. Мятый корпус корабельного компаса, бесцельно украденного им на базе, валялся на полу у осколков небольшого зеркала. Осколки сложились в узор, напоминавший снежинку. Стрелка компаса по-прежнему указывала на юг. Керанс сдвинул секретер в сторону и повернул на шарнире стенную панель, открывая циферблат сейфа.

Потемнело, длинные тени лежали на полу, когда Керанс коснулся циферблата. Он, затаив дыхание, набрал шифр, открыл дверцу и быстро извлек тяжелый кольт сорок пятого калибра и коробку патронов. Потом присел на поломанную кровать, зарядил магазин револьвера и с удовлетворением взвесил тяжелое оружие в руке. Опустошив коробку в карманы, он затянул пояс и вышел в гостиную.

Осматривая комнату, он неожиданно понял, что не испытывает злобы к Стренгмену за его бесчинства. В определенном смысле эти разрушения, как и осушение лагуны, лишь подчеркивали то, что он пытался игнорировать в последнее время. Но прибытие Стренгмена и все, что за ним последовало, лишь утвердило его в том, что подсознательно давно беспокоило Керанса: необходимость оставить лагуну и двигаться на юг. Его пребывание здесь изжило себя, и оборудованные кондиционерами помещения с неизменной температурой и влажностью, с запасами горючего и продуктов, стали теперь лишь скорлупой его прежнего существования, из которой он наконец-то выбрался, как птенец вылезает из яйца. Это был процесс разрешения сомнений, прояснения подсознательного стремления к действию, выхода наружу яркого археофизического солнца его духа. Его прошлое, олицетворяемое и Риггсом и этим изуродованным навесом, больше не представляло никакой ценности. Сомнения и колебания, измучившие его, отступили окончательно, его вручение себя будущему было абсолютным

В темноте гладкий выпуклый корпус парохода вырастал в воздухе, как бархатный живот выброшенного на берег кита. Керанс припал к земле в тени бортового колеса, его сухощавое бронзовое тело слилось с темнотой в узком промежутке между двумя лопатками, каждая из которых представляла собой лопасть из клепаной стали пятнадцати футов в длину и четырех в ширину. Только что наступила полночь, и последние группы грабителей спускались по трапу. Матросы с обязательной бутылкой в одной руке, с мачете в другой, брели через площадь. Брусчатка мостовой по-прежнему была усеяна разбросанными диванными

подушками и барабанами; кости и различные отбросы смешались в чавкающее под ногами месиво.

Керанс выждал, пока бандиты разбредутся по улицам, затем встал и высвободил кольт, закрепленный на поясе. Далеко на противоположной стороне лагуны возвышался дом Беатрис, его окна были темны. Сперва Керанс думал взобраться на верхний этаж этого здания, но потом решил, что Беатрис там нет — скорее всего она остается невольной гостьей Стренгмена на пароходе.

Вверху у перил появилась какая-то фигура, затем исчезла. Прозвучал в отдалении чей-то голос, другой ответил ему. Люк камбуза открылся и оттуда на площадь выплеснули полное ведро грязных помоев. Под кораблем уже накопилась целая лужа отбросов, вскоре они заполнят всю лагуну, и корабль поплывет в море собственных испражнений.

С помощью якорной цепи Керанс начал взбираться вверх по колесу. Оно чуть скрипнуло и опустилось на несколько дюймов под его весом. На середине колеса он по лопасти перешел на стальной колпак, закрывавший его ось. Придерживаясь за ванты, он выпрямился, медленно прополз по колпаку шириной в фут и перебрался на лестничную клетку. Узкая лесенка по диагонали вела на наблюдательный мостик. Керанс беззвучно пошел по ней, замирая, когда лестница оказывалась на уровнях двух нижних палуб. Он боялся, что какой-нибудь матрос, мучаясь с похмелья, вылезет на палубу поглазеть на луну.

Выждав немного за выкрашенной белой краской лебедкой, установленной на верхней палубе, Керанс двинулся вперед, перебегая от одного вентилятора к другому, и наконец, достиг другой лебедки — ржавой. Она стояла рядом с обеденным столом, за которым Стренгмен когда-то угощал их. Стол был очищен от посуды, кресла и диваны составлены в ряд у все еще стоявшей тут картины.

Внизу вновь зазвучали голоса и трап заскрипел: еще один отряд мародеров выходил на площадь. В отдалении, под крышей, скрытый за дымовыми трубами, вспыхнул сигнальный огонь. Когда он погас, Керанс встал и подошел к люку, скрывавшемуся за картиной.

Внезапно он остановился, стиснув в руке рукоять кольта. Меньше чем в пятнадцати футах от него в темноте вспыхнул кончик горящей сигары. Балансируя на цыпочках, не в состоянии двинуться ни вперед, ни назад, Керанс всматривался в темноту рядом с огоньком и посте-

пенно разглядел белую фуражку Адмирала. Мгновением позже, когда Адмирал с наслаждением затянулся, огонек сигары отразился в его глазах.

Что-то скрипнуло, Адмирал повернулся и внимательно оглядел палубу. Керанс слышал, как ударился о перила приклад его ружья. Адмирал сдвинул сигару в угол рта. Белые клубы дыма рассеивались в воздухе, как серебряная пыль. Две или три секунды он смотрел прямо на Керанса, силуэт которого вырисовывался во тьме на фоне многочисленных персонажей картины, но ничем не проявил беспокойства: очевидно он принял Керанса за фрагмент композиции... Затем он не спеша ушел.

Ступая осторожно и бесшумно, Керанс подошел к краю картины и нырнул в тень за нею. Полоса света из люка лежала поперек палубы. Согнувшись и держа кольт наготове, он медленно двинулся по ступенькам на вторую палубу, внимательно следя за дверями. Помещения Стренгмена находились прямо под мостиком, в них вела дверь рядом с баром.

Он подождал у входа, пока в камбузе ударился обо что-то поднос, затем осторожно нажал на ручку и молча ступил во тьму. Несколько секунд он стоял в темноте у двери, приучая глаза к слабому свету, который пробивался в переднюю из-за вышитого бисером занавеса. Его босые ноги бесшумно ступали по толстому ковру, он приблизился и заглянул за занавес.

Комната прямоугольной формы была гостиной Стренгмена. Она была отделана дубом, кожаные кушетки стояли друг против друга у противоположных стен, под иллюминатором возвышался большой старинный глобус на бронзовом пьедестале. Три люстры свисали с потолка, но горела только одна. Она висела над византийским креслом с высокой спинкой, инкрустированной цветным стеклом, в дальнем конце комнаты.

Беатрис Дал лежала в кресле, откинувшись на спинку и держа в одной руке тонкую ножку позолоченного бокала, стоявшего на столике красного дерева. Ее синее парчовое платье стелилось по полу, как хвост павлина, несколько ожерелий из жемчуга и сапфиров сверкали в складках платья, как электрические огоньки. Керанс колебался, глядя на дверь, ведущую в каюту Стренгмена, но затем откинул занавес. Бисеринки слегка зазвенели.

Беатрис даже не шевельнулась, видно привыкнув к этим звукам. В сундучках у ее ног лежала масса ювелирных изделий: ножные браслеты, позолоченные пряжки, ти-

ары и цепи из циркона, ожерелья из искусственных бриллиантов, кулоны, серьги из жемчуга. Они переполняли сундучки, переливаясь из одного в другой, валялись на полу.

Керанс подумал вначале, что Беатрис находится под воздействием наркотиков: ее лицо было безучастным и бессмысленным, как маска воскового манекена, а взгляд устремлен куда-то вдаль. Потом рука ее шевельнулась, она поднесла к губам бокал с вином.

— Беатрис!

Вздрогнув, она пролила вино и, пораженная, оглянулась на него. Распахнув занавес, Керанс быстро вошел в комнату и схватил ее за локоть, когда она начала вставать с кресла.

— Беатрис, тихо! Не двигайтесь! — Он попробовал открыть дверь за креслом, она не поддалась. — Стренгмен и его люди грабят город... Я думаю, на борту только Адмирал.

Беатрис прижалась лицом к его груди, ее холодные пальцы нежно ощупывали запекшиеся ссадины, проступавшие сквозь темный загар.

— Роберт! Что с вами было? Стренгмен не разрешал мне смотреть, — облегчение и радость, которые она испытала при виде Керанса, сменились тревогой. Она беспокойно оглядела комнату и проговорила. — Дорогой, будьте осторожны, оставьте меня и уходите. Я думаю, Стренгмен не причинит мне зла.

Керанс отрицательно покачал головой, а затем помог ей встать на ноги. Он засмотрелся на прекрасный профиль Беатрис, на ее яркий карминовый рот и лакированные ногти, взволнованный пряным запахом парфюмерии и шелестом ее парчового платья. После страданий и мерзостей последних дней он чувствовал себя как покрытый тысячелетней пылью археолог, нашедший в гробнице Нефертити драгоценную погребальную маску.

— Стренгмен способен на все, Беатрис. Он безумен, они играли со мной в подлую игру и чуть не убили.

Беатрис подобрала шлейф платья, отбросив драгоценности, приставшие к ткани. Несмотря на обилие украшений вокруг, на ней не было ни одного камня, ни одной нитки жемчуга.

— Но, Роберт, даже если мы и сумеем выйти...

— Тихо! — Керанс остановился в нескольких футах от занавеса. Он следил за его колеблющейся тканью, стараясь вспомнить, есть ли в передней вентилятор. — Я сде-

лал плот, маленький, но он выдержит нас обоих. Позже, когда мы будем далеко, построим лучший.

Он двинулся к выходу, но в этот момент занавес разошелся, что-то мелькнуло со змеиной скоростью и сверкающее серебряное лезвие рассекло воздух, как электрический заряд. Сморщившись от боли, Керанс отпрянул назад. Лезвие лишь слегка задело его правое плечо, оставив небольшой порез, и вонзилось в дубовую обшивку стены. Беатрис застыла на месте, в широко раскрытых глазах был ужас.

Прежде чем Керанс успел пошевелиться, занавес раздвинулся, и проем заполнила огромная горбатая фигура. Негр стоял, наклонив одноглазую голову, как бык перед красной тряпкой. По его мускулистой груди струился пот. В правой руке он держал длинный узкий нож, готовый ударить им Керанса в живот.

Отступив, Керанс выхватил кольт. Единственный глаз черного циклопа следил за ним. Но тут Керанс оступился на раскрытой шкатулке, валявшейся на полу, и рухнул на диван.

Он еще не успел встать, когда Великий Цезарь прыгнул на него, а его нож сверкнул в воздухе, как лопасть пропеллера. Отброшенный пружинами дивана, Керанс успел нажать курок, и бандит отшатнулся ко входу; нож выпал из его руки. Приглушенный пузырящийся звук вырвался из его горла, со страшной силой, в которой выразилась боль и ярость. Падая, он вцепился в занавес. Мощные мышцы тела сократились в последний раз, он рухнул на пол, и тысячи бисеринок рассыпались вокруг.

— Беатрис, бежим! — Керанс схватил ее за руку и переступил через распростертое тело в переднюю. Они пересекли ее и вышли к пустому бару. Наверху послышался чей-то крик и громкий топот.

Керанс взглянул на широкие складки платья Беатрис и отказался от первоначального плана вернуться тем же путем, что и пришел.

— Попытаемся пройти через трап. — Он указал на неохраняемый выход с палубы, где с флейтами у губ танцевали мраморные купидоны из ночного клуба. — Это для нас теперь единственный шанс.

На полпути вниз они почувствовали, что трап раскачивается на шлюпбалках, и услышали, как Адмирал что-то кричит им с борта. Прогремел выстрел, над их головами просвистела пуля. Керанс наклонился и, оглянувшись, увидел торчавший над бортом длинный ствол ружья.

Он спрыгнул вниз на площадь, подхватил Беатрис за талию и опустил ее на землю. Вдвоем они приникли к земле у корпуса парохода, потом побежали через площадь к ближайшей улице.

На полдороге Керанс оглянулся и увидел, что на дальнем конце площади появилась группа людей Стренгмена. Обменявшись криками с Адмиралом, они устремились к Керансу и Беатрис.

Керанс рванулся вперед, сжимая в одной руке револьвер, а другой помогая Беатрис, но вдруг та остановилась.

— Нет, Роберт, смотрите!

Прямо перед ними, перегородив всю улицу появилась еще одна группа, в центре ее шел человек в белом костюме.

Изменив направление, Керанс потащил Беатрис по диагонали через площадь, но первая группа уже отрезала им путь. С палубы взлетела ракета и озарила всю площадь розовым светом.

Беатрис остановилась, задыхаясь и со страхом глядя на окружавших их людей; в руке она держала сломанный каблук своей золотой туфли.

— Дорогой... Роберт... Назад, на корабль! Укроемся там!

Керанс взял ее за руку, они повернули к пароходу и спрятались в тени переднего колеса, скрываясь от выстрелов за его стальными лопастями. Напряжение от приключений на корабле и последующего бега по площади истощило силы Керанса, его легкие работали с болезненными спазмами, он едва удерживал револьвер в бессильных руках.

— Керанс... — Холодный иронический голос Стренгмена прозвучал над площадью. Он приближался свободной легкой походкой, уже в пределах досягаемости пистолетного выстрела, но окруженный своими людьми. Все они держали в руках мачете.

— Конец, Керанс... конец. — Стренгмен остановился в двадцати футах от Керанса, его губы исказила сардоническая усмешка... — Очень жаль, Керанс, но вы оказались слишком надоедливым человеком. Бросьте пистолет, иначе мы убьем и мисс Дал.

Керанс овладел своим голосом.

— Стренгмен...

— Керанс, сейчас не время для дискуссий. — Нотка раздражения прозвучала в его голосе, как будто он говорил с капризным ребенком. — Поверьте мне: на просьбы

и мольбы нет времени, времени вообще нет ни для чего. Приказываю вам бросить оружие. Затем идите вперед. Мои люди считают, что вы силой заставили мисс Дал пойти с вами, ее не тронут. — Он добавил с угрозой. — Идите, Керанс, — ведь вы не хотите, чтобы что-нибудь случилось с Беатрис. Подумайте, в какую прекрасную маску может превратиться ее лицо. — Он безумно хихикнул. — Лучше, чем старая голова аллигатора, которую вы носили.

Проглотив комок в горле, Керанс сунул пистолет Беатрис, сжав ее маленькую ладонь вокруг рукоятки. Прежде чем они смогли встретиться взглядами, он отвернулся, в последний раз вдохнув мускусный запах ее груди, потом двинулся вперед, как приказал Стренгмен. Последний ждал его с дьявольской усмешкой, потом вдруг рванулся навстречу, увлекая за собой всех остальных.

Увидев перед собой лезвия мачете, сверкающие в лунном свете, Керанс повернулся и побежал вокруг парохода, пытаясь добраться до противоположного борта. Но тут он поскользнулся в луже отбросов и тяжело рухнул на землю. Встав на колени, он беспомощно протянул вперед руку, пытаясь отвести круг приближающихся лезвий, и вдруг почувствовал, что сзади кто-то подхватил его и помог подняться на ноги.

Встав на скользкие камни, он услышал удивленный возглас Стренгмена. Группа людей в коричневых мундирах появилась из-за корабля, за корпусом которого они скрывались. Впереди выделялась аккуратная и быстрая фигура полковника Риггса. Два солдата несли ручной пулемет, третий — две коробки с патронами. Они моментально установили пулемет на треноге перед Керансом и направили его ствол на растерявшуюся толпу бандитов, попятившуюся от них. Остальные солдаты рассыпались широким полукругом, сгоняя людей Стренгмена в кучу своими штыками.

Большинство членов экипажа в полном замешательстве отступили к центру площади, однако Стренгмен с несколькими людьми с ножами в руках попытался прорваться сквозь цепь. Но короткая очередь прозвучала над их головами, и они, побросав мачете, присоединились к остальным.

— О'кей, Стренгмен, так будет лучше.

Риггс, взмахнув своей дубинкой, приказал Адмиралу спуститься с палубы.

Приведенный в совершенное замешательство, Стренгмен озадаченно смотрел на окруживших его солдат. Он беспомощно взглянул на свой пароход, как бы надеясь,

что на палубе появится артиллерийское орудие и изменит положение. Однако, напротив, там появились двое одетых в шлемы солдат с переносным прожектором, свет которого они направили на площадь.

Керанс почувствовал, что кто-то взял его за локоть. Он оглянулся и увидел клювообразный нос, а затем и все лицо сержанта Макреди, державшего в руках автомат. Он совсем забыл сержанта, и лишь с усилием заставил себя вспомнить, кому же принадлежит это орлиное лицо.

— Как вы, сэр? — мягко спросил Макреди. — Как вижу, вам досталось. Вы выглядите так, будто вами играли в футбол.

Глава 13

Слишком быстро, слишком поздно

К восьми часам утра Риггс полностью овладел обстановкой и смог поговорить с Керансом неофициально. Свою штаб-квартиру он разместил на испытательной станции, так как она возвышалось над прилегающими улицами. Обезоруженные, Стренгмен и его люди, расположились в тени корпуса парохода под охраной Макреди и двух солдат с ручным пулеметом.

Керанс и Беатрис провели ночь в лазарете на борту патрульного корабля Риггса — хорошо вооруженного торпедного катера, который стоял на якоре рядом с гидропланом Стренгмена в центральной лагуне. Отряд прибыл сюда вскоре после полуночи, и разведывательный катер достиг периметра осушенной лагуны как раз в то время, когда Керанс пробирался в апартаменты Стренгмена на пароходе. Услышав ружейные выстрелы, разведчики сразу же устремились на площадь.

— Я предполагал, что Стренгмен здесь, — объяснил Риггс. — Один из наших патрульных кораблей засек его гидроплан примерно месяц назад, и я понял, что у вас будет немало хлопот, если вы все еще остались здесь. А необходимость поднять испытательную станцию была лишь предлогом. — Он присел на край стола, наблюдая за кружащим над улицами вертолетом. — Эта птичка заставит их сохранять спокойствие.

— Дейли, кажется, вновь обрел крылья, — заметил Керанс.

— Да, и он неплохо освоил новую машину, — Риггс

посмотрел своими умными глазами на Керанса и совершенно спокойно спросил: — Кстати, а Хардман здесь?

— Хардман? — Керанс медленно покачал головой. — Нет, я не видел его с момента его исчезновения. Вероятно, он далеко отсюда, полковник.

— Очевидно, вы правы. Я-то надеялся, что, может быть, он где-нибудь поблизости. — Он приветливо улыбнулся Керансу, то ли против ему затопление испытательной станции, то ли не желая вспоминать этот инцидент так скоро после спасения. Он указал на улицы, раскаленные и дымящиеся под лучами солнца — сухой, потрескавшийся ил на крышах напоминал высохший навоз. — Там внизу ужасно. Жаль старика Бодкина. Надо было ему уйти с нами на север.

Керанс кивнул, глядя на следы мачете на деревянных перилах станции — часть повреждений, беспричинно нанесенных станции во время убийства Бодкина. Теперь кают-компания была прибрана, тело Бодкина, лежавшее на окровавленных таблицах в лаборатории, перевезли на патрульный корабль. К своему удивлению, Керанс понял, что совсем не думает о Бодкине и не испытывает к нему почти никакой жалости. Упоминание Риггса о Хардмане вернуло его мысли к чему-то гораздо более важному и значительному. Огромное солнце по-прежнему ритмично билось в его мозгу, и видение бесконечных песчаных отмелей и кроваво-красных болот юга возникло перед его глазами.

Он медленно подошел к окну, снимая по пути паутину с рукава свежего форменного кителя, и посмотрел на людей, толпившихся у парохода. Стренгмен и Адмирал что-то возбужденно говорили Макреди, который спокойно мотал головой в знак отказа.

— Почему вы не арестовали Стренгмена? — спросил Керанс.

Риггс коротко рассмеялся.

— Потому что я не могу предъявить ему никакого обвинения. По закону — и он это отлично знает — он был вправе защищаться и даже убить доктора Бодкина в случае необходимости.

Когда Керанс удивленно оглянулся на него, Риггс объяснил:

— Вы помните Восстановительные земельные акты и Устав поддерживающих сил Дайка? Они пока не отменены. Я знаю о грязных делах Стренгмена, но формально он заслуживает медаль за осушение этой лагуны. Если он

пожалуется, мне придется писать объяснение по поводу этого пулемета внизу. Поверьте мне, Роберт, если бы я опоздал на пять минут и нашел вас растерзанным на куски, то Стренгмен мог бы заявить, что вы сообщник Бодкина, и я не сумел бы ничего поделать. Это весьма скользкий тип.

Усталый и вялый после трехчасового сна, Керанс, горько улыбаясь, склонился над окном, сопоставляя терпимость Риггса к Стренгмену со своим собственным отношением к этому человеку. Он почувствовал, что пропасть, разделявшая его и Риггса, расширилась и углубилась. Хотя полковник находился лишь в нескольких футах от него, подчеркивая свои аргументы резкими движениями дубинки, Керанс не мог воспринимать Риггса как реальность, словно его изображение проецировалось на испытательную станцию через огромную дистанцию времени и пространства. Керанс заметил, что и людей Риггса он воспринимает как не вполне реальных. Многие из прежних членов отряда были заменены — в том числе те, кому снились кошмары, среди них Уилсон и Колдуэлл. Из-за того, что многих он видел впервые, а также из-за их болезненно-бледных лиц и равнодушных глаз, солдаты отряда выглядели безжизненными и нереальными; они выполняли свои обязанности, словно человекообразные роботы.

— А как насчет грабежа? — спросил он.

Риггс пожал плечами.

— За исключением нескольких мелочей, похищенных им в старом Вулворте, он не взял ничего, что можно было бы использовать для обвинения. Что же касается этих статуй и всего прочего, то он делает важную работу, спасая произведения искусства, брошенные здесь. Хотя в истинных его мотивах я не уверен.

Он положил свою руку Керансу на плечо. — Забудьте о Стренгмене, Роберт. Он сейчас спокоен потому, что уверен в своей неуязвимости. Иначе здесь было бы побоище. — Он помолчал. — Вы плохо выглядите, Роберт. Все еще видите сны?

— Постоянно. — Керанс пожал плечами. — Но последние несколько дней были сплошным безумием. Трудно описать, что вытворял этот Стренгмен — белый дьявол из какого-то языческого культа. Я не могу примириться с тем, что он на свободе. Вы когда собираетесь затопить лагуну?

— Затопить лагуну? — переспросил Риггс, в изумле-

нии качая головой. — Роберт, вы действительно потеряли связь с реальностью... Чем быстрее вы уберетесь отсюда, тем для вас лучше. Я не думаю затоплять лагуну. Больше того, если кто-нибудь попробует это сделать, я лично прострелю ему голову. Осушенная земля, и особенно в городах, как здесь, в центре великой столицы, является огромной ценностью. Если Стренгмен действительно собирается осушить соседние лагуны, он не только будет с извинениями освобожден, но даже может быть назначен генерал-губернатором города.

Он взглянул через окно на сверкающие в лучах солнца металлические перила пожарной лестницы.

— Хотя не знаю, что он на самом деле предпримет.

Керанс подошел к Риггсу, оторвавшись от зрелища бесконечного лабиринта городских крыш.

— Полковник, вы должны затопить лагуну вновь, законно это или незаконно. Вы были на этих улицах: они грязные и отвратительные. Это мир ночных кошмаров. Он мертв. С ним покончено. Стренгмен оживляет труп! Через два-три дня вы сможете...

Риггс спрыгнул со стола, прервав Керанса. Нотки раздражения прозвучали в его голосе.

— Я не собираюсь оставаться здесь на три дня, — резко сказал он. — Не волнуйтесь, я не очарован этими лагунами, ни затопленными, ни осушенными. Мы все уходим завтра рано утром.

Пораженный, Керанс сказал:

— Но вы не можете уйти, полковник. Ведь Стренгмен все еще остается здесь.

— Конечно, остается! Вы думаете, у его парохода есть крылья? У него нет причин уходить, если он уверен, что сможет выдержать жару и надвигающиеся дожди. Кажется, у него есть несколько этих больших новых рефрижераторов, и он вполне может остаться. Если ему удастся закрепиться в этом городе, можно попытаться вновь заселить его. Во всяком случае, когда мы вернемся в Берд, я представлю соответствующие предложения... Меня же здесь ничто не удерживает — увести станцию я сейчас не могу. Но вы и мисс Дал в любом случае нуждаетесь в отдыхе. Понимаете ли вы, каким чудом уцелели? Боже! Вы должны благодарить небеса за то, что я пришел — и пришел вовремя.

Керанс помолчал, потом сказал:

— Не знаю, полковник. Боюсь, что вы пришли слишком поздно, — и направился к выходу.

Глава 14

Большой гром

Припав к полу в маленьком здании, два этажа которого выступали над дамбой, Керанс прислушивался к музыке, доносившейся с палубы парохода. Прием Стренгмена был в разгаре. Раскручиваемые двумя младшими членами экипажа, колеса парохода медленно вращались, их лопасти отражали свет, отбрасывая его в небо. Издалека виднелись белые навесы, похожие на ярмарочные шатры — яркие центры праздничного шума на темной площади.

В качестве любезности Риггс явился на прощальный вечер. Между ними было заключено соглашение: охрану и пулемет убрали, а Стренгмен обязался не выходить за периметр лагуны, пока не уйдет отряд Риггса. Днем Стренгмен со своей бандой бродил по улицам, и звуки пьяного веселья и стрельбы раздавались то тут, то там. Даже теперь, когда последние гости — полковник Риггс и Беатрис Дал — покинули прием и по пожарной лестнице поднялись на испытательную станцию, на палубе парохода продолжалась стрельба, а на площадь летели пустые бутылки.

Керанс тоже был вынужден явиться на вечер, но держался подальше от Стренгмена, который не делал попыток заговорить с ним. Лишь однажды, проходя мимо Керанса, он взял его за локоть и поднял свой бокал.

— Надеюсь, вы не слишком скучаете, доктор? Вы выглядите усталым. — Он улыбнулся Риггсу, который с настороженным лицом сидел выпрямившись на украшенной кистями диванной подушке, как визирь при дворе паши. — Мы не раз устраивали приемы вместе с доктором, полковник. И они проходили с успехом.

— Не сомневаюсь, Стренгмен, — ответил Риггс, но Керанс отвернулся, неспособный, как и Беатрис, скрыть своего отвращения к Стренгмену. Беатрис в это время смотрела на площадь, пряча оцепенение и погруженность в себя, которые вновь овладели ею.

Глядя на Стренгмена издали — тот в этот момент аплодировал какому-то танцору — Керанс думал, что главарь грабителей прошел свой пик и теперь начал скатываться вниз. Он выглядел отвратительно, как гниющий вампир, пресыщенный кровью и злом. Внешняя импозантность его исчезла, явив облик хищника. Как только пред-

ставился случай, Керанс сослался на приступ малярии и ушел с приема. Он забрался по пожарной лестнице на это заранее выбранное здание, откуда было удобно вести наблюдение и за пароходом, и за станцией.

Теперь, приняв единственно возможное решение, Керанс чувствовал, что мозг его работает четко и координированно. Его мысли устремились далеко за пределы лагуны.

В пятидесяти милях к югу дождевые тучи собирались в плотные пласты, стирая с горизонта очертания болот и архипелагов... Заслоненное событиями последних недель, гигантское солнце вновь неустанно билось в сознании Керанса, и его изображение слилось с обликом настоящего солнца, просвечивающим сквозь тучи. Неумолимое и магнетическое, оно звало на юг, в жару и лагуны экватора.

С помощью Риггса Беатрис взобралась на палубу испытательной станции, которая так же служила посадочной площадкой для вертолета. Когда моторы вертолета взревели, Керанс быстро спустился на балкон, проходивший двумя этажами ниже. Отделенный от вертолета сотней ярдов, он находился на уровне дамбы.

За зданием находилась огромная отмель, выступающая из окружающих болот и доходящая прямо до балкона; на отмели разрослась роскошная растительность. Прячась под широкими листьями папоротника, Керанс двинулся по переулку между своим наблюдательным пунктом и соседним зданием. Небольшой заливчик в двадцать ярдов шириной переходил в узкий канал, забитый грязью и водорослями; постепенно сужающееся устье канала было перегорожено завалом из тяжелых бревен. Кроме запруды на дальней стороне лагуны, где работали насосные катера, это было единственное место в дамбе, где было легко открыть путь воде. Если ликвидировать этот завал, то вначале проход для воды будет небольшим, но по мере того, как вода размоет ил и грязь, поток ее увеличится.

Из ниши в стене, прикрытой каменной плитой, Керанс достал два тяжелых пакета, в каждом из которых находилось по шесть пачек динамита, связанных вместе. Керанс нашел их еще днем, обыскивая близлежащие здания: он был уверен, что Бодкин еще перед уходом отряда похитил с базы взрывчатку и где-то ее спрятал. К тому же в туалете станции он обнаружил пустой ящик из-под динамита.

Под рев мотора вертолета — его выхлопные газы ярко светились в темноте — он поджег короткий, рассчитанный на тридцать секунд горения, запальный шнур и побежал к центру дамбы.

Здесь он нагнулся и подвесил пакеты на небольшой кол, заранее вбитый им между бревнами в основании завала. Динамит повис, недоступный постороннему взгляду в футе над поверхностью воды.

— Доктор Керанс! Что вы делаете здесь, сэр?

Керанс взглянул вверх и увидел сержанта Макреди, стоявшего на дальнем конце соседней крыши. Сержант наклонился вперед, оценивая происходящее, и, видимо, поняв, сорвал с плеча ружье.

Пригнувшись, Керанс рванулся прочь от дамбы и уже достиг террасы, когда Макреди, снова крикнув, выстрелил. Пуля ударила в стену, брызнул дождь осколков, и Керанс почувствовал, как один из них впился ему в правую ногу над лодыжкой. Перегнувшись через перила, он увидел, как Макреди, перебросив ружье через плечо, мчится по дамбе.

— Макреди! Назад! — крикнул он сержанту. — Сейчас взорвется!

Его голос тонул в реве мотора вертолета и он беспомощно смотрел, как Макреди добежал до центра дамбы и начал спускаться к заряду.

— Двадцать восемь, двадцать девять, — продолжал автоматически отсчитывать Керанс. Отвернувшись от дамбы, он ничком бросился на землю.

Страшный грохот взрыва взорвал ночную тишину, мгновенная вспышка осветила взметнувшийся в небо огромный фонтан воды. От начального крещендо шум перерос в непрерывный вой — это звуковая волна отражалась от окружающих зданий. Комки ила и клочья растений осыпали Керанса и все вокруг; он поднялся и подошел к перилам.

Быстро расширяющимся потоком вода рванулась вниз по улице, неся с собой большие куски слежавшегося ила. Мощный грязевой вал обрушился на палубу парохода. Вода быстро заполняла площадь, заливала костры и плескалась о борта парохода, всё еще раскачивающегося от удара взрывной волны.

Вдруг обрушилась нижняя часть дамбы — связка из множества двадцатифутовых бревен — и гигантская стена воды высотой в пятьдесят футов нависла над улицами. Под глухой рокот разрушающихся зданий море возвращалось в лагуну.

— Керанс!

Над его головой просвистела пуля, он обернулся и увидел Риггса, бежавшего к нему с пистолетом в руке от вертолетной стоянки. Моторы вертолета смолкли, сержант Дейли помогал Беатрис выбраться из кабины.

Здание дрожало под напором бурного потока. Придерживая правую ногу рукой, Керанс захромал под защиту небольшой башни, в которой прежде находился его наблюдательный пункт. Он вытащил из-за пояса кольт и, держа его обеими руками, дважды выстрелил в направлении Риггса. Он оба раза промахнулся, но Риггс остановился и спрятался за балюстрадой.

Услышав шаги сзади, Керанс обернулся и увидел Беатрис, бежавшую к нему по террасе. Риггс и Дейли что-то кричали ей, но она подбежала и опустилась рядом с Керансом на колени.

— Роберт, бегите! Вас не простят. Риггс разъярен и хочет убить вас.

Керанс кивнул и со стоном попытался подняться на ноги.

— Сержант... я не знал, что он дежурит здесь. Скажите Риггсу, что я сожалею...

Он беспомощно махнул рукой и бросил последний взгляд на лагуну. Черная вода поднималась между зданиями, затопляя их окна. Пароход, разбитый, с оторванными колесами, медленно плыл на боку к дальнему берегу и его корпус выдавался из воды, как брюхо умирающего кита. Керанс следил за ним с выражением спокойного удовлетворения, наслаждаясь резким запахом моря, который принесла с собой в лагуну вода. Ни Стренгмена, ни членов его экипажа не было видно, несколько обломков борта и пароходной трубы, державшихся на поверхности, исчезли в водовороте.

— Роберт, торопитесь! — Беатрис схватила его за руку, глядя через плечо на темные фигуры Риггса и пилота всего в пятидесяти ярдах от них. — Дорогой, куда вы теперь? Жаль, но я не могу идти с вами.

— На юг, — мягко ответил Керанс, слушая рев прибывающей воды. — К солнцу. Я не забуду вас, Беа.

Он крепко обнял ее, потом вырвался из ее объятий и побежал по террасе, отводя тяжелые листья папоротника. Когда он добежал до отмели и нырнул в густую растительность, из-за угла выбежали Риггс и Дейли и принялись наугад стрелять, но Керанс лишь прибавил ходу, прячась за стволами и погружаясь по щиколотки в мягкий ил.

Берег лагуны все более отступал по мере того, как прибывала вода. Керанс с трудом тащил тяжелый катамаран, изготовленный им из пятидесятигаллонных бочек, через месиво ила и водорослей... В тот момент, когда катамаран поплыл, показались его преследователи.

Керанс лег между бочками и, не обращая внимания на

выстрелы, стал энергично грести. Расстояние между ним и преследователями медленно увеличивалось. Вот оно достигло ста, потом двухсот ярдов. Катамаран приблизился к островку, который образовался на крыше отдельного изолированного здания. Укрывшись за ним, Керанс сел, поставил парус, и в последний раз оглянулся на периметр лагуны.

Риггса и пилота не было видно, но высоко на крыше он заметил одинокую фигуру Беатрис, которая непрерывно махала платком, время от времени меняя руку, хотя различить его среди островов она, конечно, не могла. Справа от нее, возвышаясь над окружающими отмелями, тянулась цепь высотных зданий, которые он так хорошо знал. Видна была даже зеленая крыша отеля «Риц», исчезавшая в дымке. Постепенно все это уходило назад и таяло в мареве испарений, и наконец, он смог сложить в целое отдельные буквы гигантской надписи, сделанной людьми Стренгмена. Теперь она возвышалась над спокойной водой, как скорбная эпитафия:

ЗОНА ПЕРЕХОДА ВО ВРЕМЕНИ.

Встречное течение замедляло его передвижение, и через час, когда над головой пролетел вертолет, он все еще не достиг края лагуны. Лежа на верхнем этаже одного из зданий, он поглядывал в окно и спокойно ждал, пока пилоту надоест летать взад и вперед, поливая окрестности пулеметным огнем.

Когда вертолет скрылся, Керанс продолжил путь и вскоре, пройдя зону болот, вступил во внутреннее море, которое должно было привести его на юг. То тут, то там встречались небольшие острова в несколько сот ярдов длиной, их буйная растительность нависала над водой, образуя естественные укрытия. Керанс поставил второй парус и, подгоняемый легким бризом, преодолевал по две-три мили в час.

Нога ниже колена начала неметь; он открыл медицинскую сумку, промыл рану пенициллиновым раствором и крепко перевязал. Перед рассветом, когда боль стала нестерпимой, он принял таблетку морфия и впал в тяжкий сон, в котором огромное солнце, расширяясь, поглотило всю Вселенную; звезды сотрясались от мощных пульсаций. Проснувшись на следующее утро в семь часов, он обнаружил, что лежит навзничь у мачты с раскрытой медицинской сумкой на коленях, а катамаран прочно застрял в ветвях большого дерева, нависшего над водой. В миле от него кружил вертолет, расстреливая из пулемета острова. Керанс опустил мачту и прижался под деревом к берегу,

ожидая, пока вертолет улетит. Массируя ногу и опасаясь принимать морфий, он съел кусочек шоколада, вскрыв первую из тех плиток, что он сумел припрятать. На его счастье, младший интендант, ведавший складами на борту торпедного катера Риггса, получил распоряжение беспрепятственно выдавать доктору Керансу любые медицинские принадлежности и лекарства.

Налеты продолжались с полуторачасовыми интервалами, и один раз вертолет пролетел прямо над его головой. Из своего укрытия на острове Керанс ясно видел Риггса, выглядывающего из открытого люка и что-то кричавшего пилоту. Однако пулеметная стрельба становилась все более и более редкой, и вскоре после полудня полеты прекратились.

Тем не менее, к вечеру Керанс был совершенно истощен. Полуденная жара в сто пятьдесят градусов, казалось, высосала из него всю жизнь; он лежал, укрывшись смоченным парусом, и горячая влага капала ему на грудь и лицо. Он с нетерпением ждал вечерней прохлады. Поверхность воды почти кипела, и катамаран казался летящим в облаках испарений. Преследуемый странными видениями, Керанс слабо греб одной рукой.

Глава 15

Солнечный рай

К счастью, на следующий день грозовые тучи заслонили солнце, воздух же стал намного прохладней: температура в полдень упала до девяноста пяти градусов. Массивные груды темных облаков, нависшие всего в четырехстах-пятистах футах над морем, притушили дневной свет, как при солнечном затмении. Керанс ожил и сумел увеличить скорость до десяти миль в час. Огибая острова, он плыл на юг, следуя за солнцем, бившимся в его мозгу. Позже, к вечеру, когда начал хлестать дождь, Керанс почувствовал себя настолько хорошо, что встал на одну ногу у мачты, позволив бурной влаге струиться по своей груди и сорвал обрывки своего мундира. Когда грозовой фронт прошел и горизонт прояснился, он увидел южный берег моря — линию громадных илистых банок в сотню футов высотой. В ослепительном солнечном свете они сверкали перед глазами, как золотые, а над ними возвышались пышные джунгли.

В полумиле от берега кончилось горючее. Керанс отвинтил мотор и сбросил его в воду, следя, как он исчезает под коричневой поверхностью в облаке пузырей. Он опустил парус и медленно начал грести против ветра. Когда он достиг берега, были уже сумерки и большие тени протянулись по серым склонам. Пробравшись через мелководье, он вытащил на берег катамаран и рухнул без сил, прислонившись спиной к одной из бочек. Глядя на пустынный мертвый берег, он скоро забылся лихорадочным сном.

На следующее утро он разобрал катамаран и одну за другой потащил его части по пологим, покрытым грязью склонам, рассчитывая южнее продолжить путь по воде. Вокруг него на многие мили тянулись волнистые банки, дугообразные дюны были усеяны каракатицами и моллюсками. Моря больше не было видно, и он оказался один на один с этим безжизненным пространством; холмы сменяли друг друга, и он все тащил тяжелые пятидесятигаллонные бочки с одной дюны на другую. Небо над головой стало тусклым, безоблачным, больше похожим на потолок какого-то фантасмагорического помещения, ничем не напоминая великолепную ярко-синюю сферу, которую он наблюдал в предыдущие дни.

В конце концов он бросил свой груз и пошел вперед с небольшим узелком припасов, оглядываясь назад, на бочки, пока они не исчезли за горизонтом. Избегая зыбучих песков между дюнами, он двигался к видневшимся впереди джунглям, где верхушки хвощей и папоротников вздымались в воздух на сотни футов.

Он отдохнул под деревом на краю леса, тщательно вычистил свой пистолет. Над головой он слышал крики летучих мышей, нырявших среди темных стволов в этом бесконечном сумеречном мире. Срубив ветку с одного из деревьев, он сделал себе посох и побрел в тенистую чащу.

Вечером дождь застучал по огромным зонтикам папоротников в ста футах над его головой, темнота разорвалась фосфоресцирующей рекой, хлынувшей с небес. Он пошел быстрее, отгоняя игуан и оглядывая массивные стволы в поисках ночлега. Вскоре он увидел просвет в сплошной стене растительности и вышел на небольшую поляну — сквозь листву ясно вырисовывался верхний этаж разрушенного и погрузившегося в ил здания. Но следы построенных людьми сооружений встречались все реже: города юга были полностью поглощены илом и растительностью.

Три дня он шел через заросли, питаясь огромными ягодами, похожими на гроздья яблок, и опираясь на крепкую ветку, как на костыль. Несколько раз слева от себя он видел серебряную поверхность реки, но густые мангровые заросли, образовавшие ее берега, не позволяли приблизиться к ней.

Казалось, что лес, как и дождь, безостановочно струившийся по его лицу и плечам, никогда не кончится. Иногда ливень внезапно прерывался, и тогда клубы пара заполняли все кругом, окутывая затопленный лес, как прозрачные облака. Как только дождь возобновлялся, они исчезали.

В один из таких перерывов он взобрался на крутой холм в центре широкой поляны, чтобы подняться над пеленой тумана, и увидел, что оказался в узкой долине между лесистыми склонами. Когда туман немного рассеялся, он увидел среди возвышенностей в полумиле от себя реку. Небо освещалось садящимся солнцем, бледный красноватый туман скрывал отдаленные вершины. Пробираясь по влажной вязкой глине, Керанс наткнулся на развалины, оказавшимися остатками церкви. Выложенные кафелем ворота вели к полукруглым ступеням. Пять полуразрушенных колонн образовывали вход. Крыша обвалилась, а стены возвышались лишь на несколько футов. Из глубины нефа разрушенный алтарь смотрел на вечернюю долину и медленно заходящее солнце, гигантский оранжевый диск которого был задернут вуалью тумана.

Надеясь укрыться здесь на ночь, Керанс перешел в неф и прислушавшись, остановился: снова пошел дождь. Достигнув алтаря, Керанс оперся руками на мраморный столик, достигавший его пояса, и устремил взгляд на солнечный диск, который подергивался темным, как расплавленный металл, шлаком.

— Ааа-ах! — Слабый, нечеловеческий крик, похожий на стон раненного животного, прозвучал во влажном воздухе. Керанс быстро огляделся, думая, что за ним в руины пробралась игуана. Но и джунгли, и долина были молчаливы и неподвижны, лишь сквозь щели в разрушенных стенах струился дождь.

— Ааа-ах! — На этот раз голос раздался со стороны угасающего солнца. Как бы в ответ солнечный диск вновь начал пульсировать.

Утирая влагу с лица, Керанс осторожно прошел за алтарь и отпрянул назад, чуть было не споткнувшись об полунагого человека, сидящего спиной к алтарю и устре-

мившего глаза к солнцу. Голова незнакомца упиралась в камень. Звуки, несомненно, исходили от этой истощенной фигуры, но она была так неподвижна и черна, что Керанс решил было, что несчастный уже умер.

Длинные ноги человека, бессильно вытянутые перед ним, были укутаны в груду тряпок и кусков коры, походя на два обугленных бревна. Руки и впалая грудь были прикрыты тем же и перевязаны стеблями вьющихся растений. Черная и редкая борода покрывала большую часть его лица, дождь стекал по выступающим вперед челюстям. Заходящее солнце освещало кожу его лица и рук. Одна рука, костлявая, как у скелета, вдруг поднялась, подобно руке мертвеца из могилы, и указав на солнце, вновь безжизненно упала вниз. Когда солнечный диск начал пульсировать, на лице человека появилась слабая реакция. Глубокие морщины вокруг рта и носа, щеки, которые впали так глубоко, что, казалось, никакой полости рта вообще нет, наполнились на мгновение дыханием жизни, дрожь пробежала по телу.

Не смея приблизиться, Керанс смотрел на страшную истощенную фигуру, лежавшую перед ним. Человек был похож на оживший труп, выползший из могилы в канун судного дня.

Вдруг Керанс понял, почему человек не заметил его. Глубокие глазницы превратилась в узкие черные воронки, в гноящейся глубине которых тускло отражался солнечный свет. Оба глаза были почти полностью закрыты роговыми наростами, образовавшимися на месте бесчисленных волдырей, и Керанс подумал, что этот бедняга вряд ли может видеть что-нибудь, кроме умирающего солнца. Когда диск опустился за джунгли и на серый дождь, как на занавес, легли сумерки, голова человека приподнялась, как будто он хотел восстановить исчезающее изображение солнца на своей сетчатке, потом вновь упала на каменное изголовье. Множество мух загудело над его лицом.

Керанс наклонился, собираясь заговорить. Человек, казалось, уловил его движение, и его впавшие глаза искали смутную фигуру рядом с собой.

— Эй, парень. — Его голос напоминал слабое дребезжание. — Ты здесь, солдат, иди сюда! Откуда ты пришел? — Его левая рука скользнула по влажной глине. Он вновь повернулся к уходящему солнцу, не обращая внимания на мух, облепивших его лицо и бороду. — Оно опять заходит. Ааа-ах! Оно уходит от меня! Помоги мне, солдат, и мы пойдем за ним. Пойдем сейчас же, пока оно не ушло.

Он протянул руку к Керансу, как нищий за подаянием. Затем голова его вновь упала и дождь заструился по почерневшему черепу.

Керанс нагнулся. Несмотря на губительное влияние солнца и дождя, остатки одежды незнакомца позволяли определить, что это был офицер. Его правая рука, до сих пор сжатая в кулак, внезапно разжалась. На ладони лежал маленький серебристый диск с круглым циферблатом — карманный компас, входящий в комплект экипировки летчика!

— Эй, солдат! — человек вновь заговорил, его незрячее лицо повернулось к Керансу. — Я приказываю тебе: не оставляй меня! Ты можешь пока отдохнуть, я подежурю. Но завтра утром мы двинемся.

Керанс сел рядом с ним, развязал свой маленький узелок и платком убрал влагу и дохлых мух с лица человека. Поглаживая его по щекам, как ребенка, он осторожно сказал:

— Хардман, я Керанс... доктор Керанс. Я буду с вами, но сейчас отдыхайте.

Хардман никак не отозвался.

Воспользовавшись тем, что Хардман забылся, Керанс начал своим карманным ножом вынимать плиты черепицы и строить примитивное каменное убежище вокруг лежавшей навзничь фигуры, затыкая щели пучками вьющихся растений, сорванных им со стен. Защищенный от дождя, Хардман забеспокоился в этом укрытии, но вскоре уснул, дыхание его было тяжелым и хриплым. Керанс отправился в джунгли и набрал съедобных ягод, потом вернулся и сидел рядом с Хардманом, пока вершины окружающих холмов не озарил рассвет.

В течение следующих трех дней он оставался с Хардманом, кормя его ягодами и промывая его глаза остатками пенициллина. Он расширил укрытие и сделал подстилку из листьев, на которой они оба спали. После полудня и по вечерам Хардман сидел в открытой двери, глядя сквозь дождевую завесу туда, где должно было быть солнце. В промежутках между ливнями светило озаряло его высохшую кожу и вызывало некоторые проблески сознания. Он не узнавал Керанса и называл его по-прежнему — «солдат», иногда пробуждаясь от апатии и разражаясь серией несвязных приказаний. Керанс все лучше понимал, что истинная личность Хардмана погребена в руинах сознания, что его поведение и реплики являются лишь бледным

отражением этого «Я». Керанс решил, что лейтенант потерял зрение с месяц назад и, инстинктивно выбираясь на возвышенное место, добрел до этих развалин. Отсюда он лучше видел солнце — единственное, что еще воспринимала сетчатка его глаз.

На второй день Хардман начал прожорливо есть, как бы готовясь к длительному путешествию через джунгли; к концу третьего дня он уничтожал по несколько огромных гроздьев ягод за раз. Силы, казалось, стремительно возвращались в его огромное мосластое тело, и к концу третьего дня он уже мог подниматься на ноги. Керанс не был уверен, что Хардман узнал его, но монологи с приказами и инструкциями прекратились.

Керанс не удивился, когда, проснувшись на следующее утро, обнаружил, что Хардман ушел. Он прошел по его следам до края леса, где в реку вливался небольшой ручей. Осторожно оглядывая темные заросли папоротников, он несколько раз позвал Хардмана, слушая, как эхо возвращает его голос. Решение Хардмана уйти он воспринял как сигнал самому себе. Он и так слишком долго задержался здесь, а Хардмана он еще, возможно, и встретит в их общей одиссее на юг. Пока глаза его смогут воспринимать солнечные сигналы, пока ему удастся избегать нападений игуан, Хардман, подняв голову к солнцу, будет стремиться на юг.

Следующие два дня Керанс провел в убежище на случай, если Хардман решит вернуться, потом выступил сам. Его запасы истощились, и теперь он нес с собой лишь узелок с ягодами да кольт с последними двумя патронами. Часы его все еще шли, и он использовал их показания для определения направления, продолжая считать дни и делая каждое утро пометки на своем поясе.

Пройдя долину, он пересек мелкий ручей, собираясь достичь берегов реки. По-прежнему проливные дожди заливали землю, но теперь они шли лишь в течение нескольких часов после полудня и вечером.

Когда река свернула на запад, он оставил ее и двинулся прямо на юг, уйдя из густых джунглей холмов и углубившись в более редкий лес, который, в свою очередь, уступил место нескончаемым болотам.

Двигаясь по краю топи, он неожиданно оказался на берегах большой лагуны с милю в диаметре, окруженной песчаными пляжами, сквозь которые, как береговые шале, проступали видимые издалека верхушки нескольких разрушенных зданий. В одном из них он отдыхал целый

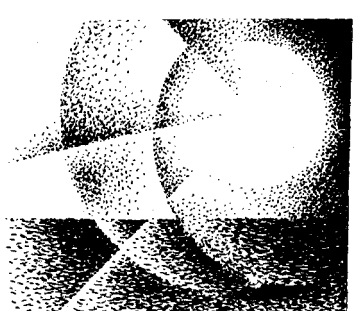
день, стараясь подлечить лодыжку, которая почернела и распухла. Глядя в окно на спокойное зеркало воды, он ждал, когда же вечерний дождь нарушит этот покой. Когда же дождь прекратился и вода успокоилась, в ней, казалось, отразилось все, что он видел в своих бесчисленных снах.

По изменению температуры он определил, что прошел уже около ста пятидесяти миль. Все вокруг поглотила невыносимая жара, поднявшаяся до ста сорока градусов, и он не хотел покидать лагуну с ее пустыми пляжами и спокойным кольцом лесов. Он знал, что Хардман скоро умрет и что его собственная жизнь тоже может вскоре оборваться в бескрайних джунглях юга.

В полусне лежал он на спине и думал о событиях последних месяцев, завершившихся их прибытием в центральную лагуну и началом этой безумной одиссеи, думал о сумасшедшем Стренгмене и его аллигаторах и с глубоким чувством сожаления и печали вспоминал лицо и спокойную улыбку Беатрис.

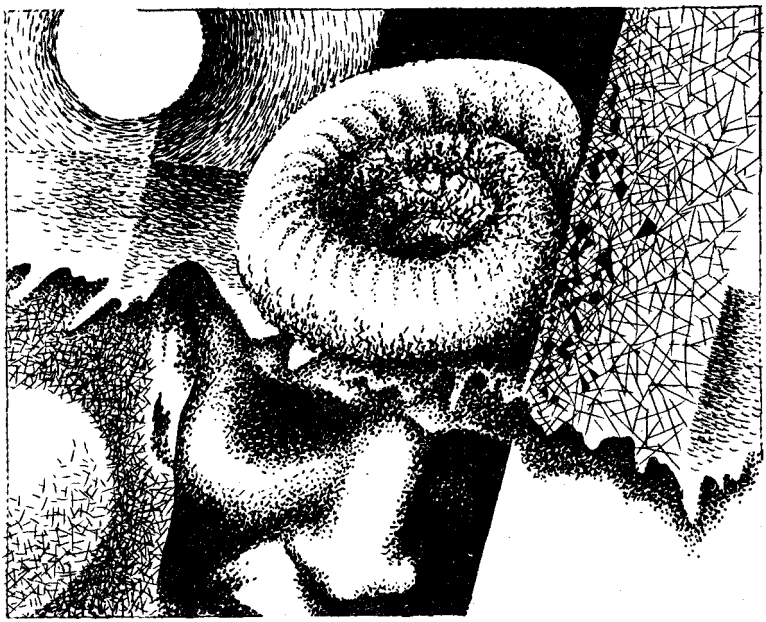
Наконец он снова привязал к своей ноге костыль и рукояткой кольта нацарапал на стене под окном надпись, которую — он был уверен в этом — никто не прочтет: «*27-ой день. Отдохнул и двинулся на юг. Все в порядке. Керанс.*»

Он оставил безмятежную лагуну и вновь углубился в джунгли. Через несколько дней он был уже далеко, продвигаясь на юг среди множества лагун и болот, во все усиливающихся ливнях и жаре, избегая аллигаторов и отбиваясь от игуан и гигантских летучих мышей, новый Адам в поисках забытого рая возрожденного солнца.

ПУРПУРНЫЕ ПЕСКИ

ТЕПЕРЬ ПРОБУЖДАЕТСЯ МОРЕ

Ночью Мэсон вновь услыхал приближающееся море — приглушенный грохот бурунов, атакующих соседние улицы. Стряхнув остатки сна, он выбежал на улицу. В лунном свете белые коробки зданий среди площадок мокрого бетона казались могильными склепами. Совсем рядом, ярдах в двухстах, волны обрушивались и кипели, оплескивая тротуары и снова стекая. Пена перехлестывала через изгороди, брызги наполняли воздух пьянящим соленым запахом.

Вдалеке мощные валы, набегающие из открытого моря, перекатывались через крыши уже затопленных домов, и только трубы торчали, рассекая барашки. Отскочив — холодная пена обдала ему ноги, — Мэсон взглянул на дом, где спала жена. Каждую ночь море подходило все ближе и ближе, сегодня оно докатилось уже до газона.

Полчаса или чуть больше Мэсон наблюдал за пляской волн над коньками крыш. Фосфоресцирующая поверхность моря отбрасывала бледное сияние на облака, бегущие во тьме над головой, отсвечивала на руках матовым восковым блеском.

Наконец волны стали отступать, массы искрящейся воды пошли вспять, освобождая улицы, возвращая ряды домов лунному свету. Мэсон рванулся вслед через умирающую пену, но море убегало от него, скрываясь за углы домов, ускользая под двери гаражей. Когда он добежал до конца дороги, на небе за шпилем церкви мелькнул последний фосфорический отблеск. Измотанный, Мэсон вернулся домой — плеск волн все еще пульсировал в ушах — и уснул.

— Этой ночью я снова видел море, — сказал он жене за завтраком.

— Ричард, — Мириам тихо ответила, — ближайшее море в тысячах миль отсюда. — Секунду она следила за мужем, ее бледные пальцы теребили прядь черных волос, спадающих на плечи. — Выйди и оглянись. Здесь нет никакого моря.

— Дорогая, но я же его *видел.*

— Ричард...

Мэсон встал и неторопливо показал ей ладони.

— Мириам, я чувствовал брызги на руках, волны разбивались у моих ног. Это не сон.

— А чем же еще это может быть?

Мириам оперлась о дверь, словно боялась впустить в дом странный ночной мир мужа. Иссиня-черными волосами, обрамляющими овальное лицо, и ярко-красным платьем, открывающим стройную шею и белую грудь, она напоминала Мэсону то ли мадонну прерафаэлитов, то ли фею Моргану.

— Ричард, ты должен поговорить с доктором Клифтоном. Это стало пугать меня.

Мэсон улыбнулся, рассматривая глазами поверх деревьев далекие коньки крыш.

— Не стоит волноваться. Все очень просто. Ночью я слышу звуки моря, выхожу и смотрю на волны при лунном свете, а потом снова засыпаю.

Он замолчал, на его лице проступила усталость. Высокий и худощавый, Мэсон еще не окреп после болезни, из-за которой провел дома последние полгода.

— Забавно, — продолжал он, — что вода как-то странно светится. Видимо, минерализация значительно выше обычной...

—Но, Ричард... — беспомощно обернулась к нему Мириам; ее явно беспокоило его спокойное отношение ко всему этому. — Никакого моря нет, ты только воображаешь его. Больше никто его не видит.

Мэсон кивнул, не вынимая рук из карманов.

— Возможно, не пришло еще их время.

Он прошел из гостиной в кабинет. В углу по-прежнему стояла койка, на которой он спал во время болезни, за нею — книжный шкаф. Мэсон сел и взял с полки большую ископаемую раковину. Зимой, когда он был прикован к постели, она дарила ему нескончаемую радость, бесконечную чреду грез о древних морях и затопленных побережьях. Когда он держал ее в руках, изящную и двусмысленную, как обломок греческой статуи, найденной в русле пересохшей реки, она казалась ему капсулой времени, кусочком иной Вселенной. Он без труда мог поверить, что полночное море, которое тревожило его сон, вышло из этой раковины, потому что он тронул один из витков ее спирали.

Вскоре вошла Мириам и тут же отдернула штору, словно опасаясь, что Мэсон вернется в сумрачный мир своей болезни. Она положила руки ему на плечи.

— Слушай, Ричард. Разбуди меня ночью, когда услышишь волны, и мы выйдем вместе.

Мэсон осторожно освободился.

— Мириам, не имеет значения, увидишь ли море ты. Главное, что его вижу я.

Позже, пройдя по улице вниз, Мэсон вышел к месту, где стоял прошлой ночью и глядел на волны. Мирный домашний шум доносился из зданий, которые он совсем недавно видел затопленными. Трава газонов поблекла от июльской жары, и под ярким солнцем вращались разбрызгиватели, отбрасывая радуги в ясный воздух. Между деревянными изгородями и пожарными гидрантами лежала летняя пыль, ничем не потревоженная с ранней весны, когда прошли последние грозы.

Улица, одна из дюжины пригородных бульваров, шла к северо-западу и ярдов через триста выходила на открытую площадь перед ближайшим торговым центром. Мэсон, взглянув из-под ладони на башню с часами над библиотекой и церковный шпиль, узнал место, где вздымались крутые валы, идущие из открытого моря. Все сходилось до последней мелочи.

Перед торговым центром начинался отлогий подъем, во время прилива там проходила береговая линия. Этот отлогий вал, часть большой естественной котловины, примерно в миле от города завершался небольшим обнажени-

ем меловых пород. Несмотря на дома, частично закрывающие его, Мэсон ясно узнал в нем мыс, что высился над морем подобно цитадели. Мощные валы разбивались о его склоны, взбрасывая невероятные султаны брызг, опадающие с какой-то гипнотизирующей медлительностью. Ночью мыс казался выше и суровей, как нерушимый бастион, противостоящий морю. «Как-нибудь вечером, — пообещал себе Мэсон, — я приду на мыс, и меня, спящего на вершине, разбудят волны».

Мимо проехала машина, и водитель с удивлением посмотрел на Мэсона, стоящего посреди дороги с задранной головой. Не желая прослыть более эксцентричным, чем его и без того считали — нелюдимым, отрешенным мужем красивой, но бездетной миссис Мэсон, — он свернул на дорогу, которая шла вдоль вала. Приближаясь к отдаленному выступу обнаженной породы, Мэсон бросал взгляды поверх живых изгородей, ожидая увидеть перевернутые автомобили — ведь эти дома захватывал прилив. Хотя первые образы моря пришли к Мэсону всего три недели назад, он уже был убежден в их полной достоверности. Он узнал, что после своего ночного отступления вода не оставляет никаких следов на сотнях затопляемых ею зданий, и не испытывал тревоги за людей, которые, вероятно, спали, погруженные в огромную морозильную камеру холодного моря, пока он наблюдал, как волны перекатываются через крыши. Несмотря на этот парадокс, именно уверенность в реальности моря заставила его признаться Мириам, что в одну из ночей он был разбужен шумом волн за окном, вышел и встретил море, затапливающее улицы и дома. Сначала она просто улыбнулась, приняв это за образ его странного внутреннего мира. Позже, через три ночи, она проснулась, когда он, вернувшись, запирал дверь, и испугалась, услышав его частое дыхание и увидев потное лицо.

В тот день она часто поглядывала на окно, пытаясь найти признаки моря. Не меньше самой картины, нарисованной Мэсоном, ее пугало то, что этот апокалиптический кошмар, вдруг овладевший мужем, оставлял его совершенно спокойным.

Утомленный прогулкой, Мэсон присел на невысокий парапет, скрытый от окружающих домов кустами рододендрона. Несколько минут он передвигал веточкой белесую пыль возле ног. Кучка пыли чем-то напомнила ему ископаемую раковину, излучающую странный обволакивающий свет.

Впереди дорога поворачивала и сбегала по склону к полям внизу. В небо поднималось плечо меловой породы, прикрытое плащом зеленого дерна. На откосе стоял сборный металлический домик, у входа в шахту суетились несколько фигур, устанавливая деревянный подъемник. Жалея, что не взял машину жены, Мэсон следил, как маленькие фигурки одна за другой скрывались в шахте.

Эта безмолвная сцена вспоминалась ему, накладываясь на воспоминания о темных волнах, катящихся по полуночным улицам. Мэсону придавала сил уверенность, что скоро и другие почувствуют присутствие моря.

Вечером, собираясь ложиться, он увидел, что Мириам сидит одетая у окна с выражением спокойной решимости на лице.

— Что ты собираешься делать? — спросил он.

— Ждать.

— Что ждать?

— Море. Не волнуйся, просто не обращай на меня внимания и ложись спать. Я просто посижу здесь без света.

— Мириам... — Мэсон утомленно взял ее тонкую руку и попытался поднять жену с кресла. — Дорогая, ну зачем тебе это нужно?

— Разве ты не понимаешь?

Мэсон присел на край кровати. Почему-то ему хотелось удержать жену подальше от моря, и не только из желания защитить ее.

— Понимаешь, Мириам... Возможно, я и не вижу его наяву, в буквальном смысле. Это может быть... — он с трудом нашел слова, — галлюцинацией или сном.

Мириам покачала головой, стиснула подлокотники кресла.

— А может и не быть. Во всяком случае я хочу выяснить все до конца.

Мэсон лег.

— Не думаю, что ты на верном пути...

Мириам подалась вперед.

— Ричард, ты слишком спокоен, ты воспринимаешь эту картину как нечто обычное. Именно это меня и пугает. Если бы ты, скажем, боялся этого моря, я бы так не переживала.

Через полчаса он уснул в темной комнате, тень скрыла тонкое лицо Мириам, не отводящей от него глаз.

Рокот волн и отдаленный шорох вздымающейся пены прогнали сон, послышался приглушенный грохот приливных валов. Мэсон встал с постели и быстро оделся. В углу,

освещенная фосфорическими отблесками, спала в кресле Мириам; ее горло пересекала резкая полоса лунного света.

Бесшумно касаясь тротуара босыми ногами, Мэсон побежал навстречу волнам. Он пересек светящуюся границу между водой и сушей, совсем рядом шумно обрушился очередной вал. Мэсон почувствовал, как холодная сверкающая вода, кишащая планктоном, захлестнула его, толкнула в грудь и потащила в зев следующего вала. Намокший костюм прильнул к телу, но Мэсон не обращал на это внимания, он смотрел на море. В лунном свете белые здания уходили под воду, подобно дворцам призрачной Венеции или мавзолеям какого-то островного некрополя. Лишь церковный шпиль торчал над водой. Прилив достиг высшей точки, вода продвинулась по улице еще на двадцать ярдов, и брызги теперь долетали почти до дома Мэсона.

Мэсон подождал перерыва между волнами, пересек мелководье и вышел на дорогу, ведущую к отдаленному мысу. Теперь вода перехлестывала через дорогу, заливая темные газоны и облизывая ступеньки крылечек.

В полумиле от мыса он услыхал за спиной рокот большой волны и вздох опадающей воды. Задыхаясь он схватился за изгородь; волна окатила его, потянула за собой. Выглянула луна, и он увидел бледный силуэт женщины — она стояла над морем у края утеса; ее черная одежда развевалась по ветру, в лунном свете белели длинные волосы. Далеко внизу, под ее ногами, крутились светящиеся волны.

Мэсон побежал по тротуару, за домами, стоящими на повороте дороги, он потерял ее из виду. Вода стихала, в последний раз мелькнул сквозь брызги льдисто-белый профиль женщины. Начался отлив и угасание, море отступало между домами, лишая ночь своего света и движения.

Когда на влажном тротуаре исчезли последние пузыри, Мэсон вышел к мысу, но там уже никого не было. Пока он возвращался по пустым улицам, его мокрая одежда высохла. Ночной ветерок унес остатки запаха соли.

На следующее утро он сказал Мириам:

— И все-таки это был сон. Я думаю, теперь море ушло. Во всяком случае этой ночью я ничего не видел.

— Слава богу, Ричард. Ты уверен?

— На все сто. — Мэсон ободряюще улыбнулся. — Спасибо, что присмотрела за мной.

— Я посижу и следующей ночью. — Она взяла его за

руку. — Обязательно. После этой ночи я чувствую себя хорошо и хочу покончить с этим раз и навсегда. — Она нахмурилась над чашкой кофе. — Странно, но пару раз мне показалось, будто и я слышу море. Его шум был отдаленным и глухим, словно что-то пробуждалось после миллионов лет сна.

По дороге в библиотеку Мэсон свернул к выходу меловой породы и остановил машину на том месте, где видел залитую лунным светом фигуру светловолосой женщины. Солнце освещало бледный дерн и отверстие шахты, вокруг которой шла обычная суета.

Минут пятнадцать Мэсон колесил по ближним улицам, вглядываясь в окна кухонь поверх живых изгородей. Он был почти уверен, что эта женщина живет в одном из ближайших домов и надевает передник поверх того же черного платья.

Позже, в библиотеке, он узнал машину, которую видел возле шахты. Водитель, пожилой мужчина в твидовом костюме, изучал выставку местных геологических диковин.

— Кто это был? — спросил Мэсон Феллоуза, хранителя окаменелостей, когда машина уехала. — Я видел его на скалах.

— Профессор Гудхарт из группы палеонтологов. Видимо, они раскрыли интересный костеносный слой.

Феллоуз указал на куски бедренных и челюстных костей.

— Если повезет, мы получим от них несколько образцов.

Рассматривая кости, Мэсон понял, что у него в сознании установилась неожиданная и тесная связь.

Каждую ночь, когда море появлялось на темных улицах и волны катились к дому Мэсона, он просыпался рядом со спящей женой, выходил под порывы ветра и шел к мысу, переходя вброд места поглубже. Там он неизменно видел светловолосую женщину на краю утеса с лицом, поднятым над ревущим морем. Ему ни разу не удавалось добраться к ней до конца прилива, и он в изнеможении опускался на колени на мокрых тротуарах пригородных улиц.

Однажды его, прислонившегося к придорожному столбу, осветила фарами патрульная полицейская машина. В другую ночь он позабыл, вернувшись, запереть входную

дверь. За завтраком Мириам следила за ним с прежней настороженностью, заметив у него под глазами темные круги.

— Ричард, я думаю, тебе пока не стоит ходить в библиотеку. Ты выглядишь измотанным. Или это море пробудилось вновь?

Мэсон покачал головой, выдавил улыбку.

— Нет, с этим покончено. Наверное, я слишком много работал.

Мириам взяла его за руки.

— Ты спал ночью?

Она осмотрела ладони Мэсона.

— Милый, да они у тебя все в ссадинах! Должно быть, ты поранил их всего несколько часов назад. Ты можешь припомнить, когда?

Мэсон сочинил какую-то небылицу, чтобы успокоить ее, потом отнес кофе в кабинет. Он засмотрелся на утренний туман, лежащий на крышах, мягкое молочное озеро, повторяющее очертаниями полуночное море. Легкий туман рассеялся в солнечном свете, и поколебленная на мгновение реальность обычного мира вернулась в свои права, наполнив Мэсона острым ностальгическим чувством.

Он машинально потянулся за раковиной на книжной полке, но рука непроизвольно отдернулась, не успев ее коснуться.

Рядом стояла Мириам.

— Гадкая штуковина. — Жена по-своему истолковала его жест. — Как ты думаешь, Ричард, почему тебе снилось море?

Мэсон пожал плечами.

— Возможно, это какой-то вид генетической памяти...

Он едва не рассказал Мириам о волнах, которые по-прежнему слышит во сне, и о светловолосой женщине на краю утеса, чем-то манящей его. Но Мириам, как и все женщины, считала, что в жизни ее мужа должно быть место лишь для одной тайны. И разве болезненная для его самолюбия материальная зависимость от жены не дает ему права скрыть от нее кое-что?

— Ричард, что с тобой?

А перед ним уже вставали прозрачные веера брызг и обращенное к нему лицо заклинательницы волн.

На газоне перед домом воды было по пояс. Мэсон стянул куртку и швырнул ее в воду, потом пошел через улицу вброд. Волны поднялись выше, чем прежде, добрались

до его дома, но Мэсон уже забыл о жене. Все его внимание было приковано к мысу, исхлестанному брызгами, почти скрывающими фигуру на самом краю утеса.

Мэсон, окруженный лентами светящихся водорослей, расталкивал воду, временами погружаясь по плечи. Почти выбившись из сил, он добрался до подножия мыса и опустился на колени.

Сверху до него доносилось пение струй, сбегающих по выступам утеса, глубокие басы бурунов, перекрываемые дискантом воющего ветра. Подхваченный этой музыкой, Мэсон карабкался по склону при свете луны, тысячекратно отраженной в бурлящем море. Когда он достиг гребня и взглянул на женщину, ее лицо скрылось за черным шарфом, но он смог разглядеть высокий прямой стан и стройные бедра. И вдруг пошла прочь, словно поплыла по воздуху.

— Стой!

Ветер заглушил его крик. Мэсон бросился вперед, и тогда она остановилась и обернулась к нему. Ее белые волосы опутывали голову серебряной пеной, а потом вдруг разлетелись, открыв морщинистое лицо с пустыми глазницами. Протянутая к нему когтистая рука, похожая на пучок белых прутьев, казалась ему лапой огромной птицы, готовой вот-вот взлететь.

Закричав, — а может, вопил этот призрак? — Мэсон отпрянул. Не успев ничего понять, он проломил деревянное ограждение и в лязге цепей и блоков провалился в шахту, навстречу эху, что шло из темной глубины.

Выслушав полицейского, профессор Гудхарт покачал головой.

— Боюсь, что нет, сержант. Всю неделю я работал на раскопе. В шахту никто не падал.

Одна из тонких реек ограждения, отломившись, покачивалась под ветерком.

— Но спасибо, что предупредили меня. Полагаю, что раз этот лунатик бродит поблизости, нам следует соорудить забор понадежнее.

— Не думаю, чтобы он добрался сюда, — ответил сержант. — Ему придется карабкаться. — Он добавил, словно только что вспомнил: — В библиотеке, где он работает, мне сказали, что вчера вы нашли в шахте пару скелетов. Я понимаю, что он исчез всего два дня назад, но не может ли один из них принадлежать ему? — Сержант пожал

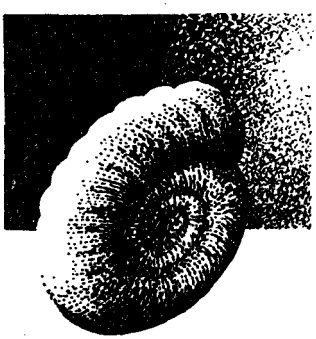
плечами. — Скажите, не могло ли тело попасть в какую-нибудь природную кислоту?

Профессор Гудхарт вбил каблук в дерн, покрывающий меловую породу.

— Чистый карбонат кальция, около мили толщиной, отложился в течение триасового периода, двести миллионов лет назад, когда здесь плескалось большое внутреннее море. Скелеты, найденные нами вчера, мужской и женский, принадлежат скорее всего рыбакам-кроманьонцам, жившим на берегу до того, как оно пересохло. Правда, совершенно непонятно, каким образом останки этих кроманьонцев попали в меловой слой — ведь этой шахте не более тридцати лет. Однако это уже не ваша, а моя проблема.

Возвращаясь к полицейской машине, сержант покачивал головой. Когда они отъехали, он поглядел на уходящие вдаль мирные пригородные домики.

— Очевидно, когда-то здесь было древнее море. Миллион лет назад. — Он взял с заднего сиденья мятую фланелевую куртку. — Теперь до меня дошло, чем пахнет одежда Мэсона, — морской солью.

ТЫСЯЧА ГРЕЗ СТЕЛЛАВИСТЫ

Увы, в наше время никто больше не отдыхает в Пурпурных Песках, да, впрочем, может быть, никого уже и не осталось, кто бы еще помнил или хотя бы слышал о них. Но с десяток лет назад, когда мы с Фэй, в ту пору еще образцовые супруги, приехали сюда, чтобы приобрести дом 99 по улице Стеллависта, Пурпурные Пески считались самым фешенебельным курортом.

В те давние времена расцвета и благополучия они были излюбленным местом отдыха и развлечений толстых киномагнатов, придурковатых дочек миллионеров и экстравагантных вояжеров-космополитов.

Хотя уже и тогда, еще до того как этот праздник жизни был сметен экономическим кризисом, большинство экзотических вилл и дворцов в Пурпурных Песках пустовало, сады заросли, бассейны высохли, а сам городок превратился в запущенный второсортный парк. И все-таки воздух городка был манящ и таинствен, как будто знаменитости только что покинули курорт и вот-вот вернутся сюда.

Я отлично помню нашу первую поездку по улице Стеллависта в сопровождении агента по продаже недвижимости.

Каких усилий стоило нам с Фэй сдержать возглас восторга!

Почти священный трепет охватывал нас, когда мы узнавали имена бывших обитателей того или иного особняка. Думаю, что Стамерс, наш молодой агент, хохотал в душе, глядя на двух провинциальных простофиль.

Почему-то с особой тщательностью он расхваливал самые странные и угрожающе нелепые здания. Очевидно, в этом заключался его профессиональный прием — ошеломить и взвинтить клиента, так чтобы тот с чувством облегчения согласился приобрести что угодно, хотя бы отдаленно напоминающее нормальное человеческое жилье.

Один из особняков на перекрестке улиц Главной и Стеллависта пленил бы самого изощренного поклонника сюрреализма. Отделенный от улицы густыми зарослями рододендронов, он состоял из шести блестящих алюминиевых шаров разного размера, свободно расположенных на бетонной площадке. Рекламный проспект сообщал, что самый крупный шар — это гостиная, а остальные — соответственно спальня, кухня и разные подсобные помещения.

В шарах были прорезаны отверстия, похожие на окна. Все это странное сооружение, тронутое ветром и солнцем, напоминало брошенный кем-то космический корабль.

Мы остались сидеть в машине, а Самерс направился к дому, бросив нам на ходу, что все дома в Пурпурных Песках психотропные. Вскоре мы услышали ровный гул, и шары медленно двинулись по кругу сверху вниз, почти касаясь земли.

Фэй испуганно наблюдала за этим непривычным и завораживающим зрелищем, а я, не в силах преодолеть любопытство, вышел из машины и приблизился к дому. Главный шар, совсем как живое существо, почувствовав рядом присутствие человека, остановился и, мне показалось, прислушался. За ним приостановились и другие. Из проспекта я знал, что дом возведен совсем недавно — лет восемь назад — одним телевизионным магнатом, проводившим в нем уик-энды. С той поры дом ежегодно менял хозяев. Сначала им владели две малоизвестные киноактрисы, затем весьма известный врач-психиатр, после — композитор — сочинитель ультразвуковой музыки.

Рассказывают, что покойный Дмитрий Шэкман, стра-

давший редким душевным заболеванием, однажды созвал в этот дом множество гостей понаблюдать за своим самоубийством. Никто из приглашенных не пришел. Это так разозлило хозяина, что он решил еще пожить. Последним владельцем дома был известный автомобильный дизайнер.

Казалось, при столь богатой родословной дом не будет пустовать более недели. Но он оставался без владельца уже не один год, видимо, его прошлые обитатели не нашли здесь ни мира, ни покоя.

Между тем главный шар замер в нескольких метрах от меня, и в открытую дверь выглянул Стамерс. Несмотря на его обнадеживающую улыбку, мне было не по себе, я явственно ощущал, что дом насторожен. Едва я ступил на спущенную мне лестницу, как она мгновенно втянула меня внутрь. Шар глухо задрожал, вслед за ним завибрировали остальные шары.

Всегда интересно наблюдать реакцию психотропного дома на появление нового человека, в особенности настороженного или встревоженного. Она может быть самой непредсказуемой — от первого холодка до прямой враждебности. Так бывает, если прежние хозяева в свое время испытали здесь шок, ну, например, в результате вторжения налогового инспектора или квартирного вора. Правда, воры стараются не наносить визиты в психотропные дома — кому охота стать жертвой переворачивающихся балконов или сходящихся коридоров. Первая реакция психотропного дома рассказывает о нем куда больше, чем подробная справка агента о модуле эластичности стен или мощности контрольного устройства в лошадиных силах.

Как бы то ни было, но с первой же минуты я чувствовал, что этот дом не хотел общения с нами. Пока я поднимался в гостиную, Стамерс предусмотрительно снижал до минимума напряжение контрольного устройства. Обычно делают наоборот, когда хотят показать покупателям всю полноту психотропных свойств дома. Наш же агент монотонно и без энтузиазма объяснял:

— Проводка устарела. Заменим за счет фирмы. Оговорим это в контракте. Некоторые из последних владельцев работали в шоу-бизнесе, и у них было свое представление о том, как жить на всю катушку.

Я кивнул и поднялся на балкон, опоясывающий гостиную. Это была красивая комната с белыми стенами из пластика и светящимся потолком. Но при моем появлении потолок завибрировал и поднялся, стены посинели, стали видны темные узлы и утолщения. Я догадался, что когда-

то комната перенесла серьезную травму, след от которой так и не зарос. Скорее всего здесь произошла какая-то трагедия — состояние комнаты я мог бы определить как «ужас», она встретила нас в штыки, как врача.

Появившийся Стамерс легко коснулся моей руки.

— Какова чувствительность, а, мистер Талбот?

Он дотронулся ладонью до стены у себя за спиной. Стена стала легко изгибаться, как паста, выжатая из тюбика, пока не превратилась в некое подобие сиденья. Стамерс присел на него и несколькими движениями образовал подлокотники и спинку.

— Вот вам кресло, мистер Талбот, будьте как дома.

Сиденье мягко обняло меня, как большая нежная ладонь, и сразу же движения потолка и стен прекратились. Видимо, Стамерсу нужно было поскорее усадить клиента, чтобы тот своими беспорядочными блужданиями не тревожил дом.

Кто-то уже метался по этой комнате, нервно заламывая руки, и она этого не забыла.

— Вся мебель встроенная, — расхваливал дом Стамерс. — Виниловые соединения в пластике подобраны молекула к молекуле.

Я ощутил, как комната опять завертелась вокруг меня, потолок вздрогнул и запульсировал в ритм дыханию. Это пугало, особенно когда размеренный ритм вдруг прерывался, как биение больного сердца.

Я понял, что дом не просто испуган, он болен. Кто-то, может быть тот же Шэкман, в приступе безумия сотворил здесь над собой что-то чудовищное. Я уже собрался спросить Стамерса, не в этой ли комнате планировал бывший хозяин свое публичное самоубийство, но вдруг увидел, что агент напрягся в своем кресле и тревожно осматривается вокруг.

В тот же момент я почувствовал головную боль и звон в ушах. Видимо, атмосферное давление в комнате резко менялось. По полу стремительно понесся к выходу подхваченный воздухом шуршащий сухой песок.

Стамерс вскочил, и кресло тут же скрылось в стене.

— Ну-ка, мистер Талбот, пройдемся по саду. Сразу почувствуете... — Он замолчал, лицо его выражало удивление и тревогу.

Тут я увидел, что потолок опустился совсем низко. Он стал похож на огромный пульсирующий волдырь.

— ...нормализацию давления, — механически закончил фразу Стамерс и, схватив меня за руку, бросился к выходу.

— Ничего не понимаю, — бормотал он, когда мы неслись по коридору, подстегиваемые свистящей струей воздуха.

Я понял, что произошло, когда увидел у входа Фэй. Всматриваясь в полумрак ниши контрольного устройства, она наугад нажимала все кнопки подряд.

Стамерс, не задерживаясь, промчался мимо. Через минуту мы с Фэй были рывком втянуты в гостиную сильным потоком выжатого из дома воздуха. Потолок снова стал подниматься, очевидно, Стамерс уже успел добежать до аварийного щита и отключить питание.

Он судорожно пытался застегнуть ворот сорочки. Глаза его были круглыми от недавно пережитого ужаса.

— Буквально на ниточке, миссис Талбот, на тонком волоске... — трясущимся голосом сказал он и нервно рассмеялся.

Он успокоился только тогда, когда мы покинули двор, и, направляясь к машине, он вновь был агентом по продаже недвижимости, рекламирующим свой товар.

— Отличная собственность, мистер Талбот, отличная. Дому всего восемь лет, а какая родословная! Обратили внимание? Удачный шанс начать новую жизнь, можно выразиться, в ином измерении...

Я усмехнулся и покачал головой.

— Возможно, и так, но мы все-таки поищем другой шанс.

Вообще-то мы с Фэй решили прожить в этом городке пару лет. Я подумывал, что неплохо бы открыть адвокатскую контору в городе Ред Бич, в двадцати милях отсюда. Идея купить дом в Пурпурных Песках была связана не только с тем, что Ред Бич был примечателен лишь смогом, пылью и высокими ценами на недвижимость. В мои планы входило расширить свою клиентуру за счет обитателей Пурпурных Песков, всяких стареющих кинозвезд и безработных импресарио. Известно, что это величайшие в мире сутяжники. Поселившись в их среде, я смог бы со временем получить приглашение на ужин или на партию в бридж. А за столом можно было бы легко, тактично и как бы невзначай завязать беседу об удачных процессах по пересмотру завещания или об улаживании спорных контрактов.

Однако, переезжая от дома к дому, мы все меньше надеялись, что сможем найти что-нибудь подходящее для себя в этом месте. Вот мы миновали ассирийский зиккурат (последний его хозяин мучился пляской святого Витта, и бедный дом до сих пор содрогался в конвульсиях, как Пи-

занская башня под током высокого напряжения). А вот переоборудованный под жилье ангар для подводных лодок, его владелец, говорят, был алкоголиком. Стены его дома, сырые и мрачные, были как будто пропитаны одиночеством и горечью их хозяина.

Наконец, мистер Стамерс, поняв, что обмануть нас ему не удастся, покорился и решил возвратиться на реальную почву. Но и так называемые «нормальные» дома были не многим лучше «психотронных». Все дело в том, что почти каждый дом в Пурпурных Песках был продуктом примитивной экзотики периода расцвета психотропной архитектуры. Чудесные возможности новых биопластиковых материалов толкали архитекторов на безумные эксперименты. Увлечение новой модой эксплуатировалось так безудержно, что многие здания из сенсорных материалов оказались чрезмерно чуткими и восприимчивыми к образу жизни и эмоциям своих жителей. Вселиться в такой дом было все равно, что заглянуть без спроса в чужую душу и мысли и остаться там жить.

На что при этом может рассчитывать новый хозяин такого жилища? Первый наш опыт оказался печальным и поучительным, но мы решили не отказываться от своей затеи. Ведь зачем-то мы приехали сюда?! И если есть дома грустные и больные, то почему бы не быть таким, которые сохранили радость, веселье и смех своих прежних жильцов.

Именно о таком доме мечтали мы с Фэй. Вот уже год, как что-то надломилось в наших отношениях, что-то утрачивалось, терялось безвозвратно. Дом с нормальным ровным характером, положительными рефлексами, усвоенными от какого-нибудь удачливого банкира средней руки и его любящей, внимательной супруги, мог бы помочь нам с Фэй.

Однако, досконально изучив проспект, я понял, что именно такие дома в Пурпурных Песках большая редкость. Предлагались виллы сварливых мизантропов и телевизионных боссов, прославившихся многократными разводами. Как ни странно, встречались дома, о которых не было никакой информации, кроме адреса.

Среди таких был и дом 99 по улице Стеллависта. Безуспешно я искал в проспекте хоть какие-нибудь сведения о нем, пока мы приближались к нему по дорожке сада. Ничего, кроме фамилии владельца. Им оказалась некая мисс Эмма Слэк. О ее характере, привычках, психологии не было сказано ни слова.

Уже с первого взгляда становилось ясно, что дом стро-

ился для женщины. Это был цветок орхидеи, лежащей на низком цементном основании посреди лужайки. В одном из белых лепестков помещалась гостиная, в другом — спальня хозяйки. Лепестки, широкие и свободные, как крылья, раскинулись над рощей из магнолий и простирались до самых ворот. Между ними на первом этаже находилась терраса. Она полукругом обвивала маленький подвесной бассейн в форме сердца и поднималась в сердцевину дома-цветка, где высилось трехэтажное здание. Здесь размещались комнаты для прислуги и двухэтажная кухня.

Казалось, что дом хорошо сохранился. Пока Стамерс подгонял машину, я внимательно рассмотрел лепестки потолка. Пластик был без единой трещины, тонкие прожилки, сходившиеся к центру, напоминали рисунок листка.

Я видел, что Стамерс не торопится включать дом. Широкими жестами руки он пытался привлечь наше внимание к различным примечательностям интерьера, пока мы медленно поднимались по стеклянным ступеням веранды. Он не торопился найти нишу с контрольным устройством. Я даже решил, что дом законсервирован, как делают со многими психотропными строениями. Это отнюдь не превращает их в непригодные для жилья, а, напротив, делает проживание в них более спокойным.

— Приятный дом, — сказал я, когда Стамерс показал мне бассейн в виде сердца. Сквозь стеклянное дно машина Стамерса казалась цветным китом, дремавшим на дне океана.

— Да, приятный, — повторил я. — Может быть, включим его?

Стамерс обогнул меня и прошел в кухню.

— Конечно, миссис Талбот первым делом нужно ознакомиться с кухней. Не спешите, освойтесь с домом.

Кухня и в самом деле была изумительна. Целиком автоматизированная, со встроенной мебелью и кухонными агрегатами всех образцов. Окончив работу, эти механизмы сами собой скрывались в специальных нишах и стенных шкафах. Это было чудом изобретательства, при котором мне понадобится не менее двух дней, чтобы освоить такой кулинарный изыск, как приготовление яиц всмятку.

Фэй как завороженная блуждала по кухне, любовно глядя на блестящие предметы.

— Ну что же, пенициллиновое производство здесь вполне можно наладить, — усмехнулся я, показав пальцем на проспект. — Почему же дом продается так дешево? Ведь двадцать пять тысяч — это почти что даром?!

В глазах Стамерса вспыхнул хищный огонек. Он улыб-

нулся мне с видом заговорщика, как бы желая сказать: «Вот она, твоя звездная минута, твой козырный туз», и повел меня в комнату для отдыха и игр, затем в библиотеку. Не умолкая, он превозносил все: и достоинства дома, и безупречную тридцатипятилетнюю деятельность своей фирмы, и очаровательный по своей законченности садик под окнами (одиночные посадки каких-то вечно зеленых растений).

Наконец, решив, что я уже достаточно ошеломлен, он включил дом. Что-то произошло внутри меня, необъяснимое и яркое, как вспышка, — я понял почему-то, что Эмма Слэк была совершенно незаурядной женщиной.

Медленно двигаясь по пустой гостиной, я чувствовал, как стены отступают, двери становятся шире и странные звуки, похожие на дальнее тихое эхо, медленно заполняют дом. При этом пространство дома наполнилось какой-то тревогой, будто таинственный невидимка, стоя у меня за спиной, старался заглянуть мне в глаза. Каждая из комнат, в которую я входил, чутко реагировала на мое появление, я ощущал чьи-то долго подавляемые эмоции, которые в любую минуту могли взорваться и найти выход. Наклонив голову к плечу, я вслушивался, и до меня доносился нежный женский шепот или слабый шорох одежды, как будто в комнате была невидимая мне женщина. Мне даже показалось, что в углу мелькнула тень. Каждое мгновение все неуловимо менялось, неизменным оставалось лишь ощущение таинственной тревоги.

— Говард, ты не чувствуешь, что здесь как-то страшно? — сказала Фэй, испуганно коснувшись моего рукава.

— Зато интересно. Ведь три-четыре дня, и все это исчезнет. Здесь останемся только мы с нашими мыслями и чувствами.

Фэй нервно передернула плечами.

— Я не справлюсь с этим, дорогой. Пусть мистер Стамерс подыщет нам самый обычный дом.

— Но, дорогая, это Пурпурные Пески, а не захолустный пригород. Здесь жили нестандартные личности, яркие индивидуальности.

Я посмотрел на свою Фэй, как будто впервые увидел нежный овал ее лица, детский рот и подбородок, белокурую челку, падающую на испуганные детские глаза, вздернутый носик и внезапно ясно понял, что Фэй как раз и есть обычная домохозяйка из захолустного пригорода, которая знает, что ее намерение поселиться в экзотических Пурпурных Песках — дерзкая, неисполнимая мечта.

Я обнял ее за плечи.

— Что же, девочка, наверное, ты права. Поищем что-нибудь попроще и посъедобнее, где не нужно будет прилагать усилий, чтобы оставаться собою. Пойдем, Стамерс нас ждет.

Как ни странно, наш отказ от дома не удивил Стамерса. Он что-то буркнул под нос и отключил дом.

— Я понимаю, миссис Талбот, — сказал он, спускаясь по лестнице. — Некоторые дома здесь навсегда принадлежат призракам. Не всякий согласится делить жилье с призраком Глории Треймэн. Не такое уж это приятное соседство.

Я резко остановился, как будто споткнулся о ступеньку.

— Глория Треймэн? Но здесь написано, что дом принадлежит Эмми Слэк и никому другому?

— Все правильно. Просто ее настоящее имя Эмми Слэк. Я не хотел вас посвящать в это, хотя в округе об этом знают все. Мы не слишком рекламируем Глорию, когда предлагаем этот дом. Иначе никто в нем и шага не сделает.

— Глории Треймэн? — оживилась Фэй. — Это та кинозвезда, что застрелила мужа. Вроде бы он был знаменитым архитектором. Да ведь ты же сам участвовал в ее защите на том процессе! Помнишь?

Пока оживившаяся Фэй осыпала агента градом вопросов, я оглянулся, поглядел на залитую солнцем лестницу в гостиную и вспомнил то, что было десять лет назад: сенсационный процесс, бурный его ход, а затем приговор, который как бы подвел черту и поставил точку в жизни целого золотого поколения — поколения бесчувственных и безответственных детей эпохи процветания, беспечных баловней судьбы.

Хотя присяжные вынесли оправдательный вердикт, все знали, что Глория Треймэн расчетливо и хладнокровно убила своего мужа, архитектора Майльса ван ден Стара, фактически пристрелила его, когда он спал в своей постели. Только талант и ораторское искусство адвоката Даниэля Хаммета спасло ее от возмездия. Я — тогда начинающий адвокат — был помощником Хаммета на процессе.

— Да, помню, я участвовал в защите. Сколько же времени утекло, — быстро сказал я Фэй нарочито-безразличным тоном. — Подожди меня в машине, детка, пока я кое-что уточню.

И, прежде чем она успела возразить, я влетел по лестнице на веранду и захлопнул за собой стеклянную дверь. Мертвые белые стены, плотным кольцом окружавшие бассейн, устремились в небо. Вода в бассейне замерла, как

будто в ней навсегда утонуло время. Через ее темную толщу я видел внизу у машины ожидающих меня Стамерса и Фэй. Они показались мне в тот момент похожими на кинокадр из моего будущего, это было странно, и я произнес в никуда, вверх, к кому-то невидимому: «Прокрутите пленку, пожалуйста, смените кадр»!

...Все три недели, пока шел процесс, я, сидя за адвокатским столом, находился совсем рядом с подсудимой. Как и всем присутствовавшим в зале, мне врезалось в память ее лицо, похожее на маску, и пристальный взгляд, обращенный на свидетелей — ее шофера, полицейского врача, соседей, прибежавших на выстрел. Глаза ее не выражали ни эмоций, ни даже элементарной реакции на происходящее. Она была похожа на загадочного экзотического паука, которого пытаются разоблачить его жертвы. Нить за нитью вилась паутина, в центре которой находилась она, а Глория оставалась бесстрастной и равнодушной, предоставив адвокату самому находить выход из положения.

Она продолжала играть свою роль, роль Снежной Королевы, образ которой вот уже пятнадцать лет не сходил с экранов и принес ей всемирную славу.

Только это равнодушие и невозмутимость спасли ее в конце концов, выбив из колеи и обескуражив присяжных. Я же к тому времени уже давно перестал следить за судебным разбирательством. Конечно, я помогал Хаммету находить нужные справки и документы, но в основном просто открывал или громко захлопывал крышку его красного дипломата (он находил это прекрасным средством переключить в нужный момент внимание присяжных). Сам же я не отрывал глаз от лица Глории Треймэн, пытаясь отыскать хоть какой-нибудь человеческий недостаток в этой безупречной маске, понять, кто же она такая. Конечно, тогда я был всего лишь обыкновенным мальчишкой и, как многие мои сверстники, был пленен мифом, созданным кинорекламой. Но я был уверен в своей великой любви «до гроба», и оправдательный приговор суда присяжных восстановил для меня вращение Земли.

Решение суда было явным издевательством над правосудием, но, как ни странно, адвокат Хаммет был убежден в невиновности обвиняемой. Как и многие удачливые адвокаты, он с начала своей карьеры придерживался принципа: правосудие должно обрушиваться на виноватых и оберегать невиновных. Держась этой аксиомы, он успешно провел множество дел и приобрел славу выдающегося адвоката, не знающего поражений.

Внизу Стамерс нажал на клаксон. Пора возвращаться. Я медленно обошел комнаты, обводя взглядом пустую спальню, гостиную, зачем-то провел рукой по гладкой поверхности стен. Понадобилось огромное напряжение души, чтобы память вернула мне все, что я помнил о Глории. Какое счастье теперь — ощущать ее присутствие в каждом уголке, каждой клеточке этого дома, сохранившего ее облик и потому ставшего мне таким близким. Даже призрак ее мужа не сможет быть помехой. Да, той Глории Треймэн, которая была моим кумиром, уже нет в живых, но этот дом хранит ее душу и ее облик.

Все прошло в общем-то спокойно. Фэй сперва пробовала возражать, но обещание купить ей норковую шубку за счет сэкономленных на покупке дома денег оказалось веским аргументом. Дом был куплен. Первое время я из предосторожности держал дом включенным на минимальное напряжение, чтобы избежать неминуемого конфликта двух женских характеров.

Я знал, что главной проблемой жизни в психотропных домах бывает сопротивление образов минувшего в памяти дома. Обычно ее решали, усиливая напряжение электросети, обслуживающей дом: чем выше напряжение, тем быстрее психотропная память освобождается от нежелательных эмоций, оставленных прежними хозяевами, от их привычек, страхов, сомнений. Я же хотел подольше сохранить присутствие Глории и поэтому не спешил. Но всего учесть я не смог. Да это и понятно: дух Глории был загадочен, он околдовывал меня, любое движение воздуха было наполнено ею, и именно поэтому я слишком поздно ощутил, что в доме жив еще чей-то дух — это был дух Майльса ван ден Стара, мужа Глории. Ее эхо слабело, оно исчезало на глазах, и тут я с жестокой ясностью понял, что мы с Фэй в ловушке и, увы, это было делом моих рук.

Наши обычные мелкие ссоры и конфликты, которые раньше кончались нежным примирением, становились с каждым днем все более злобными и обидными для обоих. Стены гостиной, в которой мы ссорились, долго дрожали и не могли прийти в себя, даже после того, как оба мы вполне успокаивались. Я с беспокойством и тревогой замечал это.

Постепенно мне стало понятно: затаенный, безысходный и мгновенно вспыхивающий гнев стен вызывал мужчина. Нетрудно было понять, что мужчиной этим был сам ван ден Стар. Он прожил в этом доме один лишь год, но

оставил неизгладимый след, атмосферу слепой, враждебной всем и всему ненависти.

Постепенно, с божьей помощью, наша жизнь с Фэй стала входить в привычное русло, и тут я заметил, что моя скромная женушка весьма успешно вытеснила из дома сдержанную и бесстрастную Глорию Треймэн. Ее присутствие теперь почти не ощущалось, зато жестокий дух ван ден Стара давал знать о себе все настойчивее.

Я припомнил тот далекий судебный процесс и фотографии Стара, предъявленные обвинением и приобщенные к делу. Вот он, заносчивый и агрессивный, рядом с Ле Корбюзье и Ллойдом Райтом во время одной из встреч, где обсуждаются проекты застройки Чикаго и Токио, маленький тиран с тяжелой челюстью и нездоровым блеском выпуклых глаз, с приметой болезни щитовидной железы. Потом более поздние фотографии, сделанные уже здесь, в Пурпурных Песках, в семидесятые годы. Его вторжение в экзотический и безобидный мирок кинознаменитостей походило на вторжение акулы в аквариум с декоративными рыбками. Одно было несомненно — этот знаменитый архитектор, автор уникальных проектов, обладал сильной и целеустремленной натурой и одновременно необузданным и непредсказуемым нравом.

У нас с Фэй хватало собственных проблем, и появление злобного призрака ван ден Стара только усиливало напряженность наших отношений. Круг замкнулся и это не сулило ничего хорошего. Попытки восстановить дух былой безмятежности были тщетны. Раздражение мое росло, а вместе со мной накалялась грозовая обстановка в доме.

С какого-то момента я уже точно знал, что во мне усиливаются черты характера ван ден Стара, а это в сочетании с моим растущим раздражением и недовольством Фэй начинает вызывать ответную реакцию дома — напряженность и все большую неприязнь.

Лишь потом, оглядываясь назад, я понял, что вел себя в то время по отношению к Фэй точно также, как ван ден Стар по отношению к своей жене. Шаг за шагом, с фатальной обреченностью, мы повторяли их трагический путь. Страшная развязка могла стать неизбежной.

Фэй раньше меня ощутила, что атмосфера в нашем доме изменилась.

— Что случилось с нашими жильцами, Говард? — уколола она меня за обедом. — Призрак равнодушен к тебе? Дух не желает или плоть не может?

— Не знаю! — раздраженно ответил я. — Это тебе

нужно сказать «спасибо». Ты хорошо потрудилась, чтобы все испортить.

С надеждой я обвел глазами столовую, мечтая обнаружить хотя бы намек на присутствие Глории, но она не появлялась.

Фэй отлучилась в кухню, а я остался сидеть за столом, тупо глядя в нетронутую тарелку. Вдруг за моей спиной послышалось едва различимое журчание, серебристая змейка в стене сверкнула и исчезла. Я попытался удержать ее глазами, но не смог.

Это было первое эхо Глории с тех пор, как начались наши ссоры. В спальне горько плакала Фэй. Я поднялся из-за стола, чтобы успокоить ее, и в тот же миг почувствовал, как пространство за моей спиной задрожало. Глория...

Фэй я нашел в ванной. Она еще продолжала всхлипывать, я обнял ее и понял, что тревога, заполнившая дом, была женской, как прямой отклик на волнение и слезы Фэй. И эта тревога не исчезала, ею был пропитан воздух. Я шел по ее следам из одной комнаты в другую, но она затаилась под потолком и не собиралась покидать дом.

Вернувшись в гостиную, я со страхом почувствовал, что дом следит за мной, как разъяренный раненый зверь, готовый в любой момент напасть.

Через два дня на Фэй было совершено покушение. Я, как обычно, возвращался с работы и, ступив на крыльцо, сразу почувствовал, как внутри меня поднимается какая-то нелепая детская обида на Фэй, поставившую свою машину на мое место в гараже. Я изо всех сил старался отключиться от этих мыслей, но дом уже ощутил что-то неладное и вцепился в него. Он жадно впитывал мое раздражение и, накалив его еще больше, возвращал мне, отравляя атмосферу в холле до такой степени, что стены потемнели и задвигались.

Уже не сдерживаясь, я крикнул Фэй что-то резкое и обидное, она ответила, и в ту же минуту я услышал ее испуганный крик:

— Говард, скорее! Помоги!..

Я бросился в гостиную, но не смог открыть дверь — она перестала слушаться. Дом был серым и каким-то болезненно настороженным, как будто готовым к прыжку.

В гостиной отчаянно кричала Фэй. Я рванул ручку аварийного управления и изо всех сил дернул дверь.

Фэй лежала на диване. Над нею, как серый палач, повис потолок, накрыв собою все ее тело. Прямо над головой Фэй пластик растекся и превратился в зловещий шар.

Приподняв руками плотную серую массу, я с трудом вытащил из-под нее задыхающуюся Фэй. Она прижалась ко мне, как маленькая, и выкрикивала сквозь слезы:

— Говард, этот дом... он сошел с ума! Он собирался прикончить меня!..

— Успокойся, девочка! Ничего страшного не случилось, это самопроизвольная реакция, ее может вызвать любая мелочь, ну не плачь, Фэй!

Я гладил ее по спине совсем как в первые годы нашей семейной жизни и вспоминал, какой нежной и робкой девочкой она была тогда.

Потолок над нашими головами медленно выпрямлялся, стены светлели.

— Говард, я умоляю тебя, давай уедем отсюда, сейчас же. Мы будем жить в обычном нормальном доме. Я понимаю, тебе это скучно, но я боюсь, Говард! Я не могу здесь жить! Уедем!

— Фэй, пойми меня, обыкновенные дома не просто скучны, они мертвы. Приди в себя, дорогая, все прошло, все будет отлично, ты скоро привыкнешь...

Я почувствовал, как Фэй отпрянула от меня.

— Я не буду здесь жить, Говард, не буду ни за что! Ты вечно занят, ты переменился ко мне... — И она снова зарыдала, показывая на потолок и восклицая сквозь слезы: — Если бы я не упала на диван, он убил бы меня, убил, неужели ты не понимаешь?!

Я понимал ее и даже внутренне был согласен с ней, но в этот момент взгляд мой упал на смятое покрывало на диване.

— Черт побери, Фэй, да это же отпечатки твоих каблуков. — Я уже не мог побороть вспыхнувшее раздражение. — Я же просил тебя не валяться в обуви на диване! Это не пляж! Ты же знаешь, как мне это неприятно.

Стены гостиной задвигались, покрываясь темными пятнами. Боже, этому не будет конца!

Почему Фэй вызывает у меня в последнее время такое раздражение? Может быть, я подспудно терзаюсь своей виной перед нею? Или же я просто слепое орудие нервозности и злобы, накопленных стенами этого дома за то время, пока Глория Треймэн и ван ден Стар делили здесь кров?

И теперь все эта ненависть выплеснулась на нас, на ни в чем неповинную и не такую уж неудачную супружескую пару, дерзнувшую поселиться в проклятом доме 99 по улице Стеллависта. Ну что же, я достаточно легко нашел себе оправдание. К тому же, уговаривал я себя, мое

увлечение Глорией Треймэн всегда было лишь платоническим, это не та роковая страсть, от которой теряют голову.

Однако Фэй не стала меня слушать. Она не захотела ждать дальнейшего развития событий, и через два дня, вернувшись из конторы, я нашел в кухне магнитофонную записку от Фэй. Она сообщала, что больше не может терпеть ни этот дом, ни мое отношение к ней и переезжает к сестре в восточные штаты.

Если быть откровенным, то первое, что я ощутил, прочитав послание Фэй, было облегчение, почти радость, пришедшую на смену привычному раздражению.

Я видел вину Фэй в том, что дух Глории покинул дом, освободив простор для ван ден Стара, и верил, что теперь Глория возвратится и моя юношеская влюбленность оживет.

Ну что ж, мои надежды сбылись и мне не на кого было пенять — Глория действительно возвратилась, но это была совсем иная Глория Треймэн. Если бы я знал ее такой, то не только отказался бы от защиты, но и вообще держался бы подальше и от нее и от ее дома.

Прошло всего несколько дней, и я почувствовал, что дом стал меня игнорировать. Часто, возвращаясь вечером домой, я натыкался на призраки ван ден Стара и Глории Треймэн. Черная, мрачная тень архитектора угрожающе наступала на легко ускользающий призрак актрисы. Эта дуэль была почти зримой — стены в гостиной чернели от приступов злобы, темнота зловеще окружала отблеск слабого света, который искал укрытие то в нише, то в алькове. Но в конце концов Глория всегда первой прекращала борьбу и спасалась бегством, оставляя в комнатах корчащиеся и шипящие от ненависти стены.

Фэй оставила после себя дух протеста и сопротивления, и Глория попробовала испытать этот новый для нее путь. Наблюдая, как она осваивалась в этой роли, я боялся упустить мельчайшую подробность, и поэтому включил дом на всю мощность, даже не думая о том, как это отразится на нем.

Как-то раз ко мне заехал Стамерс для обычной проверки исправности механизмов. Момент был не из самых удачных: дом бился в эпилептическом припадке и все время менял цвет. Я сухо поблагодарил за внимание и поспешил отделаться от него. Позднее он рассказывал, как бесцеремонно я захлопнул перед ним дверь и вообще в ту минуту я был похож на маньяка. Как сумасшедший, метался я по темным комнатам обезумевшего дома, и все

это напоминало сцены ужасов из трагедий времен королевы Елизаветы. Незаурядный интеллект Майльса ван ден Стара, мощь его личности подавляли меня. Я все больше убеждался, что он стремится довести Глорию Треймэн до безумия. Зачем ему это было нужно? Быть может, он завидовал ее громкой славе, а может быть, она просто изменяла ему. В конце концов это было уже неважно — просто однажды Глория, не вынеся травли, выстрелила в него. Это был акт самозащиты.

Через два месяца Фэй потребовала развода. Единственное, о чем я просил ее, — не давать публикацию в газете, это могло серьезно подорвать репутацию моей адвокатской конторы. Но Фэй была неумолима. Особенно разозлил меня ее радостный голос. На все мои просьбы не спешить с разводом, она отвечала категорическим отказом и сообщила, что снова собирается замуж. Назвать имя своего будущего мужа она тоже отказалась. Это было уже слишком.

Дойдя до последней точки, я швырнул трубку на рычаг. Работать в таком состоянии я уже не мог и, обойдя несколько окрестных баров, решил вернуться домой. Возвращение мое напоминало прорыв вражеских коммуникаций. Цветы в саду были раздавлены, стена гаража разнесена вдребезги.

Плюс ко всему входная дверь не подчинялась моим приказам, поэтому мне пришлось войти через стеклянные двери террасы. Карабкаясь по темной лестнице, я методично срывал с себя одежду, сначала шляпу, затем пальто, которое тут же через окно швырнул в бассейн. Когда я, наконец, ввалился в гостиную, было уже около двух часов ночи. Я налил себе полный стакан виски и на сон грядущий включил стереограф с уместной сейчас вагнеровской «Гибелью богов».

По пути в спальню я нарочно заглянул в комнату Фэй — хотелось проверить, насколько сильна моя память о ней, и попытаться избавиться от этого наваждения. Я изо всей силы ударил ногой платяной шкаф, сбросил на пол матрас и при этом осыпал свою бывшую жену всевозможными ругательствами.

Было уже около трех часов ночи, когда я, натешившись всласть, добрался до своей спальни и, напоследок залив простыни виски, не раздеваясь, рухнул на постель. Я сразу заснул, хотя дом крутился вокруг меня, как настоящая карусель.

Было, наверное, часа четыре утра, когда меня разбудила странная тишина в моей спальне. Я лежал поперек

кровати с пустым стаканом в одной руке и потухшей сигаретой в другой. Стены спальни были немы и неподвижны. Каким-то шестым чувством я ощутил, как что-то изменилось в привычных очертаниях моей спальни. Не спуская взгляда с серой выпуклости на потолке, я в то же время прислушивался к звукам на улице. Чувство не обмануло меня: стена, смыкавшаяся с коридором, отодвинулась назад, дверной проем расширился, будто пропуская кого-то.

Я внимательно осмотрелся — в комнате никого не было, но стены ее распахнулись, словно освобождая пространство кому-то невидимому, а потолок выгнулся круглым куполом. Ошеломленный и испуганный, я беспомощно следил, как в углу комнаты возникла незримая стена воздуха, как она двинулась ко мне, к моей кровати, все ближе и ближе, и как ее тени начинали переливаться на потолке.

Она была уже у подножия кровати. Я чувствовал ее колебания, она как будто сомневалась, двигаться ли дальше или остановиться совсем, и вдруг начала нервно дрожать и вибрировать, точно терзаемая тревогой и сомнениями.

Внезапно комната затихла, но как только я попытался приподняться, опираясь на локоть, ее словно охватили конвульсии; закачались, изгибаясь, стены, а кровать оторвалась от пола. Весь дом трясся в приступе буйной лихорадки.

Обезумевшая спальня то расширялась, то сужалась какими-то судорожными толчками, похожими на биение смертельно простреленного сердца. Потолок то взлетал, то падал назад, а пол готов был провалиться.

Я с трудом цеплялся за танцующую кровать. Столь же внезапно, как начались, судороги прекратились, стены заняли свои прежние места. Я опустил ноги на пол и попробовал подняться, ожидая, что еще может выкинуть этот обезумевший дом, и тут моя голова сильно стукнулась о низко опустившийся потолок.

В комнате стоял предрассветный полумрак, слабый лунный свет, проникавший через три овальных вентиляционных отверстия, бросал белые пятна на пол за кроватью. Стены спальни снова заплясали.

Я уперся руками в потолок и ощутил его растущую тяжесть. Углы комнаты вращались, сливаясь со стенами, и комната стала принимать форму шара. Давление воздуха нарастало с каждой минутой. Задыхаясь, я пытался добраться до вентиляционных решеток и уцепиться за них. Но края сужались, стискивая кисти моих рук.

Сжатый воздух со свистом рвался наружу, и я из последних сил прижимался к решеткам лицом, стараясь поймать хоть один глоток холодного ночного воздуха, а руками судорожно раздвигал неподатливый пластик, не давая отверстиям в стене захлопнуться окончательно. Я вспомнил, что аварийный выключатель находится где-то за дверью в дальней комнате. Сгруппировавшись как пловец, я перебросил свое тело через кровать и достиг двери, но выключатель уже исчез под массой пластика.

Я рванул душивший меня галстук. Ловушка захлопнулась, я погибал в этой комнате, воспроизводящей предсмертные конвульсии ван ден Стара, когда пуля Глории пробила его грудь. Судорожно искал я в карманах перочинный нож, но рука наткнулась на зажигалку.

Слабый ее огонек осветил серый шар, в который превратилась моя спальня. Диаметр его составлял всего несколько шагов, стены были в толстых вздутых венах. На моих глазах они в щепки разнесли деревянный остов кровати.

Мой мозг судорожно искал выход. Спасение оказалось у меня в руке. Я поднес зажигалку к опустившемуся потолку, и огонек лизнул серую массу. Она сразу пошла пузырями, стала плавиться и вдруг вспыхнула, разорвалась, открыв щель, напоминавшую огромные, дышащие огнем губы.

Когда шар комнаты, наконец, лопнул, обнажились кривая часть коридора и оплывающий потолок столовой. Скользя по расплавленному пластику, весь обожженный, я выбрался из спальни.

Я смотрел, как на моих глазах рушился дом, прогибались стены, вставали на дыбы полы, лопались и рассыпались стекла веранды, оставляя острые осколки, торчащие из рам, как кривые кинжалы.

Я бросился в спальню Фэй, вспомнив, что именно там помещался второй аварийный выключатель, нашел его, рванул на себя и одновременно включил кнопку противопожарного устройства.

Какое-то время дом еще дрожал, но постепенно замер и как будто окаменел. Я оперся на искореженную стенку и повернул обожженное лицо к струям воды, хлеставшим из прилежно работавшего противопожарного устройства.

Finita la comedia! Представление окончено!

Дом стоял, как надломленный цветок с измятыми и разорванными лепестками.

Стоя среди затоптанных газонов, Стамерс смотрел на дом со страхом и недоумением. Было уже семь утра, последние полицейские и пожарные машины уже уехали, когда лейтенант полиции, наконец, сдался.

— Действительно, черт побери, не могу же я арестовать дом за покушение на убийство? — заявил он, в беспомощности разводя руками.

Это было уже слишком. Нервы мои не выдержали, и я истерически расхохотался.

В глазах Стамерса я прочел любопытство и непонимание.

— Что вы там натворили? — допытывался он шепотом.

— Абсолютно ничего. Повторяю, я спал. И не бойтесь, дом нас не слышит, я отключил его полностью.

Мы шагали по закопченному гравию, через воду, черным зеркалом залившую газон перед домом. Стамерс мрачно качал головой.

Дом в самом деле напоминал сюрреалистический кошмар со смещенными и пересекающимися перспективами.

— Дом сошел с ума, — сказал Стамерс. — Если кто нуждается в психиатре, то только он.

— Вы попали в точку, старина, — согласился я. — Именно этим я и хочу заняться. Воспроизвести первоначальную ситуацию, вызвавшую травматический конфликт. Помочь дому освободиться от тревожных рефлексов, от раздражителей.

— Вы шутите? Этот дом чуть не отправил вас на тот свет.

— Глупости. Причиной всему Майльс ван ден Стар, но, как верно сказал лейтенант полиции, нельзя арестовать человека, убитого десять лет назад. Обстоятельства его смерти долго мучили память дома, и когда они вырвались наружу, дом не выдержал.

Хотя курок нажала Глория Треймэн, ствол направил в цель сам Стар. Я знал это, потому что сам уже два месяца находился в его шкуре. Я с ужасом думал о том, что могло случиться, если бы у Фэй не хватило благоразумия порвать со мной. Глория Треймэн внушила бы ей, что единственный выход — это убить меня. И страшно подумать, чем бы это кончилось и для меня, и для Фэй.

К огромному удивлению Стамерса, я не расстался с домом 99 по улице Стеллависта. И не только потому, что у меня уже не было средств на покупку нового жилища. Просто искалеченный дом сохранял для меня много таких воспоминаний, с которыми мне было жалко расстаться.

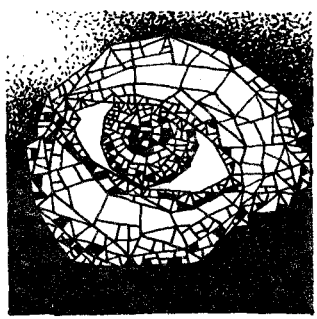
Глория Треймэн еще оставалась здесь, в то время как, по моему твердому убеждению, ван ден Стар покинул его навсегда. Кухня и другие служебные комнаты не пострадали от пожара, да и остальные помещения, несмотря на деформированные стены и потолок, были вполне пригодны для жилья. И, кроме того, я нуждался в тишине и покое, а что может быть тише и спокойнее, чем нормальный, не психотропный дом.

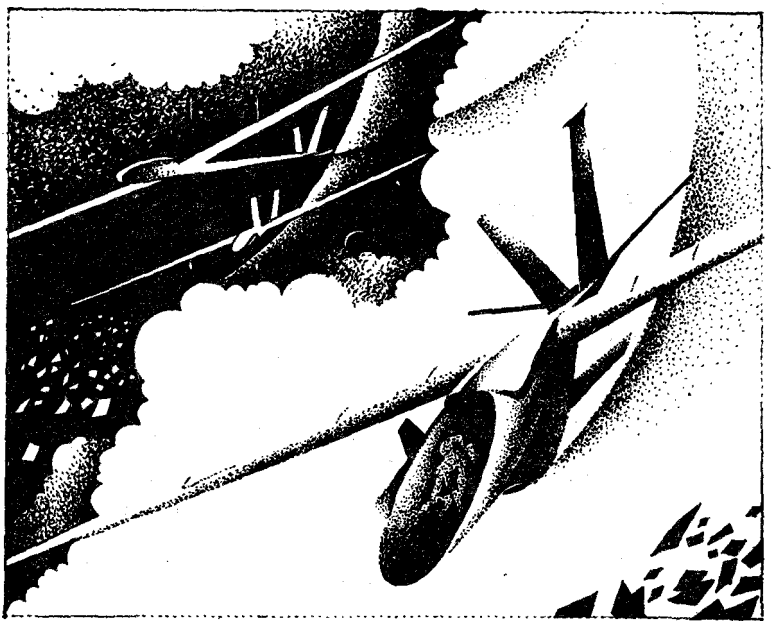
Правда, дом 99 по улице Стеллависта в его нынешнем обличье назвать нормальным можно было лишь с очень большой натяжкой. В его искореженных стенах, выгнутых потолках и коридорах все еще оставалось нечто от того психотропного дома, каким он некогда был в полной мере.

Контрольное устройство цело, и когда-нибудь, в один роковой день, я все-таки включу его. Но одна мысль терзает меня, не давая покоя. А вдруг страшные потрясения, так изуродовавшие внешний вид дома, так же губительно отразились и на Глории Треймэн? Что если искореженные потолки и стены — это отражение ее травмированного, раздробленного сознания? В таком случае дом хранил смертельную опасность и оставаться здесь было бы безрассудным, и все-таки он продолжал привлекать меня своей мрачной тайной, словно загадочная улыбка на прекрасном, отмеченном печатью безумия лице.

Иногда я заглядываю в нишу, открываю щит контрольного устройства и рассматриваю барабан памяти. Где-то на нем записана Глория такой, какая она есть в действительности. Самое простое — стереть эту запись. Но я ни за что не сделаю этого.

Когда-нибудь, в один прекрасный, а может быть, судный для меня день, я включу этот дом, чего бы мне это ни стоило.

ОБЛАЧНЫЕ СКУЛЬПТОРЫ

Все лето облачные скульпторы, слетевшиеся с Пурпурных Песков, кружили на своих разрисованных планерах над коралловыми башнями, что белыми пагодами высятся вдоль шоссе, уходящего к Западной Лагуне. Самая высокая из башен зовется Кораллом D, и здесь, в восходящем потоке над песчаными отмелями, всегда собираются стаи кучевых облаков. Взлетая над вершиной Коралла D, мы вырезали из них единорогов и морских коней, ящериц и экзотических птиц, портреты президентов и кинозвезд. На нас глазели снизу, из машин, холодный дождик падал на их пыльные крыши из облачных обрезков, а наши невесомые статуи уплывали через пустыню в сторону солнца.

Мы вырезали много причудливых образов, но самыми странными из них были портреты Леоноры Шанель. Вспоминая жаркий день прошлого лета, когда она приехала поглядеть из своего белого лимузина на облачных скульпторов с Коралла D, я жалею, что мы не знали тогда, с какой серьезностью эта красивая, но безумная женщина смотрит на облачные скульптуры, проплывающие в безмя-

тежном небе. Если бы мы знали, что придет час, когда ее портреты, изваянные из ураганных туч, прольют грозовые слезы над мертвыми телами своих ваятелей...

Я появился на Пурпурных Песках тремя месяцами раньше. Я был тогда отставным пилотом, с трудом привыкал к сломанной ноге и к мысли, что моя летная карьера окончена. Однажды, заехав по шоссе, ведущему к Западной Лагуне, далеко в пустыню, я затормозил у коралловых башен. Рассматривая эти гигантские пагоды, вздымавшиеся со дна высохшего моря, я услыхал музыку, она доносилась с недалеких песчаных отмелей.

Ковыляя на костылях по осыпающемуся песку, я добрел до мелкой бухты в дюнах, где у входа в полуразрушенную студию осыпались поющие статуи. Бывший хозяин бросил эту постройку, похожую на ангар, на милость пустыни. Меня же какая-то неясная потребность заставила возвращаться туда изо дня в день. Обтачивая найденные там планки и брусья на старом станке, я строил большие воздушные змеи, а потом и маленькие планеры-копии. Они раскачивались надо мной на канатах, и в их причудливых абрисах было что-то успокаивающее.

Однажды вечером, когда я подтягивал воротом своих змеев, парящих над Кораллом D, налетел внезапный шквал. Я вцепился в рукоятку ворота, зарываясь костылями в песок, и тут увидел, что по песку ко мне идут двое. Один из них был маленький горбун, с яркими детскими глазами и уродливой челюстью, скошенной на сторону, словно якорная лапа. Он подбежал к вороту и, отпихнув меня, подтянул потрепанных змеев к земле. Помогая мне встать на костыли, он заглянул в ангар, где блестела моя гордость — уже не копия, а настоящий планер, с рулями и рычагами управления.

Горбун приложил широкую ладонь к груди.

— Оти Мануэль, акробат и гиревик. Нолан! — позвал он. — Погляди-ка!

Его товарищ сидел на корточках у поющих статуй и подкручивал спирали, настраивая их в унисон.

— Нолан художник, — сообщил Мануэль, — он вам такие планеры сотворит — полетят как кондоры!

Высокий брюнет долго бродил вокруг планера, легко касаясь крыльев руками прирожденного скульптора. Мрачные глаза его смотрели исподлобья, как у скучающего Гогена. Он поглядел на мою загипсованную ногу, на летную куртку...

— Вы не сделали ему кабину, майор.

По одной этой фразе я понял, насколько он меня понимает.

Помолчав, Нолан кивнул на коралловые башни, буравящие вечернее небо.

— Запастись йодистым серебром — и можно резать по облакам.

Горбун задорно кивнул мне. В его глазах светились мечтательные огоньки.

Вот так и появились облачные скульпторы с Коралла D. Я тоже считал себя скульптором. Сам я, правда, ни разу не поднимался в воздух, но выучил летать Нолана и Малыша Мануэля, а потом и Шарля Ван Эйка. Нолан нашел этого белокурого пирата где-то в прибрежном кафе на Пурпурных Песках и притащил его к нам — молчаливого тевтона с насмешливыми глазами и вечной безвольной полуулыбкой. Сезон окончился, богатые туристы с незамужними дочками разъехались по домам, и Ван Эйку стало скучно на Пурпурных Песках.

— Майор Паркер... Шарль Ван Эйк, охотник за головами, — представил нас Нолан. — Женскими, разумеется. — Несмотря на их подспудное соперничество, я чувствовал, что Ван Эйк внесет в нашу группу нужную толику романтики.

Я сразу заподозрил, что студия в пустыне принадлежит Нолану, а мы все служим какой-то его причуде. Но единственное, что меня тогда волновало, — полеты.

Поначалу планеры осваивали, еще на канатах, воздушные потоки над меньшей из башен — Кораллом A, а затем — над более крупными B и C и наконец взмыли в мощных течениях вокруг Коралла D.

В один прекрасный день, едва я забросил их в воздух, Нолан перерезал канат. Его планер сразу же перевернулся и пошел вниз на остроконечные скалы. Я успел броситься на землю, а обрезок каната хлестнул по автомобилю, высадив лобовое стекло. Когда я поднял голову, Нолан парил в розовой высоте над Кораллом D. Ветер — вечный ваятель коралловых башен — плавно нес его сквозь архипелаг кучевых облаков, подсвеченных закатным солнцем.

Пока я спешил к вороту, упал второй канат — это Малыш Мануэль устремился за Нолаком. Калека, неуклюжий краб в воздухе обернулся птицей с гигантскими крыльями, превзойдя и Нолана, и Ван Эйка. Они долго кружили над коралловыми башнями, затем вместе соскользнули с небес

на землю, взметнув песчаные облака. Малыш Мануэль торжествовал. Он вышагивал вокруг меня, словно этакий карманный Наполеончик, набирая в пригоршни песок и разбрасывая его над головой, словно кидал в воздух цветы.

Двумя месяцами позже, когда нам довелось повстречать Леонору Шанель, наши восторги поулеглись. Сезон кончался, поток туристов изрядно поредел. Иной раз мы вырезали свои статуи над пустым шоссе. Бывало, Нолан весь день не выходил из отеля — валялся в постели и пил. Ван Эйк все чаще пропадал с перезрелыми дамами, и мы с Мануэлем выезжали одни.

Но в тот день мы собрались все вчетвером, и вид облаков, поджидающих нас над вершиной Коралла D, сразу прогнал нашу апатию. Уже через десять минут три планера разом взлетели в воздух, и первые автомобили стали останавливаться на шоссе.

Чернокрылый планер Нолана летел первым, круто забирая к вершине. Ниже Ван Эйк чертил опасные зигзаги, демонстрируя свою лихость и белокурую гриву незнакомке в топазовом родстере. Малыш Мануэль в полосатой, как карамелька, машине гонялся за ним, скользя и крутясь в завихрившемся воздухе. Он то вскидывал руки над головой, то поджимал ноги и счастливо ругался — в небе ему было куда уютнее, чем на земле.

Ван Эйк первым взялся за облако. Облетая белую массу, он распылял кристаллический йодид, ловко отсекая влажные клочья. Когда искусственный дождь увлажнил шоссе, стало видно, что Ван Эйк делает исполинскую лошадиную голову.

Как всегда, зрителям на шоссе пришлась по вкусу эта порция воздушного марципана. Она важно плыла в сторону Пурпурных Песков, а Ван Эйк вился над ней, доделывая глаза и уши. Мануэль тем временем приступил ко второму облаку. Вскоре из него показались знакомые черты — крепкая челюсть, безвольный рот и преувеличенно пышная грива. Вырезая эту небесную карикатуру, Мануэль в творческом азарте закладывал такие виражи, что едва не таранил сам себя. Шарж на Ван Эйка был выполнен в его собственном худшем стиле. Мануэль лихо сел рядом с моим автомобилем и подмигнул Ван Эйку, который с принужденной улыбкой выбирался из своего планера.

За считанные минуты над Кораллом D образовались новые облака, и черный планер Нолана налетел на них хищной птицей.

Ему что-то крикнули с шоссе, но он и не подумал снизиться: крылья планера трепетали, когда он стремительно разделывался с облаком. Через несколько минут перед нами предстало личико трехлетнего ребенка: толстые щечки, пухлый подбородок и невинный ротик. На шоссе зааплодировали. Волчком завертевшись над облаком, Нолан проворно превратил его верхушку в кудряшки и банты.

Но я чувствовал, что это не все. В Нолане сидел какой-то бес отрицания, подбивавший его разрушать свою же работу всякий раз, когда она выходила удачной. Казалось, он не мог вынести вида собственной скульптуры.

Вот он завис над облачным лицом, точно матадор, целящий в быка. Малыш Мануэль бросил сигарету, Ван Эйк и тот отвел глаза от туристок в автомобилях. Снова по шоссе зашуршал дождь. Облако преобразилось, и кто-то из зрителей раздражено хлопнул дверцей, словно сидел в театре.

Над нами висел белый череп.

Несколькими движениями Нолан преобразил скульптуру, но в оскаленных зубах и зияющих глазницах — в каждой поместился бы автомобиль — все еще угадывались детские черты.

Когда плачущий дождем череп отплыл в сторону, волоча за собой последние струйки, я нехотя взял с заднего сиденья свой старый летный шлем и начал обходить машины. Две тронулись раньше, чем я подошел. На кой черт отставному офицеру воздушных сил, вполне обеспеченному, понадобились эти жалкие доллары?..

Ван Эйк догнал меня и забрал из рук шлем:

— Не сейчас, майор. Гляньте, кто к нам едет... конец света, а?

Я оглянулся и увидел белый «роллс-ройс» и шофера в кремовой ливрее с галунами. Молодая женщина в изящном деловом костюме наклонилась к переговорному окошку, должно быть, передавала ему указания. За ней в полумраке салона мерцало драгоценностями лицо снежноволосой дамы, загадочное, как образ Мадонны в темном приморском гроте.

Ван Эйк рванулся в небо, словно боялся упустить облако. Я прищурился, отыскивая в высоте Нолана. Его не было видно, а Ван Эйк уже вырезал из белой массы лицо Моны Лизы, столь же неприятно похожей на настоящую, как гипсовые статуэтки Святой Девы на Богоматерь.

Нолан налетел на эту мыльную Джоконду как уличный мальчишка. Вывернувшись из облака за хвостом Ван Эйка, он проскочил его творение насквозь, срезав крылом широкую щеку. Потревоженное облако стало разваливать-

ся, нос и губы отплыли от лба, пенные клочья потянулись в стороны...

Ван Эйк развернулся так резко, что планеры чуть не сцепились крыльями, и выпустил в сторону Нолана заряд из йодидного пистолета. Раздался треск, в воздухе замелькали черные клочья, Ван Эйк вывалился из облака; его посадка больше походила на падение.

— Шарль! — рявкнул я. — Какого черта ты тут разыгрываешь фон Рихтгофена? Оставьте, бога ради, друг друга в покое!

— Скажите это Нолану, майор, — отмахнулся Ван Эйк. — Я за его воздушное пиратство не отвечаю, — его холодный взгляд скользнул по автомобилям, обрызганным дождем.

Я повернулся и пошел к машине, решив про себя, что команду скульпторов Коралла D пора разгонять. Секретарша в белом «роллс-ройсе» открыла дверцу и поманила меня рукой. Ее госпожа сидела недвижно, не отводя от облачных статуй своих глаз, обрамленных бриллиантами. Только пряди белых волос, свернувшиеся на ее плече, чуть шевелились, напоминая гнездо песчаных змей. Я протянул молодой женщине свой летный шлем. Она глянула на меня удивленно:

— Я не хочу летать... Зачем это?

— На упокой души Микеланджело, Эда Кейльгольца и облачных скульпторов с Коралла D.

— О господи! Может быть, у шофера есть наличные... Скажите, вы выступаете где-нибудь еще?

— Выступаем? — я перевел взгляд с этой милой юной особы на бледную химеру, чьи глаза, окруженные драгоценными камнями, не отрывались от изуродованной Моны Лизы.

— Мы не профессиональная группа, как вы, вероятно, уже заметили. Ну... и нам нужны подходящие облака. Где именно вы хотите?..

— В Западной Лагуне, — она достала блокнот, переплетенный в змеиную кожу. — У мадам Шанель будет серия садовых праздников. Она интересуется, не хотите ли вы выступить, за хорошую плату, разумеется!

— Шанель? Леонора Шанель?

Лицо секретарши стало непроницаемым. «Зачем она закручивает волосы в этот старомодный узел? — подумал я. — Словно хочет спрятаться от мужских глаз!»

— Мадам Шанель проводит лето в Западной Лагуне. Кстати, я должна подчеркнуть: мадам Шанель настаивает на конфиденциальности. Вы поняли?

Я помолчал. Нолану наконец надоело летать в одиночку. Он спустился с видом оскорбленного Сирано. Ван Эйк тащил свой поврежденный планер к машине. Малыш Мануэль ковылял вперевалку, собирая наше имущество. В угасающем свете дня мы действительно смахивали на бродячих циркачей.

— Пойдет, — решил я. — Все ясно. Только как насчет облаков, мадемуазель?..

— Лафферти. Беатриса Лафферти. Мадам Шанель обеспечит облака.

Я обошел машины и поделил деньги между Ноланом, Ван Эйком и Мануэлем. Они молча стояли в быстро сгущавшихся сумерках, держа в руках по нескольку мелких банкнот.

Затянутой в перчатку рукой Леонора нетерпеливо открыла дверцу и вышла в пустыню. Она скользила меж дюн — беловолосый призрак в плаще из индийских кобр, и песчаные лучи вздымались вокруг нее, потревоженные дерзкими шагами. Леонора не смотрела на хищные комочки, выраставшие вокруг ее ног: глаза ее все еще были прикованы к тающим в воздухе видениям — облачному коню и детскому черепу, размазавшемуся на полнеба.

В тот раз я так и не понял, что же представляет собой Леонора Шанель. Дочь одного из ведущих финансистов в мире наследовала и ему, и своему супругу — монакскому графу Луи Шанелю. Загадочные обстоятельства его смерти, точнее самоубийства, согласно официальной версии, сделали Леонору предметом множества газетных сплетен. Скрываясь от журналистов, она разъезжала по всему свету, ненадолго задерживаясь в своих многочисленных имениях — тенистая вилла в Танжере сменялась альпийским домиком в снегах над Понтрезино, Палм-Спрингс — Севильей и Микенами...

В этом добровольном изгнании она была почти недосягаема для газетчиков. Лишь изредка в журналах попадались ее фотографии: мадам Шанель с герцогиней Альба посещают католический приют в Испании; мадам Шанель с Сорейей принимают солнечные ванны на вилле Дали в Порт-Льигате; мадам Шанель блистает в самом избранном обществе на фоне волн в Коста-Брава. А потом она снова скрывалась из виду.

Но это изысканное затворничество не могло придать ей ореола этакой Греты Гарбо, потому что за ней все эти годы тянулась тень подозрения. Смерть ее мужа казалась необъяснимой. Граф был занят самим собой, пилотированием своего самолета, время от времени посещал археологические раскопки на Пелопоннесе; его любовница — молодая красавица-ливанка — считалась одной из лучших в мире исполнительниц Баха. Зачем было этому спокойному и добродушному эгоисту кончать с собой, так и осталось загадкой. Единственное многообещающее свидетельство — не дописанный графом поясной портрет Леоноры — по странной случайности погибло перед самым процессом. Возможно, портрет передавал такие черты характера модели, которые она предпочитала скрывать...

Неделю спустя, накануне праздника, я подъезжал к владениям Леоноры. Я уже понимал, почему ее капризный выбор пал на это занесенное песками местечко в Западной Лагуне, с его летаргией, знойным томлением и зыбкими перспективами. Поющие статуи на пляже совсем одичали, их пение сорвалось на визг, когда я пронесся мимо них по пустынной дороге. Поверхность озера казалась гигантским радужным зеркалом, отражающим багрец и киноварь береговых дюн. Три планера бесшумно летели надо мной, по песку скользили пурпурные тени.

Мы вступили в пылающий мир. В полумиле от нас уже виднелись причудливые очертания летнего дома, трепетавшие в окрашенном воздухе, словно он готов был в любую секунду переместиться невесть куда во времени и пространстве.

Позади дома, в тусклом мареве, угадывались крутые откосы широкого плато. Я остро позавидовал Нолану с Мануэлем: здешние воздушные течения не чета нашим у Кораллa D!

Только когда я подъехал вплотную, дымка рассеялась, и я увидел тучи. Они висели в сотне футов над вершиной плато, напоминая перекрученные подушки измученного бессонницей титана. Они клубились и кипели на глазах, от них отделялись куски, проваливались или взлетали вверх, как клочья пара над кипящим котлом... Попасть в такое варево на планере страшнее, чем на шлюпке в водоворот: за считанные секунды машину может выбросить на тысячи футов вверх.

Эти вихревые драконы, шевелясь и сталкиваясь, про-

плывали над виллой, уносились от озера в пустыню и там таяли, пожираемые жарким воздухом.

Въезжая в ворота, я чуть не столкнулся с грузовиком, набитым звукосветовой аппаратурой. Не меньше десятка слуг расставляли на веранде золоченые стулья и разворачивали навес. Беатриса Лафферти подошла ко мне, переступая через разбросанные кабели.

— Майор Паркер, вот ваши облака.

— Облака, мадемуазель Беатриса? Это хищники, крылатые хищники. Мы занимаемся, простите, резьбой по облакам, а не укрощением драконов!

— Не беспокойтесь. Ничего, кроме резьбы, от вас и не потребуется. — Ее глаза лукаво блеснули. — Я думаю, вы уже поняли, что призваны воплощать здесь только один образ?

— Саму мадам Шанель, разумеется?

Я взял ее под руку и повел по террасе, выходящей на озеро.

— А вам, по-моему, нравится подчеркивать такие вещи. Да, пусть себе богачи заказывают, что им нравится — хоть мрамор и золото, хоть облака и плазму. Что тут такого? Искусство портрета всегда нуждалось в меценатах.

— Господи, тише вы! — Беатриса посторонилась, пропуская лакея со стопкой скатертей. Когда он прошел, она все-таки договорила: — Заказать себе портрет в небесах из воздуха и солнца! Кое-кто сказал бы, что от этого тянет тщеславием... и еще худшими грехами...

— А именно? — поддразнил я. — Вы, надо сказать, очень таинственны!

Беатриса поглядела на меня отнюдь не секретарскими глазами.

— Это я вам скажу через месяц, когда закончится мой контракт. Ну, где же ваша команда?

— Вот они.

Я показал в небо, где три планера кружились над песчаной яхтой, вздымавшей клубы вишневой пыли. За спиной водителя сидела Леонора Шанель в золотистом брючном костюме из кожи аллигатора. Волосы ее скрывала черная соломенная шляпка, но не узнать ее эффектную фигуру и резкий профиль было невозможно.

Когда яхта причалила, Ван Эйк и Малыш Мануэль устроили импровизированное представление с обрывками облаков, мирно тающими над озером. Ван Эйк вырезал из них орхидею, сердце и улыбающиеся губы, а Малыш —

голову какаду, двух мышей-близнецов и монограмму Леоноры Шанель.

Пока они кружились и пикировали, иной раз черкая крыльями по воде, Леонора оставалась на набережной и вежливо приветствовала взмахом руки каждую из этих летучих банальностей.

Вскоре они приземлились на набережной. Леонора все еще ожидала, что Нолан возьмется за одну из туч, но он только метался вверх и вниз над озером, словно усталая птица. Владетельница пламенного края стояла недвижно, словно погруженная в тяжелую грезу; ее взгляд, прикованный к Нолану, не различал ни шофера, ни моих товарищей, ни даже нас с Беатрисой. Воспоминания — каравеллы без парусов — проплывали в сумрачной пустыне ее погасших глаз...

Леонора встречала гостей в платье из органди и сапфиров, открывающем плечи и груди, сверкавшие в ажурной броне драгоценностей. Тем временем Беатриса провела меня через французское окно библиотеки посмотреть коллекцию портретов, собранную на вилле. Я насчитал их больше двадцати: от величественных парадных портретов в гостиной (на одном была подпись Аннигони, на другом — президента Королевской академии) до фантастических этюдов Дали и Френсиса Бикона в столовой и баре. Где бы мы ни проходили, отовсюду — из альковов, украшенных мраморными полуколоннами, из узорных рамок на каминных полках, даже со стенных росписей на лестнице — на нас смотрело одно и то же красивое и замкнутое лицо. Может быть, этот чудовищный нарциссизм был для нее последним прибежищем, единственным спасением в ее бесконечном бегстве от реального мира?

В студии на крыше я увидел большую картину, блестевшую свежим лаком. Это была явная пародия на сентиментальную манеру светских портретистов: голубоватые тона и манерный поворот головы превращали портрет Леоноры в образ мертвой Медеи. Дряблая кожа под правой щекой, обтянутый лоб и стиснутый рот придавали ей окоченелый вид; при всей фотографической точности портрет выглядел жутковатым шаржем.

Я глянул на подпись.

— Нолан! Боже, вы были здесь, когда он это писал?

— Я здесь всего два месяца... это было до меня. Она не пожелала вставлять его в раму.

— Я ее понимаю. — Я подошел к окну, поглядел вниз на прикрытые маркизами окна спален. — Значит, он жил здесь. А студию у Коралла D бросил.

— Но зачем Леонора опять пригласила его? Она же, должно быть...

— Чтобы он опять сделал ее портрет во все небо. Похоже, я лучше знаю Леонору Шанель, чем вы, Беатриса.

Мы вернулись мимо множества каминов, жардиньерок и канапе на веранду, где Леонора принимала гостей. Нолан в белом замшевом костюме стоял с нею рядом. Изредка он поглядывал на нее с высоты своего роста, словно забавляясь мыслями о тех причудливых возможностях, какие самовлюбленность этой женщины может предоставить его мрачному юмору.

Леонора прижалась к его локтю. Обрамленные сапфирами глаза делали ее похожей на варварскую жрицу. Груди, окованные контурными драгоценностями, ни разу не встрепенулись.

Ван Эйк представился с преувеличенным поклоном. За ним подошел Мануэль, от волнения он косолапил сильнее обычного.

Губы Леоноры презрительно скривились, она смерила взглядом мою негнущуюся ногу.

— Вы, Нолан, наполняете свой мир калеками. Этот ваш карлик... он что, тоже летает?

Малыш Мануэль так и не отвел от нее глаз. Они у него были влажные, как раздавленные цветы.

Представление началось через час. Огромные облака, подсвеченные закатным солнцем, висели над плато, как золоченые рамы для будущих картин. Планер Ван Эйка спиралью поднимался к первому облаку, срывался и карабкался снова, угадывая путь в сталкивающихся течениях.

Когда обрисовались лоб и скулы, гладкие и безжизненные, точно из пены, гости на веранде зааплодировали. Через пять минут, когда планер Ван Эйка спустился к озеру, я понял, что Шарль превзошел себя.

Облитый светом прожекторов, сопровождаемый аккордами увертюры к «Тристану» (репродукторы были установлены на склоне плато) портрет Леоноры торжественно плыл над нами, источая мелкий дождик. Мне казалось, что он раздувается от всей этой помпезности, словно гигантская резиновая игрушка. Облако попалось удачное: до самой береговой линии оно сохраняло форму, а потом сра-

зу расплылось в вечернем воздухе, словно чья-то раздраженная рука смахнула его с небосклона.

Малыш Мануэль начал подъем, крутясь вокруг темного облака, словно уличный сорванец вокруг мрачной толстухи. Он метался в разные стороны, как будто не мог решить, что делать с этой непредсказуемой колонной холодного пара. Потом начал вырезать контуры женской головы. Кажется, никогда я не видел его в таком замешательстве. Когда он кончил, снова раздались аплодисменты, но вскоре они сменились хихиканьем и игривыми замечаниями. Приукрашенный портрет Леоноры перекосился в воздухе, подхваченный встречными течениями. Челюсть вытянулась, улыбка стала идиотической. За какую-то минуту громадное подобие Леоноры Шанель вывернулось вниз головой.

Я сообразил отвести прожектора, и внимание зрителей обратилось к чернокрылому планеру Нолана, взлетевшему к вершине нового облака. Обрывки облачной ваты кружились в темнеющем воздухе, мелкий дождь скрывал до времени двусмысленное творение Нолана.

К моему удивлению, портрет вышел очень похожим. Взрыв рукоплесканий, несколько тактов из «Тангейзера» — и прожектора озарили элегантную голову.

Стоя среди гостей, Леонора подняла бокал в честь Нолана.

Озадаченный его благородством, я пригляделся к небесному лицу и все понял. Именно точность заключала в себе жесткую иронию. Обращенная вниз линия рта, вздернутый, чтобы натянуть кожу на шее, подбородок, дряблое местечко под левой щекой — все было передано в портрете с той же убийственной дотошностью, что и в живописном портрете.

Гости толпились вокруг Леоноры, поздравляя ее с удачным представлением. Она же не отводила глаз от своего облачного портрета, словно увидела себя впервые. На висках ее выступили вены...

Наконец голубые и розовые огни фейерверка затмили плывущее над озером изображение.

Незадолго до рассвета мы с Беатрисой Лафферти шли по пляжу, наступая на трубки сгоревших ракет. На опустевшей веранде в лучах фонарей блестели неубранные стулья. Едва мы дошли до ступеней, наверху раздался звон стекла и женский возглас. Французское окно с треском растворилось, мужчина в белом костюме бегом пересек веранду.

Едва Нолан исчез в темноте, в освещенное пространство вступила Леонора Шанель. Устремив взгляд в темные

облака, клубящиеся над виллой, она рассеянно обрывала одной рукой драгоценности вокруг глаз; они падали на плиты пола и слабо вспыхивали у ее ног.

Из-под эстрады вдруг вывернулся Малыш Мануэль и быстро пробежал на своих кривых ногах во тьму.

За воротами взревел мотор. Леонора повернулась и медленно пошла в дом, поглядывая на свои изломанные отражения в осколках стекла.

Высокий блондин с холодными и жадными глазами шагнул ей наперерез из-за поющих статуй, стерегущих темную библиотеку. Потревоженные статуи отозвались тихими арпеджио. Когда Ван Эйк медленно двинулся навстречу Леоноре, они подхватили и усилили ритм его шагов.

Следующему нашему представлению суждено было оказаться последним.

К вечеру над озером собрались тяжелые тучи. Тусклый отблеск солнца зловеще подсвечивал их черные чрева... Такие облака — не для скульпторов.

Ван Эйк не отходил от Леоноры. Когда я разыскал Беатрису, она хмуро смотрела вслед песчаной яхте, которая галсами шла к озеру. Предгрозовые шквалы трепали и дергали паруса.

— Я не вижу ни Нолана, ни Мануэля, — сказала она озабоченно. — Представление начинается через три часа.

— Представление уже окончено. — Я положил руку на ее локоть. — Когда освободитесь, Беа, приезжайте ко мне. Будем жить у Коралла D, я научу вас резать статуи из облаков...

Ван Эйк и Леонора вернулись через полчаса. Он прошел мимо меня, как мимо пустого места; Леонора прижималась к его плечу. Дневные драгоценности на ее лице ярко вспыхивали, разбрасывая резкие отблески по всей веранде.

К восьми, когда начали съезжаться гости, Нолана и Мануэля все еще не было. В электрическом свете веранда стала теснее и уютнее, но черные громады туч нависали над нею, словно крылья гигантской недоброй птицы.

Шарль Ван Эйк не продержался в небе и минуты: его планер сорвался в штопор, опрокинутый порывом бури. В пятидесяти футах от земли он сумел выровняться и даже поймал восходящий поток. Пока он не приблизился к туче, планер слушался; но при первой попытке оседлать вер-

шину чудовищного облака машину опять перевернуло, закрутило... и на глазах у Леоноры и ее гостей планер с оторванными крыльями упал на мелководье.

Я вскочил и двинулся к Леоноре. И тут увидел Нолана с Мануэлем. Стоя под верандой, они молча смотрели, как Ван Эйк выкарабкивается из разбитого планера.

— Зачем было приходить? — спросил я Нолана. — Ты уж не летать ли сегодня собрался?

— Нет, — процедил он, не вынимая рук из карманов. — Потому и пришел.

Леонора блистала в вечернем туалете из павлиньих перьев, веером развернувшихся у ее ног. Сотни павлиньих глаз вспыхивали, отражали предгрозовой свет, облекали ее тело синепламенной кольчугой.

— Мадам Шанель, — сказал я извиняющимся тоном, — облака нынче как безумные. Сейчас будет буря!

Она кинула на меня насмешливый взгляд.

— А рисковать вы что... не собирались?

— Для таких облаков мне нужен Микеланджело на крыльях!

— А что Нолан? Тоже перепугался?

Она почти выкрикнула его имя. Нолан вскинул на нее взгляд — и отвернулся. Освещение над Западной Лагуной уже сменилось: половину озера заволокло тусклым маревом.

Меня дернули за рукав. Малыш Мануэль уставился снизу хитрыми детскими глазами.

— Реймонд, а я могу! Дай я возьму планер!

— Мануэль, брось, бога ради! Убьешься!

Но он уже проскочил между золочеными стульями. Леонора вздрогнула, когда он бесцеремонно дернул и ее за руку.

— Мадам Шанель! — горбун смущенно улыбался. — Хотите, я вырежу для вас статую? Прямо сейчас, из большой тучи, а?

Она смотрела на него сверху вниз, не отвечая.

Казалось, ее и отталкивает и дразнит простодушие карлика — он пожирал ее взглядом, нисколько не стесняясь всей сотни холодных глаз ее шлейфа.

Ван Эйк, хромая, шел от своего разбитого планера к вилле. Я догадывался, что Мануэль решил потягаться с белокурым тевтоном.

Леонора поморщилась.

— Майор Паркер, велите своему... Хотя нет! Поглядим, на что годен этот калека.

Облачная масса, клубившаяся над виллой, подобно извержению зловещего вулкана, подсвечивала ее лицо странными, тусклыми отблесками.

Она вдруг просияла над Мануэлем своей ослепительной улыбкой:

— Ну, давай! Посмотрим, что ты вырежешь из грозы.

На мгновение мне показалось, что в ее сверкающем драгоценностями лике проступили очертания мертвой головы.

Под стеклянный хохот Леоноры Нолан метнулся через веранду; павлиньи перья хрустнули под его каблуками, но перехватить Мануэля не успел: ужаленный насмешкой госпожи, он с быстротой песчаного краба скользил по склону. А на веранде уже собирались зрители.

Полосатый планер набрал высоту и поровнялся с тучей. В пятидесяти ярдах от ее мрачных клубов внезапный вихрь ударил машину, но Мануэль выровнялся и начал работать. Капли сбрызнули песок у наших ног.

Вот появились очертания женского лица. Сатанинские глаза горели сквозными прорезами в туче, рот темным пятном кривился в шевелящейся облачной массе...

Нолан, уже подбегая к своему планеру, громко вскрикнул. Мануэля подхватил восходящий ток и вознес высоко над тучей. Борясь с обезумевшим воздухом, его планер устремился вниз и снова врезался в тучу. Ее колоссальная масса вдруг разомкнулась, дрогнула как бы в чудовищном спазме и заглотила машину. В молчании мы смотрели, как размочаленный планер крутило в чреве тучи. Обломки фюзеляжа разлетались, пронзая расползающиеся контуры гигантского лица. Когда планер рухнул в воду, это лицо уже корчилось в агонии. Его перекрутило, рот оторвался, глаз лопнул, щеки и лоб отплывали в разные стороны... Новый шквал смешал их.

С неба, ярко освещенного прожекторами, все еще сыпались обломки планера.

Мы с Беатрисой Лафферти объезжали на песчаной яхте озеро, разыскивая тело Мануэля.

Зрители, ставшие свидетелями его гибели, потеряли вкус к представлению; общество поспешно разъехалось. Берег опустел буквально за несколько минут. Леонора равнодушно глядела вслед отъезжающим, стоя рядом с Ван Эйком среди неприбранных столов.

Беатриса молчала. На песке тут и там валялись обломки планера — обрывки холста, размочаленные стойки, перепутанные рулевые тяги. В нескольких ярдах от кабины я нашел Малыша Мануэля — мокрый ком, вроде утонувшей обезьяны, — и отнес его к яхте.

— Реймонд! — Беатриса обернулась к берегу.

Тучи сгустились уже над всем озером, первые вспышки молний целили в холмы позади дома. В наэлектризованном воздухе вилла, казалось, утратила всю свою пышность. В полумиле от нас по долине шел смерч, опустив свой пульсирующий хобот к озеру.

Грозовой шквал опасно дернул яхту.

— Реймонд! Там Нолан... он летит в смерче!

Тут и я различил чернокрылый планер, чертивший круги под чудовищным зонтом смерча. Нолан уверенно вел машину у самой воронки, не отставая от гиганта, словно рыбка-лоцман возле огромной акулы. Казалось, что он гонит торнадо на виллу Леоноры.

Через двадцать секунд смерч обрушился на здание, и я сразу потерял Нолана из виду. Вилла будто взорвалась, черный вихрь поломанных стульев и разбитых кирпичей вымахнул над крышей. Мы с Беатрисой бросились прочь от яхты и упали под дюну. Когда смерч пошел прочь, сливаясь с грозовым небом, черная муть еще висела над разгромленной виллой, обломки порывались снова взлететь. Вокруг нее носились клочья картин и перекрученные павлиньи перья...

Только через полчаса мы осмелились подойти к вилле. Веранда была завалена битой посудой и обломками мебели. Я долго не мог найти Леонору Шанель. Ее лицо попадалось повсюду: картины с ее резким профилем валялись тут и там на мокрых камнях. Ее улыбка, кружась, слетела на меня откуда-то сверху и обернулась вокруг моей ноги.

Ее труп лежал среди разбитых столов у эстрады, облепленный окровавленным холстом. Лицо было перекошено и разбито, как у того портрета, что Мануэль пытался вырезать в туче.

Ван Эйка мы нашли в лоскутах навеса. Он повис в путанице проводов, захлестнутый за шею гирляндой лампочек. Провода каким-то чудом не оборвались, и лампочки расцвечивали мертвое лицо разноцветными бликами.

Я склонился над перевернутым «роллс-ройсом», потом обнял Беатрису за плечи.

— А Нолана нет... не видно ни куска от его планера.

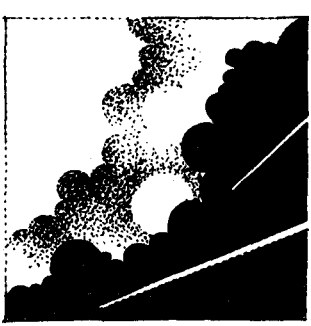
— Несчастный... Реймонд, ведь это он привел сюда смерч! Он управлял им...

По мокрой веранде я вернулся к телу Леоноры Шанель и прикрыл его кусками холстов — ее же растерзанными лицами.

Я увез Беатрису в студию Нолана, в пустыню у Коралла D. Мы ничего больше не слышали о Нолане и никогда не поднимались в воздух. Слишком много воспоминаний несут облака...

Три месяца назад случайный проезжий, заметив ветшающие за студией планеры, остановился у Коралла D и зашел к нам. Он рассказал, что видел над Алым Пляжем планериста, вырезавшего из облаков гирлянды и детские лица. Как-то раз тот вырезал голову карлика. Это, по-моему, как раз в духе Нолана, так что, выходит, он вырвался тогда из колец небесного удава.

По вечерам мы с Беатрисой сидим среди поющих статуй, внимая их голосам и глядя, как легкие облака собираются над Кораллом D. Мы ждем, что ветер принесет человека в темнокрылом планере — или теперь он будет раскрашен карамельными полосами? — и он вырежет нам облачных единорогов и морских коней, карликов, цветочные гирлянды и веселые детские лица...

ПРИМА-БЕЛЛАДОННА

С Джейн Сирасилайдз мы повстречались в пору Великого Застоя, когда весь мир затопила волна лени, блаженной апатии, свойственной жаркому лету, растянувшемуся на целых десять незабвенных лет, и полагаю, именно это в основном стало причиной случившегося между нами. Разумеется, сейчас я и сам не могу поверить, что когда-то был способен на такие безумства, но в то время мне казалось, что виной всему — только Джейн.

Говорили о ней разное, но все единодушно сходились в одном — она была красавицей, хотя с генетическим кодом у нее была явная путаница. Сплетницы Пурпурных Песков вскорости определили ее как некую мутантку по причине безупречной кожи, отливавшей червонным золотом, и глаз, походивших на жуков-бронзовок. Однако это не отпугивало ни меня, ни моих приятелей, Тони Майлза и Гарри Дивайна, кстати сказать, они с тех пор оценивают своих жен довольно критически.

Тем летом мы коротали время, сидя в тени на просторном балконе моей квартиры, расположенной непода-

леку от Пляжного Променада, попивали пиво, основательный запас которого неизменно хранился в холодильнике на первом этаже моего цветочно-музыкального магазина, развлекались «и-го», модной тогда игрой типа шахмат, и бесконечными пустопорожними разговорами. Кроме меня, никто из нас не имел серьезной работы. Гарри считался архитектором, Тони время от времени удавалось всучить туристам керамические изделия, что же до меня, то я по утрам проводил пару часов в магазине, отправляя заказы за границу и периодически прикладываясь к банке с пивом.

В одно особенно жаркое утро, едва я упаковал нежную мимозу-сопрано, предназначенную для Гамбургского хорового общества, с балкона позвонили.

— Магазин музыкальной флоры Паркера? — это оказался Гарри. — Вам предъявляется обвинение в перепроизводстве. Иди наверх, мы с Тони хотим кое-что тебе показать.

Поднявшись, я увидел, что оба они скалятся, как псы на мозговую кость.

— Ну, где это ваше «кое-что»? — полюбопытствовал я.

Тони слегка приподнял голову.

— Вон... — Он едва заметно кивнул на гостиницу напротив и предупредил: — Только осторожнее, дырку не прогляди.

Я не спеша уселся в свое кресло и обвел дом взглядом.

— На пятом этаже, — процедил Гарри, почти не разнимая губ. — Прямо напротив, слева от балкона. Ну как, стоит посмотреть?

— Фантастика...— отвечал я, внимательно разглядывая ее. — Любопытно, на что она еще способна?

Гарри и Тони благодарно вздохнули в унисон.

— Как тебе? — спросил Тони.

— Я вам не соперник, но вам и карты в руки. Ступайте к ней оба и скажите, что жить без нее не можете.

Гарри издал тяжелый вздох.

— Разве тебе не ясно, что она поэтическая, роковая, точно вышла из древнего моря, как предсказано Апокалипсисом? Возможно, она полубогиня...

По комнате, двигая стулья, похаживала женщина. За исключением огромной металлической шляпы авангардистского фасона, на ней ничего особенного не было. Даже в сумраке комнаты ее бедра, очертаниями напоминающие лиру, отливали золотом. Она выглядела живым созвездием, ярким и переливающимся. Никогда еще Пурпурные Пески не видали ничего подобного.

— К ней нужен тонкий подход, — продолжал Гарри, разглядывая свою банку с пивом. — Тихой сапой, мягкой лапой. Натиск и хватательный рефлекс исключаются.

Женщина нагнулась, открывая чемодан, и широкие поля шляпы затрепетали над ее лицом. Ни к чему было напоминать Гарри, что жена его Бетти, дама весьма решительная, при первом же намеке исключила бы любые порывы своего супруга.

— Энергии, должно быть, она потребляет не меньше киловатта, — прикинул я. — А какой у нее химический состав, как вы думаете?

— Кто его разберет, — отвечал Гарри. — Мне лично без разницы, пусть даже она сделана из кремнийорганических соединений.

— В такое-то пекло? — сказал я. — Да она бы тут же и расплавилась.

Женщина вышла на свой балкон, конечно, заметила, что мы за ней наблюдаем, огляделась вокруг и вернулась обратно в комнату.

Мы поудобнее устроились в креслах и обменялись многозначительными взглядами, точно триумвиры, замышляющие раздел Империи и искоса поглядывающие друг на друга, чтобы вовремя пресечь попытку мошенничества.

Пение послышалось пять минут спустя.

Поначалу я решил, что это разбалансировалась щелочная среда у трио азалий, однако частоты были слишком высокие. Звук — тонкое тремоло, идущее невесть откуда, — перекрывал порог восприятия, сверлил затылок.

Гарри с Тони мрачно воззрелись на меня.

— Твои веники раздухарились, — заметил Тони. — Что бы тебе их утихомирить.

— Это не цветы, — ответил я. — Они так не могут.

Звук становился все громче, затылок отзывался на него явственным треском. Я уже собирался спуститься в магазин, но тут Гарри и Тони вдруг повскакивали с кресел и вжались в стену.

— Господи, Стив! Погляди! — возопил Тони, с ужасом тыча в сторону столика, на который я оперся рукой. Я и глазом не успел моргнуть, как он поднял кресло и обрушил его на стеклянную столешницу.

Поднявшись, я выгреб из волос осколки.

— Ты что, перегрелся, черт бы тебя взял?

Тони внимательно изучал то, что минуту назад было столом. Гарри, приблизившись, осторожно взял меня за руку.

— Он был совсем рядом. Как ты, в порядке?

— Смылся, — мрачно сказал Тони. Столь же тщательно он изучил пол балкона, затем свесился через перила и посмотрел вниз.

— Так что же тебе примерещилось? — спросил я.

Гарри уставился на меня в упор.

— Ты что, не видел? Он был дюймах в трех от тебя... королевский скат величиной с омара. — Он утомленно опустился на ящик из-под пива. — Акустический, должно быть. Звук совсем прекратился.

Когда они ушли, я прибрался и выпил еще пива. Я мог бы присягнуть, что никакого ската на столе не было.

С балкона напротив за мной наблюдала женщина в пеньюаре из переливчатого тканиона.

На следующее утро я узнал, кто она такая. Тони и Гарри с женами направились на пляж, вероятно, обсасывая вчерашнее происшествие со скорпионом, я же работал в магазине, настраивая с помощью увиолевой лампы огромную Паучью Орхидею. Это сложное растение с нормальным диапазоном в двадцать четыре октавы, однако, подобно всем терракотовым хоротропам, разновидности K3+25C5A9, без интенсивных упражнений она легко впадала в невротические широтные транспоненты, а это очень трудно исправить. Как самый старый цветок в магазине она, разумеется, оказывала отрицательное влияние и на прочие растения. Когда я по утрам открывал магазин, там стоял гвалт, словно в палате для буйных, но стоило подкормить Паучью Орхидею и разобраться с кислотностью, как все другие растения улавливали ее сигналы и постепенно утихомиривались. На два такта, на три четверти, многоголосие — все приходило к гармонии.

В неволе по всему свету жило не более десятка настоящих Паучьих Орхидей, прочие, как правило, либо не пели, либо бывали привиты от двудольных растений, так что мне, честно говоря, здорово с нею повезло. Этот магазин я купил за пять лет до знакомства с Джейн у Сэйерса, наполовину оглохшего. За день до отъезда он вывалил все растения с признаками вырождения в мусорный контейнер на заднем дворе. Опорожняя баки с отбросами, я наткнулся на Паучью Орхидею, которая пышно разрослась на субстрате из морских водорослей и попорченных резиновых трубок.

Я так никогда и не узнал, с чего это Сэйерс решил ее выкинуть. До переезда в Пурпурные Пески он служил ку-

ратором старой консерватории в Кью, где впервые вывели поющие растения. Там он работал под руководством самого Менделя. Именно Мендель — тогда он был начинающим ботаником двадцати пяти лет от роду — обнаружил в лесах Гайаны первую Паучью Орхидею. Она получила свое название из-за того, что ее цветки опыляет гигантский паук, одновременно откладывая яйца в их мясистые семяпочки. Привлекают его при этом, или по настойчивому утверждению Менделя гипнотизируют, звуковые колебания, испускаемые чашечкой цветка в период опыления. Первоначально Паучьи Орхидеи излучали лишь несколько случайных частот, но скрещивая их, а также искусственно пролонгируя стадии опыления, Менделю удалось вывести гибрид на полные двадцать четыре октавы.

В самый разгар главного труда своей жизни Мендель, как в свое время Бетховен, совершенно оглох, потеряв возможность слышать растения. Правда, он был способен услышать музыку цветка, лишь взглянув на него. Но, как ни странно, потеряв слух, Мендель отказывался смотреть на Паучью Орхидею.

И в то утро мне показалось, что я понял причину этого.

Орхидея была в бешеной ярости. Сначала она отвергала подкормку, так что мне понадобилось промыть ее струей фторальдегида. Затем она принялась испускать ультразвуковые колебания, что неизменно влекло за собой бесчисленные жалобы всех окрестных собачников. А под конец она попробовала разрушить свой бак резонансным ударом.

Шум в магазине стоял невообразимый, так что я чуть было не решил усыпить все растения, а потом разбудить по одному (сущий кошмар, если учесть, что у меня было восемьдесят баков), когда вся эта какофония вдруг стихла до едва слышного шелеста.

Я оглянулся и увидел, что в магазин явилась вчерашняя женщина с золотой кожей.

— Доброе утро, — сказал я. — Похоже, вы им пришлись по вкусу.

Это доставило ей явное удовольствие, и она засмеялась.

— Здравствуйте. А что, они вели себя дурно?

Черный пляжный халат придавал более нежный и мягкий тон ее коже, но я не мог оторвать взгляда от ее глаз. Их густо затеняли широкие поля шляпы, и все же они буквально светились.

Покачивая своими фантастическими бедрами, она направилась к вазону с гибридными папоротниками и оста-

новилась, не отрывая от них взгляда. Папоротники потянулись к ней, их голоса завели страстную мелодию.

— Разве они не прелестны? — негромко сказала она, нежно лаская листья. — Им так нужна любовь.

Низкий тембр голоса, дыхание, словно шорох песка, пересыпаемого прохладным ветром, превращали ее речь в музыку.

— Я только что прибыла на Пурпурные Пески, — продолжала она, — и в моем номере — мертвая тишина. Возможно, если бы я приобрела цветок, пусть даже один, я бы не чувствовала себя так одиноко.

Я не мог оторвать от нее взгляда.

— Разумеется, — отвечал я сухо и с сугубо деловым видом. — Предпочитаете что-нибудь поярче? К примеру, этот морской критиум с Суматры? Это высокопородное меццо-сопрано, он того же стручка, что и Прима-белладонна с Вагнеровского фестиваля в Байрейте.

— Нет, — сказала она, — у него слишком равнодушный вид.

— Может быть, подойдет вот эта лютневая лилия из Луизианы? При умеренной подаче сернистого газа она исполняет прелестные мадригалы. Сейчас я покажу, как это делается.

Она меня не слушала. Сложив ладони, словно на молитве, шагнула к прилавку с Паучьей Орхидеей.

— Как она прекрасна... — произнесла женщина. Взгляд ее был прикован к пышным усикам, желтым и пурпурным, свисающим из чашечки испещренного алыми полосками цветка.

Я тоже подошел к прилавку и включил усилитель. Орхидея тут же ожила. Листья стали яркими и упругими, чашечка цветка набухла, лепестки туго натянулись. Орхидея издала несколько резких отрывистых звуков.

— Она прекрасная, но недобрая, — сказал я.

— Недобрая? — повторила женщина. — Нет, она гордая. — Подойдя поближе, она заглянула в огромную головку цветка, дрожавшего от ярости. Орхидея затряслась еще сильнее, шипы на стебле угрожающе изогнулись.

— Осторожнее, — предупредил я. — Она ощущает даже самые слабые звуковые колебания.

— Тише! — Женщина подняла ладонь. — Похоже, она хочет петь.

— Это лишь тональные обрывки, — объяснил я. — Настоящей музыки она не исполняет. Я ее использую исключительно как камертон для...

— Послушайте! — она схватила меня за руку и крепко сжала.

И тут голоса всех моих растений слились в единый хор, однако один голос, самый сильный, перекрывал их. Поначалу он был тонок и пронзителен, как флейта-пикколо, потом звук запульсировал, приобрел глубину и, наконец, вырос до мощного баритона, который вел за собой весь хор.

Никогда прежде я не слышал пения Паучьей Орхидеи и теперь внимательно прислушивался к ней. Внезапно я ощутил что-то вроде легкого солнечного ожога и, оглянувшись, увидел, как пристально смотрит на растение женщина. Кожа ее буквально раскалилась, а глаза полыхали. Орхидея тянулась к ней, чашечка цветка была вскинута, листья напоминали окровавленные клинки.

Я быстро обошел бак и включил подачу аргона. Орхидея заскулила, и в магазине снова поднялся чудовищный гам: общий диссонанс оборванных нот и голосов, срывающихся с верхних «до» и «ля». Но вскоре все успокоилось и тишину нарушал только едва слышный шелест листьев. Женщина оперлась на край бака, перевела дыхание, кожа ее потускнела, глаза угасли. Все еще тяжко дыша, она спросила:

— Зачем вы ее выключили?

— Извините, — ответил я, — но у меня здесь товара на десять тысяч долларов, а такая буря эмоций на дюжину тональностей вполне способна погубить иные цветы. Большинство моих растений не предназначены для исполнения опер.

Она следила, как из чашечки цветка сочится газ, как один за другим обвисают листья, на глазах бледнея.

— Сколько она стоит? — спросила она, расстегивая сумочку.

— Орхидея не продается, — ответил я. — Правду сказать, я сам не могу понять, как она сумела взять эти октавы...

— Тысячи долларов хватит? — спросила она, не сводя с меня глаз.

— Нет, — повторил я. — Без нее я не смогу настраивать другие растения. И потом, — добавил я, силясь выдавить улыбку, — орхидея погибнет спустя десять минут после того, как ее вытащат из оранжереи. Да и все эти баллоны с трубопроводами будут странно выглядеть в вашем номере.

— Да, разумеется, — согласилась она и неожиданно улыбнулась в ответ. — Я вела себя глупо.

Бросив последний взгляд на орхидею, она не торопясь направилась к секции с произведениями Чайковского, весьма популярными у туристов. Прочитала первую попавшуюся этикетку:

— «Патетическая симфония». Я ее возьму.

Я упаковал скабию, уложил в коробку буклет с инструкцией, по-прежнему не сводя с нее взгляда.

— Да не переживайте вы так, — засмеялась она. — Я никогда прежде не слыхала ничего подобного.

Я и не переживал. Просто тридцать лет жизни на Пурпурных Песках поневоле сужают кругозор.

— Надолго вы сюда? — полюбопытствовал я.

— Сегодня у меня первое выступление в клубе «Казино», — ответила она и добавила, что ее зовут Джейн Сирасилайдз и она певица оригинального жанра. Затем предложила: — Почему бы вам не прийти на мой концерт? — В глазах ее зажглись шаловливые искры. — Начало — в одиннадцать часов. Возможно, вам понравится.

На концерт я пришел. На следующий день Пурпурные Пески уже полнились слухами. Джейн стала сенсацией. После концерта триста зрителей клятвенно заверяли друг друга, будто слышали все, что угодно: от хоров ангельских под музыку небесных сфер до свинга. Сам я относился к этому гораздо спокойнее, возможно, потому, что мне приходилось слышать слишком много поющих растений. Однако теперь я знал, откуда взялся скат на моем балконе.

Тони Майлзу прислышался «Сен-Луи блюз» в исполнении Софи Тэйкер, а Гарри — Си-минорная месса Баха-отца. Оба они заявились в магазин и, пока я занимался цветами, изливали на меня свои впечатления.

— Восхитительно! — кричал Тони. — Как это у нее получается? Можешь сказать?

— Гейдельбергская партитура! — исходил восторгами Гарри. — Подлинная, грандиозная... — Он презрительно глянул на цветы. — Ты не мог бы их заткнуть? Они дьявольски галдят.

Шум и вправду был дьявольский, и я, пораскинув мозгами, вычислил причину. Паучья Орхидея совершенно разбушевалась и к тому времени, когда я сумел утихомирить ее, подав к корням соляной раствор, успела загубить растений на триста с лишним долларов.

— Вчерашний концерт в «Казино» — сущие пустяки в сравнении с тем, что она устроила тут, — поведал я. —

«Кольцо Нибелунгов» в аранжировке Стэна Кентона. Орхидея моя просто свихнулась. Я уверен, что она хотела убить ее.

Гарри смотрел, как судорожно сотрясаются листья орхидеи.

— Похоже, она и в самом деле настроена весьма воинственно. Но зачем ей убивать Джейн?

— Не в буквальном, понятно, смысле. Голос Джейн, вероятно, обладает обертонами, раздражающими чашечку цветка орхидеи. Остальные растения реагировали по-другому. Когда она к ним прикасалась, они ворковали, словно голуби.

Вдруг Гарри радостно охнул.

В дверях ярким солнцем вспыхнула пышная пламенно-желтая юбка Джейн.

Я представил ее своим друзьям.

— Сегодня цветы молчат, — заметила она. — Что с ними стряслось?

— Прочищаю баки, — пояснил я. — Между прочим, мы все хотели бы поблагодарить вас за вчерашний концерт. А как вам понравились Пурпурные Пески?

На лице ее появилась смущенная улыбка, и Джейн начала медленно прохаживаться по магазину. Как я и ожидал, она остановилась подле орхидеи, долго смотрела на нее.

Я ждал, что она скажет, однако Гарри с Тони заговорили ее и вскорости увели наверх, в мою квартиру, где они с утра маялись дурью, сокращая мои запасы виски.

— Не желаете ли сегодня после концерта присоединиться к нашему обществу? — предложил Тони. — Мы собираемся на танцы во «Фламинго».

— Вы же оба женаты, — смутилась Джейн. — Разве вас не волнует собственная репутация?

— Так мы и жен возьмем с собой, — беззаботно ответствовал Гарри. — А ваше манто подержит Стив.

Потом мы сыграли в «и-го». Джейн заявила, что раньше никогда в эту игру не играла, однако правила усвоила без труда. Когда она начала нас обыгрывать, я понял, что она жульничает. Конечно, не каждый день подвертывается случай сыграть в «и-го» с женщиной с золотой кожей и глазами-бронзовками, и все-таки меня это злило. Но Гарри и Тони, похоже, ничего не имели против.

— Она прелестна, — сказал Гарри, когда Джейн ушла. — А игра все равно дурацкая. Так что кому на это не наплевать?

— Мне, — ответил я. — Она жульничает.

На протяжении следующих трех-четырех дней магазин лихорадило: каждое утро Джейн являлась поглядеть на Паучью Орхидею, а для растения ее присутствие было совершенно невыносимо. И я ничего не мог поделать — орхидея была совершенно необходима для ежедневных упражнений. Однако взамен правильных гамм Паучья Орхидея выдавала теперь лишь вой и скрипы. Меня тревожил не шум как таковой — на него пожаловалось не больше двух десятков человек, но вред, который он причинял растениям. Исполнители музыки барокко стойко переносили испытание, у тех, что были предназначены для современных композиций, вообще оказался иммунитет, но у пары дюжин романтиков полопались цветочные чашечки. На третий день, считая от приезда Джейн, я лишился всех исполнителей Бетховена и жуткого количества Мендельсона и Шуберта.

Однако Джейн, похоже, не было дела до моих забот.

— Что с ними такое стряслось? — спросила она, разглядывая газовые баллончики и капельницы, кучей сваленные на полу.

— Наверное, вы пришлись им не по вкусу, — ответил я. — Точнее, Паучьей Орхидее. Может, у мужчин ваш голос и пробуждает необычайные и чудесные видения, но орхидею он доводит до черной меланхолии.

Она рассмеялась мне в лицо.

— Чепуха! Отдайте ее мне, и я вас научу, как с нею обращаться.

— Вам весело с Гарри и Тони? — спросил я. Меня злило, что вместо того, чтобы ходить с ними на пляж, мне приходится чистить баки и готовить целительные растворы, совершенно бесполезные, кстати сказать.

— Они такие забавные, — отвечала она. — Мы играем в «и-го», я им пою. По-моему, и вы могли бы почаще вылезать отсюда.

Через пару недель мне пришлось капитулировать. Я решил законсервировать все свои цветы до отъезда Джейн с Пурпурных Песков. Я понимал, что на восстановление ассортимента уйдет самое малое месяца три, но выбора у меня не было.

В это время пришел заказ из Сантьяго на колоратурную травосмесь для садового хора. Она требовалась им через три недели.

— Пожалуйста, извините меня, — сказала Джейн, узнав, что я не в состоянии выполнить заказ. — Вы, верно,

думаете, что было бы гораздо лучше, если бы я никогда не появлялась на Пурпурные Пески. — С какой-то затаенной мыслью она заглянула в один из темных баков и предложила: — Я могла бы помочь вам в оркестровке.

— Благодарю вас, не надо, — со смехом ответил я. — С меня хватит.

— Но почему бы не попробовать? Мне это совсем не трудно.

В ответ я только покачал головой.

Гарри с Тони заявили, что я не в своем уме.

— Диапазон у нее достаточно широк, — сказал Тони. — Ты же сам знаешь.

— Что ты имеешь против нее? — поинтересовался Гарри. — Все из-за того, что она жульничает в «и-го»?

— Не в этом дело, — ответил я. — Ее диапазон гораздо шире, чем вы полагаете...

Мы играли в «и-го» в номере Джейн. Она обставила каждого из нас на десяток долларов.

— Мне везет, — весьма самодовольно заявила она. — Кажется, я всегда выигрываю. — Сияя золотой кожей, она тщательно пересчитала наличные и аккуратно сложила их в сумочку.

Вскорости я получил повторный заказ из Сантьяго.

Я отыскал Джейн в кафе, окруженную поклонниками.

— Вы еще не покорились? — спросила она с мимолетной улыбкой, адресованной этим мальчикам.

— Я не знаю, чего вы добиваетесь, — ответил я, — но попытаться можно.

Вдвоем мы вернулись в магазин. Я достал лоток с многолетними растениями. Джейн помогла мне наладить подачу газа и растворов.

— Начнем вот с этих, — предложил я. — Частоты от пятисот сорока трех до семисот восьмидесяти пяти. Вот партитура.

Джейн чистым голосом вывела гамму. Водосбор проявил поначалу некоторую неуверенность; Джейн вернулась к нижнему регистру и снова спела гамму, ведя растение за собой. Вместе они прошли две октавы, потом растения запнулись, стройная последовательность тонов прервалась.

— Попробуйте на полтона выше, — посоветовал я, подкисляя раствор в баке.

Водосбор с энтузиазмом последовал за голосом Джейн. Его цветовые чашечки отзывались нежнейшими дискантовыми вариациями.

— Блестяще, — признал я.

Заказ мы выполнили всего за четыре часа.

— У вас получается даже лучше, чем у орхидеи, — расщедрился я на похвалу. — Приглашаю вас работать у меня. Ваши условия? Со своей стороны, могу предложить просторный прохладный бак и вдоволь хлора.

— Поосторожнее, — предупредила она. — Я ведь могу и согласиться. Может, настроим еще несколько растений, раз уж начали?

— Вы устали, — сказал я. — Лучше выпьем чего-нибудь.

— А можно, я попробую с орхидеей? Такая задача не каждому по силам.

Она не сводила взгляда с цветка. Я подумал, что они натворят, если оставить их наедине. Скорее всего запоют друг друга до смерти.

— Нет, — сказал я. — Лучше завтра.

Мы поднялись на балкон, налили по стакану и проговорили до вечера. Она мало рассказывала о себе, однако мне удалось узнать, что ее отец работал горным инженером в Перу, а мать выступала в какой-то захудалой таверне в Лиме. Они постоянно переезжали, отец разрабатывал концессии, а мать, чтобы заработать на оплату жилья, пела в местных борделях.

— Разумеется, она там только пела, — добавила Джейн, — до того, как умер отец. — Соломинка в ее высоком стакане покрылась пузырьками. — Значит, вы считаете, будто на моих концертах каждый видит и слышит что-то свое? Между прочим, что видели вы?

— Боюсь, со мной у вас ничего не получилось, — ответил я. — Ничего я не видел. Только вас одну.

Она потупила взгляд.

— Иногда так бывает, — произнесла она. — Но теперь я этому рада.

До этой минуты я с горем пополам сохранял способность мыслить здраво. Но во мне вспыхнул жар ярче тысячи солнц...

Тони с Гарри явно расстроились, однако вели себя достойно.

— Не могу поверить, — с горечью произнес Гарри. — Просто не могу. Как это тебе удалось?

— Тихой сапой, мягкой лапой, — ответил я.

— А она... как? — жадно полюбопытствовал Тони. — Пламенная или просто пылкая.

Джейн пела в «Казино» каждую ночь с одиннадцати до трех. Все остальное время мы проводили вместе. По вечерам мы часто уезжали в Пустыню Ароматов и, сидя рядом на берегу, следили, как солнце скрывается за скалами и рифами, дышали тяжелым от приторного запаха роз воздухом, и покой овладевал нами. Когда же задувал прохладный бриз, мы кидались в воду, плавали, а после возвращались в город, обдавая улицы и веранды кафе смешанными ароматами жасмина и мускусных роз.

Иногда же мы навещали какой-нибудь спокойный бар в Западной Лагуне и там ужинали. Сидя на песке, Джейн шутила с официантками и, к радости детей, сбегавшихся поглазеть на нее, подражала птичьим голосам.

Теперь я сознаю, какую дурную славу нажил я тогда в городе, но я был только рад предоставить местным старушенциям — рядом с Джейн любая женщина казалась старушенцией — новую пищу для сплетен. Во время Великого Застоя люди вообще не склонны были ни о чем беспокоиться, вот и я не особо задумывался над нашей связью. Когда мы сидели вместе на балконе прохладными светлыми вечерами или в ночном сумраке, когда я чувствовал рядом с собой ее тело, я вообще ни о чем не думал.

Как ни глупо это выглядит теперь, должен признаться, что единственным поводом для споров было то, что она жульничала в «и-го».

— Джейн, ты понимаешь, что мошеннически выиграла у меня более полутысячи долларов? И ты жульничаешь до сих пор! Даже сейчас.

Она с ехидцей улыбнулась.

— Разве? Ладно уж, когда-нибудь я дам тебе выиграть.

— Зачем тебе это? — настаивал я.

— Так интереснее, — просто ответила она. — Иначе игра была бы слишком скучна.

— Когда ты уедешь с Пурпурных Песков?

Она удивленно взглянула на меня.

— Зачем ты спрашиваешь? Мне кажется, я никогда не уеду отсюда.

— Не шути со мной, Джейн. Ты родом из иного мира.

— Я родом из Перу, — напомнила она.

— Но голос-то свой ты унаследовала не от отца. Любопытно было бы послушать пение твоей матери. Ее голос был лучше твоего?

— Она считала, что лучше. Однако отец нас обеих слышать не мог.

В тот вечер я видел Джейн в последний раз. Перед ее выступлением в «Казино» мы переоделись и с полчаса провели на балконе. Я слушал ее голос, заполнявший все вокруг переливчатыми звуками, как некая звуковая призма. И даже после ухода Джейн эта музыка оставалась со мной, слабым водоворотом крутясь вокруг ее пустого кресла.

Едва она ушла, меня почему-то неодолимо потянуло спать, и около полуночи, когда Джейн должна была выйти на сцену, я вышел, чтобы пройтись по набережной, и выпить где-нибудь кофе. Едва спустившись вниз, я услышал в своем магазине музыку.

Поначалу я решил, что забыл выключить какой-нибудь усилитель, однако голос, несущийся из магазина, был мне слишком хорошо знаком.

Жалюзи на витринах были прочно заперты. Я обошел дом вдоль задней стены и вошел внутрь через коридор из гаражного двора.

Свет был выключен, однако магазин был заполнен алмазным сиянием, баки на прилавке играли золотыми бликами, а на потолке плясали многоцветные сполохи.

Эту музыку я уже слышал. Но только в увертюре. Паучья Орхидея выросла чуть ли не втрое, высунулась из-под крышки бака, ее листья набухли и яростно дрожали.

Перед нею, запрокинув голову, стояла Джейн.

Почти ослепнув от сияния, я устремился к ней, рванул за руку, пытаясь оттолкнуть от орхидеи.

— Джейн! — заорал я, перекрывая музыку. — Пошли отсюда!

Она отбросила мою руку, и на дне ее глаз я увидел тень одержимости.

Когда подъехали Тони и Гарри, я сидел на ступеньках.

— Где Джейн? — спросил Гарри. — Уж не случилось ли с ней что? Мы ждали в «Казино»...

Они оба повернулись на звуки музыки.

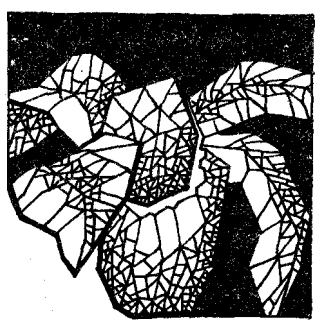
— Черт возьми, что здесь происходит?

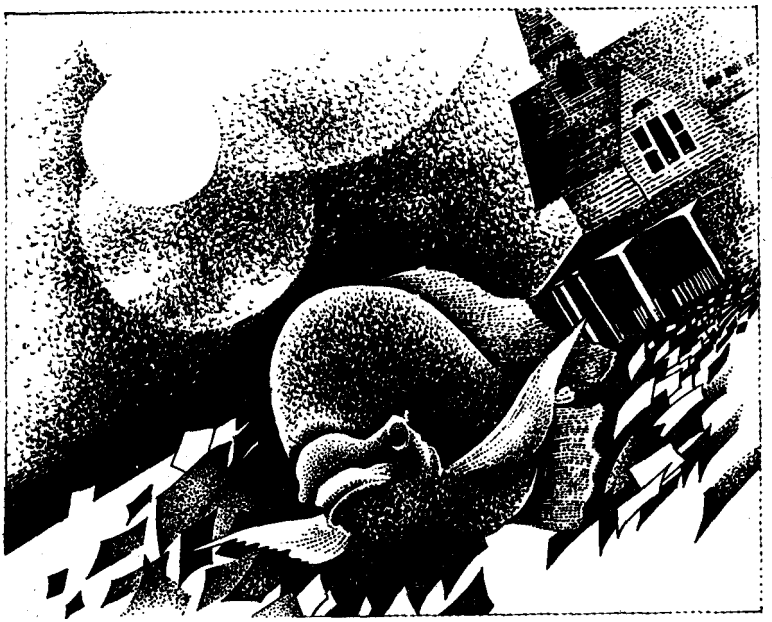
Больше я никогда ее не видел. Мы втроем обождали в квартире, а когда музыка стихла, спустились в темный магазин. Паучья Орхидея съежилась до обычных размеров.

На следующий день она завяла.

Куда исчезла Джейн, я так и не узнал. Вскоре Великий Застой закончился и началось освоение Великих Правительственных Программ. Механизм снова завели, и всем нам стало не до жалости к нескольким растоптанным цветочкам. Гарри рассказывал, будто Джейн видели на пути к Алому Пляжу, а недавно я слышал, что какая-то женщина, очень похожая на нее, поет в ночных клубах по эту сторону от Пернамбуку.

Поэтому предупреждаю: если кто-нибудь из вас содержит цветочно-музыкальный магазин и владеет Паучьей Орхидеей — опасайтесь женщины с золотой кожей и глазами-бронзовками. Не исключено, что она захочет сыграть с вами в «и-го». И, конечно, непременно будет жульничать.

ЗВЕЗДНАЯ УЛИЦА, ПЯТАЯ ВИЛЛА

Тем летом я жил на Пурпурных Песках, и каждый вечер от пятой виллы по Звездной улице ветер приносил ко мне через песчаный пустырь безумные стихи моей прекрасной соседки: комки разноцветных перфолент носились по песку словно перекати-поле. Всю ночь они плясали, шелестели, увивая перила и балясины веранды и по утрам оплетали южную стену дома до тех пор, пока я не сметал их.

Однажды я уехал на три дня на Алый Пляж и, вернувшись, увидел, что вся веранда забита клубками разноцветных лент. Стоило мне открыть дверь в дом, как они ворвались в гостиную и мигом опутали всю мебель, словно усики какой-то необычайно длинной лианы. С неделю после этого я то здесь, то там натыкался на обрывки стихов.

Несколько раз меня допекало, и я тащился через дюны, собираясь поругаться или объясниться, однако никто так ни разу и не отозвался на мои звонки. Свою соседку я видел лишь однажды, в день ее приезда. Огромный открытый «кадиллак» промчал ее по Звездной улице, длинные волосы трепетали по ветру, как покров языческой бо-

гини. Она тут же исчезла, оставив лишь ускользающее воспоминание — мгновенный высверк загадочных глаз на белоснежном лице.

Я не понимал, почему она не открывала мне, но заметил, что всякий раз, когда я направлялся к ее вилле, воздух буквально темнел от песчаных скатов, которые со злобными криками кружили в воздухе, словно стая потревоженных летучих мышей. В последний мой визит, когда я стоял у темной стеклянной двери ее дома, безнадежно нажимая кнопку звонка, гигантский песчаный скат рухнул прямо к моим ногам.

Лишь позднее я осознал, что на Пурпурных Песках то был сезон повального безумия, и именно тогда Тони Сапфайр услышал, как поет песчаный скат, а я увидал самого бога Пана, проехавшего мимо меня в «кадиллаке»!

Потом я часто задавался вопросом: кем же была Аврора Дей на самом деле? Яркой кометой пронзая спокойное тихое небо курорта, она каждый раз представала перед жителями Звездной улицы в новом облике. Я поначалу ее считал просто красивой неврастеничкой, эксплуатирующей образ роковой женщины, а Раймонд Майо открыл в ней взрывающуюся мадонну — загадочную героиню Сальвадора Дали, — безмятежно наблюдающую за свершением грозного пророчества. Для Тони Сапфайра и прочих, окружавших ее на берегу, она воплощала саму Астарту — древнюю алмазоокую богиню.

Никогда не забуду, как нашел ее первое стихотворение. Поужинав, я отдыхал на веранде, это мое основное занятие на Пурпурных Песках, — и вдруг увидел на песке у изгороди длинную розовую перфоленту. Поодаль колыхалось еще несколько таких лент, и около получаса я лениво следил, как легкий ветерок несет их ко мне через дюны.

На подъездной дороге к пятой вилле засветились автомобильные фары, и я понял, что в доме, пустовавшем уже много месяцев, кто-то поселился.

Когда любопытство, наконец, одолело лень, я спрыгнул через перила веранды на песок и поднял розовую ленту. Длиною около метра, она была нежной и непрочной, как лепестки розы, и так же доверчиво развернулась в руке.

Поднеся ее к глазам, я прочел: «Сравню ль я с летним днем твои черты? Ты мне милее...»

Я разжал пальцы, и лента исчезла в темноте под террасой. Нагнувшись, я осторожно поднял следующий клочок. На нем таким же замысловатым неоклассическим шрифтом было напечатано: «...пустил ладью по бурным волнам божественной стихии океана...»

Я осмотрелся. Над пустырем сгустился мрак, и соседская вилла в трехстах метрах от меня сияла призрачной диадемой. Фары машин, мчавшихся к Алому Пляжу, вырывали из темноты верхушки песчаных дюн вдоль Звездной улицы, и кусочки кварца в них светились, как драгоценная осыпь.

Я снова взглянул на ленту.

Шекспир и Эзра Паунд... Весьма необычный вкус. Я пожал плечами и вернулся на веранду.

День за днем клубки перфолент прилетали через пустырь, причем вечером, когда эта беспорядочная разноцветная паутина эффектно подсвечивалась огнем автомобильных фар, их становилось больше. Меня, впрочем, они уже не интересовали: я тогда редактировал авангардистский поэтический журнал «Девятый Вал», и у меня в доме и без того хватало перфолент и старых гранок. То, что новая соседка оказалась поэтессой, тоже не особенно удивило меня. Поэты и художники, в основном абстракционисты, и графоманы, хоть и не особенно плодовитые, — составляли большинство жителей Пурпурных Песков. Все мы в большей или меньшей степени страдали хроническим недугом пляжных бездельников — послеполуденным ничегонеделаньем на верандах и пристрастием к солнечным ваннам.

Со временем эти бесконечные перфоленты начали мне надоедать. Поскольку ответа на свои многочисленные письма я так и не дождался, пришлось отправиться на пятую виллу для личной встречи.

Тут-то и рухнул с неба издыхающий песчаный скат, попытавшийся в последних судорогах уязвить меня своим хвостом. Я понял, что наша встреча вряд ли состоится.

Шофер соседки, горбун с искалеченными ступнями и лицом состарившегося сатира, — мыл ярко-красный «кадиллак». Я подошел и показал на перфоленты, висевшие на подоконниках первого этажа.

— Ветер сносит их на мою виллу, — сказал я. — Наверное, ваша хозяйка никогда не отключает свой автоверсификатор.

Посмотрев на меня, как на пустое место, он уселся за руль и взял с приборного щитка маленькую флейту.

Пока я обходил машину, он заиграл, извлекая из инструмента высокие, пронзительные звуки. Некоторое время я ждал, надеясь, что он прекратит игру но, так и не дождавшись, громко спросил:

— Вы можете передать ей, чтобы она закрывала окна?

Он никак не реагировал, даже не отнял флейту от губ.

Я наклонился, собираясь рявкнуть ему в ухо, но тут яростный взрыв ветра, родившийся за гребнем соседней дюны, обрушился на меня, засыпав глаза и забив рот песком. Протирая глаза, я поспешил прочь, а ленты змеями тянулись за мною.

Ветер стих так же внезапно, как и возник. Песок улегся, воздух опять стал прозрачным. Я прошел по аллее всего метров тридцать, и тут изумленно обнаружил, что за это время и шофер и машина исчезли.

В голове у меня стоял непонятный гул. Меня всего трясло, дыхание перехватывало. Я был близок к тому, чтобы возвратиться и излить свое негодование — меня не пустили в дом, остановили на пороге, оставили на растерзание страшному пыльному шквалу, — но тут вновь послышался знакомый свист, предвещавший смерч.

Тихий, но ясный, несущий какую-то необъяснимую угрозу, звук этот как будто окружал меня. Оглядевшись по сторонам, я увидел, что с гребней дюн по обе стороны дорожки несутся струйки песка. Не тратя времени, я повернулся и быстро направился к себе.

Я попал в дурацкое положение, разозлился и готов был заявить официальную жалобу. Для начала я обошел вокруг дома, подобрал все перфоленты и засунул их в мусорный контейнер. Потом залез под веранду и вытащил целую охапку этой дряни.

Я наугад проглядел несколько клочков. Те же случайные отрывки и фразы из Шекспира, Водсворта, Китса, Эллиота. Видно, автоверс моей соседки был поврежден и вместо вариаций на тему классической поэзии выдавал фрагменты самих произведений, но в каком-то растерзанном виде. У меня даже мелькнула мысль позвонить в местное агентство фирмы Ай-Би-Эм и вызвать на пятую виллу наладчика.

В тот вечер я, наконец, повстречался с соседкой. Я заснул около одиннадцати, но уже через час что-то подняло меня с постели. Высоко в небе плыла полная луна, роняя на землю и окрестные дюны обманчивый слабый свет и по временам укрываясь за клочками бледно-зеленых облаков.

Я вышел на террасу и сразу увидел светящееся пятно, плывущее между дюнами. Как и те странные звуки, что издавала флейта шофера моей соседки, это пятно, казалось, было само по себе, и я поначалу принял его за лунный отсвет.

Потом я узнал свою соседку, она медленно шла по песку. Ее длинные белые одежды развевались, плывущие по ветру волосы напоминали оперение сказочной птицы.

У ног крутились обрывки лент, над головой стремительно метались два или три песчаных ската. Она брела по полночной пустыне, никого и ничего не замечая, а за ее спиной одиноким маяком светилось окно верхнего этажа пятой виллы.

Потуже запахнув халат, я прислонился к столбу веранды и молча смотрел на нее, простив ей в этот миг и несносные ленты, и грубияна-шофера. Иногда она терялась в зеленоватой тени дюны, затем возникала опять. Слегка откинув голову, продолжала она свой путь от бульвара к песчаным холмам вокруг высохшего озера.

Она уже приближалась к длинной извилистой террасе, созданной наносами песка, когда неестественная прямизна ее пути и размеренность походки привели меня к мысли, что она движется, как лунатик.

Я напрягся, глянув на песчаные скаты, которые вились над ее головой, потом перепрыгнул через перила террасы и бросился по пескам за ней.

Острые камешки, раня босые ноги, мешали бежать, но я сумел догнать ее как раз, когда она занесла ногу над кромкой песчаного гребня. Укоротив шаг, я нагнал ее и коснулся локтя.

В метре над нами кружились и шипели скаты. Необычное свечение, принятое мною за лунный отблеск, отбрасывало, видимо, ее белое одеяние.

Я ошибался — соседка не было сомнамбулой. Она не спала, просто шла отрешенная от всего мира, погруженная в свои мысли. Черные глаза ничего не видели перед собой, белоснежное лицо с тонкими чертами было неподвижно и выражало не больше, чем мраморная маска. Глядя как бы сквозь меня, она слабо повела рукой, как бы отстраняя. Потом резко остановилась, взглянула вниз и сразу вернулась к жизни. Взгляд ее прояснился, и она, мгновенно увидев себя у самого края пропасти, шагнула назад. Испуг усилил свечение ее одежды.

Летавшие над нею скаты рванулись вверх, круги их стали шире.

— Я не хотел вас пугать, — сказал я. — Но вы слишком приблизились к обрыву.

Незнакомка покачнулась, недоуменно подняв тонкие, черные брови.

— Что? — спросила она, запинаясь. — Кто вы? — А потом негромко, как бы расставаясь с тайными грезами, проговорила: — На мне останови свой выбор, о Парис, не на Палладе...

Женщина смолкла и гневно глянула на меня — ее яркие губы вздрагивали — и пошла прочь. Песчаные скаты снова закружились над нею едва заметными тенями.

Я подождал, пока соседка не вошла в свою виллу, и лишь потом повернул к своему дому. Посмотрев на землю, я увидел на песке, в одном из отпечатков ее следов, что-то блестящее. Это был великолепно ограненный алмаз, рядом лежал еще один. Быстро собрав с полдюжины камней, я уже раскрыл рот, чтобы позвать ее, но тут ощутил в руке что-то влажное и разжал пальцы.

На ладони, где секунду назад блестели драгоценные камни, переливалась лужица ледяной росы.

На следующий день я познакомился со своей соседкой. Позавтракав, я бездельничал в гостиной, когда увидел в окно, что к моему дому подъезжает «кадиллак». Шофер вылез из машины и, приволакивая ногу, подковылял ко входу. Рука в черной перчатке сжимала розовый конверт. Я заставил его потомиться несколько минут, потом вышел и прямо на крыльце вскрыл письмо. Оно гласило:

«Выражаю сожаление, что была несколько резка с Вами минувшей ночью. Ваше вторжение в мои мечтания испугало меня. Я жажду искупить свою невольную неучтивость и приглашаю Вас на коктейль. Мой шофер будет у Вас в полдень.

Аврора Дей.»

Я глянул на часы. Было без пяти минут двенадцать. Видимо, предполагалось, что пяти минут мне вполне хватит, чтобы собраться.

Абсолютно равнодушный к моим чувствам шофер сосредоточил все свое внимание на рулевом колесе. Не закрывая двери, я вернулся в дом и надел белый пиджак. Уже выходя, я сунул в карман корректуру «Девятого Вала». Не успел я сесть, как машина стремительно рванулась вперед, с каждой секундой увеличивая скорость.

— Давно в Пурпурных Песках? — спросил я, адресуясь к клочкам темно-рыжей шевелюры между черным воротником и каскеткой.

Шофер как будто не слышал. На Звездной улице он внезапно свернул на встречную полосу и диким рывком обогнал идущую впереди машину.

Я повторил вопрос, выждал немного, потом резко хлопнул его по плечу черной куртки.

— Ты глухонемой или просто хам?

Он повернулся ко мне. На миг мне показалось, что зрачки у него красные; наглые глаза не скрывали презрения и злобы. Кривя рот, шофер вылил на меня ушат таких злобных проклятий, что мне оставалось лишь с отвращением отвернуться.

У пятой виллы он затормозил, вышел из машины и открыл мою дверцу, издевательским жестом приглашая подняться по черным мраморным ступеням. Примерно таким образом паук приглашает маленькую мушку к весьма занятной паутине.

Как только я вошел, шофер исчез. Я прошел мягко освещенный холл и оказался у бассейна с фонтаном. В воде безостановочно кружили карпы-альбиносы. У бассейна в шезлонге прохлаждалась моя соседка. Ее длинная белая юбка веером раскинулась по полу, драгоценное шитье в брызгах фонтана вспыхивало яркими огоньками.

Я сел. Она с любопытством осмотрела меня и отложила изящную книжку в переплете из желтой телячьей кожи — очевидно, заказное издание поэтического сборника. На полу валялось множество других книг, в основном недавно изданные поэтические антологии.

У окна под занавеской болтались обрывки перфолент, и я, подняв бокал с невысокого столика, стоящего между нами, осмотрелся вокруг в поисках автоверса.

— Увлекаетесь стихами? — спросил я, кивая на книги.

— Да, пока хватает сил.

Я засмеялся.

— Понимаю вас. Лично мне приходится читать много больше, чем я бы хотел. — Я достал из кармана корректуру «Девятого Вала» и протянул ей. — Знаете этот журнал?

Она посмотрела на титульный лист так мрачно и недоверчиво, что я перестал понимать, зачем вообще она позвала меня к себе.

— Знаю. Гадость, правда ведь? «Пол Рэнсом», — прочла она. — Это вы? Вы — редактор этого?.. Удивительно...

Она говорила это с каким-то странным выражением, как будто раздумывала, что же ей теперь делать. Казалось, в душе ее шла какая-то борьба. По мере того как она все больше узнавала обо мне, на ее неподвижном, как маска, лице то загорались, то угасали вспышки интереса. Это напоминало скачки яркости на старинной кинопленке.

— Может быть, вы расскажете о своей работе, — попросила она. — Уж вы-то должны знать, что происходит

с современной поэзией. Почему она становится все хуже и хуже?

Я пожал плечами.

— Наверное, причина во вдохновении. Я и сам раньше писал, причем немало. Но желание творить исчезло, едва я смог приобрести автоверс. Прежние поэты всю свою жизнь отдавали совершенствованию мастерства. Теперь техника версификации сведена к подбору нужных клавиш. Задаются размер, рифмы, аллитерации — и уже ни к чему самопожертвование, поиски идеала, отрешенность...

Я умолк под ее пристальным, пожалуй, даже настороженным взглядом.

— Я читал некоторые ваши стихи, — сказал я. — Возможно, я несколько бестактен, но мне кажется, что ваш версификатор неисправен.

Ее глаза гневно сверкнули, она отвернулась.

— У меня нет этих дурацких машин. Господи, да неужто вы могли подумать, что я буду пользоваться чем-то таким?

— Откуда же берутся перфоленты, которые прилетают ко мне каждый вечер? — спросил я. — На них стихи.

— Неужели? — проговорила она рассеянно. — Не представляю...

Она посмотрела на книги, разбросанные по полу.

— Я никогда не собиралась писать стихи... жизнь вынудила меня. Кто-то ведь должен спасать гибнущее искусство.

Я окончательно растерялся. Ведь я прекрасно знал, что большая часть стихотворений, прилетавших ко мне с ветром, написаны давным-давно.

Аврора подняла взгляд и улыбнулась.

— Я пришлю вам кое-что, — сказала она.

Первая посылка поступила уже на следующее утро. Стихи привез шофер красного «кадиллака». Они были напечатаны изящным шрифтом на великолепной бумаге инкварто и даже украшены бантом. Такую изящную рукопись читать много приятнее, чем традиционное почтовое отправление в виде рулона перфоленты.

Сами стихи, однако, оказались совершенно неудобочитаемыми. Их было шесть: два сонета под Петрарку, одна ода и три верлибра. Все они пугали и одновременно сбивали с толку, как пророческий бред безумной вещуньи. Их совокупный смысл рождал неясную тревогу, порожда-

емую даже не содержанием, а ощущением душевного расстройства автора. Судя по всему, Аврора Дей надежно изолировалась ото всех в своем маленьком мирке, который воспринимала с полнейшей серьезностью. Я решил, что имею дело с богатой неврастеничкой, безмерно упивающейся собственными болезненными фантазиями.

Я просмотрел присланные листки, пропитанные ароматом мускуса. Откуда у нее эта забавная стилистика, эта архаичность?

«Восстаньте, пророки Земли,
Ко древним и вечным следам
Обеты свои возложите».

В некоторых метафорах ощущалось влияние Мильтона и Вергилия. Стихи заставляли вспомнить гневные филиппики прорицательницы из «Энеиды», которые она обрушивала на Энея, лишь только герой пытался передохнуть.

Я все еще не мог придумать, что мне делать с этими опусами (включая вторую порцию, которую шофер доставил ровно к девяти часам следующего утра), когда Тони Сапфайр пришел ко мне, чтобы помочь завершить очередной номер журнала. Основное время он посвящал составлению программы автоматического романа у себя в Западной Лагуне, но два дня в неделю неизменно уделял «Девятому Валу».

Когда он пришел, я проверял соответствие внутренних рифм в венке сонетов Зиро Пирса, изготовленных на автоверсе фирмы Ай-Би-Эм. Пока я возился с таблицей контроля матрицы рифм, Тони поднял со стола розовые листки с творениями Авроры.

— Запах изумительный, — уронил он, обмахиваясь листками. — Своеобразный способ приручить редактора.

Он прочел несколько строчек, поморщился и положил листки на место.

— Ну и ну! Что это?

— Я и сам не совсем понимаю, — ответил я. — Что-то вроде «эха в саду камней».

Тони прочел подпись на последнем листе.

— Аврора Дей. Видно, новая подписчица. Правда, она спутала «Девятый Вал» с «Автоверс Таймс». Ты только посмотри: «Ни гимны, ни псалмы, ни мусор слов пустых не воздадут хвалы царице ночи...» Что это все должно означать?

Я улыбнулся. Как и другие современные писатели и поэты, Тони столько времени провел со своим автоверсом,

что напрочь позабыл о блаженных временах, когда стихи еще писали вручную.

— Очевидно, это стихи.

— Ты хочешь сказать, что она написала их сама?

— Вот именно, — я кивнул. — Этот способ был весьма популярен в течение двух, а то и трех тысяч лет. Им пользовались Шекспир, Мильтон, Китс и Шелли, и у них, надо сказать, неплохо получалось.

— Но сейчас он ни к черту не годится. Во всяком случае, после изобретения автоверса. Особенно если располагать высокопроизводительной аналого-цифровой системой Ай-Би-Эм. Посмотри-ка сюда... как похоже на Эллиота. Такое невозможно написать всерьез.

— Я и сам думаю, что девица морочит мне голову.

— Девица? Да ей за сто лет, и она давно рехнулась. Весьма жаль. Впрочем, в ее безумии может быть какая-то система.

— Вернемся к работе, — сказал я.

В сатиристической стилизации Зиро под Руперта Брука не хватало шести строк. Тони ввел в автоверс эталонную ленту, установил размер, схему рифмовки, словесные детерминаторы и включил процессор. Когда из принтера выползла лента с готовым текстом, он оторвал шесть строчек и подал мне. Я вклеил их в верстку, даже не читая.

Два часа мы работали не разгибаясь. Закончив тысячу строк уже к вечеру, мы сделали перерыв, чтобы промочить горло. Перейдя на веранду, залитую холодным ночным светом, мы уютно устроились в креслах, любуясь меркнущими красками заката и прислушиваясь к крикам песчаных скатов в темноте, опустившейся на виллу Авроры Дей.

— Что за перфоленты у тебя везде валяются? — спросил Тони. Он подхватил одну из них, и целый клубок лег на стеклянный столик.

— «...ни псалмы, ни мусор слов пустых не воздадут...»

Дочитав строку, он разжал руку, и ветер смел ленту прочь. Тони, прищурившись глядел в ту сторону, где за черными в темноте дюнами скрывалась пятая вилла. Единственный, как всегда, огонек в одном из окон второго этажа тускло освещал пучки перфолент, плывущих, словно водоросли, к моему дому.

Тони понимающе кивнул.

— Значит, здесь она и живет.

Он снял еще одну ленту, обвившуюся вокруг перил.

— Знаешь, старик, — сказал он, — ты полностью осажден.

Тони сказался праз. Бомбардировка стихами, все более туманными и эксцентричными, продолжалась изо дня в день, причем строго по графику: первую партию ровно в девять утра привозил шофер, вторая прилетала через дюны сама с наступлением вечера. Строки из Шекспира и Паунда больше не появлялись; вечерний ветер приносил вариации тех стихотворений, которые утром привозила машина; это были, очевидно, черновые наброски. Я тщательно изучил ленты и убедился, что Аврора Дей не использует автоверс. Материал, из которого были изготовлены ленты, был слишком нежен, чтобы пройти через скоростной принтер компьютера, и буквы на лентах были не отпечатаны, а нанесены каким-то неизвестным способом.

Ежедневно, прочитав очередную порцию стихов Авроры, я складывал их в средний ящик стола. Наконец, собрав недельный рацион, я вложил их в конверт, надписал адрес — «Аврора Дей, дом 5, Звездная улица, Пурпурные Пески», и отправил с тактичным отказом, в котором высказывал предположение, что автор получит значительно большее удовлетворение, опубликовав свои произведения в любом другом из многочисленных поэтических журналов.

В ту ночь мне приснился первый из целого ряда кошмаров, поджидавших меня впереди.

Утром я сварил крепчайший кофе и стал ждать, когда в голове наступит полная ясность. Я вышел на веранду, не понимая, что могло породить мрачные образы, терзавшие меня всю ночь. Вот уже несколько лет я спал, как дитя: крепкий сон без сновидений — одно из преимуществ здешней жизни. Более всего меня смущала внезапность кошмара. Неужели Аврора Дей, а точнее ее ненормальные вирши, задела мое сознание гораздо сильнее, чем я думал?

Головная боль долго не отступала. Я откинулся в шезлонге, рассматривая виллу Авроры Дей. Окна были закрыты, жалюзи опущены, маркизы убраны — башня из слоновой кости за семью замками. «Кто она, — спрашивал я себя, — и чего хочет добиться?»

Через пять минут от пятой виллы в мою сторону тронулся красный «кадиллак». Неужто снова стихи? Воистину эта женщина неутомима. Встретив шофера на крыльце, я принял тонкий конверт.

— Послушайте, — начал я как мог тактичнее, — мне

не хотелось бы тормозить рост нового поэтического дарования, но вы... не сумели бы вы повлиять на свою хозяйку, чтобы... как бы поделикатнее выразиться... — Я помолчал, чтобы до него дошел смысл моих слов, и завершил: — Скажу честно: этот бесконечный мусор начинает мне сильно надоедать.

Шофер обежал меня хитрыми красными глазками, потряс крючковатым носом и скривил рот в хищном оскале. Грустно покачав головой, он захромал к машине.

Автомобиль тронулся, и я распечатал конверт. В нем оказался всего один листок.

«Мистер Рэнсом! Ваш отказ поразил меня. Убедительно прошу Вас пересмотреть свое решение: дело слишком серьезно. Стихи должны быть напечатаны в очередном номере журнала.

Аврора Дей»

В ту ночь снова накатились кошмары.

Следующая партия стихов была доставлена, когда я еще валялся в постели, пытаясь вернуться к реальности. Поднявшись, я приготовил большой стакан мартини, не обращая внимания на конверт, торчащий из-под двери, как бумажная бритва.

Приведя в себя в божеский вид, я вскрыл конверт и бегло посмотрел три коротких стихотворения. Они были ужасны. Как же убедить Аврору в том, что она напрочь лишена поэтического дара? Держа в одной руке стакан, а в другой стихи, я, не сводя глаз со строчек, добрел до веранды и рухнул в шезлонг.

Но тут же с воплем подпрыгнул, отбросив стакан. Я почувствовал под собою что-то пористое, большое, размером с подушку, но с твердыми краями. В шезлонге лежал огромный дохлый скат. Белое жало, еще не потерявшее смертоносной силы, на добрый дюйм торчало из кожистой сумки над черепным гребнем.

В бешенстве стиснув зубы, я прошел в кабинет, сделал на стандартном извещении об отказе приписку: «К сожалению, абсолютно неприемлемо. Рекомендуем обратиться к другому издателю», — и запечатал его в большой конверт вместе со стихами Авроры. Через полчаса я уже был в Пурпурных Песках, где сдал пакет на почту. Вполне удовлетворенный, я вернулся к себе на виллу.

Этим же днем у меня на правой щеке выскочил огромный фурункул.

На следующее утро Тони Сапфайр и Раймонд Майо явились выразить свое сочувствие. Они говорили, что я слишком принципиален.

— Опубликуй хоть одно стихотворение, — посоветовал Тони, присев на край кровати.

— Ни за что!

Я посмотрел через дюны на пятую виллу. Ни души — лишь шевелится створка окна, изредка бросая солнечный блик.

Тони пожал плечами.

— Стоит тебе напечатать одну ее вещь, и она успокоится.

— Думаешь? — спросил я резко. — А я считаю, что у нее припасен добрый десяток эпических поэм, а то, что она прислала, это еще цветочки.

Раймонд Майо подошел к окну, надел черные очки и начал разглядывать виллу Авроры. Он выглядел даже более франтоватым, чем обычно, — темные волосы зачесаны назад, поворот головы неотразимо эффектен.

— Вчера я видел ее на психошоу, — задумчиво произнес он. — В ложе она была абсолютно одна. Смотрится потрясающе, даже представление дважды прерывали. — Он покивал собственным мыслям. — В ней есть нечто неконкретное, расплывчатое... она напоминает «Рождение Божества» Сальвадора Дали. Глядя на нее, начинаешь до конца понимать, как кошмарны женщины. Советую выполнить все, что она требует.

Я стиснул зубы и упрямо покачал головой.

— Убирайтесь, — сказал я. — Вы, авторы, презираете редакторов, но сами пасуете, стоит чуть нажать. Нет, я не отступлю. С моим-то опытом и волей я найду выход из положения. Эта сумасшедшая психопатка хочет навести на меня порчу. Думает, что дохлым скатом, фурункулом и ночными кошмарами она сведет меня с ума, поставит на колени.

Покачав головами и еще раз осудив мое упрямство, Тони и Раймонд покинули меня.

Через два часа фурункул исчез так же внезапно, как и появился. Не успел я разобраться в причинах этой метаморфозы, как из типографии приехал пикап с пятьюстами экземплярами свежего номера «Девятого Вала». Затащив коробки в гостиную, я раскрыл одну, не без ехидства вспоминая требование Авроры Дей опубликоваться именно в этом номере. Ей невдомек было, что последние гранки я передал в типографию за два дня до того, как ей при-

спичило напечататься, так что я не мог пойти ей навстречу, даже если бы захотел.

Раскрыв журнал, я начал с редакционной статьи — очередной работы в серии моих исследований о причинах прогрессирующего упадка современной поэзии. Но вместо десятка абзацев, набранных привычным скромным шрифтом, в глаза назойливо лезла строка гигантского курсива:

ПРИЗЫВ К ВЕЛИЧИЮ!

Ошеломленный, я посмотрел на обложку — тот ли журнал я получил? — и начал лихорадочно листать его.

Первое стихотворение я узнал сразу: прошло всего два дня, как я забраковал его. Три следующие я тоже читал и отверг. Затем шли вещи, которых я в глаза не видел, и все они были подписаны Авророй Дей. Они занимали почти весь журнал.

Поддельным был весь номер! В нем не сохранилось ни одного стихотворения из моей корректуры, все было подменено другими стихами. Я бросился в гостиную и посмотрел еще десяток экземпляров. Все они были подложными.

За десять минут я перетащил коробки к мусоросжигателю, свалил в топку, облил бензином и устроил погребальный костер. Потом такой же экзекуции подверглась в типографии оставшаяся часть пятитысячного тиража.

Объяснить мне эту ошибку так никто никогда и не смог. Обнаружился экземпляр журнала на той же роскошной бумаге с инициалами Авроры Дей, но с редакторской правкой, сделанной моей рукой! Что же касается моих гранок, то работники типографии уверяли, будто вообще его не получали.

Когда бурное пламя поднялось высоко к жаркому солнцу, сквозь дым я заметил суету на вилле моей соседки. Растворились настежь окна под натянутыми маркизами, на веранде заметался горбун-шофер. Хозяйка виллы в белых одеждах, окутывавших ее сверкающим облаком, стояла на плоской крыше и сверху смотрела на меня. Была ли причиной солидная доза «мартини», выпитая натощак, недавний уродливый фурункул на щеке или пары бензина, не знаю, но, возвращаясь в дом, я вдруг покачнулся, сел на ступени и ощутил, что теряю сознание.

Через несколько секунд я пришел в себя. Опершись о колени локтями, я пристально смотрел на нижнюю ступеньку. На синей прозрачной поверхности виднелись четко вырезанные буквы:

«Отчего так ты бледен,
Возлюбленный мой безрассудный,

О скажи мне, молю, отчего?»

До глубины души возмущенный таким вандализмом, я встал и вынул из кармана халата ключ. Поднеся его к замочной скважине, я увидел еще одну надпись, на этот раз на бронзовой пластине замка:

«Ключ не спеша поверни
В смазанном жиром запоре...»

Черная кожаная обивка двери тоже была покрыта надписями. Изящные строки бессистемно скрещивались образуя филигранный орнамент.

Захлопнув дверь, я прошел в гостиную. Стены казались темнее обычного, потому что все они были покрыты рядами ювелирно вырезанных букв — бесконечные стихотворные строки спускались от потолка к полу. Я поднял со стола бокал и поднес его ко рту. По голубому хрусталю от края к основанию вилась змейка таких же каллиграфических букв:

«О, выпей меня без остатка очами...»

Стол, абажуры, книжные стеллажи, клавиши пианино, стереопластинки — все в комнате было густо исписано.

Я закачался, поднял руку к глазам и оцепенел: вытатуированные строки, как рассвирепевшие змеи, обвивали кисть и предплечье. Бросив бокал, я кинулся к зеркалу, висевшему над камином, и увидел свое лицо в немыслимой татуировке — живая рукопись, в которой невидимое перо прямо у меня на глазах выводило стихотворные строки:

«Прочь, змеи с разящим раздвоенным жалом,
Прочь, племя паучье, плетущее сети...»

Я отшатнулся от зеркала, промчался через террасу, оскальзываясь на клубках цветных лент, заброшенных вечерним ветром, и перепрыгнул через перила. За считанные секунды я был у пятой виллы, пронесся по темной аллее и остановился перед черной парадной дверью. Едва я коснулся звонка, как дверь отворилась, и я буквально ввалился в знакомый холл.

Аврора Дей ждала меня в шезлонге у бассейна. Она кормила древних белых рыб, собравшихся у стенки. Когда я приблизился, она нежно улыбнулась рыбам и что-то шепнула им.

— Аврора! — взмолился я. Ваша взяла! Ради всего святого, делайте, что вам угодно, только оставьте меня в покое.

Некоторое время она продолжала заниматься рыбами,

никак не реагируя на меня. Страшная мысль пришла мне в голову: эти огромные белые карпы, которые так стремятся прикоснуться к пальцам Авроры, не были ли они некогда ее любовниками?

Мы сидели в закатных сумерках. За спиной Авроры длинные тени ложились на пурпурный холст Сальвадора Дали «Постоянство памяти». Рыбы не спеша пересекали бассейн.

Она поставила ультиматум: абсолютный контроль над журналом, личный диктат, включая отбор материалов для публикаций. Ни одна строчка не может появиться в «Девятом Вале» без ее санкции.

— Не волнуйтесь, — сказала она рассеянно. — Наш договор касается только одного номера журнала.

Как ни странно, она не стремилась напечатать собственные стихи — флибустьерская акция с последним выпуском имела лишь одну цель — сломить мое сопротивление.

— Вы считаете, что одного номера хватит? — спросил я, пытаясь понять, чего же она хочет.

Аврора лениво подняла взгляд, небрежно водя пальчиком с зеленым ноготком по глади бассейна.

— Это зависит от того, когда вы и ваши коллеги одумаетесь, наконец, и снова станете поэтами.

Узор на воде необъяснимым образом не расплывался, сохраняя четкие очертания.

Часы, проведенные мною с Авророй, были похожи на тысячелетия. За это время я рассказал ей о себе все и не узнал о ней почти ничего. Одно было несомненно: она жила и дышала поэзией. С непонятной одержимостью она считала себя лично ответственной за глубокий упадок этого искусства. Правда, средство, избранное ею для его возрождения, напоминало мне лекарство, которое много хуже болезни.

— Вам обязательно нужно познакомиться с моими коллегами. Приезжайте к нам, — пригласил я.

— Непременно, — ответила она. — Думаю, что буду им полезна — ведь им предстоит столькому научиться...

Я улыбнулся.

— Боюсь, что у них другое мнение. Любой из них мнит себя виртуозом. Для них нет такой проблемы, как, скажем, поиск идеальной формы сонета — компьютер исчерпал ее много лет назад.

Аврора состроила презрительную гримасу.

— Они не поэты, а обыкновенные технари. Посмотрите сборники этой, с позволения сказать, поэзии. На три страницы текста — тридцать листов программного обеспечения. Одни вольты и амперы. Когда я упрекаю их в не-

вежестве, то говорю о душевной глухоте, а не о владении техникой стихосложения, я говорю о духе поэзии, а не о форме. — Аврора замолчала и потянулась всем своим удивительным телом — так удав проверяет, туги ли его кольца, — потом нагнулась ко мне и заговорила подчеркнуто серьезно:

— Поэзию убили не машины, а сами поэты, переставшие искать источник подлинного вдохновения.

— Но что есть подлинное вдохновение? — спросил я.

Она грустно покачала головой:

— И вы еще смеете называть себя поэтом?

Пустым, отсутствующим взглядом она смотрела в бассейн. На краткое мгновение на ее лице мелькнула глубокая скорбь, и я ощутил, что ее тяготит чувство горькой беспомощности, будто она лично повинна в том, что поэзию поразил тяжелый недуг. И я сразу же ощутил, что больше не боюсь ее.

— Вы слышали легенду о Меландер и Коридоне? — вдруг спросила Аврора.

— Что-то припоминаю. Меландер была феей поэзии. А Коридон... кажется, он был придворным поэтом, покончившим с собой ради нее?

— Уже неплохо, — сказала она. — Хоть что-то вы знаете. На самом же деле случилось так, что все придворные поэты потеряли свое вдохновение, и прекрасные дамы отвернулись от них, высказывая предпочтение рыцарям. Поэты пожаловались фее поэзии Меландер, но та сказала, что сама наложила на них заклятие за их самонадеянность и забвение источника поэзии. Поэты пытались протестовать, утверждая, что они ни на миг не забывали о своей фее, что было наглой ложью, но Меландер не поддалась на обман и объявила, что вернет им поэтический дар, лишь когда один из поэтов пожертвует ради нее своей жизнью. Конечно, никто не пожелал расстаться с этим светом, кроме юного и талантливого Коридона. Он любил Меландер и один не утратил поэтического дара. Но ради остальных поэтов он убил себя... — к великой скорби Меландер. Фея не верила, что он пожертвует жизнью ради поэзии.

— Красивый миф. Но, боюсь, в нынешнем мире Коридона трудно найти.

— Посмотрим, — тихо молвила Аврора. Она опустила руку в бассейн. Разбуженные блики побежали по стенам и потолку, гостиную опоясал фриз на сюжет легенды, только что рассказанной Авророй Дей. На первой фреске, левой от нас, трубадуры и миннезингеры окружали фею —

стройную женщину в белоснежных одеждах, точную копию хозяйки виллы. Скользя взглядом по фризу, я лишний раз убеждался в поразительном сходстве Авроры Дей с феей поэзии и решил, что художник писал Меландер с Авроры. Не считала ли она себя божественным существом? И кто был ее Коридоном? Может быть, сам живописец? Я всмотрелся в рисунки. Вот он, поэт, добровольно ушедший из жизни, — гибкий юноша с длинными белокурыми прядями. Я не узнал модель, хотя было в его лице что-то знакомое. Зато другая фигура — она присутствовала на всех фресках позади главных персонажей — узнавалась безошибочно: это был шофер с лицом старого сатира, козлиными ногами и с неизменной свирелью — он был Паном.

Я стал замечать что-то знакомое и у других персонажей, но Авроре не понравилось мое слишком пристальное внимание, и она вынула руку из бассейна. Вода успокоилась, блики погасли, и фрески растаяли во мраке. С минуту Аврора внимательно изучала меня, словно пыталась вспомнить, кто я такой.

Тень утомления и отрешенности омрачила ее прекрасное лицо — древняя легенда напомнила о пережитых страданиях. Сумрачнее сделались коридор и застекленная веранда, как бы разделяя настроение хозяйки виллы. Казалось, что она властвовала над окружающим настолько, что даже воздух бледнел, когда бледнела она. И вновь я ощутил, что мир, в который я оказался вовлечен, целиком иллюзорен.

Аврора задремала, и все вокруг погрузилось в полумрак. Померк свет, источавшийся бассейном. Хрустальные колонны, поблекли, погасли, превратившись в обычные тусклые подпорки. Лишь драгоценная брошь, изображавшая экзотический цветок, продолжала светиться на груди Авроры.

Я встал, тихо подошел к ней и заглянул в странное лицо — гладкое и серое, как у египетских статуй, забывшихся в каменном сне. У двери топталась горбатая фигура шофера. Низко опущенный козырек скрывал его лицо, но настороженные глазки краснели, как два уголька.

Мы вышли, осторожно пробрались между сотен спящих скатов, усыпавших светлый под луной пустырь, добрались до машины. «Кадиллак» бесшумно тронулся.

Вернувшись к себе, я первым делом прошел в кабинет, чтобы набросать макет заказанного номера. Уже в автомобиле я вчерне продумал основные темы и систему ключевых образов для автоверсов. Все компьютеры были за-

программированы для работы в скоростном режиме, так что уже через сутки я рассчитывал получить том трагедийно безумных и меланхолически бредовых опусов, которые должны были покорить Аврору искренностью, изящной простотой и одухотворенностью.

Перешагнув порог кабинета, я наткнулся на что-то острое. Нагнувшись, я даже в темноте понял, что это край печатной платы с компьютерной схемой, буквально вколоченной в пол. Повернув выключатель, я обнаружил, что какой-то психопат в дикой злобе раздробил в мелкие обломки все три моих автоверса.

В своей беде я был не одинок. Утром, когда я сидел за столом, тупо глядя на изуродованные автоверсы, задребезжал телефон, и я узнал, что волна варварских погромов пронеслась по всей Звездной улице. У Тони Сапфайра вдребезги расколотили пятидесятиваттный аппарат фирмы Ай-Би-Эм. Четыре новейших компьютера фирмы «Филко» — собственность Раймонда Майо — были так искорежены, что о ремонте ничего было и думать. Насколько я понял, в Пурпурных Песках не осталось ни одного целого аппарата. Накануне между шестью вечера и полуночью некто неизвестный губительным смерчем пронесся по курорту, по тем виллам и домам, где были автоверсы, и педантично уничтожил компьютеры.

Я знал, кто это был. Вчера, выходя из «кадиллака» Авроры, я заметил на сиденье у шофера два тяжелых гаечных ключа. Но в полицию я заявлять не стал. Выпустить очередной номер «Девятого Вала» стало теперь практически немыслимо. В типографии я узнал, впрочем, как и предполагал, что все стихи Авроры Дей загадочным образом исчезли. Заполнять номер было нечем, а пропустить хоть один месяц значило почти наверняка растерять всех подписчиков.

Я позвонил Авроре и обрисовал ей обстановку:

— У нас осталась неделя, не больше. Если мы в нее не уложимся, все контракты будут разорваны, я навсегда потеряю доверие подписчиков, а неустойки разорят меня. Что вы можете посоветовать как наш новый главный редактор?

Аврора усмехнулась.

— Надеюсь, вы не думаете, что я могу каким-то образом починить обломки ваших машин?

— Это было бы неплохо, — ответил я, взмахом руки приветствуя входящего Тони Сапфайра. — Иначе номер не выйдет в свет.

— Почему же, — сказала Аврора. — Ведь есть очень простой выход.

— Неужели? Может быть, подскажете, какой?

— Напишите стихи сами! — расхохоталась она. — По моим подсчетам, на Пурпурных Песках живет два с половиной десятка физически здоровых рифмоплетов, именующих себя поэтами. Именно столько домов были разгромлены накануне. Так пусть пострадавшие займутся своим прямым ремеслом — начнут сочинять стихи.

— Аврора, — пытался протестовать я, — одумайтесь, сейчас мне не до шуток...

Но она уже повесила трубку. Повернувшись к Тони, я обессиленно откинулся в кресле, грустно разглядывая чудом уцелевшую катушку с лентой из разбитого автоверса.

— Похоже, я погиб, — сказал я. — Это же надо придумать: «Напишите сами!»

— Она ненормальная, — согласился Тони.

— Да, — грустно подтвердил я, — у нее навязчивая идея. Воображает себя феей поэзии, сошедшей на грешную землю, дабы возвратить искру божью реликтовому племени поэтов. Вчера она вдохновенно пересказывала легенду о Меландер и Коридоне. Не удивлюсь, если узнаю, что эта дама всерьез ожидает, чтобы какой-нибудь юный поэт отдал за нее жизнь.

Тони согласился.

— Правда, Аврора кое-что упустила. Полсотни лет назад отдельные оригиналы еще писали стихи сами, но таких стихов не читал уже никто. Теперь уже никто сам не пишет. Зачем, когда есть автоверс?

Я согласился, хотя в этом вопросе Тони был не вполне объективен. Он был глубоко убежден в том, что современные литературные произведения не только совершенно непонятны читателям, но не могут быть даже толком написаны. Его автоматический роман был рассчитан на десять с небольшим миллионов слов. По его мысли, роман должен был пополнить коллекцию тех колоссов на глиняных ногах, которые, как гигантские башни, возвышаются вдоль всего пути развития литературы, повергая в ужас незадачливых путников. На горе себе, Тони не потрудился распечатать свой шедевр, а барабан машинной памяти, где он был закодирован, уничтожили во время вчерашнего налета.

Мне тоже здорово досталось. Один из моих автоверсов уже довольно давно проводил транслитерацию «Улисса» Джойса при помощи древнегреческого алфавита. Это забавное академическое упражнение имело целью дать объективную оценку знаменитого романа, установив степень

соответствия его транслитерации языку гомеровской «Одиссеи». Весь этот труд тоже безвозвратно погиб.

Мы сидели, . ядя на пятую виллу под ранними солнечными лучами. Ярк-красного «кадиллака» не было видно — должно быть, Авро, а разъезжала по Пурпурным Пескам, привычно восхищая завсегдатаев кафе. Я прошел на террасу, присел на перила и снял трубку телефона.

— Обзвоню-ка я всех, прикинем наши перспективы.

Я набрал первый номер.

— Написать самому? — переспросил Раймонд Майо. — Пол, ты спятил.

— Самому? — рассмеялся Зиро Парс. — О чем говорить, одной левой. Ха-ха-ха!

А Фэрчайлд де Миль сказал:

— Это выглядит весьма экстравагантно, но. .

Курт Баттеруорт протянул с легкой издевкой:

— А сам-то ты не пытался? Может, научишь?

Марлен Маклинтик испугалась:

— Милый, я не пойду на такое: вдруг это повлечет травму какой-нибудь мышцы. Как тогда я буду выглядеть?

Сигизмунд Лютич сказал:

— Нет, старик, я все это давно забросил. Перешел на электронную скульптуру. Представляешь себе — плазменные модели космических катаклизмов.

Робин Сандерс, Макмиллан Фрибоди и Анхель Пти ответили коротко: «Нет».

Тони принес мне бокал «мартини», и я возобновил свои попытки.

— Бессмысленно, — сказал я наконец, бросая трубку. — Никто теперь сам не пишет. Хватит прятаться от правды. Да и чего требовать от других, когда мы сами беспомощны, как слепые котята.

Тони ткнул в записную книжку.

— Остался еще один. Позвони и ему для порядка.

— Тристрам Колдуэлл... — вспомнил я. — Этакий робкий мальчик с атлетической фигурой. У него вечно что-то ломалось в автоверсе. Что ж, попытка не пытка.

На звонок ответил мелодичный женский голос:

— Тристрам? Да, похоже, он где-то здесь.

Послышались звуки любовной возни, аппарат раза два упал на пол. Наконец Колдуэлл овладел трубкой.

— Привет, Рэнсом. Чем могу служить?

— Тристрам, — сказал я, — думаю, что вчера тебе, как и всем прочим, нанесли неприятный визит. В каком состоянии твой автоверс?

— Мой автоверс? В отличном.

— Что?! — завопил я. — Твой автоверс невредим? Тристрам, соберись и слушай меня, не отвлекаясь ни на секунду.

Я кратко ввел его в курс дела. Он рассмеялся.

— Вот забавно, правда? Отличная шутка! А ведь она права: может быть, пришел срок вернуться к старому доброму ремеслу.

— К черту старое доброе ремесло! — охладил я его. — Главное для меня сейчас — вовремя сверстать номер. Если твой автоверс работает, мы спасены.

— Хорошо, Пол, дай мне пару минут, чтобы посмотреть на аппарат. Последнее время мне было не до него.

По звуку шагов и нетерпеливым воплям девушки, которую Колдуэлл урезонивал издалека, мне показалось, что он пошел во двор. Стукнула дверь, послышался странный скрежет, как будто перебирали груду металлолома. «Странное место избрал Тристрам для хранения автоверса», — подумалось мне. В трубке что-то затрещало.

Наконец Тристрам вернулся к аппарату.

— Мне очень жаль, Пол, но, похоже, она побывала и у меня. Автоверс превращен в кучу обломков. — Он помолчал немного, слушая проклятия, которыми я облегчал душу, а затем сказал: — А она всерьез говорила, чтобы писать самим? Ведь ты именно об этом спрашивал?

— Конечно, — ответил я. — Поверь, Тристрам, я готов напечатать любую чушь, лишь бы Аврора одобрила ее. Не завалялось ли у тебя что-нибудь такое?

Тристрам фыркнул в трубку.

— А знаешь, старина, завалялось. Я уже отчаялся это издать, но, к счастью, еще не выкинул. Сделаем вот как: я кое-что подправлю и завтра доставлю тебе. Пяток сонетов, парочка баллад... Надеюсь, это тебя выручит.

Следующим утром я открыл пакет с творениями Колдуэлла и уже через пять минут понял, что он жульничает.

— Узнаю нашего лукавого Адониса, — сказал я Тони. — Знакомые ассонансы и женские рифмы, характерно плавающая цезура... Все ясно: изношенная головка принтера и пробитый конденсатор выпрямителя. Уже не один год я подчищаю эти огрехи. Значит, его автоверс все же работает!

— И что ты собираешься делать? — спросил Тони. — Ведь он будет стоять на своем.

— Само собой. Впрочем, и из этого материала можно

кое-что использовать. Да пусть хоть весь номер состоит из стихов Тристрама Колдуэлла!

Я начал складывать листки в пакет, чтобы отнести к Авроре, как вдруг на меня нашло озарение.

— Тони, есть блестящая мысль! *Отличный способ* излечить эту стерву от иллюзий и заодно рассчитаться с нею. Используем Тристрама и внушим Авроре, что все его стихи написаны от руки. Стиль у него архаичный, темы — как раз в ее вкусе. Только посмотри: «Поклонение Клио», «Минерва Двести Тридцать Первая», «Немотствующая Электра». Аврора согласится все это издать, к концу недели выйдет тираж, а потом — только вообрази! — выяснится, что эти стишата — якобы крик растревоженной души Тристрама Колдуэлла — не более чем размноженный типографией продукт полуисправного автоверса, бормотание разлаженного компьютера.

— *Отличная идея*! — радостно подхватил Тони. — Будет ей урок на всю жизнь. Думаешь, она клюнет на эту приманку?

— А чем мы рискуем? Ведь она абсолютна убеждена, что мы все сядем за столы, дружно очиним перья и *накропаем серию классических образцов* поэтического творчества на темы «День и ночь», «Зима и лето» и так далее в том же духе. Какую бы чушь ни выдал Колдуэлл, Аврора примет ее с восторгом. А ведь наш договор касается единственного выпуска, за который отвечает она сама. *Должна же она где-то брать материал.*

Мы тут же и начали. Весь день я накручивал Тристрама рассказами о бурном восторге, который вызвали у Авроры его стихи, и о том, с каким нетерпением она ждет его новых произведений. На следующий день поступила *очередная партия: к счастью, все творения Колдуэлла* были написаны от руки, а выцветшие чернила исключали всякое подозрение в том, что они прошли через автоверс. Меня это только радовало, ибо укрепляло версию о самостоятельности автора. Восторг Авроры был неподделен, она *не высказала ни малейших сомнений* насчет авторства, ограничась несколькими непринципиальными замечаниями.

— Но мы всегда корректируем текст перед публикацией, — сказал я Авроре. — Система образов в оригинале не может быть безукоризненной, к тому же число синонимов в данном тезаурусе *чересчур велико*... — Тут я опомнился и быстро поправился: — Будь автор хоть человек, хоть робот, принципы редактирования неизменны.

— Неужто? — спросила Аврора, не скрывая насмешки.

— И все же мы оставим все именно так, как написал автор.

Я не рискнул оспаривать ее позицию, впрочем, достаточно уязвимую; просто подхватил одобренные рукописи и поторопился к себе. Тони тем временем терзал телефон, выжимая из Тристрама новые порции стихов. Прикрыв трубку рукой, он поманил меня.

— Тристрам скромничает. Думаю, он хочет повысить ставку. Клянется, что больше ничего не сочинил. Может, выведем его на чистую воду?

— Рискованно, — возразил я. — Если Аврора узнает, что мы вытворяем, она может выкинуть любой фортель. Дай-ка его мне. — Я взял трубку. — Тристрам, что случилось? Времени мало, а материала у нас не хватает. Укороти строку, старина, стоит ли тратить ленту на александрийский шестистопник?

— Что ты имеешь в виду, Пол? Я поэт, а не завод. Я пишу лишь тогда, когда твердо знаю, что и как сказать.

— Звучит прекрасно, — парировал я, — но у меня еще пятьдесят пустых полос, а в запасе всего несколько дней. Ты дал материала на десять полос — ну, и продолжай в том же духе. Сколько ты сделал сегодня?

— Работаю над сонетом... мне кажется, там есть кое-какие открытия. Между прочим, я посвятил его Авроре.

— Великолепно, — сказал я. — Не забывай о лексических селекторах. И чти золотое правило: идеальное предложение содержит одно-единственное слово. Что у тебя еще есть?

— Да ты что! Больше пока ничего. Отделка сонета займет неделю, а то и год.

Я чуть не проглотил телефонную трубку.

— Тристрам, что случилось? Ты не заплатил за свет? У тебя отключили электричество?

Вместо ответа Колдуэлл повесил трубку.

— Один сонет в день, — сказал я Тони. — Господи, да он, похоже, и вправду перешел на ручной режим. Он сошел с ума: ведь в этих устаревших схемах сам Эдисон не разберется.

Оставалось лишь ждать. Следующий день не принес новых стихов, второй — тоже. Слава богу, Аврору это ничуть не встревожило. Взыскательность Тристрама ее даже обрадовала.

— Вполне достаточно даже одного стихотворения, — заявила она. — Ведь это завершенное, законченное выражение своего «я», не нуждающееся в каких-нибудь добав-

лениях. В нем запечатлена частица вечности. — Аврора задумчиво расправила лепестки гиацинта. — Может быть, он нуждается в каком-то поощрении? — спросила она.

Было ясно, что она хочет познакомиться с Тристрамом.

— А вы пригласите его к обеду! — пустил я пробный шар.

Аврора расцвела.

— Я так и сделаю, — решила она и протянула мне телефонную трубку.

Звоня Колдуэллу, я ощущал зависть и обиду. Знакомые рисунки на фризе, как и прежде, рассказывали о Меландер и Коридоне, но я был слишком углублен в себя и не ощущал приближения трагедии.

Все следующие дни Тристрам и Аврора не разлучались. По утрам горбатый шофер увозил их в Восточную Лагуну на пустующие киносъемочные площадки. Вечерами, сидя один на своей веранде, я следил за огнями пятой виллы, и до меня доносились едва внятные отрывки их бесед и тихие музыкальные фразы.

Я бы солгал, сказав, что их связь ранила меня; преодолев первую вспышку огорчения, я стал безразличен ко всему этому. Вероломное курортное утомление овладело мною, я погрузился в безнадежное отупение, ни надежда, ни разочарование не тревожили меня.

Потому, когда через три дня после своего знакомства Тристрам и Аврора предложили нам всем поохотиться на песчаных скатов в Восточной Лагуне, я охотно принял приглашение, рассчитывая рассмотреть эту пару поближе.

Начало пути не предвещало неприятностей. Влюбленные сели в «кадиллак»; мы с Раймондом Майо следовали за ними в «шевроле» Тони Сапфайра. Через заднее голубоватое стекло их машины видно было, что Тристрам читает Авроре свежий панегирик. Оставив машины, мы направились к абстрактным кинодекорациям, открывавшим песчаные лабиринты. Тристрам и Аврора нежно взялись за руки. Весь в белом от костюма до пляжных трусов, Тристрам выглядел щеголем из свиты Эдуарда VII на лодочной прогулке.

Шофер тащил корзины с едой, а Раймонд и Тони — сети и гарпунные ружья. За песчаными валами замерли в спячке тысячи скатов, их плоские тела блестели на солнце.

Мы устроились под тентом, и Раймонд с Тони предложили план охоты. Затем, соблюдая дистанцию, мы стали

друг за другом спускаться к лабиринту. Тристрам взял Аврору под руку.

— Ты раньше не охотился на скатов? — спросил он меня, когда мы оказались в одной из нижних галерей.

— Ни разу, — сказал я. — Сегодня впервые. А ты, я слышал, знаешь в этом толк.

— Ну, если повезет, выживу, — и он показал на скатов, прицепившихся к карнизам над нашими головами. При нашем приближении они взлетали вверх с громкими хриплыми воплями. В тусклом свете можно было видеть белые жала, прячущиеся в складках тела. — Если их не дразнить, они, как правило, не приближаются, — объяснил Тристрам. — Мастерство в том и состоит, чтобы их не вспугнуть. Намечаешь одного и осторожно подбираешься к нему, пока не подберешься на расстояние выстрела, а он глазеет на тебя.

В узкой расщелине метрах в десяти справа от меня Раймонд Майо увидел большого пурпурного ската. Раймонд тихо направился в его сторону, убаюкивая хищника низким гудением и не отводя взгляда от грозного жала. Подождав, пока скат успокоится и спрячет свое оружие, Майо приблизился еще и, застыв в двух метрах от ската, старательно прицелился.

— А вы знаете, — шепнул Тристрам, обращаясь к нам с Авророй, — что сейчас Майо совершенно беззащитен? Если скат нападет, он не сможет обороняться.

Раздался выстрел. Стрела, попавшая в позвоночник, на несколько мгновений парализовала ската, и Раймонд быстро кинул его в сеть. Вскоре скат пришел в себя, забил пурпурными треугольными крыльями и вновь замер.

Мы пробирались по галереям и пещерам, небо то исчезало, то возникало далекой узкой полоской. Исхоженные тропы вели к амфитеатру странного песчаного города. Взлетающие скаты задевали крыльями стены, осыпая нас струями мелкого песка. Раймонд и Тристрам подстрелили еще несколько скатов, их тела наполнили сети, которые нес наш шофер. Незаметно наша компания распалась. Тони, Раймонд и шофер отправились по одной тропе, а я задержался с Авророй и Тристрамом.

Я заметил, что Аврора сосредоточилась, ее движения стали точнее и энергичнее. Мне показалось, что она искоса, но внимательно наблюдает за Тристрамом.

Наконец мы спустились в нижнее помещение лабиринта — сводчатый зал, от которого спиралями устремлялись вверх десятки галерей. Под сводами, в густой полутьме,

недвижно висели тысячи скатов. Только их жала то фосфорически вспыхивали, то пропадали в кожистых сумках.

Метрах в шестидесяти от нас, в другом конце зала, из галереи вышли Раймонд Майо и шофер. Несколько секунд они поджидали. Вдруг раздался крик Тони. Раймонд выронил ружье и метнулся в галерею. Торопливо извинившись, я бегом через весь зал кинулся туда же. Они всматривались во тьму узкой галереи.

— Уверяю тебя, — горячился Тони, — эта тварь пела, я точно слышал!

— Такого не бывает, — возражал Раймонд.

Так и не договорившись, они решили оставить поиски загадочного поющего ската и возвратились в зал. Тут я и заметил, как шофер что-то прячет в карман. Этот урод с крючковатым носом и безумным взглядом, увешанный сетками с трепыхающимися скатами, будто сошел с картины Иеронима Босха. Обменявшись парой слов с Раймондом и Тони, я уже собрался возвратиться к Тристраму и Авроре, но в зале их не обнаружил. Не зная, в какую галерею они свернули, я заглядывал в каждую, пока не обнаружил их: они поднимались по наклонному выступу и были уже у меня над головой. Я решил возвратиться в зал и догнать их, но случайно увидел профиль Авроры — на нем застыло уже знакомое мне сосредоточенное выражение. Подумав, я тихонько пошел по спиральному проходу как раз под ними. Шорох непрестанно осыпающегося песка скрадывал мои шаги.

Очутившись почти рядом с ними, я услышал слова Авроры:

— Говорят, будто песчаных скатов можно приманить пением.

— Гм, очарованный скат? — молвил Тристрам. — Пожалуй, стоит попытаться.

Они двинулись дальше, Аврора нежно и взволнованно напевала что-то. Звук, отраженный стенами и потолком галереи, все усиливался, и в темноте слышно было, как шевелились скаты.

Чем ближе подходили мы к выходу, тем больше их становилось. Аврора с Тристрамом вышли на небольшую площадку под открытым небом. Окруженная стенами тридцатиметровой высоты, она напоминала залитую солнцем арену римского цирка.

Потом я потерял влюбленных из виду, возвратился чуть назад и поднялся на следующий уровень. Теперь арена была передо мной как на ладони.

Жуткий вопль заполнил песчаный лабиринт. Однотонный и всепроникающий, он напоминал об ужасных звуках, которые слышатся эпилептикам перед припадком. Внизу, на арене, Тристрам, зажав уши руками, пытался взглядом отыскать источник вопля.

На Аврору он уже не смотрел, а она застыла за его спиной, приняв позу медиума в трансе и уронив вдоль тела руки ладонями наружу.

Я оцепенел, околдованный ее обликом, как вдруг с нижних этажей лабиринта донесся леденящий кровь крик, затем — какофоническое хлопанье крыльев, и из галерей вырвалась огромная стая скатов. Ослепленные солнцем, потеряв ориентацию, они тучей кружили над головами Тристрама и Авроры.

Аврора вышла из транса и испуганно закричала, пытаясь прогнать скатов. Тристрам яростно отмахивался от них соломенной шляпой, свободной рукой прикрывая свою возлюбленную. Вдвоем они отходили к узкой щели в стене, надеясь спастись через галерею с другой стороны лабиринта. Посмотрев выше, я с удивлением обнаружил на краю отвесного уступа коренастую фигуру шофера. У него не было ни сетей, ни ружья, и он внимательно наблюдал за тем, что творится на арене.

К тому времени сотни скатов, носящихся в воздухе, почти полностью скрыли от меня Тристрама и Аврору. Потом я увидел, как она показалась в проходе стены и в полном отчаянии покачала головой. Путь к бегству был отрезан! Тристрам жестом показал ей, чтобы она опустилась на колени, затем рванулся на середину площадки и яростно замахал шляпой, стараясь отогнать хищников подальше от Авроры.

Поначалу казалось, что ему это удастся. Скаты разлетелись, как чудовищные осы, но тут же снова бросились на Тристрама. Не успел я предостеречь его, как он упал. Скаты спикировали, зависли над неподвижным телом и, наконец, будто обретя свободу, рванулись ввысь.

Тристрам лежал неподвижно. Его белокурые пряди смешались с песком, руки были неестественно подвернуты. Быстрота развязки потрясла меня. Я перевел взгляд на Аврору.

Она тоже смотрела на Тристрама, но ее лицо не выражало ни потрясения, ни сочувствия. Подобрав подол, она повернулась и скрылась в проходе.

Значит, проход и раньше был открыт. Ошеломленный, я понял: Аврора специально показала Тристраму, что хода к галереям нет, и заставила его принять бой со скатами.

Через минуту она уже была на верхнем ярусе. Рядом появился шофер в черной униформе. Бросив последний взгляд на неподвижное тело Тристрама, они скрылись из виду.

Я кинулся за ними, пытаясь громкими криками привлечь внимание Тони и Раймонда. Гулкое эхо перекатывалось по галереям. Добежав до выхода из лабиринта, я увидел, как всего в сотне метров от меня шофер усаживает Аврору в «кадиллак». Машина с ревом сорвалась с места и пропала в густых облаках пыли.

Я бросился к машине Тони, но, когда добежал, «кадиллак» оторвался уже на километр и несся через дюны с такой скоростью, будто за ним гнался дьявол.

Больше я никогда не встречал Аврору Дей. Я гнался за ней до шоссе, но на хорошей дороге «кадиллак» с легкостью оторвался от меня и через десяток километров пропал окончательно. У заправочной станции на повороте к Алому Пляжу я притормозил и спросил, не проезжал ли здесь красный «кадиллак». Заправщики видели его, но оба утверждали, что он ехал в мою сторону. Не иначе как Аврора отвела им глаза.

Я решил проверить, не возвратилась ли она к себе на виллу, и поехал к Пурпурным Пескам, проклиная себя за легкомыслие. Почему я не почувствовал опасность? Как я, мнящий себя поэтом, не вдумался в фантазии другого поэта? Ведь Аврора буквально предрекала смерть Тристрама.

Пятая вилла по Звездной улице была пуста и молчалива. Скаты оставили аллею, темные стеклянные двери были распахнуты, по пыльному полу ползали обрывки лент. Мрак царил в коридоре и в гостиной, лишь белые карпы еще поблескивали в бассейне. Воздух был тяжелым и затхлым, словно в доме уже много лет не было живой души.

Я осмотрел фриз в гостиной и теперь узнал всех. Сходство было почти фотографическим. Тристрам был Коридоном, Аврора — Меландер, шофер — Паном. Среди остальных я легко нашел себя, Тони Сапфайра, Раймонда Майо и других жителей Звездной улицы.

Отвернувшись от фриза, я обогнул бассейн и направился к двери. Вечерело. Фары машин, проезжающих по Звездной улице, высвечивали стеклянные чешуйки на крыше моей виллы. Когда я спускался с крыльца, порыв ветра

пронесся по дому и захлопнул дверь за моей спиной: волшебница обронила прощальную реплику.

Я шел через пустырь, решительно попирая обрывки лент, влачившихся за мной, — может быть, так я демонстрировал желание возвратиться в реальный мир.

Обрывки безумных стихов Авроры Дей в последний раз являли себя свету и — умирающие осколки мечты — рассыпались под моими ногами.

В моем доме горел свет. Я вошел и увидел на веранде Тристрама Колдуэлла в том же белом костюме. Послав мне дружескую улыбку, Тристрам подмигнул и, не дав мне заговорить, поднес палец к губам.

Я приблизился и хрипло прошептал:

— Тристрам, слава богу, ты жив. Но объясни же, что там случилось?

Он улыбнулся.

— Прости, Пол, я знал, что ты следишь за нами. Аврора уехала?

Я кивнул:

— Мне не удалось догнать ее «кадиллак». А скаты тебя не тронули? Когда ты упал, я подумал, что тебе конец.

— Аврора тоже так решила. Вы мало знаете о песчаных скатах. В это время года их жала безвредны. Иначе кто бы рискнул войти в лабиринт? — Он усмехнулся. — Ты, конечно, знаешь легенду о Меландер и Коридоне?

Я так и рухнул на стул рядом с Тристрамом. Уже через пару минут я понял все. Аврора посвятила его в старую легенду, и он, отчасти по доброте душевной, отчасти шутки ради, решил сыграть роль Коридона. Рассказывая ей о смертельных жалах и злобном коварстве скатов, он провоцировал Аврору проверить, сможет ли ее избранник отдать за нее жизнь.

— Это было убийство, — сказал я. — Поверь мне — я видел, как сверкали ее глаза. Она жаждала твоей смерти.

Тристрам только пожал плечами.

— В этом нет ничего удивительного, старина, — сказал он. — Что ни говори, а поэзия — дело серьезное.

Ни Раймонд, ни Тони Сапфайр так и не узнали, как было дело. Тристрам наплел им, что с Авророй приключился неожиданный приступ клаустрофобии и она в панике бежала из лабиринта.

— Любопытно, — задумчиво сказал Колдуэлл, — что она будет делать дальше. Пророчество ее исполнилось! Теперь она перестанет сомневаться в своих чарах. До сих пор она терзалась мучительным комплексом неполноцен-

ности. Как и Меландер, которую самоубийство Коридона глубоко потрясло, Аврора не разграничивала искусство и собственное «я».

Я кивнул.

— Может быть, теперь она смирится с тем, что поэзия будет по-прежнему создаваться неэстетичным компьютерным способом. Кстати, мне еще нужно набрать целых двадцать пять полос. Твой автоверс работает?

— У меня больше нет автоверса. Я расколотил его в то утро, когда ты мне позвонил. Да я все равно уже много лет им не пользуюсь.

Я так и подскочил на стуле.

— Как?! Значит, все твои сонеты написаны собственноручно?

— Точно, старина. Каждая строка рождена в творческих муках.

Стон отчаяния вырвался у меня из груди.

— А я-то надеялся, что твой автоверс выручит меня. Господи, что же мне делать?

Тристрам усмехнулся.

— Попытайся сам написать стихи. Вспомни ее пророчание... кто знает, а вдруг оно исполнится? Ведь Аврора считает, что я умер ради нее.

Я от всей души выругался.

— Будь у меня такая надежда, я бы пожалел, что ты остался в живых. Ты себе представить не можешь, сколько мне это будет стоить.

Когда он ушел, я перебрался в кабинет и собрал все оставшиеся у меня стихи. Для номера не хватало двадцати трех полос. Удивительное совпадение: как раз столько же поэтов жило сейчас на Пурпурных Песках. И ни один из них — за исключением Тристрама Колдуэлла — не мог самостоятельно сочинить ни одной строчки.

Минула полночь, но мне было не до сна. До подачи злополучного номера «Девятого Вала» оставалось двадцать четыре часа, и каждая минута шла на вес золота. От безысходности я готов был сам что-нибудь сочинить, но тут раздался телефонный звонок. «Неужели Аврора?» — подумал я, услышав высокий, почти женский голос. Но это звонил Фэрчайлд де Миль.

— Что тебе не спится? — проворчал я в трубку. — Теряешь драгоценные минуты сна...

— Для этого есть веские причины. Пол, со мной сегодня случилось нечто невероятное. Тебе еще нужен материал, написанный вручную? Пару часов назад я взял

перо, и — можешь себе представить? — получилось довольно прилично. Между прочим, моя героиня — Аврора Дей. Мне кажется, эта вещица тебе понравится.

Я от всей души поздравил его и записал число строчек.

Очередной звонок раздался через пять минут, звонил Анхель Пти. Он, оказывается, тоже сочинил несколько стихотворений и надеялся, что они подойдут мне. Все они тоже были посвящены Авроре Дей.

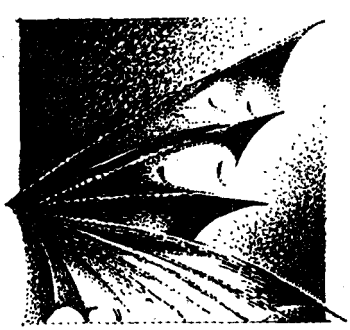
В следующие полчаса телефон непрестанно трезвонил. Все поэты Пурпурных Песков — Макмиллан Фрибоди, Робин Сондерс и прочие — вдруг почувствовали творческий зуд, неотвязную потребность самостоятельно сочинить нечто свое, оригинальное. В считанные минуты слагались стихи, посвященные Авроре Дей.

Я ответил на последний звонок, и, поднявшись из-за стола, попытался сообразить, что к чему. Было уже без четверти час ночи. Казалось, мне было отчего утомиться, но я чувствовал себя абсолютно свежим и бодрым, в голове носились тысячи оригинальных мыслей. Вдруг, как по наитию, сложилась поэтическая строка. Я сразу занес ее в блокнот.

Время словно остановилось. Через пять минут я уже закончил первую часть стихотворения, которое мучило меня больше десяти лет. Еще дюжина золотинками в кварцевой жиле искрилась у меня в мозгу, ожидая мгновения, когда их выпустят на свет божий.

Было не до сна. Я потянулся к листу бумаги и тут увидел на столе конверт — мой заказ на три новых автоверса фирмы Ай-Би-Эм.

Расхохотавшись, я порвал конверт на мелкие клочки.

УТОНУВШИЙ ГИГАНТ

Утром, после бури, в пяти милях к северо-западу от города океан выбросил на побережье тело утонувшего гиганта. Первое известие об этом было принесено жившим в том районе фермером, позднее это подтвердили репортеры местной газеты и полиция. Правда, большинство, к которому принадлежу и я, восприняли это сообщение скептически. Однако все больше и больше зевак, побывавших на берегу, подтверждали огромный рост мертвеца, и в конце концов мы уже не могли побороть своего любопытства. Библиотека, в которой мы с коллегами завершали свое исследование, почти опустела, когда после ленча все отправились к морскому берегу, и до конца дня жители продолжали уходить из контор и магазинов, так как рассказы об утопленнике переполошили весь город.

К тому времени, когда мы добрались до береговых дюн, здесь уже находилась большая толпа. Отсюда было видно тело, выброшенное на мелководье ярдов за двести от берега. Сначала предположения о размерах утопленника показались мне весьма преувеличенными. Шел отлив, и ги-

гант выглядел лишь чуть крупнее, чем, скажем, самая большая акула. Он покоился на спине, с руками вдоль боков, в позе отдыхающего курортника, заснувшего на тусклой глади мокрого песка; отражение его выбеленной кожи расплывалось в оставленных морем лужах. В ярком свете солнца тело великана блестело, как белое оперение морской птицы.

Удивленные этой картиной, мы вместе с приятелем сошли с дюн на усыпанный галькой берег. Никому, очевидно, не хотелось приближаться к колоссу, но вскоре на обнаженном отливом песке появились два рыбака в болотных сапогах. Когда они подошли вплотную к лежащему телу, толпа разразилась возгласами удивления. Фигуры этих крупных мужчин выглядели совершенно крохотными рядом со странным существом, горой нависшим над ними. Хотя пятки утопленника частично утонули в песке, пальцы ног по крайней мере в два раза превышали рост рыбаков, и мы поняли, что этот утонувший гулливер никак не уступает своим ростом и весом самым крупным китам.

Три рыбацких катера, прибывшие к месту происшествия, встали на якорь за четверть мили от побережья с поднятыми килями. Экипажи, столпившиеся в носовой части суденышек, следили за зрелищем издалека. Их осторожность передалась толпе на берегу, хотя все уже спустились в нетерпении с дюн, горя желанием взглянуть на гиганта вблизи, и топтались теперь на галечном склоне. Вокруг фигуры утопленника песок был размыт, образуя впадину, как если бы титан рухнул с неба. Два рыбака находились между огромными плитами его ступней и махали нам, словно туристы среди пилонов какого-нибудь омываемого рекой храма на Ниле. На секунду я вообразил, что великан просто спит и может неожиданно шевельнуться, сдвинуть пятки вместе, но нет, открытые глаза уже ничего не видели — он не имел представления о лилипутах, вертящихся у его ног и похожих на него, как многократно уменьшенные копии.

Рыбаки между тем пошли в обход тела, проходя мимо его длинных белых ног. Задержавшись, чтобы осмотреть пальцы на его руке, с ладонью, открытой вверх, они исчезли из виду между рукой и грудью, затем появились невдалеке от головы и, прикрывая рукой глаза от солнца, воззрились на его греческий профиль. Гладкий лоб, прямой нос с высокой переносицей и изогнутые губы гиганта напомнили мне римские копии бюстов работы Праксителя: изящно очерченный рисунок ноздрей увеличивал сходство со статуей.

Внезапно толпа разразилась криком, и множество рук взметнулись в одном направлении. Вздрогнув, я увидел, как один из рыбаков вскарабкался на грудь великана и теперь разгуливал по ней, подавая сигналы на берег. Взрывы удивления и восторга тотчас же смешались с громким стуком гальки под ногами — все кинулись вперед.

Когда мы приблизились к телу, окруженному полосой воды, проступившей под его тяжестью из мокрого песка, величиной с дорожку стадиона, возбужденная толпа постепенно стихла, потрясенная огромной величиной утонувшего колосса. Он лежал на песке наискосок к берегу, и такая поза скрадывала его настоящие размеры. Несмотря на дерзость двух рыбаков, уже стоявших на его животе, толпа образовала просторный круг, из которого лишь немногие осмеливались приблизиться к рукам и ногам.

Мы с приятелем обошли вокруг обращенного к морю бока гиганта. Его бедра и грудная клетка нависали над нами, как палуба корабля, севшего на мель. Жемчужно-пепельного цвета кожа, вздувшаяся от морской воды, сглаживала очертания богатырских мускулов и сухожилий. Мы прошли под левым коленом великана, которое было чуть согнуто. Нити мокрых морских водорослей облепили его бока. С живота свободно свешивалась сохранившая все детали орнамента набедренная повязка из тяжелой ткани, обесцвеченной морской водой до желто-белого цвета. Сильный характерный запах моря исходил от этой повязки, высыхающей в жарких солнечных лучах, и перемешивался с приторно-сладковатым запахом кожи великана.

Мы постояли возле его плеча, рассматривая неподвижный профиль. Губы были чуть раскрыты, открытый глаз — мутен и тускл, словно в него впрыснули голубовато-молочную жидкость. Однако изящные овалы ноздрей и дуги бровей придавали лицу благородную изысканность, и это не гармонировало с грубой мощью грудной клетки и плеч.

Ухо нависло в воздухе над нашими головами, словно скульптурный портал. Когда я протянул руку, чтобы коснуться мочки уха, кто-то с воплем возник над краем лба и этим помешал мне. Испуганный его появлением, я отошел и увидел, что несколько юношей топчутся на лице покойника и толкают друг друга в провалы глазниц.

Люди забирались теперь на великана по его разбросанным в стороны рукам, как по двум лестницам. С ладоней они перебирались к локтям, а потом перелезали через вздувшиеся бугры бицепсов на ровную площадь грудных мышц. Отсюда, с верхней части гладкой безволосой груди, они

устремлялись на лицо, быстро и свободно поднимаясь по губам к носу, или бежали на живот, чтобы повстречать там других, кто уже оседлал щиколотки или разгуливал по колоннам бедер.

Мы с товарищем продолжали свой обход, продираясь сквозь толпу, и остановились осмотреть откинутую правую руку. Маленькая лужа застыла в ладони, точно напоминание об ином мире, но вскоре вода была разбрызгана теми, кто полез и по этой руке. Я попробовал прочитать на ладони великана линии, пересекавшие кожу, отыскивая в них проявление характера, но ткани вздулись, стерли рисунок, и стало уже невозможно определить черты личности великана и неизбежность его последнего фатального приключения. Огромные мышцы и запястья рук, казалось, исключали какую-либо чувствительность в характере их обладателя, однако изящная форма пальцев и тщательно ухоженные ногти, симметрично подстриженные, длиною около шести дюймов, говорили в пользу утонченности чувств, и это подтверждалось греческими чертами лица, которое сейчас горожане облепили как мухи.

Один парень даже залез, размахивая руками, на самый кончик носа и что-то выкрикивал своим приятелям, но лицо великана по-прежнему хранило каменное безразличие.

Возвратившись на берег, мы уселись на песок, наблюдая за все увеличивающимся потоком людей, текущим из города. Шесть или семь рыбацких катеров бросили якоря неподалеку от берега, а их экипажи шли вброд по мелководью, чтобы рассмотреть вблизи этот невиданный подарок океана. Позже появилась группа блюстителей порядка. Они предприняли робкую попытку блокировать берег, но, приблизившись к лежащей фигуре, были так ошеломлены увиденным, что почти сразу развернулись и ушли всем отрядом, поминутно оглядываясь, словно не веря своим глазам.

Через час на берегу собралось уже около тысячи человек, при этом не менее двухсот из них стояли или сидели на колоссе, слонялись по его рукам и ногам или расталкивали друг друга в непрекращающейся толчее на его груди и животе. Большая компания молодежи оккупировала голову. Сшибая друг друга, юнцы скатывались по гладкой поверхности подбородка. Двое или трое сидели верхом на переносице, а еще один залез в ноздрю и лаял из нее, как бешеный пес.

Вскоре полиция вернулась и проложила в толпе дорогу

для группы научных экспертов из университета — специалистов по общей анатомии и морской биологии. Компания юнцов, а следом и большинство собравшихся покинули великана, остались только несколько самых наглых личностей на лбу и на кончиках пальцев ног. Эксперты, покачивая головами и энергично полемизируя, двигались вокруг гиганта, а сопровождающие их полицейские отсекали напиравших зрителей. Когда ученые подошли к вытянутой руке, старший офицер выразил готовность помочь экспертам залезть на ладонь, однако те решительно отказались сделать это.

Как только эксперты вернулись на сушу, толпа вновь вскарабкалась на великана и целиком заполонила его тело. Когда мы уходили в пять вечера, руки и ноги утопленника, усыпанные людьми, напоминали тело крупной рыбы с опустившейся на него плотной стаей чаек.

Во второй раз я прибыл на побережье лишь через три дня. Коллеги-биологи доверили мне понаблюдать за гигантом и подготовить отчет. Они угадывали мой особый интерес к этому случаю — и не ошиблись, я действительно хотел вернуться на берег. По сути дела великан оставался для меня живым, и даже более живым, чем большинство из тех людей, которые сейчас рассматривали его. Что же так влекло меня? Отчасти — его величественные формы, огромный объем пространства, занимаемый его руками и ногами, которые, на мой взгляд, были безусловно тождественны моим собственным миниатюрным конечностям. Но более всего — явный, неоспоримый факт его существования. Как бы много ни было в нашей жизни поводов для сомнения, гигант, мертвый или живой, — существовал. Он существовал, словно озарение из мира сходных абсолютов, в сравнении с которым мы — только лишь несовершенные и слабые копии.

Когда я прибыл на побережье, толпа уже значительно поредела. Около двух или трех сотен человек устроились на гальке, разглядывая кучки визитеров, бродивших по песку. Смена приливов и отливов подтащила тело к побережью, развернув голову и плечи так, что он казался теперь вдвое ближе. С величиной его необъятного туловища резко контрастировали незначительные размеры рыбацких баркасов, вытащенных на берег возле утопленника. На неровной поверхности отмели позвоночник великана прогнулся, грудь приподнялась, подобно пологой арке. Откинутая назад голова делала его позу еще более внушительной, даже какой-то героической. Морская вода и процесс разло-

жения тканей так потрудились над его обликом, что лицо утратило нежный, почти юный облик. Хотя непомерная величина лица крайне затрудняла все попытки определить возраст и характер великана, в первый приезд мне думалось, судя по его классически вылепленным губам и носу, что он был молодым человеком, корректным и мягким по характеру. Сейчас, однако, гигант выглядел мужчиной по крайней мере зрелого возраста. Отвисшие щеки, опухшие нос и виски, сузившиеся глаза превратили его в хорошо раскормленного человека средних лет.

Исследования характера гиганта, которым способствовали происходящие с ним после гибели изменения, продолжали увлекать меня. Казалось, что мертвец пусть неохотно, но раскрывает перед нами черты своей до сих пор загадочной личности. Даже этот гигант вынужден был покориться всеобъемлющему времени, которое властно над всем живущим и в котором, как мельчайшие капли в огромном водовороте, сливаются в единое целое наши убогие жизни.

Я устроился на гальке прямо против головы гиганта: отсюда хорошо были видны вновь прибывающие зрители и стайки детей, бесстрашно карабкающихся на его ноги и руки.

Среди утренних визитеров было несколько мужчин в кожаных куртках и парусиновых шапочках, которые расхаживали около великана, дотошно и профессионально вымеряя шагами его размеры. Пользуясь палочками, прибитыми волной к берегу, они производили на песке примерные расчеты. Я подумал, что это служащие департамента общественных работ или каких-то других муниципальных ведомств, прикидывающие, как можно избавиться от этого чудовища.

Вскоре на сцене появилось еще несколько личностей, одетых, пожалуй, более изысканно — типичные бизнесмены. Они неспешно прогуливались вокруг тела, спрятав руки в карманах длинных плащей и изредка обмениваясь короткими фразами. Похоже, размеры титана были непомерны для какого-то их предприятия. После того как они удалились, дети продолжали носиться по рукам и ногам утопленника, а молодежь превратила закинутое навзничь лицо в борцовскую арену. Влажный песок, натасканный ногами, покрывал белую кожу.

На другой день я специально отложил приезд на послеобеденное время и, явившись на побережье, обнаружил пятьдесят — шестьдесят зевак, сидящих на гальке. Море

подтащило утопленника еще ближе, теперь он лежал от берега на расстоянии чуть более 75 ярдов. Его ступни проломили стену дряхлого волнореза. Коса плотного песка развернула его тело параллельно береговой линии, и посиневшее распухшее лицо отвернулось в почти сознательном жесте. Я присел на большую стальную лебедку, прикрепленную к бетонному кессону над галькой, и посмотрел на лежащую фигуру утопленника.

Его выбеленная кожа теперь уже утратила жемчужную полупрозрачность и была облеплена грязным песком. Пучки водорослей, прибитые ночным приливом, торчали между пальцами, целая куча мусора собралась под щиколотками и коленями. Даже продолжая распухать, гигант все еще сохранял какое-то гомеровское величие. Огромный размах плеч, могучие колонны рук и ног создавали впечатление, что это циклопическое тело попало сюда из иного измерения, и великан казался одним из погибших аргонавтов или героев «Илиады». Сейчас он был для меня реальнее, чем его прежний облик, хранившийся в моей памяти.

Я ступил на песок и между лужами направился к великану. Двое маленьких мальчишек на ухе лежащего и их отец, возвышавшийся на конце одного из пальцев, взглянули на меня, когда я подошел. Но, как я и рассчитывал, в это время мало кто обратил на меня внимание. Люди на берегу кутались в свои плащи.

Отброшенная ладонь великана была усыпана обломками ракушек и песком, в котором отпечатались следы ног. Округлая гора бедра поднималась надо мной, скрывая море. Сладкий острый запах, который я ощущал и до этого, был тут сильнее. Через полупрозрачную кожу я видел змеевидные петли свернувшихся кровеносных сосудов. Как бы тягостно это ни выглядело — и эти продолжающиеся метаморфозы, и эта сумрачная жизнь после смерти, — я был один, и одиночество разрешило мне вознести ногу на тело.

Использовав выступающий большой палец как ступеньку лестницы, я поднялся на ладонь и начал подъем. Кожа оказалась плотнее, чем я ожидал, и слабо пружинила под моей тяжестью. Я быстро миновал пологое предплечье и бугристые шары бицепсов. Лицо утонувшего гиганта нависало справа надо мной, своими похожими на гроты ноздрями и откосами щек напоминая конус загадочного вулкана.

Осторожно обогнув плечо, я вышел на широкую площадь груди, которую, как величественные стропила, пере-

секала решетка реберной клетки. Белая кожа была усыпана сплошными синяками — следами ног, делавшими ее темной. Были хорошо видны отпечатки каблуков. Кто-то воздвиг маленький песочный замок в середине груди, и я влез на это полуразрушенное здание, чтобы детально рассмотреть лицо.

Двое мальчишек, забравшихся на ухо, теперь пытались затащить друг друга на правый глаз, слепо устремленный мимо их крохотных фигур. Голубой шар глазного яблока весь заплыл какой-то беловатой жидкостью. Лицо, видимое снизу и немного под углом, потеряло былую привлекательность и спокойствие, удлинившийся искаженный рот и запрокинутый подбородок заставляли вспомнить о разрушенном корабле, потерпевшем аварию. Впервые я подумал о том, как тяжки были последние физические муки гиганта, и ощутил полное одиночество погибшего, брошенного, как тонущее судно, оставленного во власти водной стихии, которая превратила его лицо в маску изнеможения и беспомощности.

Едва я сделал шаг, нога моя провалилась в какие-то мягкие ткани, и целое облако зловонного газа вырвалось из отверстия меж ребер. Отпрянув, чтобы избежать гнилого воздуха, который окутал меня, я повернулся в сторону океана, чтобы освободить легкие, и с ужасом обнаружил, что левая рука великана была отрублена.

В полной растерянности я смотрел на чернеющий обрубок, в то время как группа подростков, футах в тридцати от меня, сверлила меня кровожадными глазами.

Это было лишь начало разгула. Вскоре я стал свидетелем кошмарного финиша величественной фата морганы. Два следующих дня я не покидал библиотеки и потому не имел возможности побывать на взморье. Когда же в следующий раз я миновал дюны и вышел на береговую линию, великан находился от меня немногим далее двадцати ярдов. На фоне грубой галечной насыпи его облик растерял то магическое обаяние, которое он излучал прежде, когда лежал вдали от берега и волны омывали его. Теперь, несмотря на сказочные размеры, кровоподтеки и грязь, покрывающие тело гиганта, приблизили его к человеческому масштабу. Величина же лишь подчеркивала его уязвимость.

Правая рука и нога покойника были отчленены, подняты по склону и увезены. Расспросив маленькую кучку людей, зябнущих на молу, я пришел к выводу, что сделали это хозяева фабрики удобрений и кормов для скота.

Другая нога великана была высоко воздета — стальной трос зацепил ее за большой палец. Все было явственно готово к работам завтрашнего дня. Весь берег был беспорядочно истоптан рабочими, глубокие борозды остались там, где волокли руку и ногу. Темная жидкость натекла из обрубков, окрасив песок и белые шишки каракатиц. Подойдя ближе, я увидел, что на серой коже вырезано множество шутовских надписей, свастик и других знаков, точно издевательства над безответным титаном распахнули шлюзы для внезапного потока подспудной злобы. Мочка одного уха была продырявлена деревянным копьем, в середине груди кто-то разжег маленький костер. Кожа вокруг костра обуглилась, мелкая древесная зола все еще разносилась ветром.

Мерзкий запах окутывал труп — явный признак гниения, — и это отогнало обычные скопления разнузданной молодежи. Я вернулся на гальку и влез на лебедку. Раздувшиеся щеки великана почти прикрывали глаза, челюсти раздвинулись в раблезианском зевке. Некогда прямой греческий нос теперь был искривлен и сплющен, лицо, распухшее как мяч, истоптано многочисленными каблуками.

Когда я появился на следующий день, то с почти радостным чувством увидел, что голова уже увезена.

Миновало несколько недель, прежде чем я снова смог побывать на побережье. К этому времени сходство великана с человеком совсем пропало. Конечно же, лежащие на берегу грудная клетка и живот были похожи на человеческие, но так как все конечности были обрублены, сперва по колени и локти и в конце концов по плечи и бедра, останки походили теперь на любое гильотинированное морское животное — кита или китовую акулу. С утратой сходства этих останков с человеком, с потерей индивидуальных черт личности любопытство у обывателей испарилось. Люди оставили побережье, если не считать старого дворника и ночного охранника, дежуривших на пороге лачуги, поставленной подрядчиком.

Примитивные деревянные леса были подняты вокруг туши, и дюжина лестниц колыхалась под ветром. Песок вокруг был загажен, в беспорядке валялись обрывки веревок, погнувшиеся ножи с металлическими ручками и крючья, залитая жирной маслянистой кровью галька была замусорена обломками костей и обрывками кожи.

Я кивнул сторожу, который бдительно смотрел на меня поверх жаровни с тлеющим коксом. Воздух вокруг источал резкий запах ворвани, кипящей в чане за хижиной.

Портативный подъемный кран укрывала ткань, которая когда-то обхватывала чресла гиганта.

Обе берцовые кости были вывезены, и открытые впадины зияли, словно двери склада. Предплечья, ключицы также были экспортированы. Кожа груди и живота была расчерчена дегтярным помазком на квадраты. Первые пять или шесть секций в области диафрагмы уже были спилены, обнажив огромный провал грудной клетки.

Когда я уходил, банда чаек обрушилась с неба. Птицы возились на берегу, с дикими криками вонзая клювы в запачканный песок.

Через несколько месяцев, когда это происшествие в целом уже мало кто помнил, различные части тела расчлененного титана начали снова возникать по всему городу. В большинстве это были кости, которые фабриканты удобрений не смогли полностью раздробить. Величественные размеры, огромные сухожилия и диски хрящей, соединенных с суставами, красноречиво доказывали происхождение костей. По необъяснимым причинам эти расчлененные части, казалось, больше подчеркивали величавость утонувшего колосса, чем прежде — ампутированные впоследствии распухшие конечности.

В лавке китовых торговцев на мясном базаре я встретил и опознал две гигантские берцовые кости. Они нависали над головами грузчиков, как грозные мегалиты* какой-нибудь древней друидской религии**. Как-то спонтанно я вообразил себе титана, опустившегося на колени на эти нагие кости или бредущего по улицам города и собирающего разбросанные куски своего тела на обратной дороге в морскую гладь.

Несколькими днями позже я увидел плечевую кость, валявшуюся у входа на одну из верфей. На той же неделе на карнавальном плоту, во время традиционного маскарада, была показана бальзамированная правая рука.

Нижняя челюсть, естественно, нашла себе приют в местном краеведческом музее. Череп пропал. Возможно, его вывезли на свалку и он похоронен в ее карьерах. Совсем недавно, спускаясь вниз по реке, я увидел два ребра колосса, образующих декоративную арку в саду на прибрежной полосе. Возможно, их приняли за челюстные кости ки-

---

* Мегалиты — древние сооружения из громадных камней, служившие большей частью могильными памятниками или святилищами.

** Друидизм — религия древних кельтов, состоявшая в почитании природы и требовавшая жертвоприношений (иногда человеческих) в лесах.

та. Большие куски продубленной и татуированной кожи величиной с индейский плед образовали задник в витрине магазина кукол и масок возле увеселительного парка, и я убежден, что в каких-нибудь иных местах города, в гостинице или гольф-клубе, бальзамированные нос и уши великана украшают стену над камином. Что до гигантского пениса, тот завершил свои дни в музее курьезов передвижного цирка, который разъезжает то там, то здесь по северо-западу. Этот монументальный орган, поражающий своими размерами и предполагаемой потенцией, занимает целую палатку. Ирония в том, что его произвольно выдают за половой орган кашалота. Большинство людей, даже те, кто видел великана выброшенным на берег сразу после бури, лишь изредка вспоминают о нем (если вообще вспоминают), как об экзотическом океанском монстре.

Остатки скелета, добела очищенные от мяса, все еще валяются на берегу, и клетка выцветших ребер подобна балкам брошенного судна.

Хибара подрядчика, кран и строительные леса уже увезены. Песок укрыл таз и позвоночник. Зимой о торчащие к небу изогнутые кости колотятся волны, а летом они превращаются в отличный насест — излюбленное место отдыха утомленных морем чаек.

ГРАНИЦЫ БЫТИЯ

Когда пришла малая вода, черепахи, наконец-то, закопали яйца в песке у склона дюн и двинулись к воде. Конрад Фостер вместе с дядей наблюдал за их исходом из-за ограды приморского автобана. Ему казалось, что всего пятьдесят ярдов до моря — и черепашки спасены. Они тяжко пробивались к воде, их темные горбатые спины то возникали, то исчезали среди брошенных упаковочных ящиков из-по фруктов и куч бурых водорослей, прибитых волнами. Конрад показал дяде на стаю чаек, севших отдохнуть на подсыхающей отмели в начале эстуария*. Птицы смотрели в сторону моря, словно их не интересовал ни пустынный берег, ни старик с мальчиком, стоявшие у балюстрады шоссе, но стоило Конраду поднять руку, как все птичьи головы дружно повернулись к нему.

— Они увидели их, дядя Теодор... — Конрад тронул рукой ограждение.

---

* Эстуарий — расширенное воронкообразное устье реки, впадающей в море или океан.

Его дядя показал палкой на машину, скользившую по трассе в четверти мили впереди.

— Скорее они увидели этот автомобиль. — Он вынул трубку изо рта, и тут же с песчаной отмели раздались крики. Первые чайки взмывали в небо, и вот уже вся стая стала серпом разворачиваться к берегу. — Они атакуют.

Черепахи вынырнули из-за укрытия хлама у самой линии воды. Они одолевали последнюю полоску влажного песка, отлого спускающегося в море, когда над ними разорвали воздух вопли чаек.

Конрад рванулся было к заброшенному чайному саду на краю городка, но дядя схватил его за плечо. Несчастных черепах выхватывали прямо из моря и сбрасывали на берег, где десятки хищных клювов разрывали их на куски.

Через минуту после начала атаки чайки уже взлетали с пляжа. Конрад с дядей были не единственными свидетелями кровавой трапезы. Небольшая группа мужчин оставила свой наблюдательный пункт посреди дюн и двинулась по пляжу, отпугивая последних птиц. Это были старики лет за шестьдесят, а некоторые за семьдесят, в майках и хлопчатобумажных штанах, закатанных до колен. Каждый держал в руках брезентовый мешок и багор — деревянную палку со стальным крючком на конце. Они поднимали панцири, очищая их на ходу привычными быстрыми движениями, и кидали в мешки. Влажный песок был забрызган кровью, и вскоре босые ноги и голые руки мужчин были сплошь в багровых разводах.

— Пожалуй, пора возвращаться, — дядя Теодор посмотрел на небо, проследив взглядом за чайками, летящими назад в эстуарий. — Твоя тетя уже, должно быть, приготовила к нашему приходу что-нибудь вкусненькое.

Конрад смотрел на стариков. Когда обе группы сошлись, один из мужчин, заметив дядю, жестом гладиатора поднял свой окровавленный багор.

— Кто эти люди? — спросил юноша, после того как дядя отсалютовал в ответ.

— Сборщики панцирей, сезонные работники. Панцири приносят неплохой заработок.

Они двинулись в город. Дядя Теодор шел медленно, опираясь на палку, и у юноши хватило времени, чтобы оглянуться на пляж. Трудно сказать почему, но эти старики, заляпанные кровью убитых черепах, были ему еще

противнее, чем злобные хищные чайки. Потом он подумал, что, возможно, сам навел чаек на черепах.

Гул грузовиков перекрыл удаляющиеся крики птиц. Сборщики панцирей ушли, и подступивший прилив не спеша омывал кровавый песок. Старик и юноша подошли к первому перекрестку у шале. Стоя на островке безопасности и дожидаясь, когда проедет грузовик, он спросил:

— Дядя, ты обратил внимание, что чайки ни разу не коснулись песка?

Грузовик с ревом пронесся мимо, его огромный фургон закрыл собою небо. Конрад тронул дядю за руку и шагнул вперед. Старик послушно поплелся за ним, втыкая палку в зернистый асфальт, как вдруг отшатнулся назад — трубка выпала у него изо рта, и он закричал, увидев спортивную машину, летевшую на них из-за грузовика. Конрад еще успел заметить стиснутые на руле костяшки пальцев водителя и застывшее в ужасе лицо за лобовым стеклом, а автомобиль уже на тормозах скользил юзом по шоссе. Конрад последним усилием оттолкнул дядю, когда машина в пыльном облаке влетела на островок безопасности и на полном ходу врезалась в них.

Клиника была почти пуста. В первые дни Конраду приятно было неподвижно лежать в одиночестве, бездумно следя за игрой света на потолке, (это отражались цветы, стоящие на окнах) и прислушиваться к звукам за раздвижными дверями ординаторской. Время от времени в палату входила сестра-сиделка, чтобы поправить шину, в которой была закреплена его нога, и он заметил, что она совсем немолода, даже старше его тети, несмотря на стройную фигуру и старательно подкрашенные волосы. И все остальные сестры и санитарки, ухаживавшие за ним, тоже были пожилыми, они относились к Конраду скорее как ребенку, чем как к семнадцатилетнему юноше, и беззлобно подразнивали его.

Уже позже, когда боль от ампутированной ноги мучила его особенно сильно, сестра Сэди наконец-то смогла посмотреть ему в глаза. Она сказала, что его тетя ежедневно приходит проведать его и непременно появится завтра.

— ...Теодор, дядя Теодор?.. — Конрад рванулся сесть в кровати, но невидимая нога, мертвая и грузная, как у мастодонта, не пустила его. — Мистер Фостер... мой дядя. Машина...

— Промчалась в нескольких ярдах, милый. Даже дюймах. — Сестра Сэди коснулась его лба рукой, легкой, как прохладное птичье крыло. — У него небольшие шрамы на запястье, там, где руку задело ветровым стеклом. Но, господи, зато сколько осколков мы вынули из тебя — ты выглядел так, будто пролетел сквозь оранжерею.

Конрад отодвинулся подальше от ее прохладных пальцев. Он окинул взглядом пустые кровати

— Где он? Здесь...

— Дома. За ним ухаживает твоя тетя, скоро он снова встанет на ноги.

Конрад откинулся на подушку, дожидаясь, когда сестра Сэди оставит его наедине с болью в ампутированной ноге. Над ним, как снежная вершина, высилась металлическая конструкция шины. Как ни странно, известие о том, что дядя Теодор отделался легким испугом, не успокоило Конрада. С пятилетнего возраста, когда гибель родителей в авиакатастрофе превратила его в сироту, узы, соединившие его с дядей и тетей, стали даже крепче, чем могли быть с родителями; их любовь и мягкость были более продуманными и постоянными. И все же сейчас он замечал, что думает больше не о дяде и даже не о том, что случилось с ним самим, а о роковом автомобиле. Со своими плавными воздухообтекателями и другими приспособлениями он летел на них подобно чайкам, штурмующим черепах, и с той же агрессивностью. Лежа в кровати, под нависающей над ним шиной, Конрад вспомнил, с каким трудом пробивались по сырому песку черепахи, придавленные тяжелыми панцирями, а старики в дюнах дожидались их смерти.

За окнами клиники шумели фонтаны, и пожилые санитары и сестры гуляли парами по темным аллеям.

На другой день утром, еще до визита тети, осмотреть Конрада пришли два хирурга. Старший из них, доктор Натан, был изящным седовласым мужчиной с руками, такими же нежными, как у сестры Сэди. Конрад вспомнил, что видел его и раньше, в первые часы, проведенные в клинике. На губах доктора Натана вечно порхала слабая усмешка, делавшая его похожим на опереточного комического призрака.

Другой хирург, доктор Найт, был много моложе своего коллеги и по сравнению с ним выглядел таким же юнцом, как Конрад. Его волевое лицо с массивной челюстью смотрело на Конрада с показной свирепостью. Он простер свою руку к запястью больного с таким видом, словно готов был выдернуть его из постели и поставить на пол.

— Значит, вот он какой, — он глянул Конраду прямо в лицо. — Думаю, Конрад, нет смысла задавать тебе вопрос, каково твое самочувствие.

— Нет... — растерянно согласился Конрад.

— Что нет? — доктор Найт послал улыбку доктору Натану, который порхал в основании кровати, словно старый фламинго в высохшем водоеме. — Я уверен, что доктор Натан лечил тебя безупречно.

Конрад промямлил что-то, стараясь избежать следующей шутки, но доктор Найт остановил его:

— Не правда ли? Тем не менее теперь я лично больше заинтересован в твоей судьбе. Я принимаю теперь тебя у доктора Натана, так что отныне ты можешь судить одного меня, если что-то произойдет не так.

Он придвинул к кровати металлический стул и уселся на него, широко раздвинув ноги и приподняв полы белого халата.

— Но это совсем не значит, что обязательно произойдет что-то плохое. Так ведь?

Конрад прислушался, как доктор Натан постукивает ногой по полированному полу, и спросил:

— А где все другие?

— Ты заметил это? — доктор Найт глянул на своего коллегу. — Впрочем, это естественно. — Он глянул в окно на пустынный больничный двор. — Точно, здесь почти никого нет, кроме тебя. Но ведь это комплимент в наш адрес, не правда ли?

Доктор Натан опять подошел к постели. Улыбка, блуждавшая по его губам, казалось, принадлежала кому-то другому.

— Да-а-а, — протянул доктор Найт, — конечно, никому не пришло в голову поведать тебе, Конрад, что это вовсе не больница в том смысле, который обычно вкладывают в это слово.

— Что?.. — Конрад рванулся, чтобы сесть, ухватившись за шину. — Что вы имеете в виду?

Найт вскинул руки:

— Не пойми меня превратно, Конрад. Конечно, это больница, великолепно оборудованный современный хирургический корпус, и в то же время это нечто другое, чем просто клиника. Вот эту разницу я и должен тебе объяснить.

Конрад следил за доктором Натаном. Пожилой хирург глядел в окно, видимо, на горы, однако лицо его было бледным, улыбка сползла с губ.

— В каком смысле? — нерешительно спросил Конрад. — Это каким-то образом связано со мною?

Доктор Найт ответил неопределенным жестом.

— В какой-то степени связано. Но лучше отложим беседу на завтра. Мы сегодня и так замучили тебя.

Он поднялся, не сводя с юноши изучающего взгляда, и коснулся пальцами шины.

— Нам придется еще поработать с твоей ногой, Конрад. Надеюсь, когда мы завершим эту работу, ее результат станет для тебя сюрпризом. Нужно лишь, чтобы ты сам захотел помочь нам — и мы рассчитываем на это, правильно, доктор Натан?

Улыбка доктора Натана, как вернувшийся фантом, вновь заиграла на его тонких губах.

— Я думаю, что Конрад будет только рад поддержать нас.

Когда они уже подошли к выходу, Конрад снова окликнул их.

— Что-нибудь не так, Конрад? — обернулся доктор Найт.

— Шофер, человек в автомобиле. Что произошло с ним? Он тоже в клинике?

— Понимаешь ли, он... — доктор Найт замолчал, потом, наконец, решился. — Если быть абсолютно честным, Конрад... ты никогда не сможешь увидеть его. Конечно, он один виноват в том, что случилось...

— Нет! — Конрад не согласился. — Я не хочу винить одного его... Мы неожиданно выскочили из-за грузовика. Водитель здесь?

— Автомобиль сперва врезался в металлическую опору ограждения островка безопасности, потом перелетел через обрамляющий шоссе барьер. Водитель погиб уже на пляже. Он был чуть старше тебя, Конрад. По-видимому, он пытался спасти вас.

Конрад кивнул, вспоминая бледное лицо за лобовым стеклом.

Доктор Найт двинулся к выходу. Тихо, почти «sottovoce» * он проговорил:

— И ты знаешь, Конрад, он и мертвый может помочь тебе.

В тот же день около трех часов появился дядя. Сидя в кресле-каталке, которую толкали тетка и сестра Сэди, он беззаботно приветствовал Конрада своей здоровой ру-

* Sottovoce (музыкальный термин) — вполголоса.

кой. Правда, сегодня дядя Теодор не смог улучшить настроение Конрада. Юноша жадно ждал этой встречи, однако дядя выглядел постаревшим еще лет на десять, и компания из трех стариков — один из них инвалид, — подходивших к нему с вымученными улыбками на лицах, только усилила у Конрада ощущение его собственного одиночества в этой клинике.

Слушая дядю, Конрад осознал, что одиночество явилось просто логическим следствием жизни его сверстников там, за пределами больницы. У маленького Конрада почти не было друзей-однокашников только лишь потому, что дети в этом мире постепенно становились редкостью, такой же, какой были за много лет до этого столетние старцы. Он родился в мире, заполненном людьми среднего возраста, причем это понятие «средний возраст» само по себе постоянно менялось, оно отодвигалось, подобно движению краев расширяющейся Вселенной, уходящих все дальше и дальше от изначальной точки. Его шестидесятилетние тетя и дядя были тоже людьми среднего возраста. А уже за ними следовал огромный легион стариков-пенсионеров, запрудивших все магазины и улицы приморского городка; их подчеркнуто неторопливые, будто еще чего-то ждущие силуэты покрывали серым пеплом все яркое в этой жизни.

По контрасту с ними экстравагантные манеры доктора Найта, какими бы резкими и внезапными они ни были, вызывали у Конрада будоражащее сердце возбуждение.

К концу встречи, когда тетя вместе с сестрой Сэди отошли к окну полюбоваться фонтанами, Конрад проговорил дяде:

— Доктор Найт хочет повозиться с моей ногой.

— Я думаю, что это хорошо, Конрад, — дядюшка Теодор бодро улыбнулся, однако его глаза пристально следили за неподвижным юношей. — Эти хирурги — мудрейшие люди, даже трудно представить себе, что они умеют делать.

— А как твоя рука, дядя? — Конрад показал на бинты, стягивавшие его левый локоть. Чуть заметная ирония в голосе дяди заставила вспомнить о тривиальных двусмысленностях доктора Найта. Он ощутил, что взрослые люди вокруг что-то от него утаивают.

— Моя рука? — дядя пожал плечами. — Это моя рука вот уже почти шестьдесят лет, потеря какого-то пальца не помеха, чтобы набить трубку. — И раньше чем Конрад успел ответить, он продолжил: — А вот твоя нога — это уже совсем иное, тут ты должен принять решение самостоятельно.

Перед самым уходом он шепнул племяннику:

— Отдохни хорошенько, возможно, тебе придется побегать до того, как ты станешь ходить.

Через два дня, ровно в девять часов, в палату к Конраду вошел доктор Найт. Энергичный, как обычно, он сразу же взял быка за рога.

— Ну, Конрад, — начал он, меняя шину. — Минул месяц со дня твоей последней прогулки к пляжу, настало время выметаться отсюда и рассчитывать на собственные ноги. Ты что-то хочешь сказать?

— Ноги? — повторил его слова Конрад. Он растерянно усмехнулся. — Вы подразумеваете в переносном смысле?

— Нет, это не иносказание. — Доктор Найт подвинул стул. — Скажи-ка мне, Конрад, ты что-нибудь знаешь о восстановительной хирургии? Может быть, вам об этом рассказывали в школе.

— На уроках биологии. Это трансплантация почек и другие подобные вещи. Это делают пожилым людям. Именно это вы собираетесь сделать и с моей ногой?

— Ш-ш-ш! Не гони коней! Давай-ка сперва уточним детали. Значит, ты знаешь, что восстановительной хирургии скоро стукнет пятьдесят лет — именно столько прошло со времени первых пересадок почек, хотя и задолго до этого вполне обычным делом была пересадка роговицы глаза. Если допустить, что кровь — тоже ткань, то сам принцип трансплантации еще древнее. После аварии тебе было сделано массированное переливание крови, оно было повторено, когда доктор Натан ампутировал раздробленное колено и голень. Это вполне естественно, правда ведь?

Конрад чуть выждал, прежде чем ответить. На сей раз доктор Найт говорил как-то виновато, словно прощупывал почву, задавая вопросы, на которые он не хотел бы получить отрицательный ответ.

— Конечно, — ответил Конрад. — Ничего необычного.

— Это элементарно, что тут необычного? Но можно вспомнить, что когда-то многие люди отказывались от переливания крови, хотя знали, что это влечет за собой верную смерть. Вдобавок к религиозным догмам многие из них считали, что чужая кровь как бы осквернит их собственное тело. — Доктор Найт откинулся на стуле, злясь на самого себя. — Можно понять ход их мыслей, но нельзя забывать о том, что наше тело вообще живет за счет весьма разнообразных компонентов. Ведь мы не перестаем есть для того, чтобы сохранить незыблемым наше собственное я. — Доктор

Найт рассмеялся, довольный своей неотразимой логичностью. — Это было бы пределом эготизма*, верно ведь? Я не прав?

Доктор Найт посмотрел на него вопросительно, и Конрад ответил:

— Наверное, в основном правы.

— Прекрасно. Естественно, что и раньше многие люди тоже боролись за свою точку зрения. Замена больной почки на здоровую ни в малейшей степени не нарушает целостности твоего организма. Тем более если это спасает тебе жизнь. Главное — твоя собственная, получившая возможность жить дальше, личность. По самой своей структуре различные части тела служат более широкому физиологическому целому, а наше сознание вполне гибко для того, чтобы дать человеку ощущение их целостности и единства.

Поскольку возражать против таких аргументов было практически невозможно, начались эксперименты, и полсотни лет назад появились первые храбрецы: мужчины и женщины, многие из которых были медиками, — они добровольно жертвовали свои здоровые органы тем, кто не мог жить без них. К сожалению, все эти попытки приводили к неудаче уже через несколько недель. Это было следствием так называемой несовместимости. Организм больного человека, даже умирая, противился пересаженному органу как чужеродному.

Конрад покачал головой:

— А я-то считал, что проблемы несовместимости уже не существует.

— Сейчас действительно не существует. Это было делом больше биохимии, чем мастерства хирургов. Со временем все прояснилось, и десятки тысяч людских жизней были спасены: людей с болезнями почек, печени, пищеварительного тракта, даже с пораженными частями сердца и нервной системы спасала трансплантация. Главной проблемой было — где найти органы для трансплантации? Можно пожертвовать свою вторую почку, но нельзя же отдать печень или митральный клапан сердца. К счастью, многие люди стали завещать свои органы после смерти — сейчас, в наше время, при приеме пациента в общественную больницу ставится единственное условие — в случае смерти больного любая часть его тела может быть применена в целях восстановительной хирургии. Сперва единственны-

---

* Эготизм — самовлюбленность, преувеличенное мнение о своей личности, о своих достоинствах и значимости.

ми, пригодными для консервации, оставались органы грудной клетки и брюшной полости, однако теперь у нас имеются запасы практически любой ткани человеческого организма, поэтому в распоряжение хирургов предоставляется все, что требуется, будь то легкое целиком или несколько квадратных сантиметров какого-нибудь необычного эпителия*.

Когда доктор Найт сел на место, Конрад обвел рукой окружающие стены:

— Эта клиника... вот здесь и происходит это?

— Абсолютно точно, Конрад. Это один из многих современных институтов восстановительной хирургии. Скоро ты поймешь, что лишь у немногих пациентов, поступающих сюда, бывает такая ситуация, как у тебя. В основном восстановительная хирургия служит целям гериатрии, а проще, применяется для увеличения продолжительности жизни пожилых людей.

Доктор Найт ободряюще кивнул, когда Конрад присел на кровати.

— Теперь ты догадываешься, почему тебя окружает так много пожилых людей? Ответ прост — посредством восстановительной хирургии мы даем людям, которые раньше умирали после шестидесяти — семидесяти лет, новый виток жизни. Средняя ее продолжительность увеличилась с шестидесяти пяти лет, как было полвека назад, почти до девяноста пяти.

— Доктор... владелец машины. Я не знаю, как его звали. Вы говорили, что он даже мертвый может помочь мне...

— Я знал, что говорю, Конрад. Одна из главных проблем восстановительной хирургии — это трансплантационный материал. В случаях с пожилыми людьми несложно — здесь даже избыток нужных органов. За малым исключением, болезни большинства престарелых людей приводят к отказу не более чем одного органа, а любой летальный исход дает нам такой запас ткани, который может продлить жизнь двадцати другим больным. Но если вести речь о молодежи, в первую очередь о твоих ровесниках, потребность превышает наличие почти в сто раз.

Ответь-ка мне, Конрад, и попробуй на время забыть о том водителе автомобиля что ты в принципе, думаешь о трансплантации?

Конрад поглядел на простыни, прикрывавшие его. Да-

---

* Эпителий — кожные клетки.

же если забыть о шине, асимметрия его нижних конечностей слишком бросалась в глаза.

— Сложно сказать. Я считаю, что...

— Слово за тобой, Конрад. Делай выбор: либо таскать протез — металлическую подпорку, которая будет беспокоить тебя до конца дней твоих и не разрешит тебе бегать, плавать и вообще передвигаться, как полноценному молодому человеку, или у тебя появится живая нога из плоти и крови.

Конрад медлил. Все, что говорил доктор Найт, не расходилось с тем, что он и раньше знал о восстановительной хирургии, — эта тема не была запретной, хотя ее редко поднимали в обществе детей. И все же он понимал, что это было лишь прелюдией перед решающим выбором.

— Когда вы хотите начать это — завтра?

— Господи, нет, конечно, — доктор Найт не мог сдержать смеха, потом он заговорил дальше, пытаясь сгладить неловкость. — Даже не в ближайшие пару месяцев. Это чересчур сложный комплекс работ: нам потребуется отыскать и пометить окончания каждого нерва и сухожилия, затем подготовить сложнейшую пересадку кости. Минимум с месяц тебе придется таскать искусственную конечность — поверь мне, через некоторое время ты уже будешь с нетерпением ждать появления нормальной ноги. Скажи, Конрад, могу я думать, что в принципе ты не возражаешь? Нам нужно согласие вас обоих — твое и мистера Фостера.

— Считаю, что да. Мне нужно еще поговорить с дядей. До того я не могу принять окончательного решения.

— Ты разумный человек, Конрад, — доктор Найт протянул ему руку. Когда Конрад потянулся, чтобы пожать ее, то понял, что доктор умышленно демонстрирует ему почти незаметный шрам, окружавший основание большого пальца и прятавшийся где-то в центре ладони. Палец казался естественной частью руки и все же выглядел каким-то обособленным.

— Верно, — подтвердил его догадку доктор Найт. — Вот тебе краткий экскурс в восстановительную хирургию. Это произошло, когда я был студентом. Я потерял всего один сустав после заражения в анатомичке, но пришлось заменить весь палец. Он прекрасно служит мне; как раз после этого случая я остановил свой выбор на хирургии. — Доктор Найт показал Конраду целиком весь палец. — Конечно, есть некоторая разница, например, сочленение — новый палец даже более гибкий, чем мой прежний, и ноготь

иной формы, но эти детали не мешают ему быть вполне моим. Я испытываю при этом даже некоторое альтруистическое чувство — я продлил жизнь частице другого человеческого существа.

— Доктор Найт... водитель машины... Вы хотите, чтобы его нога заменила мою?

— Да, верно, Конрад. Мне все равно пришлось бы открыться тебе, потому что пациент должен знать, кто его донор, — вполне понятно, что люди без восторга соглашаются на пересадку органов от преступников или душевнобольных. Как я уже говорил, для юноши твоих лет довольно трудно найти подходящего донора...

— Но, доктор... — ход мыслей собеседника снова поразил Конрада. — Разве нет кого-то другого. Дело не в том, что я настроен к нему отрицательно, но... Причина не только в этом, правда?

После короткой паузы доктор Найт кивнул. Он отвернулся от кровати, и какое-то время Конрад уже думал, не хочет ли тот вообще снять свое предложение. Затем Найт повернулся к нему и показал на окно в парк.

— Конрад, пока ты лежишь здесь, не удивляло ли тебя, что больница пустует?

Конрад обвел рукой большую палату:

— Возможно, потому, что она чересчур велика. На сколько пациентов рассчитана клиника?

— Более двухсот. Это большая лечебница, однако пятнадцать лет назад, еще до того, как я начал работать здесь, она с трудом справлялась с потоком пациентов. Как правило, это были больные старики: мужчины и женщины, которым перевалило за шестьдесят, нуждались в замене одного, максимум двух органов. Тогда возникали огромные очереди, многие пациенты пробовали даже предлагать врачам немалые суммы — взятки, если называть вещи своими именами, так они рвались попасть в нашу больницу.

— Что же происходит сейчас?

— Справедливый вопрос. Ответ на него в какой-то степени проливает свет на то, почему теперь ты лежишь здесь и почему мы так внимательны к твоему случаю. Видишь ли, Конрад, около десяти лет назад во всех больницах страны было отмечено, что число поступающих больных стало резко уменьшаться. Сперва все почувствовали облегчение, но поток пациентов продолжал сокращаться и в следующие годы и достиг теперь уровня одной сотой от поступлений прошлых лет. Причем большинство пациентов —

это или врачи, или люди из обслуживающего персонала медицинских учреждений.

— Но, доктор... если они не идут к врачам... — Конрад поймал себя в этот миг на мысли о своих дяде и тете. — Если они не желают лечь сюда, значит, они предпочитают...

— К сожалению, ты прав, Конрад. Они предпочитают умереть.

Через неделю, когда дядя вновь пришел проведать его, Конрад рассказал ему о предложении доктора Найта. Они отдыхали на террасе рядом с палатой, поглядывая на фонтаны пустынной больницы.

Дядя Теодор пока еще не снимал с руки бинтов, но в основном уже залечил свою травму. Он молча слушал юношу.

— Старики почти не поступают, они остаются дома, когда заболевают... и ждут смерти. Доктор Найт говорит, что нет видимой причины, по которой во многих случаях восстановительная хирургия не могла бы продлить им жизнь на более или менее значительное время.

— Можно ли называть это жизнью? А почему они думают, что именно ты можешь помочь им?

— Видишь ли, он считает, что нужен пример, можно даже сказать, символ. Кто-нибудь, получивший, как я, опаснейшую травму в результате несчастного случая на заре своей жизни, может повернуть их сознание в сторону восстановительной хирургии.

— В этом мало логики, — задумчиво произнес дядя. — Однако... а ты-то сам как думаешь?

— Доктор Найт был вполне честен. Он не скрывал от меня даже такие «ранние» случаи, когда люди, получившие новые органы, прямо-таки разваливались на куски, если не выдерживали швы. Думаю, он прав. Жизнь нужно беречь, нужно спасать умирающего, упавшего на тротуаре, но почему же и не в других случаях? Потому что рак или бронхит не столь драматичны...

— Это ясно, Конрад, — дядя вежливо прервал его. — Но почему, по его мнению, люди отвергают восстановительную хирургию?

— Он честно говорит, что не понимает этого. Он ощущает, что по мере того, как увеличивается средний уровень продолжительности жизни, пожилые люди начали превалировать в обществе и формировать его взгляды.

Им бы хотелось видеть вокруг себя молодых, а их окружают такие же старики. И единственный способ уйти от этого — умереть.

— Это просто гипотеза. А вот почему он добивается, чтобы ты получил обязательно ногу человека, который тебя сбил? Какой-то странный выбор. В нем есть что-то противоестественное.

— Он не считает это важным, по его мнению, когда нога будет пересажена, она будет уже частью меня самого. — Конрад посмотрел на дядину повязку. — А твоя рука, дядя Теодор? Ты лишился двух пальцев. Доктор Найт говорил мне. Не думаешь восстановить их?

Дядя улыбнулся:

— Пытаешься обратить меня в свою веру, Конрад?

Через два месяца Конрад вернулся в больницу, чтобы лечь на восстановительную операцию. Накануне он вместе с дядей нанес короткий визит его друзьям, жившим в районе для пенсионеров на северо-западной окраине города. Это были радующие глаз одноэтажные домики в стиле шале, построенные за счет муниципалитета, сдававшиеся всем желающим за весьма невысокую арендную плату; они занимали заметную часть городской территории. За три недели своего пребывания на амбулаторном режиме Конрад, казалось, посетил все шале. Искусственная нога, которой он пользовался, была очень неудобной, и, выполняя просьбу доктора Найта, дядя брал Конрада с собой ко всем своим знакомым.

Первоначальной целью этих встреч было познакомить юношу с максимальным количеством пожилых людей этого района до того, как он возвратится в клинику, а основную кампанию планировалось начать потом, когда новая конечность приживется. Но Конрад уже переставал верить в успех планов доктора Найта. Конечно, встречи с ним не раздражали хозяев этих домиков, разговоры с Конрадом не вызывали у них ничего, кроме сочувствия и симпатии. Где бы он ни появлялся, старики выходили к ограде перекинуться с ним словом и пожелать счастливой операции. Зачастую, когда он встречал добрые слова и приветствия седовласых мужчин и женщин, улыбавшихся ему из своих садиков и балконов, он ощущал себя единственным молодым человеком в городе.

— Дядя, как объяснить этот нонсенс*? — спросил он как-то, когда они брели рядышком после одного из таких походов. Конрад опирался на две прочные палки. — Они

* Нонсенс — бессмыслица, нелепость.

желают мне обрести хорошую новую ногу, а сами и не думают отправляться в лечебницу.

— Но ты юноша, Конрад, и для них ты просто ребенок. Ты хочешь вернуть себе то, что было твоим по праву: возможность ходить, бегать, танцевать. Твоя жизнь еще не вышла за пределы естественного существования.

— Естественного существования? — утомленно повторил Конрад. Он теребил крепление протеза под одеждой. — В некоторых странах продолжительность естественной жизни чуть больше сорока лет. Разве это может быть критерием?

— Когда как. Иногда может.

Несмотря на то что дядя без возражений водил Конрада по городку, он не слишком охотно поддерживал беседы на эту тему. Они вошли в новый жилой квартал. Один из многих городских гробовщиков открыл здесь свою контору, и в тени, за полутемными окнами, Конрад разглядел молитвенник на подставке красного дерева и строгие фотографии катафалков и надгробных плит. Как бы ни маскировалась близость этого офиса к жилью пенсионеров, все равно Конрад был шокирован — он будто увидел шеренги сошедших с конвейера гробов, выставленных на всенародный обзор вдоль мостовой.

Дядя лишь пожал плечами, когда Конрад возмутился этим:

— Старые люди реалистично смотрят на такие вещи, Конрад. Они не боятся смерти и не благоговеют перед нею, как молодые. Скажу больше, тема смерти их живо интересует.

Подойдя к очередному шале, дядя тронул Конрада за руку.

— Одно слово. Не собираюсь смущать тебя, но сейчас ты встретишься с человеком, который собирается на практике, всем своим поведением выступить против доктора Найта. Может статься, что всего за несколько минут он объяснит тебе больше, чем я или доктор Найт за несколько лет. Его имя — Мэттьюз, между прочим, доктор Мэттьюз.

— Доктор? — повторил Конрад. — Ты хочешь сказать, доктор медицины?

— Именно так. Один из немногих медиков со своим взглядом на вещи. Однако не будем забегать вперед.

Они подошли к шале — скромному двухкомнатному домику с маленьким заброшенным садом, где росли высокие кипарисы. Дверь распахнулась сразу же, как прозву-

чал звонок. Пожилая монахиня в униформе благотворительного ордена после краткого обмена приветствиями пригласила их в дом. Другая сестра, с закатанными рукавами и фарфоровым сосудом в руках, прошла по тропинке на кухню. В доме стоял неприятный запах, который не заглушали даже ароматизирующие средства, а их здесь, видимо, не жалели.

— Мистер Фостер, не согласитесь ли вы подождать пару минут? Доброе утро, Конрад.

Они сидели в неопрятной гостиной. Конрад рассматривал фотографии в рамках, помещенные над письменным столом-бюро с задвижной крышкой. На одной из фотографий была изображена седовласая женщина с птичьим лицом; он решил, что это покойная миссис Мэттьюз. Другая фотография — группа юношей, только что принятых в колледж.

Потом их провели в темную спальню. Вторая монахиня набросила простыню на прикроватную тумбочку. Она одернула покрывало на кровати, а затем удалилась в холл.

Опираясь на свои палки, Конрад стоял позади дяди, в то время как тот смотрел на лежавшего в постели. Мерзкий запах стал теперь еще более противным и, казалось, доносился прямо из кровати. Когда дядя попросил Конрада подойти, юноша, к своему удивлению, не смог рассмотреть изможденное лицо человека на подушке. Серые щеки и волосы будто слились с застиранными простынями в полумраке, создаваемом тенью от гардин.

— Джеймс, это сын Элизабет — Конрад, — дядя пододвинул деревянный стул и пригласил Конрада сесть. — Доктор Мэттьюз, — представил он.

Конрад пробормотал что-то, ощутив, что голубые глаза лежащего изучают его. Что особенно поразило его, так это относительная молодость умирающего. Хотя доктору Мэттьюзу было примерно шестьдесят пять, он выглядел лет на двадцать моложе многих жителей этого района.

— Он уже почти взрослый, не находишь, Джеймс? — сказал дядя Теодор.

Вряд ли вообще заинтересованный встречей с ними, доктор Мэттьюз кивнул. Его глаза застыли на темном стволе кипариса в саду.

— Да, — произнес он наконец.

Конрад нетерпеливо ждал конца визита. Прогулка измучила его, бедро, казалось, снова кровоточило. Он думал, смогут ли они заказать такси прямо из этого шале.

Доктор Мэттьюз повернул голову. Наверное, он все-таки решил рассмотреть и Конрада и его дядю.

— Кого ты выбрал для мальчика? — спросил он резко. — Надеюсь, доктор Натан все еще работает?

— Одного из молодых, Джеймс. Ты, наверное, не знаешь его, но это хороший хирург. Его зовут Найт.

— Найт? — больной равнодушно повторил это имя; этот хирург, видимо, не интересовал его. — И когда мальчик ложится?

— Завтра. Правда, Конрад?

Конрад хотел что-то сказать, но в это время увидел, что человек в кровати чуть заметно улыбается. Как-то сразу устав и приняв странный юмор умирающего доктора на свой счет, Конрад поднялся и, опершись на гремящие палки, спросил:

— Дядя, можно я подожду на улице?..

— Мальчик мой... — доктор Мэттьюз вытащил из-под простыни правую руку. — Я поддразнивал твоего дядю, а совсем не тебя. У него всегда было хорошее чувство юмора. Или же его вообще не было. Как ты полагаешь, Теодор?

— Что же здесь смешного, Джеймс. Ты имеешь в виду, что зря я привез мальчика к тебе?

Мэттьюз откинул голову на подушку.

— Почему же — я присутствовал при его рождении, он имеет право побыть при моем уходе... — Он вновь посмотрел на Конрада. — Желаю тебе удачи, Конрад. Конечно, ты удивляешься, почему я не хочу подобно тебе обратиться к хирургам.

— Ну, я... — заговорил Конрад, но дядя тронул его за плечо.

— Джеймс, мы должны идти. Думаю, можно считать, что мы вполне поняли друг друга.

— Подожди. — Доктор Мэттьюз вновь поднял руку, поморщившись при этом от легкого звука. — Я коротко, Тео, но если я не поговорю с ним кое о чем, уже никто не сделает этого, и уж, конечно, не доктор Найт. Значит, Конрад, тебе семнадцать?

Конрад кивнул, и доктор Мэттьюз продолжал:

— В таком возрасте, насколько мне помнится, думаешь, что жизнь продолжается вечно. Однако каждый рано или поздно сталкивается с вечностью. Взрослеешь, потом стареешь, все чаще и чаще понимаешь, что все в нашей жизни имеет свои пределы во времени, от элементарных вещей до самых важных: женитьба, появление детей и все остальное; это относится и к самой жизни. Четкие границы, очерченные вокруг каждой вещи, как бы устанавливают ее место. Что может быть ярче бриллианта?

— Джеймс, это уже чересчур...

— Успокойся, Тео. — Доктор Мэттьюз приподнял го́лову, он почти поднялся в постели. — Попробуй, Конрад, объяснить доктору Найту, что только из глубокого уважения к жизни мы не хотим искусственно продлевать ее. Тысячи четких линий разделяют нас с тобой, Конрад, это разница в возрасте, характере и жизненном опыте, различие во времени. Ты должен сам заработать все, что делает тебя личностью. Ты не можешь взять это у кого бы то ни было, а уж у мертвеца особенно.

Конрад обернулся, когда распахнулась дверь. Старшая из монахинь ждала их в холле. Она кивнула дяде. Ожидая, пока дядя распрощается с умирающим, Конрад поправил свой протез. Когда монахиня подошла к постели, он увидел на шлейфе ее накрахмаленного платья следы крови.

Они снова шли мимо́ конторы гробовщика; Конрад устало опирался на свои палки. Старики в своих садиках приветливо махали им, и дядя Теодор сказал:

— Мне очень жаль, он, кажется, подшучивал над тобой, Конрад. Я не ждал этого.

— Он присутствовал при моем рождении?

— Он был врачом твоей матери. Мне казалось, что ты должен был навестить его перед смертью. Только не понимаю, что его так развеселило.

Через полгода, день в день, Конрад Фостер шел по шоссе к пляжу у моря. В слепящем свете солнца он видел высокие дюны над песком, а за ними — чаек, застывших на подсыхающей банке в начале эстуария. Движение по приморскому автобану было еще более оживленным, чем тогда, и песчинки, взвихренные в воздух колесами бешено летящих легковых и грузовых автомобилей, поднимали над землей пыльные облака.

Конрад легко шагал по дороге, максимально нагружая свою новую ногу. За последние четыре месяца швы окрепли, почти не болели, и нога казалась еще прочнее и гибче, чем была раньше его собственная. Порой, когда он забывал о ней во время прогулки, нога, казалось, стремилась вперед помимо его желания.

И все же, несмотря на ее несомненную пользу и полное выполнение всех обещаний доктора Найта, Конрад не принял до конца свою новую ногу. Полоска шрама не толще волоса, окольцевавшая его бедро над коленом, превратилась в границу, которая отторгала ногу от остального тела куда заметнее, чем любая другая физическая грани-

ца. Как и пророчил покойный доктор Мэттьюз, одно наличие этой чуждой ноги словно принижало его, как бы провоцируя раздвоение его собственного Я. С каждой неделей и месяцем это ощущение усиливалось тем больше, чем быстрее сама нога приходила в полную норму. По ночам они лежали рядом, словно замкнувшиеся в себе супруги, не обретшие счастья в браке. В первый месяц своего выздоровления Конрад обещал помочь доктору Найту и руководству клиники в их попытке побудить пожилых людей согласиться на восстановительные операции, а не просто дожидаться смерти, однако после того, как умер доктор Мэттьюз, Конрад отказался участвовать в этой рекламной кампании. В отличие от доктора Найта он решил, что реальных средств убеждения нет и что только лежащие на смертном ложе, подобно доктору Мэттьюзу, имели право решать для себя этот вопрос. Для остальных он пока не существовал, и они могли улыбаться и махать руками в своих маленьких садиках.

Мало того, Конрад сознавал, что его собственная, все усиливающаяся растерянность из-за разлада с новой ногой скоро будет заметна внимательному взгляду стариков. Большой новый шрам теперь обезобразил кожу над голенью, и это произошло не случайно — поранив ногу дядиной газонокосилкой, он умышленно позволил ране загноиться, словно хотел новой ноге всего самого дурного. Однако она, казалось, стала лишь здоровее от этой экзекуции.

В сотне ярдов от Конрада был перекресток с дорогой, идущей с пляжа. От легкого ветерка мелкий песок клубами пыли взлетал с дорожного полотна. В четверти мили перед ним двигалась цепочка автомобилей, и водители отставших легковых машин рвались опередить два тяжелых грузовика. Вдали, в эстуарии, раздались крики чаек. Пересиливая усталость, Конрад побежал. Яркое воспоминание о прошлом влекло его к месту несчастного случая.

Когда Конрад добежал до перекрестка, первый грузовик оказался рядом с ним. Конрад встал на бордюрный камень, стараясь побыстрее ступить на островок безопасности с его ярко окрашенными пилонами*.

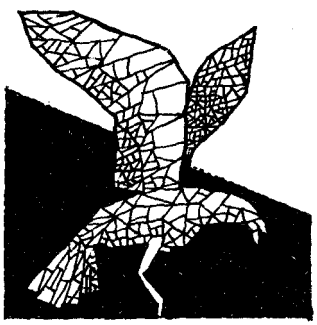
За гулом машин он все же различил резкие вопли чаек, когда те, точно белый серп, рассекали небо. Когда этот

---

* Пилоны — массивные, обычно прямоугольные колонны, применяются для оформления сторон въездов для машин, входов в парки, на мосты и так далее.

серп просвистел над пляжем, старики с баграми двинулись с дороги к своему укрытию в дюнах.

Грузовик пронесся мимо Конрада — поднятая волной воздуха серая пыль хлынула ему в лицо. Высокий пикап пролетел мимо, опередив грузовик, другие машины теснились сзади. Кровожадные чайки начали пикировать над пляжем, и тогда Конрад, сцепив зубы и зажмурившись, прорвался сквозь клубы пыли на середину трассы и побежал навстречу потоку машин, а те на полной скорости неслись ему навстречу.

САДОК ДЛЯ РЕПТИЛИЙ

— Тебе не кажется, что они похожи на гадаринских свиней*? — задумчиво произнесла Милдред Пэлем.

Окинув взглядом переполненный отдыхающими пляж, подходивший вплотную к перилам открытого кафетерия, Роджер Пэлем посмотрел на жену.

— Зачем ты обижаешь людей?

Некоторое время Милдред не отрывалась от чтения, затем резко захлопнула томик.

— Истина дороже, — патетически провозгласила она, — что поделаешь, если они действительно похожи на свиней.

Пэлем только слабо улыбнулся на это, традиционное для его жены, проявление ядовитого скептицизма. Он критически осмотрел свои белые ноги, не слишком гармонирующие с шортами, потом глянул на полные руки и плечи своей половины.

---

* По евангельскому преданию, к Христу, пришедшему в землю Гадаринскую, обратился одержимый нечистой силой человек с мольбой изгнать бесов; бесы же просили разрешения им вселиться в свиней, которые паслись поблизости. Как только они вошли в животных, все стадо с крутого берега бросилось в море.

— Да ведь и мы похожи, — мужественно признался он.

К счастью, никто, видимо, не слышал обидных слов Милдред. Их столик был расположен в дальнем углу террасы, за спиной у них сотни спрессованных посетителей бездумно поглощали кока-колу и мороженое. Многоязыкий говор перемешивался с монотонным бормотанием транзисторов, примостившихся на столиках, и далеким шумом, долетавшим с аттракционных площадок.

Пониже кафетерия раскинулся пляж, его огромная территория от самой воды до шоссейной дороги, терявшейся за дюнами, была усыпана тысячами лежащих на песке тел. Впрочем, под живой мозаикой песка было не рассмотреть.

Даже у кромки моря, где в этот тихий час между приливом и отливом плавно раскачивались пустые пачки из-под сигарет, продуктовые коробки, пакеты и всякий прочий мусор, возились, задирая друг дружку, кучи детей.

Еще раз глянув на песок, Пэлем вынужден был признать, что, несмотря на всю свою язвительность, его жена была в общем-то права. Беспорядочное месиво рук, ног, плеч, голов, раскинутых в стороны или сжавшихся в комок. Кожа, белая у неофитов или покрасневшая под солнечными лучами у тех, кто был на пляже дольше. И вся эта куча плоти двигалась и возилась на песке в бесплотных попытках найти идеальное положение...

Давка и толкотня распаренных тел в сочетании с омерзительными запахами пота и всяческих кремов обычно вызывали у Пэлема неодолимое отвращение. В другое время он бы без колебаний по первой же подвернувшейся трассе умчался на максимальной скорости подальше от этого облака отвратительных миазмов, низко парящего над пляжем под аккомпанемент мушиного жужжания сотен и тысяч транзисторных приемников. Однако сегодня вечная нелюбовь Пэлема к людским скопищам не напоминала о себе... Произведя в уме быстрый подсчет, он решил, что на пляже, растянувшемся на добрые пять миль, разместилось не меньше пятидесяти тысяч человек. Почему-то это странно воодушевило его. Но все-таки ему не хотелось уходить из кафетерия, несмотря на то что было уже начало четвертого, а они с женой ничего еще не ели после раннего и скромного завтрака. Но было понятно, что стоит лишь им подняться, как эти удобные места в углу тотчас оккупируют другие.

«Лакомятся мороженым на пляже Эхо...» — говорил он мысленно, поигрывая пустым бокалом. Между синтетическими апельсиновыми волокнами, прилипшими к стенкам, с вялым жужжанием пробиралась муха. Море раскинулось

тихое и неподвижное, как тусклая плоская тарелка, а в миле от побережья над ним густел туман, напоминая пар над порцией супа.

— Ты выглядишь перегретым, Роджер. Не хочешь ли окунуться?

— Вообще-то можно. Смотри, как любопытно. Ни один человек не решается искупаться.

Милдред безразлично кивнула. Крупная и неторопливая, она, очевидно, не возражала против того, чтобы спокойно понежиться под солнцем с книгой в руках. Но именно она настояла на сегодняшней поездке и необычно спокойно отнеслась к тому, что, попав в плотную пробку, они должны были бросить машину и пройти пару миль пешком, причем за последние десять лет она ни разу не ходила так много.

— Это странно, конечно, — согласилась она, — но, с другой стороны, сегодня не так уж и жарко.

— Не скажи... — проговорил он, но вдруг вскочил и начал внимательно вглядываться в толпу. В центре пляжа самопроизвольно возник узкий проход, параллельный набережной; по нему вяло двигался людской поток с брикетами мороженого, бутылками кока-колы, лосьонов и прочего.

— Что случилось, Роджер?

— Да так. Мне снова показалось, что там Шеррингтон.

— Что это тебя так влечет к Шеррингтону? За сегодняшний день он тебе мерещится четвертый раз. Ты взволнован?

— Да нет, все в порядке. Я не гарантирую, но мне действительно показалось, что там шел Шеррингтон.

Пэлем нехотя опустился на стул, придвинув его поближе к ограде. Казалось бы, что расслабленность и пустота выходного дня должны были принести с собой умиротворение и покой, но, напротив, с самого начала дня его томила какая-то неясная тревога. Это чувство почему-то ассоциировалось с Шеррингтоном и все больше усиливалось...

Возможность именно здесь, на этом кусочке пляжа, встретиться со своим коллегой по факультету физиологии, с которым они в университете делили один кабинет, была ничтожной. Пэлем даже не мог себе объяснить, почему он решил, что Шеррингтон обязательно должен здесь появиться. Может быть, эта навязчивая идея — повстречать на пляже мрачного, длинноногого, сутулящегося ученого с характерным высоким любом и густой черной бородой — была просто результатом накопившейся за последние недели усталости и еще какого-то непонятного влияния, которое оказывал на него этот человек.

Однако странную напряженность испытывал не только он. Милдред держалась спокойно, зато очень многие из отдыхавших на пляже, очевидно, тоже были возбуждены. Постепенный и равномерный гул общей беседы сменялся внезапными вспышками отдельных разговоров. Время от времени наступала странная тишина, и тогда все неисчислимое людское сборище начинало нервно шевелиться: вставать, садиться, двигаться на месте, словно ожидая, что вот-вот начнется какой-то долгожданный спектакль. Пэлем со своего удобного места мог наблюдать вспышки этой нервной активности, при возникновении которой люди в едином порыве слегка подавались к воде.

В такие моменты тусклое сверкание многих тысяч портативных приемников напоминало кривую линию, начерченную осциллографом. С интервалом примерно в полчаса импульс повторялся, и вся масса людей как будто вновь смещалась в сторону моря.

Совсем рядом с каменной подошвой террасы, ни на кого не обращая внимания, разбило свой лагерь многочисленное семейство. Прямо под рукой у Пэлема юные представители клана выкопали нечто наподобие гнезда. Они безостановочно возились в нем, и мешанина угловатых конечностей и мокрых купальников неравномерно дергалась и шевелилась, наподобие какого-то странного игольчатого существа. Через бесконечный шум, долетавший с пляжа и аттракционных площадок, и сквозь бессмысленную болтовню соседей до Пэлема доносились обрывки радиорепортажа по транзисторному приемнику, который дети то и дело переключали с одной волны на другую.

— Сегодня запускают новый спутник, — повернулся он к жене. — «Эхо-22».

— Только его и не хватало, — равнодушными светлыми глазами Милдред смотрела на дымное марево, колыхавшееся над водой. — Мне казалось, что все небо и так утыкано ими.

— Видишь ли...

Пэлем замолчал, не решаясь расценивать скупую реплику жены как приглашение к разговору. Хотя она и была супругой университетского педагога, ее отношение к его работе, да и вообще к науке, было весьма скептическим, если не сказать негативным. К его профессии — физиологии — она еще была более или менее лояльна, но зато все прочее: его постоянно захламленный кабинет, полухиппповых студентов и бессмысленное, с ее точки зрения, лабораторное оборудование, — она откровенно презирала. Пэ-

лем так и не смог понять, какую же профессию она считает уважаемой. До свадьбы она просто избегала разговоров о его работе, и одиннадцатилетнее замужество ничего не улучшило в этом вопросе. Разве что более чем скромное существование на его мизерную зарплату заставило ее участвовать в запутанной и сложной научной интриге, направленной на небольшое продвижение мужа по службе типа: «знал бы, где упасть...» или «поспешай медленно».

Неудивительно, что ее ядовитые замечания не прибавили им друзей. Странным было другое — Пэлем ощущал, что опасливое уважение, которое вызывала его жена, в какой-то степени помогало и ему.

Иногда ее высказывания на каком-нибудь утомительном званом обеде — причем говорила она всегда громко и внятно — вызывали у Пэлема восхищение своей едкой точностью. Как, например, она использовала однажды возникшую в разговоре паузу, чтобы навесить на престарелого профессора физиологии ярлык: «геронтологический фокус», да еще в опасной близости от жены последнего. Но все-таки ее безразличие к окружающим людям, полное отсутствие в ней такого чувства, как сострадание, иногда просто пугало его. Ее овальное лицо с равнодушным взглядом и плотно сжатыми губами, напоминавшими бутон молодой розы, вызывало в памяти ядовитое замечание о портрете Моны Лизы, будто она выглядит такой загадочной потому, что недавно закусила собственным мужем. Правда, Милдред в отличие от знаменитой итальянки даже не улыбалась.

— У Шеррингтона есть весьма своеобразная гипотеза, связанная со спутником, — сказал он. — Я рассчитывал, что мы встретимся и он сам изложит ее тебе. Считаю, дорогая, что тебе это покажется интересным. Сейчас он разрабатывает теорию ВМВ.

— Какую теорию?

Находившиеся у них за спиной люди прибавили громкость транзистора, и стала хорошо слышна передача с мыса Кеннеди о готовности к запуску «Эха-22».

— ВМВ, — объяснил Пэлем, — означает внутренние механизмы возбуждения. Я когда-то уже говорил тебе о них. Это передающиеся по наследству рефлексы, которые...

Он замолчал, с раздражением глядя на жену. Та перевела на него тот же, лишенный выражения взгляд, каким одаривала людские тела на пляже.

— Милдред! — взорвался Пэлем. — Я, кажется, хочу изложить тебе спутниковую теорию Шеррингтона.

Милдред хладнокровно парировала его взгляд.

— Роджер, тут такой шум, что ничего невозможно понять. А уж изыски Шеррингтона — тем более...

Ему почудилось, что по толпе прошел очередной вал тревоги и оживления. Как будто реагируя на то, что на далеком мысе Кеннеди идет отсчет цифр перед пуском, люди приподнимались, садились, помогали друг другу стряхнуть прилипший песок. Пэлем видел, как запрыгали солнечные блики, отражаясь от полированных приемников и стекол солнцезащитных очков, когда ожил и задвигался весь огромный пляж. Шум при этом затих, так что стали явственно слышны звуки музыки на аттракционной площадке. Повсюду шло какое-то нетерпеливое целенаправленное шевеление. Пэлему, смотревшему на пляж прищуренными от яркого солнца глазами, он вдруг показался гигантской ямой, кишащей белыми гадами.

Вдалеке прозвучал громкий женский вопль. Пэлем прямо со стулом резко дернулся вперед в сторону одинаковых и невыразительных лиц за темными стеклами очков. В воздухе сгустилась острая напряженность, гнетущее, почти пугающее скопление мощной нервной энергии, пульсирующей под тонким покровом стабильности и порядка.

Но мало-помалу все утряслось. Людская опара угомонилась и снова улеглась на теплый песок. Густая вода касалась ног тех, кто устроился у самой кромки моря. Какое-то движение в нем вызвал слабый порыв ветра, и в воздухе опять распространился неприятный смешанный запах людского пота и всевозможных кремов, так что Пэлем с трудом справился с подступившей к горлу тошнотой. Не приходится спорить, подумал он, что так называемый венец природы, особенно когда он сбивается в кучу, представляет собой куда более омерзительное зрелище, чем любые другие представители животного мира. Ферма животных, лошадей, например, или бычков, вызывает ощущение сгустка здоровой нервной энергии, в то время как эта змееподобная куча бесцветной дряблой плоти, развалившаяся на песке, походила на худшие образцы анатомических этюдов самых извращенных художников-модернистов. Почему эта толпа собралась именно здесь? Ведь утренний прогноз погоды не сулил большой жары. И вообще, внимание теле- и радиокомментаторов было сконцентрировано на запуске последнего спутника, который являлся заключительным штрихом в гигантской картине всемирной системы информации. Теперь каждый участок Земли был обеспечен прямым соединением с одним из спутников связи, опоясавших Земной шар. Может быть, массовое паломничество на этот пляж следует рассматривать как

проявление полной покорности судьбе, олицетворенной в виде уникальной системы наблюдения за всем и вся. Разница лишь в том, что здесь люди обнажили не головы, а тела.

Пэлем нервно задвигался на стуле, неожиданно почувствовав, как алюминиевое ребро столика врезается в его локти. Дешевые стулья с сиденьями из узких реек были неудобными, казалось, что тебя затолкали в шкаф для пыток с металлическими стрелами и креплениями. Его снова коснулось непонятное ожидание какого-то странного насилия, и он поглядел вверх, будто предполагая, что в небе сейчас возникнет, разорвав рваную пелену, огромный лайнер и вдруг рухнет вниз, погребая всех под своими обломками.

— Пляжное безделье иногда становится просто опасной манией, — обратился он к жене. — Перед второй мировой войной австралийцы были очень озабочены этим повальным увлечением.

Милдред отвлеклась от книги и потерла уставшие от чтения глаза.

— Они, наверное, с тоски подыхали?

— Ты знаешь, примерно так. Пока множество людей предпочитают бездумно тратить время на валяние на песке, трудно серьезно думать о других, более разумных или активных формах отдыха. Это антиобщественное времяпрепровождение именно в силу своей полной пассивности, — *тут он понизил голос, заметив, что окружающие начинают посматривать на них и вслушиваться в его профессионально отточенные фразы.* — В то же время, оно несомненно, пробуждает стадное чувство, так как нивелирует людские различия. Действительно, обнаженная принцесса мало чем отличается от обнаженной официантки.

— Ты думаешь?

Пэлем раздраженно отмахнулся.

— Не придирайся, ты же улавливаешь мою мысль. И все-таки много важнее психологическое воздействие пляжа. Здесь особая роль принадлежит узкой полоске прилива, промежуточной зоне, которая вечно стремится порвать с морем и никогда не может уйти от него. Она как бы соединяет два полюса времени. Если мы условно назовем море подсознанием, то тяготение к суше можно назвать попыткой спасения от своей экзистенциальной функции в обыденной жизни и возврата в море, как в изначальное время.

— Опомнись, Роджер, — Милдред утомленно отвернулась от него. — Мне кажется, что я слушаю Шеррингтона.

Пэлем опять уставился на море. Снизу голос комментатора деловито сообщал, что запуск прошел по плану, и

называл место нахождения, скорость движения и маршрут спутника по околоземной орбите. Почти машинально он прикинул, что тот пролетит над пляжем примерно через четверть часа, то есть ровно в половине четвертого. Увидеть его, конечно, нельзя. Почему-то он вспомнил одну из последних публикаций Шеррингтона, в которой утверждалось, что часть солнечного инфракрасного излучения может подсознательно восприниматься сетчаткой человеческого глаза.

Лениво думая о том, что даже такое, казалось бы, нейтральное открытие сумеют повернуть в своих интересах дельцы от бизнеса или от политики, Пэлем вслушивался в бормотание стоящего внизу транзистора. Внезапно длинная незагорелая рука выключила звук. Рука принадлежала пухлой девице с белоснежной кожей и лишенным выражения ликом мадонны с овальными щеками, на которые падали черные пряди. Затем она перевернулась с живота на спину, отодвинувшись от своей компании, и встретилась взглядом с Пэлемом. Специально выключила, стерва, чтобы не дать мне послушать, подумал он, но потом ему пришло в голову, что, может быть, девушка слышала его филиппику и ждала ее продолжения.

Обласканный этой мыслью, он изучал круглое, внимательное лицо девушки, ее еще не взрослую, но уже и не детскую фигурку, размышляя, что разделяющее их расстояние и степень ее обнаженности вполне подошли бы для общей постели.

Выражение ее юного лица, открытое и одновременно непонятно пренебрежительное, оставалось неизменным, и Пэлем первым отвел глаза, понимая, что оно означает. Он с острой горечью ощутил свою беспомощность перед Милдред, ту ватную стену, которая отделила его от остального мира, лишив шанса на встречу с чем-то другим, может быть, подлинным. Тысячи соглашений и лавирований, на которые он решался ежедневно в течение последних десяти лет только для того, чтобы жить более или менее нормально, отравили его сладким ядом, высосав взамен все, что позволяло ему раньше ощущать свою индивидуальность. Теперь он превратился в заспиртованный экспонат в колбе. Раньше он осуждал себя за свою инертность, за неумение бороться с судьбой; теперь же он растерял все критерии, с помощью которых мог бы поставить себе объективный диагноз. Позорность его существования была куда большей, чем того мелкого, неразумного, грубого сброда, который его окружал.

— В море что-то появилось, — Милдред жестом показала в сторону воды. Пэлем поглядел в направлении ее

протянутой руки. Там на расстоянии двухсот ярдов от террасы толпились люди, вода мягко перекатывалась по их ногам, они рассматривали что-то в мелководье. Некоторые закрывались от солнца газетами; женщины постарше зажимали юбки между коленями.

— Отсюда ничего не видно, — Пэлем поскреб подбородок; его заинтересовал человек, стоявший поодаль на краю набережной, очень похожий на Шеррингтона, но не он. — Кажется, ничего страшного. Может быть, волна принесла какую-нибудь диковинную тварь.

На террасе и на пляже снова воцарилось ожидание чего-то необычайного, все как-то подались вперед. Чтобы услышать, что говорят в отдалившейся от общей массы группе, люди выключили транзисторы, и на пляж, как огромное облако, закрывающее солнце, опустилась тишина. После многих часов непрерывной суеты и галдежа молчание и неподвижность казались какими-то мистическими, накладывая на лица многих тысяч людей выражение глубокой отрешенности от всего земного.

Застывшие у воды люди не шевелились, даже дети смотрели туда же, куда и взрослые. В первый раз за сегодняшний день узкая полоска пляжа опустела: забытые там и уже полупогребенные под песком транзисторные приемники и пляжные принадлежности напоминали свалку мусора. Вскоре освободившееся пространство заполнили новые люди, но те, кто был у воды, даже не заметили этого. Пэлем мог бы сравнить их с усталыми паломниками, которые, достигнув вожделенной цели, терпеливо ждут, когда же священные воды подарят им долгожданное великое чудо.

— Что же там творится? — произнес Пэлем через некоторое время. Люди у кромки моря сохраняли полную неподвижность. Он обратил внимание на то, что стоят они не дугой, как предполагала береговая линия, а неровной шеренгой. — Кажется, они вообще никуда не смотрят.

Густое марево тесно приблизилось к берегу и почти скрывало его от людского глаза. Плотная вода была похожа на жирную нефть, редкие слабые волны нехотя впитывались в захламленный песок, оставляя за собой тусклые поблескивающие пузыри. Накатываясь на берег, море напоминало восставшего из пучины гигантского монстра, тупо старающегося уцепиться за край земли.

— Милдред, а что если я все-таки подойду к воде. — Он поднялся. — Там что-то странное... — он не договорил, показывая в другую сторону от террасы. — Смотрика, еще люди. Что же это такое?

Там, куда он показал, в семидесяти пяти ярдах от кафетерия возникла новая группа, также внимательно смотревшая в воду. Всего на берегу толпилось уже около двухсот человек, которые без единого слова и жеста глядели на раскинувшееся перед ними море... Пэлем нервно захрустел пальцами: затем он ухватился руками за ограду террасы, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не присоединиться к толпе.

Прошло несколько минут, и люди вновь утратили интерес к происходящему, и опять невнятный говор повис над пляжем.

— Одному господу ведомо, что их там интересует, — Милдред демонстративно повернулась к группе спиной. — Смотри, и там толпятся, словно ждут чего-то.

В самом деле, у края моря появилось уже с полдесятка таких же групп, возникших почти на одинаковом — примерно около ста ярдов — отдалении одна от другой. Пэлем пристально изучал дальний край залива, рассчитывая найти хоть что-нибудь реальное, моторную лодку, например. Ничего не было видно. Он перевел взгляд на часы. Стрелки приближались к половине четвертого.

— Трудно поверить, что они чего-то там дожидаются, — возразил он, изо всех сил скрывая волнение. Его ноги под столиком выбивали дробь. — Единственное, что должно появиться, — это спутник связи, но его же невозможно увидеть. Нет, это что-то в море. — Заговорив о спутнике, он опять вспомнил Шеррингтона. — Милдред, а ты не считаешь...

Он не успел договорить, потому что какой-то мужчина за его спиной, неестественно изогнувшись, словно пытаясь протиснуться к ограде, уперся ему в спину острой спинкой своего стула. Пока Пэлем старался отделаться от него, мужчина обдал его противным пивным перегаром и резким запахом пота. Перед ним промелькнул застывший, остекленевший взгляд, неряшливый, давно небритый подбородок и полуоткрытый, как створка раковины, рот; все это в слепом импульсивном напоре было устремлено к воде.

— Спутник!

Оттолкнув грубияна, Пэлем развернулся и посмотрел вверх. Небо было безразличное, светло-голубое и абсолютно пустое. Не только лайнера, но даже ни единой птицы, а ведь утром еще в двадцати милях от берега они видели чаек, как будто ожидающих бури. Блестящий свет слепил и резал глаза, расплывчатые яркие точки плавали и танцевали на небосклоне, образуя причудливые круги.

Но одна из таких точек, возникшая, очевидно, на западе горизонта, упрямо стремилась вперед, приближаясь к пляжу.

Люди вокруг повскакивали на ноги, раздался скрежет отодвигаемых стульев. С одного из столиков упали на каменный пол и разбились несколько бутылок.

— Милдред!

По грандиозному, сумбурному, протянувшемуся во весь огромный пляж людскому скопищу прошла волна: люди медленно вставали во весь рост. Невнятный шепот уступил место требовательному и холодному звуку, пронесшемуся из конца в конец пляжа. Почудилось, что гигантский массив ожил и задергался в пляске святого Витта.

Только у самой воды люди оставались неподвижными. Теперь они сомкнули ряды, полностью закрыв собой морскую гладь. Их становилось все больше и больше, в некоторых местах они уже дышали в затылок друг другу.

На террасе совсем не осталось сидящих. Под натиском вновь прибывших собравшиеся на пляже оттеснялись к морю; разместившееся под ними семейство уже продвинулось вперед футов на двадцать.

— Милдред, может быть, ты где-нибудь заметила Шеррингтона? — увидев, что часы показывают ровно три тридцать, Пэлем коснулся плеча жены, пытаясь вывести ее из оцепенения. Она ответила ему совершенно пустым взглядом, в котором не осталось уже ничего. Казалось, что она не понимает его слов.

— Милдред, необходимо сейчас же уйти отсюда! Шеррингтон твердо уверен, — хрипло заговорил он, — что некоторые из инфракрасных лучей, посылаемых спутником, доходят до нас и могут образовать такое сочетание, которое оживит внутренние механизмы возбуждения, сформировавшиеся миллионы лет назад, когда над планетой вращались космические корабли других цивилизаций. Милдред, очнись!

Неведомая сила подняла их так, будто они превратились в беспомощные манекены, и притиснула к ограде кафетерия. Огромная толпа текла вниз, к воде, и весь пятимильный склон затопил людской поток. Все молчали с одинаково отрешенным и застывшим на лице выражением, какое бывает у людей, уходящих со стадиона после поражения любимой команды. У них за спиной в парке аттракционов бессмысленно крутилось чертово колесо с совершенно пустыми креслами. Через плечо Пэлем взглянул на площадку автоматов, находившуюся в полукилометре от пляжа. Там среди пестрых строений продолжала крутиться пустая карусель. Он решительно подтолкнул Милдред к парапету, помог ей соскочить на песок и попытался выбраться на набережную. Но как только они завернули за угол здания, встречный люд-

ской поток обнял их и поволок назад по трещавшим под ногами транзисторам и бутылкам.

Они прижимались друг к другу, чтобы их не разделила толпа, и когда давление окружающих чуть ослабло, снова смогли ощутить почву под ногами. Восстановив равновесие, Пэлем продолжал свою мысль.

— Шеррингтон утверждает, что доисторические люди в ужасе теряли рассудок, как те гадаринские свиньи, в которых вселились бесы. Не случайно большинство их захоронений находится на озерных берегах. Рефлекс может подействовать с такой силой...

Он неожиданно замолчал. Гул как-то вдруг умолк, и огромная людская лавина, не оставившая ни одного свободного места на песке, застыла в безмолвном молчании, устремив взор к морю. И Пэлем тоже повернулся туда, где на людей наплывали бесформенные дымные клубы жаркого марева. Они были уже совсем рядом, в какой-нибудь полусотне футов от них. Чуть опустив головы, стоящие впереди люди безмолвно глядели на вздымающиеся волны. От зеркала воды отражалось яркое, обжигающее взгляд, пульсирующее загадочное свечение, на фоне которого воздух на пляже сделался тусклым, а немые фигуры неподвижных людей походили на кладбищенские памятники.

Наискосок от Пэлемов, ярдах в двадцати перед ними, стоял высокий человек с сосредоточенным и спокойным взглядом, его борода и высокий лоб не могли принадлежать никому другому.

— Шеррингтон! — закричал Пэлем. При этом он непроизвольно поднял голову и ощутил, как светлая точка опалила ему сетчатку...

Это было последнее, что он успел почувствовать, потому что в следующий миг толпа, охваченная единым порывом, смяла его и поволокла за собой в морскую пучину.

ГОЛОСА ВРЕМЕНИ

ХРОНОПОЛИС

Суд был назначен на завтра. Часа, естественно, не знал никто. Скорее всего после полудня, когда сойдутся все действующие лица: судья, присяжные, прокурор... Может явиться и адвокат. Но он суетиться не станет — ведь исход дела предрешен, а всем известно, каково добираться до здания тюрьмы и суда, а затем до изнеможения ждать транспорт, который то ли будет, то ли нет, на жуткой станции под тюремными стенами, на ночь глядя...

Камера, к счастью, была с окном на юг, и Ньюмен Конрад зря времени не терял.

Дугу, по которой проходило солнце, можно было увидеть, только встав спиной к окну, но об этом никто не догадывался, а тюремщики были слишком глупы.

Конрад куском извести разделил дугу на десять равных отрезков — дневных часов, каждый из них — на двенадцать маленьких, и солнце, путешествуя по камере, показывало время.

Начинаясь на стене, цепочка белых отметок проходила по полу, железной кровати и поднималась по другой сте-

не. Мысленно деля маленькие промежутки на пять частей, Конрад определял время с точностью до минуты.

Импровизированный циферблат требовал постоянной выверки, это помогало коротать время, но даже если пренебречь этим, часы давали немалые преимущества: едва край тени касался первой отметки, что означало четверть восьмого, Конрад, не жалея глотки, орал:

— Брокен, дружище, подъем!

И когда наконец раздавался истошный сигнал побудки, сержант уже вовсю лаял других тюремщиков. Разумеется все повторялось и по другим поводам: утренняя перекличка, приборка, завтрак и так вплоть до вечерней проверки. Конрад орал, а начальство неизменно выделяло Брокена как лучшего коридорного.

Беспорядок, возникавший в пасмурные дни, не давал сержанту забыть о преимуществах сотрудничества с узником, поэтому и держали его в лучшей камере, а сигарет он получал, сколько хотел.

Но все рано или поздно кончается: к обоюдному сожалению, день суда был назначен.

Отсиживать срок, возможно, придется в камере с окном на север. Исследования Ньюмена были далеко не закончены, а определять время по теням на дворе для прогулок представлялось чрезвычайно трудным.

Выход был один: попытаться самому уподобиться часам, регулируемым, скажем, пульсом или частотой дыхания.

С помощью сложной системы упражнений Конрад пытался развить у себя чувство времени, но шансов было маловато — ошибки оказывались удручающе большими, но он знал, что сойдет с ума, если не сможет в любой момент точно определить время.

К обвинению в убийстве его привело невинное поначалу увлечение.

Еще ребенком его интересовали странные круги с двенадцатью делениями на древних башнях и зданиях в старых кварталах города.

— Да ничего они особенного не обозначают, — объясняла мать, — просто так, украшения.

«Дурацкие украшения» — подумал он тогда.

Однажды в старом мебельном магазине, в ящике, где валялся всякий хлам, они увидели часы со стрелками.

— Одиннадцать... двенадцать... Что это значит?

— Ничего, — ответила мать, — ничего особенного.

Почти бегом она увела сына и дала себе зарок не приходить больше на эту улицу. А про себя отметила: «Без пяти двенадцать, точно!»

Жила семья Ньюменов на краю огромного полуразрушенного города. Изредка Конрад ходил в школу, а чаще стоял с матерью в бесконечных очередях у закрытых лавок. Играл с детворой на железнодорожной станции, гоняя по рельсам ржавую платформу, устраивал командные пункты, взламывая двери пустующих домов. Так и шли неторопливо полные безделья годы, а время не имело ни смысла, ни ритма... и будущее казалось таким же бессмысленным и аморфным, как и настоящее.

Взрослеть Конрад не спешил, жил, как и все в этом мире: не задумываясь о будущем, не сожалея о прошлом.

После смерти матери, роясь на чердаке в разном старье, играя со шляпками, бусами и прочими безделушками, он нашел маленький плоский золотистый предмет, снабженный ремешком. Стрелок не было, но циферблат заинтересовал его, и он надел предмет на руку.

— Где ты это раскопал? — спросил отец, едва не подавившись супом.

— Среди маминых вещей. Можно, я возьму себе?

— Что ты, Конрад, отдай, — непонятно отчего разнервничался отец. — Ты погоди, сынок, через несколько лет я тебе все объясню. Вот исполнится тебе четырнадцать...

Запретный плод сладок, и вскоре он знал все.

— И чего тут? Стоило суетиться из-за каких-то там часов. Разве недостаточно календарей?

Но запавшее в душу сомнение, что ему рассказали не все, заставляло Конрада рыскать по улицам в поисках ключа к секрету.

Он находил и изучал брошенные часы. Большинство из них были изувечены, многие проржавели. Они висели на зданиях, фонарных столбах, над входами в учреждения. Трудно было угадать их истинное назначение, ведь ясно было, что простое определение времени не могло быть незаконным. Все пользовались таймерами. На кухнях, на фабриках, в больницах — везде, где надо придерживаться определенного ритма времени. Один из них тонким свистом будил по утрам отца.

Часы были похожи на градуированный таймер, но ка-

зались куда менее полезными из-за переизбытка лишней информации.

Исподволь, очень осторожно Конрад пытался выведать что-нибудь у знакомых и соседей, но молодые вообще ничего не знали, а старики уже начали забывать. Он заметил странную закономерность: не шибко образованные собеседники были более разговорчивы; возможно, у них не было комплекса вины за то, что случилось много лет назад.

— Э-э-э... часы были у каждого, миллионы часов.

— Но для чего они были нужны, мистер Кригтон? — спрашивал мальчик у старого водопроводчика.

— Ну, мы... смотрели на них, узнавали, который час. На работу по ним ходили.

— Но разве недостаточно таймера?

— Ну... не знаю, как бы тебе объяснить. Спроси-ка лучше отца.

Отец же ничего не стал разъяснять, даже когда сыну исполнилось шестнадцать лет. Устав юлить, он грубо сказал:

— Отстань же, наконец! Неужели не понимаешь — от этого одни неприятности.

Преподаватель английского языка Стеси любил ошеломлять учеников оригинальными суждениями о браке и экономике. С явно извращенным юмором он требовал того же и от них. Вот Конрад и накатал сочинение, в котором воображаемое общество развлекалось сложным ритуалом наблюдения за тем, как минута за минутой течет время.

Стеси никак не среагировал, но ребят такая фантазия заинтересовала. Конраду быстро надоело их любопытство, и он сам спросил:

— Почему закон запрещает часы?

Стеси перебросил кусочек мела из руки в руку.

— Разве есть такой закон?

— Да, я видел объявление в полицейском участке: сто фунтов за каждые сданные часы. Очень старое, но сержант сказал, что оно еще в силе.

— Займись, вдруг миллионером станешь.

Конрад не обратил внимания на насмешку.

— Почему запрещено иметь оружие — понятно, но какой вред от часов?

— Но это же просто! По часам можно узнать, сколько времени тратит человек на работу, и заставить его работать еще быстрее.

В семнадцать лет он сделал свои первые часы.

Своего рода одержимость временами давала ему заметные преимущества перед товарищами. Нельзя сказать, что он был самым умным или самым добросовестным, но умение организовать свой досуг позволяло ему ярче проявлять свои способности. Другие еще бездельничали в счастливом безвременье, а у него уже наполовину готовы домашние задания — он четко распределял время на каждое из них. Покончив с уроками, он поднимался на чердак, где создавал свои первые конструкции: градуированные свечи, солнечные, песочные часы и громоздкий механизм мощностью в половину лошадиной силы, который двигал стрелки с нарастающей скоростью, как бы пародируя прогрессирующую одержимость своего создателя.

Первые настоящие часы были водяные. Вода вытекала из бака, вместе с ней опускался поплавок, а тот двигал стрелки — просто, но точно. Однако Конрад не прекращал поиск исправного часового механизма. Повсюду в старых домах валялось бесчисленное множество часов: настольные, карманные и прочие, но механизмы из них были вынуты, часто вместе со стрелками, а иногда и с циферблатами. Попытки самостоятельно создать сколь-нибудь надежный регулятор хода кончались провалом. Судя по рассказам, часы были инструментом неимоверно точным по конструкции и требовали тщательной отделки каждой детали. Одна лишь надежда тешила его: найти исправные часы, лучше всего ручные.

И однажды ему повезло. В кино он оказался рядом со стариком, тому стало плохо. Конрад помог отнести его в кабинет администратора. При тусклом свете на руке мужчины вдруг блеснул металл. Конрад нащупал плоский диск часов. Он не хотел красть. Он просто подумал, что врач, проверяя пульс, может обнаружить их. Домой он шел, сжимая часы в руке. Тиканье казалось ему громким, словно трубный глас. Он каждую секунду ожидал, что прохожие начнут показывать на него пальцами и Полиция Времени тут же схватит его.

У себя на чердаке, затаив дыхание, он осмотрел их, вздрагивая при малейшем шорохе в отцовской спальне.

Они были почти такие же, как у матери, только не с красным, а с желтым циферблатом, ходили они почти неслышно. Золотой корпус поцарапался и облупился, но ничего прекраснее Конрад в жизни не видел. Много времени

провел он на чердаке, вглядываясь в желтый циферблат, а иногда снимал крышку и зачарованно смотрел на неистовое мельтешенье миниатюрных зубчиков и колесиков. Смотрел на неумолимую минутную стрелку, на гордую часовую, компасом прокладывающую ему путь через время в будущее.

Часы он не снимал весь день. Без них время теряло ритм и все вокруг превращалось в бестолковую, раздражающе бессмысленную суету. Отец ему стал казаться тупым бездельником, который сидит себе и не знает, когда что случается.

Конрад сделал в рукаве узкую прорезь, чтобы украдкой смотреть на циферблат. Он быстро привык определять по часам длительность обеда, уроков, футбола, время сна и бодрствования, — словом, всего.

А потом он попался.

Уроки английского языка продолжались ровно сорок пять минут, и Конрад постепенно привык убирать свою парту за минуту до гудка таймера. Он замечал, что Стеси с любопытством посматривает на него, но искушение первым пройти к двери перед изумленным учителем было сильнее осторожности.

Однажды таймер не прогудел вовремя.

«Неужели часы сломались?»

Слегка запаниковав, Конрад едва сдержался, чтобы не посмотреть на циферблат.

Сардонически улыбаясь, Стеси медленно прошел между партами к Конраду.

— Торопишься, Ньюмен?

Сбитый с толку Конрад покраснел от смущения. Стеси отпустил класс.

— А ты, Ньюмен, погоди. Что, забыл завести часы?

Конрад молчал.

— Где ты их достал, у родителей? Да не волнуйся ты так, Полиция Времени давно распущена.

Конрад внимательно посмотрел ему в глаза.

— Это часы моей матери, — солгал он. — Нашел среди ее вещей.

— Вот как?

Стеси протянул руку. Нервничая, Конрад отстегнул часы и отдал.

— Вы сообщите обо мне?

— Зачем? У психиатра и без тебя забот хватает.

— А разве это не противозаконно?

— Успокойся, ты вовсе не самая большая угроза обществу. — Он вернул часы.

— В субботу отложи все дела — мы с тобой совершим небольшое путешествие.

— Куда?

— В прошлое, — улыбнувшись, сказал Стеси, — в Город Времени Хронополис.

Стеси взял напрокат машину, помятую, но с блестящими боками, и они отправились в путь.

— Ну что, посмотрел? — Стеси кивнул на толстую пачку дорожных карт на заднем сиденье.

— Ага. Надо же, пятьсот квадратных миль. Какая громадина! А куда исчезли люди?

Стеси рассмеялся.

Назад неслись деревья, полуразрушенные дома — окна выбиты, крыши провисли. Даже те немногие, в которых кто-то жил, имели убогий вид.

— Когда-то здесь было тридцать миллионов жителей. Теперь — не более двух, и потихоньку становится все меньше. Пятьдесят миль в диаметре, — продолжал Стеси, — пятьдесят мертвых миль, вот что представляет собой старый город. Мы — те, кто выжил, — опоясали его колоссальным кольцом толщиной в пять миль.

Покрутившись по кривым переулкам, они выехали на бульвар, который вел в западном направлении. Судя по карте, они приближались к краю зеленого кольца, внутри которого безжизненной серой краской был обозначен старый город.

Промелькнула последняя из оживленных торговых точек — своеобразный пограничный пост. Кончились наконец ряды ветхих домов, и над путешественниками грозно загудели массивные стальные виадуки.

— Это железнодорожная система, довольно сложная. Ежедневно он перевозила до пятнадцати миллионов человек, — сказал Стеси, поглядывая в зеркало на Конрада.

Тот не отрывался от окна. Постепенно дома стали выше. Появились светофоры, турникеты для пешеходов. Над безлюдными улицами угрюмо нависали обшарпанные громады зданий.

Конрад впервые оказался здесь. Даже в детстве какой-то суеверный страх не пускал его в центр — только в другую сторону, за пределы города.

Улицы умерли лет тридцать тому назад. Витрины щерились осколками зеркальных стекол, с карнизов свешивались провода и вывороченные рамы, на тротуарах валялись какие-то ржавые обломки.

Вытягивая шею, Конрад заглядывал в узкие переулки, в открытые подъезды с перекошенными дверями, в пустые окна. Страх и ожидание чего-то необычного исчезли. Улицы напоминали позабытую помойку. Люди отсюда просто ушли.

От миле к миле менялась архитектура. Стройными рядами, как на параде, проходили дома в десять — пятнадцать этажей, облицованные зеленой и синей плиткой, со стеклянной и медной отделкой фасадов.

Город как бы вывернулся наизнанку. По мере продвижения к центру он, вместо того чтобы показывать свое ископаемое прошлое, являл все новые достижения былой цивилизации.

По пологому пандусу Стеси направил автомобиль на широкую, ничем не загроможденную автостраду, поднятую на железобетонных опорах над крышами домов, и резко увеличил скорость.

Милях в двух или трех виднелись четкие прямоугольники корпусов. Напоминая гигантские костяшки домино, там выстроились сотни сорокаэтажных домов.

— Центральные рабочие кварталы, — объяснил Стеси.

Через несколько минут тысячи одинаковых зданий врезались в небо. Исчезли характерные для предместий небольшие дома и магазины, но вид у гигантов был не менее потрепанный: те же отверстые окна, перекошенные балконы, обшарпанные стены.

Но не это волновало Конрада. Повсюду здесь были часы. Их можно было увидеть с любой точки. На каждом углу, под каждой аркой, на стенах зданий. Большинство висело высоко над землей, и поэтому на них сохранились стрелки. Все они показывали одинаковое время — одну минуту первого.

Конрад взглянул на свои — было без четверти три.

— Это случилось тридцать семь лет тому назад, — сказал Стеси. — Сразу после полуночи остановились главные часы, от которых зависел ход остальных.

Становилось все темнее. Солнце только изредка, сквозь узкие просветы между утесами зданий, освещало унылое дно рукотворного каньона. Молчаливые джунгли стекла и бетона буквально давили.

Машина по-прежнему неслась на запад. Кончились жи-

лые кварталы, появились административные здания центральной зоны, совсем уж высокие — до семидесяти этажей, повязанные между собой спиральными съездами и галереями. Только на высоте пятнадцати метров, вровень с автострадой, начинались первые этажи. Здания словно на ходулях шагали через застекленные блоки лифтов и эскалаторов. Улицы были широки, но однообразны, взгляду не на чем было остановиться: кругом лишь сталь и бетон, заметно тронутые запустением.

Конрад не представлял, что их может быть так много. Местами они даже заслоняли друг друга. Разноцветные — синие, желтые, зеленые — они имели по четыре и даже по пять стрелок. Главные стрелки стояли на пяти минутах первого, остальные — в самых разных положениях.

— Почему они разных цветов, — спросил Конрад, — и для чего столько стрелок?

— Временные зоны, — ответил Стеси, — для разных профессий и потребительских смен. Ты погоди, сейчас приедем.

Наконец, свернув на пандус, они съехали на большую площадь ярдов восемьсот длиной и четыреста шириной с запущенным и заросшим сорняками газоном в центре. Здания вокруг казались стеклянными скалами, воткнутыми в небо.

Они вышли из машины, немного размялись и зашагали к зеленой полосе бывшего газона. Улицы спицами чудовищного колеса расходились от площади, и Конрад только сейчас понял, насколько громадны эти геометрические джунгли.

Поставив ногу на бордюр газона, Стеси повел рукой на небольшую кучку невысоких зданий необычной архитектуры, характерной для девятнадцатого века. Ветхие от старости, они к тому же были сильно повреждены взрывами.

Таких больших часов Конрад еще не видел. Метров тридцать в диаметре, с белым циферблатом, на высокой железобетонной башне, чуть позади старых зданий, они тоже стояли на одной минуте первого. Под ними, на встроенных в башню широких дугах, обреталась еще дюжина меньших, не более шести метров в диаметре, расцвеченных всеми цветами радуги. Все имели по пять стрелок, застывших в самых разных положениях.

— Полсотни лет назад эти руины были одним из ве-

Стеси кивнул на башню.

— Главные часы. По ним ставились все остальные. Центральный Контроль Времени — что-то вроде министерства времени — занял бывшие парламентские здания, постепенно вытеснив законодательные собрания, и наконец стал абсолютным правителем города.

Конрад подумал, что если бы кто-то мог запустить главные часы, все ожило бы и улицы в мгновение ока заполнились бы энергичными толпами.

Когда они повернули назад, Конрад оглянулся. Гигантские стрелки походили на поднятые руки.

— Почему они остановились?

Стеси с явным удивлением посмотрел на него.

— Неужели не ясно? Неужели ты еще не понял? Ну представь, что это за жизнь была для большинства населения.

Конрад пожал плечами, хмуро глядя на учителя.

— Это была высокоорганизованная жизнь, и она куда лучше нашей! — ответил он, продолжая рассматривать все вокруг. — Лучше пользоваться телефоном один час в день, чем не иметь его вовсе. На дефицит всегда устанавливают нормы, разве нет?

— Но ведь есть предел унижения человеческого достоинства, а при такой системе все было дефицитно!

— А по мне, так здесь все было куда достойнее! — фыркнул Конрад. — Дом моего отца вот-вот рухнет, а эти простоят еще тысячу лет! Да и красота системы, работающей как часы, чего-нибудь да стоит!

— Да пойми ты, они же стали рабами! — воскликнул Стеси. — Рабами собственного образа жизни. Человек чихнуть не мог без разрешения!

Конрад почти не слушал. Желтых и синих циферблатов, заметил он, было больше, чем других. Оно и понятно, раз вокруг площади находились главные правительственные учреждения.

Стеси возбужденно продолжал:

— Естественно, все кончилось восстанием! Интересно, что в любом обществе раз в столетие происходят революции и каждый раз их начинают более высокие слои общества. В восемнадцатом веке — городская беднота, в девятнадцатом — мастеровые, здесь — служащие, на которых, собственно, и держался этот монстр.

Конрад смотрел в сторону. Поколебавшись, он спросил нарочито равнодушным голосом:

— А что приводило в движение эти часы?

— Некоторые имели механизмы, большинство были электрическими, а что?

— Да так, интересно...

Он несколько отстал от Стеси. Посмотрел на свои часы, бросил взгляд налево. В пятидесяти ярдах от площади, в центе портика, крытого черным стеклом, над входом в здание висели часы — синий выгоревший циферблат, дюймов восемнадцати в диаметре. Стрелки показывали четверть четвертого. Точное время! Конрад чуть не сказал об этом вслух, но тут минутная стрелка прыгнула на одно деление...

Часы шли! Кто-то вновь запустил их! Невозможно, чтобы они сами по себе тикали тридцать семь лет!

А Стеси продолжал:

— Всякий переворот кого-то ущемляет...

Не дойдя десяти ярдов до машины, Конрад повернулся и побежал через дорогу к ближайшему зданию.

— Ньюмен, стой! — услышал он. — Вернись!

Перебежав тротуар, Конрад нырнул между толстыми бетонными колоннами здания. Оглянулся. Стеси торопливо садился в машину.

Двигатель надсадно взвыл. Конрад мчался по проходу под зданием, который вел на соседнюю улицу. Слышен был нарастающий рев. Тоннель кончился. Тут же из-за поворота, визжа тормозами, показался автомобиль, въехал, подпрыгнув, на тротуар и помчался прямо на беглеца. Конрад отскочил, едва не упав, бросился вверх по узкой лестнице и уперся в застекленную дверь. Заперта! Снизу послышался топот бегущего Стеси. Он схватил висевший на стене огнетушитель и швырнул его в дверь. Стекло со звоном посыпалось вниз по лестнице.

Конрад выскочил на балкон и стал карабкаться по пожарной лестнице. С третьего этажа он оглянулся на Стеси — тот, задрав голову, следил за ним.

Одолев еще два этажа, он через запертую металлическую дверцу перелез на открытую площадку кафетерия. Спотыкаясь об опрокинутые столы и стулья, расщепленные остатки письменных столов, скинутых, видимо, с верхних этажей, сквозь разбитую дверь крытого ресторана, прямо по луже на полу, Конрад прошлепал к окну. Выглянул, отодвинув дряхлую пластиковую имитацию какого-то растения. Стеси куда-то подевался.

Пройдя в глубь ресторана, Конрад перелез через стойку и с подоконника прыгнул на открытый переход, пересекающий улицу. Он уже почти перебрался на балкон до-

ма напротив, как вдруг грохнул выстрел. Звонко лопнуло стекло, дробно прокатилось эхо.

В панике Конрад отскочил от края перехода. В ушах стоял звон. Со всех сторон на него зло смотрели ряды окон, похожие на фасеточные глаза гигантских насекомых.

«Стеси вооружен! Наверное, он из Полиции Времени!»

На четвереньках он все же добрался до балкона, протиснулся сквозь ржавую решетку и скрылся в здании.

Он притаился в угловом кабинете на шестом этаже. Кафетерий внизу, пожарная лестница — напротив.

Стеси до вечера гонял по улицам. Дважды стрелял, кричал, но понапрасну — только эхо металось между пустыми домами. Наконец все стихло. Стеси убрался.

Конрад посмотрел на часы, висевшие в центре портика. Без пятнадцати семь. Он перевел свои, считая, что большие должны быть точнее.

Ближе к полуночи он попил из лужи и, стараясь не думать о еде, лег спать.

Утром его разбудил яркий солнечный свет. Едва протерев глаза, Конрад увидел невысокого седого человека в залатанном грубошерстном костюме. Ружье, лежащее на полусогнутой руке старика, угрожающе глядело своим черным зрачком на Конрада.

— Что вы здесь делаете? — спросил старик. Карманы его зловеще оттопыривались.

— Я... э-э... — Конрад растерялся, ружье как-то не располагало к непринужденной беседе. Кое-как справившись с собой, он решил, что ничего не потеряет, сказав правду: — Я увидел идущие часы и решил найти вас, чтобы помочь завести остальные.

Старик внимательно посмотрел на него. Настороженное птичье лицо и скошенный двойной подбородок придавали ему сходство с петушком.

— Как вы себе это представляете?

Сбитый с толку Конрад сказал:

— Думал, найду где-нибудь ключ.

— Один ключ? — нахмурился старик. — Толку от этого будет немного.

Лицо его смягчилось. Он похлопал себя по карманам, и там что-то глухо звякнуло.

С минуту они молчали.

— У меня есть часы! — вдруг осенило Конрада. — Сейчас без четверти восемь.

Старик схватил его за руку и впился взглядом в желтый циферблат.

— Хорошо. — Он опустил ружье. — Посмотрим. Есть хотите?

Спустившись вниз, они быстро пошли по улице.

— Люди редко сюда приходят. Иногда забредают любопытные, но чаще — полиция. Я видел, как вы убегали. Вас могли убить.

Они пересекали какие-то улицы, протискивались между лестницами и колоннами. В карманах отшельника что-то ритмично звякало. Улучив момент, Конрад глянул в один из них. Он был полон ключей, самых разных, больших и ржавых.

— Наверное, эти часы вашего отца?

— Дедушки, — Конрад вспомнил лекцию Стеси. — Его убили на площади.

Старик нахмурился и сочувственно коснулся руки юноши.

Перед зданием бывшего банка он внимательно огляделся вокруг и повел Конрада вверх по неподвижному эскалатору.

На третьем этаже, за лабиринтом решеток и стальных дверей, в центре большой комнаты стояла печка и висел гамак. На множестве столов была разложена огромная коллекция часов. Вдоль стен стояли высокие шкафы, набитые тысячами запасных частей, аккуратно разложенных по нумерованным ящикам.

Старик подвел Конрада к стене, на ней висела схема.

— Ходят уже двести семьдесят восемь часов, но только на завод я трачу половину своего времени.

За завтраком старик рассказал о себе. Звали его Маршалл, когда-то он работал в Центральном Контроле Времени. Он пережил и восстание, и репрессии Полиции Времени. Десять лет назад он вернулся в город. Раз в месяц ходит в один из пригородов за пенсией и продуктами. В основном занимается тем, что ищет и заводит исправные часы и пытается отремонтировать сломанные.

— Время не пошло им на пользу... непогода и все такое... С электрическими я вообще ничего не могу поделать.

Конрад был очарован. Новая жизнь властно манила его. Он казался себе человеком, который поставил на карту все и теперь ждет решения судьбы.

— А откуда вы знаете, что они показывают правильное время?

Маршалл пожал плечами.

— Этого я не знаю. Абсолютно точных часов не существует, только сломанные дважды в сутки показывают абсолютно точное время...

Конрад подошел к окну. В просвете между зданиями он увидел главные часы.

— А если запустить большие часы, а от них все остальные?

— Невозможно — все взорвано, только колокола уцелели. Чтобы запустить их, нужна куча специалистов.

Три месяца пролетело в пеших походах по кругу. Таская на себе лестницу и полный ранец ключей и инструментов, Конрад помогал старику в его бесконечных трудах. Они заводили часы, снимали те, которые еще можно было починить, развешивали их по местам. И так изо дня в день, а порой и по ночам.

Но более всего Конрада интересовали часы на башне.

Помещение, в котором находился механизм, напоминало машинное отделение затонувшего судна. Искореженные взрывом моторы и шестерни со всей определенностью говорили, что часы остановились навсегда.

С верхней площадки — туда Конрад поднимался каждый день — были видны лишь плоские крыши уходящего за горизонт города.

Перед ним в своих гнездах в мертвом оцепенении лежали длинные ряды молоточков. Однажды он пнул защелку дискантового молотка, и над площадью затрепетал чарующий звук.

Понемногу он стал налаживать механизм. Скреплял проволокой молоточки, натянул новые тросы, перетащил из машинного зала уцелевшие лебедки, отрегулировал защелки.

Работали они с Маршаллом молча, исступленно, словно подчиняясь некоему инстинкту, и даже не задумывались, чего ради. И когда Конрад сказал, что хочет уйти и заняться другим районом, Маршалл не стал его уговаривать, поделился инструментом и тепло попрощался.

Через шесть месяцев над городом поплыл звон колоколов большой башни. Они звонили часы, получасы и четверти.

В тридцати милях от башни, по периметру большого города, люди останавливались на улицах и прислушивались к гулкому эху, невольно считая размеренные удары. Старики перешептывались: «Четыре или пять? Надо же,

опять пошли!» Они взволнованно слушали голос своего детства, напоминающий о временах порядка и точности.

Таймеры начали ставить по бою часов.

Перед сном люди прислушивались к мелодичному полночному перезвону. Просыпаясь, они снова слышали его в прозрачном утреннем воздухе.

А некоторые спрашивали у полицейских, нельзя ли получить свои часы обратно?

Двадцать за убийство Стеси и пять за четырнадцать нарушений законов о времени — таков был приговор, хотя общий срок по принципу поглощения не превышал двадцати лет.

От последнего слова Конрад отказался. Приговор его не удивил. Он и не пытался защищаться от обвинения в убийстве. Он чувствовал косвенную вину за происшедшее, а кроме того, хотел выгородить Маршалла, чтобы тот работал без помех.

Изломанное тело Стеси — он явно упал с большой высоты — было найдено на заднем сиденье автомобиля, спрятанного в подземном гараже неподалеку от площади. Видимо, он как-то помешал Маршаллу, и тот расправился с полицейским. Конрад припоминал, как однажды старик вдруг пропал на целый день, а потом всю неделю был угрюм и молчалив.

В последний раз Конрад видел его за три дня до ареста: он, как всегда по утрам, проходил через площадь, чтобы приветственно помахать башне рукой.

Конрада перевели в корпус, где сидели осужденные на длительные сроки. Проходя мимо своей новой камеры к начальнику тюрьмы, он заметил, что окно выходит во двор, похожий на колодец. Вытянувшись перед начальником и почти не слушая его поучений, Конрад отчаянно пытался придумать хоть что-нибудь и удивлялся, как разум еще не покинул его. Кроме счета секунд — 86400 каждый день — ему ничего не приходило в голову.

В камере он вяло опустился на узкую кровать. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в полной бесполезности окна.

Он слишком устал. Не было даже сил распаковать небольшой узелок с личными вещами. Лег, вытянулся, взглянул на потолок. В центре его, в небольшом углублении, светилась лампочка. К своему удивлению, он увидел еще одну: над головой из стены торчал защитный плафон.

«Ночник, что ли, — подумал он, — а где выключатель?»

Конрад нехотя встал, посмотрел и вдруг подскочил от удивления — часы!! Присмотрелся — без тринадцати пять.

«Так сейчас и должно быть! Значит, они исправны, они ходят! Может, это злая шутка или какая-то ошибка?»

На стук к двери подошел надзиратель.

— Чего шумишь? Часы? Что с ними?

Он отпер камеру и вошел, оттолкнув Конрада.

— Почему здесь часы? — взволнованно спросил Конрад. — Это же противозаконно!

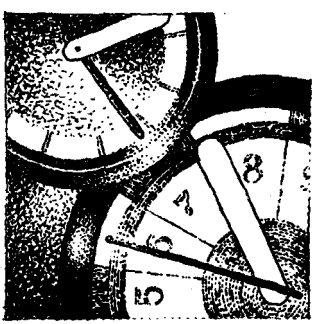
— Ах, вот что тебя волнует!.. — тюремщик пожал плечами. — В тюрьме свои законы. Времени у тебя впереди очень много, и было бы слишком жестоко лишать тебя удовольствия узнавать, сколько его уже прошло. Умеешь ими пользоваться? Вот и хорошо.

Он вышел, захлопнул дверь, лязгнул засовами, подмигнул Конраду через решетку.

— День здесь длинный. Ты еще это почувствуешь. А часы помогут тебе.

Конрад, обрадованный, лег на кровать, не сводя глаз от часов. «Похоже, они в отличном состоянии». Он отдохнул, встал и начал подметать камеру, постоянно оглядываясь на часы. Ирония судьбы восхитила его. Извращенная логика правосудия заставляла его хихикать каждый раз, когда он вспоминал об этом.

Он хихикал и три недели спустя, радуясь, как ловко всех надул, когда впервые заметил, что тиканье часов может здорово раздражать...

ПОХИЩЕНИЕ ЛЕОНАРДО

Кража «Распятия» Леонардо да Винчи из Лувра вызвала шок. Казалось, что десяток сенсационных похищений таких шедевров, как «Герцог Веллингтонский» Гойи из Лондонской национальной галереи или собрания импрессионистов из особняков французских и калифорнийских богачей, вкупе с непомерно вздутыми ценами на аукционах Бонд-стрит или рю Риволи отбили у широкой публики интерес к кражам самых знаменитых картин. Однако похищение «Распятия» вызвало неподдельное удивление и возмущение во всем мире. Тысячи телеграмм со всех материков обрушились на Кэ д'Орсе и Лувр, в Боготе и Гватемале окна французских консульств были выбиты градом камней.

Я прилетел в Париж через день после суперскандала с Леонардо. На пути от аэропорта Орли газетные заголовки в каждом киоске кричали о сенсации: «Украдено «Распятие» Леонардо. Из Лувра похищено сокровище стоимостью в пять миллионов фунтов стерлингов...»

Официальный Париж выглядел совершенно растерян-

ным. Бедный директор Лувра был отозван из города Бразилиа, где участвовал в конференции ЮНЕСКО, и отчитывался в Елисеевском дворце лично перед президентом.

Все Второе бюро было поднято на ноги. Минимум трем министрам без портфеля прозрачно намекнули, что их политическая карьера находится на грани краха. Предыдущим вечером на пресс-конференции сам президент признал, что похищение «Распятия» задевает честь не одной Франции. Он призвал всех содействовать скорейшему возвращению картины. Обозреватели ехидно отметили, что впервые в своей политической карьере Великий человек не завершил речь традиционным «Да здравствует Франция!»

Мои личные чувства профессионала (а ваш покорный слуга — директор всемирно известного аукциона Норсби на Бонд-стрит) на этот раз не расходились с чувствами широкой публики. Проезжая в такси мимо сада Тюильри, я просматривал газеты, где грубые репродукции светлого шедевра Леонардо вызывали в памяти само полотно с его несравненной композицией, игрой света и тени, фантастической техникой — тем, что, олицетворяя Великое Возрождение, вдохновляло стольких скульпторов, художников и архитекторов.

Несмотря на ежегодные два миллиона репродукций, бесчисленные копии и подражания, картина продолжала потрясать своим величием. Созданное через два года после «Богоматери со святой Анной», которая также хранилась в Лувре, это полотно принадлежало к редким творениям Леонардо, нетронутым в течение четырех веков жадными руками художников-копиистов.

Оно было единственной картиной гения, не считая выцветшей и трудноразличимой «Тайной вечери», где широкий ландшафт плавно сливается с целой галереей второстепенных лиц второго плана.

Быть может, благодаря этой особенности картина производила столь поразительное впечатление. Загадочное, отрешенное лицо страдающего Христа, прикрытые капюшоном таинственные глаза Мадонны и Магдалины на фоне множества размещенных по спирали фигур, которые будто неслись по небу стремительным кругом, преображали всю картину распятия на кресте в апокалиптическое видение воскрешения и Страшного суда. Именно этому холсту обязаны своим рождением великие фрески Микеланджело и Рафаэля в Сикстинской капелле, картины школы Тинторетто и Веронезе. Дерзкое похищение «Распятия» было демонстративным проявлением пренебрежения к величайшим творениям человечества.

Однако я усомнился в том, что картина действительно украдена.

Ее размер — 15 на 16 футов — и вес (она была перенесена с первоначального холста на дубовую панель) отвергали версию фанатика-одиночки или психопата, а профессионалы вряд ли заинтересовались бы картиной, которую крайне трудно продать. Могло инсценировать кражу французское правительство, чтобы отвлечь внимание от каких-то своих действий, однако такую акцию могла оправдать только реставрация монархии или коронация претендента на трон Бурбонов в соборе Парижской богоматери.

Я сразу высказал эти сомнения Жоржу де Стаэлю, директору Галери Норманд, у которого остановился в Париже. По официальной версии я приехал для участия в конференции антикваров и директоров художественных музеев — жертв краж шедевров искусства. Все понимали, что похищение такой картины, как «Распятие», напугает многих взломщиков. Хищники попрячутся, и это облегчит жизнь работникам музеев.

Жорж, видимо, мечтал о мщении.

— Поверьте, дорогой Чарли, — сказал он, выходя из-за стола, — что картина действительно исчезла. — Он лукаво улыбнулся и щелкнул пальцами. — На этот раз нас не обманывают. Но самое удивительное то, что похищен подлинник.

— Возможно, что вам это не слишком приятно слушать, — заметил я, — но не о каждой картине Лувра и Национальной галереи это можно сказать.

— Согласен, — Жорж сел. — Я думал, что эта кража заставит начальство очистить окружение Леонардо хотя бы от части так называемых «шедевров». Но мои шефы совсем растерялись.

Мы согласились, что похищение оживит мировую торговлю антиквариатом, спрос на творения искусства Ренессанса возрастет, а вместе с ним поднимутся цены на все, хоть отдаленно напоминающее подлинники.

— Скажите, пожалуйста, Жорж, а кто украл картину? — Я не сомневался, что он это знает.

Впервые за много лет Жорж не смог ответить на мой вопрос.

Он растерянно пожал плечами.

— Дорогой Чарли, этого-то я и не знаю. Мы все в недоумении, как и вы.

— А это не кто-то из своих?

— Нет-нет, персонал Лувра вне подозрений.

Он кивнул на телефон.

— Сегодня утром я беседовал кое с кем из агентов, вызывающих подозрение, — Анвейлером в Мексике и Каленския в Бейруте. Они считают, что если к похищению не причастно правительство, то это рука Москвы.

— Кремль? — не поверил я.

Следующие полчаса мы говорили шепотом.

Конференция, проходившая в тот же день во дворце Шайо, ничего не прояснила. Главный инспектор сыскной полиции Карно, мрачный человек в темно-синем костюме, а следом за ним и его подчиненные заняли свои места. Они выглядели утомленными и раздосадованными, поеживаясь под градом вопросов. Сидевшие позади них агенты лондонского «Ллойда» и нью-йоркского «Морган гарант треста» выглядели, как большое жюри.

В отличие от них две сотни дельцов и агентов в зале держались непринужденно, обсуждая самые фантастические предположения.

После краткого резюме, сделанного довольно кислым тоном, инспектор Карно представил публике дородного голландца суперинтенданта Юргенса из гаагского отделения Интерпола, а затем предоставил слово помощнику директора Лувра Огюсту Пекару. Последний убеждал, что охрана музея организована безупречно и украсть картину просто невозможно. Казалось, Пекар до сих пор не верил, что ее действительно украли.

«...Планки с боков картины, прикрепленные к полу, не повреждены; целы и два инфракрасных устройства на лицевой стороне полотна. Картину невозможно снять, не освободив ее от бронзовой рамы — рама весит восемьсот фунтов и привинчена к стене наглухо. Электрическая сигнализация, соединенная с болтами, не затронута...»

Я изучал две представленные Пекаром фотографии картины — лицевой и оборотной ее стороны — на щитах, поднятых на подставку. На снимках были видны задняя стенка дубового подрамника, шесть алюминиевых ребер, контакты контрольной сигнализации и множество подписей мелом, сделанных за долгие годы работниками музея. И тут выяснилось, что снимки делались за два дня до кражи, когда картину готовили к реставрации.

При этом известии обстановка в зале сразу переменилась. Разговоры прекратились, цветные носовые платки попрятались в боковые карманы.

— Все ясно, — сказал я Жоржу Стаэлю. — Конечно же, «Распятие» украли из лаборатории, где охрана ни-

кудышная. Значит, картина похищена не из галереи.

Гул разговоров вспыхнул снова. Двести носов принюхивались к жареному. Судя по всему, картина действительно была украдена и уже покинула Париж.

Когда мы возвращались, Жорж выглядел подавленным.

— И все же картина похищена из галереи! — сказал он задумчиво. — Я сам ее видел за двенадцать часов до пропажи. Мы должны найти «Распятие». Чарли, ради вящей славы Норсби и Галери Норманд, — и он пожал мне руку. — Но клянусь Господом, тот, кто украл полотно, не был обычным вором.

Так начался розыск исчезнувшего Леонардо.

На следующее утро я возвратился в Лондон, но регулярно связывался с Жоржем по телефону. Сперва, как и остальные заинтересованные лица, мы наблюдали за ходом событий, ни во что не вмешиваясь. В картинных галереях и на аукционах брались на заметку каждое случайно оброненное слово, любая обмолвка. Торговля антиквариатом пошла на подъем к радости работников музеев и владельцев далеко не лучших полотен Рубенса или Рафаэля. Мы полагали, что возросший ажиотаж поможет обнаружить какого-нибудь сообщника похитителя. По нашей версии, это была заказная кража, а новый владелец «Распятия» непременно должен как-то себя засветить в своей маниакальной страсти к шедеврам. Поиски пропавшей картины шумно обсуждались в прессе, но в торговом мире было поразительно тихо. По всем правилам кончик веревочки уже давно должен был бы показаться где-то на галереях или аукционах, но этого так и не случилось. Когда торговый бум, вызванный пропажей Леонардо, угас, и все вернулось на круги своя, «Распятие» безоговорочно отнесли к числу навсегда потерянных шедевров.

Один Жорж де Стаэль продолжал следить за ходом поисков. Иногда он по моему звонку приезжал в Лондон, чтобы обсудить даже самые незначительные сведения об анонимных покупателях полотен Тициана, Рембрандта, копий Рубенса или Рафаэля. Жорж особенно интересовался картинами, прошедшими реставрацию, хотя сведения об этом владельцы обычно давали крайне неохотно.

Поэтому когда через четыре месяца после пропажи Леонардо мы встретились с Жоржем в Лондоне, я спросил полушутя, полусерьезно:

— Ну, как, вы узнали, кто украл Леонардо?

Открывая большой портфель, Жорж загадочно улыбался.

— Вы поразились бы, услышав в ответ «да»? Твердо я

не знаю, но одна мысль, точнее гипотеза, у меня есть. Полагаю, она заинтересует вас.

— Конечно, — кивнул я. — Значит, вы продолжали заниматься этим все время.

Жорж приложил указательный палец к губам. Однако легкая шутливость не могла скрыть его напряженности.

— Прежде чем вы расхохочетесь, хочу сказать, Чарли, что я рассматриваю свое предположение как абсолютно фантастическое, и все-таки, — он беспомощно пожал плечами, — оно кажется мне единственно верным. Но доказать его я могу только с вашей помощью.

— Весь к вашим услугам. Рассказывайте. Я сгораю от нетерпения.

Жорж колебался, видно было, что его мучают сомнения, раскрывать ли свою версию, наконец он достал из портфеля кипу листов и стал раскладывать их передо мною на столе. Это были репродукции нескольких картин. Здесь находились и фотографии с увеличенными деталями полотен — на каждой был изображен благообразный мужчина с козлиной бородкой, одетый по моде средневековья.

Жорж отложил шесть самых крупных фотографий.

— Вы, конечно знаете их?

Я кивнул. За последние пять лет я видел оригиналы всех этих картин, кроме «Положения во гроб» Рубенса, хранившейся в Ленинградском Эрмитаже.

Это были похищенное «Распятие» Леонардо, «Распятия» Веронезе, Гойи и Гольбейна, а также «Голгофа» Пуссена. Картины были достоянием крупнейших музеев — Лувра в Париже, Сан-Стефано в Венеции, Прадо в Мадриде и Государственного музея в Амстердаме. Каждая из них, не считая Пуссена, была уникальным шедевром и гордостью этих музеев.

— Надеюсь, что эти картины в безопасности. Или они тоже на примете у загадочного вора?

Жорж покачал головой.

— Не думаю, что он проявит к ним внимание, хотя все они, конечно значатся в его реестре.

Тон Жоржа опять переменился.

— И больше вы ничего не заметили?

Я снова сравнил снимки.

— Здесь изображено снятие с креста. Все картины подлинные, лишь незначительные детали дописаны позднее другими живописцами. Каждое из полотен в свое время было похищено. — Жорж быстро перебирал фотографии. — Пуссен — из коллекции замка на Луаре в тысяча восемь-

сот двадцать втором году, Гойя — Наполеоном из монастыря Монте Кассино в тысяча восемьсот шестом, Веронезе, из Прадо в тысяча восемьсот девяносто первом, Леонардо, как мы знаем около четырех месяцев назад. А Гольбейн был конфискован для коллекции Геринга в 1943 году.

— Любопытно, — заметил я. — Но ведь они не единственные похищенные шедевры. Думаю, что не это является главным в вашей истории.

— Нет, конечно, но похищение каждый раз тесно связано с другим обстоятельством. Поглядите, — он протянул мне «Распятие» Леонардо. — Не видите ничего подозрительного?

Посмотрев на хорошо знакомую картину, я сделал отрицательный жест, и тогда он протянул мне другой снимок.

— А это вам ничего не говорит?

«Распятие» из Лувра фотографировали множество раз. Вторая фотография была сделана с оригинала картины за два месяца до похищения.

— Пасую, — сказал я. — Они кажутся совершенно одинаковыми. Хотя, позвольте. — Я придвинул настольную лампу и вгляделся в снимки пристальнее. — Тут есть некоторые различия. В чем же дело?...

Когда я сравнил на фотоснимках каждую фигуру, то сразу заметил разницу. Картины повторяли друг друга до мельчайших подробностей, кроме одной детали. На левом снимке, где процессия поднималась по склону холма к трем крестам, лицо одного человека в толпе было написано поиному, чем на правом. Хотя Христос в центре картины страдал на кресте уже несколько часов, трагизм и значение происходящего ощущались предельно остро. Благодаря глубокой перспективе — гениальной находке живописцев Возрождения — уходящая вдаль процессия смещала настоящее в прошлое так, что зрители как бы сопутствовали сыну божьему в его мученическом восшествии на Голгофу.

На этом снимке персонаж, о котором шла речь, застыл в толпе у подножия холма. Высокий, дородный, в черной одежде, он был нарисован особенно тщательно. Художник дал ему величественную внешность и глубокое обаяние, каким обычно наделял ангелов.

Разглядывая снимок этого варианта картины, я думал, что Леонардо хотел изобразить или ангела смерти, или равнодушного созерцателя, поражающего нас загадочным бесстрастием и противоречивостью. Такие фигуры на полотнах Леонардо как бы поднимаются над людьми с их

страстями и вожделениями, так же как загадочные статуи с серыми лицами, озирающие полуночных прохожих с карнизов некрополя в Помпеях.

Все мастерство Леонардо, казалось, отразилось в этой величественной фигуре. Наклонив голову к левому плечу, человек глядел вверх на крест, и выражение сострадания смягчало его суровые черты. Высокий лоб с залысинами, красивые нос и губы. Полуулыбка самоотречения и сопереживания на его губах освещала лицо, чуть затемненное грозовым небом.

На фотографии справа все выглядело иначе. Весь облик человека был другим. Внешнее сходство сохранилось, но лицо потеряло выражение трагического сопереживания. Поза совершенно изменилась, лицо отвернулось от креста к правому плечу, за ним вздымались призрачные башни Иерусалима, подобного городу в синих сумерках мильтоновского ада.

Если все остальные, взирающие на Христа, как бы пытались, сопереживая, помочь ему, то лицо человека в черном выражало лишь высокомерие и презрение, а напряжение шеи выдавало отвращение, с которым он отворачивался от происходящего перед ним.

— Что это? — спросил я, указав на правую фотографию. — Копия кого-нибудь из забытых учеников. Не понимаю, почему...

Жорж наклонился ко мне и постучал по снимку.

— Это и есть подлинный Леонардо. Вы еще не поняли, Чарли? Вариант в вашей руке, вызвавший ваше восхищение, был исправлен через несколько лет после смерти Леонардо. — Он улыбнулся моей растерянности. — Эта фигура — малозаметная часть композиции. Никто ее до сих пор серьезно не изучал. Вся остальная картина без сомнения подлинная. А изменения были обнаружены пять месяцев назад, во время реставрации. Инфракрасные лучи обнаружили под верхним слоем краски другой, первоначальный профиль.

Он протянул мне еще два снимка головы, где крупный план делал разницу еще более заметной.

— Положение мазков показывает, что исправления делались правой рукой, а Леонардо был левша.

— Хорошо... — я был в недоумении. — Но странно. Зачем изменять такую мелкую деталь, ведь образ теперь воспринимается совсем по-иному?

— Вопрос вполне законный, — многозначительно ответил Жорж. — Кстати, это, видимо, Агасфер — Вечный

Жид. — Он показал ноги фигуры на картине. — Его всегда изображали в сандалиях с ремнем крест-накрест — как члена секты ессеев, к которой, по некоторым источникам, принадлежал и сам Христос.

Я снова взял снимки.

— Вечный Жид, — задумчиво сказал я. — Удивительно... Тот, кто понуждал Иисуса идти быстрее и был осужден за это на вечные земные скитания до второго пришествия сына божьего. Неизвестный художник как будто решил оправдывать его, наложив на авторский облик выражение скорбного сочувствия. Идея в вашем вкусе, Жорж! Персонажами картин обычно бывали реальные придворные, негоцианты — желанные гости художников. Предположим, что Агасфер бродил по свету, позируя самого себя и терзаясь своей виной, а потом крал картины и вносил в них изменения. Чем плохая гипотеза!

Я ждал от Жоржа столь же шутливого ответа. Но его лицо оставалось непроницаемым.

— Жорж! — воскликнул я. — Что с вами? Вы серьезно считаете?..

Он вежливо, но твердо остановил меня.

— Чарли, через несколько минут вам станет все ясно. Я ведь говорил, что мое предположение фантастическое. — И он протянул мне еще одну репродукцию. — Это «Распятие» Веронезе. Посмотрите, внизу слева вы никого не узнаете?

Я поднес снимок к свету.

— Вы правы. Этот образ отличается от других, несомненно, что он больше соответствует языческой трактовке. А сходство просто удивительное.

— Конечно. Но разве только сходство. А поза?

Агасфер в неприметной черной одежде и сандалиях со скрещенными ремнями был изображен в гуще многоликой толпы. Черты лица не столь поражали, но поза была такой же, как на исправленном «Распятии» Леонардо. Снова Агасфер смотрел на умирающего Христа с глубоким состраданием. Далеко не новая трактовка образа, зато сразу обнаруживалась поразительная схожесть обоих Агасферов, словно написанных с одной модели. Лишь борода была чуть попышнее, соответствуя венецианской моде, а линии лица, залысины, дерзкий изгиб губ, мудрая и одновременно равнодушная отрешенность в глазах были словно скопированы с Леонардо.

Пораженный, я только развел руками.

— Уникальное совпадение?

Жорж кивнул.

— Еще одно совпадение в том, что этот Веронезе, как и наш Леонардо, был похищен вскоре после реставрации. Через два года холст нашли в Венеции чуть подпорченным. Известно, что с тех пор картину не реставрировали. — Жорж помолчал. — Вам понятно?

— В какой-то степени. Очевидно, вы считаете, что при реставрации холста Веронезе обнаружится совсем другой Агасфер — настоящий рисунок художника?

— Если вы до сих пор сомневаетесь, поглядите остальные снимки.

Мы поднялись и стали рассматривать репродукции. На каждой — у Пуссена, Гольбейна, Гойи, Рубенса — была изображена та же фигура, то же сумрачное смуглое лицо, выражавшее мудрое сострадание.

При различных стилях художников сходство этого персонажа особенно поражало. Поза его также повторялась на всех картинах, а трактовка духовного образа совершенно расходилась с каноническим образом Агасфера. Теперь и я заразился убежденностью Жоржа.

— Во всех случаях, Чарли, — говорил он, — картины были похищены после реставрации. Даже Гольбейна из коллекции Геринга некто изменивший рейху сумел выкрасть после реставрации художниками в концлагере. Как же сильно вор боялся, что в этих картинах мир увидит подлинную суть Агасфера?

— Жорж, а вы не торопитесь с выводами? Где доказательства, что и на остальных картинах, как у Леонардо, под новым прячется ранний, подлинно авторский рисунок?

— Доказательств нет. Ведь любой музей не придет в восторг, узнав, что их экспонат не вполне подлинный. Знаю, это все еще кажется вам невероятным, тогда дайте другое объяснение.

Я подошел к окну, надеясь, что шум и движение лондонской жизни помогут мне прийти в себя.

— Так вы действительно полагаете, что Агасфер в черном одеянии сейчас разгуливает по этим улицам? Что уже несколько веков он крадет и исправляет картины, где он изображен отталкивающим Христа? Это же абсурд!

— Не меньший, чем кража картин. Ведь ясно, что это мог сделать только человек, не признающий законов и норм современного мира.

Мы посмотрели друг другу в глаза.

— Ладно, допустим, что вы правы, — сказал я, стараясь успокоиться и не обидеть Жоржа. Его убежденность

в своей правоте постепенно возбуждала и меня. — Тогда самое простое — мирно ждать, когда картина Леонардо вернется?

— Не стоит. Большинство похищенных полотен исчезали на десять — двадцать лет. Возможно, борьба с пространством и временем опустошает его, а может быть, собственное изображение на оригиналах так потрясает... — Он прервал свою речь, когда я двинулся к нему. — Слушайте, Чарли, это так невероятно, что становится похожим на правду. Возможно, этот человек — большой меценат. Он остро ощущает свою вину перед художниками, писавшими распятие. Давайте начнем с аукционов. Наступит миг, когда мы встретим его лицо, черные глаза, профиль, когда он будет охотиться за очередным «Распятием» или «Положением во гроб». Может быть, вы уже видели его?

Я сосредоточился, вспоминая облик черноглазого скитальца. «Иди быстрее», — сказал он Христу, когда тот шел мимо него, влача на Голгофу свой крест. И услышал в ответ: «Я иду, но ты будешь ожидать моего возвращения». Я уже хотел ответить: «Нет», но что-то удерживало меня, мне виделся невнятный образ. Красивый восточный профиль мужчины в изысканном темно-полосатом костюме, в руках трость с золотой рукояткой; он назначает цену через посредника...

— Он вам встречался? — Жорж шагнул ко мне. — Чарли, как будто и я его видел.

— Боюсь сказать твердо, Жорж, но... Я точно знаю, что видел похожее лицо, но оно гораздо ближе к исправленному портрету Агасфера, чем к рисунку Леонардо. Черт возьми! Если принять вашу фантастическую версию, значит, этот человек встречался с Леонардо, Микеланджело, Тицианом и Рембрандтом?

— И не только с ними, — задумчиво заключил Жорж.

Жорж вернулся в Париж, а я большую часть следующего месяца посвятил аукционам, высматривая мужчину с характерным восточным профилем. Я уже поверил в его реальность и не рассматривал предположение Жоржа как неуемную фантазию.

Мне пришла мысль посоветоваться об этом со своими служащими, и, как ни странно, двое из них подтвердили, что смутно припоминают его. Теперь я уже не мог отрешиться от фантазий Жоржа де Стаэля. Сведений о пропавшей картине не поступало, полное отсутствие информации обескураживало и органы сыска, и мир искусства. Поэтому гора свалилась с моих плеч, когда через пять не-

дель мне вручили телеграмму: «Чарли, срочно приезжайте. Я его видел. Жорж де Стаэль».

Пока такси мчалось от аэропорта Орли на бульвар Мадлен, я смотрел на сады Тюильри, как будто в самом деле надеялся увидеть за деревьями высокого человека в черном, крадущегося со скатанным полотном под мышкой. Неужели Жорж де Стаэль окончательно заразил меня своим безумием или же Агасфер существует на самом деле?

Когда я встретился с Жоржем у входа в «Норманд и компания», его рукопожатие было как всегда крепким, а лицо спокойным. В кабинете он откинулся в кресле, поглядел на меня с многозначительной улыбкой и после некоторой паузы произнес:

— Чарли, он в Париже, остановился в «Рице». Он приехал на аукцион мастеров девятнадцатого и двадцатого веков. При удаче вы увидите его уже нынешним вечером. — Сомнения вспыхнули во мне, но Жорж не дал мне возразить. — Он точно такой, каким нам виделся, Чарли. Высокий, мощно сложенный, грациозный, как каменная статуя. Леонардо и Гольбейн точно уловили его облик, особенно странный, напряженный взгляд, напоминающий о вихрях пустынь и глубоких ущелий.

— Когда же вы его увидели?

— Вчера, после полудня. Мы уже завершали распродажу картин девятнадцатого века, когда на продажу выставили небольшого Ван Гога, не лучшую копию «Доброго самаритянина». Одна из его картин периода последней фазы душевной болезни, заполненная загадочными спиралями и фигурами, похожими на загнанных животных. Лицо самаритянина заставило меня вспомнить об Агасфере. Именно в эту минуту я взглянул в забитый до отказа зал и был потрясен. Он сидел в нескольких футах от меня, в первом ряду, и глядел мне в лицо. Я едва отвел от него взгляд. Когда торг начался, он в азарте сразу поднял цену до двух тысяч франков.

— И приобрел картину?

— К счастью, я был начеку. Мне нужно было убедиться, что это тот, кого мы ищем. Раньше он позировал только для изображения Агасфера, но спустя время, когда лишь редкие художники брались за этот сюжет, чувство вины могло заставить его согласиться служить моделью для других персонажей, хотя бы доброго самаритянина. Он довел цену до пятнадцати тысяч, хотя максимальная цена не превышала десяти, и мне пришлось снять картину с торгов. Я уверен, что если это Агасфер, то он вернется сегодня

же, поэтому я сразу вызвал и вас и полицию. Двое людей Карно будут здесь к вечеру. Пришлось выдумать какую-то историю, которой они поверили. Естественно, когда я снимал Ван Гога с торгов, разразился невероятный скандал. Все решили, что я не в себе. Наш смуглый друг аж подпрыгивал в кресле, допытываясь о причинах. Я выдумал, что не вполне убежден в подлинности картины и должен заботиться о репутации галереи, но если эксперты не найдут признаков подделки, то картина пойдет на аукцион завтра.

— Ловко придумано, — сказал я.

Жорж кивнул.

— Я того же мнения. Он не почувствовал ловушки и сразу же стал горячо защищать картину, тогда как любой завсегдатай аукционов, напротив, выискивает дефекты — какие-нибудь пятна, повреждения на оборотной стороне холста и прочее. Он обещал быть на аукционе сегодня и на всякий случай оставил свой адрес.

Жорж достал из кармана визитку и прочел: «Граф Энрике Данилович. Вилла д'Эст, Кадак, Коста Браво». По диагонали было написано: «Отель «Риц». Париж».

— Кадак, — повторил я. — Рядом, в Порт-Лигате, живет Дали. Новое совпадение. Совпадение ли? Вспомните, какой заказ выполняет этот мастер для нового собора святого Иосифа в Сан-Диего. Одну из самых больших своих работ — «Распятие», и наш друг снова тут как тут.

Жорж достал из среднего ящика стола блокнот в кожаном переплете.

— Послушайте. Я заинтересовался вопросом о том, кто же служил моделями для Агасфера. Обычно это были разорившиеся аристократы или зажиточные торговцы. Кто позировал Леонардо уже не установить. Он жил открыто, любой нищий или бродяга мог войти в его мастерскую и позировать. Но остальные были горазды взыскательнее. Гольбейн рисовал своего Агасфера с сэра Генри Даниэльса, крупного банкира и друга Генриха Восьмого. Веронезе — с члена Совета десяти, будущего дожа Энрико Даниэли. Рубенс — с барона Генриха Нильсона, датского посла в Амстердаме, Гойя — с некоторого Энрико да Нелла, финансиста и покровителя Прадо. А Пуссен — со знаменитого мецената, герцога Анри де Ниля.

Жорж захлопнул блокнот. Я сказал:

— Данилович, Даниэльс, Даниэли, да Нелла, де Ниль и Нильсон. А в целом Агасфер. Знаете, Жорж, я боюсь утверждать, но думаю, что пропавший Леонардо возвращается к нам.

Вообразите себе наше разочарование, когда добыча к назначенному сроку в ловушку не попалась. Снятие картины Ван Гога со вчерашних торгов переместило ее в самый конец сегодняшнего списка — после четырех десятков полотен XIX века.

Пока объявлялись цены на Кандинского и Леже, я, сидя на сцене позади Жоржа, поглядывал в зал. На международном форуме знатоков из Штатов, британских газетных волков, французских и итальянских аристократов появление такой уникальной личности, какую описал Жорж, не вызвало бы сенсации. И все же, когда аукцион уже завершался и вспышки фотокамер вконец надоели, я усомнился в том, что он появится. В переднем ряду для него было забронировано кресло, и я с нетерпением ожидал появления этого вечного странника, как только объявят продажу Ван Гога. Но сомнения, высказанные Жоржем, очевидно, охладили Агасфера, и, когда торги завершились, мы остались на сцене одни в обществе Ван Гога.

— Очевидно, он что-то заподозрил, — тихо сказал Жорж, когда служащие доложили, что графа Даниловича нет ни в одном из помещений. Через несколько минут, позвонив в «Риц», мы узнали, что он оставил номер и выехал из Парижа на юг.

— Конечно, он знает, как избежать ловушки. Что же делать? — спросил я.

— Вилла д'Эст.

— Жорж, вы с ума сошли?

— Совсем нет. Шанс мизерный, но больше ничего не остается. Инспектор Карно найдет какой-нибудь предлог. Я почему-то убежден, что картина Леонардо находится на его вилле.

Мы пересекали Барселону, за нами ехали инспектор Карно и суперинтендант Юргенс из Интерпола, чья должность должна была облегчить нашу задачу. Через три часа машины свернули в сторону Кадака... Громадные утесы, похожие на уснувших динозавров, и блеск спокойного моря заставляли вспомнить побережья на картинах Дали и вызывали ощущение ненормальности происходящего.

Вилла д'Эст стояла на мысе, поднявшемся на тысячу футов над городом. Ее высокие стены и мавританские окна в решетках блестели на солнце белизной кварца. Огромные черные двери были заперты, на звонки никто не отвечал. Юргенсу пришлось объясняться с местной поли-

цией, которая, с одной стороны, не хотела конфликтов с влиятельным лицом — граф Данилович организовал несколько школ для местных подающих надежды живописцев, — а с другой, была не прочь участвовать в обнаружении пропавшего Леонардо.

Не в силах сидеть сложа руки, мы с Жоржем наняли машину и отправились в Порт-Лигат, где рассчитывали увидеться с Дали. Инспектору мы пообещали, что вернемся через пару часов, когда в Барселоне приземлится самолет из Парижа, на котором, как мы надеялись, летел граф Данилович.

— Вообще-то я полагаю, что он пользуется совсем несовременными транспортными средствами, — мягко заметил Жорж.

Мы еще не придумали, как будем оправдывать свое вторжение в частные владения знаменитого испанского художника, хотя надеялись, что перспектива устройства персональной выставки одновременно в Лондоне и в Париже заинтересовала бы его. Мы уже повернули на последнюю дорогу к белому особняку, когда увидели, что навстречу мчится большой лимузин.

На узком участке пути машины сблизились, как два ревущих монстра, окутанные клубами пыли.

Вдруг Жорж, схватив меня за руку, показал на окно:

— Чарли! Вот он!

Опустив стекло, я успел заметить в затененной кабине машины человека в черном костюме. Он сидел на заднем сиденье и смотрел на нас. Белоснежные манжеты и золотая заколка галстука тускло блестели в темном салоне, руки в перчатках скрестились на трости с набалдашником из слоновой кости. Черты лица были точной копией тех, которые я видел на многих полотнах. Мрачные глаза горели огнем, черные брови нависали, как крылья, острая бородка, как копье, рассекала воздух.

Он был элегантен, и весь его облик источал огромную тревожную энергию, казалось, рвущуюся наружу. На секунду я поймал его взгляд. Он смотрел как из далекого прошлого, и в глазах читалось безнадежное раскаяние и тоска, будто у пожизненно осужденного.

— Чарли! — воскликнул Жорж. — Остановите, задержите его!

Но наши машины уже разъезжались, и я закричал через дым, стлавшийся от них:

— Агасфер! Агасфер!

Он содрогнулся и даже приподнялся над сиденьем. Но

облако пыли уже закрыло лимузин. Было безветренно, и пыль вокруг нас долго не оседала. Когда она улеглась и мы смогли развернуться, лимузина уже не было видно.

На вилле д'Эст мы нашли «Распятие» Леонардо да Винчи; в большой позолоченной раме оно висело на стене в столовой.

Всех поразило, что дом был абсолютно пуст. Слуг уволили рано утром, они показали, что в это время роскошная меблировка была на месте.

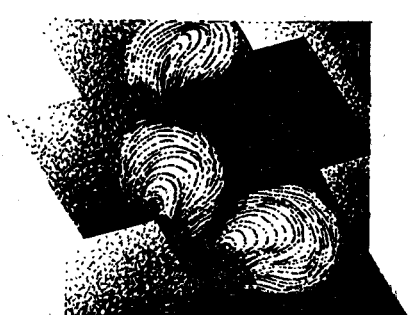
— Конечно, — заметил Жорж де Стаэль, — у владельца есть свои грузовые фургоны.

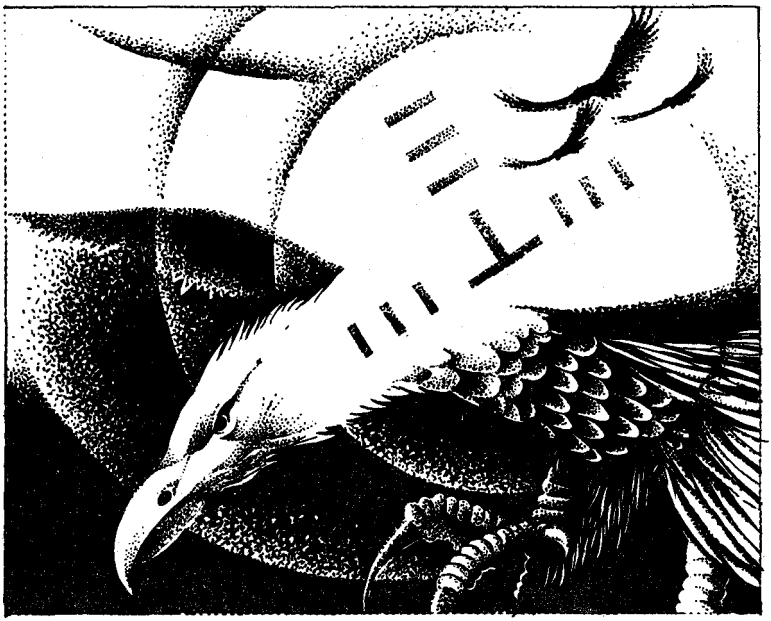
Картина была в полной сохранности, но опытный взгляд сразу отмечал, что чья-то мастерская рука потрудилась над одним из ее фрагментов. Лицо мужчины в черном снова смотрело на крест, и его тоскливый взгляд опять выражал надежду на искупление. Краски уже подсохли, но толстый слой лака еще не застыл.

Вернувшись в Париж триумфаторами, мы с Жоржем посоветовали директору Лувра не искушать судьбу новой реставрацией картины, и служащие повесили полотно на привычное место.

Конечно, вся картина не целиком принадлежит кисти Леонардо, но незначительная поправка, право же, не портит ее.

След графа Даниловича исчез. Зато недавно Жорж сообщил мне, что директором музея Панхристианского искусства в Сантьяго назначен некий профессор Энрике Даниэлло. Все попытки наладить с ним связь успеха не имели, но Жорж узнал, что музей приступил к созданию большой коллекции картин, посвященных распятию Христа.

СЕЮЩИЙ ВЕТЕР ПОЖНЕТ БУРЮ

В занимающемся свете зари тушки птиц влажно поблескивали, их серые перья, покрывшие стоячую воду болот, были похожи на окутавшие землю низкие облака. С корабля береговой охраны Криспин каждое утро видел этих огромных — куда больше кондоров — мертвых птиц; они заполнили ручьи и протоки, тихая вода уносила их кровь.

И еще Криспин видел седую женщину. Она жила одна в доме под утесом и каждое утро бродила по узкой отмели вдоль реки, рассматривая трупы птиц. Иногда она нагибалась и выдергивала перо из бессильного крыла. В свой пустой дом она возвращалась с охапками удивительно длинных белоснежных перьев.

Сперва Криспин ощущал неясное раздражение, наблюдая за этой странной женщиной, спокойно касающейся дохлых птиц на побережье. Трупов было множество, тысячи и тысячи на речном песке, в болотах и плавнях вокруг залива, где застыло судно береговой охраны, и Криспин начал смотреть на них, как на свою собственность. В са-

мом деле, ведь это он, практически в одиночку, уничтожил их. Он никак не мог забыть этой страшной бойни, которую сам же и устроил, когда птицы тучами неслись со своих северных гнездовий и штурмовали его судно. В теле каждой мертвой птицы, будь то чайка, баклан, случайный голубь или буревестник, как заноза осталась посланная им пуля, иногда не одна.

Не отрывая глаз от женщины, проходившей сейчас по густой лужайке перед домом, Криспин снова вспоминал кошмарные дни перед последним бессмысленным налетом птиц. Только теперь, когда кучи трупов завалили водное покрывало Норфолских болот, стала очевидной вся абсурдность этого птичьего штурма, но тогда, пару месяцев назад, беспредельный ужас овладел Криспином при виде гигантских крыльев, заслонивших небо.

Птицы были крупнее людей, размах крыльев у них был шире двадцати футов. Криспин, как безумный, метался по ржавой палубе, обдирая в кровь руки о ящики, вырывая из них и лихорадочно вставляя в казенник пулеметные ленты, не дождавшись никакой помощи от своего напарника, дурачка-негра Квимби с фермы Лонг Рич, который числился у него заряжающим. Вместо того чтобы хоть что-нибудь делать, Квимби бессмысленно подпрыгивал на носу судна и вопил что-то нечленораздельное, пряча голову от пикирующих великанов.

Когда армада птиц пошла в первую атаку, рассекая огромным белым серпом небо, Криспин в последнюю секунду успел укрыться за невысоким бронированным щитом пулеметного гнезда.

И все-таки он победил. Он смог, стреляя почти в упор, отбросить к болотам первую линию белокрылых агрессоров, успел, мгновенно развернувшись, встретить выстрелами вторую линию птиц, мчавшихся на него на бреющем полете с противоположного речного берега. Штурм был таким бурным, что выше ватерлинии судна до сих пор сохранились вмятины в тех местах, где в него врезались птицы.

В разгар битвы они заполонили весь воздух, их крылья скрещивались на фоне небосвода, со свистом рассекая воздух, они врезались в снасти, ударялись в борта, рушились на палубу, а он, как в лихорадке, выпускал очередь за очередью, разворачивая пулемет во все стороны. Десятки раз он в отчаянье проклинал тех, кто послал его одного на эту проклятую ржавую калошу, а заодно и себя за то, что, нанимая в помощники бестолкового Квимби, ему пришлось выложить собственные денежки.

Птицы неслись и неслись с небес, сражение казалось бесконечным, иссякали находившиеся поблизости пулеметные ленты, и вдруг Криспин, почти не веря своим глазам, увидел, как Квимби, поскальзываясь на птичьих трупах, двузубыми вилами очищает от них палубу.

Только тут он понял, что победил. Он ослабил мощь огня, а Квимби в это время подтаскивал новые ленты, готовый хоть так участвовать в страшной битве. Его лицо и покалеченная грудь были в крови и слипшихся перьях. Криспин издал вопль ярости и торжества, крик избавления от постыдного страха. Он прицельным огнем уничтожил последнюю стаю, а затем одиночными выстрелами расстрелял оставшихся, которые пытались спрятаться за скалами. И еще добрый час после того, как замерла последняя убитая птица, вода в реке, ближних ручьях и протоках была красной от крови, а Криспин, откинувшись в закрытом пулеметном гнезде, продолжал очередь за очередью прошивать небо, дерзнувшее угрожать ему.

Позднее, когда опьянение битвой сменилось усталостью и опустошенностью, он внезапно осознал, что единственным свидетелем его триумфа оказался хромой дурачок, рассказам которого никто, конечно, не поверит. Правда, оставалась еще седая женщина, но она укрылась в своем доме, наглухо заперев все двери и ставни, а на берегу появилась лишь через несколько часов после окончания битвы. Ну что ж, значит, остается в одиночестве праздновать победу, наслаждаясь зрелищем птичьих трупов, валявшихся там, куда они рухнули, в стылых болотах и на берегу, и уплывавших по реке, где их вращало течение.

Он послал Квимби на ферму и устало смотрел, как этот уродец пробирается через завалы из мертвых птиц. Затем Криспин опоясал себя крест-накрест пулеметными лентами и поднялся на капитанский мостик.

Появление женщины его обрадовало: хоть один нормальный человек станет очевидцем его триумфа, ведь она не может не видеть, как он во всем блеске оружия красуется на капитанском мостике. Но женщина лишь однажды бросила в его сторону равнодушный взгляд, а потом долго высматривала что-то на лужайке перед домом и на берегу.

Через два дня после бойни она пришла на лужайку вместе с Квимби, и бедный уродец целый день, не считая короткого перерыва на обед, вывозил птичьи трупы. Он сваливал их в большую тачку, впрягался в рукоятки, как в оглобли, и тащил тачку к яме недалеко от фермы. Еще через день Квимби приплыл с женщиной на плоскодонке,

он отталкивался шестом, рассекая плотную воду и продираясь через слой дохлых птиц, а женщина застыла на носу, как неподвижный призрак. Изредка она показывала на какой-нибудь труп, и Квимби переворачивал его шестом. Казалось, будто она что-то искала. Криспину это напомнило полузабытые легенды о том, что некоторые птицы прячут в клювах слоновую кость; кое-где люди еще верили в эти предания, но он-то хорошо знал, что все это ерунда.

Поведение женщины вызывало у Криспина недоумение. Справившись с птичьей армадой, он чувствовал себя монархом, которому покорно все кругом — от сторожевого катера до окрестного пейзажа.

И когда женщина принялась прямо у него на глазах вырывать из мертвых птиц маховые перья, он неожиданно ощутил в этом покушение на свои незыблемые монархические права. Умом он понимал, что водяные крысы, раки и всякие болотные трупоеды все равно растащат по кусочкам птичьи трупы, так что от них и следа не останется, и все-таки ему мучительно было смотреть, как кто-то бесцеремонно ворошит столь дорого доставшуюся ему добычу. Слишком дорогую цену заплатил он за нее.

Сразу после боя он накарябал краткое донесение начальнику района. Районный штаб обороны размещался примерно в двадцати милях, и ему хотелось, чтобы птицы остались лежать нетронутыми там, где их застигла смерть, пока не придет ответ на его рапорт. Конечно, то был его служебный долг, он не рассчитывал на большую награду, но надеялся получить если не медаль, то хотя бы устное поощрение.

Кроме юродивого Квимби, женщина оставалась единственным его свидетелем, и это заставляло Криспина быть сдержанным. Он не хотел восстанавливать ее против себя. В то же время необычность ее поведения заставляла усомниться в ее нормальности. К нему женщина не приближалась. Катер стоял в трехстах ярдах от берега и лужайки перед домом, но через подзорную трубу с капитанского мостика Криспин мог хорошо ее разглядеть, когда она брела по берегу. Седые волосы, землистая кожа, выдающиеся скулы, худые, но сильные руки, которые обычно покоились на поясе, грязно-серое платье, доходившее до щиколоток. Наверное, она уже давно жила в полном одиночестве, не осознавая этого, во всяком случае оно ее, видимо, не волновало.

Криспин часами следил, как она движется среди мертвых птиц. Прилив ежедневно выбрасывал на песок все но-

вые и новые трупы, они уже разлагались и привлекательными могли казаться лишь издалека. Катер береговой охраны — один из многих списанных по старости речных буксиров — был в пожарном порядке переоборудован два года назад, когда стаи чудовищных пернатых нанесли свои первые грозные удары. Он стоял в мелком заливчике как раз напротив дома, в котором жила женщина. В свою трубу Криспин мог рассмотреть оспины на его белой стене — следы от тех пуль, которые не нашли живой цели.

К концу своего похода женщина снова набрала большую охапку перьев. Криспин наблюдал, как она это делает: вот подходит по мелководью к мертвой птице, склоняется, рассматривая голову, плавающую в воде, затем вырывает маховое перо и кладет его рядом с остальными.

Непонятно почему, но Криспин встревожился и вновь прильнул к окуляру, рассматривая женщину. Ее фигура, почти вся укрытая трепещущими белыми перьями, походила на крупную декоративную птицу, на какого-то белоснежного павлина. Уж не думает ли эта тронувшаяся старуха, что она — птица?

Криспин спустился в рулевую рубку и коснулся ракетницы, висевшей на стене. Завтра, когда старуха появится, он может послать ракету над ее головой, пусть знает, что он единственный властелин этой призрачной державы и что все эти трупы принадлежат ему. Ведь понял же это фермер Хассел. Он пришел на судно вместе с Квимби и угодливо просил разрешения взять несколько дохлых птиц, чтобы пережечь их на удобрение.

Каждое утро Криспин совершал обход и внимательный осмотр своего корабля, проверял оружие, перебирал ящики с боеприпасами. Суденышко медленно погружалось в мягкое речное дно. В приливные часы Криспин слушал, как струйки воды с тонким звоном прорываются в многочисленные щели и заклепочные дырки — казалось, что это крысы пищат мелодично и жалобно.

В этот раз он обошелся поверхностным осмотром. Особенно внимательно проверил только пулемет на мостике на тот случай, если с другого берега, где гнездились птицы, появятся еще оставшиеся в живых. Такое вполне могло произойти. Женщина находилась за домом и рубила то, что сохранилось от бывшей террасы, когда-то увитой розами. Иногда она выпрямлялась и внимательно осматривала небо и скалы, будто думала, что оттуда могут вырваться новые стаи птиц.

Криспин вновь пережил ужас, охвативший его при по-

явлении чудовищных пернатых. Сейчас страха больше не было, враги валялись мертвыми, уже начиная разлагаться, и он сообразил, наконец, почему его так задевает, что женщина выдергивает у них перья. Просто ему хотелось, чтобы все здесь оставалось неизменным, нетронутым, особенно птицы. В их огромных головах проглядывало нечто трагическое. Как они странно смотрели на него, пикируя! Может быть, им надо было сочувствовать, а не бояться их? «Жертвы биологической диверсии», так вроде бы назвал их начальник районного штаба обороны. Криспин припомнил его разъяснения о новомодных стимуляторах урожайности, которые использовали на полях Восточной Англии. Они-то и стали причиной неожиданной мутации птиц.

Пять лет назад Криспин подрядился помогать одному фермеру — после окончания армейской службы он не сумел найти себе лучшей работы. Когда поля и сады опрыскали разрекламированным препаратом, то растения покрылись липким серебристым налетом и ночью слабо светились. Это выглядело таинственно: луна, льющая свет на каналы, запруды, поля; все мерцало и переливалось, будто не убогий сельский пейзаж, а загадочная испытательная площадка каких-то мистических сил простиралась кругом. Уже в то время в полях лежало множество погибших чаек и сорок с клювами, забитыми липкой серебристой массой. Криспин тогда пытался спасти тех, у кого сердце еще билось, очищал их клювы и перья и переносил на берег реки. Некоторые выжили и улетели. А потом прилетели!

Возвратились они через три года: первые огромные бакланы и черноголовые чайки, с размахом крыльев до десяти — двенадцати футов, со страшными клювами, которые могли бы разорвать пополам большого пса. Они планировали над самым полем, над Криспином, управлявшим трактором, словно что-то высматривали.

К осени явилось второе поколение монстров, еще крупнее, чем предыдущее: воробьи, беспощадные, словно орлы, бакланы, напоминавшие кондоров. Вихрем они обрушивались на поля, пожирали скот и угрожали людям: размером они уже сравнялись с человеком, да еще с мощными крыльями... Это был лишь передовой отряд той воздушной армады, которая позднее заполонила весь небосвод над Британией. Было загадкой, какой инстинкт заставлял их возвращаться именно туда, где едва не погибли их предки, но что-то влекло их именно на эти поля. Может быть, то, что именно здесь они получили стимулятор своего роста? Пищи для них тут вскоре уже не осталось, если не считать людей.

Криспин трудился тогда на поле в десяти милях от побережья и был так поглощен работой, что даже не знал о том, что происходит в других районах. Ферма его хозяина оказалась в кольце. Птицы истребили весь скот и занялись домом. Был случай, когда ночью гигантский фрегат сорвал деревянные ставни и ворвался в комнату. Криспин едва успел пригвоздить его к стене случайно подвернувшимися вилами.

И все-таки ферму птицы разрушили, хозяин и еще три работника были убиты. Тогда Криспин и надумал вступить в войска обороны. Командир районного штаба, в подчинении которого находился механизированный милицейский отряд, сперва не хотел его принимать. Низенький, остроносый, хищный, как хорек, человечек с черным родимым пятном в форме звезды под левым глазом, в изодранной окровавленной фуфайке, не вызывал ни симпатии, ни доверия. Уничтоженная ферма, огромные стаи отлетающих птиц, перечеркнувших синее небо белыми крестами, сделали свое дело: в душе Криспина не оставалось ничего, кроме слепой жажды мести.

Но потом, прикинув число птичьих трупов вокруг сушильной печи, в которой Криспин, вооруженный лишь огромной косой, отбивался от хищной стаи, офицер передумал и принял его в отряд. Для начала Криспин получил ружье и еще около часа вместе с другими ополченцами добивал подранков в опустошенных полях, среди дочиста ободранных скелетов коров, свиней, овец и собак.

Вот каким образом он в итоге очутился здесь, на судне береговой охраны, на грязной, ржавой посудине, погруженной на дно речной заводи, по которой, толкаясь шестом, вел свою плоскодонку, с трудом продираясь среди птичьих трупов, местный дурачок, в то время как по берегу, обвешанная птичьими перьями, бродила ненормальная старуха.

Прошло около часа. Криспин мерил шагами палубу, а женщина трудилась за домом. Один раз она появилась с большой бельевой корзиной, заполненной перьями, и вывалила их на деревянный стол рядом с террасой. Криспин прошел на корму и, пинком открыв дверь в конуру, служившую некогда камбузом, глянул в темноту.

— Ты здесь, Квимби?

Эта заплесневелая комнатка была местом приюта Квимби, который иногда приходил на судно в самое неожиданное время, рассчитывая, очевидно, что-нибудь подзаработать.

Не услыхав ответа, Криспин поправил ремни своей аму-

ниции, взял ружье и двинулся к сходням, посматривая через плечо на другой берег, где теперь клубился в воздухе дымок костра. Перебравшись со скрипящих досок в моторку, он сразу очутился в густой мешанине мертвых тел. Сырые птичьи трупы устилали воду вокруг сторожевика тяжелым покрывалом. Распластанные крылья цеплялись за тросы и цепи, свисавшие с судна. Многие из птиц, очевидно, весили не менее пятисот фунтов. Криспин включил было мотор, но тут же понял бесполезность этой попытки и взялся за багор. С трудом преодолевая сопротивление мертвых тел, отводя намокшие крылья, расталкивая трупы, он с трудом выбрался на относительно чистую воду.

Командир районного штаба объяснял, что птицы — дальние потомки летающих ящеров, отсюда и взялась их слепая ярость и необъяснимая ненависть ко всем млекопитающим. Но Криспину их головы с закрытыми теперь глазами казались больше похожими на дельфиньи морды, в их скорбной умиротворенности проглядывало что-то человеческое, и каждая выражала нечто свое.

Утро было солнечным. Криспин пересек реку, минуя встречавшиеся тела птиц и ловя себя на странных мыслях. Он думал, что если бы кто-нибудь стал утверждать, что это совсем не птицы, а люди, ведомые и загубленные не свирепостью и безрассудным инстинктом, а беспомощные жертвы необъяснимой судьбы, то он, наверное, поверил бы и согласился.

На далеком речном берегу трупы валялись в траве, блестели среди деревьев, как ангелы, павшие в последней битве, накануне Страшного суда.

Криспин приблизился к берегу и загнал моторку в небольшую бухту, оттолкнув несколько мертвых птиц, плававших в мелкой воде. Странно, что все они были голуби. И на сыром песке лежали голуби, огромные, зобастые, десятифутовой длины от головы до хвоста, как будто дремавшие с полуоткрытыми глазами. Осторожно, чтобы не замочить оружие и патроны, Криспин выбрался на сушу и двинулся к дому напрямик по траве, стараясь обходить трупы, но все равно наступая при каждом шаге на перья раскинутых крыльев.

Перед домом через канаву был перекинут деревянный мостик. Рядом, как знак, указующий путь, воздел крыло мертвый орел-альбинос. Он сохранил свои идеальные очертания и выглядел, как величественный мраморный памятник на громадном птичьем кладбище.

Криспин обогнул дом и увидел, что женщина раскла-

дывает на дощатом столе перья для просушки. Слева от нее, за беседкой, как белое пламя, колыхались перья, закрепленные в раме, примитивно сколоченной из остатков деревянной террасы. Было видно, что все это сделано женскими руками. Дом старел, почти все окна были разбиты — последствие многократных птичьих налетов последних лет. Двор и огород были завалены мусором.

Женщина обернулась, и Криспина неприятно поразило отчужденное выражение ее лица. А он-то рассчитывал, что его боевой вид, патронташи, винтовка, шрамы на лице вызовут хотя бы уважение. Издали, через подзорную трубу, она казалась старухой, тем более что голова была совсем белой, но оказалось, что эти седые волосы такие же густые и пышные, как оперение упавших наземь птиц, и он понял, что ей чуть больше тридцати лет. Хорошая фигура, крепкие руки... А все другое так же запущено и неряшливо, как и ее владения. Никаких намеков на косметику, обветренное и обожженное солнцем лицо (а раньше, видимо, была очень недурна), длинное шерстяное платье, все в сальных пятнах, с обтрепанным подолом, стоптанные и ободранные босоножки.

Криспин застыл перед нею, внезапно ощутив, что его визит лишен смысла. На топорно сбитой раме и на дощатом столе сохли белые перья. Здесь он не владыка, и она отнюдь не покушается на его имущество, а просто птицы эти никому не принадлежат. Но все равно было нечто, навсегда связавшее его с этой женщиной. Это нечто — общее прошлое: пустое, грозящее крылатой смертью небо, безмолвные заброшенные поля, которые уже выгорают под солнцем, и вот та рама с перьями, лежащая в стороне. Женщина положила на стол-козлы последнюю охапку перьев и сказала:

— Скоро подсохнут, сегодня жарко. Вы не поможете?

— Ну конечно же, — Криспин сделал робкий шаг вперед. — Что нужно делать?

Женщина показала на еще уцелевшую часть террасы. Она пыталась отпилить одну из стоек, в распиле торчала застрявшая ржавая ножовка.

Криспин начал снимать винтовку, посматривая на кривой забор из сосновых досок позади огорода.

— Если вам нужны дрова, то забор подойдет лучше.

— Нет, мне нужна прочная рама.

Женщина совершенно не скрывала недовольства тем, что он так долго стаскивает с плеча винтовку, и в ее голосе слышалось раздражение.

— Ну как, начнете пилить? Квимби сегодня не появлялся. Обычно он мне помогает.

— Будет сделано, — Криспин успокоил ее жестом, прислонил, наконец, оружие к стене, примерился к пиле, подергал ее, вытащил и принялся пилить в другом месте.

— Спасибо вам!

Женщина подошла к нему и мягко улыбнулась, глядя, как он работает и как патронташи равномерно подпрыгивают по его груди и бокам в такт движениям руки.

Криспин замедлил темп работы, размышляя, не снять ли свою амуницию, единственный символ его власти. Он взглянул в сторону своего судна, и женщина воспользовалась этим, чтобы задать вопрос:

— Вы ведь капитан? Это вы были на мостике?

— Ну... — Криспина еще ни разу в жизни не называли капитаном, и такое обращение польстило ему. Он скромно кивнул и представился:

— Криспин. Капитан Криспин. К вашим услугам.

— А меня зовут Кэтрин Йорк. — Одной рукой женщина пригладила свои седые волосы и вновь улыбнулась. — Отличный у вас корабль.

Криспин с удовольствием пилил, размышляя, насколько ее оценка судна далека от истины. Затем подтащил раму к костру, положил рядом с перьями, с щегольской выправкой одернул на себе патронташи. Но женщина как будто не обратила на это внимания. Подняв голову, она внимательно осматривала небо. Криспин взял свою винтовку и приблизился к Кэтрин Йорк.

— Вы что-то увидели. Не тревожьтесь, в случае чего я стреляю без промаха.

Он тоже поднял глаза, но небо было совсем чистым. Видимо, то, что ее заинтересовало, уже исчезло за скалой. Она снова подошла к своим перьям и как-то механически поправила их. Криспин показал на поля, усеянные птичьими трупами, и промолвил:

— Это я всех их... — и почувствовал, как участился его пульс только от одной мысли о возможности новой битвы.

— Что вы сказали? Извините, я отвлеклась.

Женщина повернулась к нему. Казалось, что гость уже утомил ее и она с плохо скрываемым безразличием дожидается его ухода.

— Может быть, вам нужны еще дрова? — спросил Криспин. — Хотите, я принесу?

— Мне достаточно этих.

Она погладила перья на решетке, вежливо кивнула Криспину и удалилась в дом, со скрипом закрыв за собой ветхую дверь на ржавых петлях.

Криспин миновал газон и двинулся по лугу. Птицы, как и прежде, валялись под ногами, но воспоминания о скупой улыбке женщины, какой бы случайной она ни казалась, было достаточно для того, чтобы он больше не замечал трупов. Он забрался в лодку и поплыл к своему судну, багром отталкивая плавающих в воде птиц. Густая их полоса продолжала опоясывать корабль широким влажным серым покрывалом. Криспину подумалось, что корпус судна ржавеет чересчур быстро, и это встревожило и огорчило его.

Карабкаясь по сходням, он увидел на мостике силуэт Квимби. Бедняга вертелся, задрав голову, и рассматривал небосклон. Криспин никогда не позволял уродцу приближаться к штурвалу, хотя вряд ли нашлась бы сила, способная вырвать судно из объятий илистого дна. Он отругал Квимби и велел ему сойти с мостика.

Тот в несколько неуклюжих скачков перебрался на палубу и, хромая, приблизился к Криспину.

— Крис! — он говорил тихо и хрипло. — Еще один показался! Летал над берегом! Хассел велел тебе об этом сказать.

Криспин оцепенел. Сердце у него застучало, он бросил взгляд в небеса, пытаясь не терять из вида и дурачка.

— Когда это было?

— Вчера.

Дурачок прижал одно плечо к уху, словно пытался таким образом обнаружить выпавшее из памяти событие:

— А может, сегодня утром. Все равно прилетит. Ты готов, Крис?

Криспин постоял рядом с ним, держа руку на прикладе винтовки.

— Я готов всегда. А вот ты? — Он протянул руку в сторону дома на берегу. — Ты пришел сегодня к той женщине — Кэтрин Йорк. Я вынужден был помочь ей, и она сказала, что не желает больше тебя видеть.

— Да? — дурачок скакал рядом с ним, дергая пальцами ржавые перила трапа. — Она какая-то чудная. Она лишилась мужа, Крис. И ребенка тоже.

Криспин остановился у трапа, ведущего на мостик.

— В самом деле? Как же это произошло?

— Мужа убил голубь. Он разодрал его в клочья на крыше дома, а потом утащил ребенка. Голубь-то, ты не поверишь,

был ручной. — Криспин с изумлением посмотрел на Квимби, и негр подтвердил. — Точно. Он тоже был ненормальным, этот Йорк. Он держал здоровенного голубя на цепи.

Криспин взошел на мостик и долго смотрел на дом за рекой. Минут пять он размышлял, затем прогнал Квимби на берег и тщательно проверил пулеметы. В появлении птицы не было ничего удивительного — всегда находятся отбившиеся от стаи, но беззащитность женщины, жившей за рекой, побудила его к особому вниманию. Рядом с домом она еще не слишком рисковала, но во время своих походов по отмели она легко могла стать жертвой хищников.

Странное чувство ответственности за Кэтрин Йорк, природу которого он сам не мог определить, вынудило его к вечеру снова покинуть свое судно. На этот раз он спустился на четверть мили вниз по реке и высадился на открытой поляне, над которой проходил маршрут полета птиц. Над ней они неслись на штурм его корабля, и здесь, на мокром, ярко-зеленом лугу, валялось множество трупов.

Гигантские глупыши и чайки с простертыми крыльями сгрудились друг на друге. Недавний дождь приглушил запах падали. Еще вчера Криспин раздувался бы от гордости при виде этого белого урожая, скошенного его пулеметом, но сейчас ему было не до того, он торопился к мертвым птицам с плетеной корзиной в руках.

В центре лужайки был небольшой бугорок, тут он опустил корзину на труп огромного сокола и начал выдирать самые крупные перья из хвостов и крыльев убитых им птиц. Несмотря на недавний дождь, перья были почти сухими. Корзина наполнялась примерно за полчаса, и тогда Криспин относил ее к причалу. Он проделал это не раз и че два. Он так сгибался под тяжестью ноши, что почти ничего не видел из-за горок птичьих трупов.

Криспин отчалил от поляны только тогда, когда лодка от носа до кормы была заполнена белыми перьями. Сжимая руль моторки, стремящейся вверх по течению, Криспин, выпрямившись, осматривал реку поверх груды перьев. Подогнав моторку к берегу недалеко от залива миссис Йорк, он увидел тонкую струйку костра и услышал удары топора — женщина рубила дрова.

Криспин наполнил корзину самыми красивыми и длинными перьями, разместив их по кругу — пестрые перья из хвоста сокола, жемчужно-матовые — глупыша, бурые перья гагары.

Вскинув корзину на плечо, он шагнул из лодки прямо в воду и пошел к дому.

Кэтрин Йорк как раз в это время передвигала раму ближе к костру и расправляла перья, чтобы жар от огня лучше согревал их. В раме, сколоченной из распиленных брусьев террасы, появились новые перья. Наружный ряд женщина скрепила веревкой, образовав таким образом прочный обод.

Криспин опустил перед нею свою ношу и отошел на шаг.

— Миссис Йорк, посмотрите, что я принес. Я надеюсь, что это вам пригодится.

Женщина бросила взгляд на небо и недоуменно покачала головой. Внезапно Криспин подумал, что она не узнает его.

— Что это?

— Перья. Вот для этого. — Криспин показал в сторону каркаса. — Я старался выбрать самые лучшие.

Кэтрин Йорк стала на колени перед принесенной корзиной. Безобразные босоножки спрятались под подолом заношенной юбки. Она перебирала ворох блестящих перьев, точно пыталась вспомнить, кому же они принадлежали.

— Просто великолепные. Спасибо вам, капитан. — Она выпрямилась. — Я бы с радостью воспользовалась вашей любезностью, но мне нужны только такие.

Криспин посмотрел на белые перья, прикрепленные к раме. Потом чертыхнулся и припечатал ладонью о приклад винтовки.

— Голуби! Все перья голубиные! Как я мог не заметить этого!

Он схватил корзину.

— Я принесу вам то, что нужно.

— Капитан Криспин... — Кэтрин Йорк тронула его за руку, настороженно и пристально посмотрела ему в глаза, точно боялась обидеть его. — Мне больше не нужно, благодарю вас. Я уже заканчиваю.

Криспин постоял немного, но так и не нашелся, что сказать этой красивой седой женщине, чьи руки и одежду облепил нежный голубиный пух. Потом взял свою ненужную корзину и двинулся к лодке.

Возвращаясь на свое судно, он свернул к зеленой лужайке и стал сбрасывать в воду ставшие ненужными перья, оставляя за кормой пушистый пестрый след.

В ночном сне на ржавой кровати в капитанской каюте Криспину являлись огромные птицы в лунном небе. Он проснулся от неясного шума, будто ветер промчался по снастям судна, и странного крика в небесах. Очнувшись, Крис-

пин немного полежал, упираясь головой в железную спинку кровати, приходя в себя и вслушиваясь в гул ветра, сотрясающего мачту. И вдруг подскочил, как подброшенный пружиной, подхватил винтовку и, не обуваясь, кинулся по трапу на мостик.

Оказавшись на палубе, он на бегу вскинул ружье, увидев в свете луны гигантскую тень белой птицы, уже исчезающую вдалеке.

Криспин бросился к сходням, целясь на ходу, но уже знал, что не успевает. Белый силуэт исчез за скалою, там птица была недосягаема. Выстрелы только напугают ее, и тогда она больше никогда не появится над судном. Эта одинокая, возможно, собиралась свить гнездо на мачте.

До самого утра Криспин не отходил от сходней, затем спустился в лодку и направился к берегу. Он нервничал. А что если птица через выбитое окно заметит спящую в доме Кэтрин Йорк? Ведь он сам видел, как она описала круг над домом. Мотор равномерно постукивал, река все несла наперерез ему трупы птиц. Лодка врезалась в песок, Криспин подхватил винтовку и поспешил к дому. Он бежал по траве, в которой серебристыми бугорками выделялись трупы птиц. Проскочив через каменистый двор, он замер у кухонных дверей и обратился в слух, будто дыхание женщины, спящей в каморке верхнего этажа, могло донестись до него.

Через час, когда утреннее солнце залило лучами скалу, Криспин обогнул дом. Никаких следов птицы не было заметно, но, подойдя к раме с закрепленными по периметру перьями, он увидел небольшую овальную ямку, и его внезапно осенило, что здесь побывала голубка — она садилась в раму, как в гнездо.

Тихонечко, чтобы не напугать женщину, спавшую в доме, он прикладом расколотил стенки гнезда и выбил дно.

Гордый тем, что он уберег Кэтрин Йорк от опасного соседства, Криспин возвратился на судно.

Следующие два дня он большую часть времени дежурил на мостике, но голубка больше не появлялась. Кэтрин Йорк не покидала жилища и не догадывалась, что чудом спаслась от смерти. Ночью Криспин дважды обходил ее дом. Заметно похолодало, приближалась зима. Криспин почти все время проводил на палубе, холодные болота уже не вызывали у него интереса.

В бурную ветреную ночь Криспин вновь повстречался

с птицей. С раннего вечера со стороны моря неслись низкие черные тучи. К ночи они разразились сильнейшим ливнем, скала за домом исчезла в струях воды. Криспин отдыхал в своей закрытой рубке на мостике, убаюканный скрипом снастей под ветром, который обрушился на катер, все глубже вгоняя его в илистое дно.

Яркая молния прорезала небо, озарив тысячи птичьих трупов. Криспин, облокотившись о штурвал, рассматривал в стекле иллюминатора свое черное отражение. И внезапно увидел, как мощный клюв лег на его крючковатый нос и белоснежные крылья словно раскрылись у него за спиной. Отражение птицы наложилось на его отражение.

И тут эта огромная одинокая птица в блеске молний взмыла к мачте, ветер подхватил ее, ударил о такелаж, и она запуталась крыльями в снастях.

Она еще билась в них, стараясь вырваться из стальных тросов и спрятаться от потоков дождевой воды, когда Криспин выбежал на палубу и разрядил винтовку ей в сердце.

Когда показалось утреннее солнце, Криспин вышел на палубу и влез на крышу рубки. Убитая голубка покачивалась на распростертых крыльях, повиснув в стальной петле рядом с корзиной впередсмотрящего. Она глядела на Криспина как будто с укоризной и была почти такой же красивой, какой явилась ему в оконном стекле во время шторма.

Над водой пронесся бурный порыв ветра. Криспин глядел на дом под скалой. Трава и кусты на берегу потемнели под дождем, и на этом фоне птица напоминала белый крест. Криспин надеялся, что Кэтрин Йорк выглянет во двор или хотя бы посмотрит в окно, и тревожился, как бы бурный порыв ветра не сбросил птицу на палубу.

Когда через пару часов подплыл на своей лодчонке Квимби и поспешно взобрался на борт, чтобы лучше рассмотреть птицу, Криспин отправил его на мачту и велел прочнее привязать голубку к крестовине. Пританцовывая на крыше рубки, негр, как зачарованный, выполнял все приказания Криспина.

— Выстрели туда, Крис! — возбужденно просил он. — Стреляй над домом, пусть она выйдет!

Криспин, стоя у трапа, не мог решиться.

— Ты полагаешь? — спросил он. Потом взял винтовку, достал стреляную гильзу от патрона, поразившего голубку, и швырнул ее в воду, наблюдая, как она сверкает

в плавающих перьях. — Я не думаю... А вдруг она перепугается. Лучше я сам к ней поеду.

— Правильно, Крис! — дурачок засуетился. — Ты вези ее сюда, а я пока все приберу здесь.

— Постараюсь.

Уже с берега Криспин посмотрел на корабль и снова убедился, что мертвая голубка отсюда отлично видна. В свете утра она на фоне ржавой мачты выделялась своей яркой белизной.

На подходе к дому он увидел, что Кэтрин Йорк сошла вниз и стоит в дверях, ветер растрепал ее седые волосы, они падали на лицо, глаза сурово глядели на него.

Когда он подошел поближе, она шагнула назад, закрывая за собой дверь. Криспин ускорил шаги, но она выглянула в узкую щель и гневно прокричала:

— Убирайтесь! Уходите на свой корабль к убитым птицам, чьи трупы вам так по сердцу!

— Миссис Кэтрин... — Криспин даже заикался от неожиданности. — Я ведь спас вас... Миссис Йорк!

— Спасли меня? Лучше спасите птиц, капитан!

Криспин хотел хоть что-то объяснить ей, но дверь захлопнулась перед его носом. Он вернулся к моторке и поплыл к кораблю, отталкивая шестом мертвых птиц. Квимби удивленно смотрел на него своими безумными глазами, но он не обратил на него внимания.

— Крис, что произошло? — спросил негр с непривычной для него лаской в голосе. — Что случилось?

Криспин, покачивая головой, смотрел на мертвую голубку и не мог понять причину такого странного поведения Кэтрин Йорк.

— Квимби, — тихо сказал он маленькому уродцу. — Квимби, ты знаешь, она считает себя птицей.

Следующую неделю Криспин не мог думать ни о чем другом, кроме Кэтрин Йорк и мертвой птицы, и эти мысли терзали его взбудораженный мозг. Птица парила над кораблем, как падший ангел, и ему казалось, что ее глаза неотрывно наблюдают за ним, в какой бы точке судна он ни находился. Казалось, что она хочет напомнить ему об их первой ночной встрече, когда ее образ наложился на его лицо, отраженное в иллюминаторе рубки.

Тревожное ощущение того, что они до удивления похожи друг на друга, побудило Криспина к последней хитрости.

Он вскарабкался на мачту, забрался в бочку впередсмотрящего и, надежно закрепившись, стал перепиливать стальные тросы, обхватившие птицу. Дул ветер, тело пти-

цы раскачивалось под его порывами, трепещущие крылья один раз чуть не сбросили Криспина вниз на палубу. Иногда припускал дождь, и это было удачей, потому что он смывал кровь с груди голубки и ржавые опилки с полотна пилы. Наконец, Криспин спустил птицу на палубу и прикрепил ее канатом к крышке люка за трубой.

В полном изнеможении он рухнул на койку и спал до следующего утра. На рассвете он вооружился мачете и принялся разделывать голубку.

Спустя три дня Криспин стоял на скале над самым домом Кэтрин. Судно сторожевой охраны виднелось на реке вдали от него. Тщательно вычищенный и просушенный остов голубки, покрывавший его плечи и голову, весил не больше пуховой подушки. Под теплыми солнечными лучами он поднял руки с привязанными к ним крыльями и ощутил дуновение ветра, ласкающего перья. Ветер толкнул его, и, чтобы не взмыть в воздух, ему пришлось отойти под защиту низкого дубняка, скрывавшего его от хижины Кэтрин.

Винтовку и патронташи он положил под дубком. Затем сложил крылья и внимательно осмотрел небо, чтобы проверить, нет ли в нем какого-нибудь отбившегося сокола или ястреба. Опасности не было, и он преклонил колени, опустил на лицо пустой птичий череп, ощутив, что наконец-то он достиг полного сходства с голубкой.

С катера утес казался вертикальным, но на него все-таки вела узкая и очень крутая тропинка. Если удача улыбнется, то ветер снова подхватит его и он сможет пролететь несколько метров. Но вообще-то он собирался большую часть дороги к дому преодолеть бегом.

В ожидании появления Кэтрин Йорк он вытащил правую руку из металлической скобы, прикрепленной к крылу, и поставил винтовку на предохранитель. Надев птичье оперение, оставив оружие и боеприпасы, он, как ему думалось, следовал безумной логике больной женщины. Символический полет со скалы, к которому он готовился, должен был освободить и Кэтрин Йорк и его самого от страшного наваждения, которое напустили на них птицы.

Кэтрин Йорк вышла из дома и что-то потащила через двор. Остановилась у восстановленного гнезда, поправила его оперение; ветер трепал ее седые волосы.

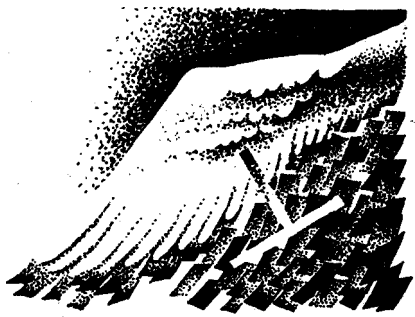
Выйдя из-за дуба, Криспин направился вниз по склону. Через девять ярдов начался мягкий дерн, и он устремился

по увядающей траве. Крылья резко били его по бокам. Увеличив скорость, он почувствовал, как крылья расправляются, ветер отрывает его от земли, еще мгновение, и он полетит, планируя по воздуху. Ветер ударял ему в лицо.

Женщина увидела его, когда он был уже в ста ярдах от дома. Когда она выбежала из кухни с двустволкой в руках, Криспин всеми силами старался удержать свой все ускоряющий движение планер. Он чувствовал, как его тянет вверх, его это радовало и тревожило, он непроизвольно закричал, взлетев над ушедшей из-под ног землей. Изредка касаясь ее, он совершал гигантские десятиярдовые прыжки, а запах крови и птичьих перьев наполнял его легкие.

Вот он взлетел на пятнадцать футов над землей, пронесся над живой оградой и приземлился на площадке перед домом. Пока он руками пытался удержать трепещущий на ветру остов птицы и освободиться от ее черепа, опустившегося на лицо, женщина выстрелила в него. Два раза. Первый выстрел пришелся в хвост, но второй разворотил ему грудь и бросил на мягкую траву в кучу других птичьих трупов.

Через полчаса, когда стало ясно, что Криспин мертв, Кэтрин Йорк подошла к нелепому искореженному чучелу голубки и стала вырывать самые красивые и длинные перья. Она носила их к гнезду, которое строила для своего голубя. Он когда-нибудь прилетит и возвратит ей сына.

ГОЛОСА ВРЕМЕНИ

1

Позже Пауэрс часто вспоминал и об Уайтби, и о непонятных бороздах, которые биолог долбил на дне заброшенного плавательного бассейна без всякого видимого смысла. Глубиной в дюйм и длиной в двадцать футов, они образовывали какой-то сложный символ, напоминавший китайский иероглиф. Уайтби посвятил этому занятию целое лето, наскоро пообедав, он отправлялся в пустыню и, забывая обо всем, часами долбил цемент. Пауэрс иногда подсматривал за ним из окна неврологического корпуса. Он наблюдал, как тщательно Уайтби измерял длину борозд, как, не чувствуя усталости, он таскал небольшое парусиновое ведро с цементными осколками. После того как Уайтби покончил с собой, уже никто не интересовался этими углублениями, только Пауэрс частенько брал у сторожа ключи, открывал калитку к бассейну и часами изучал тайные знаки, выдолбленные в цементе и до середины залитые водой, пытаясь вникнуть в их смысл.

Правда, какое-то время Пауэрс еще пытался завершить свою работу в клинике. После первых недель, сопровождавшихся нервными стрессами, он в конце концов приспособился к обстановке, приняв свое будущее, как и судьбу своих больных, с отреченностью фаталиста.

Пора было увольняться, он просто терял время. Истощение его ума и тела шло почти параллельно, сонливость и слабость смягчали первоначальный страх и тревогу: он боролся с нарушениями метаболизма*, разрабатывая в уме стройные абстрактные теории.

Постоянно хотелось спать, сон был без всяких сновидений, и это приносило даже известное облегчение. Пауэрс обратил внимание на то, что встречает его приход уже с удовольствием и больше не пытается проснуться раньше, чем наступит естественное пробуждение.

Он специально не убирал с ночного столика будильник и заставлял себя за короткое время бодрствования сделать как можно больше различных дел — систематизировал свою библиотеку, тщательно просмотрел последние рентгеновские снимки, расходуя при этом каждую минуту бодрствования бережно, как путник в пустыне расходует воду. Спасибо Андерсену, который разъяснил ему, что все это суета.

Прекратив работу в клинике, Пауэрс тем не менее каждую неделю продолжал приходить в кабинет Андерсена для традиционного медицинского осмотра. Оба знали, что это просто формальность, но продолжали играть. Во время последней их встречи Андерсен предложил сделать анализ крови: ему бросились в глаза обрюзгшее лицо, небритые щеки и слабеющие глазные рефлексы Пауэрса. Надевая на лицо профессиональную улыбку, Андерсен пытался подыскивать подходящие слова. Он всегда старался как-то утешить своих больных, особенно тех, кто был поинтеллигентнее. Но с Пауэрсом, талантливым нейрохирургом, человеком, видевшим и жизнь и смерть, находившим оригинальные решения, обычная форма разговора не проходила. Не скажешь же ему: «Мне чертовски горько, Роберт, но ты ведь и сам все понимаешь... Даже Солнце постепенно становится все холоднее...» Ему было тяжело видеть, как Пауэрс нервно барабанит пальцами по белой крышке стола, бросая взгляды на изображения человеческого скелета, украшавшие стены. Правда, если отвлечься от неопрятного вида — Пауэрс уже неделю не менял мятую рубашку и не чистил грязные кроссовки, — нейрохирург держался стой-

* Метаболизм — обмен веществ в клетках живых организмов.

ко, без жалоб, лицом к лицу встречая свою неумолимую судьбу.

— Чем ты сейчас занимаешься, Роберт? — спросил Андерсен. — Продолжаешь ездить в лабораторию Уайтби?

— Когда есть время. Чтобы добраться туда через дно озера, нужно примерно полчаса, а мой будильник не всегда срабатывает. Может быть, мне вообще перебраться туда жить? — вопросом на вопрос ответил Пауэрс.

Андерсен покачал головой.

— А для чего? Насколько я помню, труды Уайтби не нашли практического применения. — Он прикусил губу, сообразив, что такую же характеристику можно дать и неудачным работам самого Пауэрса, но тот, как будто не обратив внимания на бестактность собеседника, разглядывал игру теней на потолке. — В любом случае почему бы тебе не вернуться в привычный мир, например к Тойнби и Шопенгауэру?

Пауэрс нервно засмеялся.

— Это как раз то, чем я ни в коем случае не хотел бы заняться. Я мечтаю забыть Тойнби и Шопенгауэра, а не освежать их в памяти. Если быть до конца честным, я хотел бы забыть вообще все, но боюсь, что времени на это не хватит. Скажи, сколько можно забыть за три месяца?

— Думаю, что все, если очень сильно захотеть, Роберт, я прошу тебя, прекрати гонку наперегонки со временем, — очень серьезно сказал Андерсен.

Пауэрс молча кивнул, дословно повторив про себя то, что сказал врач. В самом деле, он пытался обогнать время. Расставаясь с Андерсеном, он принял решение выбросить будильник и больше никогда не думать об исчезающем времени. Для начала он снял с руки часы, не глядя крутанул стрелки и спрятал часы в карман. По пути к стоянке машин он размышлял, какую, оказывается, свободу может принести человеку такой простой поступок — взять и выбросить часы. Теперь он изучит коридор времени, заглянет в каждое ответвление и переход. Три месяца — это целая вечность.

И он двинулся к машине, прикрывая ладонью глаза от слишком ярких лучей солнца, пробивавшихся через овальную крышу лекционного зала. Он уже наклонился к дверце, когда заметил на запыленном окне странный ряд цифр: 96 688 365 498 721.

Обернувшись, Роберт увидел, что рядом припарковался знакомый ему «паккард». Пассажир, молодой светловолосый человек с высоким лбом, рассматривал Роберта сквозь

темные очки. За рулем сидела кудрявая молодая женщина, которую он не раз замечал неподалеку от факультета психологии. Он помнил ее лицо, в особенности раскосые глаза, за которые коллеги прозвали ее «малютка с Марса».

— Что, Калдрен, ты все еще продолжаешь следить за мною? — спросил он.

Калдрен кивнул.

— Почти неотрывно, доктор, — он цепко глянул на Пауэрса. — Последнее время вы исчезаете. Андерсен говорит, что вы прекратили работу, кабинет ваш вечно на замке.

Пауэрс пожал плечами:

— Я решил, что пора отдохнуть от работы. Есть множество вещей, которые мне хочется взвесить и обдумать.

Калдрен снисходительно улыбнулся.

— Сочувствую вам, доктор. И мой вам совет — не впадайте в уныние из-за всяких непредвиденных осложнений, — тут он обратил внимание на то, что девушка смотрит на ученого с нескрываемым интересом.

— Кома пленилась вами, — заметил он. — Я познакомил ее с вашими статьями в «Американском психологическом журнале», так она зачитала их до дыр.

Лицо девушки озарилось улыбкой, которая на миг сгладила глубокую антипатию мужчин друг к другу. Когда Пауэрс вежливо поклонился ей, она произнесла, перегнувшись через Калдрена:

— Я недавно читала автобиографию Ногуоки, знаменитого японского врача, открывшего спирохету. В определенном смысле вы кажетесь мне похожим на этого человека — вы тоже отдаете каждому своему пациенту лучшее, что есть в вас.

Пауэрс улыбнулся, затем перевел взгляд на Калдрена. С минуту они мрачно глядели друг на друга, потом правая щека Калдрена нервно задергалась. С большим напряжением он справился с тиком, взбешенный тем, что это случилось в присутствии Пауэрса.

— Как твой сегодняшний день в клинике? — спросил Пауэрс. — У тебя по-прежнему случаются приступы головной боли?

Калдрен крепко сжал зубы, явно задетый неуместным вопросом.

— Интересно, кто меня наблюдает, вы или Андерсен? Вы считаете, что все еще можете разговаривать со мной на эту тему?

Пауэрс пожал плечами.

— По всей вероятности, нет, — спокойно согласился он.

Внезапно он почувствовал тяжелую усталость, голова у него закружилась от жары, и ему захотелось поскорее отделаться от этих двоих. Он уже распахнул было дверцу кабины, но вдруг подумал, что Калдрен может поехать за ним и где-нибудь на дороге столкнуть его в кювет или в лучшем случае блокировать его машину своим «паккардом», так что поездка может затянуться. От Калдрена можно было ждать любой подлости.

— К сожалению, мне пора идти, есть еще всякие скучные дела, — сказал он безразличным тоном и уже на ходу резко добавил: — Позвони мне, если у Андерсена не окажется на тебя времени.

Прощально помахав рукой, он отошел от паркинга, ощущая, как Калдрен продолжает пристально разглядывать его.

Войдя в корпус неврологического отделения, Роберт еще некоторое время приходил в себя в прохладном холле, испытывая огромное облегчение, почти счастье от того, что неприятный разговор позади.

Делая вид, что пришел по делу, он дружески кивнул медсестрам и вооруженному пистолетом охраннику, стоявшему у входа. По непонятным причинам, сам он во всяком случае не находил этому объяснения, в вестибюле и коридорах здания всегда толпилось множество народа, в основном люди не совсем нормальные, которые являлись в больницу с предложениями самых фантастических антинаркологических средств и препаратов. Изредка здесь встречались и вполне здоровые люди. Некоторые из них преодолели не одну тысячу миль, прежде чем попасть сюда. Это неодолимое влечение походило на удивительный инстинкт мигрирующих птиц и животных, казалось, что их тянет заранее осмотреть места, в которых найдет в конце концов успокоение весь род человеческий.

Пауэрс миновал переход, соединявший холл с кабинетами администрации, получил ключ и, миновав теннисный корт, приблизился к бассейну, который размещался на другом конце открытой площадки. Уже несколько месяцев бассейн не работал, но замок еще не совсем заржавел лишь потому, что Пауэрс регулярно приходил сюда. Оказавшись внутри, он запер дверь и, неторопливо ступая по некрашеному настилу, подошел к самой глубокой части бассейна. В свое время здесь развлекались любители прыжков в воду. Он задержался на вышке и снова осмот-

рел идеограмму* Уайтби. Гигантский иероглиф в некоторых местах был завален сырыми листьями и обрывками бумаги, но общий рисунок все еще можно было рассмотреть. Он заполнил почти все дно бассейна и был похож на гигантский солнечный круг с четырьмя радиальными плечами. Это было примитивное изображение юнговской мандалы**.

Размышляя, для чего накануне своего самоубийства Уайтби потратил столько времени и сил на изображение этого непонятного символа, Пауэрс неожиданно увидел, что в центре мандалы кто-то шевелится. Темное почти целиком спрятанное под скорлупою существо длиной в фут ворочалось в жиже, с трудом отрывая от земли передние лапки. Скорлупа была узорчатая, несколько похожая на панцирь амадилла. Добравшись до края диска, животное приостановилось, дрогнуло и вновь двинулось к центру изображения, то ли не умея, то ли не желая перебраться через узкую щель в бетонном дне бассейна.

Пауэрс огляделся, затем вошел в одну из кабинок раздевалки и снял с петель небольшой туалетный ящик. Спустившись по хромированному трапу вниз, он подошел к испуганному животному. Оно кинулось прочь, но Пауэрс поймал его и сунул в ящичек.

Животное оказалось весом с крупный кирпич. Пауэрс тронул рукой толстый панцирь цвета спелой оливы. Из-под него выглянула треугольная головка, напоминавшая голову ужа. Ороговевшие лапки были похожи на шипы птеродактиля. Он внимательно всматривался в глаз с тремя веками, которые в свою очередь изучали его со дна шкафчика.

— Ты ждешь большой жары, — тихо проговорил ученый, — и нацепил на себя свинцовый балахон, который должен спасти тебя от нее.

Он захлопнул дверцу шкафчика, покинул бассейн и, пройдя через административный корпус, подошел к своей машине.

«...Калдрен почему-то продолжает злиться на меня, — записал Пауэрс в своем дневнике. — Он не хочет смириться со своей непохожестью на других и все время выдумывает различные ритуалы, которые должны стать заменой исчезнувшему сну. Наверное, не стоило скрывать

---

* Письменный знак, обозначающий целое понятие.

** Имеется в виду знак, обозначающий Солнце и использованный в перевернутом виде как государственная эмблема фашистской Германии.

от него то, что отпущенное мне время стремительно движется к нулю, но ведь он мог бы понять это как еще одно циничное издевательство. То, к чему он так безнадежно стремится, даровано мне судьбой в полной мере. Невозможно предсказать, как бы он это воспринял. Хорошо, что мои ночные кошмары уже не так изнуряют меня, как это было вначале...»

Отставив тетрадь, Пауэрс склонился над столом и какое-то время смотрел в окно, где во весь горизонт раскинулось светлое дно давно опустившегося озера. На другом берегу, за три мили отсюда, в прозрачном предвечернем воздухе вращалась огромная чаша радиотелескопа; это Калдрен непрерывно слушал космос, странствовал в миллионах парсеков межзвездного вакуума, как кочевник, ищущий море в Аравийской пустыне.

За спиною Пауэрса тихо жужжал кондиционер, и поток охлажденного воздуха прикасался к светло-голубым плиткам облицовки, почти незаметным в полумраке комнаты. На улице воздух был прозрачным и густым — это позолоченные кактусы, растущие под окнами здания, выдыхали вверх на узкие балконы тяжелые тепловые волны.

Наверху, в своих молчаливых спальнях, изолированные глухими жалюзи, смертельно больные люди забылись в жестоком мучительном сне без сна. Их число уже перевалило за полтысячи — передовой отряд огромной армии сомнамбул, завершающих свой прощальный марш-бросок. Всего пять лет прошло с того момента, как впервые установили симптомы странной болезни с фатальным названием наркома, но уже многочисленные государственные клиники были готовы принять тысячи больных. Число заболевших наркомой с каждым днем росло.

Пауэрс вновь ощутил привычное утомление. Который час? Он машинально поднес к глазам левую руку, где недавно еще были надеты часы, чтобы узнать, сколько времени остается до восьми вечера, когда он опять должен погрузиться в свой неизбежный сон. Начиная с этой недели, он засыпал уже до начала сумерек и понимал, что с каждым днем до его последнего пробуждения остается все меньше времени.

Часы лежали в кармане, и он вспомнил свое решение никогда больше не пользоваться ими. Он не двигался, глядя на книжные стеллажи, стоявшие напротив письменного стола. Видное место на них занимали переплетенные в зеленые обложки материалы «Комиссии по атомной энергии», которые он забрал из библиотеки Уайтби вместе со стать-

ями о результатах взрыва водородной бомбы в Тихом океане, они тоже принадлежали перу биолога. Многие из этих работ Пауэрс чуть ли не вызубрил, перечитывая их по многу раз, чтобы лучше понять последние открытия Уайтби. Ему было бы намного легче, если бы он смог забыть самого Уайтби.

Черная пелена где-то в глубине сознания бросила тень на его мысли, и на мгновение у него померкло в глазах. Он потянулся за дневником, вспоминая девушку, сидевшую в машине с Калдреном (Кома, как тот представил ее; еще одна безумная выходка Калдрена) и ее фразу о Ногуоки. Это сравнение больше подходило к Уайтби, чем к нему. Монстры в лаборатории являлись лишь плодом извращенной фантазии биолога и походили на ту мутировавшую панцирную жабу, которую он подобрал сегодня в бассейне. Вспомнив Кому и теплую улыбку, которой она его одарила, он сделал последнюю запись в своем дневнике:

«Проснулся в 6.33. Прощальная встреча с Андерсеном. Он не слишком скрывал, что дальнейшие визиты к нему бессмысленны и что сейчас лучший выход для меня — одиночество. Заснуть в восемь!» «Строгая размеренность сроков просто потрясает меня». На мгновение он задумался и решительно дописал: «Прощай, Эниветок!» Чья-то невидимая рука сжала горло, комната разом потемнела и отодвинулась. Роберт закрыл глаза и, почти без надежды быть услышанным, проговорил: «Боже дай мне сил пережить это!»

2

Девушку он опять встретил на другой день в лаборатории Уайтби. Приехал он туда сразу после раннего завтрака, захватив панцирную жабу, которую подобрал вчера в бассейне; хотелось поработать с нею, пока та не умерла. Единственное подобное существо, которое он до этого встречал, чуть не убило его. Месяцем раньше, огибая на своей машине озеро, он врезался передним колесом в такого же зверька. Пауэрс думал, что его легко расплющить, но, словно пропитанный металлом, панцирь устоял, хотя внутренности оказались размозженными, при этом мощный толчок отбросил машину в кювет. Позже он исследовал панцирь в лаборатории и увидел, что в нем накопилось примерно полтора фунта свинца.

Уже многие животные и растения научились вырабатывать или усваивать в своем организме различные тяже-

лые металлы, ставшие для них противорадиационной защитой. В горах, расположенных по другую сторону пляжа, двое стариков-золотоискателей решили опробовать допотопные, заброшенные восемьсот лет назад золоторазработки. Они обратили внимание на то, что листья кактусов, растущих вокруг старых шахт, странно пожелтели. Анализ выявил, что кактусы поглощали золото в таких количествах, что их переработка стала выгодным делом. И это при том, что низкий уровень содержания золота в бросовых залежах делал экономически бессмысленной любую попытку возобновить их разработку. А вот новые свойства кактусов сделали давние шахты доходными.

Проснувшись в 6.45, на десять минут позднее, чем вчера (он установил это, слушая традиционную утреннюю радиопередачу), и нехотя перекусив, Пауэрс потом еще час упаковывал книги, которые собирался отослать брату.

Около восьми часов утра он был в лаборатории Уайтби. Она находилась в огромном геодезическом куполе рядом с виллой на западном побережье озера, за милю от летнего дома Калдрена. После смерти биолога вилла пустовала. Большая часть животных и растений-экспонатов лаборатории погибли, пока Пауэрс выколачивал у бюрократов разрешение посещать ее.

Выходя из машины, Пауэрс заметил на самом верху купола Кому. Ее изящная фигурка четко вырисовывалась на фоне светлого утреннего неба. Она радостно помахала ему и, сбежав по стеклянным ступеням, оказалась перед машиной.

— Доброе утро, — поздоровалась она с улыбкой. — Я хотела познакомиться со здешним виварием, но Калдрен уверен, что если он пойдет со мной, то вы захлопнете дверь у нас перед носом, поэтому я решила идти одна.

И пока Пауэрс, не отвечая, шарил по карманам в поисках ключа, она предложила:

— Если вы не против, я могу выстирать вашу рубашку.

Пауэрс посмотрел на свои грязные манжеты и улыбнулся.

— Это хорошо придумано, — согласился он. — А то я и впрямь в последнее время перестал следить за собой. — Он отворил дверь и тронул Кому за руку. — Мне непонятно, отчего Калдрен вбил себе в голову эту ерунду. Никто не мешает ему приходить в лабораторию в любое время.

— А что у вас в этом ящике? — спросила девушка, указывая на шкафчик, который он подхватил, открыв дверь.

— Один наш далекий предок, которого я вчера обнаружил. Чрезвычайно любопытная личность. Потерпите, скоро я вас познакомлю с ним.

Легкие подвижные перегородки рассекали помещение на четыре части. Две были превращены в склад для хранения контейнеров с резервными приборами и кормов для животных. Третья была почти целиком занята огромным рентгеновским аппаратом. 250-мегаамперный «Джо Макситрон» помещался рядом с передвижным круглым столиком. Он был окружен защитными бетонными блоками, напоминавшими по форме большие кирпичи.

В последней четверти находился виварий. На скамьях, в раковинах и просто на полу стояли аквариумы, клетки, прозрачные контейнеры, над ними были прикреплены разнообразные разноцветные схемы и чертежи. По полу тянулись электрические провода и резиновые шланги.

Пока они продвигались вперед, за стеклами и решетками мелькали какие-то силуэты. В глубокой нише рядом с рабочим столом Пауэрса раздался шум.

Пауэрс опустил ящик на пол, взял со стола пакетик с орехами и подошел к клетке, стоящей в нише. Маленькая черноволосая обезьянка в летном пластиковом шлеме, уцепившись за сетку, встретила их радостным лепетом. Потом шимпанзе, посматривая на них через плечо, подскочил к закрепленному на задней стенке клетки пульту. Он торопливо нажимал кнопки, и в клетке загорались разноцветные огни.

— Молодец! — похвалил Пауэрс обезьянку и ласково похлопал ее по спине. Потом вручил ей горсть орехов. — Это для тебя не проблема, — добавил он, любуясь, как шимпанзе, словно фокусник, гордящийся своим мастерством, кинул орешек прямо в рот, продолжая что-то лепетать.

Кома со смехом взяла горстку орехов и протянула животному.

— Он уникален и держится так, будто беседует с вами.

Пауэрс кивнул:

— Вы правы, он в самом деле говорит со мной. Его словарный запас насчитывает двести слов. Только он не умеет разделять их и ставить ударения.

Из холодильника, стоящего рядом со столом, Пауэрс достал большой ломоть хлеба, нарезал его на кусочки и протянул обезьянке. Та немедленно, будто давно ждала этого, подняла с пола тостер и установила его в самом центре

стола. Пауэрс включил прибор, и через несколько минут до них донесся запах разогревающейся проволоки.

— Это один из самых высокоразвитых наших экспонатов. Уровень его интеллекта соответствует примерно развитию пятилетнего мальчика, но во многих случаях он более самостоятелен в своих действиях, — сказал ученый.

Тостер выкинул наружу два поджаренных кусочка, которые шимпанзе сразу же схватил. После этого он, будто вспомнив что-то, дважды постучал кулачком по шлему и спрятался в закутке, построенном в углу клетки. Непринужденно свесив одну руку в окошко, второй он неторопливо подносил пищу ко рту.

— Он сам выстроил эту хижину — сказал Пауэрс, отключив тостер. — Здорово, правда? — и с восхищением показал на брезентовое ведро с несколькими увядшими стеблями пеларгонии. — Он еще ухаживает за цветами, сам чистит свою клетку и без конца лепечет, обрушивая на вас град шуточек. Вы сами видите, какой это удивительный и занятный экземпляр.

Кома не могла сдержать веселого смеха.

— А шлем ему зачем? — спросила она.

Пауэрс ответил не сразу.

— Это средство самозащиты, у него бывают головные боли. Все его предшественники... — он замолчал и отвернулся. — Давайте сменим тему, лучше побеседуем с остальными обитателями.

Они молча пересекли виварий.

— Начнем с самого начала, — произнес Пауэрс, снимая стеклянную крышку с ближайшего контейнера. Девушка посмотрела внутрь. В низкой воде, в куче ракушек и камешков лежало маленькое существо, оплетенное подобием какой-то сетки. Это были густые щупальца. — Морской анемон. Если быть точным, то бывший морской анемон. Примитивное кишечнополостное, — представил Пауэрс и провел пальцем по отвердевшему хребту существа. — Он залепил отверстие и трансформировал канальчик в подобие зарождающегося позвоночника. Позже щупальца превратятся в нервную систему, они уже сейчас реагируют на цветные раздражители.

Он поднял фиолетовый шарф Комы и протянул над контейнером. Щупальца немедленно задвигались, они сокращались, обвисали, затем снова свивались в клубок, будто пытаясь поймать неизвестный раздражитель.

— Непонятно почему, но на белый цвет щупальца совершенно не реагируют. В естественных условиях они откликаются на изменение давления, как барабанные пере-

понки в ушной раковине человека. Здесь же щупальца словно слышат цвета. Это форма приспособления к новой среде обитания после привычной водной стихии, к жизни в другом мире, для которого характерна резкая контрастность цветов.

— И что же это значит? — заинтересовалась девушка.

— Потерпите немножко, — ответил Пауэрс. Они оставили анемон и перешли к нескольким контейнерам, похожим на барабаны, изготовленные из москитной сетки. Над ближайшим из них размещалась многократно увеличенная микросхема, похожая на карту синоптика и озаглавленная «Дрозофила — 15 рентген/мин».

Пауэрс постучал согнутым пальцем в маленькое окошко барабана.

— Фруктовая мушка. Крупные хромосомы делают ее незаменимой для многих опытов, — пояснил он и надавил пальцем на большой улей Г-образной формы, висящий на стенке контейнера. Из улья выползло несколько дрозофил. — В обычных условиях они живут раздельно, каждая сама по себе. Здесь они объединились, создав симбиоз, и начали вырабатывать своеобразную сладкую жидкость, что-то вроде меда.

— А это что такое? — спросила девушка, тронув пальчиком загадочную схему.

— Это рисунок действия ключевых генов, — ответил ученый и проследовал пальцем по стрелкам, идущим от одного центра к другим. Над ними были надписи: «лимфатические железы» и еще: «запирающие мышцы, перепонка».

— Не правда ли, это похоже на перфокарту пианолы. Или на компьютерные ленты. Стоит разрушить рентгеновским облучением один из центров, как тут же меняются черты и появляются новые связи.

Кома взглянула на следующий контейнер и с отвращением отвернулась. Из-за ее спины Пауэрс понял, что она увидела огромное, похожее на паука насекомое. Оно было величиной с человеческую руку, с мохнатыми щупальцами толщиною в палец; узорчатые глаза насекомого напоминали крупные рубины.

— Да, особой симпатии оно не вызывает, — заметила девушка. — Вон какую прочную лестницу оно плетет.

Она непроизвольным жестом защиты поднесла руку к лицу, и тут же насекомое отползло на середину контейнера и принялось выталкивать из своего брюшка спутанную охапку нитей. Множество таких волокон уже свисало вытянутыми петлями с потолка клетки.

— Паутина, — сказал Пауэрс, — только необычная,

она состоит из нервных тканей. Верхние, похожие на веревочную лестницу, — это его внешняя нервная система, прямое продолжение мозга, которое паук научился выделять из себя в случае необходимости. Надо признать, что это на редкость мудрое решение проблемы, притом значительно эффективнее, чем наш мозг.

Кома непроизвольно отшатнулась назад.

— Омерзительно. Вот уж не хотелось бы встретиться с этим монстром поближе.

— Он не так опасен, как кажется на первый взгляд. Его огромные глаза не следят за вами, они мертвые, точнее слепые. Их чувствительность сошла почти на нет, зрачки реагируют теперь лишь на гамма-лучи. Знаете, почему он отпрянул, когда вы подняли руку? Он отреагировал на фосфоресцирующие стрелки ваших часов. После четвертой мировой войны он может воцариться в этом мире.

Когда они возвратились к столу, Пауэрс предложил Коме стул и включил кофеварку. Затем раскрыл принесенный шкафчик, вынул из него одетую в тяжелый панцирь жабу и отыскал для нее место на столе.

— Не узнаете? Это друг наших младенческих забав, примитивная жаба. Она изготовила для себя отличное бомбоубежище. — Он перенес рептилию в раковину, пустил струю воды и стал смотреть, как она скользит по панцирю. Потом полой рубахи вытер руки и возвратился к столу.

Кома отбросила упавшие на лоб волосы и с интересом уставилась на него.

— Может быть, я теперь все-таки узнаю, что же это все означает? — сказала она.

Пауэрс закурил.

— Ничего особенного. В террариях извечно создавали монстров. Вы что-нибудь знаете о так называемой «молчащей паре»? — Кома мотнула головой. Некоторое время Пауэрс раздумывал, посматривая на девушку. — Это одна из самых древних загадок, которую генетика никак не может разгадать. Дело в том, что у очень небольшого процента живых существ имеется два массивных гена, которые и окрестили «молчащей парой». Они не несут никакой конкретной функции в организме, не участвуют в его развитии. Уже много лет биологи пытаются если не оживить их, то хотя бы спровоцировать на какие-нибудь действия, но без особого успеха. Вся сложность не только в том, имеются ли таковые гены в изучаемом организме, но и в том, что крайне трудно сфокусировать пучок рентгеновских лучей точной направленности, чтобы при этом не поразить

другие хромосомы. И все-таки после десятилетних титанических усилий биолог, чье имя было Уайтби, открыл весьма действенный способ полного и абсолютно безвредного облучения всего организма. Его находка базировалась на долгих наблюдениях и глубоком анализе радиационных повреждений, которые он изучал на атолле Эниветок.

Они немного помолчали.

— Уайтби обратил внимание на то, — продолжил Пауэрс, — что взрыв вызвал повреждения значительно большие, чем можно было ожидать по расчетам количества выделившейся энергии и интенсивности облучения. Он доказал, что это произошло в результате выделения из протеиновых структур генов скопившейся в них энергии. Это похоже на колебание мембраны в резонанс звуку. Вы помните историю с мостом, который развалился, когда по нему строевым шагом прошла воинская часть? Уайтби посетило гениальное озарение, что все решает определение резонансной частоты структуры. В молчащих генах она отличается от остальных хромосом, следовательно, отыскав критическую частоту, можно спокойно облучать весь организм, не повреждая его, а воздействуя лишь на «молчащую пару», — рукой, в которой он держал сигарету, Пауэрс широко обвел вокруг себя. — Все, что вы здесь наблюдаете, не что иное, как результаты этой, разработанной Уайтби, технологии «резонансного перемещения».

Девушка кивнула.

— Значит, «молчащая пара» всех этих организмов пробудилась? — догадалась она.

— Вот именно, всех. То, что здесь находится, это лишь ничтожная часть из многих тысяч особей, побывавших в этой лаборатории. Результаты, скажу я вам, уникальные.

Он поднялся и задернул шторы. Под овальным куполом, повисшим над их головами, палящее солнце ощущалось с такой силой, что его трудно было переносить. В спустившейся полумгле Кома обратила внимание на стробоскоп, блестевший в одном из контейнеров. Она поднялась и подошла к нему, рассматривая высоченный подсолнух с мясистым граненым стеблем и неестественно огромным диском. Расположенная вокруг цветка полая башня была сложена из тщательно подогнанных друг к другу камней грязно-белого цвета. На ней была прикреплена табличка, гласившая: «Мел: 60 000 000 лет». Рядом на скамье находились еще три башни меньшего размера и диаметра с табличками: «Песчаник девонский: 200 000 000 лет», «Асфальт: 20 лет», «Полихлорвинил: 6 месяцев».

— Видите эти влажные светлые пятнышки на лепестках? — спросил Пауэрс, встав рядом с девушкой. — Это своеобразная реакция на метаболизм растения. Можно сказать, что оно видит время. Чем старше окружающая его башня, тем медленнее развивается метаболизм. При контакте с асфальтовой башней годовой цикл его сокращается до недели, в окружении полихлорвинила — до двух часов.

— Оно видит время, — повторила Кома слова ученого. Она задумчиво смотрела на него, покусывая от волнения нижнюю губу. — Это поразительно. Неужто это создания далекого будущего?

— Я не могу этого ни подтвердить, ни опровергнуть, — ответил Пауэрс. — Но если ваше предположение верно, то мир будущего будет сюрреалистичен до безобразия.

3

Он возвратился к столу, выключил кофеварку и, достав из ящика две чашки, налил в них кофе.

— Существует гипотеза, согласно которой организмы, одаренные «молчащей парой» генов, являются предшественниками тех, которых эволюция стремится создать, двигаясь по своей кривой; молчащие гены — это своеобразный код, весточка из будущего. Нам он не нужен, а те высшие формы, которые придут нам на смену, будут его использовать на полную мощность. Наверное, мы слишком рано сделали это открытие, — сказал Пауэрс.

— Что вы хотите этим сказать?

— Дело в том, что самоубийство Уайтби — это признание в том, что его опыты не принесли удачи. Все до единого организмы, облученные им, вступили в фазу абсолютно бесконтрольного развития. У них возникают сложные, узкоспециализированные органы чувств, назначение которых для нас загадка. Причем развитие всегда завершается катастрофой, например, анемоны буквально взрываются в мелкие клочья, а дрозофилы жрут друг друга и тому подобное Мы торопим будущее, заложенное в этих организмах, а сами не знаем, должно ли оно вообще когда-либо возникнуть или это всего лишь наша экстраполяция. Временами я думаю, что все эти искусственно созданные органы чувств — просто насмешка природы над нашими гипотезами. Те экземпляры, с которыми вы познакомились, находятся пока на начальной стадии второго

цикла развития. В дальнейшем они приобретут еще более фантастический и непредсказуемый облик.

Кома опустила голову.

— Значит, зоосад, при котором нет служителей? А что же ожидает людей?

Пауэрс пожал плечами.

— Приблизительно один человек из ста тысяч имеет в себе этот дар — молчащие гены. У кого они есть — у вас или у меня? Неизвестно! Никто еще не рискнул облучиться полностью. Это было бы не просто самоубийством, но, судя по опытам Уайтби, самоубийством мучительным и кошмарным.

Он допил свой кофе и сразу же ощутил усталость и опустошенность. Разговор отнял у него слишком много сил. Кома придвинулась к нему.

— Вы очень плохо выглядите, — с ласковой тревогой сказала она. — Наверное, плохо спите?

Пауэрс выдавил из себя улыбку.

— Пожалуй, даже слишком хорошо, — ответил он. — Как раз сон — это то, что беспокоит меня меньше всего.

— Если бы то же самое можно было сказать о Калдрене, — вздохнула Кома. — Он спит очень мало и каждую ночь будит меня тем, что непрерывно бродит по комнате. И все-таки это лучше, чем неизлечимая наркома. Кстати, никому не приходила в голову идея попытаться облучить больных, спящих в больничном корпусе. Может быть, у некоторых имеется эта «молчащая пара» генов?

— В том-то и дело, что они имеются у каждого из них, — ответил ученый. — Молчащие гены и наркома взаимосвязаны самым тесным образом. — Пауэрс был почти обессилен и с трудом удерживался от того, чтобы извиниться перед Комой и прекратить разговор. Но, пересилив себя, он обогнул стол, вынул из-под него магнитофон, включил его, перемотал ленту и прибавил звук.

— Мы с Уайтби много обсуждали эти вопросы, — сказал он. — В конце концов я стал записывать наши беседы. Он был гениальным ученым и лучше всех разбирался в проблемах, так что давайте выслушаем его мнение по этому поводу. Оно исчерпывает суть дела. — Он надавил клавишу и закончил фразу. — Извините за низкое качество записи, я слишком много раз запускал эту пленку, и она уже поизносилась. — Голос стареющего человека, отрывистый и нервный, прорывался через помехи, но Кома отчетливо слышала каждое слово.

Уайтби: ...ради всего святого, Роберт, вспомни данные,

которые приводит ФАО. «За последние пятнадцать лет на каждом акре посевной площади наблюдается пятипроцентный рост продукции». В то же время мировой урожай пшеницы упал почти на два процента. Возьмем все другие продукты — корнеплоды и зерновые, молоко и мясо, сою и прочее — везде производство падает. Одновременно возникает множество параллельных аномалий — от изменения маршрутов традиционных миграций до ежегодного удлинения продолжительности зимовок у животных. Все это складывается в общую необратимую закономерность.

Пауэрс: Естественный прирост в европейских странах и в Южной Америке остается на прежнем уровне.

Уайтби: Я уже объяснял, что эта стабильность — временное явление. Через какие-нибудь жалкие сто лет снижение плодовитости, которое сейчас кажется ничтожным, будет влиять и на те территории, где пока возникает искусственный резерв прироста как следствие контроля над рождаемостью. Уже сейчас в странах Дальнего Востока, особенно тех, где смертность детского населения стабильна, рождаемость резко падает. На Суматре, например, она за последние двадцать лет снизилась на пятнадцать процентов, а это уже реально ощутимый спад. Сравнительно недавно, еще два-три десятка лет назад, всякие «неомальтузианцы» пугали мир возможным «взрывом» мировой рождаемости. Сейчас ясно, что опасаться надо не взрыва, а совсем другого. К тому же учти добавочный...

Здесь речь прервалась, видимо, пленка была повреждена и снова склеена. Теперь голос Уайтби звучал уже не так раздраженно.

— ...без утайки, для меня это очень важно, сколько времени у тебя отнимает сон?

Пауэрс: Точно не скажу. Часов восемь, наверное.

Уайтби: Вечные восемь часов. Кого ни спроси о продолжительности ночного сна, он, не задумываясь, называет эту цифру. На самом же деле почти каждый человек спит сейчас не меньше десяти часов. Я скрупулезно проверял на себе, получается около одиннадцати часов. Вот тридцать лет назад люди действительно отдавали сну в среднем третью часть суток, а за столетие до этого — часов шесть или семь. В своих знаменитых «Жизнеописаниях» Вазари рассказывает, что Микеланджело даже в восьмидесятилетнем возрасте спал всего четыре-пять часов в сутки, посвящая весь день живописи, а затем еще по ночам трудился за анатомическим столом с яркой лампой над головой... В наше время это кажется совершенно уди-

вительным, но для современников это было самым обычным делом. Думаешь, чем объяснить замечательную трудоспособность многих гениев древности от Аристотеля и Платона до Фомы Аквинского и Шекспира? Как они могли так много создать за свою, не всегда длинную, жизнь? Да просто они каждые сутки имели по шесть-семь часов дополнительного времени. У нас его вдвое меньше плюс к тому же более низкий уровень метаболизма, дополнительный фактор, о котором все забывают.

Пауэрс: А нельзя ли допустить, что такая потребность к удлинению отдыха — это компенсаторное явление, массовая реакция на образ жизни в мегаполисах конца прошлого тысячелетия с его тяжелыми стрессами?

Уайтби: Соблазнительное, но ошибочное представление. Нет, это проблема чисто биохимическая. Просто темплеты рибонуклеиновой кислоты, которые открывают протеиновую цепочку в любом живом организме, изношены до конца, а матрицы, определяющие свойства протоплазмы, становятся бесформенными. Ничего странного — ведь они работают беспрестанно уже добрый миллиард лет. В какой-то момент должна же наступить потребность в капитальном ремонте. Продолжительность жизни всегда и для всех ограничена. В этом нет принципиальной разницы между колонией примитивных дрожжей и любым другим живым организмом или даже целыми видами.

Люди всегда тешили себя мыслью о том, что эволюция — это непрерывный путь к вершине. На самом же деле она давно миновала свой пик и теперь спускается, приближаясь к всеобщему биологическому финишу. Я понимаю, что это трудно понять и принять, но такая перспектива остается единственно честной: пройдет полмиллиона лет и наши потомки, о которых мы думали как о сверхлюдях, способных силой гениального мозга путешествовать по звездам, превратятся, наверное, в обнаженных дикарей, заросших густой шерстью. Они будут метаться по нашей клинике, воющие, перепуганные, как неандерталец, перенесенный в будущее. Уверяю, что я жалею их не меньше, чем себя. Я сознаю свой полный проигрыш — потерю права на любое моральное или биологическое существование: эта безысходность таится в каждой клетке моего организма...

Запись кончилась, но кассета продолжала свое вращение; Пауэрс выключил магнитофон и прижал ладонью глаза. Кома молча и неподвижно смотрела на него, тишина прерывалась лишь стуком камешков, которыми развлекался шимпанзе.

— Уайтби считал, — нарушил молчание Пауэрс, — что «молчащая пара» — это последняя судорожная попытка органической природы выжить, не захлебнуться, если говорить образно, в потоке подступающей к горлу воды.

Жизнь любого организма находится в прямой зависимости от объема энергии, излучаемой Солнцем. Когда этот объем выйдет на критический уровень, мы перешагнем смертную черту и уже ничто не спасет человечество от полной гибели. В предвидении этого для будущей защиты некоторые живые организмы создали нечто вроде аварийной системы, которая позволяет адаптироваться к высоким температурам. Например, мягкокожие обзаводятся панцирями с высоким содержанием тяжелых металлов, этакими щитами от облучения. Уайтби считал, что это попытка с заранее обреченным исходом, а я иногда надеюсь... — ученый улыбнулся своей гостье и пожал плечами. — Сколько времени вы знакомы с Калдреном?

— Примерно три недели, но они кажутся мне тысячелетием, — ответила девушка.

— Что вы можете сказать о нем? Я уже довольно давно не общался с ним.

Кома ответила легкой улыбкой:

— Да и я не так уж часто с ним встречаюсь. Он все время требует, чтобы я больше спала. Калдрен, конечно, яркий человек, но он слишком эгоцентричен, живет только в себе и для себя. Правда, вы занимаете в его жизни очень важное место. Можно сказать, что я вынуждена делить его с вами.

— Я считал, он терпеть не может меня.

— Это поза. На самом деле он только о вас и думает. Поэтому и преследует вас постоянно. — Она пристально посмотрела на Пауэрса. — Я думаю, что он испытывает какую-то вину перед вами.

— Вину передо мной? — переспросил ученый. — Удивительно! Это скорее я должен считать себя виноватым перед ним.

— Вы? Отчего же? — удивилась Кома и после некоторого колебания спросила: — Это правда, что вы как-то экспериментировали над ним?

— Правда, — ответил Пауэрс. — К сожалению, задуманное осуществилось далеко не полностью, как и многие другие попытки, к которым я тоже имею отношение. Неужели Калдрен испытывает чувство вины оттого, что считает и себя в некоторой степени виноватым в моей неудаче?

Он глянул на сидевшую напротив девушку.

— Думаю, что вам надо знать все. Вы рассказывали, что Калдрен не может заснуть и все ночи бродит по своей комнате, а между тем хроническая бессонница — это его естественное состояние.

Кома подняла глаза.

— Вы... — она повела головой, словно пытаясь стряхнуть с себя наваждение.

— Я применил лоботомию, когда оперировал Калдрена, — объяснил Пауэрс. — Если оценивать эту операцию с чисто хирургической точки зрения, то она была проведена безупречно. Заслуживала выдвижения на Нобелевскую премию. Дело в том, что в обычном состоянии продолжительность человеческого сна регулируется гипоталамусом; он поднимает уровень сознания, что дает необходимый отдых волосковым структурам головного мозга и способствует удалению из них токсинов. Но если рассечь некоторые из упрощающих петель, то больной перестает получать сигналы ко сну, как в обычных условиях, и удаление токсических веществ совершается у него, когда он бодрствует. Единственное неприятное последствие операции — это состояние временного беспокойства, но через несколько часов оно исчезает. Таким путем я продлил жизнь Калдрена минимум лет на двадцать. Но его психика, по каким-то неизученным причинам постоянно требует сна, при этом возникает тревога, которая все время мучает Калдрена. Вся моя операция оказалась безупречно исполненной трагической ошибкой.

Кома нахмурилась.

— Я так и думала. В ваших статьях, которые я читала в нейрохирургических журналах, вы скрываете своего пациента под инициалами К. А. Сразу на ум приходит воспоминание о Кафке.

— Может быть, мне скоро придется навсегда уехать отсюда, — сказал Пауэрс. — Сделайте доброе дело, проследите за тем, чтобы Калдрен не прекращал посещений клиники. После операции ткани рядом со шрамом еще нуждаются в регулярном осмотре.

— Постараюсь. Правда, иногда у меня возникает ощущение, что я сама для Калдрена просто один из его последних документов, — ответила девушка.

— Что вы сказали? Каких документов?

— Вы что, ничего не знаете? Это собрание так называемых итоговых материалов о роде человеческом, которые Калдрен коллекционирует. Труды Фрейда, музыка

Бетховена, протоколы Нюрнбергского процесса, электронная проза и еще много всякого... — Кома запнулась, увидев, что Пауэрс не слушает ее. — Что вы рисуете?

— Я?

Она показала на листок бумаги, и Пауэрс с удивлением обнаружил, что он непроизвольно, но с точностью до мельчайших деталей воспроизвел четырехрукое солнце — мандалу, идеограмму Уайтби.

— А, это... глупости, бессмысленные каракули, — смутился он, чувствуя, что рисунок влечет его к себе с какой-то удивительной силой.

Кома поднялась, чтобы уйти.

— Приходите к нам как-нибудь, доктор... Калдрену хочется многое показать вам. Он где-то раздобыл копии последних сигналов, которые экипаж «Меркурия-7» передал сразу после высадки на лунную поверхность. Вы, наверное, помните эти странные передачи, наполненные безумным лепетом о садах в белом цветении, которые они послали перед самой своей гибелью. Это мне кажется столь же необычным, как поведение экспонатов вашей лаборатории. — Она пошарила в карманах и достала из одного карточку. — Калдрен просил меня, чтобы при встрече я передала вам вот это, — сказала она.

Она протянула Пауэрсу библиотечную карточку из каталога обсерватории. В центре были выведены цифры:

96 688 365 498 720.

— Долго же нам придется ждать финала, если мы будем двигаться с такой скоростью, — саркастически заметил Пауэрс. — Боюсь, что пока это произойдет, у меня успеет накопиться огромная коллекция.

Когда девушка ушла, он бросил карточку в корзину для бумаг, а потом почти час изучал свой, начерченный по наитию рисунок.

На полдороге к его летнему домику шоссе раздваивалось, первая дорога уходила влево, вилась среди голых холмов к давно заброшенному военному полигону, построенному над одним из далеких соляных озер. Здесь за высокой оградой находилось несколько небольших бункеров, наблюдательных вышек, пара ангаров да большой склад с пологой металлической крышей. Вся территория стрельбища была отделена от окружающего мира цепью белых холмов. Пауэрс привык прохаживаться здесь вдоль огневой позиции, рассматривая бетонные щиты на другом конце горизонта. Абстрактная геометричность расположения всех этих объектов в огромной пустыне позволяла ему

ощутить себя муравьем, попавшим на шахматную доску, где уже готовы к игре две армии — бункеры и вышки против мишеней.

Разговор с Комой неожиданно помог ему понять, как расточительно и глупо тратил он до сих пор последние месяцы своей жизни. «Прощай, Эниветок!» — записал он в дневнике, но по сути дела целенаправленное забывание было запоминанием, систематизацией наоборот, перебором книг в своей мозговой библиотеке и подбором их в нужном порядке, только корешками к стене. Поднявшись на один из наблюдательных пунктов, он облокотился на низкую ограду и долго смотрел в сторону шеренги нарисованных на земле мишеней. Ракеты и снаряды вырвали в некоторых из них целые куски бетона, но рисунки огромных стоядовых дисков, голубого или красного цвета, сохранились на поверхности полигона. Больше получаса он смотрел на них, собирая в кулак разрозненные мысли. Потом вдруг решился и, быстро покинув вышку, вошел в ангар. Там было холодно. Порывшись среди ржавых электрокаров и пустых ящиков, он отыскал в другом конце ангара за мотками проволоки и штабелями досок несколько мешков с цементом, кучку грязного песка и древнюю бетономешалку.

Еще через полчаса он подогнал машину к ангару, прицепил к заднему бамперу бетономешалку, загруженную песком и цементом. Потом вылил туда же воду из стоящих вокруг бочек, загрузил остаток цемента в багажник и на заднее сиденье. Из штабелей леса он отобрал самые прямые доски, засунул их в открытое окно и через озеро повез свой груз к центральной пока еще хорошо сохранившейся мишени.

Два часа без отдыха трудился он в центре огромного голубого круга; вручную изготовил примитивные деревянные формы и залил их бетоном, приготовленным таким же ручным способом. Потом сформовал его в шестидюймовую ограду вокруг голубого диска. Для этого он размешивал бетон рычагом домкрата, заливая его в формы колпаком, снятым с заднего колеса. Когда дневная работа была завершена и он двинулся к дому, ограда достигала уже тридцати футов длины.

4

7 июня. Впервые я реально ощутил, насколько укоротился мой день. Когда в моем распоряжении имелось двенадцать часов, то временной точкой отсчета был полдень;

завтрак и ужин начинались в привычные для меня часы. Сейчас, когда я могу посвятить сознательной деятельности лишь одиннадцать часов, ограниченность времени превратилась в какой-то барьер, вроде того, которым обносят рулетку в игорном доме. Я вижу, как сматывается лента, вращающаяся на катушке магнитофона, но не могу замедлить скорость ее оборотов. Больше всего времени уделяю своей библиотеке, систематизирую и упаковываю книги и журналы. Бандероли очень тяжелые, поэтому я не передвигаю их. Количество клеток уменьшилось до сорока тысяч. Проснулся в 8.10. Засну в 19.15. Куда-то засунул часы, придется ехать в город, чтобы купить новые.

14 июня. Теперь у меня в распоряжении только девять с половиной часов. Я, как автомобилист, оставляю за спиной время, как убегающее назад дорожное полотно. Последняя неделя отпуска минует скорее, чем первая. При таком темпе мне остается, наверное, всего четыре-пять недель. Сегодня утром я попытался представить себе последнюю свою неделю, потом последние три дня, два, один и в конце концов последние минуты, финал — и тут меня охватил такой ужас, которого я еще никогда не испытывал. Только через полчаса я восстановил силы настолько, что смог сделать себе поддерживающую инъекцию.

Калдрен буквально преследует меня. На калитке он вывел мелом цифры 96 688 365 498 702, что привело почтальона в шоковое состояние. Проснулся в 9.05. Засну в 18.36.

19 июня. 8 часов 45 минут сознательной деятельности. Меня поднял звонок Андерсена. Я хотел бросить трубку, но заставил себя до конца быть корректным, и мы оговорили заключительные формальности. Он восхищался моей выдержкой, назвал ее «героическим стоицизмом». Лестно, но не соответствует истине. Все ипостаси добродетели — мужество, вера, самодисциплина — пьют из одного источника, имя которому отчаяние. Как же, оказывается, трудно выдерживать узаконенную традицию, которая предполагает, что настоящий ученый должен бесстрастно воспринимать все факты, подтверждающие его научную гипотезу, какими бы трагическими они ни были для него лично. Ищу опоры в мыслях о Галилее перед судом инквизиции, о Фрейде, мужественно переносившем боль в своей пораженной саркомой челюсти.

Встретил случайно в городе Калдрена. Говорили о «Меркурии-7», оказалось, что Калдрен убежден, будто его экипаж вполне осознанно решил остаться на Луне, после

того как получил доступ к некой «космической информации».

Загадочные существа с Ориона будто бы убедили землян, что любое исследование космоса безнадежно запоздало и именно поэтому вселенная подходит к концу своего существования. Калдрен заявляет, что кое-кто из военных целиком разделяет веру в эту чепуху, но я думаю, что таким извращенным способом он просто пытается успокоить меня.

Видимо, придется отключить телефон. Какой-то ненормальный постоянно звонит, требуя оплаты пятидесяти мешков цемента, которые я десять дней назад у него якобы приобрел. Утверждает, что сам грузил их в мою машину. Я действительно приезжал в город на фургоне Уайтби, но только для того, чтобы купить свинцовые экраны. Для чего мне мог понадобиться цемент, для чего... Всякая ерунда отвлекает меня именно сейчас, когда конец все ближе. (Вывод: не нужно так настойчиво забывать Эниветок.) Проснулся в 9.40, засну в 16.15.

25 июня. 7 часов 30 минут отпущено мне сегодня. Калдрен снова крутился у лаборатории, выискивая что-то, и разбудил меня телефонным звонком. Когда я снял трубку, то какой-то голос, записанный на пленку, взахлеб обрушил на меня целый поток цифр, как обезумевший компьютер. Его выходки начинают мне надоедать. Надо будет проведать его и как-то объясниться. Хороший предлог, чтобы повидаться с «девушкой с Марса».

Теперь мне достаточно поспать всего раз в сутки плюс вливание глюкозы. Сон постоянно «черный» и негенерирующий. Минувшей ночью я снял 16-миллиметровый фильм о первых трех часах сна и сегодня утром просмотрел его у себя в лаборатории. Это самый страшный из всех фильмов ужасов. На экране я выглядел полутрупом. Проснулся в 10.25. Засну в 16.45.

3 июля. 5 часов 45 минут продолжительность моего нынешнего дня. Почти ничего не делаю. Нарастающая летаргия. Едва добрался до лаборатории, по дороге два раза выпускал из рук руль, чуть не попал в аварию. С большим усилием заставил себя накормить животных и сделать записи в лабораторном журнале. Перечитал еще раз заметки Уайтби — рекомендации к завершающим опытам и рискнул на 40 рентген в минуту при расстоянии 350 миллиметров.

Все уже подготовлено. Проснулся в 11.05. Засну в 15.15.

Он потянулся всем телом, передвинул тяжелую голову по подушке, задерживая свой взгляд на тенях, отброшенных на потолок оконными гардинами. Потом перевел глаза на свои ступни и увидел, что на краю кровати сидит Калдрен и пристально всматривается в него.

— Добрый вечер, доктор, — приветствовал его Калдрен и погасил сигарету, — точнее, уже ночь. Вы неважно выглядите.

Пауэрс оперся на локоть и посмотрел на часы. Шел двенадцатый час. На миг у него закружилась голова, он спустил ноги с кровати, облокотился на колени и кулаками принялся массировать отекшее лицо.

Он увидел, что вся комната была в табачном дыму.

— Что тебе нужно здесь? — спросил он Калдрена.

— Хочу пригласить вас на ленч, — ответил Калдрен, показывая на телефон. — Аппарат не работает, пришлось приехать самому. Думаю, вы извините мне мою бесцеремонность, но я чуть ли не полчаса звонил в дверь. Странно, что вы не услышали.

Пауэрс кивнул и поднялся, безуспешно пытаясь разгладить стрелки на измятых летних брюках. Он уже неделю не переодевался, брюки были влажными и отвратительно пахли. Когда он направился в ванную, Калдрен спросил, показывая на установленный возле кровати штатив:

— Зачем это, доктор? Вы что, снимаете фильм?

Пауэрс перевел взгляд с Калдрена на штатив и заметил, что дневник его был раскрыт. Размышляя, прочел ли поздний гость его заметки, он поднял дневник и прошел в ванную, захлопнув за собой дверь. Достав из ящика под умывальником шприц и ампулу, он сделал себе укол и с минуту, прислонившись спиной к двери, ждал, когда стимулятор начнет действовать.

Калдрен в комнате развлекался чтением этикеток, которыми Пауэрс снабдил связки книг, в беспорядке заполнявших комнату.

— Ладно, я позавтракаю с тобою, — согласился Пауэрс, с интересом рассматривая Калдрена. Сегодня тот был необычно сдержан и проявлял к своему врагу непривычное уважение.

— Отлично, — произнес Калдрен. — К слову, вы куда-нибудь переезжаете?

— Это совершенно неважно. Все равно теперь тебя наблюдает Андерсен.

Калдрен безразлично пожал плечами.

— Приезжайте к двенадцати, — сказал он. — Вам хватит времени, чтобы принять душ и переодеться. Странные пятна у вас на рубашке. Известка, что ли?

Пауэрс посмотрел на пятна и попытался отряхнуть светлую пыль. Когда Калдрен ушел, он снял с себя одежду, принял душ и достал из чемодана заранее приготовленное свежее белье и парадный костюм.

До встречи с Комой Калдрен жил один в старом летнем доме на северном побережье озера. Это была семиэтажная шарада, придуманная математиком-миллионером, слывшим великим оригиналом. По его эскизам и была возведена эта бетонная лента, вившаяся вокруг самой себя, как обезумевшая змея. Один Калдрен сумел решить шараду — здание являлось геометрической моделью выражения квадратного корня из минус единицы — и снял его у агента по найму недвижимости за довольно невысокую плату.

Из окон лаборатории Пауэрс мог по вечерам наблюдать, как его пациент неутомимо перебирается с одного уровня на другой, карабкается в путанице террас и косых плоскостей до самой кровли. Здесь он надолго замирал на фоне небосклона, как приговоренный к смерти перед эшафотом, угадывая в пространстве пути волн, которые на следующий день он собирался улавливать.

Приехав к полудню, Пауэрс застал Калдрена застывшим на уступе дома на высоте примерно 150 футов в позе драматического актера с откинутой назад головой.

— Калдрен! — громко позвал он, как будто надеясь, что неожиданный окрик заставит того оступиться и сорваться вниз.

Калдрен посмотрел на него, загадочно улыбнулся и плавно махнул рукой.

— Идите в дом! — крикнул он, вновь устремив взгляд к небесам.

Пауэрс вышел из машины и оперся на капот. Он помнил, как несколько месяцев назад принял подобное приглашение. Тогда он попал в какой-то закрытый тоннель, откуда Калдрен вызволил его лишь через полчаса.

Наученный горьким опытом, теперь он терпеливо ждал, пока Калдрен, перепрыгивая с плоскости на плоскость, спустится со своего насеста, а потом они вместе поднялись на лифте вверх.

С бокалами в руках они прошли в просторную, застекленную студию-платформу, которую обвивала белая бетонная полоска неправильной формы, напоминавшая зуб-

ную пасту, выдавленную из какого-то невероятного тюбика. Вокруг них на пересекающихся и параллельных уровнях были расставлены серая, строгих геометрических очертаний, мебель и огромные фотоснимки, укрепленные на скошенных решетчатых плитках, а также различные экспонаты, разложенные на низких черных столах. Под каждым была приделана табличка с подробным описанием. Вся коллекция венчалась одним-единственным огромным словом «ТЫ», расположенным на высоте двадцати футов.

Калдрен с гордостью показал на него:

— Думаю, невозможно найти что-нибудь, что лучше определяло бы человеческую суть, — сказал он и залпом допил свой коктейль. — А ведь моя лаборатория, доктор, — добавил он тщеславно, — куда поважнее, чем ваша.

Пауэрс рассмеялся про себя и взглянул на первый экспонат. Это была древняя энцефалограмма, часто прерываемая выцветшими чернильными каракулями. Надпись под лентой гласила: Эйнштейн А., альфа-волны, 1922 год.

Двигаясь с Калдреном по залу, Пауэрс изредка подносил ко рту стакан с раствором амфетамина, вызывающим восхитительное ощущение подъема. Он знал, что через пару часов это ощущение испарится и мозг снова станет аморфным, как туалетная бумага. Калдрен высокопарно излагал ему свою оценку того, что он называл «итоговыми документами».

— Все это, доктор, предсмертные записки, итоговые откровения, продукты окончательной фрагментации. Когда у меня их накопится достаточно много, то я создам из этого материала прекрасный новый мир для себя одного. — Он поднял со стола объемистый том в картонной обложке и принялся нервно листать страницы. — Ассоциативные тесты двенадцати осужденных на Нюрнбергском процессе. Займут почетное место в моей экспозиции...

Пауэрс шел по залу, не обращая внимания на разглагольствования Калдрена. Его заинтересовал необычный аппарат, стоявший в углу, похожий на телетайп. Из узких отверстий тянулись вьющиеся темные ленты. Для забавы он представил себе Калдрена играющим на бирже, которая, впрочем, вот уже лет двадцать отмечала неуклонный спад курса всех акций.

— Доктор, — он не сразу понял, что Калдрен обращается к нему, — я не рассказывал вам о «Меркурии-7»? — Калдрен показал на сделанные убористым почерком записи. — Это последние из зафиксированных радиосигналов от них, которые приняли на Земле.

Пауэрс с интересом рассматривал страницы. Он сумел разобрать некоторые слова: «Голубые... люди... страшный цикл. Орион... телеметрия». Он согласно кивнул.

— Занятно, — и повернулся к Калдрену. — А что это за ленты торчат у тебя из телетайпа?

Калдрен просиял:

— Я уже месяц жду от вас этого вопроса. Посмотрите, прошу вас.

Калдрен подошел к аппарату и поднял одну из лент. Пояснительный текст над записывающим устройством гласил: «Аурия-225-Ж, интервал 49 часов». Пауэрс увидел длинные ряды цифр:

96 688 365 498 965 96 688 365 498 964 96 688 365 498 963 96 688 365 498 962

— Это я как будто где-то уже видел, — сказал он, выпустив ленту из рук. — Что стоит за этим рядом чисел?

Калдрен пожал плечами:

— Этого не знает никто!

— Но как же? Ведь что-то они обозначают?

— Ну, это убывающая арифметическая прогрессия. Можно назвать ее обратным отсчетом, — ответил Калдрен.

Пауэрс поднял следующую ленту, свисающую из другого аппарата, над которым было выведено: «Ариес 44Р-951, интервал 49 дней». Там же были ряды цифр:

876 567 988 347 779 877 654 434 876 567 988 347 779 877 654 433 876 567 988 347 779 877 654 432

Пауэрс оглянулся.

— Какова продолжительность отдельного сигнала? — спросил он.

— Разумеется, несколько секунд. Они очень компактны. Расшифровку ведет компьютер обсерватории. Первый раз эти сигналы уловили в Джодрелл-Бэнк примерно лет тридцать назад. Сейчас на них уже перестали реагировать, наскучило.

Пауэрс рассматривал последнюю ленту:

6554, 6553, 6552, 6552.

— Предвестник конца — резюмировал он и прочел табличку, прикрепленную к крышке машины. — «Неидентифицированный источник радиоизлучения. Интервал 17 недель».

Он протянул полоску Калдрену и произнес:

— Скоро наступит конец.

Калдрен отрицательно покачал головой. Он раскрыл лежавший здесь же толстенный фолиант объемом с теле-

фонный справочник и стал искать нужную страницу. Шутовской налет слетел с его лица, оно неожиданно стало сосредоточенным, а взгляд серьезным и даже грустным.

— Думаю, что это далеко не конец, — ответил он и пояснил. — Это лишь четыре последние цифры. А целое число имеет более чем пятисотмиллионное выражение.

Он протянул том Пауэрсу, и тот прочел название: «Основные последовательности серийных сигналов, принятых радиообсерваторией Джодрелл-Бэнк, Манчестерский университет, Великобритания, время 0012-56, 21 мая 1972 года. Источник НГС 9743, созвездие Гончих Псов». Пауэрс безмолвно листал страницы, на каждой из которых густо толпились цифры, миллионы цифр на тысячах листов, потом встряхнул головой, пытаясь прийти в себя, вновь поднял ленту и долго смотрел на нее.

— Компьютер расшифровывает лишь четыре последние цифры, — пояснил Калдрен. — Все же число в целом является пятнадцатисекундным пучком. На расшифровывание первого из таких сигналов компьютер затратил целых два года.

— Любопытно, — размышлял Пауэрс. — Но что же все это означает?

— Я уже говорил, что это отсчет. НГС 9743 находится где-то в районе Гончих Псов. Их гигантские спирали рушатся и посылают нам свой предсмертный привет. Неизвестно, подозревают ли они о нашем существовании, но постоянно сообщают о себе, посылая сигналы на водородной волне с надеждой, что кто-нибудь в космосе поймет их. — Он помолчал. — Есть и другие объяснения, однако существует веский довод в пользу только одной гипотезы.

— Какой же это довод? — спросил Пауэрс.

Калдрен показал ленту сигналов с Гончих Псов.

— Предположение, что где-то рассчитано время гибели Вселенной. Она исчезнет в то мгновение, когда цифры сойдут к нулю.

Пауэрс машинально пропустил ленту между пальцами.

— Это очень мило с их стороны, что они сообщают нам о потоке времени.

— Да, — негромко подтвердил Калдрен. — Применив закон обратной пропорциональности квадрату расстояния от источника, можно подсчитать, что сигналы передаются с мощностью около трех миллионов мегаватт, увеличенной стократно. Это соответствует мощности излучений небольшого созвездия. Да, вы нашли очень хорошее слово — «мило» — они действительно заботятся о нас.

Неожиданно он взял Пауэрса за руку, крепко сжал ее и приблизил свое лицо к лицу врача. Горло у него трепетало.

— Ты не один, доктор. Это голоса времени, которое посылает тебе свой последний привет. Считай себя частицей огромного целого. Каждая молекула твоего тела, каждая песчинка Земли, как и каждая Галактика, помечены одинаковой метой. Ты понял, что с их помощью тебе стал понятен ток времени, а все остальное уже неважно. Теперь не нужны уже никакие часы.

Пауэрс ответил Калдрену таким же крепким рукопожатием.

— Благодарю тебя, Калдрен. Как это важно, чтобы тебя понимали, — сказал он. Он медленно приблизился к застекленной стене и посмотрел на белое дно озера. Напряженность, пропитывавшая до сих пор их с Калдреном взаимоотношения, наконец, испарилась, и он понял, что выполнил свой долг до конца. Ему хотелось теперь поскорее расстаться со своим пациентом, забыть о нем, забыть его лицо, как он уже позабыл лица многих других, чей обнаженный мозг подчинялся его пальцам. Он приблизился к телетайпу, оторвал несколько витков ленты и положил в карман.

— Я возьму их, чтобы не забывать, — объяснил он. — Прошу тебя, извинись за меня перед Комой, что я ухожу, не прощаясь.

Он приблизился к выходу и на прощание бросил взгляд на Калдрена, застывшего в тени двух гигантских букв, с опущенными глазами.

Уже отъезжая, он увидел, что Калдрен снова поднялся на самый верх здания. В зеркальце своей машины он видел, как тот прощается с ним поднятой к небу рукой, пока дом не исчез за крутым поворотом дороги.

5

Наружный круг был уже почти завершен, оставалось лишь замкнуть небольшой участок дуги длиною в десять футов. Снаружи по периметру мишень была окружена оградой высотой около шести дюймов, внутри которой располагался странный герб. Основу его составлял огромный крест, образованный длинными перекладинами, которые делили мишень на четыре части. У края помещались три рельефных концентрических круга, самый большой имел

диаметр около ста метров, ближе к центру с интервалами в десять футов помещались два других. В центре — месте пересечения перекладин — была установлена небольшая овальная плита, поднимающаяся над землей примерно на фут.

Пауэрс трудился вдохновенно. Образовавшийся в бетономешалке раствор он быстро разливал по деревянным формам, загоняя его лопатой в самые узкие каналы.

Через десять минут он кончил работу и, не дожидаясь, когда бетон затвердеет, перенес формы на заднее сиденье машины.

Вытерев ладони о брюки, он взялся за бетономешалку и откатил ее подальше, укрыв в тени холма. Даже не оглянувшись на гигантский символ, плод своего лихорадочного труда, возведению которого он посвятил так много из последних отпущенных ему часов, он включил мотор, и машина сорвалась с места, оставляя за собой облака белой пыли.

В начале третьего он уже был в лаборатории. Выбежав из машины, он включил в вестибюле все освещение, стремительно задернул шторы и тщательно закрепил их, привязав к специальным крюкам в полу. Лаборатория превратилась в подобие стального шатра. Растения и животные, до того мирно дремавшие в своих помещениях, медленно приходили в движение, реагируя таким образом на яркий свет и тепло от множества ламп. Один только шимпанзе не прервал своего занятия. Сидя на полу клетки, он раздраженно пытался втиснуть в пластмассовый ящичек такие же кубики. Сегодня он не справлялся с этим простым тестом и яростно кричал при каждой новой неудачной попытке.

Пауэрс приблизился к нему и увидел мелкие осколки разбитого летного шлема. Вся мордочка животного была в крови. Пауэрс взял валявшиеся на полу рядом с клеткой остатки пеларгонии и покачал их перед мордой обезьянки. Добившись его внимания, он одним движением достал из ящика стола маленький черный шарик и бросил его в клетку. Шимпанзе ловко поймал игрушку, с минуту забавлялся, подкидывая ее к потолку, а потом поймал ртом. Пауэрс не стал ждать конца. Он бросил пиджак и раздвинул тяжелые двери рентгеновского зала, в котором помещался сверкающий металлическим блеском эмиттер макситрона. Потом он прикрыл заднюю стену помещения защитными свинцовыми плитами и, чуть помедлив, включил генератор.

Анемон шевельнулся. Купаясь в теплом излучении, охватившем все кругом, ведомый остатками воспоминаний о жизни в морской среде, он побрел через весь контейнер, на ощупь двигаясь к светлому солнцу — праматери. Его щупальца колебались. Тысячи сонных, пассивных до этой поры клеток приступили к размножению и перемещению, используя для этого энергию, высвобождающуюся в ядре каждой из них. Возникали цепочки, структуры группировались, образуя многослойные линзы, возвращались к жизни, объединялись спектральные линии прерывистых звуков и начинали стремительный танец, похожий на плеск фосфоресцирующих волн, вокруг темного овала камеры.

Постепенно создавался образ огромного темного фонтана, из него ударил непрерывный луч ослепительно чистого света. Рядом с ним возникла фигура, которая ртом регулировала прилив. Когда она коснулась пола, из-под ног ее выплеснулись краски, а многопалые руки, цеплявшиеся за скамейки и сетку контейнеров, рассыпались мозаикой голубых и фиолетовых пузырьков. В темноте они взрывались, как звездные вспышки.

Фотоны перешептывались. Безостановочно, будто подлаживаясь к светящимся вокруг него звукам, анемон раздвигался. Его нервная система перестраивалась, возникали новые источники стимулирования, выплывавшие из тонких перепонок хребтовой хорды. Немые линии помещения поспешно начали наполняться звуковыми волнами, которые посылала световая дуга. Скамьи, мебель, аппаратура — все вокруг посылало ответное эхо. Резкие очертания предметов резонировали сухим и пронзительным полутоном. Сплетенные из пластиковых лент спинки и сиденья стульев посылали аккорды стаккато, а квадратный стол откликался непрерывным двутоном.

Не реагируя на эти звуки, значение которых он уже расшифровал, анемон устремился к потолку, который, как кольчуга, отражал голоса светящихся ламп. А над всем этим оркестром, прорываясь через узкую полоску на краю небосвода, голосом ясным и сильным, полным бесконечного множества полутонов, пело солнце.

До рассвета оставалось лишь несколько минут, когда Пауэрс вышел из лаборатории и сел в машину. За его спиной во мраке возвышалось здание, освещенное бледной луной, плывущей над холмами. Он двигался по извилистой подъездной дороге, направляя машину вниз к шоссе, окаймляющему озеро, прислушиваясь к скрипу шин на

мелком гравии дорожного покрытия. Затем он переключил скорость и до отказа вдавил педаль акселератора.

Посматривая на несущиеся навстречу ему известковые холмы, слившиеся в темноте в монолитную массу, он ощущал, что, даже не различая деталей, хранит в глубине своей памяти их форму и очертания. То было смутное чувство, но оно создавало почти физическое ощущение, как будто из ущелий и провалов между холмами на него в упор смотрели чьи-то внимательные глаза. На несколько минут он погрузился в это чувство. Не пытаясь даже дать ему конкретное определение, он, как кинокадры, просматривал возникающие в мозгу загадочные силуэты.

Рядом с кучкой домиков, стоящих на берегу озера у самого подножия холмов, дорога делала крутой поворот. Здесь на него неожиданно свалилась непомерная тяжесть горного массива, поднявшегося на фоне черного неба — остроголовых белых меловых скал, — и он внезапно понял, что это ощущение мощно резонирует с тем, которое хранилось в недрах его памяти. Вид этих вершин позволил ему ясно ощутить все мириады лет, прошедшие с того момента, как прорвавшая замкнутую оболочку магма впервые вознесла их в небо. Горные гребни, изгибающиеся на расстоянии трехсот футов от него, черные провалы и котлованы, голые валуны, застывшие вдоль дороги, — все они несли свой индивидуальный облик, который доносился до него тысячью голосов — всем тем временем, которое спрессовалось в единое целое за долгую жизнь этой тверди.

Психологический облик времени предстал таким конкретным и четким, словно они столкнулись лицом к лицу.

Непроизвольно он сбросил скорость и, отрывая взгляд от массива, ощутил, как на него накатилась следующая волна времени. Она была объемнее, но исходила из более близкого источника, ударяла из широкого овала озера, затопляя древние полуразрушенные известковые холмы, как частые мелкие волны ударяют в могучую земную твердь.

Он прикрыл веки, откинулся на спинку сиденья и бросил машину в пространство между этими двумя потоками времени, погружаясь в картины, которые в его мозгу становились все яснее и глубже. Глубочайшая древность окружающих мест и чуть слышные отголоски прошлого, доносившиеся из недр белых взгорий и озера, точно уносили его в пучину прошлого, длинными извилистыми коридорами времени к самому началу мира.

Он свернул на трассу, идущую к полигону. С разных

сторон котлована голоса гор перекликались многократным эхом в непроницаемых полях времени, как магнитные волны между двух исполинских полюсов. Когда он, наконец, оказался на открытой территории озера, то ощутил свою общность и слитность с любой песчинкой, с любым кристаллом соли, взывающими к нему из окружающих скал.

Остановив машину недалеко от мандалы, он осторожно двинулся к наружному кругу, контуры которого уже вырисовывались в свете утренней зари. Над его головой перекликались звезды, миллионы космических голосов рассекали небо из конца в конец, превращая его в подлинный океан времени. Как скрещивающиеся, пересекающиеся радиосигналы из отдаленных уголков пространства, эти голоса метеорами рассекали небо, возникая из незаметных точек космоса. Он видел прямо над головой багровую точку и слышал ее речь, начатую миллионы и миллионы лет назад; это был Сириус, приглушенный спиралевидной Туманностью Андромеды — огромной круговертью погибших вселенных, ровесниц самого космоса.

Теперь он понимал, что небосвод был гигантской Вавилонской башней — гимнами времен множества галактик, теснящихся друг к другу в глубинах его сознания. Подходя к самому центру мандалы, он еще круче запрокинул голову, чтобы бросить прощальный взгляд на сверкающую грань Млечного Пути.

Достигнув внутреннего круга мандалы в нескольких шагах от центральной плиты, он услышал, как гул голосов времени отдаляется и остается единственный, перекрывающий все остальные голос. Он поднялся на возвышение и устремил взгляд к темному небу, вслушиваясь в далекие праголоса, доносящиеся до его слуха сквозь миллиарды минувших лет. Тронув лежащую в кармане ленту, он поднял глаза к бесконечно далекому Гончему Псу и услышал его сильный голос.

Как вечная река, такая могучая, что со стремнины не увидать берегов, к нему устремился беспредельный поток времени, обнимающий и небо, и Вселенную, переполняя все, что их составляет. Пауэрс понял, что наплывающее неспешно и торжественно время имело свой источник в основании самого космоса. Когда вал накатил, он ощутил его неимоверную тяжесть и легко уступил ему, свободно уплывая на гребне мощной волны. Его неторопливо разворачивало и уносило в сторону прилива. Контуры озера и окружающих возвышенностей расплывались, оставались

одни лишь космические часы, и это была не сводящая с него взгляда мандала. Сливаясь с нею, он ощущал, как постепенно тает его тело, соединяясь с величественной непрерывностью потока, уносящего его к середине огромного пространства, где не было ни надежды, ни света, но где среди тишайших рек вечности царил покой.

Когда тени пропали, покинув ложбины холмов, Калдрен остановил машину и осторожно двинулся к внешнему бетонному валу. В пятидесяти метрах впереди, у центрального возвышения мандалы, рядом с телом Пауэрса, опустившись на колени, стояла Кома. Рукой она прикрыла глаза умершего. Легкий ветерок, шевеливший волосы Роберта, подкатил к ногам Калдрена виток ленты. Он наклонился, бережно свернул его и сунул в карман. Рассвет был холодным, и, поглядев на девушку, он поежился и поднял воротник пиджака.

— Уже шестой час, — сказал он ей после долгой паузы. — Нужно сообщить в полицию. Я пойду, а ты побудь здесь. — Он помолчал, а потом добавил: — Не допускай, чтобы они повредили звездные часы.

Кома посмотрела на него.

— Ты сюда возвратишься?

— Еще не решил, — ответил он и, кивнув на прощание, повернулся и пошел к своей машине.

Выбравшись на трассу, ведущую к лечебнице, он вскоре притормозил перед лабораторией Уайтби.

Там была темнота, окна зашторены, но генератор в рентгеновском зале продолжал работать. Калдрен прошел в помещение, зажег свет и коснулся рукой генератора. Берилловый цилиндр обжег его ладонь. Круглый лабораторный стол продолжал плавно вращаться, запущенный на один оборот в минуту. Недалеко от него беспорядочной кучей, сваленные друг на друга, лежали клетки и контейнеры. Гигантское, напоминающее паука растение почти сумело вырваться наружу из своего плена. Его вытянутые бесцветные щупальца еще цеплялись за края решетки, но само оно уже превратилось в небольшую клейкую лужицу слизи. В другом контейнере настоящий паук, чудовищного размера, запутался в паутине и повис в центре огромного трехметрового фосфоресцирующего клубка. Предсмертные судороги пробегали по мохнатому телу чудовища.

Все подопытные животные и растения были мертвы. Шимпанзе лежал на спине среди обломков своего домика.

Разбитый пластиковый шлем закрывал его лицо. Калдрен внимательно посмотрел на него, а затем присел к столу и раскрыл телефонный справочник.

Вращая диск, он обратил внимание на круг кинопленки, лежащий на столе. Он прочитал надпись на ней и спрятал ленту в карман. Переговорив с полицейским участком, он выключил свет в помещении, сел в автомашину и неторопливо включил мотор.

Когда он вернулся к своему дому, поднявшееся солнце уже пробивалось через зелень балконов и веранд причудливого здания. Лифт поднял его на верхний этаж, где был расположен музей. Он поднял жалюзи и посмотрел на игру солнечных бликов среди экспонатов. Потом придвинул кресло к окну, устроился в нем и долго всматривался в яркие солнечные полосы.

Он не пошевелился, когда через два-три часа до него долетел голос Комы, выкрикивавшей его по имени. Через полчаса она ушла, но после нее еще кто-то звал его. Тогда он, наконец, поднялся и опустил шторы на всех окнах фасада, чтобы его больше никто не тревожил.

Он опять сел в кресло и, глубоко откинувшись в нем, продолжал изучать свою коллекцию. В наступившей полудреме Калдрен шевелил рукой только для того, чтобы убавить наплыв света, проникавшего в щели между шторами. Полулежа он размышлял — так же как и следующие длинные месяцы — о Пауэрсе и его удивительной мандале, о семи космонавтах с «Меркурия-7» и их загадочном странствии к белым лунным садам. Размышлял Калдрен и о голубых людях с Ориона, об их рассказах про необычные и таинственные древние миры, расцветавшие под золотистым светом солнц далеких космических островов, которые навсегда исчезли в безднах умерших галактик.

ТРИНАДЦАТЬ
НА ПУТИ К АЛЬФА ЦЕНТАВРА

Абель знал все. Он узнал все три месяца назад, как раз в тот день, когда ему исполнилось шестнадцать лет, но был так растерян, так потрясен, что не рискнул поделиться с близкими. Временами, лежа в полудреме на своей койке и прислушиваясь к тому, как мама потихоньку напевает одну из древних песен, он тщетно пытался обуздать поток мыслей, грозивший разрушить все то, что раньше он считал незыблемым фактом.

И никто из его сверстников на станции не мог разделить его ношу — они либо занимались в Тренировочном Зале, либо готовили уроки.

— Что-нибудь случилось, Абель? — участливо спросила его Зенна Петерс, когда он столкнулся с ней по пути на Этаж Д к пустующему складу. — Снова ты грустишь.

Ее добрая и открытая улыбка заставила Абеля на миг заколебаться, но, подавив сомнения, он резко отвернулся и соскользнул вниз по металлическому трапу, моля бога, чтобы Зенна не увязалась за ним. Один раз она уже про-

делала такое, тайком проникнув в склад, как раз когда он выкручивал лампочку из патрона, и перечеркнула три недели учебы. Доктор Френсис был вне себя.

Стремительно двигаясь по коридору Этажа Д, Абель пытался обнаружить врача, который в последние дни пристально следил за юношей: в Тренировочном Зале он все время не спускал с него глаз, поглядывая из-за пластиковых муляжей.

Возможно, родные Абеля что-то говорили врачу о ночных кошмарах мальчика, которые заставляли его среди ночи вскакивать в кровати с испуганным взглядом, направленным на круг света.

Ах, если бы доктор Френсис сумел его излечить.

Через каждые шесть ярдов Абель задерживался, нажимая очередную кнопку, и машинально трогал массивные упаковки с приборами, хранившимися справа и слева от прохода. Он старательно фиксировал внимание на крупных буквах над каждым переключателем:

И — Т — Р С — Н

Однако все попытки прочесть предложение целиком были неудачными — буквы складывались во что-то необъяснимое. Сказывалась сила психологической блокады. Зенна, пробравшись на склад, смогла прочесть несколько текстов, но доктор Френсис выловил ееб прежде чем Зенна успела их затвердить. А когда через два часа он отпустил ее, то она забыла уже все.

Он проник в склад и, как всегда, чуть помедлил, прежде чем включить свет. Снова перед ним возник большой яркий круг, который преследовал его во сне, разрывая темноту светом тысяч электрических ламп. Казалось, что круг странно далек, но это не мешало ему оказывать могучее и странное воздействие на подсознание Абеля. Чувства, которые при этом возникали, были близки к тем, что он испытывал, находясь рядом с матерью.

Круг стал расти, и Абель тронул выключатель. К его удивлению, в помещении ничего не изменилось. Он зашарил рукой по стене и вдруг удивленно вскрикнул.

Свет зажегся внезапно.

— Это снова ты, Абель, — сердито произнес доктор Френсис, одной рукой держась за лампу в патроне. — Не ждал меня, да? — Он облокотился на металлический ящик. — Кстати, Абель, нам нужно поговорить о твоем задании. — Абель неловко уселся, а доктор Френсис достал из своей светлой полиэтиленовой папки тетрадь. Несмотря на мягкую улыбку и приветливый взгляд доктора, в нем ощущалось нечто необычное, что заставляло Абеля испытывать в его присутствии странную настороженность.

А вдруг доктор Френсис знает тоже?

— «Изолированное общество», — прочел доктор. — Не совсем обычная тема для работы.

Абель пожал плечами.

— Нам разрешали самим выбрать тему. Я искал такую, которая не была бы слишком расхожей.

Доктор Френсис просиял.

— Ты отвечаешь молниеносно. И все-таки, если без шуток, почему ты остановился на такой теме?

Абель поиграл пальцами по клапанам своего скафандра. С их помощью можно было нагнетать в скафандр воздух, но практически этого делать никогда не приходилось.

— Мне хотелось как-то проанализировать нашу жизнь на Станции, отношения, сложившиеся между нами. А что еще могло быть интересным? Неужели мой выбор кажется вам каким-то необычным?

— В твоих словах кое-что есть. Конечно, писать о Станции вполне естественно. И другие ребята — все четверо — писали о ней. Но вот заглавие — «Изолированное общество»... Разве Станция изолирована, или у тебя, Абель, другое мнение на этот счет?

— Я подразумевал, что мы не можем выйти за ее пределы, — медленно ответил Абель, — это все, что я хотел сказать.

— За пределы, — повторил доктор. — Интересная мысль. Наверное, ты много размышлял об этом. Когда это впервые пришло тебе в голову?

— Когда я в первый раз увидел свой сон, — ответил Абель. Доктор Френсис сделал ударение на словах «за пределы», и юноша размышлял, как подыскать какое-нибудь иное выражение. Он нащупал в кармане миниатюрный отвес, который последнее время вечно таскал с собою. — Доктор, а вы не можете мне сказать... Я хочу спросить, почему наша Станция вращается?

— Вращается? — заинтересовался доктор Френсис. — А почему ты так решил?

Абель прицепил отвес к закрепленному в потолке крючку.

— Смотрите, расстояние между грузиком и стеною внизу больше, чем вверху. Пусть на одну восьмую дюйма, но больше. Влияние центростремительной силы. Я прикинул, что скорость вращения Станции примерно два фута в секунду.

Доктор Френсис внимательно посмотрел на него.

— Что ж, ты прав, — произнес он и решительно выпрямился. — Давай-ка пойдем ко мне. Настало время для серьезной беседы.

Станция была четырехэтажной. На двух нижних этажах размещались комнаты экипажа; два круговых уровня с жилыми отсеками для четырнадцати обитателей Станции. Старшинство признавалось за семьей Петерсов. Его глава, капитан Теодор был атлетически сложен, сдержан в движениях и разговорах, свою рубку он оставлял нечасто. Абель туда не допускался, но сын капитана Мэтью много говорил о комнате с овальным сводом, яркими экранами, мигающими лампочками и таинственной негромкой музыке, звучащей в рубке.

Все мужчины из рода Петерсов трудились в этой рубке, начиная с деда Петерса, поседевшего старика с улыбчивым взглядом, который вел Станцию еще до того, как Абель появился на свет. Теперь старшие Петерсы вместе с женой капитана и Зенной считались на Станции элитой.

Зато Гренджеры — семья Абеля — являлись, и это ощущали даже дети, по целому ряду позиций даже более значительными. Так, отец Абеля, Мэтью, отвечал за каждодневное планирование учебно-тренировочного процесса — *назначение учебных тревог, составление графика дежурств*, проверку. Если бы не его твердое, хотя и тактичное, руководство, то Бейкеры, отвечающие за хозяйственные работы и питание экипажа, могли бы просто растеряться. Или, например, общие тренировочные авралы, если бы они не проводились, то Петерсы и Бейкеры могли бы вообще не общаться; покидать свои жилые помещения они не любили и делали это лишь в крайнем случае.

И, наконец, оставался доктор Френсис, который не принадлежал ни к одной из трех семей. Иногда Абель спрашивал себя, откуда вообще появился доктор, но сразу же его мысли начинали сбиваться, утыкаясь, как в стену, в специально запрограммированную блокаду «на Станции господствовало мнение, что логика не только бесполезная, но и даже опасная вещь». Доктор был как никто иной подвижен, энергичен и приветлив — у него одного проявлялось чувство юмора. И, несмотря на то что Абеля временами раздражала его навязчивость и стремление лезть в чужие дела, юноша признавал, что без врача жизнь на Станции оказалось бы весьма пресной.

Доктор Френсис запер дверь кабинета и пригласил юношу сесть. Вся мебель на Станции была привинчена к полу, но Абель обратил внимание на то, что кресло доктора было откреплено и его можно было передвигать. Из стены торчал огромный цельнометаллический цилиндр. Его толстые стенки способны были противостоять любой аварии. В этом цилиндре доктор ночевал. Абель ни за что не согласился бы спать в

такой емкости и был рад тому, что все жилые помещения для экипажа были отлично укреплены; в то же время он никак не мог понять, почему доктор не хочет жить вместе со всеми, а предпочитает одиночество на своем этаже А.

— Ответь, пожалуйста, Абель, — заговорил врач, — ты не задумывался, каково предназначение Станции?

Абель пожал плечами.

— Станция существует для того, чтобы мы на ней жили, это наша обитель.

— Конечно, это правильно, но ты не думал о том, что помимо создания для нас среды обитания у Станции может иметься и какое-то иное назначение? Начнем с того, кем же она, по твоему мнению, была создана?

— Полагаю, что нашими отцами или дедами. А может быть, их дедами.

— Предположим. Но где же они жили, пока строили?

Абель в уме довел этот вопрос до логического абсурда.

— Не могу сказать. Может быть, плавали в пространстве.

Доктор одобрил его, весело рассмеявшись.

— Мысль недурна. Причем лежит гораздо ближе к истине, чем может показаться. И все-таки все не так просто.

Кабинет Френсиса, похожий на лабораторию, настраивал Абеля на творческую волну.

— Значит, они появились с другой Станции. Возможно, она была много больше нашей.

Доктор Френсис был очень доволен.

— Отлично, мальчик! Замечательный пример дедуктивного мышления. Хорошо, предположим, что ты прав. Допустим, что где-то вдали от нас находится огромная — в сто, а то и в тысячу раз больше нашей — Станция. Согласен?

— Я думаю, что это реально, — ответил юноша, легко принимая это неожиданное предположение.

— Прекрасно. Попробуем вернуться к высшей математике. Помнишь, мы теоретически обсуждали возможность существования планетарных систем с планетами, вращающимися по своим орбитам и удерживаемыми силами взаимного тяготения. Допустим, что подобная система действительно существует, хорошо?

— Где? — сразу спросил Абель. — В этой комнате? — И сразу же уточнил: — В вашей спальной цистерне?

Доктор Френсис откинулся в кресле.

— Ну, Абель, и мысли же приходят тебе в голову! Конечно же, нет! Такая система слишком велика, даже в миниатюре. Попробуй вообразить такую планетарную систему, которая вращается вокруг какого-то гигантского небесного

тела, причем каждая из таких планет в миллион раз больше, чем наша Станция. — Абель знаком дал понять, что понимает, и доктор продолжил: — Теперь вообрази, что обитатели одной из планет — окрестим ее Большой Станцией — задумали связаться с другой планетой. В этом случае они строят мини-Станцию, например, такую, как наша, и посылают в межзвездное пространство. Это понятно?

— В общем-то да. — Удивительно, но Абель без большого напряжения смог представить себе все эти отвлеченные допущения. Казалось, что в его памяти скрывались какие-то смутные ассоциации, прекрасно вписывающиеся в эти фантастические допущения о существовании Большой Станции. Он внимательно смотрел на доктора Френсиса. — Так неужели наша Станция с этой целью и создана? И планетарная система — это реальный факт?

Доктор Френсис энергично кивнул.

— Вообще-то ты и сам мог бы прийти к такому выводу, не дожидаясь нашей беседы. Сейчас я разблокирую кое-какие твои центры, и, проснувшись через два-три часа, ты все это вполне уяснишь. Ты осознаешь, что на самом деле Станция — это космолет, стартовавший с нашей праматери, планеты Земля, и направленный к далекой планете через миллионы миль межзвездного пространства в другое звездное скопление. До этого наши предки не покидали Землю, мы первые из людей, отправленные в космический полет. Ты можешь гордиться тем, что находишься в числе избранных. Твой дед был одним из первых добровольцев, он являлся выдающейся личностью, и если мы хоть как-то уважаем его память, то должны сделать все, чтобы станция функционировала безупречно.

Абель в волнении закивал.

— А когда мы достигнем конца пути?

Доктор Френсис принялся пристально разглядывать свои пальцы, лицо его стало грустным.

— Никогда, мой мальчик. Нашей жизни не хватит. Этот космический перелет запланирован на несколько поколений, и только наши дети, да и то в преклонном возрасте, достигнут цели. И все-таки ты не должен печалиться. Станция — твой родной дом, все развивается по заранее продуманному плану, и ты сам, и твои дети обретут счастье.

Он шагнул к экрану телесвязи с капитанской рубкой и стал вращать ручки настройки. Внезапно экран вспыхнул, и на нем появилось созвездие ясных сверкающих звездочек. Причудливая мозаика световых бликов заиграла на стенах каюты, на одежде и руках Абеля. Юноша впился

взглядом в эти огненные шарики, как будто окаменевшие в миг чудовищного взрыва в дальних галактиках.

— Это звездная карта, — объяснил доктор. — Тот ее фрагмент, в котором мы движемся. — Он обозначил ярко горящую звездочку у нижнего края экрана. — А вот и Альфа Центавра. Вокруг этой звезды вращается планета, к которой мы летим. Тебе ведь понятно все, что я говорю, правда, Абель? Все слова тебе знакомы? — спросил доктор.

Юноша ответил кивком головы. Пока доктор говорил, все новые зоны мозга Абеля оживали. Изображение исчезло и сменилось другим. Теперь это было гигантское металлическое сооружение, похожее на упавшую башню, вокруг которой медленно по часовой стрелке вращалось звездное небо.

— Вот наша Станция, — сказал Френсис, — мы видим ее через камеру, установленную на носу космолета. Вести прямые наблюдения рискованно, так как излучение некоторых звезд опасно для зрения. Непосредственно под Станцией можно видеть большую звезду. Это Солнце. Из его системы мы стартовали полвека назад. Сейчас мы так удалились от него, что оно едва различимо, но весь его облик глубоко внедрился в твое подсознание. Вот откуда приходит в твои сны огненный круг... Сколько мы ни делаем для того, чтобы удалить его из нашей памяти, подсознание хранит его для любого из нас.

Доктор Френсис отключил экран. Звездная мозаичная картина мигнула и исчезла.

— Социальный уклад, существующий на Станции, очень устойчив. С тех пор как мы стартовали, сменилось три поколения, но естественная жизнь — рождения, браки, новые рождения — шли как на Земле. Ты сын своего отца, и перед тобою стоят особенно важные задачи, решение которых требует высокого интеллекта, спокойствия и терпения. Даже ничтожное отклонение от этих требований может вызвать катастрофу. Программа образования задает лишь общее направление, пунктирную линию твоей будущей деятельности. Но все детали ты обязан продумывать сам.

— А вы останетесь с нами вечно?

Доктор Френсис встал.

— Увы, мальчик, нет. Вечно не живет никто. Уйдут из жизни и твой отец, и капитан Петерс, умру и я. А пока пойдем-ка на занятия. Через три часа ты проснешься и не узнаешь себя.

Возвратившись снова к себе, доктор Френсис в изнеможении оперся о стену каюты. Его пальцы ощупывали массивные заклепки, поставленные там, где металл начал

ржаветь. Он снова включил телевизионную камеру и бесцельно, неохотно, тупо смотрел на последнее из того, что он демонстрировал Абелю: вид Станции через носовую телекамеру. Он уже приготовился переключиться на какую-то новую картину, как вдруг обнаружил непонятную темную тень, скользнувшую по поверхности корабля. Он настороженно наклонился поближе к экрану, но тень уже промелькнула и исчезла среди звезд. Доктор переключил клавиши, и экран превратился в шахматную доску с клетками пять на пять. Верхняя линия показывала рубку, автонавигатора пульт управления с приборами, бросающими слабый свет на капитана Петерса, застывшего перед звездной картой.

Затем на экране возник Мэтью Гренджер, начавший свой повседневный осмотр космолета. Мелькали лица обитателей Станции. Большинство из них выглядели удовлетворенными своим бытом, но какими-то не вполне здоровыми. Каждый из них не меньше трех часов проводил в тренировочном зале под светом кварцевых ламп. Лица были загорелыми, но безвольными. Вероятно, это было следствием того, что где-то на периферии сознания у них гнездилась мысль, что то небольшое жизненное пространство, в котором они родились и живут, станет для них и местом смерти. Если бы не ежедневные гипновоздействие и гипноучеба в сочетании с ультразвуковым облучением, они давно превратились бы в лишенные воли манекены.

Доктор Френсис отключил экран: наступила пора удалиться в спальный контейнер. Ширина люка была около трех футов, находился он на уровне его пояса. Часовой механизм застыл на цифре ноль: доктор Френсис перевел его на двенадцать часов вперед.

Оказавшись в кабинете полковника Чалмерса, доктор отогрелся, сев поуютнее, и подробно рассказал о главных событиях минувшего дня. Он был вполне удовлетворен.

— Я был бы рад, Пол, — промолвил он в заключение, — если бы у тебя появилась возможность самому повстречаться и побеседовать с нами. Словесная дуэль с такими яркими личностями, как Гренджер или Петерс, — это совсем не то, что телевизионное наблюдение за ними.

— Согласен, что это замечательные люди и все остальные — тоже, и глубоко печально то, что они там замурованы совсем зря.

— Абсолютно не зря, — возразил Френсис. — Любая крупица информации, полученная с их участием, станет драгоценной, когда запустят первые космолеты. «Да, если

их только запустят когда-нибудь», — пробурчал Чалмерс, но доктор, не ответив, продолжил: — Несколько тревожат меня лишь Зенна и Абель. Возможно, стоит ускорить их свадьбу. Не возмущайся, девушка в свои пятнадцать лет уже вполне созрела, а для Абеля этот брак может стать очень полезным, он обретет душевное равновесие, перестанет столько размышлять.

Чалмерс недовольно поморщился.

— Идея, может быть, и достаточно интересная, но брак между детьми пятнадцати и шестнадцати лет... Ты что, Роджер, не понимаешь, какой скандал поднимется? Судебные власти, всякая пуританская общественность поднимет дикий визг...

Френсис отмахнулся от его слов.

— А для чего ставить их в известность? Абель создает нам крупные проблемы. Мальчишка чересчур сообразителен. Представь, он самостоятельно догадался, что Станция — это космический корабль, только не мог это точно сформулировать. После того как мы приступили к медленному снятию психоблокады, он будет узнавать все больше и больше, и помешать этому будет нелегко. И вполне возможно, особенно при вашем разгильдяйстве, что он все поймет. Ты видел ту тень на экране монитора? Чертовская удача, что Петерса не хватила кондрашка.

Чалмерс согласился.

— Я приведу их в чувство, Роджер. Но пойми и ты, что ошибок полностью избежать нельзя. Парни, работающие снаружи купола, работают на износ, и ты это знаешь. И знаешь, что их работа такая же важная, как у тех, кто трудится внутри.

— Я знаю это. Самое неприятное в нашем деле то, что нынешний бюджет совершенно не отвечает задачам сегодняшнего дня. Ведь он не изменяется уже полвека. Здорово было бы, если бы генерал Шорт сумел привлечь внимание официальных органов к нашей работе, выколотил бы для нее дополнительные ассигнования. Он как будто настойчивый человек. — Чалмерс скептически сморщился, но Френсис стоял на своем. — Трудно сказать, что происходит, возможно, ленты стареют, но их воздействие сейчас не так эффективно, как раньше. Может быть, это вынудит нас решиться на значительные ограничения. Мне уже пришлось форсировать развитие Абеля.

— Правильно. Я видел это на мониторе. Ребята из групп обеспечения совершенно вымотались, особенно те, что здесь рядом с нами. Двое из них такие же безумные, как и ты, Роджер, будто из кипятка выпрыгнули. Сейчас

они составляют программы на следующие три месяца. Ты же знаешь, какая это титаническая ответственность. И все равно ты должен провести консультации, прежде чем принять такое важное решение. Все-таки Станция — это не твоя экспериментальная студия.

Френсис со смирением выслушал нотацию. Он робко пытался оправдаться:

— *Извини, что я так поступил,* но положение было критическое. Другого выхода и не было.

Чалмерс сдержанно, но твердо отклонил его извинения.

— Я этого не нахожу. Считаю, что ты здорово переборщил со своей перестраховкой. Кто тебя дергал за язык говорить парню, что он никогда не долетит до планеты? Это приведет лишь к тому, что чувство замкнутости у него возрастет. Что будем делать, если решат сократить срок полета?

Френсис посмотрел на собеседника растерянно:

— Но ведь ни о чем подобном даже не помышлялось?

Чалмерс помедлил с ответом.

— Роджер, очень прошу, не принимай все, что происходит, с такой горячностью. Постоянно внушай себе: «Они *совсем не летят к Альфа Центавра». Они* работают здесь, на Земле, и если правительство примет такое решение, то уже завтра их выпустят со Станции. Да, по закону для этого необходимо согласие парламента, но за ним дело не станет. Этот эксперимент начался полвека назад, и сейчас многие авторитетные люди полагают, что он чрезмерно затянулся. После того как колонизация Марса и Луны не принесла ожидаемого эффекта, космические программы теряют популярность, а с нею и ассигнования. Бытует мнение, что большие средства улетают лишь на потребу садистов с психологическим уклоном.

— Хоть ты-то понимаешь, что это чушь? — возмутился Френсис. — Допустим, что я малость чокнутый, но на чистоте *экспериментов это никак не отражается.* Если ты планируешь послать группу людей в космический полет на Альфа Центавра, самое надежное — это прокрутить такое путешествие, не отрываясь от Земли. Тогда возможно предусмотреть, во что смогут вылиться малейшие моргания и покашливания. Если бы сделали это раньше, то сейчас бы располагали знаниями, которые спасли бы от гибели наши лунные и марсианские колонии.

— Все правильно. Но речь идет не об этом. *Пойми же,* что прежде, когда существовала мода на космические путешествия, предложение засадить на сотню лет небольшой человеческий отряд в космолет получало широкое одобрение,

особенно среди энтузиастов особого пошиба. Но теперь эйфория схлынула, большинство относится к нашему маленькому людскому виварию с глубоким отвращением. То, что начиналось в духе великих географических открытий, превратилось в какой-то жестокий фарс. В некотором смысле мы шагнули вперед — то, что микрообщество из трех семей обрело дифференцированные социальные функции, ни о чем особенном не говорит. Это не есть положительный результат наших опытов. А вот их легковерие ко всему, что мы хотим им внушить, возможность манипулировать ими — результат прямо отрицательный. — Чалмерс через стол наклонился к собеседнику. — Признаюсь только тебе, Роджер, строго конфиденциально, что назначение генерала Шорта связано именно с идеей свернуть весь наш проект. На это может уйти немало лет, но можешь не сомневаться, что к этому дело и придет. И вот тут и возникнет вопрос, что сказать всем этим людям, прежде чем вывести их на Землю.

Френсис мрачно поглядел на Чалмерса.

— И ты тоже за свертывание эксперимента?

— Да, Роджер. Откровенно говоря, думаю, что его даже начинать было нельзя. Преступно насиловать этих людей, как это сейчас происходит, — начиная с регулярных гипнотических вмешательств, кончая принудительным обучением и воспитанием детей. Вспомни, ты же только что готов был уложить в постель двух несовершеннолетних, лишь бы те поменьше думали. Тебе даже в голову не пришло посмотреть на свой бред под ракурсом унижения человеческого достоинства. Вспомни о том, какие ограничения возникают вследствие выборочного образования, вспомни о растущей отчужденности — ведь Петерс и Гренджер порою по нескольку суток проводят в одиночестве, — о том, насколько ненормально, что всю эту кошмарную обстановку на Станции они воспринимают спокойно и считают свою жизнь вполне сносной. Да, я считаю, что растущее противодействие проекту вполне оправдано.

Френсис глянул на купол, где копошилась группа людей. Сейчас они грузили в так называемый «пищевой бункер» так называемые «прессованные полуфабрикаты» (на самом же деле наборы замороженных продуктов с тщательно содранными этикетками). Завтра, когда Бейкер с женой подберут по справочнику очередное меню, нужные продукты перекочуют отсюда на космолет. Френсис и сам понимал, что для многих дело его жизни выглядело как циничное жульничество.

Он негромко произнес:

— Те, кто это начинал, были добровольцами. Они зна-

ли, на что пошли, и примут то, к чему придут. И как же именно Шорт собирается их высадить? Он что же, отвинтит люк и свистнет им?

Чалмерс с трудом заставил себя улыбнуться.

— Он не дурак, Роджер. Он, как и мы, переживает за тех, кто на Станции. Да, половина из них может за пять минут сойти с ума, старики в первую очередь. Но ты не волнуйся и не терзай себя, уже то, чего мы достигли, доказывает полную эффективность эксперимента.

— Нельзя говорить об эффективности, пока не произведена «высадка». А прекратить его досрочно — это значит расписаться в беспомощности. В нашей, а не в их. Нельзя не смотреть в глаза фактам, какими бы мерзкими или противными они ни казались. Но мы должны сделать все, чтобы эти четырнадцать человек продолжили свой полет.

Чалмерс пристально взглянул на Френсиса.

— Четырнадцать? Ты не оговорился? Ведь их тринадцать. Уж не хочешь ли ты остаться с ними, Роджер?

Корабль прекратил вращение. Когда Абель за своим рабочим столом в помещении Администрации намечал план пожарных учений завтрашнего дня, он вдруг осознал, что движение остановилось. Все утро, прогуливаясь по космолету — Абель уже почти отказался от термина «Станция», — он испытывал странное ощущение, будто его что-то тянет к стене, словно он падает набок.

Когда он сказал об этом отцу, тот ответил кратко:

— Руководство кораблем — дело капитана Петерса. На вопросы об особенностях полета тебе ответит он.

Ответ отца не удовлетворил Абеля. За два последних месяца его возросший интеллект будто штурмовал все, что возникало рядом с ним, скрупулезно анализируя любое жизненное проявление на Станции. В подсознании открылся огромный клад символов, абстракций, терминов. Тайное становилось явным, и Абель наслаждался своими вновь полученными знаниями.

В столовой за обедом он истерзал младшего Петерса градом вопросов, особенно о чудовищной параболе полета их корабля к созвездию Альфа Центавра.

— А какова роль токов, возникающих в корпусе корабля? — допытывался он. Постоянное вращение должно вызвать смещение магнитных полюсов относительно их рассчитанного при проектировании Станции расположения. — Как вы выходите из этой ситуации?

Мэтью был растерян.

— Если честно, я и сам не все понимаю. Наверное, действует автоматика. — Встретив недоверчивый взгляд Абеля, он передернул плечами. — Отец точно все знает. Как бы то ни было, мы идем по намеченному курсу.

— Дай то бог, — сонно пробормотал Абель. Чем чаще он разговаривал с другом о приборах, которыми тот вместе с отцом пользовался в навигационной рубке, тем яснее понимал, что роль человека в управлении космолетом ничтожна: проверить аппаратуру, заменить перегоревший предохранитель. Со всем остальным вполне справлялась автоматика, и у Абеля даже возникали подозрения, что весь труд Петерсов — бессмысленная возня с никчемными, ни на что не влияющими игрушками.

Это было бы очень забавно!

Улыбнувшись своей догадке, Абель решил, что она абсолютно верна. Трудно было представить себе, что столь ответственное дело, как управление полетом, решились бы доверить людям, малейшая ошибка которых могла вызвать самые фатальные последствия вплоть до столкновения с какой-нибудь звездой. Конструкторы космического судна, несомненно, понимали это и обезопасили все автоматические устройства, сохранив за экипажем самые примитивные обязанности, вроде соблюдения распорядка, чтобы люди верили в то, что именно они управляют полетом.

Как раз здесь и скрывался секрет всей Станции. Никто из ее обитателей не был ей необходим. Они с отцом могли составлять выверенные по минутам расписанные планы ежедневных занятий, но то были лишь проигрыши различных версий, разработанных автоматическими программами. Вариантов возникало огромное множество, но то обстоятельство, что он мог удалить Мэтью Петерса из столовой не в половине первого, а на тридцать минут раньше, совсем не доказывало, что он может изменить жизнь своего друга. Образцы заданий выдавались компьютером, меню разрабатывалось тоже машинами. Расписание пожарных тревог, учебных занятий, списки дневных и ночных дежурств с указанием, кто кого должен подменить в случае болезни, — все это составлялось с помощью механизмов и не оставляло места самостоятельному творчеству.

Когда-нибудь, думал юноша, я уберу из своей программы гипнозанятие. Он начинал понимать, что гипноз приводил к блокированию его мозга от различной информации, снижая его восприимчивость. В самом корабле та-

илось нечто необъяснимое, и это позволяло предположить, что в нем имеется значительно больше, чем...

— Привет, Абель, ты какой-то сосредоточенный, — сказал доктор Френсис, садясь рядом. — О чем думаешь?

— Вообще-то я просчитывал одну версию, — быстро заговорил юноша. — Судите сами: каждый обитатель Станции нуждается в день в трех фунтах пищевых продуктов, или примерно в полутонне в год. Значит, весь запас, даже без всякого резерва на первое время после посадки корабля, составит примерно восемьсот тонн. Нетрудно подсчитать, что на корабле должно находиться одного продовольствия не меньше тысячи пятисот тонн. Это весомый груз.

— Только на первый взгляд, Абель. Наша Станция — лишь малая часть звездолета. Основные реакторы, резервы топлива, содержимое складов весят в целом не меньше тридцати тысяч тонн. Это и создает силу притяжения, которая удерживает нас на поверхности Станции.

Абель отрицательно покачал головой.

— Тут что-то не то, доктор! Притяжение, которое мы испытываем, должно вызываться влиянием гравитации звездных скоплений. Если это не так, то масса корабля должна составлять что-то около 6×10^{20} тонн.

Доктор с интересом смотрел на Абеля, понимая, что юноша загнал его в тупик. Масса, которую назвал Абель, приближалась к массе Земли.

— Это очень нелегко рассчитать, мальчик. Я рекомендовал бы тебе не задумываться над такими вопросами. Зачем отбивать хлеб у капитана Петерса?

— Я и не собираюсь залезать в сферу звездной механики, — успокоил врача Абель. — Это просто небольшая тренировка в расчетах. Вы не думаете, доктор, что для этого можно было бы пойти даже на отступление от инструкции. Возьмем, к примеру, проблему длительной изоляции. Что если искусственно повлиять на маленькую группу людей, скажем, отделить их от всего остального экипажа, и психически вынудить к тому, чтобы они считали, что вновь очутились на Земле. Это был бы чрезвычайно интересный эксперимент, доктор.

Дожидаясь в зале заседаний, когда же генерал Шорт завершит свое нелегкое сообщение, Френсис еще и еще раз вспоминал внезапное предложение Абеля; он размышлял о том, как бы этот юноша, с его восторженным оптимизмом, реагировал на сосредоточенные и чинные лица собравшихся.

— ...Я, как и все вы, господа, сожалею о том, что экспе-

римент обречен, но таково решение Департамента Космических Исследований, и мы не можем его оспаривать. Конечно, перед нами стоит трудная задача. Нам придется продвигаться поэтапно, с тем чтобы экипаж постепенно свыкся с мыслью, что через какое-то время их ожидает мягкое парашютирование на Землю. — Генерал Шорт был крепким, энергичным человеком, лет пятидесяти, со скульптурными чертами лица и добрыми глазами. Он повернулся к доктору Кершу, отвечавшему за вопросы выживаемости и здоровья обитателей Станции. — Из ваших пояснений, доктор, вытекает, что времени, которое нам отведено, может катастрофически не хватить. Видимо, и этот Абель способен задать нам перцу...

Керш улыбнулся.

— Да, я слышал его разговор с доктором Френсисом. Он предложил провести эксперимент с небольшой группой членов экипажа для проверки их выживаемости в условиях изоляции, это же надо придумать! Он предполагает, что экипаж звездолета в составе двух человек может провести не меньше двух лет до того момента, как они начнут испытывать неприязнь друг к другу.

Капитан Сэнджер, руководитель группы механиков, дополнил:

— Мало того, он попробовал избежать гипнообучения. Вложил в наушники прослойки из пенопласта, которые блокируют девять десятых ультразвука. Мы столкнулись с этим, когда лента энцефалографа перестала реагировать на альфа-волны. Сначала мы решили, что поврежден кабель, но, прибегнув к монитору, увидели, что глаза парня не закрыты. Он просто думал о чем-то своем.

Френсис постучал пальцами по крышке стола.

— Все равно, это неважно, та ультразвуковая лекция была посвящена всего-навсего системе антилогарифмов из четырех цифр.

— Надо радоваться, что он ее не слушал, — развеселился Керш. — А то он смог бы сообразить, что эллиптическая орбита движения Станции проходит в стороне от Красной звезды спектрокласса «I» на удалении в 93 миллиона миль.

— А как вы объясните это уклонение от гипнозанятий, доктор Френсис? — спросил генерал и, когда доктор растерянно промолчал, продолжил: — Считаю, что этим делом нужно заняться быстро и ответственно. Начиная с этого момента, мы должны строго следовать программе.

Френсис меланхолично сказал:

— Абель самостоятельно возвратится к гипноурокам.

Совсем не нужно что-то форсировать. Через какое-то время без традиционного каждодневного контакта он остро ощутит свое одиночество. Ультразвуковые гипнопеды настроены на тембр голоса его матери, если он долго не будет слышать ее, то это выбьет его из колеи, он почувствует себя всеми покинутым.

Шорт кивнул, показывая, что все понял, и снова переключился на доктора Керша:

— Доктор, а сколько, по вашему мнению, потребуется времени, чтобы обеспечить их возвращение? И учтите, что с них будет снят всякий контроль и что журналисты и телевизионщики накинутся на них, как безжалостные псы.

Керш тщательно взвешивал свои слова.

— Генерал, это потребует большого срока. Придется пересмотреть все программы гипноучебы... возможно, отправной точкой станет инсценирование столкновения с метеоритом... Учитывая все... три года, может быть, пять. А возможно, и еще больше.

— Понял. А ваше мнение, доктор Френсис?

Френсис, стиснув пальцами карандаш, решился на последнюю попытку.

— Этого не знает никто. *Обеспечить их возвращение.* Как вы это вообще понимаете, генерал? *Чье* возвращение мы хотим обеспечить? — И он, не выдержав, нервно бросил. — Сто лет.

За столом приглушенно засмеялись. Генерал Шорт тоже улыбнулся, не скрывая своей симпатии к Френсису.

— Доктор, это же вдвое больше, чем было отпущено на весь наш эксперимент. Вы хватили лишку.

Френсис стоял на своем.

— Вы кое-что забыли, генерал. В основе проекта лежало задание добраться до Альфа Центавра. Возвращение на Землю не планировалось. — К собравшимся возвратилась серьезность, но Френсис все равно злился на себя: конфликт с Шортом ничего хорошего не сулил.

Но генерал как будто не был обижен.

— Отлично, мы и без того понимали, что это потребует определенного времени. — И, поглядев на Френсиса, рассудительно прибавил: — Главная наша цель — спокойствие и благополучие экипажа Станции, а отнюдь не наше с вами; если это потребует сотни лет, то они ровно столько и получат. Сообщу вам, что чинуши из департамента считают, что можно уложиться в пятнадцать лет. Как минимум. — Сидящие за столом люди задвигались, обмениваясь репликами. Френсис с изумлением смотрел на гене-

рала. Он думал о том, что за полтора десятилетия могут произойти самые непредвиденные события, которые, возможно, изменят общественное мнение и возродят благожелательное внимание к космическим путешествиям.

— Департамент согласен на продолжение эксперимента, но ставит условием обязательное сокращение ассигнований на эти цели. Помимо этого, мы будем обязаны постепенно подготовить обитателей Станции к мысли о том, что они выполнили свое задание — завершили разведку трассы полета — и теперь, получив данные чрезвычайной важности, возвращаются на Землю. Когда они покинут звездолет, то будут встречены, как настоящие герои. Это должно помочь им адаптироваться к необычности незнакомого им мира. — Шорт обвел собравшихся взглядом, ожидая их реакции на это сообщение. Керш отвел глаза, уставившись на свои пальцы, Сэнджер и Чалмерс растерянно листали свои пометки.

Прежде чем взять слово, Френсис сосредоточился. Он вполне отдавал себе отчет, что другой возможности спасти эксперимент уже не появится. Все остальные, независимо от того, насколько они с ним согласны, не пойдут на конфликт с Шортом.

— Мне очень жаль, генерал, но это неосуществимо, — медленно произнес он, — хотя понимание департамента и лично ваше непредвзятое отношение к этому вопросу импонируют. План, с которым вы нас ознакомили, выглядит убедительным, но он не жизнеспособен. — Он выпрямился в кресле и заставил себя излагать свои мысли ясно и четко. — Генерал, всем обитателям Станции последовательно внушали, что они замкнутая община, которая никогда не вступит в контакт с себе подобными. Это внедрилось в их подсознание и психику. Никому не под силу так изменить всю их психическую сущность; для них это равноценно тому, что поставить их мир с ног на голову. Попытка сделать это обречена, так же как мысль заставить рыбу бежать. Если вы начнете корректировать их психические стереотипы, это может вызвать стресс, равный по силе такому, который превращает нормального человека в опасного для общества маньяка.

Френсис взглянул на доктора Керша и увидел, что тот с важным видом кивает головой.

— Должен вам сказать, генерал, но предположение (к слову, вполне логичное) о том, что все эти люди рады будут покинуть Станцию, ошибочно. И вы, и работники Департамента Космических Исследований неправы. Если бы экипажу Станции предложили выбирать между куполом и

Землей, они выбрали бы первое. Золотая рыбка предпочитает аквариум.

Шорт помедлил с ответом, обдумывая то, что сказал Френсис.

— Допустим, что все так и есть, доктор, — наконец произнес он. — Ну и что же с того? Все равно мы не получим больше пятнадцати, максимум не больше двадцати пяти лет.

— Остается одно, — горько ответил Френсис. — Следует продолжить эксперимент, не изменяя заданной направленности, с одним дополнением: нельзя разрешать им вступать в брак и заводить детей. Через четверть века живыми останутся только самые младшие, а еще лет через пять умрут все. Жизнь на Станции продолжается немногим больше сорока пяти лет. Абель, когда ему стукнет тридцать, будет уже пожилым человеком. А к тому времени, когда они начнут вымирать, все наверняка потеряют интерес к ним.

Наступило долгое молчание, которое прервал Керш:

— А ведь это лучшее решение, генерал. Достаточно гуманное, сохраняющее первоначальную направленность эксперимента и не противоречащее установкам департамента. Исключение деторождения — это очень небольшая коррекция той программы, которая вносилась при гипнообучении. Оно только усугубит ощущение изолированности от всего мира и усилит у них чувство, что они никогда не достигнут цели своего полета. Если мы несколько перестроим программу, изменим направленность лекций, отказавшись от акцентирования внимания на необходимости достигнуть Альфа Центавра, то они постепенно переродятся в незначительную изолированную группку, такую же, как и остальные обреченные на вымирание общины.

Чалмерс поддержал его:

— И к тому же, генерал, все это можно и должно готовить исподволь: по мере того, как люди будут уходить из жизни, следует постепенно закрывать Станцию, с тем чтобы к самому концу открытым остался лишь один этаж, а то и всего две-три кабины.

Шорт встал, приблизился к окну и долго смотрел через его прозрачное стекло в раме из светлого металла на величественный купол в центре ангара.

— Страшная мысль, — произнес он. — Совершенно безумная. Но похоже, что вы правы, когда говорите, что иного выхода у нас нет.

Бесшумно скользя среди грузовиков, замерших в тени ангара, Френсис чуть помедлил, чтобы взглянуть на свет-

лые окна административного корпуса. Несколько человек из ночной смены, преодолевая дремоту, вели по мониторам наблюдение за спящими обитателями Станции.

Френсис выбрался из темноты и подбежал к звездолету. Поднялся по трапу до люка, расположенного на тридцатифутовой высоте. Открыл внешний люк, прошел внутрь и запер его. Затем он открыл крышку внутреннего люка, миновал спальный контейнер и оказался в своей кабине.

Бледный свет залил экран телевизора, на нем возникли трое дежурных центрального здания. Они покуривали сигареты, развалившись в самых непринужденных позах, всего в футах шести от доктора.

Френсис проверил звук, а затем пощелкал пальцем по микрофону.

Невыспавшийся, в расстегнутой пижаме, полковник Чалмерс подался к экрану, другие дежурные сделали то же.

— Послушай, Роджер, ты ничего этим не добьешься. Департамент и генерал Шорт теперь тем более не отменят своего решения. Уже принят специальный меморандум по этому вопросу. — И так как Френсис смотрел на него с недоверием, он добавил: — Ты их лишь разозлишь!

— Я этого не боюсь, — возразил доктор. — Слишком уж часто нарушаются договоренности. Находясь здесь, я во всяком случае, могу наблюдать за происходящим. — Он строго контролировал свою осанку, манеру держаться и говорить, так как понимал, что камера фиксирует каждый его жест; необходимо было произвести самое внушительное впечатление. Несомненно, Шорт примет все меры, чтобы не вспыхнул скандал. Если убедить его, что Френсис не думает торпедировать проект, генерал наверняка оставит его на Станции.

Сосредоточенный Чалмерс подался вперед вместе с креслом.

— Роджер, продумай все еще раз, не спеши. Ты даже не представляешь, какой взрыв можешь вызвать. Пойми, что извлечь тебя наружу ничего не стоит — эту ржавую банку любой ребенок продырявит тупым консервным ножом.

— А вот этого делать я вам не советую, — спокойно парировал Френсис. — Я перебазируюсь на этаж С, и любая попытка найти меня станет известна всем. Уверяю, что я не собираюсь тормозить работу по отказу от эксперимента. И уж, конечно, не буду заниматься сводничеством малолетних. Но я уверен, что нужен экипажу космолета, причем куда больше, чем восемь часов в сутки.

— Френсис, — заорал Чалмерс. — Неужели ты не понимаешь, что обратного пути у тебя не будет? Ты ведешь

себя, как самоубийца. Изолируясь в этом аквариуме, ты *обрекаешь* себя на бесконечную дорогу *в никуда*!

За секунду до того, как навсегда прервать связь, Френсис резко ответил:

— Не *в никуда*, господин полковник, а к созвездию Альфа Центавра.

Френсис со вздохом облегчения опустился на узенькую койку в своей каюте. Он хотел чуточку отдохнуть перед тем, как пойти ужинать. Весь день промелькнул в хлопотах, — он готовил перфоленты для Абеля, и его глаза до сих пор болели от долгого изучения тысяч крохотных дырочек, которые он сам и прокалывал. Восемь часов без отдыха он находился в каморке-изоляторе с закрепленными на груди, локтях и коленях электродами, а Абель замерял ему пульс и давление.

Эти наблюдения были абсолютно непохожи на те, которые Френсис ежедневно проводил над экипажем и которые Абель обрабатывал сейчас для своего отца. Доктору стоило великого труда терпеть эти длительные и трудные замеры. Первоначально Абель изучал на нем воздействие специально подобранного ряда команд, что позволило вывести бесконечную обучающую функцию. Потом он заставил врача запоминать значение числа «пи» до тысячного знака по математическому справочнику. И, наконец, он убедил Френсиса согласиться на куда более трудный тест — речь шла о получении абсолютно случайного цифрового ряда. В те моменты, когда доктору это надоедало или он уставал, он переходил на какую-то упорядоченную закономерность или натыкался на части какой-то сложной прогрессии. Однако компьютер, контролировавший опыты, немедленно звуковым сигналом реагировал на ошибку, и Френсису приходилось начинать все сначала. После нескольких часов работы компьютер издавал звук тревоги уже с интервалом в несколько секунд, словно обозлившийся шмель. В этот вечер опутанный проводами доктор едва пробрался к дверям и с большой тревогой обнаружил, что они заперты (по версии Абеля, дабы противопожарные учения не мешали проведению наблюдений). Через маленький глазок в дверях он увидел, что в соседней комнате нет никого, кроме бесконтрольного компьютера.

Когда в конце концов его стук услышал Абель, находившийся в дальнем конце большой лаборатории, юноша чуть ли не с бранью набросился на доктора, возмущенный тем, что Френсис прерывает эксперимент.

— Дьявольщина! Я уже три недели прокалываю твою перфоленту, — Френсис мрачно смотрел на Абеля, грубо

срывавшего с доктора датчики вместе с кусочками пластыря. — Случайный цифровой ряд — совсем не такое простое дело, как кажется. Порой я теряю чувство реальности (иногда он начинал думать, что именно этого Абель и добивается). Ты должен иметь хоть каплю сочувствия.

— Но ведь тест рассчитан на трехдневный срок, доктор, — терпеливо повторял Абель, — причем самые важные данные получаются в заключительные часы. Самое главное — классификация ваших ошибок. Незавершенный эксперимент теряет всякий смысл.

— Да он и так не имеет никакого смысла. Большинство математиков убеждены, что моделирование случайного ряда вообще невозможно.

— А если предположить, что оно все-таки возможно? — стоял на своем Абель. — Ведь прежде чем приступить к апериодическим числам, мы все просчитывали.

Но Френсис закусил удила.

— Абель, достаточно. Возможно, я постарел и утрачиваю сообразительность. Но кроме всего у меня есть основные обязанности, и я не имею права их не выполнять.

— Они почти не отнимают времени, доктор. Если быть честным, вы мало что делаете сейчас.

Доктор не мог возразить против этого. За тот год, что он безвыходно провел на Станции, Абель сильно изменил распорядок дня ее обитателей, что позволило ему выделить много свободного времени для их с врачом совместных опытов. Тем более что в гипнолектории доктор не появлялся, прекрасно понимая, что Чалмерс и Шорт могут очень эффективно использовать против него силу ультразвукового внушения.

Жизнь на корабле далась Френсису куда трудней, чем он рассчитывал вначале. Ежедневные ритуалы, отсутствие разрядки, особенно интеллектуальной, — книг на Станции вообще не было — все больше и больше выбивали его из колеи. Он начинал заражаться тупой апатией, которая охватила уже почти весь экипаж. Мэтью Гренджер, откровенно счастливый тем, что Абель взвалил на себя все обязанности по программированию, изолировался в своей каюте, возясь с поломанным хронометром; отец и сын Петерсы практически не выходили из навигационной рубки. Женщин вообще не было ни видно, ни слышно, они словно растворились в рукоделиях и праздной болтовне. Иногда Френсис с горькой насмешкой говорил себе: «А ведь я порой близок к тому, чтобы, как и они, поверить в то, что мы действительно на пути к Альфа Центавра. Вот бы порадовался генерал Шорт, если бы узнал об этом».

Когда в половине седьмого он пришел ужинать, то выяснилось, что пятнадцатиминутная задержка дорого ему обошлась.

— Сегодня в двенадцать часов дня режим вашего питания стал другим, — информировал его Бейкер, захлопывая раздаточное окошко. — У меня уже ничего не осталось.

Френсис пытался усовестить его, но Бейкер был неумолим.

— Я даже не подумаю ради вас торчать у подъемника *лишь потому*, что вам лень было ознакомиться с сегодняшним расписанием, доктор.

Покинув столовую, Френсис столкнулся с Абелем и попробовал убедить его вмешаться в этот дурацкий конфликт.

— Ты даже не поставил меня в известность, Абель. А ведь я весь день провел, словно привязанный, к твоей глупой автоматике.

— Но пока вы возвращались в лабораторию, доктор, — сразу же возразил Абель, — вы трижды проходили мимо объявлений. А ведь их вывешивают для того, чтобы люди читали. В любое время что-то может измениться, а вы даже и не узнаете. Простите, но вам придется теперь потерпеть несколько часов.

Доктор возвратился к себе в полном убеждении, что внезапное изменение распорядка дня — отмщение Абеля за перерыв в совместных исследованиях. Надо подумать о том, чтобы казаться более гибким, иначе парень сделает его жизнь на Станции невыносимой. Он может просто затравить его. А бегство с космолета сейчас стало уже невозможным. Вход в контейнер был заблокирован, и любой, кто рискнул бы нарушить запрет, автоматически получил бы двадцать лет тюрьмы.

После часового отдыха он заставил себя подняться на этаж Б для проверки герметичности переборок, окружающих метеоритный экран. Он всем своим видом демонстрировал подчеркнуто серьезное отношение к своим служебным обязанностям: видимость сотрудничества с другими членами экипажа, которую он охотно имитировал, приносила ему удовлетворение.

Датчики были размещены на контрольных пунктах с интервалом в десять ярдов по периметру ленты, опоясывавшей главный коридор. Полное одиночество посреди тикающих или попискивающих аппаратов космолета приносило ему великолепное ощущение свободы и независимости.

— Земля, конечно, вращается вокруг Солнца, — приговаривал он, выверяя механизмы. — В то же время вся Солнечная система перемещается в сторону созвездия Ли-

ры, преодолевая за секунду четыреста миль. Вопросы интенсивности иллюзий достаточно не изучены.

Вдруг что-то вмешалось в эти его раздумья вслух.

Указатель давления чуть дрогнул. Стрелка прибора колебалась между отметками 0.0010 и 0.0015 Паскаля. Внутри корпуса давление всегда чуть превышало атмосферное, что не позволяло наружной пыли проникнуть через даже микроскопические щели. По сценарию эксперимента аварийные переборки были необходимы для того, чтобы при повреждении космолета, связанном с выходом из строя систем вентиляции, заблаговременно переправить людей в герметичные контейнеры.

На секунду доктор запаниковал — ему подумалось, что генерал Шорт все-таки пытается силой вернуть его, — однако отклонение внутреннего давления было столь незначительным, что говорило скорее о появлении какой-то щелки в корпусе корабля. Но стрелка тут же возвратилась на нулевую отметку. Одновременно за углом в радиальном коридоре прозвучали шаги.

Френсис быстро укрылся за стойкой аппаратуры. Старик Петерс последние месяцы перед своей смертью часто уходил от остальных и часами в полном одиночестве бродил по коридорам, очевидно, сооружая какой-то тайник для пищи за одной из ржавеющих плит.

Когда звуки шагов стали затихать, Френсис осторожно заглянул в боковой коридор.

— Абель?!

Доктор наблюдал, как у него на глазах Абель быстро поднимался по трапу, а потом медленно тронулся следом за ним, проверяя серую металлическую обшивку стен в поисках тайника. В конце коридора к стене прилепилась маленькая противопожарная будка, а на полу ее виднелась прядь белых волосков.

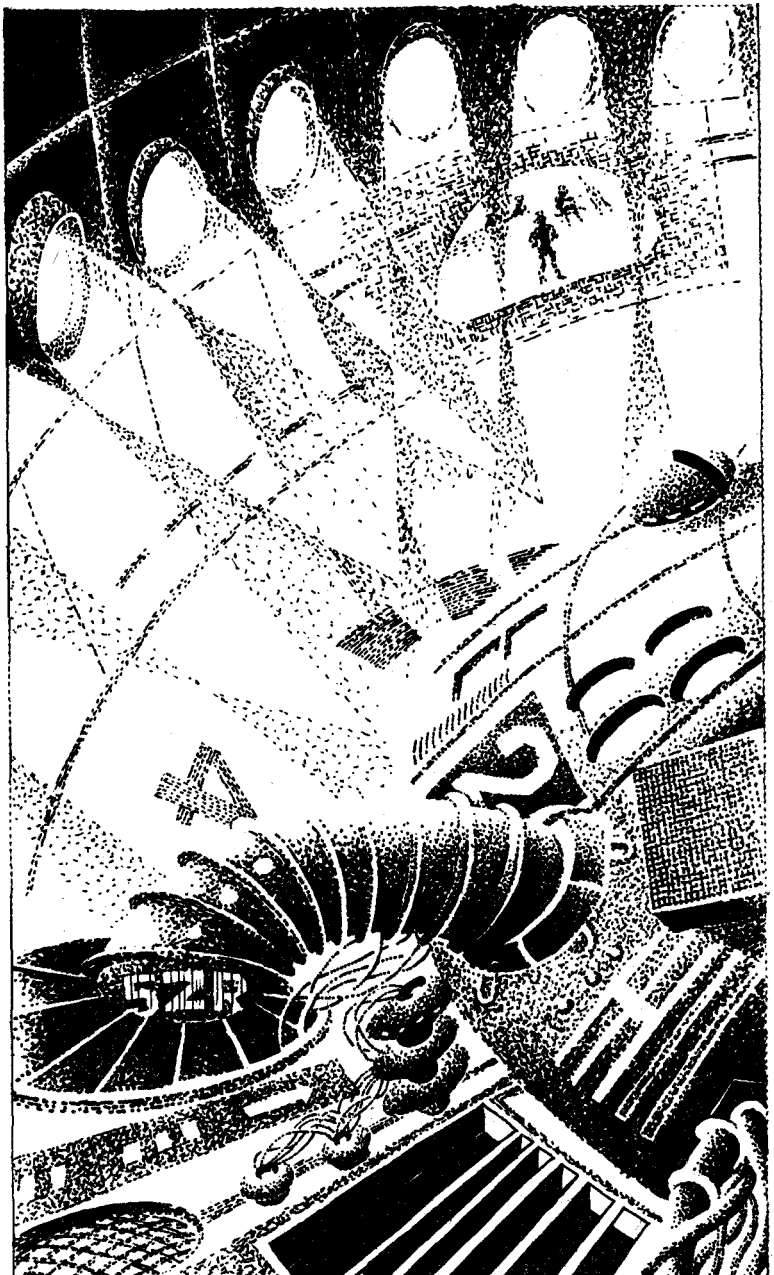
Асбестовое полотно!

Френсис проник в будку и за какие-то секунды обнаружил пластинку размером десять на шесть дюймов, закрепленную ржавой проволокой. Она без труда отодвинулась и открыла взгляду еще одну точно такую же пластинку, висящую на обыкновенном ржавом крючке.

Чуть помедлив, он поднял крючок и отодвинул пластинку.

И сразу же увидел, что перед ним ангар!

На земле при свете мощных рефлекторов велась разгрузка продуктов из длинного ряда грузовиков. Неизвестный ему сержант, срывая голос, руководил хозяйственной

командой. Справа было отлично видно административное здание, а за его окнами Чалмерс и вся ночная смена.

Отверстие было прорезано как раз под трапом, который надежно скрывал его от глаз тех, кто находился в ангаре. Повреждение асбеста было таким крохотным, что подвижная пластинка была совершенно незаметна. Френсис внимательно осмотрел все и, увидев, что крючок из проволоки был таким же ржавым, как вся плита, решил, что отверстием пользовались уже лет тридцать—сорок.

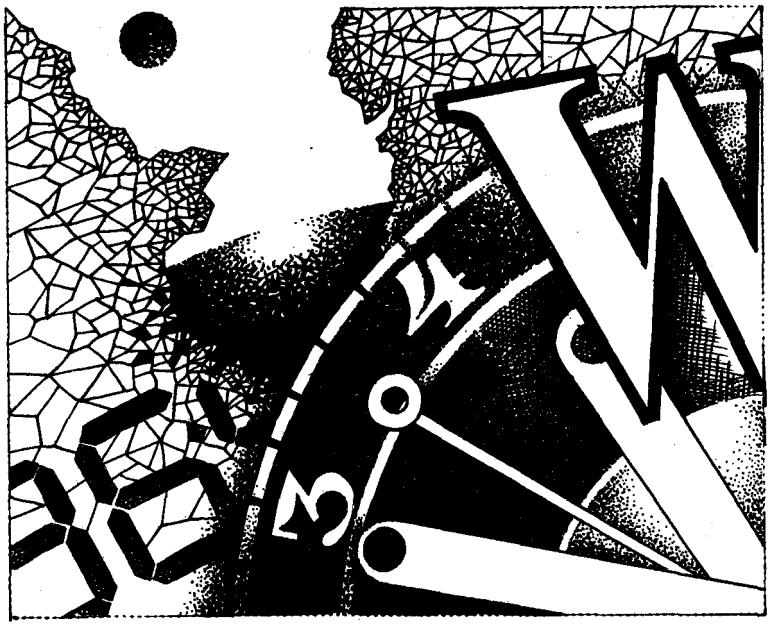
Он понял, что уже старый Петерс систематически приходил сюда и прекрасно знал, что вся Станция — не что иное, как чудовищный камуфляж. И все-таки он скрыл это от остальных, сообразив, что известие об этом может обернуться для них страшным ударом. А может быть, он решил, что лучше остаться капитаном псевдокорабля, чем покинуть его и превратиться в объект дотошного внимания тех, кто запер их всех здесь.

Очевидно, он не в силах был носить эту тайну в себе. Он не стал ничего рассказывать своему суровому и молчаливому сыну, а нашел другого — мальчика с гибким умом и воображением, способного не просто хранить тайну, а даже найти ей практическое применение. Никто не знает, по каким соображениям этот другой пошел тем же путем, тоже решив навсегда остаться на Станции, отлично зная, что все равно станет капитаном корабля и уже никто не помешает ему беспрепятственно проводить широкие эксперименты по сравнительной психологии.

Этот человек мог и не знать, что доктор Френсис совсем не полноправный обитатель Станции. Но его безупречное понимание программирования, пристальное внимание к вопросам космической навигации и полное пренебрежение к собственной безопасности — все это убедительно доказывало только одно:

АБЕЛЬ ЗНАЛ ВСЕ!

ОЖИВШИЙ УЖАС

Ларсен дожидался Бейлисса целый день; психиатр жил в соседнем шале* и вчера вечером пообещал, что явится на следующий день. Это было типично для Бейлисса — никогда не называть точного времени. Просто высокий мрачный мужчина с грубоватыми манерами неопределенно помахал своим шприцем и пробурчал что-то о завтрашнем дне: мол, скорее всего зайду. Однако Ларсен был уверен, что Бейлисс зайдет непременно, поскольку случай был слишком интересен, чтобы его можно было пропустить. Время шло — было уже около трех, — а Бейлисс все еще не появлялся.

Ларсен нервничал — чем он мог заниматься там, в своей гостиной с белыми стенами и кондиционером, под бесконечно звучащую музыку Бартока? И Ларсен бесцельно слонялся по своему шале, как бродит по зарослям встревоженный тигр. Чтобы отвлечься, он быстро приготовил скромный ленч: кофе и три таблетки

* Шале — небольшой загородный дом, дача.

амфетамина из личного запаса, о котором Бейлисс, видимо, подозревал. Он оправдывал себя тем, что стимуляторы необходимы как противовес обильным инъекциям барбитуратов*, которыми Бейлисс пичкал его после нервного срыва. Ларсен попытался убить время чтением «Психологического анализа» Кречмера — толстенного тома, полного схем и таблиц: Бейлисс был убежден, что это поможет лучше осознать случившееся. Ларсен честно смотрел в книгу в течение двух часов, но дальше предисловия к третьему изданию не продвинулся.

Каждые полчаса он подходил к окну и разглядывал через пластиковые решетчатые шторы домик Бейлисса, пытаясь обнаружить там хоть какой-нибудь признак жизни. За домиком простиралась залитая солнцем пустыня, напоминающая кость древнего гиганта. На этом золотом фоне яркие воздухообтекатели «понтиака» Бейлисса светились огненно-красным, как перья на хвосте феникса. Другие три шале не были заселены. Весь комплекс принадлежал электронной компании, где они с Бейлиссом числились сотрудниками восстановительного центра для руководящего состава и переутомившихся работников «умственного труда». Площадка в пустыне была выбрана с расчетом ее «гипотензивных» качеств, так как считалось, что психическая нагрузка здесь близка к нулю. Несколько дней, целиком посвященных спокойному чтению и созерцанию пустого горизонта, — и толерантность** возвращалась к норме.

Однако за два дня, проведенные здесь, Ларсен чуть не обезумел. Хорошо, что рядом был Бейлисс со своим шприцем и пилюлями. Хотя, надо отдать ему должное, обращался он со своими пациентами весьма бесцеремонно — он вообще полагал, что им лучше рассчитывать только на самих себя. Например, от Ларсена он требовал, чтобы тот сам поставил себе диагноз, а он-де, мол, Бейлисс, ограничит свои функции только тем, что будет делать уколы, совать в нос том Кречмера и сотрясать пространство невразумительными репликами.

А что если Бейлисс просто выжидал? Ларсен терзался желанием позвонить Бейлиссу под любым пустяковым предлогом. Наконец раздался стук двери, и он увидел, как длинная, нескладная фигура психиатра движется по бетонной

---

* Барбитураты — снотворное; амфетамин — средство, сильно возбуждающее центральную нервную систему.

** Толерантность — терпимость, снисходительное отношение к чужим мнениям и поступкам.

дорожке между домиками; Бейлисс шел, низко опустив голову под лучами жгучего солнца.

«Где же его кейс? — огорченно размышлял Ларсен. — Неужели он начнет врать, что решил отменить снотворное? А вдруг он попробует гипноз? Или опять лавина пустых советов и рекомендаций, после которых ползет крыша и начинаешь бриться, стоя на голове».

Он встретил Бейлисса в дверях и, суетясь, проводил его в гостиную.

— Какого дьявола ты исчез? — спросил он. — Ты что, не знаешь, что уже скоро четыре?

Бейлисс равнодушно осмотрелся — Ларсену не нравился этот трюк, он никак не мог к нему привыкнуть.

— Конечно, знаю. Мне вечно не хватает времени. Как ты себя чувствуешь нынче? — Бейлисс жестом пригласил его сесть на стул с прямой спинкой, стоящий в позиции, напоминающей кресло для допросов. — Присядь и попытайся расслабиться.

Ларсен раздраженно отмахнулся:

— Попробуй тут расслабиться, когда слоняешься целыми днями и ждешь очередного приступа.

И он начал традиционный доклад о своем самочувствии за прошедшие сутки; ему это нравилось — пополнять историю своей болезни краткими комментариями.

— Фактически эта ночь была спокойной. Возможно, я начинаю переходить в новую фазу. Все стабилизируется, и я уже не озираюсь назад каждую минуту. Я распахнул внутренние двери и теперь, прежде чем войти в комнату, мысленно представляю ее, стараюсь воспроизвести обстановку, глубину и размеры, поэтому она не пугает меня больше. Раньше стоило мне только распахнуть дверь, как я чувствовал, что лечу в пустую шахту лифта.

Ларсен беспорядочно двигался по комнате, похрустывая суставами пальцев. Полузакрыв глаза, Бейлисс следил за ним.

— Я считаю, что нового приступа не будет, — продолжал Ларсен. — Наверное, самое рациональное для меня — немедленно возвратиться на завод. В конце концов бессмысленно сидеть, ничего не делая. Я чувствую себя более или менее нормально.

Бейлисс кивнул.

— Тогда отчего же ты такой дерганый?

Ларсен в раздражении стиснул кулаки, и кровь гулко застучала у него в висках.

— Вовсе я не дерганый! Ради всего святого, Бейлисс, ты же психиатр, а, насколько я знаю, сейчас принято счи-

тать, что психиатр и пациент как бы делят болезнь на двоих, забывают о самих себе и принимают равную долю ответственности. Ты же все время стараешься избежать...

— Совсем нет, — уверенно прервал его Бейлисс. — Я целиком принимаю ответственность за тебя. И именно поэтому хочу, чтобы ты побыл здесь до тех пор, пока не придешь в норму.

Ларсен хмыкнул:

— В норму! Теперь ты стараешься изобразить все так, как это выглядит в фильме ужасов. То, что со мной произошло, было обычной галлюцинацией. Я даже не вполне убежден, что все случилось именно так. — Он ткнул в окно. — Подумаешь, неожиданно распахнулась дверь гаража, да еще при таком солнце... Возможно, это была просто тень.

— Описал ты эту тень весьма детально, — возразил Бейлисс. — Цвет волос, усы, одежда.

— Обратное видение. Детали сновидений тоже вполне реальны. — Ларсен придвинул стул и нагнулся над столом: — И еще кое-что. Мне кажется, ты что-то не договариваешь.

Они встретились взглядами. Какой-то миг Бейлисс внимательно изучал Ларсена, отметив его необычно расширившиеся зрачки.

— Ну и что ты ответишь на это? — настаивал Ларсен.

Бейлисс одернул пиджак и повернулся к двери.

— Я зайду завтра. А ты пока постарайся все-таки чуточку расслабиться. Я не собираюсь запугивать тебя, Ларсен, но возможно, что наша проблема гораздо сложней, чем ты думаешь.

Он кивнул и исчез за дверью раньше, чем Ларсен смог что-либо ответить.

Подойдя к окну, он смотрел сквозь жалюзи, как психиатр вошел в свое шале. Потревоженный на секунду солнечный свет снова густо залил пустыню. Через несколько минут мелодия очередного квартета Бартока с нервирующей Ларсена настойчивостью поплыла в пространстве над бетонной дорожкой между домами.

Ларсен раздраженно прошелся по комнате и, резко отодвинув стул, сел к столу. Бейлисс действовал ему на нервы своей дурацкой музыкой и неопределенными диагнозами. Он испытывал соблазн тут же завести автомобиль и уехать на завод. Однако формально Бейлисс был выше Ларсена по служебному положению и располагал определенной административной властью в этом кемпинге, тем более что пять дней, которые Ларсен провел здесь, оплачивала компания.

Он обвел взглядом тихую гостиную, отметив прохлад-

ные горизонтальные тени на стенах и прислушиваясь к мерному гулу кондиционера. Разговор с Бейлиссом поднял его тонус, он чувствовал себя спокойнее и увереннее. Конечно, рецидив напряжения и тревоги еще напоминал о себе, и ему нелегко было заставить себя посмотреть на открытые двери в спальню и в кухню.

Ларсен, издерганный напряженной работой, попал в шале пять дней назад в состоянии, близком к нервному срыву. Почти три месяца он бился над разработкой сложной системы огромного мозгового имитатора, который изготавливало «Подразделение новых проектов» компании по заказу одного из крупных психиатрических фондов. Создавалась полная электронная модель центральной нервной системы, где каждый уровень* отводился определенному компьютеру, в то время как другие компьютеры имели банки памяти, где сон, напряженность, агрессивность и другие психические функции накапливались и кодировались. В целом все это образовывало системы, по которым можно было моделировать стадии болезни и признаки выздоровления — любой психический комплекс — по потребности и желанию.

Группы проектировщиков, разрабатывавших стимуляторы, находились под постоянным наблюдением Бейлисса и его помощников. Регулярные тесты обнаружили признаки нервного истощения у Ларсена. В конце концов Бейлисс прервал его работу над проектом и отправил в пустыню для восстановления здоровья.

Ларсен сперва был только рад отвлечься от работы. Первые два дня он беззаботно гулял вокруг пустующих шале, смакуя состояние сладостного опьянения от прописанных Бейлиссом лекарств; он осматривал белую поверхность пустыни и спал как младенец, с восьми вечера до полудня. По утрам из города приезжала уборщица, она же привозила свежие продукты и оставляла записки с дневным меню, но Ларсен ни разу с ней не столкнулся. Он наслаждался одиночеством. Умышленно ни с кем не встречаясь, давая возможность природным ритмам мозга восстановиться самостоятельно, он верил, что быстро поправится.

Все шло как нельзя лучше, и вдруг этот кошмар, эта страшная встреча!

При воспоминании об этом Ларсена и сейчас охватывал ужас. На третий день, позавтракав, он решил проехать

---

* Уровень — в данном контексте — конкретное состояние ассоциативных связей.

по пустыне и осмотреть забытую кварцевую шахту в одном из каньонов. Прогулка должна была занять не меньше двух часов, и он захватил термос с охлажденным мартини. Гараж смыкался с домом со стороны кухни и закрывался обитой стальным листом дверью на роликах, скользившей вверх и уходившей под крышу.

Ларсен запер шале, открыл гараж и вывел машину на бетонную площадку. Вернувшись за термосом, который он оставил на скамье у задней стены гаража, он заметил в темном закутке полную канистру бензина и решил захватить ее с собой. Ларсен отнес канистру к машине и пошел закрыть гараж.

Когда он открывал его, какой-то ролик заело, и плита застряла на уровне его лица. Теперь, навалившись на ручку всем своим весом, Ларсен смог опустить дверь на несколько дюймов, но закрыть ее полностью не хватило сил. Яркое солнце, отражавшееся от стального покрытия, слепило его.

Обхватив дверь ладонями изнутри, он чуть подтолкнул ее кверху, чтобы она по инерции легче пошла вниз.

У него перед глазами оставалась лишь небольшая щель, дюймов шесть шириной, но этого было достаточно, чтобы видеть внутренность гаража.

В тени у черной стены Ларсен ясно увидел фигуру человека. Незнакомец стоял неподвижно, небрежно уронив руки вдоль туловища, и глядел на Ларсена. На нем был светлый костюм, голубая рубашка и комбинированные бело-коричневые туфли, хотя пятна тени делали его фигуру какой-то фрагментарной. Он был крепкого сложения, со щеткой жестких усов над губой и пухлым одутловатым лицом; глаза незнакомца, не мигая, уперлись в Ларсена и в то же время каким-то загадочным образом смотрели в сторону.

Все еще держась за дверь обеими руками, Ларсен с недоумением уставился на незнакомца. Странным казалось не только то, как тот мог попасть в гараж, в котором не было ни окон, ни боковых дверей, — беспокоила явная агрессивность его позы.

Ларсен уже решился было окликнуть чужака, когда тот шагнул из тени и направился к нему.

Ларсен в панике отпрянул. Темные пятна, расчертившие костюм человека, оказались совсем не тенями, а очертаниями скамейки, стоявшей у того за спиной.

Тело человека, как и его одежда, было прозрачно. Словно пораженный ударом тока, Ларсен быстро схватился за дверь и резко рванул ее вниз. Трясущимися руками

он накинул засов и привел его в положение «заперто», а сверху еще придавил коленями.

Почти парализованный, со сведенными судорогой мышцами, весь в холодном поту, Ларсен еще упирался в дверь гаража, когда через полчаса к его шале подъехал Бейлисс.

Ларсен нервно забарабанил пальцами по столу, потом поднялся и вышел в кухню. Принятые им три таблетки амфетамина, на этот раз не смягченные, крайне возбудили его. Он включил кофеварку, потом выключил, кое-как добрался до гостиной и, присев на кушетку, взял в руки толстый фолиант.

Он попытался прочесть несколько страниц; нетерпение его усиливалось. Как мог помочь ему Кречмер, было неясно. В книге в основном описывались различные случаи глубокой шизофрении и необратимых параноидальных явлений. Его же собственная проблема не казалась столь сложной, всего лишь маленькое отклонение психики, вызванное переутомлением. Почему Бейлисс так упорно не хочет признавать это? Трудно понять, но психиатр словно мечтал о более глубоком кризисе, как будто профессия будила в нем подсознательную потребность превратиться в пациента, чтобы глубже познать болезнь изнутри.

Ларсен отложил книгу в сторону и посмотрел через окно на улицу. Внезапно в шале потемнело, и домик как будто съежился, испугавшись открытой враждебности окружающего пространства. Ларсен быстро встал, вышел на воздух и прошел по бетонной площадке сотню ярдов в сторону.

Расположенные вольным полукругом шале, казалось, вжались в землю. Далекие горы выросли и стали гигантскими. Наступал вечер, уже смеркалось, небо над головой сверкало яркой вибрирующей голубизной, и пространство пустыни было покрыто темными пятнами теней. Равнина была безмолвна. Ларсен оглянулся на шале, но и там не было ни единого признака жизни, кроме слабого эха невыразительной музыки, долетавшей из домика Бейлисса. И Ларсену впервые показалось, что он стоит в центре миража.

Раздумывая над этим странным состоянием, Ларсен вдруг ощутил, как что-то уводит его мысли в сторону. Ощущение это нельзя было передать словами, оно походило на ускользающую мысль или на полузабытый сон. Ларсен пытался зафиксировать это чувство, но его отвлекала мысль, включена ли в доме кофеварка.

Дойдя до шале, он увидел, что оставил открытой дверь

на кухню, и пошел закрыть ее. Проходя мимо окна гостиной, Ларсен заглянул в него.

На кушетке, скрестив ноги, сидел человек, чье лицо пряталось за томом Кречмера. Ларсену показалось, что это Бейлисс пришел проведать его, но в тот же миг он услыхал музыку Бартока, и понял, что в комнате был не Бейлисс.

Стараясь не шуметь, Ларсен вернулся к окну. Лица человека не было видно, но на нем был знакомый кремовый костюм и те же двухцветные туфли. Меньше всего он походил на галлюцинацию. Руки и одежда его были реальными и осязаемыми. Немного передвинувшись на кушетке, он перелистнул страницу и продолжил чтение.

Ларсену стало страшно, сердце колотилось в груди, и он не мог отвести взгляда от окна. Что-то в этом человеке, то ли поза, то ли манера держать руки, подсказывало Ларсену, что он уже встречал его раньше, еще до памятного эпизода в гараже.

Мужчина опустил книгу, а затем бросил ее на кушетку рядом с собой. После этого он выпрямился и поглядел прямо в окно, как будто уперся взглядом в какую-то точку всего в нескольких дюймах от лица Ларсена.

Ларсен смотрел, как завороженный. Да, он узнал его, узнал это пухлое лицо, эти нервные глаза, эти знакомые густые усы. Ошибки быть не могло, и он с ужасом понял, что знает этого человека так хорошо, как никто другой.

Этот человек был он сам.

Бейлисс спрятал остаток снотворного в кейс и поставил его на крышку проигрывателя.

— Термин «галлюцинация» в твоем случае совершенно не годится, — сказал он Ларсену, который ничком лежал на его кушетке и мелкими глотками пил из стакана разогретый виски. — Забудь это слово. Скажем так: «Возникновение образа большой силы и продолжительности на сетчатке глаз», но отнюдь не галлюцинация.

Ларсен плохо понимал слова. Час назад он ввалился в домик Бейлисса, едва живой от ужаса. Бейлисс успокоил его, затем силой приволок назад к окну гостиной и показал, что двойник уже пропал. При этом Бейлисс нисколько не удивился, что Ларсен столкнулся с самим собою, и этот факт тревожил Ларсена не меньше, чем сам феномен. Бейлисс что-то скрывал от него!

— Меня удивило, что ты только теперь понял это, — размышлял вслух психиатр. — Ведь твое описание незна-

комца в гараже уже все объясняло — такой же, как у тебя, кремовый костюм, рубашка, туфли, не говоря уже о полном внешнем сходстве, вплоть до усов.

Немного успокоившись, Ларсен сел. Он расправил руками свой кремовый габардиновый костюм и отряхнул пыль с бело-коричневых туфель.

— Ну, спасибо, что объяснил! Теперь остался сущий пустяк: объяснить мне — кто же это такой?

Бейлисс опустился на стул.

— Ты спрашиваешь, кто это? Естественно — ты сам.

— Это понятно. Но откуда он возникает? Господи, неужели я схожу с ума?!

Бейлисс прищелкнул пальцами.

— Совсем нет. Успокойся. Это чисто функциональный сдвиг, похожий на амнезию* или раздвоение изображения. Если бы случай был опасный, я бы уже давно увез тебя отсюда. Возможно, и сейчас стоит подумать об этом, но я надеюсь, что смогу отыскать выход из лабиринта, в котором ты заблудился.

Он вынул блокнот из нагрудного кармана.

— Теперь давай прикинем, чем мы располагаем. Во-первых, сам призрак. Абсолютно ясно, что он — твоя точная копия. Хотя куда важнее то, что он копирует тебя сегодняшнего, что он твой идеальный современник во времени, вовсе не придуманный или воображаемый, причем, абсолютно идентичный. Это не блистательный герой твоего суперэго и не дряхлый старец на пороге твоей смерти. Практически этот образ — фотоснимок. Скоси глаза — и ты увидишь моего двойника. Твой же необычен лишь тем, что сдвиг совершается не только в пространстве, но и во времени. Теперь второе, что я выделил в твоем описании призрака, — это не просто, как бы лучше выразиться, фотодвойник, он воспроизводит именно то, что ты делал сам за несколько минут до встречи. В гараже он стоял у рабочей скамьи, то есть на том же месте, где стоял ты сам, когда прикидывал, стоит ли брать с собой канистру с бензином. Позднее человек, сидевший на кушетке, до мельчайших деталей повторял то, что ты делал с книгой Кречмера за пять минут до того. Он даже смотрел в окно — ведь ты же говорил, что сам делал то же самое перед тем, как собраться на прогулку.

Ларсен кивнул, пригубив виски.

---

* Амнезия — нарушение памяти, при котором невозможно воспроизведение ранее образовавшихся понятий, представлений; пробел в воспоминаниях.

— Значит, ты считаешь, что галлюцинация — нечто вроде умственной ретроспективы?

— Абсолютно верно. Волну оптических образов, омывающую определенные клетки мозга, можно уподобить киноленте. Любой образ откладывается там, а это тысячи дисков пленки, сотни тысяч часов прожитого времени. Бывает, что ретроспективы вызываются по команде, умышленно, когда ты сознательно находишь кадры в своей фильмотеке: это картины своего детства, панорамы ближайших улиц — словом, все то, что постоянно находится у поверхности нашего сознания. Однако достаточно чуть сдвинуть проектор — это может быть связано с перенапряжением, — встряхнуть его, и фильм вернется на несколько сотен кадров назад. Происходит наложение — повтор уже прокрученных кадров; в твоем случае ты вновь увидел себя на кушетке с книгой в руках. Конечно, парадоксальность такого видения может испугать.

Ларсен поиграл стаканом:

— Погоди. Когда я сидел на кушетке и листал Кречмера, я так же не мог видеть самого себя, как не вижу и сейчас. Тогда объясни, откуда возникают повторные образы.

Бейлисс отодвинул в сторону свой блокнот:

— Не надо воспринимать все так буквально. Согласен, ты не видишь, как сидишь и что делаешь, но ты знаешь все это; и твое сознание обладает не меньшей силой, чем любое зрительное восприятие. Это поток осязаемых, позиционных и психических образов, они-то и образуют банк реальных данных. И требуется лишь незначительная экстраполяция* для того, чтобы направить взгляд зрителя в другую часть помещения. При этом чисто визуальные воспоминания, как и память вообще, не всегда бывают абсолютно точными.

— Но тогда почему человек, которого я встретил в гараже, был прозрачным?

— Элементарно. Процесс лишь начинался, потому интенсивность образа была еще недостаточной. А вот то, с чем ты столкнулся сегодня, было много сильней. Я специально отменил снотворное, вполне понимая, что те стимуляторы, которые ты украдкой глотаешь, непременно вызовут неожиданный эффект, если начнут действовать активно.

Он шагнул к Ларсену, забрал у него стакан и налил в него воды из графина.

— Теперь давай рассуждать дальше. Самое любопытное,

---

* Экстраполяция — распространение выводов, полученных от наблюдения над одной частью явления, на другую его часть.

что этот случай проливает свет на один из древнейших архетипов проявления человеческой психики — возникновение призраков, всего этого легиона сверхъестественных существ: духов, ведьм, демонов и им подобных. А не бывают ли они в реальности всего лишь оптическими ретроспективами, вызванными воображением самого наблюдателя? Они могут возникнуть на сетчатке глаза под влиянием действия страха, тяжелой потери, религиозного фанатизма. В большинстве призраков интересно то, насколько буднично возникают они перед глазами и как мало они похожи на литературные образы, рожденные великими мистиками и мечтателями. Туманная белая пелена — вероятнее всего просто ночной халат самого наблюдателя. Вообще это занятная тема для диспута. Поразмышляй о литературных привидениях — скажем, как рассматривать Гамлета, если допустить, что призрак его мертвого отца — на самом деле лишь игра больного воображения несчастного юноши.

— Достаточно, — нервно оборвал его Ларсен. — Но мне-то какой прок от всего этого?

Бейлисс оторвал рассеянный взгляд от пола и посмотрел на Ларсена:

— Я как раз об этом и начинал говорить. Есть два способа лечения расстройств, аналогичных твоему. Классический способ рекомендует до предела напичкать больного транквилизаторами и уложить в клинику на год-другой. Время лечит, постепенно сознание как-нибудь само собой перестанет раздваиваться. Это долгая морока, занудно тоскливая и для больного, и для окружающих, да и для врачей. Альтернативный способ, скажу прямо, пока экспериментальный, не думаю, он эффективнее. Я завел беседу о таких нонсенсах, как привидения, потому что это само по себе крайне любопытно. Известны тысячи случаев, когда призраки преследовали людей, и единицы случаев, когда жертвы гонялись за призраками, но еще не известно такого, чтобы призрак и наблюдатель встречались лицом к лицу по обоюдному желанию. Подумай, что произошло бы, если бы ты, увидев сегодня днем своего двойника, просто вошел в гостиную и обратился к нему?

Ларсена передернуло.

— Очевидно, ничего, если твоя гипотеза основательна. Но я не хочу даже думать об этом.

— Но как раз это тебе и придется сделать. Не давай страху одолеть себя. В следующий раз, когда увидишь двойника с томом Кречмера, подойди и скажи что-нибудь.

Если он не ответит, сядь сам на его место. Вот и все, больше ничего не нужно.

Отмахиваясь от него, Ларсен вскочил на ноги.

— Опомнись, Бейлисс, ты что, сам сошел с ума? Ты хоть можешь себе представить, что это такое — внезапно встретить самого себя? Единственное желание — немедленно бежать.

— Понимаю, но это-то и плохо. Знаешь, почему призрак сразу исчезает, когда человек сам идет с ним на контакт? Да потому, что, активно вытесняя призрак с места, которое он занимает, ты вновь переключаешь свой психический проектор на единственно верный канал. Два самостоятельных потока образов на сетчатке глаз накладываются и совмещаются. Ты должен попытаться, Ларсен. Конечно, это потребует больших волевых усилий, но зато болезнь исчезнет и уже никогда не повторится.

Ларсен отрицательно покачал головой:

— Безумная идея! — Про себя он добавил: «Я лучше пристрелю гада».

При этом он вспомнил о револьвере 38-го калибра, хранившемся у него в кейсе, и мысль об оружии возвратила ощущение безопасности лучше всех лекарств и разглагольствований Бейлисса.

Оружие возбуждало агрессивность: даже если призрак был всего лишь порождением его собственного переутомленного мозга, револьвер придавал уверенность в том, что с двойником можно справиться.

Ларсен слушал Бейлисса со слипающимися от усталости глазами. Через полчаса, вернувшись к себе, он достал револьвер и спрятал его в почтовом ящике, прикрепленном снаружи у входной двери. Револьвер был слишком громоздок, чтобы держать его при себе, к тому же он мог случайно выстрелить и ранить владельца. А в ящике оружие будет в полной сохранности, и его легко можно достать при первой же необходимости, чтобы, следуя доброй традиции вестернов, наказать любого двойника, который сунет нос в его жизнь.

Бейлисс уехал в город за новой иглой для стереосистемы, договорившись с Ларсеном, что тот к его приезду приготовит ленч. Ларсен пробурчал, что не любит домашней возни, хотя в глубине души сейчас он рад был любому занятию. Ему надоело крутиться вокруг шале, чувствуя себя подопытным кроликом Бейлисса, с нетерпением дожидавшегося очередного кризиса. Если повезет, ЭТО может не повториться, к разочарованию Бейлисса, который

рассматривал болезнь Ларсена как интересную тему для исследования.

Приготовив стол на кухоньке Бейлисса и припася побольше льда для мартини (Ларсен решил, что алкоголь — это как раз то, что должно помочь его расшатанной нервной системе), Ларсен направился к себе в шале и сменил рубашку. Повинуясь внезапному импульсу, он решил полностью переобуться и переодеться — отыскал в шкафу синий официальный костюм из саржи и пару черных оксфордских туфель, в которых он приехал в пустыню. Не только потому, что кремовый костюм и комбинированные туфли вызывали неприятные ассоциации, а просто полная смена туалета, возможно, могла помешать очередному появлению двойника; Ларсен как бы менял свой психический образ на новый, достаточно сильный для того, чтобы справиться с любыми нежелательными явлениями. Оглядев себя в зеркале, он решил довести новизну облика до идеала — достал электробритву и наголо сбрил усы, а волосы старательно зачесал назад.

Кардинальные изменения в его внешности произвели заметный эффект. Когда Бейлисс вылез из машины и вошел в дом, то едва узнал Ларсена. Он даже отшатнулся, увидев приглаженную фигуру в синем костюме, вышедшую ему навстречу из кухни.

— Какого черта ты забавляешься? — резко бросил он Ларсену. — Нашел время для розыгрышей. — Он скептически осмотрел Ларсена: — В этом прикиде ты похож на мелкого детектива.

Ларсен загоготал. К нему вернулось хорошее настроение, а после нескольких порций мартини он совсем ожил и не закрывал рта в течение всего ленча. Удивительно, но Бейлисс как будто спешил расстаться с ним. Причину этого он понял только после того, как вернулся к себе. Пульс его участился. Он нервно бродил по комнатам; мозг его судорожно работал. Сейчас, когда действие алкоголя ослабевало, Ларсен начал ощущать действие подлинного возбудителя — стимуляторов, которые Бейлисс дал ему, чтобы предупредить очередной кризис.

Ларсен стоял у окна, с ненавистью глядя на шале психиатра. Беспардонная наглость Бейлисса приводила его в бешенство. Пальцы его лихорадочно перебирали пластины жалюзи. Внезапно он ощутил нестерпимое желание разрушить весь этот дом и к чертовой матери удрать подальше. Фанерные стены с похожей на спичечные коробки обстановкой казались ему глупой картонной тюрьмой. Все, что терзало его здесь, все эти нервные срывы и кошмар-

ные призраки, похоже, были специально спровоцированы самим Бейлиссом.

Ларсен почувствовал, что стимулятор сегодня необычайно мощный. Он действовал постепенно и неумолимо. Напрасно Ларсен пытался бороться; отправившись в спальню, он раздраженно пнул ногой свой чемодан, потом выкурил две сигареты подряд, даже не заметив этого.

В конце концов его терпение лопнуло, он выскочил из домика и кинулся по бетонной дорожке, решившись выяснить все до конца и добиться успокоительного.

Шале Бейлисса было пустым. Ларсен обежал все комнаты, заглянул на кухню, в спальню и, услышав шум воды, понял, что Бейлисс принимает душ. Постояв еще немного, он решил вернуться к себе.

Ларсен быстро пересек площадку, залитую солнечным светом, и, не дойдя десятка шагов до двери, увидел, что там стоит человек в синем костюме и смотрит на него.

С рвущимся в груди сердцем Ларсен отшатнулся назад, узнав своего двойника за миг до того, как смог заметить полную смену одежды на нем, гладко выбритое лицо и новую прическу. Двойник держался робко, он шевелил пальцами и, казалось, хотел шагнуть вперед, на залитую солнцем площадку.

Ларсена отделяло от него не больше десяти футов по прямой бетонной дорожке, кончавшейся дверью в шале Бейлисса. Отступив назад и влево, где лежала тень от гаража, Ларсен остановился и попытался успокоиться. Двойник все еще медлил у двери; Ларсен был уверен, что стоит он там давно. Призрак был отвратителен не столько тем, что любому противно видеть точную копию самого себя, а каким-то мертвенным глянцем кожи. Казалось, перед ним стоял труп или восковая фигура. Именно это особенно поразило Ларсена. Между тем двойник находился на расстоянии вытянутой руки от почтового ящика, где был спрятан револьвер 38-го калибра, и никакая сила не могла заставить Ларсена приблизиться к нему.

Он решил пробраться в шале, чтобы понаблюдать за дублем сзади. Не рискнув воспользоваться дверью в кухню, рядом с которой стоял его гость, он решил обогнуть гараж и пробраться в дом через окно спальни с обратной стороны шале.

Спотыкаясь о кучи штукатурки и мотки какой-то проволоки, он вздрогнул от резкого окрика:

— Ларсен, ты кретин! Что, по-твоему, ты сейчас делаешь?

Это был Бейлисс, торчавший в окне своей ванной; Ларсен едва устоял на ногах и зло отмахнулся от Бейлисса. Тот пожал плечами и высунулся из окна, одновременно торопливо вытирая шею полотенцем.

Ларсен вернулся назад тем же маршрутом и, злобно глядя на Бейлисса, приложил палец к губам. В этот момент краем глаза он увидел у входа в гараж темную фигуру в синем костюме, стоявшую к нему спиной.

Двойник передвинулся. Ларсен застыл, позабыв про Бейлисса, и стал украдкой следить за призраком. Тот привстал на цыпочки, как это сделал Ларсен всего минуту назад, и, приподняв локти, встал в стойку. Глаз его не было видно, но, судя по позе, глядел он прямо на входную дверь.

Ларсен посмотрел туда же. Первая фигура в синем костюме находилась на прежнем месте, щурясь от яркого света и всматриваясь в залитую солнцем площадку перед собою.

Ага, значит, двойников стало двое. С минуту Ларсен растерянно смотрел на две фигуры, торчавшие по обе стороны бетонного покрытия и похожие на автоматические экспонаты в музее восковых фигур.

Двойник, стоявший спиной, повернулся на одной ноге и пошел на Ларсена. Он смотрел перед собой невидящими глазами, и яркое солнце озаряло его лицо. Даже сквозь приступ дикого страха Ларсен заметил, как поразительно схожи двойники с ним самим — те же полные щеки, та же родинка у правой ноздри, белая кожа над верхней губой, слегка порезанная бритвой — след сбритых усов. Двойник был в состоянии шока — нервно прыгающие губы, напряженные мышцы шеи и лица; ужас под маской мнимого спокойствия.

Это было выше сил Ларсена, и, сдерживая крик, он повернулся и побежал. Остановился за две сотни ярдов от бордюра бетонной площадки, уже в пустыне. С трудом восстанавливая дыхание, он смотрел, как один двойник обходил гараж, спотыкаясь о брошенную проволоку, а другой пересекал площадку между шале. Ни о чем не догадывающийся Бейлисс воевал с окном ванной комнаты, пытаясь открыть его так, чтобы оно не мешало обзору.

Стараясь успокоиться, Ларсен вытер лицо рукавом пиджака. Значит, Бейлисс не ошибался, хотя, очевидно, он не знал, что во время приступа можно видеть сразу несколько дублей. Причем раздвоение Ларсена произошло последовательно и быстро — всего за пять минут, и каж-

дый призрак возник в самый переломный момент. Размышляя о том, не стоит ли просто выждать, когда двойники пропадут сами собой, Ларсен вспомнил про револьвер в почтовом ящике. Какой бы сомнительной ни была надежда на оружие, но другой у него не было. Только с его помощью можно было проверить подлинность этих монстров.

Опустившись на четвереньки, Ларсен пополз по песчанику, изредка замирая и оглядываясь. Оба призрака пока оставались на своих местах, а вот Бейлисс справился с окном и пропал из виду.

Ларсен добрался до края бетона и пополз по его кромке к тому месту, где старая железная цистерна сулила хорошее укрытие и возможность вести обзор. Чтобы добыть револьвер, он решил обогнуть шале Бейлисса сзади, тогда двери его собственного гаража окажутся свободны, если забыть о призраке, стоявшем у гаража.

Ларсен уже было двинулся вперед, но что-то заставило его оглянуться.

Вдоль камня, прямо по направлению к нему, опустив голову, почти отталкиваясь руками от земли, неслось громадное, напоминавшее крысу существо. Через каждые десять-пятнадцать ярдов оно останавливалось, глядело в сторону шале, и Ларсен с ужасом увидел, что лицо этого существа — безумное, обезображенное страхом — еще одна копия его самого!

— Ларсен! Ларсен!

Бейлисс стоял возле шале и показывал рукой в сторону пустыни. Ларсен оглянулся на призрак, приближавшийся к нему, — их разделяло не больше тридцати ярдов, — затем вскочил и стремглав понесся к Бейлиссу.

Психиатр крепко схватил его за руку:

— Ларсен, что происходит? У тебя приступ?

Ларсен, тяжело дыша, тыкал пальцем на фигуры, окружавшие его.

— Останови их, Бейлисс, ради бога, — с трудом выдохнул он. — Я не могу от них отделаться.

Бейлисс встряхнул его.

— Ты что, видишь уже не одного? Где они? Покажи мне!

Ларсен указал на две четкие фигуры, словно парящие возле шале, а потом слабо ткнул рукой в направлении пустыни.

— Рядом с гаражом, и вот тут, у стены. Еще один прячется там, за камнями.

Бейлисс потянул его за руку.

— Пойдем-ка, ты должен встретиться с ними лицом к лицу, прятаться бессмысленно.

Он тянул Ларсена к гаражу, но тот сполз на бетон.

— Я не в силах, Бейлисс, верь мне. У меня в почтовом ящике револьвер. Достань его. Это единственное, что остается.

Бейлисс испытующе посмотрел на Ларсена.

— Ну, ладно. Постарайся выдержать.

Ларсен показал на домик психиатра.

— Я буду находиться там. Я тебя жду.

Когда Бейлисс исчез, он поплелся к его шале, но на полдороге зацепился за обломки лестницы, валявшиеся на земле, и вывихнул правую лодыжку.

Сжимая раненую ногу руками, Ларсен опустился на землю как раз в том миг, когда между шале появился Бейлисс с револьвером в руке. Он пристально озирался по сторонам, и Ларсен уже решил позвать его.

Но, прежде чем он успел открыть рот, из-за бочки вынырнул двойник и побрел к Бейлиссу по бетонной площадке. Он был истрепан и измучен, пиджак сваливался с плеч, узел галстука сполз к уху. Значит, призрак все еще преследовал его, копируя каждый его жест и шаг, как обезумевшая тень.

Ларсен вновь хотел позвать Бейлисса, но то, что он увидел, лишило его голоса.

Бейлисс глядел на его копию.

Превозмогая боль, Ларсен выпрямился, и тут ему стало по-настоящему страшно. Он хотел как-то привлечь к себе внимание Бейлисса, объяснить, что это он, Ларсен, что он здесь, но Бейлисс видел только двойника, а двойник указывал на другие фигуры, согласно кивавшие в ответ.

— Бейлисс! — Крик утонул в громе выстрела. Бейлисс палил куда-то между гаражами, и эхо выстрелов разнеслось между шале. Двойник был все еще рядом, он показывал рукой во все стороны. Бейлисс поднял револьвер и вновь нажал курок. Звуковая волна ударилась в бетон, оглушив Ларсена и вызвав у него приступ дурноты.

Кажется, теперь Бейлисс тоже видел одновременно всех двойников Ларсена, личность которого за последние дни вытеснила из его сознания все остальное. Повторение образа Ларсена, торопящегося к нему, спотыкаясь, и тычущего рукой во все концы, возникло у него в мозгу, и это произошло как раз в тот миг, когда палец его лег на курок.

Ларсен пытался уползти прочь и спрятаться за углом

шале. Очередной выстрел разорвал воздух, вспышка отразилась в окне ванной.

Ларсен был уже почти у цели, когда услыхал крик Бейлисса. Держась рукой за стену, он обернулся.

С широко открытым ртом Бейлисс безумными глазами смотрел на него в упор, словно гранату, стиснув в руке револьвер. Рядом с ним спокойная фигура в синем костюме поправляла галстук. Наконец Бейлисс понял, что видит двух Ларсенов: одного совсем рядом, а другого в двадцати ярдах поодаль, у стены шале.

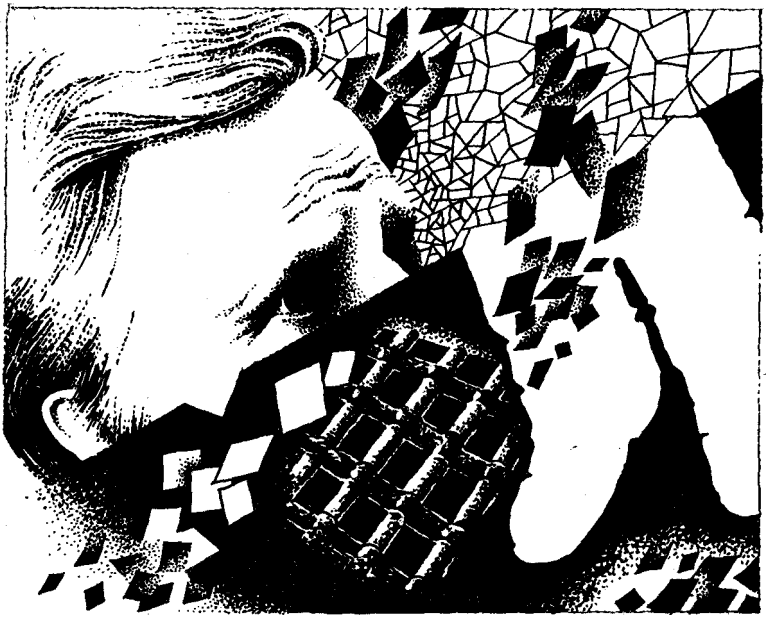
Который из них настоящий? Разгадать этот ребус он был уже не в силах

В этот миг двойник поднял руку и указал на Ларсена тем самым жестом, которым Ларсен показывал на двойника минуту назад.

Ларсен попробовал закричать, потом повернулся к стене и пополз вдоль нее. За его спиной прогремели по бетону ботинки Бейлисса.

Из трех выстрелов он услышал только первый.

ОДНИМ МЕНЬШЕ

— Боже, куда же он мог пропасть?

Этот вопль души вырвался у доктора Меллинджера, главного врача психиатрической клиники «Грин Хилл», когда он в панике метался от рабочего стола к высокому окну со стрельчатым сводом. Смятение, охватившее следом за ним весь персонал клиники, было вызвано загадочным исчезновением одного из больных.

За двенадцать часов, прошедших с момента пропажи, сам директор и его врачи испытали широкую гамму ощущений. Неверие и острая досада первого момента сменились в конце концов состоянием чуть ли ни восторженного недоумения.

Будто решив посмеяться над медиками, больной Джеймс Хинтон сумел не просто удрать — до него это никому не удавалось, — но еще и умудрился не оставить никаких следов своего бегства. Доктор Меллинджер все еще тешил себя надеждой, что беглец прячется где-нибудь на территории клиники. Как бы то ни было, все говорило о том, что скрыться Хинтон мог, только вознесясь к небесам.

В любом бедствии есть и положительные стороны, ус-

покаивал себя доктор Меллинджер, постукивая по столу костяшками пальцев. Пропажа пациента вскрыла недостатки в системе охраны и контроля, что должно стать своего рода холодным душем для заведующих отделениями. Когда эти несчастные во главе с заместителем главного врача лечебницы Нормандом предстали перед его очами для участия в срочном утреннем совещании, Меллинджер бросил поочередно на каждого из них пронзительный взгляд. Однако ничего не читалось на бледных после ночного бдения физиономиях, тем более что все они тупо уставились в пол, словно в последней надежде отыскать этого наглого Хинтона где-нибудь в сетке ковра из толстого поролона.

Всего-то один беглец, думал главный врач, а какую опасную реакцию попечителей вызовет громкий скандал, порожденный за пределами клиники известием о бегстве из лечебницы больного-лунатика с маниакальной тягой к убийству. А если к этому добавить тот факт, что полицию в течение двенадцати часов не известили о случившемся, то страшно и подумать.

Теперь он понимал, как был неправ, когда запретил обращаться за помощью к властям. Только это и помешало ему возложить всю ответственность за случившееся на кого-то другого, ну хотя бы на доктора Мендельсона — заведующего не столь уж важным для клиники отделением патологии — и повесить на него вместо себя всех собак.

Врожденное упрямство и привычка стоять на своем до последнего удержали Меллинджера от того, чтобы поднять на ноги всех в тот же момент, когда обнаружилось исчезновение, так как он не был уверен, что пациент находится за пределами клиники. Теперь у него уже не было сомнений — Хинтон в самом деле сбежал, и тем не менее Меллинджер упорно не хотел в это поверить.

Зато сослуживцы его за прошедшие двенадцать часов в полной мере осознали, как он просчитался. Это открыто читалось в лицемерном взгляде доктора Норманда, да и остальные сразу поняли, что директорское кресло под Меллинджером зашаталось. Если беглец не будет обнаружен в ближайшее время, ему никогда не объясниться ни перед властями, ни перед попечителями.

И все-таки, напомнил себе доктор Меллинджер, он пока еще главный врач, а его волю и хитрость никто отнять не сможет.

— Так где же он, по-вашему, находится?

В этом вопросе он усилил акцент на предпоследнем слове. И его подчиненным стало ясно, что неудачные по-

иски Хинтона переносят ответственность за это ЧП с самого руководителя лечебницы на кого-то из них. Вопрос завис в воздухе, и Меллинджер уставился на троих не успевших позавтракать подчиненных.

— Значит, вы не отыскали его? Потрудитесь не дремать, господа! Я спал не больше вашего, но вас при этом не мучили кошмары.

Произнеся эту тираду даже без намека на улыбку, доктор Меллинджер саркастически посмотрел на окаймленную рододендронами дорожку, точно надеялся, что пропавший пациент в этот момент прогуливается по парку.

— Доктор Редлат, что скажете?

— Мы продолжаем поиски, господин главный врач.

Доктор Редлат, заведующий регистратурой, формально отвечал и за службу охраны клиники.

— Мы прочесали всю территорию клиники, все спальные и пищевые блоки, ангары, мастерские и прочие подсобные помещения, даже пациенты помогали нам, — но не нашли ничего, за что можно было бы зацепиться. Мне очень жаль, но я не вижу ничего лучшего, чем известить власти о побеге.

— Чепуха! — Доктор Меллинджер опустился в кресло, положив руки на стол и скользя взглядом по его гладкой поверхности. — Нужно ли паниковать из-за вашей беспомощности? До тех пор, пока у нас есть шансы найти Хинтона, стоит ли беспокоить полицию?

— Несомненно, вы правы, господин главный врач, — угодливо поддакнул ему доктор Норманд, — но в то же время, поскольку мы убеждены, что пропавший больной в клинике отсутствует, напрашивается вывод, что он, ergo*, находится за ее пределами. А раз это так, то можно говорить лишь о нашей помощи полиции, а не наоборот, верно?

— Совсем неверно, мой дорогой друг, — вкрадчиво возразил Меллинджер. Взвешивая предстоящий ответ, он внезапно понял, что с самого начала не верил своему заместителю и уж, конечно, не считал его близким другом; при первой же возможности тот попытается занять кресло главного врача и получит в этом всяческую помощь со стороны Редлата. Для последнего же это единственный шанс замазать свои грехи в «деле Хинтона» (а случай этот наверняка получит такое наименование) и вырваться из западни, навсегда отдавшей его в руки Меллинджера. — Если бы вы предоставили хоть какие-нибудь доказательства

* Ergo (лат.) — следовательно.

того, что Хинтон действительно сбежал — например, связанные простыни или отпечатки обуви на газоне, — тогда другое дело. Но ведь таких доказательств у вас пока нет, не правда ли? Из того, что вы нам доложили, явствует — и такой вывод неопровержим, — что пациент до сих пор находится в «Грин Хилл», а если быть последовательным, то не просто в клинике, а даже в своей палате. Судите сами: решетка на окнах не распилена, дверь не взломана, а ключ от нее в период между последним контактом с больным и его исчезновением находился у доктора Бута. — И он ткнул пальцем в стройного молодого человека с обеспокоенным взглядом.

— Доктор Бут, вы лечащий врач Хинтона. Скажите, вы в самом деле вчера вечером были последним, кто видел больного?

Доктор Бут без особого восторга кивнул. Он начинал понимать, что честь быть «первооткрывателем» бегства Хинтона может принести не только лавры, но и тернии.

— Я был у него в семь, сэр, во время вечернего обхода. Но через полчаса после меня к нему заходила ночная медсестра, она-то и видела его последней. Так как лечение ему еще не назначалось — больной был оставлен для простого наблюдения, — палата не запиралась. Вскоре после девяти я собрался посетить пациента...

— А почему? — Главный врач сомкнул кончики пальцев обеих рук в фигуру, напоминающую неф кафедрального собора. — В этом загадочном деле ваш поступок выглядит самым загадочным. Что толкнуло вас всего через полтора часа после обхода оставить свой комфортабельный кабинет на нижнем этаже и направиться вверх по лестнице, дабы еще раз осмотреть больного? Разве дежурный врач не мог сделать это? Мотивы вашего поступка, доктор Бут, сложно понять.

— Но, господин главный врач! — Доктор Бут даже подпрыгнул в кресле. — Вы что же, считаете меня сообщником Хинтона? Клянусь вам...

— Не нервничайте, доктор, — Меллинджер успокоительно поднял гладкую бледную руку. — Я совсем не подозреваю вас. Давайте считать, что я просто выясняю «подсознательные мотивы».

Но вконец расстроенный Бут снова возразил:

— Господин главный врач! В моем поступке не было никаких «подсознательных мотивов», как вы изволите выражаться. Сейчас я даже не могу припомнить, почему решил взглянуть на Хинтона, но какие-то незначительные

основания для этого, конечно же, были. Я ведь практически не знал этого больного.

Доктор Меллинджер наклонился через стол.

— Вот об этом-то я и говорю, доктор. Думаю, что вы его вообще не знали. — Меллинджер изучал свое собственное перекошенное отражение в серебряном чернильном приборе. — Прошу вас, доктор Бут, опишите нам внешность больного.

Бут растерялся.

— Он был... ну, невысокий, как мне кажется, с... да с темными волосами и очень бледный. Глаза были... мне хотелось бы посмотреть историю болезни, это помогло бы мне вспомнить, господин главный врач.

Меллинджер оставил несчастного Бута и взялся за Редлата:

— Ну, а вы-то, конечно, помните, какова была внешность Хинтона, доктор?

— Боюсь огорчить вас, сэр. Я его вообще никогда не видел. — Редлат повернулся в сторону заместителя директора. — Я думаю, что доктор Норманд разговаривал с больным, когда его привезли?

Было видно, как напрягся Норманд.

— Его как будто оформлял мой ассистент. Кажется, Хинтон был среднего роста, без каких-либо запоминающихся примет. Не высокий, и не низкий, среднего роста, в общем. Такой приземистый. — Он крепко сжал губы. — Видимо, так. Точнее, не так. Да, конечно, его оформлял не я.

— Великолепно, — доктор Меллинджер как-то сразу ожил, в глазах его засверкала ироничность, настроение заметно улучшилось. Злость и напряжение, столько времени угнетавшие его, начинали улетучиваться. — А не доказывает ли это, дорогой Норманд, что мы подняли на ноги всех, чтобы найти человека, которого никто не сумеет опознать? Я боюсь разочароваться в вас, доктор Норманд. Я всегда полагал, что вы рассудительный человек и глубокий аналитик, а вы, оказывается, в своих поисках больше надеетесь не на эти качества, а на помощь провидения.

— Но, господин главный врач, я же не в силах запомнить внешность каждого больного.

— Достаточно, господа! — Доктор Меллинджер, крайне довольный, покинул кресло и зашагал взад-вперед. — Все эти факты не могут не тревожить меня. Видимо, необходимо пересмотреть всю систему взаимоотношений нашего персонала с больными. Пациенты «Грин Хилл» отнюдь не безликие манекены, не нули, господа, — это

личности со свойственными каждому индивидуальными особенностями. Мы не имеем права относиться к ним как к пустышкам, к фикции, к безмолвной истории болезни. Это отношение и приводит к тому, что мы можем незаметно для себя потерять своего пациента. В ближайшем будущем нам необходимо самым тщательным образом осмотреть всех больных. Мы должны заново ознакомиться с каждым из них и проверить, насколько наши поверхностные и легкомысленные суждения о пациентах соответствуют истинному положению вещей. — Возбужденный собственным красноречием, доктор Меллинджер шагнул в лавину солнечного света, бившего в окно, точно хотел, чтобы сияние его мудрости стало ярче и виднее подчиненным. — Вот какая важная проблема возникла перед нами, но мы решим ее и создадим подлинно новый «Грин Хилл» — клинику без привидений и мистических чудес, где отношения больных с персоналом будут строиться на полном взаимопонимании и ответственности каждой из сторон.

Эта тирада завершилась напряженным молчанием. Наконец, доктор Редлат, откашлявшись, дерзнул вернуть шефа на грешную землю, задав неприятный вопрос:

— А как же Хинтон, сэр?

— Что Хинтон? Ах, да, конечно, Хинтон. — Меллинджер остановился, приняв позу епископа, готового благословить толпу верующих. — «Дело Хинтона» следует рассматривать как иллюстративный материал к процессу переоценки нашей деятельности, как элемент самоконтроля.

— Мы продолжим поиски? — не отставал Редлат.

— Естественно. — На миг плавное течение мыслей Меллинджера исказилось. — Конечно, необходимо разыскать Хинтона. Он не исчез, его дух витает по «Грин Хилл», это огромная метафизическая шарада. Отгадайте ее, господа, и вы познаете тайну пропажи Хинтона.

Уже не один час доктор Меллинджер в полном одиночестве бороздил свой кабинет, изредка протягивая руки к едва тлевшему камину. Пламя иногда оживало, и языки его плясали вокруг вытяжки в том же ритме, в каком на задворках мозга танцевали разбросанные мысли самого доктора Меллинджера. И все-таки он обнаружил свет в конце тоннеля. С самого момента исчезновения Хинтона доктор был убежден, что это загадочное событие выходит за рамки просто ослабленного контроля персонала, а от-

ражает фатальные недостатки в принципах организации работы вверенного ему лечебного заведения.

Влекомый этими мыслями, доктор покинул апартаменты и спустился этажом ниже, где размещалась администрация лечебницы. Кабинеты пустовали, все служащие были брошены на розыски беглеца. Изредка тишину разрывали вопли пациентов, не получивших в срок своего завтрака из-за общей суматохи, царившей в клинике. Однако стены ее были массивными, а высокая плата, которую запрашивали за содержание больных, позволяла не гнаться за их количеством и не переполнять больничные отделения, если к тому не было веских оснований.

Психиатрическая клиника «Грин Хилл» (чей девиз и главное достоинство: «Далеко-далеко зеленый тот холм»*) выгодно отличалась от других подобных лечебниц. Ее попечители — в основном сливки общества — финансировали, и притом щедро, не столько психолечебницу, сколько скрывающуюся за ее вывеской частную тюрьму. В нее направляли пораженных различными пороками злополучных родственников, которых общество по разным причинам отринуло от себя: упирающихся в нежелании покинуть сей мир родителей сыновей-монстров, дряхлых тетушек, упорно цепляющихся за никому не нужную девственность, стариков-кузенов — принципиальных холостяков, плативших теперь за свои юношеские шалости; словом, разжалованных и сосланных за ненужностью офицеров армии состоятельных людей. Таковы были пациенты, и их опекунов заботила в первую очередь надежность охраны клиники, а уж никак не лечение и уход за больными. Обитатели «Грин Хилла» должны были исчезнуть из большого мира и не возвращаться в него до тех пор, пока оставались деньги на оплату больничных счетов. Это устраивало и попечителей, и клинику. Потому-то бегство Хинтона было чревато крупным скандалом.

Войдя в распахнутую дверь кабинета Норманда, Меллинджер с любопытством осмотрелся. На рабочем столе, ящики которого Норманд в суете даже не задвинул, валялась тонкая папка с документами и фотоснимком.

Некоторое время Меллинджер равнодушно смотрел на нее. Потом, выглянув за дверь, он решительно сунул папку под мышку и вышел в пустой коридор.

Из глубины парка, из-за густых кустов раздавались голоса, их гул доносился до доктора Меллинджера. Положив

---

* Фраза из английской народной песни «Грин Хилл» («Зеленый холм»).

историю болезни на стол, он раскрыл ее и взглянул на фотоснимок, который почему-то был перевернут. Даже в таком неестественном положении лицо не выглядело примечательным. Нос без горбинки, щеки симметричные, лоб чистый, уши немного отвислые, словом, совершенно стандартная внешность без намека на какую-либо индивидуальность.

Он приступил к знакомству с историей болезни, и тут его охватил праведный гнев. Загадка Хинтона и любые свидетельства его подлинного существования доводили главного врача до приступов омерзительной тошноты. Он никак не хотел примириться с тем, что какой-то безумец со стандартной физиономией посмел вызвать такой переполох в солидном лечебном учреждении. Неужто пара клочков бумаги подтверждают право этого убогого существа на реальную жизнь?

С отвращением захлопнув папку, Меллинджер поднял ее кончиками пальцев и подошел к камину. Отвернувшись, он услышал за спиною ворчание огня, затем тишину и вздохнул с глубоким облегчением. Секундой позже в дверях кабинета возник переминающийся с ноги на ногу доктор Бут.

— Мой милый друг, прошу вас, заходите! Я благодарен вам, что вы не пожалели для меня своего драгоценного времени. — Проговорив все это, доктор Меллинджер усадил доктора Бута в почетное кресло у камина и раскрыл перед ним серебряный портсигар. — Мне хотелось бы выслушать ваше мнение об одном деликатном деле, думаю, мало кто, кроме вас, сумеет понять меня.

— Всегда к вашим услугам, господин главный врач, — с готовностью ответил Бут. — Считаю большой честью, что вы обратились ко мне.

Меллинджер возвратился за свой письменный стол.

— Речь пойдет о крайне необычном случае — лично я за всю свою практику не встречал еще ничего подобного. Я считаю, что это имеет самое прямое отношение к одному из ваших больных.

— Кого вы имеете в виду, если это не секрет?

— Хинтона, — ответил Меллинджер, буравя собеседника взглядом.

— Хинтона!?

— Вас это удивляет? — продолжил Меллинджер, не давая Буту времени опомниться. — Вы весьма своеобразно реагируете на это имя.

— Мы продолжаем его искать, — робко произнес док-

тор Бут, пытаясь угадать ход мыслей шефа. — К сожалению, никаких следов этого больного обнаружить так и не удалось. Доктор Норманд высказал мнение, что нам не остается ничего другого, кроме как известить...

— Ах, доктор Норманд! Ясно, — Меллинджер оживленно прервал своего подчиненного. — Он должен прийти сюда, как только освободится, я пригласил его с историей болезни Хинтона. А не приходит ли вам в голову, коллега, что, может быть, мы вообще разыскиваем не того, кого следует?

— Прошу прощения, сэр?..

— А где гарантия, что тот, за кем мы так упорно гоняемся, в самом деле Хинтон? И, главное, не отвлекают ли нас все эти поиски от проблемы куда более глобальной и насущной, проблемы, от решения которой зависит будущее «Грин Хилл», на что я уже неоднократно указывал. Вот что не допускает отлагательства. — Прежде чем продолжить, доктор Меллинджер поднял голову и задумчиво облизнул губы, как бы дегустируя свои размышления. — Итак, доктор Бут, попробуем проанализировать, в чем же заключается роль Хинтона, или даже, если быть скрупулезно точным, роль всей совокупности в чем-то совпадающих и параллельных фактов, которую мы договоримся пока условно обозначать условным термином «комплекс Хинтона».

— Мы должны проанализировать этот комплекс, сэр? Вы подразумеваете — диагностировать?

— Нет-нет, Бут. Речь идет о феномене Хинтона, о его чисто метафизической сути. Короче: думали ли вы о том, почему мы так мало знаем об этом загадочном больном, почему у него нет индивидуальности, почему он не оставил практически никаких следов?

— Я даже не пытаюсь оспорить ваши слова, господин главный врач, — повинился Бут. — Не могу себе простить, что был так преступно равнодушен к своему пациенту.

— Ну, полно, полно, доктор! Я ведь знаю, какой огромный объем работы вы выполняете. В ближайшем будущем я намерен внести кардинальные изменения в работу нашей клиники, и, смею вас заверить, ваш титанический труд получит надлежащую оценку. Абсолютно убежден, что на один из главных административных постов (позвольте пока умолчать, какой именно) лучшего кандидата, чем вы, не найти.

Не поднимаясь с кресла, Бут подтянулся — беседа принимала весьма интересный для него характер. Доктор

Меллинджер оценил это проявление благодарности поощрительным наклоном головы.

— Как я уже отмечал, доктор, в вашем ведении много больных. Все они в одинаковой больничной одежде, помещены в совершенно идентичные палаты, пользуются в большинстве одинаковым лечением. Признаюсь вам, — доверительно сообщил главный врач, не пряча лукавой улыбки, — для меня тоже все они кажутся похожими друг на друга. Право же, когда доктор Норманд или вы извещаете меня о поступлении нового больного, я непроизвольно представляю личность с характерной для нашего учреждения внешностью: одинаковые пустые глаза, распущенные губы, бесформенное лицо; а зовут ли его Смит, Браун или Хинтон, совершенно неважно.

Разведя руками, Меллинджер низко склонился над столом.

— Из моих предположений, доктор, следует логический вывод: очевидно, автоматизм мышления проявился и в случае с так называемым Хинтоном. Возможно, что вы наделили индивидуальными, но стандартными чертами абсолютную фикцию, личность, которой нет.

Доктор Бут нерешительно кивнул.

— Кажется, я постигаю вашу мысль, сэр. Вы считаете, что Хинтон — точнее то, что мы называем Хинтоном, — есть не что иное, как искаженное воспоминание о каком-то другом больном.

Он нерешительно замолчал и, посмотрев на шефа, ощутил, что тот гипнотизирует его, как кобра свою жертву.

— Доктор Бут, прошу ответить, какими доказательствами подлинного существования Хинтона мы располагаем?

— Ну, кое-что имеется, сэр, хотя бы... — Бут никак не мог прийти в себя, — хотя бы документы о поступлении. Ну, конечно, еще история болезни.

Меллинджер посмотрел на него с сочувствием и великодушно улыбнулся.

— Милый Бут, то, что вы называете, просто жалкие бумажные лоскуты. И это вы считаете доказательством подлинности человека? Да знаете ли вы, о чем думает машинистка, пока печатает! Она вам такого насочиняет... За доказательство можно принять лишь физическое появление субъекта во времени и в пространстве, либо в крайнем случае четкие представления в памяти об этом появлении. Положа руку на сердце, сможете ли признать выполненным любое из этих условий?

— Увы, сэр. Думаю, что не смогу. Правда, я имел бе-

седу с больным, который, по моему убеждению, являлся Хинтоном.

— А был ли это действительно Хинтон? — голос главного врача посуровел, в нем зазвучали металлические нотки. — Напрягите-ка память, не обольщайтесь. Может быть, против вас сидел совсем другой пациент. Да разве вы рассматривали его? Самое вероятное, вам просто подвернулась такая фамилия в одном из списков, и вы подумали, что именно ее обладатель находится рядом с вами...

Раздался вежливый стук в дверь, и на пороге возник доктор Норманд.

— Здравствуйте, господин главный врач.

— Прошу вас, входите Норманд. Наша беседа с коллегой Бутом чрезвычайно интересна и поучительна. Теперь я твердо надеюсь, что мы на пороге разгадки феномена Хинтона.

Норманд нехотя покивал головой.

— Это не может не радовать, сэр. Просто гора с плеч. А то я уже считал, что это прискорбное событие следует придать огласке. Все-таки прошло почти двое суток.

— Милый мой, видимо, вы неправильно меня понимаете. Дело в том, что мы коренным образом пересмотрели свое отношение к феномену Хинтона. Помощь доктора Бута оказалась просто неизмеримой. Мы говорили о перспективе выдвижения его кандидатуры на один из основных административных постов. Вы захватили историю болезни Хинтона?

— Я... мне очень жаль, сэр, нет. — Норманд покаянно потупил взор. — Видимо, ее на время куда-то переложили. Я отдал команду, чтобы ее разыскали и принесли к вам.

— Да, потрудитесь, Норманд. — Поддерживая Бута под локоток, Меллинджер любезно подвел его к двери. — Мне нравится ваш образ мышления, доктор. Вы поразительно гибки и восприимчивы. Это очень привлекательно. Работайте с персоналом в том же направлении. Продолжайте пробиваться сквозь туман иллюзий и домыслов, которым одурманен их разум. Не уставайте разъяснять им, что одни иллюзии порождают другие и так продолжается до того момента, когда в определенной обстановке домысел становится псевдореальностью. Многократно повторяйте им, что наша клиника нуждается в работниках с трезвым мышлением. Думаю что в конце концов ни один из них не сможет с полной уверенностью утверждать, что в самом деле встречал Хинтона.

Проводив Бута, главный врач уселся на свое место. На

некоторое время он как будто забыл о присутствии Норманда. Потом встрепенулся.

— Простите, доктор! Где же все-таки история болезни Хинтона? У вас ее нет?

— Увы, сэр. Я уже говорил вам...

— Пустое, Норманд, успокойтесь. — Доктор Меллинджер послал растерявшемуся Норманду самую лисью из всех своих улыбок. — Я придерживаюсь высокого мнения и о вас, и о ваших профессиональных качествах. Уверен, что в административном отделении не пропадает ни одна бумажка, не говоря уже о таком важном документе, как история болезни. Скажите лучше, доктор, а твердо ли вы верите в то, что эта пропавшая история действительно лежала когда-нибудь на вашем столе?

— Нет сомнений, сэр, — молниеносно отреагировал Норманд. — Признаюсь, что лично я ее не смотрел, но ведь история болезни заводится на каждого больного, доставленного в нашу лечебницу.

— И в то же время, Норманд, — слащаво произнес главный врач, — того больного, о котором идет речь, в лечебнице не обнаружено. Не знаю, существует ли предполагаемая история болезни, но самого Хинтона нет и не было.

Он смолк и пронзил Норманда пристальным взором.

Минула неделя. Главный врач клиники проводил в своем кабинете итоговое совещание. Атмосфера была дружеской: трое подчиненных блаженствовали в придвинутых к камину креслах, а хозяин кабинета, облокотившись на крышку стола, бдительно следил за тем, чтобы бокалы своевременно наполнялись лучшим его хересом.

— Таким образом, господа, — произнес Меллинджер, обобщая все сказанное, — бросив взгляд назад, мы вправе оценивать минувшие семь дней как этап трезвого и беспощадного саморазоблачения, которое делает нам всем честь. То был жестокий, но полезный урок, напомнивший о святая святых нашего дела — неукоснительном долге всех работников «Грин Хилл» различать, где находится реальность, а где — псевдореальность. Предаваться иллюзиям и химерам простительно нашим пациентам, мы же должны сохранять абсолютную трезвость мысли. Любое предположение можно считать действительностью только тогда, когда оно подтверждается нашими бесспорными ощущениями. Вернемся еще раз к «комплексу Хинтона».

В этом случае нагромождение условных допущений и вымыслов — достаточно правдоподобных, признаюсь, — привело к тому, что абсолютно иллюзорная фигура несуществующего пациента вызвала к жизни целое здание коллективной фантазии. Чья-то незначительная ошибка (есть основания считать, что в ней виновна одна из машинисток административного отдела) создала вымышленного человека, который сперва получил имя Хинтона, затем обрел индивидуальность и вместе с нею охранника, медперсонал, лечащего врача. Сила этого вымысла и связанной с ним цепи ошибок была столь велика, что когда мираж рассеялся и за тенью не обнаружилось забора, который должен был ее отбрасывать, возникшая пустота трансформировалась в лжеидею о побеге этого фантома.

Доктор Меллинджер закрепил свою тираду выразительным жестом, и его подчиненные закивали, как китайские болванчики.

Меллинджер обогнул стол и устроился в кресле.

— Думаю, господа, что мое временное отстранение от служебной рутины оказалось большой удачей для нашей клиники. То, что вы возложили на свои плечи наши будничные заботы, позволило мне использовать относительную свободу от них, дабы проанализировать и суммировать все аспекты «комплекса Хинтона» и прийти к единственному бесспорному выводу: больной по имени Хинтон существовать не может.

— Великолепный образец логического мышления, — громко, чтобы все слышали, прошептал Редлат.

— Несомненно, — поддержал коллегу Бут.

— Поразительный дар предвидения! — присоединился к ним Норманд.

Внезапно в дверь постучали. Раздраженно отмахнувшись, главный врач продолжил свою речь:

— Спасибо, господа. Понимаю, что без вашего активного соучастия мое предположение о том, что Хинтон есть не что иное, как нагромождение административных промахов, навсегда осталось бы недоказанной гипотезой...

Стук повторился. В дверном проеме возникла дежурная медсестра.

— Извините, сэр. Я прошу прощения, что должна...

Доктор Меллинджер прервал поток излияний.

— Пустое. Что вы хотите?

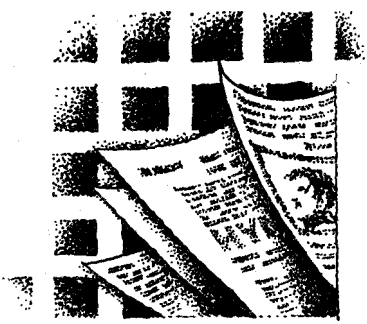
— Там визитерша, господин главный врач. — Она помолчала, выдерживая паузу, как хороший актер. — Это госпожа Хинтон, она хочет видеть мужа.

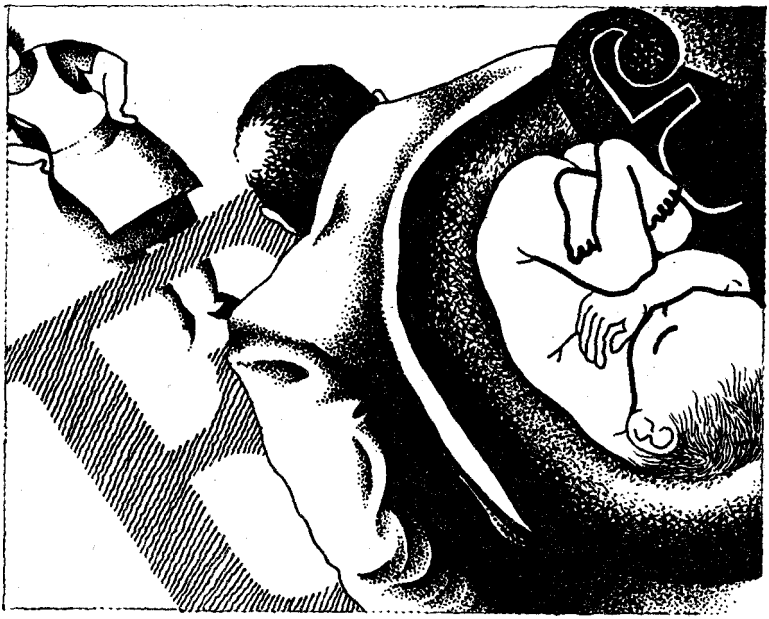
Все оцепенели. Забыв о хересе, трое медиков, дотоле блаженствовавших в своих креслах, застыли в самых неожиданных позах, а глава лечебницы словно превратился в изваяние. В кабинете стояла гробовая тишина, прерываемая лишь легким стуком каблучков за дверью.

Но доктора Меллинджера было нелегко выбить из седла. Он выпрямился в полный рост и послал коллегам пугающую зловещую улыбку:

— Повидать Хинтона? Нонсенс! Как можно видеть того, кто никогда не существовал! Несомненно, эта несчастная женщина страдает тяжкими галлюцинациями, ей необходима немедленная помощь. Пригласите ее. — После этих слов Меллинджер повернулся к трем своим коллегам. — Господа, наш профессиональный долг — помочь бедной даме. Прошу вас сделать все, на что вы способны.

Двумя меньше!

МИСТЕР ЭФ — ВСЕГДА МИСТЕР ЭФ

С ребенком нас трое.

...Одиннадцать часов. Должно быть, Хансон уже приехал. Элизабет! Черт побери, почему она всегда спешит?

Спустившись с подоконника, откуда была хорошо видна дорога, Фримэн поспешил к своей постели, юркнул в нее и разгладил на коленях одеяло. Когда его жена просунула голову в дверь, он доверчиво улыбнулся ей и сделал вид, что увлечен журналом.

— Все в норме? — спросила она, внимательно разглядывая его.

Ее дородное тело приблизилось, и она поправила постель. Фримэн занервничал и резко оттолкнул жену, когда та попробовала поправить подушки.

— Господи, Элизабет, я же не ребенок! — возмутился он, срываясь на дискант*.

— Что произошло с Хансоном? Уже полчаса, как он должен был приехать.

---

* Дискант — высокий мальчишеский голос.

Жена качнула большой красивой головой и подошла к окну. Просторное хлопчатобумажное платье скрадывало фигуру, но, когда она взялась за задвижку, Фримэн смог увидеть, как под легкой тканью явственно обнаружился овал беременности.

— Видимо, не успел на свой поезд.

Резким движением она прочно закрыла верхнюю задвижку, которую Фримэн пробовал опустить добрых десять минут.

— Мне послышался какой-то стук, — строго произнесла она. — Нам вовсе не надо, чтобы ты простудился.

В нетерпении — когда же она наконец уйдет — Фримэн посмотрел на свои часы. Но жена как будто специально задерживалась в ногах кровати, пристально глядя на него, и он сцепил зубы, чтобы не заорать на нее.

— Я готовлю вещи для ребенка, — проговорила она, будто раздумывая вслух. — И вспомнила, что тебе нужен новый халат. Этот давно износился.

Фримэн спрятал обнаженную грудь под отворотами, чтобы защитить реноме халата.

— Элизабет, я ношу его много лет и привык к нему. Что у тебя за мания заменять буквально все. — Он оборвал себя, почувствовав бестактность своих слов — ведь жена открыто льстила, ассоциируя его с их будущим ребенком. Он не должен забывать, что беременность ее поздняя, ведь ей было уже за сорок. И, наконец, сам Фримэн болел и не вставал с постели около месяца (он стыдился подсознательных мотивов своей болезни), а это только усиливало чувство вины перед женой.

— Прости, Элизабет. Очень мило, что ты так внимательна ко мне.

— Хочешь, пригласим врача?

«Нет!» — Что-то в нем взбунтовалось против этого. Словно подслушав его внутренний протест, жена согласно качнула головой.

— Ты скоро встанешь. Доверимся природе. Думаю, что тебе можно пока обойтись без врача.

— Пока?

Фримэн вслушивался в звуки ее шагов, пока она сходила по устланной ковром лестнице. Через пару минут в кухне загудела стиральная машина.

Пора! Фримэн выбрался из постели и заглянул в ванную. Шкаф возле умывальника был заполнен купленной или сшитой самой Элизабет детской одеждой, тщательно прокипяченной и простерилизованной. Большой квадрат марли накрывал ровные стопки на каждой полке, и Фримэн обратил внимание, что там господствовал голубой цвет, было чуточку белого, но совсем отсутствовал розовый.

«Надеюсь, Элизабет знает, что делает, — подумал он. — Если так, то ребенок будет наряжен лучше всех в мире. Похоже, вся текстильная промышленность работает только на нас одних».

Он наклонился, заглянул в нижнее отделение и достал из-под бака портативные весы. На нижней полке лежала коричневая униформа — комбинезон на шестилетнего ребенка. Рядом он заметил комплект курточек гораздо большего размера, подходящих чуть ли не ему самому. Скинув халат, он встал на весы. В зеркале на двери отразилось тщедушное, почти безволосое тело с впалыми плечами, узкими бедрами и тонкими, как у жеребенка, ногами.

Накануне он весил шесть стоунов* девять фунтов. Он оторвал взгляд от циферблата и прислушался к звукам стиральной машины в кухне, ожидая, пока стрелка весов перестанет колебаться.

Шесть стоунов два фунта! Цепляясь за полы халата, Фримэн спрятал весы под бак. Шесть стоунов два фунта. Потерять в весе семь фунтов за сутки! Он поспешил назад в кровать и сел на краешек; его трясла нервная дрожь, он судорожно попробовал нащупать пальцами пропавшие усы.

А ведь только два месяца назад его вес был больше одиннадцати стоунов. Семь фунтов в день, настолько быстро...

Его сознание не могло поверить этому. Стараясь унять дрожь в коленях, он взял журнал и машинально полистал его.

Двое и ребенок. Он обнаружил первые изменения шесть недель назад, почти тогда же, когда беременность Элизабет стала несомненной.

Бреясь в то утро в ванной перед уходом в офис, он заметил, что его усы поредели. Обычно жесткая щетина стала мягкой и податливой, приняв былую рыжеватую окраску.

Щетина на подбородке тоже посветлела. Всегда темная и густая, отраставшая за какие-нибудь несколько часов, теперь она подалась первому же касанию бритвы — кожа на лице стала розовой и нежной.

Фримэн подумал, что это странное омоложение каким-то образом связано с предстоящим рождением ребенка. Он женился на Элизабет сорокалетним и был на пару лет моложе ее; уже тогда он решил, что возраст не позволит ему быть отцом, тем более что он сознательно избрал Элизабет как идеальную преемницу своей матери и потому воспринимал себя скорее ее ребенком, чем полноправным партнером. Однако теперь, когда их ребенок обретал реальность,

---

* Стоун — мера веса, равная 6,33 кг.

он не ощущал к нему ревности. Похвалив себя, он решил, что просто вступил в новую фазу зрелости и теперь может успешно выступать в роли молодого папаши.

Этим объясняется исчезновение усов, редеющая борода, летящая молодая походка. Он начал тихо напевать:

— Я и Лизабет — высший класс — вместе с ребенком трое нас.

Позади себя в зеркале он видел спящую Элизабет; ее широкие бедра заполнили почти всю кровать. Ему было приятно смотреть, как она отдыхает. Вопреки его ожиданиям она по-прежнему больше заботилась о нем, чем о будущем ребенке, и даже не позволяла ему готовить самому свой завтрак. Причесывая волосы — густые белокурые пряди, — откидывая их так, чтобы прикрыть полысевший овал головы, он усмехнулся, вспомнив, что в книге о материнстве, которую они с Элизабет недавно прочли, много говорилось о супермнительности будущих отцов. Очевидно, жена поняла это слишком буквально.

Он крадучись возвратился в спальню и постоял перед распахнутым окном, блаженствуя в терпком воздухе раннего утра. Внизу, дожидаясь завтрака, он отыскал в шкафу в холле свою заброшенную теннисную ракетку и уже совсем разбудил Элизабет, когда, имитируя подачу, ненароком расколол стекло барометра.

Сперва Фримэн упивался возвратившейся энергией. Он катал Элизабет на лодке вверх и вниз по реке, мощно взмахивая веслами, радостно ощущая в себе физическую силу, которая в юности из-за его занятости не нашла выхода. Он сопровождал Элизабет в ее походах по магазинам, нагружаясь покупками для ребенка; его плечи стали шире, ему казалось, что он вырос на несколько футов. Но как раз в это время он почувствовал, что с ним творится что-то неладное.

Элизабет была крупной, своеобразно привлекательной женщиной с широкими плечами и тучными бедрами; она всегда ходила на высоких каблуках. Фримэн, среднего роста, плотный мужчина, чуть уступал ей ростом, что, однако, нисколько не смущало его.

Но когда он вдруг заметил, что теперь чуть достает до ее плеча, то начал тщательно наблюдать за собой.

Во время одного из посещений магазина (Элизабет теперь не ходила в них без Фримэна, всегда наивно советуясь с ним, точно ему самому предназначались в будущем все эти крохотные младенческие ползунки и кофты) продавщица простодушно приняла Элизабет за его мать. Ошарашенный Фримэн внезапно увидел несоответствие,

разделившее их — беременность привела к тому, что лицо Элизабет отекло, плечи и шея расползлись, тогда как его лицо разгладилось и морщины исчезли.

Когда они возвратились домой, он долго бродил по комнатам — мебель и книжные стеллажи стали казаться ему высокими и неуклюжими. Поднявшись в ванную, он впервые встал на весы и убедился, что потерял в весе один стоун шесть фунтов.

Тем же вечером, раздеваясь, он сделал еще одно внезапное открытие: Элизабет ушивала его костюмы. Она умалчивала об этом, и когда он впервые заметил, что жена возится со своей корзиной для шитья, то решил, что она хочет сшить что-то для ребенка.

В следующие дни его первый, можно сказать, весенний всплеск энергии немного спал. Удивительные метаморфозы происходили с ним — кожа, волосы и все мышцы будто трансформировались. Черты лица изменились, челюсть стала короче, нос не так выдавался, щеки были абсолютно гладкими.

Обследуя свой рот с помощью зеркала, Фримэн обнаружил, что большинство металлических пломб исчезло, уступив место безупречной белоснежной эмали.

На службе он заметил, что коллеги посматривают на него с недоумением. На другой день после того, как он обнаружил, что не в состоянии дотянуться до справочников на полке рядом со своим столом, Фримэн не вышел на работу, сославшись на грипп.

Казалось, Элизабет прекрасно понимала, что творится. И все-таки Фримэн ничего не говорил ей, опасаясь, что, если она узнает правду, потрясение вызовет выкидыш. Закутавшись в старый халат, перевязав шерстяным шарфом шею и грудь, чтобы фигура казалась крупнее, он сидел на тахте в гостиной; вокруг высилась груда пледов, а жесткая подушка приподнимала Фримэна над тахтой.

Он старался в присутствии Элизабет не выпрямляться в полный рост, а в случае крайней необходимости пробирался по комнате на цыпочках, прячась за мебелью.

Однако обнаружив через неделю, что, когда он садится за обеденный стол, его ноги больше не достают до пола, он перебрался наверх в постель. Элизабет охотно поддержала это решение. Все это время ее ласковые неподвижные глаза пристально следили за ним. Она спокойно ожидала рождения ребенка.

«Дьявол возьми этого Хансона», — подумал Фримэн. Уже одиннадцать сорок пять, а его все нет. Фримэн машинально листал журнал и каждую секунду посматривал

на часы. Ремешок их давно скользил по кисти, хотя он уже дважды делал дополнительные дырочки для пряжки.

Как поведать о своей метаморфозе Хансону, он пока не придумал — его душу мучили различные сомнения. Он сам до конца не верил в то, что с ним творится. Да, конечно, он много потерял в весе (по восемь-девять фунтов ежесуточно!) и стал на фут ниже ростом, однако это никак не отразилось на его здоровье. Фактически он приобрел вид четырнадцатилетнего мальчишки.

«Как же все это объяснить?» — задавался вопросом Фримэн. Не является ли его омоложение своеобразным психосоматическим эксцессом? Ведь он не ощущал какой-либо сознательной неприязни к будущему ребенку, откуда же взяться этим необъяснимым репрессалиям*?

Размышляя таким образом, Фримэн пришел к выводу о возможности оказаться в изоляции под контролем санитаров в белых халатах. Эта возможность испугала его и заставила молчать. Врач, наблюдавший Элизабет, был малосимпатичным грубияном, который, конечно же, назовет Фримэна симулянтом, психом, который пытается заставить жену любить одного себя даже в ущерб собственному ребенку.

Кроме того, Фримэн знал, что имеются иные, куда более неясные и туманные мотивы. Он боялся думать об этом и потому и попытался читать журнал.

Там оказались комиксы для подростков. Фримэн раздраженно посмотрел на обложку, потом взглянул на стопку остальных изданий, которые Элизабет купила у агента-распространителя печати в то утро. Там было то же самое.

Он слышал, как его жена зашла в свою спальню в конце коридора. Теперь Фримэн спал один в комнате (которая в близком будущем должна была стать детской), так как, с одной стороны, ему хотелось побыть одному, а с другой — чтобы не испытывать острого чувства стыда, что жена может увидеть его иссохшее тело.

Она возникла с маленьким подносом в руках. На нем были стакан теплого молока и два пирожных. Несмотря на постоянную потерю веса, Фримэн сохранял прекрасный аппетит здорового ребенка. Он взял пирожные и быстро проглотил их.

Элизабет опустилась на постель и извлекла из кармана передника какой-то буклет.

— Я думаю заказать детскую кроватку, — сказала она. — Может быть, выберешь сам из этого проспекта?

Фримэн не проявил никакого интереса.

---

* Репрессалии — ответные отрицательные реакции.

— Любая сгодится. Закажи покрепче и потяжелее, чтобы он не выпал из нее.

Элизабет согласно кивнула, внимательно рассматривая его. Целый день она гладила белье, чистила одежду, разбирала стопки чистого белья в шкафах на лестничной площадке, дезинфицировала корзины и ведра.

Они договорились, что рожать она будет дома.

ЧЕТЫРЕ С ПОЛОВИНОЙ СТОУНА!

Фримэн не верил самому себе, глядя на весы у своих ног. За минувшие двое суток он потерял больше одного стоуна шести фунтов и теперь едва мог достать до ручки комода или отворить дверь. Не глядя в зеркало, он знал, что теперь ростом сравнялся с шестилетним ребенком. Грудь и шея стали хрупкими, лицо нежным. Полы халата тащились, как шлейф по полу, и лишь огромными усилиями ему удавалось удержать его обширные рукава на своих маленьких ручках.

Элизабет была невозмутима. Она критически осмотрела его, опустила поднос с завтраком и подошла к одному из шкафов на лестничной площадке. Вновь она появилась с маленькой спортивной рубашкой и вельветовыми шортами.

— Давай наденем это, милый! — предложила она. — В них тебе будет хорошо.

Стыдясь подать голос, ставший совсем тонким, Фримэн отрицательно покачал головой. Но после ухода жены он снял свой тяжелый халат и натянул новую одежду.

Колеблясь, он размышлял теперь, как связаться с врачом, не спускаясь вниз к телефону. Пока ему удавалось не вызывать у жены подозрений, но дальше так продолжаться не могло. Ведь он едва доставал ей до пояса. Если она увидит его во всей красе, то будет так потрясена, что тут же умрет.

Ему повезло, Элизабет оставила его одного. Сразу же после ленча приехали двое работников на микроавтобусе из универмага и внесли в дом голубую кроватку и манеж. Он прикинулся спящим до тех пор, пока они не уехали. Несмотря на все тревоги, Фримэн скоро уснул — он теперь уставал после ленча — и, проснувшись через два часа, обнаружил, что жена застелила кроватку, плотно укутав голубые одеяльца и подушку пластиковой простыней.

Тут же были пристегнутые к решетке кроватки светлые кожаные ремешки.

На следующее утро Фримэн решился бежать. Он весил теперь лишь три стоуна и один фунт, и одежда, которую Элизабет вручила ему вчера, стала велика на три размера — шорты буквально спадали с его тоненькой талии. В ванной

Фримэн увидел в зеркале какого-то малыша, уставившегося на него широко открытыми глазами. Это смутно напоминало ему забытые картинки давнего детства.

После завтрака, когда Элизабет была в саду, он пробрался вниз. В окно он увидал, что она открыла мусорный бачок и сунула туда его служебный костюм и черные кожаные мокасины.

Несколько секунд Фримэн растерянно ждал, сам не зная чего, а потом кинулся назад к себе. Карабкаться вверх по ставшим гигантскими ступеням было куда сложнее, чем он ожидал, и когда он, наконец, достиг цели, то так устал, что не мог забраться на кровать. С трудом переводя дух, он несколько минут стоял, опираясь на нее. Даже если он сумеет добраться до клиники, то как уверить врача в том, что произошло с ним, и при этом упросить, чтобы они не вызвали Элизабет для объяснений?

Хорошо, что хоть его мозг не пострадал. Если ему дадут карандаш и бумагу, то он сможет продемонстрировать интеллект взрослого мужчины и такое знакомство с окружающей современной жизнью, которым не может обладать самый одаренный ребенок.

Первым делом следовало добраться до больницы или, если это не удастся, до полицейского участка. Для этого требовалось незаметно пройти по ближайшей улице, так как четырехлетний малыш, странствующий в одиночку, будет сразу замечен первым же дежурным полисменом.

Он услыхал, как Элизабет не спеша поднимается по лестнице; корзина с выстиранным бельем поскрипывала на весу. Фримэн попытался залезть в постель, но не смог и только скомкал простыни. Когда Элизабет вошла, он обежал кровать и спрятал за ней свое крохотное тельце, опустив подбородок на постельное покрывало.

Элизабет застыла на месте, рассматривая его пухлое личико. Некоторое время они внимательно изучали друг друга; сердце Фримэна отчаянно колотилось, он по-прежнему не мог понять — как же жена до сих пор не обращает внимания на то, что с ним происходит, но она только улыбнулась и прошла в ванную.

Ухватившись за прикроватный столик, он сумел залезть на постель и лег, отвернувшись к стене. Появившись в спальне, Элизабет подоткнула одеяло и вышла из комнаты, плотно прикрыв двери.

Остаток дня Фримэн дожидался подходящей возможности бежать, но жена все время возилась наверху, а к

вечеру он так утомился, что незаметно заснул глубоким, без сновидений, сном.

Очнулся он в огромной белой комнате. Голубоватые пятна света падали на высокие стены, на которых играли и танцевали гигантские контуры животных. Оглядевшись, он осознал, что по-прежнему лежит в детской. На нем была пижама в горошек (Элизабет надела ее ему во время сна?), но даже эта одежда свободно болталась на его укоротившихся ножках и ручках.

Крохотный халатик лежал в ногах кровати, пара шлепанцев стояла на полу. Фримэн сполз с постели и сунул в них ноги, едва сохраняя равновесие. Дверь была закрыта, и он придвинул к ней стул, взобрался на него и повернул ручку, обхватив ее крохотными ручонками.

На лестничной площадке он застыл, настороженно прислушиваясь. Элизабет была в кухне; она что-то напевала себе под нос. Мелкими шажками Фримэн двинулся вниз, следя за женой через решетку перил. Нагнувшись над плитой — она почти закрывала ее своей широкой фигурой, — Элизабет подогревала молочную кашку. Фримэн выждал, когда она отошла к раковине, пробежал через холл в гостиную и через французское окно выбрался во дворик.

Плотные подошвы ковровых тапок скрадывали его шаги, и он пустился бежать, как только увидел укрытие — садик, разбитый у фасада дома. Калитка оказалась для него крепким орешком, и пока он мучился с задвижкой, какая-то женщина средних лет задержалась рядом с ним, с недоумением посматривая в сторону дома.

Фримэн сделал вид, что возвращается назад в дом, рассчитывая на то, что Элизабет еще не знает о его побеге. Когда женщина ушла, он распахнул калитку и бросился по улице в направлении универсама.

Внезапно он оказался в незнакомом огромном мире. Трехэтажные дома вздымались над ним, точно стены каньона, конец улицы в какой-то сотне ярдов впереди исчезал за горизонтом. Плиты тротуара казались гигантскими и бугристыми, высокие платаны доставали до небес. С ним поравнялась автомашина, между колесами которой были широкие зазоры; она затормозила, помедлила и, наконец, укатила.

Фримэн не прошел и пятидесяти ярдов от угла, как запнулся за камень и остановился. Восстанавливая дыхание, он прижался к стволу платана; его ноги дрожали от усталости.

Фримэн услыхал, как заскрипела калитка, и через плечо увидал жену: та осматривала улицу. Он мгновенно

скользнул за дерево, выждал, пока она возвратилась в дом, а потом снова двинулся вперед.

Неожиданно, точно спикировав с неба, чья-то сильная рука оторвала его от тротуара. Широко раскрыв рот от неожиданности, он глядел на мистера Симондсона — управляющего его банком.

— Рановато вышли на прогулку, юноша, — сказал Симондсон. Он поставил Фримэна на тротуар, крепко держа его за руку. Автомобиль Симондсона стоял в ближайшем переулке. Не выключив мотора, он повел Фримэна по улице. — Давай-ка сообразим, где же твой дом?

Фримэн хотел вырваться, изо всех сил пытаясь выдернуть руку, но Симондсон даже не замечал этого. Элизабет в переднике выбежала из калитки и заторопилась к ним. Фримэн попробовал укрыться за ногами Симондсона, но ощутил, как сильные руки управляющего банком подхватили его и протянули Элизабет. Та прижала Фримэна к себе — его лицо уткнулось в ее мощное плечо — и, поблагодарив, потащила его в дом.

Когда они свернули ко входу, Фримэн обвис у нее на руках — ему не хотелось жить. В детской он ждал того момента, когда его тело коснется постели, чтобы сразу спрятать голову под одеяло, но Элизабет бережно поставила его на пол, и он с ужасом увидел, что находится в манеже. Фримэн робко схватился за поручни, а Элизабет, склонившись, поправила его одежду. Потом, к великой его радости, она удалилась.

Минут пять Фримэн неуверенно цеплялся за стойки манежа, пытаясь успокоиться, и тут ему в голову стали приходить смутные мысли, которые тревожили его уже несколько дней: по какой-то загадочной логике Элизабет отождествляет его с еще не родившимся ребенком в своем чреве! Не поражаясь превращению мужа в трехлетнего малыша, она как бы подтверждала, что это естественное следствие ее собственной беременности. Очевидно, в ее сознании малыш уже существовал. Она как-то умудрялась связать в одно целое уменьшение роста Фримэна с развитием своего дитяти. И то и другое сливалось в единый образ ее ребенка.

Продолжая размышлять о возможности побега, Фримэн увидел, что уже не может вылезти из манежа. Легкие деревянные столбики были очень прочны, и он не мог ни сломать их, ни выдернуть своими ручками, а вся клетка была слишком массивной для того, чтобы опрокинуть ее. Обессилев, он опустился на пол и принялся бессмысленно катать большой разноцветный мяч.

Наконец, он решил, что вместо того, чтобы прятаться

от Элизабет и скрывать свою метаморфозу, ему необходимо заставить жену вспомнить, что он не ребенок, а ее законный супруг.

Вскочив на ноги, он принялся дергать манеж в разные стороны, пока не развернул его так, что угол забарабанил в стену.

Элизабет вышла из своей спальни.

— Ну, малыш, почему ты шумишь? — спросила она, улыбаясь ему. — Требуешь пирожного?

Она опустилась на колени перед манежем, и ее лицо вплотную приблизилось к личику Фримэна.

Собрав в кулак всю волю, Фримэн смотрел на нее в упор, пытаясь прочесть ее мысли в больших немигающих глазах. Он взял пирожное, откашлялся и заговорил, старательно выговаривая каждое слово:

— Я н во бенок.

Элизабет погладила его длинные белые кудри.

— Неужели? Какое горе!

Фримэн затопал ножками, потом искривил рот:

— Я н во бенок, — заорал он. — Я во уж!

Беззвучно посмеиваясь, Элизабет начала освобождать от вещей шкафчик рядом с постелью. Пока Фримэн умолял ее, тщетно пытаясь четко произносить звуки, она достала его смокинг и плащ, целиком очистила ящики, закатала в простыню его вещи и убрала куда-то.

Разделавшись с одеждой, она возвратилась и разобрала постель. Отодвинув кровать к дальней стене комнаты, она водрузила на освободившееся место детскую кроватку.

Ухватившись за прутья манежа, совершенно убитый, Фримэн смотрел, как последние доказательства его взрослой жизни исчезали где-то внизу.

— Лизабе оги ме, я..!

В конце концов он сдался и стал искать хоть что-нибудь пригодное для письма. Из последних сил он качнул манеж к стене и слюной, переполнявшей рот, вывел крупные слова:

«Элизабет! Помоги мне. Я не ребенок!»

Ударяя в пол ногами и кулачками, он заставил все-таки Элизабет подойти к нему, но к тому времени буквы на стене уже высохли. Рыдая от беспомощности, Фримэн начал писать заново. Но не успел вывести и пары букв, как Элизабет обхватила его рукой за пояс и вытащила из манежа.

Единственной мебелью в столовой были кресло и стоявший рядом с ним высокий стул. Все еще стараясь говорить разборчиво, Фримэн почувствовал, что его втискивают в стул, усаживают и обвязывают шею большим слюнявчиком.

Во время еды он внимательно изучал Элизабет, тщетно

пытаясь найти в ее глазах хотя бы намек на понимание того, что двухлетний малыш рядом с нею на самом деле ее сорокалетний муж. Он размазывал еду, стараясь написать на подносе рядом с блюдцем хоть какие-нибудь примитивные слова, но жена только заохала и тщательно протерла поднос. Отчаявшись, Фримэн разрешил унести себя наверх и оказался в кроватке под крохотными одеяльцами, пристегнутый ремешками.

Время работало против него. Он стал много спать днем. Сначала, проснувшись, он ощущал прилив сил и свежести, но это ощущение вскоре исчезало, а после еды его неумолимо клонило ко сну. Смутно он понимал, что все больше впадает в младенчество и уже не может бороться с этим — проснувшись, он едва смог сесть. Несколько минут он упорно старался встать на свои слабенькие ножки, но, вконец обессиленный, упал на кровать. И тут последовал очередной удар — Фримэн потерял дар речи! Теперь он мог лишь смешно похрюкивать и лепетать. Лежа на спине с бутылочкой теплого молока во рту, он сознавал, что отныне спасти его может только Хансон. Когда-нибудь он должен явиться и тогда увидит, что Фримэн пропал и никаких следов его жизни в доме не сохранилось.

Сидя на ковре в гостиной, отгороженный диванным валиком, Фримэн наблюдал, как Элизабет очищает его письменный стол и перетаскивает вниз книги со стеллажа рядом с камином. Теперь она держалась как вдовствующая мать годовалого ребенка, потерявшая мужа сразу после свадьбы.

Собственно, она уже вжилась в эту роль. На своих утренних прогулках Элизабет катила перед собой коляску с привязанным ремешками Фримэном, перед носом которого болталась доводившая его до бешенства целлулоидная погремушка-кролик. Она встречалась со многими знакомыми ему людьми, и все они ни на минуту не сомневались, что он — сын Элизабет. Они наклонялись над коляской, щекотали его животик, восхищались тем, что ее ребенок такой крупный и развитый, всякий раз заводя разговор о муже Элизабет, и она отвечала, что тот находится в длительной командировке. Очевидно, она давно забыла Фримэна и вычеркнула его из своей памяти.

Он понял, как заблуждался, когда они возвращались после очередного такого вояжа, который стал для него последней прогулкой.

Они уже приблизились к дому, когда Элизабет вдруг чуть замедлила шаг, покачивая коляску; кажется, она сомневалась, остановиться ли ей или следовать вперед. Кто-то окликал их издали, и когда Фримэн почти вспомнил,

чей же это такой знакомый голос, Элизабет нагнулась к нему и натянула капюшон ему на головку.

Стараясь освободиться, Фримэн узнал тощую фигуру Хансона, вздымавшуюся над коляской; тот помахивал своей шляпой.

— Миссис Фримэн, я не мог дозвониться до вас целую неделю. Как у вас дела?

— Все отлично, мистер Хансон. — Она развернула коляску, стараясь поставить ее между собой и Хансоном. Фримэн увидел, что она взволнована. — Видимо, наш телефон испорчен.

Хансон обогнул коляску, с интересом посматривая на Элизабет.

— Что произошло с Чарльзом в субботу? Пришлось укатить в командировку?

Элизабет кивнула.

— Ему было страшно жаль, но там возникло что-то важное. Он будет в отъезде некоторое время.

«Она знала все», — с ужасом понял Фримэн.

Хансон приподнял его капюшон:

— Любишь утренние прогулки, парень? — Он повернулся к Элизабет: — Прекрасный малыш. Обожаю сердитых. Первенец вашей соседки?

Элизабет покачала головой:

— Сынишка приятеля Чарльза. Нам нужно идти, мистер Хансон.

— Зови меня Роберт. До встречи.

Элизабет улыбнулась, ее лицо вновь стало бесстрастным.

— До встречи, Роберт.

— Мы можем спеться, — с лукавой усмешкой Хансон продолжил свой путь.

Она знала. Пораженный, Фримэн пытался сбросить с себя одеяльце, глядя вслед удаляющемуся Хансону. Тот как раз обернулся, чтобы помахать Элизабет. Та в ответ приветственно подняла руку и втолкнула коляску в калитку.

Пронзая Элизабет злобным взглядом, Фримэн надеялся, что по его лицу она прочтет, как он разгневан. Но она быстро покатила коляску до дома, отстегнула ремни и достала Фримэна из коляски.

Когда они поднимались на второй этаж, он глянул ей за спину на телефон — шнур был выдернут. Значит, с самого начала она понимала, что с ним творится, лицемерно притворяясь, что не происходит ничего необычного. Она предвидела каждую стадию его омоложения — необходимый гардероб подбирался заранее, поэтому размер одежды

все время уменьшался. И манеж, и кроватка предназначались не ребенку, а ему.

На миг Фримэн даже усомнился, а была ли она в самом деле беременна. Припухлость на лице, раздавшаяся фигура ведь еще ничего не доказывали. Когда она сказала ему, что у нее будет ребенок, мог ли он думать, что речь идет о нем самом.

Обращаясь с закутанным Фримэном весьма небрежно, она сгрузила его в кроватку и укрыла одеяльцем. Он слышал, как она поспешно ходит внизу, как будто торопясь предпринять что-то необычное. Она зачем-то запирала двери и окна. Прислушиваясь к этой суете, Фримэн вдруг почувствовал, что мерзнет. Несмотря на множество теплых пеленок, каждая косточка ощущалась, как ледяная сосулька. Он погрузился в приятный полусон, страх и гнев улетучились, а зрение уступило осязанию. Мягкий дневной свет колол глаза, и они легко закрывались. Его охватила смутная дремота, в объятиях которых нежная кожа его тела жаждала тепла и покоя.

Потом он почувствовал, как руки Элизабет освободили его от одеяльца и понесли по коридору. Остатки его памяти, где еще сохранялись какие-то воспоминания о доме и о нем самом, тихо угасали, его хрупкое тельце беспомощно прижалось к Элизабет, раскинувшейся на своей широкой кровати.

С отвращением ощутив на своем личике жесткие колючие волосы, он затем вдруг ясно почувствовал, как его обволакивает что-то упругое и влажное. Перед самым концом Фримэн закричал удивленно и радостно, вспомнив забытый мир самого раннего детства.

Когда ребенок у нее в чреве успокоился, шевельнувшись в последний раз, Элизабет откинулась на подушки: родовые схватки медленно завершались. Постепенно она ощутила прилив свежих сил, обширный мир внутри нее утихал, словно уговаривал сам себя. Пристально глядя в потемневший потолок, она отдыхала несколько часов, и только время от времени подбирала для своего крупного тела наиболее удобную позу.

На следующее утро она заставила себя на полчаса встать. Ребенок больше не казался таким тяжелым, а через три дня она была уже на ногах; просторный халат скрадывал все, что осталось от ее беременности. Теперь она не спеша взялась за последнее дело: собрала всю детскую одежду, разобрала кроватку и манеж. Рассовав вещи по большим пакетам, она включила телефон и позвонила в ближайшее отделение благотворительного фонда, откуда вскоре за ними

приехали. Коляску и кроватку она продала старьевщику, кстати проезжавшему по улице. За два дня она ликвидировала все, что напоминало о ее муже, содрав цветные картинки со стен детской и выдвинув в центр комнаты запасную кровать.

Теперь оставался только крохотный, с каждым днем все уменьшающийся узелок в ее утробе, маленький, как сжатый кулачок. Когда и он почти перестал ощущаться, она сняла обручальное кольцо и спрятала его в шкатулку для драгоценностей.

На другой день, возвращаясь из торгового центра, Элизабет услыхала, как кто-то окликает ее из автомобиля, притормозившего у калитки дома.

— Миссис Фримэн! — Хансон выскочил из машины и с веселым видом направился к ней. — Мне приятно сказать, что вы отлично выглядите.

Элизабет послала в ответ открытую приветливую улыбку, некоторая припухлость черт придавала ее ласковому лицу еще более чувственное выражение. Яркое шелковое платье очень красило ее, следов беременности не было и в помине.

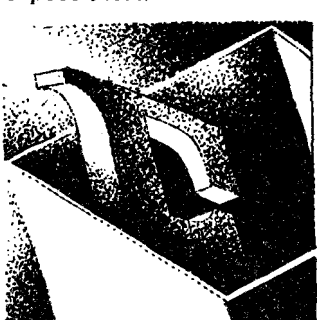
— Как Чарльз? Пока еще в отъезде? — спросил Хансон.

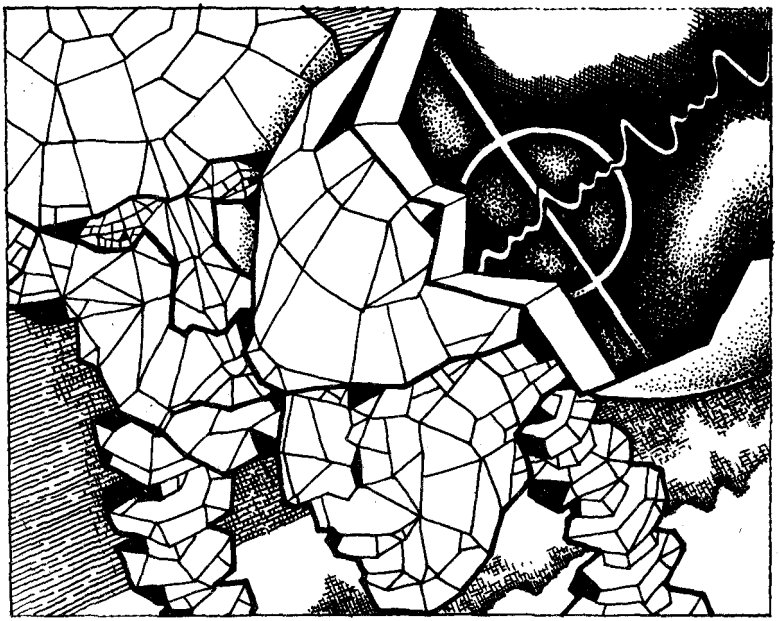
Улыбка Элизабет стала еще шире, явственно обнажились крепкие белые зубы. Лицо потеряло выразительность, а глаза устремились к какой-то далекой, невидимой Хансону точке на горизонте.

Хансон тревожно ждал ее ответа, затем, поняв намек, нагнулся к приборной панели машины и заглушил мотор. Он подошел к Элизабет и распахнул перед ней калитку.

В свое время Элизабет точно так же познакомилась со своим последним мужем. Час спустя превращение Чарльза Фримэна достигло вершины. В этот крайний судорожный миг он вернулся к своему истинному началу — мгновение его зачатия стало мгновением его ухода из жизни, конец его последнего рождения — началом его первой смерти.

Один вместе с ребенком.

ВОРОНКА-69

Первые дни проходили отлично.

— Не приближайтесь к окнам и не думайте об этом, — предупредил их доктор Нейл. — Пока это необходимо. В одиннадцать тридцать или около двенадцати спуститесь в спортивный зал, разомнитесь там: побросайте мяч, поиграйте в настольный теннис. В два в неврологической операционной вам покажут фильм. Затем пару часов полистайте газеты, послушайте пластинки. Я приду в шесть. К семи вы должны достичь маниакального состояния.

— А не могут возникнуть провалы памяти? — спросил Авери.

— Абсолютно никакой опасности, — ответил Нейл. — Не переутомляйтесь, больше отдыхайте. Пожалуй, отдых — единственное, к чему вам будет трудно приспособиться. Не забывайте, что вас пока еще держат на 3500 калориях и ваш энергетический уровень — это вы остро почувствуете в дневные часы — будет несколько ниже необходимого. Вам необходимо контролировать себя и корректировать свое поведение. Все это, конечно, заложено в программу,

но тем не менее развивайте интуицию, учитесь моделировать ситуацию, просчитывать все на ход вперед.

Горелл подался вперед:

— Доктор, а если ужасно захочется, можно все-таки выглянуть в окно?

Доктор Нейл улыбнулся:

— Не волнуйтесь. Уличное освещение отключено. Теперь, как бы вы ни утомились, вы все равно не сможете уснуть.

Нейл выждал, пока его пациенты покинут лекционный зал, а потом спустился с кафедры и прикрыл за ними дверь. Это был невысокий широкоплечий мужчина, чуть старше пятидесяти, с четко очерченным нервным ртом и мелкими чертами лица. Он выдернул стул из переднего ряда и непринужденно уселся на него верхом.

— Ну и как? — спросил он.

Морли сидел на столе у дальней стены, вертя в руках карандаш. В свои тридцать лет он был самым молодым сотрудником Нейла, но по каким-то необъяснимым причинам Нейл любил обсуждать ход исследований именно с ним.

Морли понял, что Нейл ждет похвалы, и пожал плечами:

— Как будто все в норме. С чисто медицинской точки зрения выздоровление завершилось успешно. Сердечные ритмы, как показывает электрокардиограмма, в норме. Сегодня утром я просмотрел рентгеновские снимки — все просто безупречно.

Нейл насмешливо смотрел на него:

— Это звучит так, будто вы чего-то не договариваете.

Морли усмехнулся и поднялся на ноги:

— Поживем — увидим. — Он прошелся между столами, глубоко пряча руки в карманы распахнутого белого халата. — Пока ваша позиция безупречна. Гулянка только начинается, а гости уже успели набраться. Это не вызывает сомнений. Я считал, что трех недель будет недостаточно, чтобы вывести их из гипнотического состояния, но и в этом вы, очевидно, будете правы. Сегодня их первый самостоятельный вечер, подождем, какими они будут завтра.

— А чего вы ждете, если говорить прямо? — спросил Нейл с кривой усмешкой. — Бурной обратной реакции спинного мозга?

— Нет, — ответил Морли. — Психомоторные тесты убеждают, что ничего похожего не случится. Ни малейшей травмы. — Он посмотрел на доску, а затем с уважением взглянул на Нейла: — Ну что ж, похоже, что вы добились серьезного успеха.

Нейл оперся на локти, мышцы его лица разгладились.

— Думаю, то, чего я добился, — это больше, чем успех. Блокада синапсов отсекла ряд факторов, которые, как я считал, все-таки дадут о себе знать: отклонения психики, комплексы, незначительные фобии — в общем, нежелательные осложнения в психическом статусе. Большинство их отсутствует, во всяком случае не обнаружилось во время тестирования. Но все это побочные эффекты, а главное то, что благодаря вам, Джон, и всей бригаде мы смогли достичь основной цели.

Морли смущенно пробурчал что-то, но Нейл продолжал, по привычке проглатывая слова:

— Никто из вас еще не осознал это, но то, что сейчас сделано, — это гигантский скачок, сравнимый разве с тем, что совершил первый ихтиозавр, когда 300 миллионов лет назад вышел на сушу из моря. Мы наконец-то раскрепостили наше сознание, вытащив его из этой архаичной сточной канавы, именуемой сном, этого еженощного проявления биологического атавизма. Фактически одним движением скальпеля мы удлинили человеческую жизнь на добрых двадцать лет.

— Хочется верить, что люди сумеют найти им достойное применение, — прокомментировал Морли.

— Постойте, Джон, — парировал Нейл, — это не аргумент. Что они будут делать со временем, это их дело. Они воспользуются им точно так же, как всем, что уже имеют. Думать об этом, может, и преждевременно, но все же оценим все значение сделанного нами. Впервые человек будет активно жить все двадцать четыре часа в сутки, не превращаясь на треть суток в животного, наслаждающегося эротическими сновидениями.

Словно утомленный собственным красноречием, Нейл замолчал и потер глаза:

— Что же вас беспокоит?

Морли неуверенно повел рукой:

— Не уверен... просто я...

Он коснулся пластикового муляжа головного мозга на стенде рядом с доской. В одном из его элементов, как в кривом зеркале, отражалась голова Нейла, перекошенная, лишенная подбородка, с огромным, похожим на огурец, черепом. Среди столов и стульев пустого лекционного зала он выглядел каким-то безумным гением, с нетерпением ожидающим начала обструкции, с тем чтобы полностью разрушить своих оппонентов.

Морли двинул муляж рукой — отражение Нейла сжалось, а затем пропало совсем. Как бы там ни было, Нейл

оставался единственным человеком, с которым он мог поделиться своими сомнениями.

— Я понимаю: все, что вы сотворили, — это отсекли несколько нервных узлов гипоталамуса. Признаю — результат оказался сногсшибательным. Очевидно, что произойдет величайшая со времен Адама и Евы социальная и экономическая революция. Однако по какой-то смутной ассоциации мне все время вспоминается рассказ Чехова, в котором речь идет об одном человеке, державшем пари на миллион, что проживет в полнейшем одиночестве целых десять лет. И все было бы прекрасно, но за минуту до конца срока он покидает свою комнату. Наверное, он сошел с ума.

— Вы так полагаете?

— Не уверен, но мысли об этом преследуют меня уже неделю.

Нейл хмыкнул:

— Мне кажется, вы подразумеваете, что сон есть нечто вроде групповой деятельности и что теперь эти трое лишены группового подсознательного общения в мире сновидений? Ведь так?

— Возможно.

— Ерунда, Джон. Чем глубже мы прячем подсознательное в себе, тем лучше. Мы как будто осушаем болота. Физиологи давно доказали, что сон — не что иное, как нерациональная реакция организма на кислородное голодание мозга. Но не с этим — совершенно ненужным человеку состоянием — вы не хотите расстаться, а со сновидениями. Вы изо всех сил цепляетесь за кресло в первом ряду вашего личного кинотеатра.

— Совсем нет, — мягко возразил Морли. Порой нетерпимость Нейла поражала его, казалось, что тот считает сон каким-то тайным позорным извращением. — Я просто опасаюсь, что хорошо это или плохо, но Лэнг, Горелл и Авери замкнулись сами на себе. А теперь они уже не смогут выйти из этого состояния, даже на несколько минут, не говоря уже о восьми часах. А сколько бы вы сами продержались? Что если нам просто необходим этот ежедневный восьмичасовой уход, чтобы смягчить всю тяжесть неизбежности быть самим собой? Поймите, что ни вы, ни я не в состоянии ежеминутно опекать их, поддерживать всевозможными развлечениями, тестами и фильмами. Что случится, если они устанут от самих себя?

— Этого не будет, — Нейл, казалось, убеждал самого себя. Он встал, ему неожиданно надоели сентенции Морли. — Поскольку средний темп их жизни будет ниже на-

шего, то стрессов и неврозов у них не будет. Скоро они начнут смотреть на нас как на толпу безумцев, которые зачем-то развивают бурную деятельность, чтобы затем впасть в бессознательное состояние.

Он потянулся к выключателю:

— Ну, пока, встретимся в шесть.

Они вышли из аудитории и вместе двинулись по коридору.

— Чем собираетесь заняться? — спросил Морли.

Нейл расхохотался:

— Ни за что не догадаетесь! Попробую хорошенько выспаться.

В полночь в ярко освещенном спортивном зале Авери и Горелл играли в настольный теннис. Они были достойными противниками и переправляли шарик друг другу легко и непринужденно. Оба ощущали избыток сил и энергии; Авери немного вспотел, но это было вызвано излучением ярко горящих ламп на потолке, которые согласно программе эксперимента поддерживали иллюзию солнечного дня. Авери — самый старший из трех добровольцев, высокий, хладнокровный, с замкнутым выражением лица, — играл молча, никак не реагируя на реплики Горелла и экономя силы перед предстоящим испытанием. Он знал, что не должен устать, но по мере продолжения игры все придирчивее контролировал ритм дыхания и мышечный тонус, то и дело посматривая на часы.

Горелл, самодовольный, импульсивный человек, тоже был несколько скован. Перед подачами он мельком осматривал изогнутые, как в ангаре, стены зала, полированный пол, закрытые световые люки под потолком. Изредка он непроизвольно касался пальцем округлого шрама на затылке.

В самом центре зала, около проигрывателя, стояли пара кресел и тахта — здесь Лэнг играл в шахматы с дежурившим этой ночью Морли. Лэнг сидел, низко склонившись над доской. Агрессивный по характеру, с волосами жесткими, как проволока, острым носом и резко очерченным ртом, он внимательно оценивал каждый ход противника. С тех пор как четыре месяца назад Лэнг поступил в клинику, он постоянно проигрывал Морли, но в последнее время они играли примерно в одну силу, разве что Морли был чуть выдержаннее. Однако сегодня вечером Лэнг применил новую гамбитную систему, позволившую ему быстро завершить развитие своих фигур, и теперь он громил оборону противника. Его мозг просчитывал вари-

анты быстро и четко, отрешившись от всего, кроме позиции на доске, хотя лишь этим утром Лэнг избавился от побочных действий гипноза, в дурмане которого он и оба его товарища, словно экспонаты музея восковых фигур, находились предыдущие три недели.

За спиной Лэнга вдоль зала размещались лаборатории, в которых бодрствовала контрольная бригада. Через плечо он видел лицо человека, наблюдающего за ним через круглое окошко в одной из дверей. Там, готовые к действию, находились группы санитаров, интернов* и каталки. Там же находилась дверь в маленькую палату на три койки. Через секунду лицо исчезло. Лэнг усмехнулся, так как знал, какое совершенное оборудование применялось для контроля за ними. Свое участие в эксперименте он считал большой удачей и ни на миг не сомневался в успехе. Нейл заверил его, что в самом крайнем случае внезапное накопление токсинов в крови может привести к непродолжительному оцепенению, но сам мозг останется нетронутым.

— Нервная ткань никогда не устает, Роберт, — не уставал твердить ему Нейл. — Мозг не может утомиться.

Пока Лэнг ждал ответного хода Морли, он проверил время по настенным часам — двенадцать двадцать. Морли зевнул, его лицо, обтянутое какой-то бесцветной кожей, было напряженным. Он обмяк в кресле, как бесформенный мешок, упираясь в подбородок одной рукой, и выглядел серым и усталым. Лэнг принялся раздумывать о том, какими хилыми и убогими будут казаться ему те, кто не может не засыпать каждый вечер, когда их мозг уступает тяжести скопившихся токсинов и их сознание становится дряблым, словно изношенным. Внезапно он подумал о том, что и сам Нейл тоже спит. Он точно наяву представил себе Нейла, сжавшегося в жалкий комочек на измятой постели двумя этажами выше, — содержание сахара в крови низкое, сознание блуждает в сновидениях.

Лэнга развеселило это ощущение превосходства, а Морли тем временем взял назад ход ладьей, который только что сделал.

— Ничего не вижу. Что я делаю?

Лэнг рассмеялся:

— А вот я только что осознал, что не сплю.

Морли улыбнулся:

— Отметим это как лучший афоризм недели.

---

* Интерн — студент последнего курса медицинского колледжа, практикант.

Он передвинул ладью, выпрямился и посмотрел на теннисистов. Горелл провел удачную атаку — и Авери побежал за шариком.

— С ними вроде бы все в порядке. А как ты?

— *Лучше не бывает,* — *отозвался* Лэнг. Он быстро оценил положение на доске и сделал ход прежде, чем Морли успел расслабиться.

Обычно их партии завершались в глубоком эндшпиле, но сегодня Морли вынужден был сдаться уже на двадцатом ходу.

— Молодец, — сказал он поощрительно. — Скоро ты будешь играть на равных с самим Нейлом. Еще одну партию?

— Нет. Я все же устал. Кажется, это грозит стать проблемой.

— Это временно. Постепенно ты научишься сохранять форму.

Лэнг достал с полки один из альбомов Баха. Он выбрал «Бранденбургский концерт» и включил проигрыватель. Когда послышались низкие, густые звуки органа, он откинулся назад, наслаждаясь музыкой.

Морли подумал: «Абсурд. Как смог он так быстро вырасти? Ведь всего три недели назад он играл много хуже меня».

Оставшиеся часы промелькнули незаметно. В час тридцать они прошли в лабораторию, где Морли и один из интернов бегло осмотрели всех троих: пульс, быстрота реакции, выделения.

Одевшись, они отправились в буфет перекусить и, усевшись на стулья, подискутировали, как именовать непривычный для них, пятый по счету, прием пищи. Авери предложил название «серединник», Морли — «нынешник».

Так и не определившись с названием, они прошли в неврологическую операционную и затратили около двух часов на просмотр фильма о сеансах гипноза, проведенных в *последние три недели.*

Когда они, обсудив фильм, сошли вниз, в спортзал, ночь почти кончилась. Они, как и прежде, чувствовали себя спокойно и бодро. Горелл шел впереди и поддразнивал Лэнга, вспоминая некоторые фрагменты фильма и имитируя его поведение в гипнотическом состоянии.

— Глаза открыты, рот открыт, — комментировал он, умышленно натыкаясь на Лэнга, который едва успел отскочить в сторону. — Погляди-ка на себя. Даже сейчас с тобой творится все то же. Поверь мне, Лэнг, ты совсем не бодрствуешь, ты находишься в трансе. — Он обратился за поддержкой к Морли: — Я прав, доктор?

Морли подавился зевком:

— Ну, если вы сами нарываетесь, скажу: два сапога — пара.

Он шел за ними по коридору, изо всех сил стараясь не заснуть на ходу; он ощущал себя так, словно не эта троица, а он не спал три последние недели.

По распоряжению Нейла все освещение в коридорах и на лестницах было включено. Двое санитаров, опекавших группу, отвечали за то, чтобы все окна были плотно зашторены, а двери закрыты. В помещениях не было ни одной затененной ниши или другого места для тени.

Требуя этого, Нейл тем самым признавал, что сохраняется возможность возникновения рефлекторной ассоциации между темнотой и сном:

— Этого нельзя исключать. У большинства организмов, кроме простейших, такие ассоциации настолько сильны, что становятся рефлексом. Млекопитающие с их высокоорганизованной нервной системой приобретают в ходе существования зависимость от смены дня и ночи. Эта зависимость индивидуальна для каждого существа из-за различной способности запоминать и систематизировать информацию. Но поместите их во тьму, лишите кору головного мозга потока визуальных данных — и они будут парализованы. Сон — защитный рефлекс. Он снижает скорость обмена веществ, создает условия для накопления энергии, повышает способность адаптации организма к изменяющимся условиям жизни.

На лестничной площадке в центре пролета находилось большое, закрытое шторой окно, выходящее в парк, окружающий клинику. Проходя мимо этого окна, Горелл замедлил шаг, затем приблизился к нему и отстегнул задвижку шторы.

Все еще сдерживая завесу, он посмотрел на Морли, который наблюдал за ним с верхней лестничной площадки.

— Вето, доктор? — спросил он.

Морли по очереди осмотрел каждого из подопытной троицы.

Горелл выглядел спокойно и бесстрастно, очевидно, он просто забавлялся, и ничего больше. Лэнг присел на перила и следил за происходящим с любопытством, которое пытался спрятать за маской безразличия. Один Авери выглядел несколько возбужденно, его подвижное лицо было напряжено и побледнело. В голове Морли запрыгали беспорядочные и не вполне уместные мысли: тень в четыре утра; они будут вынуждены бриться два раза в сутки; почему отсутствует Нейл? Ведь он же знал, что они бросятся к окну при первой возможности.

Увидев, что Лэнг насмешливо ухмыляется, рассматривая его, он пожал плечами, пытаясь не выдать свою растерянность.

— Пожалуйста, сколько хотите. Нейл ведь сказал, что освещение отключено.

Горелл отдернул в сторону штору, и все они прильнули к окну, всматриваясь в ночную тьму. Серебристые в падающем из окна свете газоны тянулись к лесу и терялись из виду. Милях в двух слева вспыхивала и звала к себе неоновая реклама.

Ни Горелл, ни Лэнг не ощутили волнения, и уже через короткое время их интерес к окну начал исчезать. Авери почувствовал, как сжалось сердце, но сумел побороть тревогу. Он окинул взглядом темноту — небо было ясным, без единого облачка, и среди мириадов звезд хорошо был виден призрачный Млечный Путь. Он молча глядел на него, пока ночной ветер осушал выступивший на его лице и шее пот.

Морли тоже подошел к окну и присел на подоконник рядом с Авери. Краешком глаза следил за любым проявлением моторного тремора — нервный тик века, учащение дыхания или какое-нибудь другое проявление рефлекса. Он вспомнил слова Нейла о том, что человеческий сон — почти всегда бессознательный акт, вызываемый рефлексом, который, в свою очередь, обусловлен привычкой. Однако, после того как они отсекли нервные узлы гипоталамуса, регулирующие поступление информации, сонливость вообще не должна проявляться. Тем не менее, это еще не доказывает, что рефлекс не проявит себя каким-либо другим способом. Но рано или поздно они все равно должны рискнуть разрешить им посмотреть на «темную сторону жизни».

Морли все еще думал об этом, когда кто-то тронул его за плечо.

— Доктор, — услышал он голос Лэнга. — Доктор Морли.

Встрепенувшись, он взял себя в руки. У окна кроме него никого не было. Горелл и Авери ждали уже в центре следующего пролета.

— Что-то произошло? — резко спросил Морли.

— Нет-нет, — успокоил его Лэнг. — Мы возвращаемся в зал. — Он внимательно смотрел на Морли: — С вами все в порядке, доктор?

Морли потеребил щеку.

— Господи, видно, я заснул. — Он взглянул на часы — было четыре утра. Они пробыли у окна минут пятнадцать.

Он помнил только, как сел на подоконник. — Я беспокоился только о вас.

Это развеселило всех, особенно Горелла.

— Доктор, — протянул он, — Если вы позволите, я отведу вас к хорошему психоневрологу.

Через пять часов они почувствовали, как их мышцы начали немного уставать. Начались обильные выделения — наверное, продукты распада постепенно засоряли их организм. Ладони начали неметь и увлажнились, подошвы ног ощущались подушечками из губки. Эти ощущения сопровождались смутной тревогой, хотя сознание не было утомлено и сохраняло полную ясность.

Онемение продолжало расширяться. Авери отметил, как оно охватило кожу на скуле, переползло на виски, что вызвало слабый приступ мигрени. Он настойчиво листал страницы, но руки его стали мягкими и чужими, словно вылепленными из глины.

Наконец, появился Нейл, и все оживились. Доктор выглядел посвежевшим и элегантным, он словно порхал по воздуху.

— Как поживает ночная смена? — бросал он отрывочно, переходя от одного подопечного к другому, каждый раз улыбаясь собеседнику и внимательно его рассматривая.

— У вас все нормально?

— Грех жаловаться, — ответил за всех Горелл. — Если не считать приступа бессонницы.

Нейл расхохотался и потрепал его по плечу, затем прошел в лабораторию.

В девять утра, побрившись и сменив одежду, они встретились в аудитории. К ним вновь вернулись и бодрость и энергия. Периферийное оцепенение и слабая апатия исчезли сразу, как только подключили капельницы. Нейл успокоил их, объяснив, что за неделю их организмы вполне адаптируются и смогут справляться самостоятельно с побочными явлениями.

Все утро и большую часть дня они трудились над рядом тестов для определения коэффициентов умственного развития, ассоциативных и моторных связей. Нейл не давал им ни минуты отдыха, перекраивая разнообразные словесные цепочки и манипулируя сложными цифровыми и геометрическими последовательностями.

Он выглядел чрезвычайно довольным результатами тестирования.

— Чем интенсивнее поступает информация, тем глубже следы памяти, — сказал он Морли, когда в пять вечера трое испытуемых были отправлены на отдых. Он обвел рукой карточки тестирования, лежащие перед ним на столе. — А вы тревожились о подсознательном. Посмотрите-ка результаты Лэнга. Уверяю вас, Джон, через некоторое время он вспомнит даже о своем пребывании в материнском чреве.

Морли кивнул — его давние тревоги и сомнения постепенно отступали.

В течение следующих двух недель он и Нейл, сменяя друг друга, постоянно находились со своими подопечными, потея вместе с ними под потоками света, посылаемыми светильниками, оценивая их адаптацию к дополнительным восьми часам бодрствования, тщательно фиксируя симптомы любой «аномалии». Нейл вел их через длинные часы бессонных ночей, загружая тестами, от одной программы к другой — его мощное эго как будто заряжало энтузиазмом всех членов бригады.

Однако Морли с тревогой отмечал все возрастающую эмоциональность взаимоотношений Нейла с его подчиненными. Он опасался, что в их сознании Нейл может слиться с самим экспериментом. (Нажми звонок — и у подопытного животного начинает выделяться слюна. Но если после выработки рефлекса ты перестанешь звонить, то оно на время вообще перестанет есть без звонка. Такого рода эффект не принесет видимого вреда собаке, но может губительно подействовать на сверхчувствительную психику человека.)

По-видимому, Нейл и сам понимал это. К концу первых двух недель, подцепив сильную простуду после утомительного ночного дежурства, он решил отлежаться в постели и пригласил Морли к себе в приемную.

— Переходный процесс проходит слишком гладко. Давайте-ка усложним его.

— Я готов, — ответил Морли. — Но как?

— Скажите им, что меня не будет двое суток, что я переутомился, — сказал Нейл. Он собрал со стола кучу докладов, диаграмм, карточек тестирования и сунул их в кейс. — Я будто бы наглотался успокоительных, чтобы лучше отдохнуть. Я стал тенью, взят в плен синдромами усталости, перегруженные клетки моего организма вопиют о помощи. Накормите их этим.

— Не чересчур ли резко? — спросил Морли. — Они проклянут вас за это.

В ответ Нейл только улыбнулся и удалился с бумагами в кабинет, расположенный рядом со спальней.

Ночное дежурство Морли в спортивном зале должно было продолжаться с десяти вечера до шести утра. Как всегда сперва он проверил готовность оборудования и санитаров, потом ознакомился с записями в журнале, сделанными одним из старших интернов, дежурившим перед ним, и только затем подошел к испытуемым. Он присел на тахте рядом с Лэнгом и стал небрежно листать журнал, исподтишка внимательно изучая своих подопечных. В ярком свете ламп на их осунувшихся лицах был заметен какой-то нездоровый, синюшный оттенок. Старший интерн говорил ему, что Авери и Горелл, возможно, слишком много играют в настольный теннис, но те к одиннадцати часам сами прекратили поединок и уселись в кресла. Они читали как-то рассеянно и дважды ходили в буфет, оба раза под конвоем одного из санитаров. Морли сказал им о двухдневном отгуле Нейла, и его удивило то, что никто не отозвался на это известие ни словом.

Медленно приближалась ночь. Авери читал, сгорбившись в кресле. Горелл анализировал какую-то шахматную позицию. Морли дремал.

Лэнг же не находил себе места. Тишина и полная неподвижность в зале гнетуще действовали на него. Он вновь прослушал свой любимый «Бранденбургский концерт», отмечая смену музыкальных тем, потом протестировал себя на слова-ассоциации, листая тест и применяя ключевые слова в верхнем правом углу страниц для контроля.

Морли нагнулся к нему:

— Что с тобой?

— Да так, есть интересные мысли, — Лэнг потянулся к блокноту и черкнул пару слов. — Я поговорю об этом с Нейлом утром или когда он проснется. — Он задумчиво посмотрел на яркие светильники: — Я просто думаю. Как вы полагаете, какой следующий шаг сделает человечество?

— Шаг куда? — спросил Морли.

Лэнг широко повел рукой.

— Я подразумеваю — по ступенькам эволюции. Триста миллионов лет назад мы научились дышать атмосферным воздухом и вышли из моря. Теперь мы сделали второй — перестали спать. Что последует за этим?

Морли покачал головой:

— Это не совсем так. Во всяком случае, если уж быть точным, мы до сих пор так и не вышли из первобытного

моря. Мы получили и носим в себе точную его копию в виде системы кровообращения. Все, чего мы добились, — это поместили в свое тело часть необходимой нам окружающей среды и считаем, что убежали из нее.

Лэнг кивнул.

— Я не об этом. Скажите, вы никогда не думали о том, насколько органично наша психика включает в себя сознание неизбежности смерти?

Морли улыбнулся.

— Время от времени, — сказал он, пытаясь представить дальнейший ход мыслей Лэнга.

— Как непросто все это, — продолжал тот размышлять. — Основа наслаждения — боль, вся сексуальная система выживания вида — неявное принуждение, наше суперэго одержимо завтрашним днем, и при этом психика не заглядывает дальше собственного надгробного памятника. Почему возникает этот барьер? — Он повел указательным пальцем. — Да потому, что психика получает убедительное напоминание о своей неотвратимой судьбе косвенно.

— Вы подразумеваете черную дыру? — спросил Морли с вымученной улыбкой. — Сон?

— В самую точку. Ведь сон — это псевдосмерть. Конечно, человек не думает об этом, но все равно это ужасно.

Он нахмурился:

— Я думаю, что даже сам Нейл не отдает себе отчета в этом; кроме того, что сон — отдых, он еще серьезно травмирует человека.

«Вот те на, — удивился Морли. — Великий создатель психоанализа, услышав это, перевернулся бы в гробу».

Он попробовал прикинуть, что же хуже — пациент, хорошо знающий психиатрию или совсем не разбирающийся в ней.

— Устраните сон, — продолжал Лэнг, — и вы вместе с ним ликвидируете все фобии и ненужные механизмы, связанные с ним. После этого, наконец, психика получит шанс сконцентрироваться на чем-то более важном для человека.

— На чем конкретно? — спросил Морли.

— Может быть, на самом себе?

— Любопытно, — отозвался Морли.

Было три десять утра. Он решил, что следующий день посвятит анализу последних материалов тестирования Лэнга.

Он перевел разговор на различные пустяки, а затем поднялся и вышел в канцелярию.

Лэнг положил одну руку на край тахты и стал следить за дверью в комнату санитаров.

— Куда делся Морли? — спросил он. — Кто-нибудь из вас вообще видел его где-нибудь?

Авери опустил журнал:

— Разве он не в комнате санитаров?

— Он вышел минут десять назад, — ответил Лэнг, — и с тех пор не появлялся. А ведь кто-то должен дежурить при нас постоянно. Где же он?

Горелл, продолжавший анализ, оторвал взгляд от шахматной доски:

— Время позднее, возможно, отрубился за нашими тестами. Надо бы разбудить его, а то Нейл узнает и разозлится.

Лэнг рассмеялся и принял на тахте удобную позу. Горелл протянул руку к тумбочке, вытащил пластинку и поставил ее на диск.

Когда проигрыватель зашипел, Лэнг ощутил, какая тишина царила в зале. В клинике всегда было тихо, но даже по ночам, когда большая часть персонала отсутствовала, волны различных звуков — поскрипывания кресел в комнате санитаров, гудение генератора в операционной — проникали в спортзал, подтверждая, что жизнь не остановилась.

Но сейчас воздух будто сгустился и застыл. Лэнг внимательно прислушался. Здание, лишенное всяких звуков, точно вымерло. Он поднялся и прошел в комнату санитаров. Он хорошо знал, что Нейл не одобряет болтовню с обслуживающим персоналом, но отсутствие Морли его удивляло и тревожило.

Он приблизился к двери и заглянул в комнату через окошко, стараясь выяснить, где же Морли.

Две каталки находились на своих обычных местах у стены рядом с дверью, третья стояла в центре помещения, на столе беспорядочно валялись карточки, но людей не было видно.

Лэнг подождал, потом взялся за дверную ручку и обнаружил, что дверь заперта.

Он снова подергал ручку и крикнул через плечо своим коллегам:

— Авери, тут никого нет.

— Попробуй другую дверь, может быть, они готовятся к завтрашнему брифингу.

Лэнг прошел к входу в хирургическое отделение. Здесь свет не горел, но был виден белый эмалированный стол и большие диаграммы, висящие на стенах. Внутри не было ни единого человека.

Авери и Горелл провожали его взглядом.

— Они там? — спросил Авери.

— Нет, — Лэнг отпустил ручку, — и дверь заперта.

Горелл выключил проигрыватель и вместе с Авери присоединился к Лэнгу. Они еще подергали и ту и другую дверь.

— Но они должны быть здесь, — сказал Авери. — Хоть кто-то обязан дежурить. — Он указал на третью дверь в конце комнаты: — Может быть, там?

— Она заперта, — сказал Лэнг. — Шестьдесят девятая всегда закрыта. Наверное, там лестница вниз.

— Посмотрим в канцелярии, — предложил Горелл. — Если и там не найдем, то пройдем через приемный покой и попробуем выйти наружу. Думаю, что это очередной тест Нейла.

Дверь канцелярии была не застеклена. Горелл постучал, подождал и постучал уже сильнее. Ответа не было.

Лэнг подергал ручку, затем, встав на колени, приник к замочной скважине.

— Света нет, — сообщил он.

Авери повернулся и глянул на две оставшиеся двери в дальнем конце спортзала — одна вела в буфет и неврологическое крыло, другая — в парк, окружавший здание.

— Но ведь Нейл и не скрывал, что может когда-нибудь выкинуть что-то подобное, — напомнил он. — Чтобы выяснить, насколько мы адаптировались, сможем ли провести ночь самостоятельно.

— Но Нейл же спит, — возразил Лэнг. — Он хотел отоспаться пару суток. Разве только...

Горелл кивнул головой в сторону кресел:

— Пойдемте, наверное, и он, и Морли наблюдают сейчас за нами.

Они возвратились на свои места. Горелл перетащил шахматную доску на тахту и расставил фигуры. Авери и Лэнг устроились в креслах и стали листать журналы. Молчание нарушалось только тиканьем часов. Три пятнадцать утра.

Сначала перемены были незаметны. Нарушилась привычная перспектива — возникло слабое размытие и положение очертаний предметов. Кое-где исчезал фокус, по стене медленно поползла какая-то тень, углы изменили очертания и вытянулись. Казалось, мир стал резиновым, и скоро определилось главное — спортивный зал уменьшался в размере. Дюйм за дюймом помещение сжималось, стены сдвигались внутрь, втягиваясь друг в друга по периметру пола. По мере того как они сходились, их кон-

туры тоже искажались; рой огней на потолке неожиданно померк, сетевой кабель, лежавший у основания стены, втянулся в плинтус; прямоугольные дефлекторы воздушных вентиляторов наползли друг на друга.

Сверху грозный, как основание огромного лифта, на пол опускался потолок.

Горелл облокотился на шахматную доску, спрятав лицо в ладонях. Он устроил себе вечный шах, но продолжал в уме передвигать фигуры, повторяя ходы и время от времени посматривая вверх, словно ожидая озарения. Он был убежден, что Нейл тайком следит за ними, и не хотел выказывать своего страха.

Он шевельнулся, опять глянул вверх и ощупал взглядом стену до самого дальнего угла, пытаясь увидеть «глазок», спрятанный в панелях. Он уже не первый раз пытался это сделать, но безуспешно. Стены были идеально гладкими, и сколько он ни изучал их фут за футом, но, кроме трех дверей в стене, не мог обнаружить никаких, даже самых крошечных щелей.

Вскоре у него начался неприятный тик левого глаза, и, оттолкнув от себя шахматную доску, он лег навзничь. Вертикально над ним с потока нависали ряды люминесцирующих трубок, обрамленных клетчатыми пластиковыми плафонами, рассеивающими свет. Он хотел было поделиться с Авери и Лэнгом своими мыслями насчет поисков подслеживающей аппаратуры, когда внезапно подумал о том, что любой из них мог сам носить на себе микрофон.

Он решил размяться, встал и не спеша прошелся по комнате. Просидев неподвижно над шахматной доской около получаса, он ощутил, что у него затекли мышцы, и ему захотелось попрыгать с баскетбольным мячом или потрудиться на гребном тренажере. Однако с острым раздражением он сообразил, что, кроме кресел, тахты и проигрывателя, в зале ничего не было.

Он дошел до стены и двинулся назад, прислушиваясь к любым звукам, доносившимся из соседних комнат. Ему начинало претить соглядатайство Нейла и вообще вся эта конспирация в замочной скважине; он успокоил себя тем, что уже половина четвертого и часа через три все это, наконец, закончится.

Спортивный зал уменьшался на глазах. Он был уже существенно меньше своих первоначальных размеров; стены лишились дверей и оконных проемов, зал представлял

собой еще просторную, но продолжавшую сокращаться коробку. Ее стены втягивались друг в друга, сжимаясь, как проколотая резиновая игрушка, потолок бугрился многомерными гранями. Неизменными оставались лишь часы и единственная дверь.

Лэнг в конце концов понял, где спрятан «глазок». Он в нетерпении сидел в своем кресле, нервно похрустывая суставами пальцев, пока не возвратился Горелл, потом поднялся и уступил ему свое место. Авери раскинулся в другом кресле, поставив ноги на проигрыватель.

— Присядь-ка на минутку, — сказал Лэнг. — Мне тоже хочется погулять.

Горелл сел в кресло.

— Нужно спросить Нейла, можно ли поставить сюда теннисный стол. Это поможет убить время и позволит немного размяться.

— Отличная мысль, — с иронией одобрил Лэнг, — но только если он пролезет в дверь. А если это удастся, то все равно здесь будет негде повернуться, даже если мы поставим кресла вплотную к стене.

Он прошелся по залу, тайком поглядывая сквозь стекло в комнату санитаров. Свет там был включен, но в комнате по-прежнему никого не было.

Тогда он приблизился к проигрывателю и несколько секунд прогуливался рядом с ним. Внезапно он резко повернулся и как бы невзначай запнулся ногой за гибкий сетевой шнур.

Штепсель выскочил из розетки и упал на пол. Лэнг, словно не заметив этого, оставил его на полу и уселся на подлокотник кресла Горелла.

— А я сейчас отключил «глазок», — гордо сообщил он.

Горелл настороженно оглянулся:

— Где же он был?

Лэнг указал:

— В проигрывателе, — он рассмеялся чуть слышно. — У меня такое чувство, словно я выдернул самого Нейла. Он просто взбесится, когда поймет, что уже не сможет ни слышать, ни видеть нас.

— А почему ты решил, что «глазок» находится в проигрывателе? — спросил Горелл.

— А где ему еще быть? Это самое лучшее место для него. Только здесь. Хотя, может, и там, — он рукой указал на плафон, висевший в центре потолка. — Но там ничего нет, кроме лампочек, а потому проигрыватель —

единственное подходящее место. Я давно предполагал, что микрофон там, но до сих пор сомневался.

Горелл кивнул с понимающим видом. Лэнг отошел, причмокивая языком. Над входом в комнату 69 часы отбили три часа пятнадцать минут.

Сжатие ускорилось. Спортивный зал превратился теперь в маленькую комнатку семи футов в длину и ширину — тесный, почти идеальный куб. Стены близились по сходящимся траекториям, не доходя всего несколько футов до центра этого непостижимого тяготения...

Авери наконец-то заметил, что Горелл и Лэнг кружат вокруг его кресла.

— Хотите присесть? — спросил он.

Они ответили отрицательными жестами. Авери посидел еще пару минут, затем поднялся и потянулся всем телом.

— Четверть четвертого, — сказал он, коснувшись руками потолка. — Кажется, ночь будет очень долгой.

Он подался назад, чтобы пропустить Горелла, а затем присоединился к товарищам, ходившим кругами в тесном промежутке между креслом и стенами.

— Не понимаю, зачем Нейлу нужно, чтобы мы торчали в этой дыре по двадцать четыре часа в сутки? — возмутился он. — Почему здесь нет телевизора? Даже радио подошло бы на худой конец.

Три сгорбившиеся фигуры с убийственной монотонностью двигались вокруг кресла, упорно глядя в пол.

Тем временем зал превратился в воронку — узкую вертикальную клетку нескольких футов в ширину и шести футов в высоту. На потолке под железной сеткой тускло светила последняя запыленная лампочка. Словно в результате неимоверного сжатия поверхность стен стала растрескиваться, приближаясь фактурой к рябому от щербин камню...

Горелл наклонился, чтобы ослабить тугой шнурок на ботинке. Авери тут же натолкнулся на него, задев плечом стену.

— Все в порядке? — спросил он, тронув Горелла за руку. — Здесь довольно тесно. Просто непостижимо — зачем Нейл затиснул нас сюда?

Он прислонился к стене, опустив голову, чтобы не касаться теменем потолка, и задумался. Зажатый в угол, Лэнг стоял рядом с ним, переступая с ноги на ногу.

Горелл опустился на корточки прямо у их ног.

— Который час? — спросил он.

— Наверное, четверть четвертого, — прикинул Лэнг. — Или что-то около того.

— Лэнг, а где вентилятор? — спросил Авери.

Лэнг начал рассматривать стены и маленький квадрат потолка.

— Поскольку все встало с ног на голову...

Горелл встал, и все трое принялись изучать пол у себя под ногами.

— У вентилятора должна быть сетка, — размышлял Горелл. Он продел пальцы сквозь решетку и пошарил за лампочкой.

— Ничего нет. Любопытно. Мне кажется, что нам хватит воздуха максимум на полчаса.

— Похоже, что так, — согласился Авери. — Ты понимаешь, что-то...

— Скажите, Авери, как мы попали сюда? — не дав ему договорить, вмешался Лэнг.

— Что значит «попали»? Мы же члены команды Нейла.

Лэнг оборвал его:

— Знаю.

Он указал на пол.

— Я говорю об этом помещении.

Горелл пожал плечами.

— О чем ты, Лэнг? Просто вошли через дверь. Как же еще?

Лэнг взглянул в глаза Гореллу, потом — Авери.

— В какую дверь? — спросил он тихо.

Горелл и Авери растерянно переглянулись, затем принялись внимательно осматривать каждую стену, детально проверяя дюйм за дюймом. Авери простукал пальцами стены, затем опустился на колени и обшарил пол, пытаясь подцепить ногтями плиты. Горелл согнулся рядом с ним, расчищая швы между плитами.

Вжавшись в угол, Лэнг молча следил за ними. Его лицо было немо и бесстрастно, однако он ощущал, как бешено пульсирует вена на его левом виске.

Когда же они выпрямились, недоуменно вглядываясь друг другу в лицо, он рванулся между ними к противоположной стене.

— Нейл! Нейл! — завопил он и изо всех сил забарабанил кулаками в стену. — Нейл! Нейл!

Свет у них над головой начал медленно меркнуть.

Закрыв за собой дверь помещения операционной, Морли прошел к столу. Несмотря на то что было только четверть

четвертого утра, Нейл, надо полагать, уже встал и работает над последними материалами в кабинете рядом со своей спальней. Хорошо, что карточки тестирования, проведенного в этот день, обработанные одним из интернов, заблаговременно были положены в информационную папку на его столе.

Морли раскрыл папку Лэнга и принялся просматривать содержимое. Он надеялся, что ответы Лэнга на отдельные тесты, сформулированные в виде невинных вопросов, могут прояснить подлинные мотивы, скрывающиеся за его постулатом «сон — это смерть».

Дверь в комнату санитаров отворилась, и к нему обратился интерн:

— Не желаете, чтобы я сменил вас в зале, доктор?

Морли отрицательно мотнул головой и отказался:

— Не волнуйтесь, я ненадолго.

Он не спеша отбирал необходимые для работы карточки, задумчиво, неоднократно возвращаясь к уже просмотренным. Морли не торопился оказаться снова под жаркими лучами ламп в порядком надоевшем ему зале и потому как мог оттягивал возвращение. Только в три двадцать пять он наконец-то оставил свой кабинет и вошел в зал.

Люди сидели там же, где он их оставил. Опустив голову на тахту, Лэнг следил за его приближением, Авери горбился в кресле, уткнувшись лицом в журнал, а Горелл склонился над шахматной доской.

— Кто-нибудь хочет кофе? — позвал Морли, решив, что им пора переключиться.

Никто не шевельнулся. Морли ощутил легкую досаду, особенно при виде Лэнга, который смотрел как бы сквозь него. Потом увидел то, что заставило его вздрогнуть: на полированном полу в десяти футах от тахты валялась шахматная фигура. Он нагнулся и поднял ее. Это был король. Он поразился, как может Горелл анализировать позицию без самой главной фигуры, но увидел рядом еще три. Он взглянул на Горелла.

Под креслом и тахтой валялись другие фигуры. Горелл же обвис в своем кресле, как мешок: локоть его сорвался с подлокотника, и рука болталась между колен, касаясь пола. Другая рука Горелла упиралась в лицо. Его застывшие глаза смотрели в пол.

Морли кинулся к нему:

— Лэнг! Авери! Скорее санитаров! — он обхватил Горелла и попытался поднять его с кресла. — Лэнг! — позвал он еще раз.

Лэнг тупо не сводил взгляда с часов. Его тело было неестественно, изломано, как у манекена. Морли опустил Горелла на тахту, нагнулся над Лэнгом и посмотрел ему в глаза. Затем стремительно повернулся к Авери, отодвинул закрывавший его лицо журнал и коснулся его плеча. Голова Авери безвольно упала. Журнал вывалился из его рук, а пальцы так и остались скрюченными у него перед глазами.

Морли переступил через безжизненно лежащие на проигрывателе ноги Авери и нажал кнопку.

Сигнал тревоги в комнате санитаров разорвал тишину зала.

— Вы оставили их одних? — резко спросил Нейл.

— Да, — сознался Морли.

Они стояли у входа в палату интенсивной терапии. Двое санитаров, подготовив к применению блок электротерапии, везли его на тележке в палату. За стенами спортзала суматошно бегали санитары и интерны. Весь свет, кроме плафонов в центре зала, был отключен, и сам зал походил теперь на театральную сцену, опустевшую после премьеры.

— *Я только забежал в приемную, чтобы взять данные* тестирования Лэнга, — объяснил Морли. — Меня не было с ними каких-нибудь десять минут.

— Вы были обязаны неотлучно наблюдать за ними, — взорвался Нейл. — Никуда не уходить, как бы вам ни приспичило. Иначе какого дьявола мы соорудили и зал, и весь этот балаган?

Эту тираду Нейл выпалил, когда было около пяти тридцати утра. Бесплодные попытки вернуть к жизни трех добровольцев почти полностью опустошили его. Он снова посмотрел на них, лежавших неподвижно и безучастно на своих койках, укрытых простынями по самые подбородки. Внешне они оставались почти прежними, но их открытые глаза застыли, а на восковых лицах отсутствовало всякое выражение.

Интерн нагнулся над Лэнгом, вводя ему подкожное. Морли смотрел в пол.

— Думаю, сегодня или завтра они все равно ушли бы.

— Как вы можете так думать? — Нейл стиснул зубы. Он понимал, что Морли, наверное, прав — все трое отключились полностью, не реагируя ни на инсулин, ни на

электрошок, оставаясь в состоянии глубокого кататонического ступора*. Но Нейл никогда ничего не принимал на веру, пока не получал абсолютных доказательств.

Нейл прошел в свой кабинет и прикрыл за собой дверь.

— Садитесь, — указав Морли на стул, он нервно забегал по комнате.

— Ну хорошо, Джон. Так что же это, по-вашему?

Морли поднял одну из карточек тестирования, лежавшую на столе, и повертел ее в руках. На ум приходили лишь отрывочные бессвязные фразы.

— Каких диагнозов вы ждете от меня? — спросил он. — Реактивация инфантильности, бегство в великую дремлющую матку? Или же элементарный взрыв раздражения?

— Продолжайте.

Морли развел руками:

— Состояние постоянного бодрствования — тяжелейшее испытание для мозга. Реакция на любой регулярно повторяемый сигнал постепенно угасает. Повторите любое слово, хотя бы слово «сон», до ста раз, и вы почувствуете, что, начиная с определенного момента, контроль мозга притупляется, ослабевает. Он уже не так точно воспринимает и обрабатывает информацию, его деятельность постепенно замирает.

— И что же в этом случае делать?

— Ничего. Недостаток информации в памяти действует губительно вплоть до первого поясничного сегмента. Центральная нервная система не в состоянии вынести подобную анестезию**.

Нейл, выражая несогласие, покачал головой:

— Вы не правы. Вы запутались, — коротко возразил он. — Теоретизирование и жонглирование общими словами не возвратит этих троих к жизни. Сперва нужно понять, что же все-таки с ними произошло, что они ощущали и видели.

Морли нахмурился, проявляя несогласие:

— Эти дебри охраняются табличкой «частное владение». Даже если вы добьетесь своего, картина психической драмы ухода из бытия не даст вам ничего.

— Напротив. Какой бы бессмысленной и безумной ни

---

* Кататония — нервно-психическое расстройство, характеризующееся различными степенями моторной заторможенности вплоть до полной обездвиженности. Ступор — состояние резкой угнетенности, выражающееся в полной неподвижности и молчаливости.

** Анестезия — потеря чувствительности, возникающая при некоторых заболеваниях нервной системы.

казалась нам причина их ухода, для них это была горькая реальность. Если бы мы узнали, что на них обрушился потолок, или весь зал утонул в суфле, или сделался лабиринтом, вот тогда мы имели бы отправную точку для анализа. — Он уселся за стол: — Помните, вы говорили мне об одном рассказе Чехова?

— «Пари»? Помню.

— Я разыскал его вчера вечером. Занимательно. Чехов оказался намного ближе к разгадке, чем мы, — он внимательно оглядел свой кабинет. — Эта комната, прожить в которой человек сам приговорил себя на десять лет, — символ человеческого ума, поднявшегося до высшей степени самосознания... Что-то очень похожее случилось с Авери, Гореллом и Лэнгом. Видимо, они достигли состояния, при котором уже не могли больше нести бремя своей исключительности. И я сказал бы, кроме невозможности для себя постичь эту идею, они не осознавали уже ничего больше. Они стали похожи на человека, помещенного в зеркальную сферу, который не видит ничего, кроме гигантского взирающего на него в упор глаза.

— Значит, вы считаете, что они бежали от этого глаза, всеподавляющего эго?

— Нет, — возразил Нейл, — психический больной вообще ни от чего не убегает. Он гораздо гибче. Он просто изменяет реальность, приспосабливая ее к себе. Хотел бы я уметь это. Ситуация в рассказе Чехова подсказывает мне объяснение того, как происходит эта подработка действительности под себя. В нашем случае эквивалентом чеховской комнаты был спортивный зал. Сейчас я думаю, что нельзя было помещать их туда — все эти лампы, просторный пол, высокие потолки. Все это усугубило перегрузку. Фактически, спортивный зал стал внешней проекцией их собственного эго.

Нейл пробежал пальцами по крышке стола:

— Я думаю, что они или сами выросли в этом зале до размеров сказочных великанов, либо низвели объем зала до своих собственных размеров. Самое вероятное то, что они просто обрушили на себя этот зал.

Морли чуть заметно усмехнулся:

— Значит, все, что мы можем сделать, — это влить в них как можно больше аморфина и меда и убедить их вернуться? А если они не пожелают?

— Они пожелают, — ответил Нейл. — Сами увидите.

В дверь постучали, в кабинет заглянул интерн.

— Лэнг выходит из ступора. Он зовет вас.

Нейл пулей выскочил из кабинета. Морли поспешил за ним в палату. Лэнг с закрытыми глазами неподвижно лежал на кровати. Его рот был слегка раскрыт. Ни звука не срывалось с его губ, но Морли, склонившийся над ним вместе с Нейлом, видел, как судорожно вибрирует его челюсть.

— Он очень слаб, — предупредил интерн.

Нейл подвинул стул и уселся рядом с Лэнгом, до предела сосредоточился, низко наклонился к Лэнгу и напряженно прислушался. Через пять минут судорога повторилась. Губы Лэнга задергались. Его тело под простыней напряглось, точно он пытался разорвать невидимые путы, потом снова обмяк.

— Нейл... Нейл, — пролепетал он. Звуки, чуть слышные и глухие, доносились как из глубины колодца. — Нейл... Нейл...

Нейл положил на его лоб свою изящную тонкую руку.

— Да, Бобби, — произнес он нежно. Его голос был мягким, как птичий пух. — Я с тобой, Бобби. Выходи, теперь уже можно выходить.

МЕСТЬ

— У вас есть еще одна попытка, — сказал Шэрингэм.

— Ну что ж, попробуем еще раз, — Мэкстид вздохнул, поднял наушники и нехотя надел их. Пластинка завертелась, и он в который раз попытался сконцентрироваться и узнать эти странные звуки.

Они были похожи на монотонный скрежет металла, как будто упаковку железа провозят в грузовике через туннель. За десять секунд они отзвучали раз двадцать и неожиданно прекратились.

— Итак? — спросил Шэрингэм. — Что же это, по-вашему?

Сдернув наушники, Мэкстид растер уши. За несколько часов прослушивания они покраснели и стали болезненно восприимчивы к любому звуку.

— Можно предположить всякое, — сказал он. — Возможно, лед... подтаивающие кубики в коктейле?

Шэрингэм энергично замотал головой. Даже бородка его затряслась, выражая несогласие. Мэкстид развел руками:

— Ну, тогда это встреча двух галактик.

— Нет, акустические волны в межзвездном пространстве не распространяются. Я дам вам ниточку. Этот звук можно услышать достаточно часто.

Казалось, что затянувшееся испытание доставляет ему огромную радость.

Мэкстид прикурил сигарету и швырнул спичку на лабораторный стол, где она медленно превратилась в крошечную кучку пепла, прочертившую на столе тонкую линию. Он злорадно следил за этим процессом, чувствуя нетерпение Шэрингэма.

Мэкстид выждал еще минуту и решил выдвинуть, на его взгляд, неприличное предложение:

— Возможно, это...

— Время истекло, — торжественно произнес Шэрингэм, — это всего лишь падающая игла. — Он снял пластинку и спрятал ее в конверт. — Если быть абсолютно точным, то это процесс падения. Мы записывали его в пятидесятифутовой колбе, использовав для этого восемь микрофонов. А я-то надеялся, что вы угадаете.

Он протянул руку к последней долгоиграющей пластинке, но Мэкстид поднялся, прежде чем она легла на диск. Через стеклянные двери он рассмотрел, что на столе, стоявшем в патио, весело поблескивают графин и два бокала. Неожиданно его возмутил и сам хозяин, и его мальчишеские развлечения. Он уже ругал себя за то, что так долго терпел этого зануду.

— Может быть, выйдем на свежий воздух, — резко произнес он и встал. — У меня уже в ушах звенит.

— Хорошо, хорошо, — сразу же согласился Шэрингэм. Он отставил пластинку и выключил проигрыватель. — Все равно я хотел оставить ее на десерт.

Они вышли из лаборатории, тесно установленной радиоаппаратурой, в мягкий, теплый вечер. Шэрингэм зажег японские фонарики, и они комфортно расположились в удобных кожаных креслах под открытым небом.

— Извините, если это показалось вам неинтересным, — произнес Шэрингэм, потянувшись за графином. — Микрозвукозапись — это уникальное хобби, но у меня оно, кажется, начинает переходить допустимые границы.

Мэкстид промычал что-то невнятное.

— Отдельные записи очень нестандартны и любопытны, — нехотя признал он, — особенно, звук разрываемых бабочек или хруст ломающихся бритвенных лезвий. И

все-таки как бы вы ни настаивали, я никогда не поверю, что микрозвуки могут принести науке какую-нибудь практическую пользу. Это всего лишь лабораторные развлечения, выполненные на высочайшем уровне. И все равно это только развлечения.

Шэрингэм возразил ему:

— Вы глубоко неправы. Не забыли пластинку, где записан процесс деления клеток? Так вот, этот звук, только усиленный в сто тысяч раз, напоминает громыхание слетающего с крыши кровельного железа или — как вы удачно выразились — грохот двух врезавшихся друг в друга автомашин, воспроизведенный в замедленном темпе. Но в то же время звуки размножения растительной клетки несут матовые тона и сладостные аккорды — это поэзия электроники. Великолепная иллюстрация того, как при помощи микрозвуков можно установить различия между растительным и животным миром.

— Я считаю, что это чересчур уж замысловато придумано, — возразил Мэкстид, добавляя себе содовой. — Можно, конечно, с равным успехом определять скорость машины по смещению звезд. Но зачем это делать, не проще ли взглянуть на спидометр?!

Шэрингэм не возражал, пристально глядя на собеседника. Было ясно, что разговор стал ему неинтересен. Двое мужчин молчали над своими бокалами. Выпивка не сблизила их, наоборот, неприязнь, которую они столько лет испытывали друг к другу, сейчас еще больше обострилась, превращаясь в открытую вражду. На чашу весов легла разница в возрасте, во внешности, образе мышления и образе жизни. Мэкстид, отлично сложенный мужчина со стандартно красивым лицом и чувственным взглядом, откинулся в кресле и подумал о Сюзанне Шэрингэм. Она сейчас находилась на званом вечере у Тернболлов, где ему в силу многих, в том числе и семейных, причин нельзя было появляться. Он жалел, что вынужден проводить время не с нею, а с ее карикатурным супругом.

Мэкстид рассматривал этого рогоносца с холодным безразличием и задавал себе вопрос, а есть ли у этого иссохшего, малопривлекательного человека пусть одна, но привлекательная черта, хоть чуточку нивелирующая его занудливость и полное отсутствие чувства юмора...

Наверное, таких черт и вовсе не было, хотя приглашение в свой дом удачливого соперника требовало определенной смелости и чувства собственного достоинства. С

другой стороны, предлог, под которым Шэрингэм зазвал его к себе, выглядел весьма неестественным.

Первоначально он пытался обставить свое приглашение как вполне мотивированное. Шэрингэм — профессор биохимии, университетский преподаватель — имел в своем доме хорошо оборудованную лабораторию; Мэкстид — в недалеком прошлом известный спортсмен, перешедший после окончания спортивных выступлений в личную охрану президента фирмы по производству микрооборудования. Их встреча, настаивал в телефонном разговоре Шэрингэм, принесет пользу обеим сторонам.

Конечно, получилось так, что при встрече у них не возникло беседы на щекотливую тему. О Сюзанне не упоминали, хотя ее незримое присутствие тяжелой тенью лежало между ними. Мэкстид размышлял о том, каким же образом хозяин дома спровоцирует неизбежный конфликт. Ловкое лавирование вокруг трагической темы, метко нанесенный удар в затылок каким-нибудь прибором или услуга наемного убийцы совсем не вписывались в облик профессора. Он был возбужден и буквально светился каким-то детским злорадством.

Мэкстид попытался прийти в себя. По всему его телу, от затылка к ногам, пробежала резкая судорога. Воздух в патио как-то вдруг резко похолодал, будто на всю мощь включили кондиционер. Он поднял бокал и допил остаток виски.

— Стало прохладнее, — пояснил он свой жест. Шэрингэм взглянул на часы. Во всем его облике ощущалась странная нерешительность, казалось, он ждет какого-то сигнала. Наконец он решился и произнес с загадочной полуулыбкой:

— Настало время последней попытки.

— Что вы хотите сказать? — спросил Мэкстид.

— Вы сидите, — уклонился от ответа ученый, поднявшись со своего места и показав рукой на репродуктор, висевший на стене, как раз над головой гостя. — Я сейчас поставлю ее.

Он весело ухмыльнулся и вышел.

Ощущая неприятный озноб, Мэкстид посмотрел вверх на ясное тихое небо и от души пожелал, чтобы улегся холодный ветер, потоки которого как будто ворвались в комнату.

Внезапно из репродуктора зазвучали низкие, прерывистые звуки и, усиленные мегафонами (Мэкстид обнаружил их только сейчас), затопили весь двор.

Мэкстиду все еще было холодно, и, снисходительно жалея Шэрингэма с его глупыми выходками, он опять решил выпить, чтобы согреться. Но, потянувшись за графином, неожиданно потерял равновесие и мешком рухнул в свое кресло. Ему показалось, что весь желудок как будто заполнился необыкновенно тяжелой ртутью.

Собрав волю в кулак, он рванулся вперед и снова попытался дотянуться до графина, но достиг лишь того, что опрокинул свой бокал. Чувствуя, что теряет сознание, он без сил уронил руки на стеклянную крышку стола и рухнул на них головой.

Когда он, наконец, сумел поднять голову, Шэрингэм стоял рядом и понимающе улыбался.

— Вам нехорошо, верно ведь? — скорее подтвердил, чем спросил он.

Едва дыша, Мэкстид с трудом сумел выпрямиться и запрокинуть голову. Он попытался ответить, но забыл все слова до единого. Он ощутил такую боль в сердце, что до крови закусил губу.

— Не тревожьтесь, — успокоил его профессор и обнадежил: — Утрата равновесия — это единственное побочное явление. Не тревожьтесь, это скоро пройдет.

Он неторопливо, как лектор на кафедре, прошелся по патио, со всех сторон рассматривая своего гостя, а потом удовлетворенный опустился в кресло. Приподняв сифон, он потряс им в воздухе.

— Здесь цианин хрома. Содержит гидроксильные ионы, которые, проникая в кровь, начинают процесс торможения коэнзимов, действующих на жидкость в организме. Объясню проще: человек начинает тонуть. Он тонет совершенно по-настоящему, а не просто задыхается, как бывает, когда опускаешься с головой под воду. Но я не хочу отвлекать вас от главного.

Он нагнулся к репродукторам. Теперь в патио звучали странные, глухие и свистящие звуки, как будто пружинистые валы набегали друг на друга в океане жидкого каучука. Удары были очень громкими, медлительными, им аккомпанировало тяжелое сопение огромных мехов. Сперва чуть слышные, звуки эти все усиливались, пока не охватили весь двор, заглушая даже гул моторов автомашин, проносящихся иногда по пролегающему рядом шоссе.

— Просто фантастика, вам не кажется? — произнес Шэрингэм. Он выглядел оживленным и элегантным, помолодевшим лет на десять. — Эти звуки повторяются через каждые полминуты, четыреста микрофонов, тыся-

чекратное усиление. Не буду скрывать, над этой пластинкой пришлось немало потрудиться. Все-таки поразительно, в какую мерзость можно превратить самый замечательный звук. Вам ни за что не угадать, что вы слушаете.

Мэкстид попытался повернуться. Ртуть, заполнившая его живот, оставалась такой же ледяной и глубокой, как пропасть в океане. Конечности раздулись, будто гениталии утонувшего великана. Он видел скакавшего перед ним Шерингэма и слышал отдаленный неторопливый рокот моря. Оно приближалось к нему, шумело как-то невнятно, равномерно, настойчиво; гигантские валы взлетали, как воздушные шары, и лопались, словно пузырьки расплавленной лавы.

— Пойми, Мэкстид, над этой пластинкой я работал целый год, — говорил Шэрингэм. Он стоял перед любовником своей жены, широко расставив ноги и поигрывая сифоном. — Год! Представляешь себе, сколько муки может принести год?

Он замолчал, взял себя в руки и приостановил поток скорбных воспоминаний.

— В прошлую субботу, когда минула полночь, ты был здесь вместе с Сюзанной, сидел как раз на этом месте. Вы не знали, что я повсюду установил записывающие приборы, миниатюрные, тоненькие, как карандаш. Только в спинке кресла их четыре штуки. Ветер, который вызвал у тебя дрожь, — это твое собственное, весьма тяжелое дыхание, — заявил он хорошо поставленным лекторским голосом. — А ваше слившееся дыхание звучит, как удар грома.

Волны звуков уносили Мэкстида.

Чуть позднее перед его глазами возникло лицо ученого, борода Шэрингэма тряслась, губы дрожали.

— Мэкстид! Последняя загадка осталась, ради всего святого, напрягись! — злобно кричал профессор; грохот, несущийся со стороны моря, перекрывал звуки его голоса. — Так что же это, Мэкстид?! — гаркнул Шэрингэм. Он бросился к ближнему приемнику и повернул рукоятку громкости на полную мощность. Громоподобные звуки затопили всю комнату, расплавляясь в ночном небе.

Теперь Мэкстид был почти мертв, лишь крохотный обломок сознания держался, словно безымянный островок, рушащийся под мощными ударами беспощадных волн.

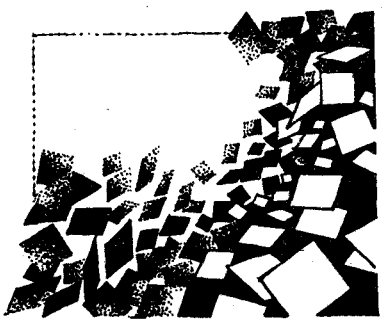
Опустившись на колени, Шэрингэм вопил ему в ухо.

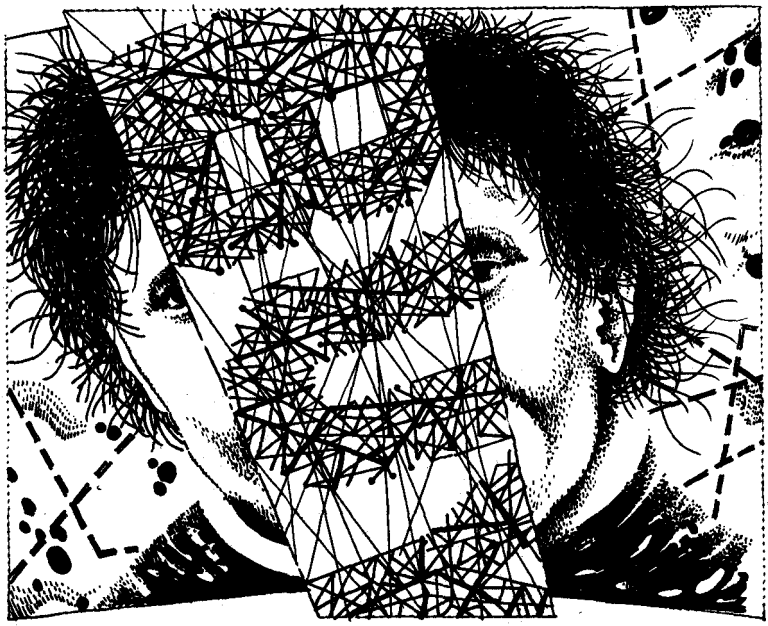
— Мэкстид, слышишь гул океана? Знаешь ли ты во что погружаешься, в чем тонешь?

Еще несколько гигантских, плотных волн, каждая тяжелее и выше предыдущей, перекатились через Мэкстида.

— В поцелуе! — прогремел Шэрингэм. — Ты тонешь в поцелуе!

Остров рванулся из рук мучителя и погрузился в раскаленную густую магму.

ТЫ КУПИШЬ, ДОКТОР!

— Еще одна реклама, доктор! Вы видели эти рекламные щиты?

Насупившись, доктор Франклин ускорил шаг. Пробежав по больничной лестнице, он резко свернул к автостоянке, стараясь не обращать внимания на высокого молодого человека в запыленном рабочем комбинезоне. Тот издалека махал рукой, пытаясь привлечь к себе внимание, но, увидев, что доктор старательно избегает встречи, кинулся ему наперерез.

— Доктор Франклин! Новая реклама...

Никак не реагируя, врач стремительно обогнал чету старцев, возникших на его пути. Но от стоянки его отделяла добрая сотня ярдов, а голос преследователя звучал уже совсем близко. Франклин махнул рукой и покорился неизбежному.

— Ну, что вам теперь понадобилось, Хэсуэй? — доктор попытался перехватить инициативу в разговоре. — Мне надоела ваша маниакальная навязчивость. Неужели это трудно усвоить?

Хэсуэй ответил врачу пристальным взглядом из-под всклокоченной шевелюры. Затем рукой, больше напоминающей лапу медведя средней величины, он откинул волосы со лба и лучезарно улыбнулся, радуясь, что все-таки сумел задержать доктора.

— Вчера вечером я звонил вам, док. Но ваша супруга, узнав мой голос, все время бросала трубку, — спокойно, как будто его это не задевало, сообщил он. — Мне казалось невежливым тревожить вас в госпитале...

Они разговаривали, стоя рядом с живой изгородью, которая надежно скрывала их от невысоких окон главного административного здания. Это немного успокоило Франклина. Слишком уж веселили его коллег регулярные встречи и громкие беседы с Хэсуэем.

Доктор картинно расшаркался.

— Вы на редкость деликатны, и я ценю это.

Но Хэсуэй как будто и не замечал сарказма врача.

— Все это ерунда, доктор... Есть куда более важная тема для разговора. — Хэсуэй заговорил очень тихо. — Они приступили к новому строительству. Этот щит станет самым большим, около ста футов в высоту. Его возводят на газоне рядом с дорожным полотном при въезде в город. Обратите внимание, рекламные щиты уже обступили все подъезды к городу. Они добиваются того, чтобы мы вовсе разучились думать и принимать решения.

— Все горе именно в том, что вы слишком много думаете об этом, — возразил Франклин. — Вы уже несколько недель говорите только об этих щитах. Но на самом деле вы же не видели, чтобы они передавали какие-нибудь сигналы?

— Конечно, нет, док! В том-то и суть, что их невозможно обнаружить...

Он снова заговорил шепотом. Рядом, с интересом поглядывая на них, прошли три санитарки.

— Монтажные бригады снова вели ночные работы. Они прокладывают сверхмощную проводку. Сейчас монтаж уже почти закончен — поедете домой и сами увидите, что пуск новой установки не за горами...

— Могу поспорить, что это просто дорожные знаки, — раздраженно возразил Франклин. — В этом районе только что построен виадук. Прошу вас, Хэсуэй, ради всего святого, выбросьте вы хоть на какое-то время эту свою идею фикс. Думайте лучше о Доре и ребенке.

— Я только о них и думаю! — Голос Хэсуэя стал суровым. — Эти провода способны выдержать напряжение в

сорок тысяч вольт. Строительные платформы загружены гигантскими стальными решетками. С завтрашнего дня их начнут монтировать на мачты по всей городской территории и загородят половину небосклона. Что ж, по-вашему, это поможет моей жене и больному ребенку? Доктор, их необходимо остановить. Вы выдающийся врач, вы способны это сделать. Помешайте им, пока они не превратили наши мозги в магнитофонную приставку.

Невольно сочувствуя издерганному Хэсуэю, Франклин не знал, как прекратить ненужный разговор. Растерянным взглядом он выискивал в океане замерших на стоянке автомобилей свою машину.

— Хэсуэй, извините, но у меня нет возможности продолжать этот затянувшийся и абсолютно беспредметный разговор. Не обижайтесь, но вам нужно обратиться к хорошему психоаналитику, пока навязчивые идеи не захватили вас целиком.

Хэсуэй хотел возразить, но Франклин остановил его энергичным жестом руки:

— Минутку! Если вы докажете, что любой из рекламных щитов, построенных за последние месяцы, подает управляющие сознанием сигналы, я немедленно отправлюсь с вами в полицию. Но таких доказательств у вас нет и быть не может, и вы сами прекрасно знаете это. Еще тридцать лет назад было наложено вето на всякую психорекламу, и этого запрета никто не отменял. Любая попытка технической деятельности в этом направлении карается законом. Одно предположение, что возможно вести такую гигантскую атаку на мозги людей с использованием рекламных щитов, — это просто химера!

— Отлично, док! — Хэсуэй прислонился к капоту одной из машин. Можно было подумать, что он совсем не расстроен. Он смотрел на врача, не скрывая симпатии. — Что с вами происходит, вы не можете найти свою машину?

— Это ваша дурацкая назойливость так на меня повлияла. — Франклин достал ключ зажигания и прочел номер: «НУН-299-56-367-21». — Не видите ее?

Хэсуэй неторопливо распрямился и начал неспешно просматривать ряды из тысяч машин, заполнивших стоянку.

— Сложно найти, ведь они все не только одной марки, но и одного цвета. Всего тридцать лет назад в продажу поступали по меньшей мере дюжины различных моделей, а о расцветке я и не говорю.

Франклин в конце концов отыскал глазами свою машину и двинулся к ней.

— А лет шестьдесят назад были сотни разнообразных моделей. Но нам внушили, что стандартизация весьма экономична, она позволяет удешевить продукцию.

Хэсуэй легонько постукивал ладонью по кузовам машин, мимо которых они продвигались.

— А ведь на самом деле эти машины довольно дороги, доктор. Сравните нынешние цены и доходы с теми, что были тридцать лет назад, и вы сразу поймете, что ваша нынешняя «тачка» стоит вдвое больше, чем в те времена. Выбора нет, а цена растет, хотя вроде бы должна падать.

— Ну что же, — возразил врач, отпирая дверцу. — Зато эта модель значительно лучше по всем параметрам. Она проще в управлении, экономичнее в эксплуатации, лучше подготовлена на случай неожиданной аварии.

Хэсуэй пренебрежительно передернул плечами.

— Одна марка, один стиль, один цвет, черт побери, и все это из года в год...

Он провел запачканной ладонью по стеклу машины.

— Опять новая, да, док? А куда вы дели прежнюю? Ведь она прослужила вам всего три месяца, не больше!

— Я ее продал, — ответил Франклин, включая двигатель. — Если вы когда-нибудь начнете хорошо зарабатывать, то сами поймете, что лучший способ эксплуатации заключается в том, чтобы не доводить агрегат до предаварийного состояния. Неважно, о чем идет речь, об автомобиле, телевизоре, холодильнике или стиральной машине. Но зачем я все это вам говорю, все равно у вас в карманах гуляет ветер.

Хэсуэй стоял, грузно опершись на открытую дверцу.

— Я занят работой по двенадцать часов в сутки, и у меня нет времени, чтобы каждую неделю менять вещи. Да и не верю я, что они так быстро изнашиваются.

Он приветливо помахал рукой врачу, пока тот выезжал со стоянки, а потом крикнул вслед:

— Будьте внимательнее в дороге, док!

На обратном пути Франклин старательно выбирал ряд с самым неторопливым движением. Как всегда беседа с Хэсуэем оставила у него какое-то тягостное чувство. Он вдруг понял, что, как это ни странно, но он почти завидует этому несчастному парню. Пусть тот живет в запущенной, мрачной комнате под вечный грохот грузовиков за окном, с ворчливой женой и больным ребенком, выслушивая постоянную ругань квартирной хозяйки, все равно он держится с достоинством. Независимый, несломленный, он стойко охраняет свою жизнь от окружающего мира.

Единственное слабое место — это его беспричинная боязнь зловещей психологической рекламы.

И все равно жалкая его свобода лучше, чем кажущаяся независимость Франклина, опутанная всевозможными ограничениями — трижды заложенный дом, ненавистные, но неизбежные приемы, коктейли, визиты и телевечера, частные консультации, лишившие его субботнего отдыха, но дающие средства на оплату расходов по содержанию жилья, приобретение новых туалетов для жены, организацию званых вечеринок.

У него уже не оставалось личного времени, кроме того, которое давала ему дорога на службу и обратно.

И как бы ни пытался Хэсуэй испортить ему настроение, дорога была отличная. По-всякому можно оценивать нынешнее общество, но чего у него не отнимешь, так это умения строить скоростные трассы. Шоссейные дороги, позволяющие машинам мчаться в восемь, десять и даже в двенадцать рядов, опутали весь материк. Они прячутся в подземные тоннели, теряются в огромных паркингах вблизи городов, они, словно вздутые вены, перекачивают потоки машин круглые сутки без остановки.

Множество машин пролетало мимо Франклина и уносилось вдаль. Стряхнув оцепенение, он перешел на соседнюю полосу, где разрешалась скорость не сорок, а пятьдесят миль в час. Внезапно прямо из-под шин возник противный, визгливый звук — «голос незримого полисмена». Покрытие каждого ряда трассы содержало специальный состав, по которому можно было нестись бесшумно, только не превышая предельной для этого ряда скорости. Доктор притормозил, и неприятный звук исчез.

Покрытие — фиксатор скорости, — получившее название «незримый полисмен», применялось на городских дорогах уже несколько лет. Франклин припомнил, что вскоре после внедрения этого широко разрекламированного новшества обнаружилось, что автомашины изнашиваются гораздо быстрее, чем прежде, — за какие-нибудь полгода. «Незримый полисмен» не только контролировал скорость движения, но и поднимал прибыль автомобильных монополий. Единицам из числа тех, кого это обеспокоило, компания, разработавшая рецепт нового покрытия, популярно разъяснила: частая замена машин способствует повышению товарооборота, а это, в свою очередь, приводит к удешевлению и модернизации личного транспорта, не говоря уже о том, что из эксплуатации изымаются устаревшие и потому опасные для других водителей модели.

Через пару минут доктор подъехал к первому перекрестку. По глазам били гигантские дорожные знаки: «Пересечение дорог», «Снизить скорость», «Конец покрытия, фиксирующего скорость». Франклин попытался втиснуться в первый ряд, но машины стояли впритык. Пронзительно завыли клаксоны, и от этой какофонии доктор почувствовал, как его начала бить крупная дрожь.

У самого перекрестка почти половина рядов была перегорожена. На строительной площадке толпились инженеры и землекопы, бригады монтажников скрепляли тяжелые металлические решетки прямо на свежей траве газона.

Франклин припомнил, что Хэсуэй жил где-то поблизости, в одном из безобразных стандартных строений огромного рабочего квартала, беспорядочно разбросанного вокруг ближнего виадука, и ему подумалось, что, возможно, именно об этом рекламном щите твердил сегодня Хэсуэй.

Щит и в самом деле был огромным, не менее ста футов высоты. Массивные овальные решетки крепились на бетонных стойках. Они высоко вздымались над окрестными трассами, и щит издалека бросался в глаза.

Франклин внезапно осознал, что с интересом изучает толстые трансформаторные провода, стремящиеся вверх и теряющиеся в запутанной сетке стальных канатов. Мощные сигнальные авиалампы заливали багровым светом всю стройку. Ему подумалось, что щит выглядит как составная часть наземной посадочной системы крупнейшего аэропорта, разместившегося в десяти милях восточнее города.

Через пару минут, когда он снова вынужден был сбросить скорость (шоссе здесь расходилось на множество самостоятельных ответвлений), Франклин прямо перед собою увидел другой огромный щит, поднявшийся высоко в небо.

В зеркальце заднего обзора был отлично виден огромный блок первого экрана. Их было нетрудно сравнить. Второй щит еще не был покрыт густым скрещением проводов. Он опять вспомнил то, о чем говорил недавно Хэсуэй, и почему-то подумал, что оба экрана находятся в стороне от направления взлетной и посадочной полос...

Ярдах в двухстах от дороги высился огромный универсальный магазин. Доктор вдруг вспомнил, что у него кончились сигареты. Он съехал вниз по спуску, ведущему к универсаму, и занял место в медленно ползущей автомобильной очереди. Машины заполняли все пять торговых линий.

Он бросил монету — бумажные деньги, как непригодные для покупок через автоматы, практически вышли из употребления — и достал из торговой камеры коробку. В продаже был всего один сорт сигарет, да и вообще любой товар был единственного сорта, хотя огромные рекламы вопили со всех сторон о богатейшем ассортименте. Отъехав от раздатчика, Франклин открыл ящик, расположенный на щитке прибора.

В нем лежали три пачки таких же сигарет в магазинной упаковке.

Уже на пороге дома он учуял доносившийся из кухни едкий запах пережаренной рыбы. Без большого восторга вдохнув его, Франклин повесил плащ и шляпу, миновал переднюю и вышел в холл.

— Джудит! — окликнул он жену. — Оторвись хоть на минуту от экрана!

Расфуфыренная теледива изливала на слушателей поток цифр, и Джудит, не успевая перевести дух, заносила их в свой блокнот.

— Это издевательство! — возмущалась она. — Нельзя так спешить, я успела записать названия только нескольких товаров.

— Может быть, она делает это умышленно, — предположил Франклин. — Это что, очередная телеигра?

Джудит чмокнула мужа в щеку и незаметно оттолкнула в сторону пепельницу, наполненную окурками вперемежку с конфетными обертками.

— Ах, дорогой, извини, но я не успела приготовить тебе коктейль... Они начали очередную серию... Тот, кто успел без ошибок переписать все названные цифры, может получить скидку в девяносто процентов, правда, при условии, если он проживает в определенном районе и пользуется услугами конкретных магазинов. В общем, все это ужасно сложно.

— Зато любопытно придумано. А что хочешь ты?

Джудит изучала свои записи.

— Я нашла только одну нужную штуку — инфракрасную микродуховку с мангалом для шашлыков. Но магазин закрывается в восемь. У нас всего полчаса.

— Значит, номер не пройдет. Я совсем без сил, моя прелесть, и голоден, как волк.

Жена попыталась возразить, но он ласково и решительно прервал ее:

— Тебе не кажется, что мы могли бы прожить и без новой духовки? У нас уже есть такая. Купили всего два месяца назад.

— Ну и что же, дорогой. Неужели ты не понимаешь, что купить новую выгоднее? Ведь в конце года старую все равно придется продать. Мы же подписали договор на право пользования не больше года. Значит, мы выиграем на этой сделке по меньшей мере двадцать долларов. Между прочим, мне эти двадцать зеленых тяжело достаются — попробуй-ка весь день, не отходя от телевизора, слушать эту противную торговую рекламу.

Она начала возбуждаться, но доктор опять оборвал ее:

— Хорошо, потеряем двадцать долларов. Думаю, что мы можем себе это позволить.

И когда она, передернув плечиками, двинулась к бару, сказал ей вдогонку:

— Покрепче, пожалуйста. Догадываюсь, что ты собираешься угостить меня натуральной свежей рыбой...

— Все для твоего здоровья, милый. Нельзя же вечно употреблять одни суррогаты. Специалисты утверждают, что в них недостает разных витаминов и протеинов. Да ты и сам говорил, что полезнее всего питаться естественной пищей, как это было в старые добрые времена.

Франклин взял бокал, опустился на софу и посмотрел в наступающие сумерки. Перед его взглядом, примерно в четверти мили, возвышались пять багровых башен, их силуэты отражались в застекленной крыше ближнего универсама. Через равные промежутки времени контрольные лампы освещали фасад супермаркета, и тогда на фоне ночного небосклона четко вырисовывалась мощная прямоугольная опора гигантского щита.

Он прошел в кухню и обнял жену за талию.

— Джудит, — спросил он, подводя ее к окну. — Ты не помнишь, когда появился этот щит?

— Не помню! — Жена с недоумением глядела на него. — А в чем дело, Роберт? Разве это не для обслуживания аэропорта?

Франклин долго смотрел на темные контуры огромной конструкции. Потом выплеснул в раковину недопитый аперитив и сказал:

— Все, наверное, так и считают.

На следующий день, припарковав машину на клочке свободного пространства рядом с универсамом, доктор об-

шарил все карманы и сложил найденные монеты в ящичек над рулем. Магазин был уже переполнен, и тридцать линий, направляющих покупательский поток, безостановочно выстреливали людей, пропуская их через турникеты. Хотя супермаркет работал круглосуточно, он всегда был забит покупателями. В основном это были домашние хозяйки, экономившие деньги на дешевых распродажах еды, одежды, домашней утвари.

Надежда сэкономить хотя бы доллар бросала их от магазина к магазину в ритме графиков объявленных продаж со скидкой.

Многие покупательницы сбивались в некие кланы, и, когда Франклин двинулся к входу, целое стадо таких женщин кинулось к своим машинам, торопливо заполняя сумки покупками и на ходу перекидываясь друг с другом какой-то информацией. Через несколько секунд длинная армада машин устремилась к следующему торговому району.

На огромном табло над входом горел перечень уцененных товаров. По самой дешевой цене — скидка около двадцати процентов — они продавались сейчас на окраине, где жили бедняки, — в основном рабочие-ремонтники. Но изменения цен проходили так быстро, что Франклин понимал: скорее всего эти женщины не успеют к сроку.

В десяти ярдах от входа Франклин задержался и снова взглянул на громадный металлический прямоугольник, поднявшийся за оградой автостоянки. Таких щитов он еще не видел. Массивную стальную решетку даже не пытались как-то закамуфлировать. Глубокие следы сварки рассекали ее так же грубо, как асфальтовое покрытие паркинга разрезал свежий шрам, скрывавший под собой силовой кабель.

Франклин двинулся вперед, но, пройдя футов пятьдесят, замедлил шаг и остановился, смутно думая о том, что опаздывает на работу и еще не купил сигарет. Трансформаторы, вмонтированные в основание щита, громко гудели, они были слышны даже на большом расстоянии.

Доктор направился к торговому автомату, установленному в фойе, привычно шаря в карманах в поисках монеты, пока не вспомнил, что выложил всю мелочь в бардачок автомобиля. Мысль, озарившая его, заставила удивленно присвистнуть.

— Вот это здорово! — подумал он вслух, так что два покупателя глянули на него недоуменно.

Он повернулся к уборщику, подметавшему холл:

— Вы не знаете, для чего предназначен тот щит?

Человек с метлой тупо посмотрел в указанном направлении.

— Черт его знает, — ответил он. — Наверное, что-то связанное с аэропортом.

Уборщик затянулся только что зажженной сигаретой. Он держал ее в правой руке, а его левая рука скользнула в карман и непроизвольно вынула пачку. Ноготь большого пальца щелкнул по низу коробки, выбивая вверх очередную сигарету. Уходя, доктор отметил, что все вошедшие в вестибюль покупали сигареты.

...Неторопливо ведя машину в ряду со скоростным режимом до сорока миль в час, доктор уже не так, как раньше, а гораздо внимательнее смотрел по сторонам. До сегодняшнего дня он, сидя за рулем, или думал о своем, или просто отдыхал. Теперь же он внимательно изучал все попадавшиеся на пути виды рекламы, начиная с небольших щитов над придорожными ресторанчиками. Неоновые призывы окаймляли вход и заполняли витрины. В большинстве своем они не казались Франклину угрожающими, и он принялся изучать огромные полотна, посылающие электрические вспышки на придорожных пустырях. Некоторые из них достигали высоты четырехэтажного дома.

Огромные, самодовольные от сознания своего совершенства женщины в халатиках строили свои электрические глазки и обнажали в улыбке такие же электрические зубы. Они метались по электрокухням, принимая эффектные и соблазнительные позы.

На противоположной стороне трассы тянулось кладбище брошенных вещей. Совсем новые, но уже морально устаревшие автомашины, стиральные и холодильные агрегаты были выброшены хозяевами только потому, что очередной вал новомодных образцов захлестывал предыдущую волну товаров массового потребления.

Огромные металлические холмы даже не успевали потускнеть, их хромированный блеск слепил глаза при ярком солнце. Ближе к середине свалки рекламные щиты почти смыкались, пряча ее за своими мощными остовами. И все-таки, когда машина въезжала на виадук и Франклин сбрасывал скорость, огромные металлические помойки вновь открывались взгляду.

Вечером, когда доктор покидал госпиталь, Хэсуэй снова отловил его. Они заспешили к автомобилю.

— Что происходит, док? — спросил рабочий, увидев,

как Франклин с тревогой озирается по сторонам и не спешит открывать дверцу своей автомашины. — Вас кто-то преследует?

Франклин саркастически усмехнулся.

— Не могу сказать. Надеюсь, что это не так, но если ваши опасения реальны, то...

Хэсуэй пристально посмотрел ему в глаза.

— Так, значит, и вы что-то обнаружили, док?

— Твердой убежденности у меня нет. И все-таки в ваших словах есть доля истины... Утром я заехал в универсам... — Франклин прервал фразу, вспоминая огромную прямоугольную конструкцию вдоль дороги и ту внезапность, с которой он заложил вираж, против своего желания подгоняя машину к торговому дому. Он рассказывал, а Хэсуэй согласно кивал головой.

— Я тоже видел этот щит. Он огромный, но не самый большой. Их строительство сейчас ведется по всему городу. Вы будете что-нибудь делать, доктор?

Франклин стиснул пальцы.

— Да, конечно же, ничего! А если это действительно принадлежность авиации? Я чуть было не увлекся вашими химерами.

Хэсуэй оцепенел. Его лицо пошло белыми пятнами и стало каменным.

— Вы говорите чушь, док! Как можно дойти до того, чтобы не верить самому себе? Неужели они уже внедрились в ваши мозги? Вы что же, допустите, чтобы они вами полностью завладели? И даже не хотите защищаться? Если мы не начнем действовать, то скоро станем рабами.

Доктор устало поднял руку, пытаясь прервать словесный поток Хэсуэя:

— Хорошо, предположим, что щиты строятся повсеместно. Но для чего? Вкладывать такие огромные средства в рекламное дело просто бессмысленно. Свободных денег у людей уже не остается. Большинство закладных и контрактов на закупки по удешевленным ценам заключены на полвека вперед. Любая попытка начать новое рекламное наступление заведомо обречена.

— Правильно, доктор, — согласился Хэсуэй. — Но вы забываете, что есть другой резерв — продолжительность рабочего дня. Мы и сейчас трудимся по четырнадцать часов в сутки. Многие заводы работают без выходных, и никого это не беспокоит. Семидневная рабочая неделя, причем ежедневный труд минимум в трех местах, как вам это нравится, доктор?

Франклин даже вздрогнул от ужаса.

— Человек не может выдержать такое.

— Человек может многое. За последние четверть века производительность выросла наполовину за счет увеличения продолжительности рабочего времени. Закончится все это тем, что мы все будем работать круглосуточно. Причем без выходных дней.

Хэсуэй положил руку на плечо врача.

— Ну так как же, док? Вы понимаете, что я прав?

Франклин, не отвечая, стряхнул его руку. В полумиле от них над четырьмя этажами лечебницы поднималась верхняя часть еще одного огромного прямоугольника. Монтажники, как муравьи, ползали по его балкам. Летные маршруты, конечно, не пролегали над больницей, и табло никак не могло использоваться для обеспечения полетов.

— Но ведь тайная реклама, действующая на подсознание, — это прямое нарушение законов! Профсоюзы никогда не допустили бы ее применения. — Франклин пытался убедить скорее самого себя, чем собеседника.

— Угроза кризиса! Вы же знаете основы экономики. Пока производительность труда поднимается, инфляция не угрожает. Десять лет назад это достигалось модернизацией производства и увеличением интенсивности труда рабочих, но теперь эти ресурсы сошли к нулю. Остается единственное — увеличение рабочего дня. Доходы возрастают, а с ними и покупательная способность. Реклама, действующая на подсознание, — мощный дополнительный фактор...

— И что же вы собираетесь делать?

Хэсуэй усмехнулся.

— Как же я вам отвечу? Для этого я должен быть уверен, что могу рассчитывать на вашу помощь!

— Вы просто Дон Кихот! — усмехнулся Франклин. — Бросаете вызов ветряным мельницам. Хотите разом разрубить гордиев узел?

— Даже не думаю. — Хэсуэй стремительно распахнул дверцу машины. — Только не тяните с решением, док. Не то, когда надумаете, содержимое вот этого, — он постучал кулаком по своему лбу, — будет принадлежать уже не вам.

И Хэсуэй зашагал прочь, махнув на прощание рукой.

На обратном пути к доктору возвратилась способность рассуждать здраво. Мысль о тайной рекламе опять выгля-

дела надуманной. Однако и в словах Хэсуэя было немало правды. У самого врача на отдых оставались жалкие несколько часов в неделю. Страшно даже подумать, что он когда-нибудь будет вынужден трудиться больше, чем сейчас.

Над крышами окружавших его машин он насчитал уже больше десятка новых огромных табло, обрамляющих шоссе. Хэсуэй не ошибался, когда утверждал, что они возникают повсюду. Они вздымались над трассой, как паруса пиратских бригов.

Когда он вернулся домой, Джудит сидела в кухне перед переносным телевизором, подвешенным над духовкой.

Доктор отодвинул ногой запечатанную картонку, перегородившую вход в кухню, и коснулся губами щеки супруги. Она не отреагировала, уткнувшись глазами в экран, и, как автомат, строчила в свой блокнот цифру за цифрой. Аппетитный запах консервированных, а возможно и настоящих, цыплят под острыми приправами заглушил подступившую было досаду на жену, снова тратящую время на эти дурацкие коммерческо-математические развлечения. Франклин снова пихнул ногой картонку.

— Не скажешь ли, что это такое?

— Еще не знаю, дорогой. В конце дня всегда что-нибудь доставляют. Я не могу позволить, чтобы наш дом был хуже других. — И она посмотрела через слюдяное окошечко в глубь плиты. Удостоверившись, что там все в порядке, она, наконец, повернулась к мужу.

— Ты странно выглядишь, Роберт. Устал на работе?

Франклин пожал плечами. Долгие часы перед экраном телевизора в поисках решения торговых ребусов сделали жену более чуткой, и она вдруг ощутила непривычное для себя сочувствие к Франклину.

— Ты опять общался с этим психом?

— Если ты имеешь в виду Хэсуэя, то мы действительно встречались. Не такой уж он псих.

Франклин снова зацепился за магазинную упаковку и чуть не выронил бокал.

— Проклятие, что это за штуковина? Не хватает еще узнать, что для ее оплаты мне придется потратить полсотни своих выходных...

Покрутив ящик, он нашел в конце концов товарную этикетку.

— Опять телевизор? Джудит, ну что это за фокусы!

У нас их и без того три. В столовой, гостиной и этот переносной. Куда ты собираешься втиснуть еще один?

— В гостевую комнату, дорогой. Не нервничай так, милый! Не ставить же гостям переносной. Я постараюсь сэкономить еще на чем-нибудь, но без этого телевизора нам не обойтись. Все газеты так утверждают.

Франклин с отвращением смотрел на ящик.

— Если нас посетит гость, то наверняка не для того, чтобы уединиться с телевизором. Джудит, пора поставить точку. Ведь это стоит очень больших денег. И в любом случае купить новый телевизор — это заведомо пустить деньги на ветер. Программа передач все равно одна-единственная. Четыре телевизора — просто глупость.

— Но, Роберт, передача идет по четырем каналам.

— Разница между ними лишь в торговой рекламе!

Не слушая протестов Джудит, Франклин сорвал трубку давно трезвонившего телефона. Голос, доносившийся оттуда, был слышен даже на кухне. Сперва Франклин подумал, что это обычная телефонная реклама, и лишь спустя некоторое время понял, что на том конце провода Хэсуэй и что он находится на грани нервного срыва.

— Хэсуэй! — заорал врач. — Что происходит? Успокойтесь и говорите нормальным тоном.

— Док, вы обязаны мне сейчас поверить! Я утверждаю, да... Эти табло, как пулеметы, бьют по людям в упор. И те не в силах сопротивляться. Это бесчеловечно! Готовится новая крупная акция по рекламе автомобилей и телевизоров. Они хотят внедрить в норму двухмесячный срок пользования автомашинами. Вы понимаете, что такое новый автомобиль через каждые шестьдесят дней? Боже праведный, да это же просто...

Доктор с нетерпением ждал, когда разговор автоматически прервется. Телефонная связь была бесплатной, за счет торговых синдикатов. За это они получили право делать свои рекламные объявления, как только абонент снимал трубку. Если разговор был междугородным, то коммерческое время в десять раз превышало нормальное разговорное. Собеседники ловили секунды, чтобы успеть сказать что-то свое в короткие паузы дикторской речи.

На этот раз Франклин не стал даже ждать конца очередного рекламного призыва. Он в бешенстве швырнул трубку и отключил телефон.

Стоявшая рядом Джудит коснулась его руки.

— Что с тобой, Роберт? Ты как будто не в себе.

Франклин взял бокал и прошел в гостиную.

— Снова звонил Хэсуэй. Я, как ты верно подметила, слишком много общаюсь с ним, и, если быть честным, это мне начинает надоедать.

Франклин глянул в окно на узкую полосу горизонта. Багровые, зловещие огни рекламы над крышей ближайшего универсама озаряли ночной небосклон. Тишина и опустошенность. Они подавляют даже абсолютно нормальных людей.

— Далеко не все то, что утверждает Хэсуэй, абсурдно. Скрытая реклама — это своеобразный спасательный круг для торговых компаний.

Он ждал возражений, но жена не реагировала. Взглянув на нее, он увидел, что она застыла в центре комнаты со скрещенными на груди руками. Ее кукольное личико казалось удивительно пустым и бессмысленным. Франклин еще раз посмотрел на острые коньки крыш, затем заставил себя перевести взгляд на бокал и включил телевизор.

— Иди ко мне, — невесело позвал он. — Поглядим новый телевизор. Возможно, нам и в самом деле необходим еще один.

...Через неделю в его лаборатории приступили к инвентаризации. Это отнимало много времени, и доктор больше не встречал Хэсуэя. Когда он вечером возвращался домой, привычная фигура в пыльной одежде уже не кидалась ему наперерез. Потом он услышал какие-то странные домыслы, а затем прочел в газетах о таинственных диверсиях в районах строительства новых щитов. Наконец прозвучали телевизионные сообщения о том, что строители, работающие на возведении щитов, перепуганы серией взрывов. И все-таки новые прямоугольные контуры один за другим возносились над крышами зданий. Они вырастали на бетонных основаниях, огороженных металлическими решетками, в районе всех крупных торговых зданий.

Расстояние между его домом и больницей составляло десять миль, и уже больше тридцати щитов возвышалось на его пути, как будто загадочный великан поставил на ребра кости своего домино. Франклин старался избегать их взглядом, его терзала догадка, что это Хэсуэй объявил войну торговым компаниям.

Как-то вечером, прослушав свежие новости, доктор попробовал разобраться в своих с Джудит покупках за последние полмесяца. Они составили длинный список: новая автомашина (прежней он пользовался лишь два месяца), два телевизора (за четыре месяца), электрическая плита

(пять месяцев), фен (четыре месяца), холодильник (три), два транзистора (семь), проигрыватель (пять), коктейль-бар (восемь месяцев)...

Половину этих вещей купил он сам, но когда именно, никак не мог припомнить. Машину, например, он загнал в гараж рядом с больницей, чтобы провести профилактический осмотр, а вечером того же дня купил новую. Он сделал покупку, не успев сесть за руль, уступив уговорам продавца, что выгоднее продать старую модель, чем оплачивать ее профилактику. И лишь через десять минут сообразил, что приобрел новую марку. Точно так же все телевизоры в доме при возникновении легких помех сменились новыми; характерно, что новые телевизоры тоже грешили помехами, но торговцы уверяли, что через пару дней они придут в норму.

Не единожды врач самостоятельно приходил к выводу, что нужно что-то приобрести, но сама покупка все равно совершалась спонтанно. Он составлял списки необходимых покупок, иногда корректировал их, неторопливо изучая достоинства и недостатки последних технических новаций, и никак не мог примириться с тем, что в борьбе с всесильной рекламой человек обречен на полное поражение.

Через пару месяцев, возвращаясь домой, Франклин увидел новый рекламный щит последнего образца. Он вел машину, стараясь не отстать от кавалькады автомобилей, только что миновавших среднюю из трех развилок. Неожиданно передние начали тормозить. Множество машин свернуло на травяной газон. Огромная толпа собралась вокруг щита. Крохотные темные силуэты гибко перебирались по металлическим конструкциям. Световые пятна огромных прожекторов загорались в разных местах, рассекая темноту ночи. Все выглядело так, будто ремонтные рабочие ищут какое-то повреждение. Франклин съехал на травяную обочину и присоединился к растущей толпе. На лица людей падали блики прожекторов. У основания огромной конструкции суетились полицейские и механики, поднимавшие вверх специальные люльки к тем силуэтам, которые уже передвигались по каркасу на высоте в сотню футов.

Внезапно Франклин застыл на месте. У полицейских, стоявших внизу, он увидел винтовки, а у тех, кого поднимали вверх, — автоматы. Автоматчики лезли все выше, быстро сокращая расстояние до человека, который на самой верхушке прямоугольника ковырялся в одном из блоков электрооборудования. Человек этот, в грязной рубашке и драных джинсах, показался доктору знакомым.

— Хэсуэй! — крикнул Франклин и побежал к цепи полицейских.

Вдруг огненные вспышки исчезли. Загорелся яркий свет. И все люди сразу подняли глаза на табло с рельефными буквами. Слова, их сочетания, целые фразы всплыли в памяти доктора. Он понял, что помимо его сознания они возникали в его мозгу день за днем, неделю за неделей, всякий раз, когда он проносился по этой трассе.

«Купите немедленно... Купите немедленно... Купите немедленно... НОВЫЙ АВТОМОБИЛЬ... НОВЫЙ АВТОМОБИЛЬ... НОВЫЙ АВТОМОБИЛЬ... ДА, ДА, ДА, ДА...»

Под непрерывный вой сирен две полицейские машины выскочили на газон, и очередной отряд блюстителей порядка с дубинками в руках бросился к толпе, оттесняя ее от щита. Франклин сохранял спокойствие и, когда полицейские оказались рядом, попытался обратиться к старшему по званию:

— Офицер, я знаю, кто там наверху!

Ответом был удар дубинкой в грудь. Растерянный, он шагнул назад, стараясь удержаться на ногах.

В это время полицейские принялись бить стекла автомобилей, и люди, злобно ругаясь, кинулись к своим машинам.

Вдруг прозвучала отрывистая автоматная очередь, и воцарилась секундная гробовая тишина. Ее разорвал крик боли и отчаяния — Хэсуэй, раскинув руки, со страшным воплем летел вниз...

— Это такая травма для его жены и ребенка. Что же будет с ними? — спрашивала Джудит следующим утром, когда совершенно убитый Франклин молча сидел в гостиной. — И к тому же если он считал рекламные щиты такой опасностью, то почему он взрывал не те, на которых реклама видна, а другие, на которых нет ни букв, ни изображения?

— Он не ошибался...

Доктор невидящим взглядом уперся в экран телевизора, тщетно надеясь, что это позволит ему забыться.

— Хэсуэй поступал правильно, — горько повторил он.

— Правильно? Но почему же?

— Потому что у нас не остается никакой свободы действий — нас превратили в марионеток.

— Так ты поддерживаешь Хэсуэя?

Франклин подошел к окну. В опасной близости от их

дома возводили очередной щит. Он поднимался строго на восток от их окон. В свете утреннего солнца тени от его строгой геометрической конструкции рассекали парк, достигая стен дома.

Доктор, застыв, смотрел на это новое наваждение, на десяток копов, охраняющих передвижные краны, на такие привычные глазу решетки. Потом он взглянул на рекламу над универсамом и попробовал возродить в памяти образ Хэсуэя, его настойчивые попытки заставить тупого высокомерного врача поверить ему и получить поддержку...

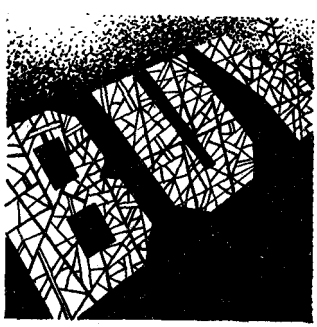
Он так и стоял, не двигаясь, пока Джудит, уже надевшая плащ, не тронула его за руку:

— Мы опаздываем в универсам...

Он нехотя двинулся за нею.

— Сейчас поедем, дорогая, — сказал он дрогнувшим голосом. — Я подброшу тебя, а сам заеду посмотреть на машину новой марки. Она поступит в автосалоны в конце месяца. Это большая удача — мы сможем приобрести экземпляр из первой партии!

Они шли по безупречной садовой аллейке. Огромные рекламные щиты заслоняли от них небосвод. День обещал быть ясным, но это не имело значения в сумрачной тени щитов, висящих над головами людей, которые мутными безвольными ручейками втекали в двери огромного торгового центра.

С БЛАГИМИ НАМЕРЕНИЯМИ

В полдень, когда доктор Джеймисон очутился в Лондоне, все въезды в город были давно перекрыты. Как всегда в дни коронации, лондонцы еще за сутки до начала церемонии занимали места вдоль пути следования королевского кортежа. Поэтому в Грин-Парке, по травянистому склону которого доктор Джеймисон поднимался к станции метрополитена у отеля «Риц», было безлюдно. Кроме обычного мусора под деревьями валялись сумки для провизии и даже спальные мешки.

Когда доктор добрался до входа в метро, он весь обливался потом и присел отдохнуть на скамейку, опустив на газон небольшой, но очень тяжелый кейс из хромированной стали.

Прямо перед его глазами оказалась обратная сторона высокой деревянной трибуны. Он рассматривал спины зрителей самого верхнего ряда — женщины в цветастых летних платьях, мужчины в рубашках с засученными рукавами, с газетами, прикрывавшими головы от жгучего солнца, кучки детей, поющих и размахивающих национальными флажками.

Доктор наблюдал праздничную суету с интересом и волнением. Ему было лет шестьдесят пять. Невысокий, но хорошо сложенный, с седеющими волосами и живыми глазами, он внимательно подмечал все происходившее вокруг.

Во внешности его было нечто профессорское, но высокий гладкий лоб заметно молодил его. Одежда усиливала это впечатление: серый шелковый костюм щегольского покроя с узкими лацканами и единственной, обтянутой тканью, пуговицей, толстая тесьма вдоль швов на рукавах и брюках. Когда из палатки медицинской помощи от дальней трибуны вышел человек и направился в его сторону, доктор понял, как разнится их одежда (на приближавшемся человеке был свободный голубой костюм с лацканами, трепыхавшимися на ветру), и досадливо поморщился. Взглянув на часы, он подхватил кейс и быстро двинулся к станции метро.

Выйдя на улицу на северной стороне Пикадилли, доктор Джеймисон принялся неторопливо осматривать высокие здания — прибежища многочисленных отелей и офисов. Временами он узнавал какое-нибудь из них и повторял про себя всплывшее в памяти название. С трудом продираясь сквозь плотную толпу людей, заполонивших улицу, больно ударяясь коленками о свой металлический кейс, он вышел на Бонд-стрит, свернул за угол, чуть помедлил и направился к находившейся в пятидесяти ярдах стоянке такси. Лондонцы, двигавшиеся тесной стеной ему навстречу по направлению к Пикадилли, поглядывали на него с недоумением. Отвергнув помощь шофера, он уселся в кабину и, поставив рядом кейс, произнес:

— Отель «Уэстленд».

— Какой? — переспросил водитель, повернувшись к нему.

— «Уэстленд», — повторил доктор Джеймисон, стараясь, чтобы его произношение по возможности приближалось к выговору шофера. Речь, звучавшая вокруг, казалась ему какой-то гортанной. Автомобиль двинулся, и шофер откинулся на спинку сиденья.

— Приехали посмотреть коронацию?

— Нет, — равнодушно ответил доктор Джеймисон. — Однодневная деловая поездка, на день коронации пришлась случайно.

— А я-то думал, что вы приехали посмотреть торжественную процессию. Из окон «Уэстленда» все видно как на ладони.

Они выехали на Гросвенор-сквер. Доктор Джеймисон

поднял кейс на сиденье и тщательно проверил замысловатые замки, еще раз убедившись в их полной надежности. Дальше он смотрел по сторонам, стараясь не поддаваться волнению от нахлынувших воспоминаний.

Однако многое было совсем не таким, как ему запомнилось, прошедшие годы сделали город неузнаваемым. Он выглядел несовременным, разностильным, и Джеймисон никак не мог поверить, что раньше жил здесь.

Неужели и остальные его воспоминания обманчивы, как мираж?

И вдруг он увидел то, что заставило его в изумлении податься к открытому окну кабины: изящную ячеистую стену американского посольства, мимо которого двигалась машина. Этот материал он знал хорошо.

Шофер увидел вспыхнувший у пассажира интерес.

— Чудачество, — сказал он, стряхивая пепел с сигареты. — Невозможно понять, что это такое.

— Вы думаете? — спросил доктор. — Мало кто вас поддержит.

Водитель развеселился.

— Держу пари, что вы неправы, сэр. Еще никто не похвалил эту штуковину. — Он пожал плечами и, решив не раздражать пассажира, добавил: — Не знаю... возможно, она сильно обогнала свое время.

Доктор ответил легкой улыбкой.

— Несомненно, — сказал он больше себе, чем шоферу. — Лет на тридцать—сорок. Вот тогда такую архитектуру будут ценить очень высоко.

Незаметно для себя он снова заговорил слегка в нос, и шофер спросил:

— Вы прибыли из-за границы, сэр? Из Новой Зеландии?

— Нет, — ответил доктор Джеймисон и только теперь заметил, что движение транспорта на улицах стало левосторонним. — Если быть точным — нет. Правда, в Лондоне я не был уже давно. Но день для визита как будто выбрал удачно.

— Несомненно, сэр. Великий день для молодого принца. Вернее, уже для короля. Король Яков III — звучит необычно. Пусть бог даст ему счастья.

Руки доктора Джеймисона коснулись кейса, и он горячо отозвался:

— Вы правы — да хранит его господь!

Войдя в отель через запасной вход, доктор смешался с толпой, заполнившей небольшой холл. Подождав минут пять, он пробрался к стойке администратора.

— Доктор Роджер Джеймисон, — представился он. — Я забронировал номер на втором этаже.

Пока портье листал журнал регистрации, доктор, опершись на стойку, вслушивался в гомон вокруг.

Портье, близоруко щурясь, изучал записи.

— Заказ был на ваше имя, сэр?

— Конечно. Второй этаж, семнадцатый номер.

Портье смущенно пожал плечами.

— Простите, сэр, у нас нет заявки. Может быть, у вас приглашение на какой-нибудь прием наверху?

— Повторяю, я сам заказал этот номер, семнадцатый. Это было достаточно давно, но директор вашего отеля гарантировал мне, что все будет в порядке.

Администратор стал снова листать страницы. Неожиданно палец его остановился в самом верху первого листа.

— Нашел, сэр. Извините меня — дело в том, что запись перенесена из старой конторской книги. Точно: «Доктор Джеймисон, номер семнадцать». Как вы замечательно выбрали день, доктор, а ведь номер заказан больше двух лет назад...

Устроившись, наконец, в желанном номере, доктор Джеймисон запер дверь и с облегчением опустился на постель. Когда дыхание его восстановилось, а затекшая правая рука ожила, он встал и тщательно осмотрел помещение.

Комната была одной из самых просторных в этом отеле, а из двух угловых окон отлично просматривалась заполненная людьми улица. Жалюзи спасали комнату от палящих солнечных лучей и от любопытных взглядов сотен зрителей, забивших балконы универсама напротив. Доктор Джеймисон внимательно обследовал сначала стенные шкафы, затем окно в ванной, выходившее на лестничную клетку. Удовлетворенный, он пододвинул кресло к окну, со стороны которого ожидалось появление кортежа. За несколько сотен ярдов можно было прекрасно рассмотреть каждого солдата и полицейского в цепи охраны, протянувшейся вдоль улицы.

Широкая полоса красной материи — часть размещенной на стене отеля праздничной гирлянды — пересекала окно по диагонали и помогала доктору Джеймисону укрываться от нескромных наблюдателей; зато ему самому был отлично виден тротуар внизу, где между фасадами домов и деревянными барьерами плотной волной переливалась людская река. Опустив жалюзи так, чтобы внизу оставалась узкая, не шире шести дюймов, щель, доктор Джей-

мисон удобно устроился в кресле и стал неторопливо, одного за другим, рассматривать людей внизу.

Ему не удалось обнаружить того, кто его интересовал, и он с раздражением поглядел на часы. Было без нескольких минут два, и будущий монарх уже находился в пути из Букингемского дворца в Вестминстерское аббатство.

Доктор Джеймисон встал с кресла, поднял кейс, положил его на кровать и достал из кармана ключ. Замки были с секретом. Несколько поворотов ключа влево, потом вправо, нажим — и крышка распахнулась.

Внутри, в обтянутых бархатом отделениях, выполненных строго по размеру, лежали детали дальнобойной охотничьей винтовки и магазин с шестью патронами. Обитый металлом приклад был срезан на шесть дюймов и скошен таким образом, что, прижатый к плечу, наклонял ствол вниз под углом в сорок пять градусов.

Быстро освободив одну за другой детали от зажимов, доктор Джеймисон умело собрал оружие и привинтил приклад. Вставив магазин, он отвел затвор и дослал патрон в патронник.

Отвернувшись от окна, он глядел на заряженную винтовку, черневшую в полумраке постели. До него доносились крики из соседних номеров, неумолкающий гул толпы на улице. Неожиданно что-то словно надломилось в нем; черты лица утратили убежденность и непреклонность, теперь он походил на глубокого старика, смертельно усталого, одинокого в отеле враждебного города, изгоя на чужом празднике. Он сел на кровать рядом с винтовкой и принялся машинально стирать с рук носовым платком смазочное масло, в то время как его мысли витали где-то совсем в другом мире.

С трудом поднявшись на ноги, он некоторое время стоял, словно вспоминая, зачем попал сюда.

Наконец он взял себя в руки. Быстро разобрал оружие, закрепил детали на отведенных им местах, запер крышку, уложил чемодан в нижний ящик секретера и вернул ключ на общую связку. Выходя из комнаты, доктор тщательно запер номер и решительно шагнул на улицу.

Пройдя двести ярдов по Гросвенор-плейс, он свернул на Халлам-стрит, постоянно оживленную улочку со множеством кафе и маленьких художественных галерей. Солнце ярко освещало полосатые тенты, улица была совершенно безлюдна, казалось, что толпа, встречающая королевских особ, находится за много миль отсюда. Док-

тор Джеймисон ощутил, как спокойствие возвращается к нему.

Он прошел уже половину Халлам-стрит, когда очутился возле небольшого кафе с тремя выставленными на улицу столиками. Усевшись под тентом за один из них, доктор вынул из кармана черные очки, надел их, заказал у официанта апельсиновый сок и, не торопясь, начал пить.

Было чуть больше трех часов, когда низкие звуки органа известили о завершении церковной службы в аббатстве и состоявшейся коронации.

Послышались шаги, и доктор Джеймисон увидел, что слева к нему приближаются, взявшись за руки, мужчина и девушка в белом платье. Когда они подошли, доктор снял очки, тщательно рассмотрел молодых людей и быстро надел очки снова.

Юная пара была так увлечена друг другом, что не видела, как за ними наблюдают, хотя любому другому человеку волнение доктора Джеймисона сразу бы бросилось в глаза.

Мужчине было около двадцати восьми лет, он носил мешковатый костюм — обычную, как заметил Джеймисон, одежду лондонцев; мягкий воротник его сорочки был небрежно охвачен галстуком. Один наружный карман украшали две авторучки, из другого торчала концертная программа. Весь его облик, приятная и уверенная непринужденность выдавали в нем молодого университетского педагога.

Лицо его было красиво, лоб резко скошен назад, начавшие редеть темные волосы приглажены. Мужчина не отрывал глаз от своей спутницы, не скрывая чувств к ней. Он внимательно слушал ее, лишь изредка прерывая короткой репликой или смешком.

Теперь доктор Джеймисон перевел взгляд на девушку. До этого он, не отрываясь, изучал молодого человека, ловил каждое его движение, мимику; так незаметно и отстраненно некоторые наблюдают за собой в зеркале.

Когда же, наконец, доктор Джеймисон перевел взгляд на девушку, то его охватило такое сильное волнение, что он чуть не поднялся со стула. Он думал, что давние воспоминания обманывают его, но на самом деле девушка оказалась еще более красивой, чем ему помнилось. Ей было не больше девятнадцати или двадцати лет, она шла с высоко поднятой и немного откинутой назад головой, и ветер играл ее длинными, соломенного цвета волосами, чуть шевеля их на загорелых плечах. Ее полные губы бы-

ли подвижны, а лукавые глаза искрились весельем, когда она поглядывала на своего спутника.

Они подошли к столику доктора, девушка продолжала увлеченно щебетать что-то, но молодой человек ее нежно прервал:

— Погоди, Джун, давай чуть передохнем. Посидим и выпьем немного — все равно кортеж не появится у Марбл Арч раньше чем через полчаса.

— Мой бедный старичок устал?

Они уселись за соседний столик, всего несколько дюймов отделяли доктора Джеймисона от ее обнаженной руки, так что он снова ощутил и остро вспомнил запах ее тела. Его охватили воспоминания: да, это именно ее утонченные и быстрые пальцы, именно она так поднимает подбородок и разглаживает на коленях широкую белую юбку.

— Ну, в конце концов ничего страшного, если я и не увижу процессию. Ведь это мой день, а не день его величества!

Мужчина улыбнулся и притворился, что хочет встать.

— Действительно? Значит, всю эту толпу дезориентировали? Побудь здесь, а я схожу и отдам приказ, чтобы маршрут кортежа изменили и направили к нам. — Перегнувшись через столик, он взял ее руку и скептически осмотрел маленький бриллиант на пальце. — Далеко не шедевр. Кто тебе его подарил?

Девушка поцеловала камень.

— Алмаз величиной с отель «Риц». Да уж, за такого мужчину придется незамедлительно выйти замуж. Но как славно вышло с премией, Роджер, не правда ли? Триста фунтов. Ты теперь настоящий набоб. Жаль, что устав Королевского общества запрещает ее тратить — в отличие от Нобелевской премии. Так и придется тебе стать нобелевским лауреатом — уж тогда-то все переменится.

Молодой человек смущенно потупился.

— Ну-ну, дорогая, не слишком обольщайся!

— Нет, я уверена, что ты им станешь. Ведь в конце концов ты изобрел не что-нибудь, а машину времени.

Молодой человек постучал пальцами по деревянной крышке стола.

— Джун, умоляю тебя, воздержись от иллюзий: никакой машины времени я пока не изобрел. — Он заговорил тише, чтобы не привлекать внимание незнакомого пожилого человека за соседним столиком. — Если ты станешь это всем рассказывать, то люди примут меня за ненормального.

Девушка мило сморщила носик:

— Нет, изобрел, сделанного не изменишь. Я знаю, ты не любишь говорить об этом, но ведь, если забыть о противной высшей математике, дело идет к этому, не правда ли?

Молодой человек задумчиво смотрел на крышку стола между собою и девушкой, его лицо сосредоточилось, немного отстранилось, и на нем проступила печать недюжинного интеллекта.

— Да, это движение во времени, в той степени, в которой математические понятия отражают процессы, происходящие во Вселенной, хотя и тут я все слишком упрощаю. И все равно это не машина времени в привычном смысле слова. Правда, я понимаю, что после публикации моей статьи в «Нейчур» журналисты будут утверждать, что речь идет именно о машине времени и ни о чем другом. Как бы то ни было, чисто временной аспект открытия не слишком важен для меня. Будь у меня в запасе лет тридцать, я мог бы поработать над ним, но пока есть проблемы куда более интересные.

Он улыбнулся девушке, заключив ее руки в свои, но она, наклонившись к нему, оставалась серьезной.

— Я думаю, Роджер, что ты скромничаешь. Ученые часто считают, что их открытия нельзя воплотить в жизнь. А ведь это так удивительно — возвращаться назад во времени! То есть...

— Ну что в этом необычного? Сейчас мы двигаемся во времени вперед, и никто из-за этого не приходит в экстаз. Да и вся Вселенная не что иное, как гигантская машина времени. Если наблюдать ее, скажем, под определенным ракурсом из нашего зрительного зала, то убеждаешься, что она движется в одном направлении. Если быть абсолютно точным — в основном в одном направлении. Просто мне повезло обнаружить в циклотроне частицы, которые иногда движутся в противоположных направлениях, достигая конца своих бесконечно малых траекторий, едва начав движение. Но это не основание, чтобы считать, будто через неделю каждый из нас сможет переместиться назад во времени, дабы ухлопать собственного дедушку.

— А что произойдет, если убить? Нет, в самом деле!

Молодой человек рассмеялся.

— Не знаю. Честное слово, я даже не хочу думать об этом. Возможно поэтому я и разрабатываю проблему чисто теоретически. Если довести ее до логического завершения, мои наблюдения в Харуэлле должны быть ошибоч-

ными, потому что события во Вселенной реализуются, и это несомненно, вне всякой связи со временем. Оно, очевидно, не что иное, как ракурс, под которым мы наблюдаем за происходящим и интерпретируем его. Через какое-то время проблеме присвоят имя «парадокс Джеймисона», и пытливые исследователи, чтобы его разрешить, начнут пачками отправлять в рай своих дедушек и бабушек. Мы с тобой должны заблаговременно принять меры, чтобы наши внуки стали адмиралами или архиепископами, но только не учеными.

Пока шел этот разговор, доктор Джеймисон смотрел на девушку, собрав всю свою волю, чтобы не тронуть ее за руку или не заговорить с ней. Веснушки на ее тонких обнаженных руках, оборки платья, открывающего спину, миниатюрные ноготки пальцев ног со слезающим лаком — все это было для него стопроцентным доказательством того, что сам он действительно существует.

Он снял очки, и на мгновение взгляды его и мужчины скрестились. Осознав, как они похожи, какой у них одинаковый овал лица, молодой человек, очевидно, смутился.

Доктор Джеймисон испытал к нему глубокое, близкое к отцовскому, чувство и робко улыбнулся ему.

Открытость и наивная серьезность, естественность в сочетании с явной неуклюжестью неожиданно стали для него в этом человеке важнее, чем высокий интеллект.

Он понял, как завидует ему.

Доктор спрятал глаза за темными линзами и поглядел вдоль улицы: решение довести задуманное до конца окончательно созрело и утвердилось.

Гомон за домами заметно усилился, и парочка быстро поднялась.

— Поспешим, уже полчетвертого! — воскликнул молодой человек. — Кажется, подъезжают!

Они заторопились, но девушка, задержавшись, чтобы поправить сандалию, обернулась и посмотрела на старика в темных очках, сидевшего за соседним столиком.

Доктор Джеймисон подался к ней, ожидая хоть какого-нибудь слова, но девушка отвела глаза, и он тяжело опустился на стул.

Подождав, пока молодые люди добегут до перекрестка, он встал и быстро направился к отелю.

Заперев дверь на ключ, доктор Джеймисон достал кейс из ящика бюро, собрал винтовку и с оружием в руках сел у окна. Кортеж был почти рядом, строем, в парадной фор-

ме, под музыку полковых оркестров проходили солдаты, открывавшие процессию, за ними выступала королевская гвардия. Толпа бушевала, выкрикивая приветствия, ленты серпантина и горсти конфетти плавали в пронизанном солнцем воздухе.

Доктор Джеймисон смотрел через узкую щель между краем жалюзи и подоконником вниз, на тротуар. Одного за другим он разглядывал всех находившихся там, и среди них знакомую девушку в белом платье — поднимаясь на цыпочках, она пыталась рассмотреть шествие из-за чужих спин, плеч и голов. Рассыпая вокруг улыбки, она тянула за руку своего спутника, пытаясь пробиться вперед.

Несколько минут доктор Джеймисон смотрел только на девушку, ловил каждое ее движение, но когда показались первые ландо дипломатического корпуса, переключил свое внимание на остальную публику, пристально рассматривая каждое лицо в толпе.

Затем достал из кармана маленький пластиковый конверт и, отодвинув его как можно дальше от себя, сломал печать.

Когда изнутри с громким шипением вырвался зеленый газ, доктор Джеймисон осторожно вынул из конверта большую, ветхую от древности газетную вырезку. Она была сложена вчетверо, и на внешней стороне виднелся чей-то фотоснимок.

Доктор Джеймисон положил фотографию поближе себе на подоконник. Человеку на снимке было около тридцати лет, его худое смуглое лицо с хищным оскалом было явно лицом преступника, известного полиции. Имя под снимком гласило: Антон Реммерс.

Доктор Джеймисон застыл, наклонившись вперед, и не отрывал взгляда от тротуара. Уже проехал в своих экипажах дипломатический корпус, за ним проследовали в автомобилях члены правительства, потрясая шелковыми цилиндрами. Прошел второй отряд королевской конной гвардии, и тут издалека прокатился громоподобный рев: толпа приветствовала королевскую карету.

Доктор Джеймисон тревожно глянул на часы. Сейчас три сорок пять, королевский выезд появится перед отелем через семь минут. Рев толпы и вопли телевизоров в соседних номерах, явно включенных на полную мощность, мешали собраться с мыслями.

Вдруг он вздрогнул, и его пальцы импульсивно впились в подоконник: Реммерс!

Человек в зеленой шляпе с широкими полями стоял

рядом с табачным киоском прямо внизу под окном. Вид у него был нездоровый, лицо совершенно безразличное. Спрятав руки глубоко в карманы дешевого плаща, он равнодушно смотрел на кортеж. Доктор Джеймисон неуклюже взял оружие и, не отводя взгляда от Реммерса, опустил ствол на подоконник.

Побледнев от волнения, он снова принялся изучать по очереди каждого из стоявших под окном. Вопль толпы оглушил его: следом за конной гвардией, под аккомпанемент копыт перед глазами поплыла золоченая королевская карета. Доктор Джеймисон не видел ее, он не отрывал глаз от Реммерса, надеясь, что тот хотя бы обменяется взглядом со своим сообщником. Однако Реммерс оставался неподвижен и даже не вынимал рук из карманов, ничем не выдавая себя.

— Черт тебя подери! — прорычал доктор Джеймисон. — Где же второй?

Обезумев, он отбросил жалюзи, напрягая весь свой ум, концентрируя весь опыт, чтобы за какую-то долю секунды разгадать характер каждого из полутора десятков людей внизу.

— Ведь их было двое! — прохрипел он, обращаясь к самому себе. — Двое!

В пятидесяти ярдах от него в золотой карете сидел, откинувшись на сиденье, молодой король в пламеневшей на солнце мантии. Короткие мгновения доктор глядел на него, как вдруг осознал, что Реммерс задвигался. На своих тощих ногах он метался позади толпы, как взбесившийся тигр.

Толпа качнулась к карете, и Реммерс, мгновенно достав из кармана плаща голубой термос, одним движением свернул крышку. Королевская карета была уже как раз против него, он переложил термос в правую руку, из широкого горлышка показался металлический прут.

— Неужели бомба была у Реммерса? — Доктор Джеймисон был в полном недоумении и замешательстве.

Реммерс сделал шаг назад, жестом профессионального бомбометателя низко опустил правую руку, а потом стал медленно готовиться к броску.

Мушка уже поймала его, и за миг до того, как смертоносный снаряд готов был начать свой последний полет, доктор Джеймисон, прицелившись в грудь, нажал курок.

Реммерс, сложившись пополам, падал на газетный киоск, а вырвавшаяся из руки бомба взлетела вверх, вращаясь, как волчок. Затем она упала на тротуар в нескольких

ярдах от террориста и покатилась под ноги людей, хлынувших за королевской каретой.

А потом она взорвалась.

Ослепительная стена воздуха сменилась волной дыма, смешанного с пылью. Оконное стекло без единой трещины вдавилось в комнату и разлетелось вдребезги у ног доктора Джеймисона. Оступившись, он неуклюже рухнул поперек кресла. Когда крики на улице сменились воплями и рыданиями, он овладел собой и, с трудом добравшись до окна, посмотрел сквозь едкий дым наружу. Люди бежали в разные стороны, лошади поднимались на дыбы под всадниками, потерявшими свои шлемы. Под окном, прямо на земле, сидели и лежали человек двадцать—тридцать пострадавших. Королевская карета лишилась одного колеса, но лошади тащили упряжку, теперь уже окруженную плотным кольцом конных гвардейцев и солдат, подальше от места взрыва.

С другого конца улицы к отелю бежала толпа полицейских, и доктор Джеймисон увидел, как кто-то показывает на его окно и что-то кричит.

Он опустил глаза вниз, где на краю тротуара лежала, неестественно вывернув ноги, девушка в белом платье. Рядом с ней на коленях стоял молодой человек; спина его пиджака превратилась в сплошные лохмотья. Он медленно закрыл лицо девушки своим платком, и темное пятно стало расползаться по белой материи.

В коридоре зазвучали голоса. Доктор Джеймисон повернулся к двери. На полу, под его ногами, валялась раскрытая взрывной волной вырезка из старой газеты. Еще не успев ничего понять, он неестественным жестом поднял ее, и лицо его исказила страшная гримаса, рот свело судорогой.

ПОКУШЕНИЕ НА КОРОЛЯ ЯКОВА.
Бомба на Оксфорд-стрит убила 27 человек.
Двое застрелены полицией.

Чернилами было подчеркнуто: «Первый — Антон Реммерс — профессиональный киллер, завербованный, как считают, другим террористом, много старше Реммерса; личность второго террориста, погибшего при задержании, установить не удалось».

В дверь уже стучали кулаками. Какой-то голос что-то требовал, потом дверь начали ломать. Доктор Джеймисон выпустил из рук ненужную газету и снова посмотрел вниз.

Молодой человек, не поднимаясь с колен, по-прежнему склонялся над девушкой, бережно держа ее мертвые ладони в своих руках.

Когда дверь слетела с петель, доктор Джеймисон наконец понял, кто был второй убийца, тот, покарать которого он вернулся через тридцать пять лет. Его попытка изменить ход событий оказалась бессмысленной: возвратившись в свое прошлое, он ничего не смог изменить, он лишь стал соучастником совершенного тогда преступления. Уже его первый анализ движения частиц в циклотроне приговорил его к этой страшной мистерии: вернуться и стать виновником гибели своей юной невесты.

Не выстрели он в Реммерса, террорист швырнул бы бомбу на середину улицы, и Джун осталась бы жива. Весь его тщательно разработанный план стал причиной собственной гибели.

Круг времени замкнулся, и с отчаянной надеждой последний раз взглянуть на девушку и что-то объяснить молодому человеку он бросился вперед, прямо на грохочущие пистолеты полицейских.

КОНЕЦ

Не спалось, и все тут! Вот всегда так: весь поселок давно дрых, а Грейнджер опять проснулся после полудня и беспокойно ворочался, хрипя единственным легким. Ни закрытые ставни, ни кондиционеры не спасали от одуряющей духоты. Сейчас он завидовал старикам — с восходом солнца они засыпали сном праведников.

И тишина раздражала, и лязгающие от порывов знойного ветра металлические стены домика тоже не успокаивали.

Скуки ради он пытался читать бортовые журналы — их регулярно подбрасывали падающие на Землю орбитальные платформы.

К вечеру жара вместе с солнцем уходила на запад. Кондиционеры автоматически выключались, дома открывали окна, чтобы вдохнуть прохладный вечерний воздух, поселок медленно оживал.

Грейнджер поплелся завтракать в бар «Нептун», по пути вежливо здороваясь с сидевшими на крылечках стариками, которые изо дня в день уныло разглядывали друг друга — это было их единственным развлечением.

Башни кораллов, охлаждаясь, пели и насвистывали свою всегдашнюю песню, и Холидей, проснувшись, еще час валялся, слушая их. Из окна пустого отеля он задумчиво смотрел на срезанную вершину Гамильтона, ближайшего из Бермудских островов. Блестела в лучах заката каемка белого песка, которую, словно пену, оставил навсегда ушедший океан.

До поселка было всего пять миль, но Холидей не любил туда ездить, а сегодня и подавно. Опять этот «Нептун», опять Грейнджер со своими дурацкими нравоучениями и пошлым юморком. Да и неизбежная зависимость от старшего начала раздражать. Кроме того, предстояла еще нудная беседа с чиновником из отдела эмиграции, которая, возможно, решит его судьбу. Про себя Холидей уже все решил, благо, ни особых способностей к руководству, ни еще каких талантов у него не было. Буллен, чиновник, понял это и особенно уговаривать не стал. Видимо, для очистки совести он все же сказал:

— Средний возраст жителей поселка — за шестьдесят, вся молодежь улетает следующим рейсом, и, когда у Грейнджера откажет единственное легкое, вы останетесь одни, среди стариков и старух.

— Еще Кейти Саммерс останется! — Холидею представилось белое платье из органди, длинные соломенные волосы.

— Да, конечно, — пожал плечами чиновник, глянув в свой список. — Она ухаживает за больной бабушкой, но старуха вскоре помрет, и тогда вашу Кейти ничто здесь не удержит.

— Пожалуй... — неохотно согласился Холидей.

Когда-то ему казалось, что она единственный человек, который понимает и разделяет его решимость остаться на умирающей Земле, но в последнее время его все больше тревожили сомнения.

И точно: стоило бабушке умереть, и Кейти начала укладываться.

Жил он один в пентхаузе десятиэтажного отеля. Здание медленно погружалось в песок. В стенах появились широкие трещины, вскоре они достигнут верхних этажей. Первый этаж уже затянуло.

Холидей выбрался из гамака и вышел на плоскую крышу. Фосфоресцирующие дюны уходили вдаль. Мертвенно светились какие-то вещества, выпавшие в осадок вместе с солью. Месяцев через шесть песок затянет еще этаж, тогда ему придется покинуть старый курорт Эйдлэнд и жить с этим пошляком Грейнджером.

Издали донеслось жужжание мотора. В сумерках было видно, как к отелю, единственному зданию в округе, летит вертолет чиновника. Потом, видимо, сообразив, что к чему, Бутлер повернул на поселок. Это последний его визит. Выполнив свои обычные обязанности мирового судьи и регистратора гражданских актов, встретившись с Холидеем, он отдохнет у шерифа и отправится дальше по кольцу пустеющих поселков: Святая Елена, Азорские острова, Бермуды, Канарские острова.

На орбите еще мотались сотни паромов, но управляемых из них было только два. Остальные один за другим звездами падали и падали с неба. И когда сойдут с орбит эти два, Землю можно будет считать вымершей.

Холидей взглянул на часы — восемь вечера. До встречи оставалось двенадцать часов.

По сторонам дороги торчали ламинарии. Радиоизотопы фосфора подстегнули генетическую перестройку, и они превратились в огромные белые кактусы.

Джип козлом скакал по соляным буграм, натекшим на сетчатую дорогу. Пустыня смахивала на лунный пейзаж — та же отчужденность и враждебность всему живому, но вид её только усиливал желание Холидея остаться на Земле.

Ночами, когда он не торчал в «Нептуне», Холидей разъезжал по океанскому дну, рылся в обломках орбитальных платформ или гулял с Кейти Саммерс по ламинариевым зарослям. Иногда с ними ходил и Грейнджер. Когда-то он был морским биологом, и они вместе пытались разобраться во флоре океанского дна, но настоящее дно было похоронено под холмами соли, и с тем же успехом можно его искать под песками Сахары.

Раньше «Нептун» был своего рода залом ожидания для переселенцев из Южного полушария, которые толпами валили на Канарские острова. Сейчас же это был бар с низкими потолками и интерьером, где преобладали кремовые тона и блеск хромированного металла.

Ярдах в пятидесяти от «Нептуна» на бетонной площадке темнел силуэт вертолета.

— Знаю-знаю... — брюзгливо сказал Холидей, подсаживаясь со стаканом. — Кончай икру метать, я видел, как он летит.

Грейнджер ухмыльнулся. Решительное лицо Холидея, пряди непослушных русых волос на лбу и неодолимое

чувство ответственности за все происходящее вокруг всегда смешили его.

— Сам кончай, — ответил он, поправляя подушечку под гавайкой со стороны отсутствующего легкого. — Не я же лечу на Марс.

— И не я.

Холидей посмотрел на угрюмое лицо приятеля.

— Будто не знал?

Грейнджер рассмеялся.

— Нет, ты и вправду передумал?

— И да и нет. Я еще не решил и в то же время не лечу. Чуешь разницу?

— Пожалуй, доктор Шопенгауэр.

Грейнджер задумался, потом резко отодвинул стакан.

— Знаешь, твоя беда в том, что ты слишком серьезно ко всему относишься. Посмотрел бы со стороны, до чего ты смешон!

— Почему это? — вскинулся Холидей.

— Что ты мечешься? Ну объясни, зачем ты остаешься? Земля сдохла и погребена. Перед тобой вся Вселенная, а тебе, похоже, плевать на себя самого!

— Да отстань ты...

Холидей достал из кармана рубашки свою товарную карточку и протянул ее Грейнджеру.

— Мне нужен насос для холодильника. Тридцативаттный «Фриджедер», есть еще?

Грейнджер раздраженно фыркнул и взял карточку; он отвечал за снабжение поселка.

— Ты Робинзон Крузо наоборот! Возишься с этим хламом... Все смываются, а он, видите ли, остается! Добровольно! Этакий ты поэт и мечтатель. Неужели ты не понимаешь, что эти два биологических вида давно вымерли?

Холидей посмотрел в окно на огни, отраженные солевыми холмами. Каждый день они оказывались чуть ближе, и все труднее становилось собирать людей, чтобы отбрасывать соль назад. Через десять лет он и в самом деле может оказаться в положении Робинзона. К счастью или к несчастью, цистерны были полны воды и керосина, и хватит их еще лет на пятьдесят, иначе ни о каком выборе и речи не было бы.

— Отстань, — повторил он, — сам улететь не можешь, вот и отыгрываешься на мне. Пусть я принадлежу к вымершему виду, но, чем бежать, я лучше здесь покувыркаюсь. А люди еще придут. И кто-то должен сохранить память о Земле, какой она была. Земля не кожура от ба-

нана — съел и бросил. Мы здесь родились и только мы ее помним толком.

Грейнджер задумчиво кивнул. Он хотел что-то сказать, но тут темноту за окном прорезала ослепительно-белая дуга.

Холидей встал и высунулся из окна.

— Платформа. Большая. Но не видно, куда шлепнулась, — цистерна загораживает.

Из ночи, отражаясь от коралловых башен, донеслись могучие раскаты взрыва, потом еще несколько, послабее, и весь северо-запад заволокло молочной пеленой пара.

— Атлантическое озеро, — прокомментировал Грейнджер. — Может, сгоняем? Вдруг что-нибудь интересное?

Погрузив пробирки для образцов и инструменты для изготовления чучел, они уже через полчаса тряслись на джипе в сторону Атлантического озера — каких-то десять миль по соляным увалам.

Там Холидей и нашел рыбу.

Голубая полоса к северу от Бермудских островов длиной в десять и шириной в одну милю — вот и все, что осталось от Атлантического океана. Точнее, от всех океанов, что занимали некогда две трети земной поверхности.

Лихорадочная, безумная добыча кислорода из воды для создания атмосфер вокруг осваиваемых планет начисто свела океаны с лица Земли, а это повлекло за собой чудовищные изменения климата, погубившие все живое. Остался лишь тонкий слой, чуть больше мили, пригодного для дыхания воздуха. И тем, кто остался, пришлось покинуть плоскогорья континентов и опуститься на дно бывших океанов.

Много часов провел Холидей среди книг и журналов, рассказывающих о прошлом Земли. Часто Грейнджер рассказывал о своей молодости, когда океаны опустели еще едва наполовину. Он работал морским биологом в университете Майами. Обнажавшееся дно океана было для него и лабораторией, о которой он прежде не мог и мечтать.

— Моря — наша память, — говорил он Холидею, — осушая их, мы стираем прошлое каждого из нас, искореняем самосознание человечества. Вместе с морем умерла и жизнь, а мы лишь жалкие тени прошлого в пустом черепе Земли.

Платформа была большая, похожая на гигантскую тарелку, — ярдов триста в диаметре. Обгорелая, вся во вмя-

тинах, она лежала на мелководье. На месте реакторов зияли огромные дыры; выбитые ударом, они взорвались на другой стороне озера.

Над водой клубился пар. С трудом пробираясь по болотистому берегу, они подошли к платформе. «Тарелка» пропахала цепочку водоемов, глубокой бороздой соединив их с озером и между собой, и вода медленно уходила. Грейнджер брел по колено в воде, вылавливая всяческую живность. Попадались карликовые анемоны и морские звезды, изуродованные опухолями. К резиновым сапогам паутиной липли тонкие водоросли, словно драгоценные камни сверкали наросты на них. У самого большого водоема, футов триста в диаметре, они задержались. Он быстро мелел, все более обнажая дно. Осторожно идя вниз по склону за отступающей водой, Грейнджер подбирал образцы и засовывал их в пробирки.

Во мраке край платформы казался кормой несусветно огромного судна. Холидей стоял на узком перешейке и разглядывал разбитый люк одного из куполов для экипажа, когда на обращенной вниз поверхности что-то мелькнуло. Он не сразу понял, что это отражение всплеска у него за спиной. Он обернулся. Грейнджер стоял по колено в воде и что-то пристально в ней высматривал.

— Что это было? — спросил он.

— Может, рыба?

— Что ты, какая еще рыба? На всей Земле ни одной не осталось — вымерли еще десять лет назад.

Тут рыба опять прыгнула. Они в изумлении смотрели, как изящное серебристое тело выскакивает из воды и короткими блестящими дугами мечется по водоему.

— Морская собака, семейство акул, высокая способность к адаптации, — профессионально среагировал Грейнджер. — Черт возьми! Наверняка это последняя рыба на Земле!

— А разве вода не слишком соленая?

Грейнджер зачерпнул ладонью и с опаской попробовал воду на вкус.

— Нормальная. Он оглянулся на озеро. — Наверное, вода, испаряясь с озера, конденсировалась здесь. Перегонная установка, этакий каприз природы!

Он шлепнул Холидея по плечу.

— Вот здорово!

Водоем на глазах мелел. Рыбина ошалело прыгала, извиваясь двухфутовым телом в воздухе. Выступали все новые глинистые отмели. Только в середине воды оставалось еще на фут.

Ярдах в пятидесяти от них берег был разворочен. Взмахом руки Холидей позвал Грейнджера за собой, они подбежали к пролому и быстро завалили проток. Затем на джипе проехали по извилистому перешейку. Холидей опустил щит на переднем бампере и этим своеобразным бульдозером, ловко маневрируя вокруг водоема с рыбой, стал сбрасывать глину в воду.

Часа через два с небольшим диаметр лужи стал вдвое меньше, зато уровень воды поднялся до двух с половиной футов. Морская собака перестала прыгать и спокойно плавала у самой поверхности воды. Молниеносными движениями челюстей она хватала мелкие растения, которые джип вместе с глиной сбросил в воду. На ее серебристом теле не было видно ни единой царапины. Она грациозно шевелила упругими сильными плавниками.

Грейнджер сидел на капоте джипа, прислонившись к ветровому стеклу, и с одобрением наблюдал за Холидеем.

— Ну ты даешь! Не думал, что ты способен на такое.

Сполоснув руки, Холидей перешагнул через полосу глины, которая теперь окружала маленький бассейн. Спасенная морская собака резвилась в воде в нескольких футах у него за спиной.

— Пусть живет, — сказал он. — Сам подумай: когда двести миллионов лет назад на сушу выползли первые земноводные, рыбы остались в воде, так же как мы сейчас остаемся на Земле.

Тяжело дыша — воздух был влажным, — он опустился на подножку джипа. Одежда его промокла и вся была в потеках соли.

На западе засверкал длинный силуэт Флориды. Он отразил лучи восходящего солнца, несущие губительный зной.

— Как думаешь, протянет она до следующей ночи?

Грейнджер сел за руль.

— Ничего с ней не случится, а вот нам пора отдохнуть.

Он показал на нависающий край платформы.

— Она дает тень, так что здесь будет не слишком жарко.

В поселке они то и дело замедляли ход, чтобы помахать рукой старикам, закрывающим ставни домов.

— Буллен, наверное, заждался тебя, — съехидничал Грейнджер.

— Ну и черт с ним! Никуда я не полечу. После этой ночи — ни за что!

— Подумаешь, какая-то рыба. Велика важность! Когда-то их было миллионы... океаны буквально кишели ими.

— Ты ничего не понимаешь! Эта рыба означает, что на Земле еще не все кончено. Земля еще не совсем умерла. Если ей помочь, появится совершенно новая биосфера.

Холидей остался в машине, а Грейнджер пошел в бар за пивом. Вышел он из бара не один — с ним был Буллен.

Поставив ногу на подножку джипа, тот заглянул в машину.

— Ну как, решились? — спросил он Холидея. — На новых планетах расцветает жизнь. Молодежь улетает завтра. Составите им компанию? Решайтесь. Я спешу, так что уговаривать мне вас некогда.

— Извините, я раздумал, — коротко ответил Холидей.

Он поставил ящик пива в машину, дал газ. Джип, взревев, скрылся в облаке пыли.

Над крышей отеля в сторону Атлантического озера прострекотал вертолет. Холидей, уже освеженный душем и не так мучаясь от жары, проводил его взглядом.

— Что ты копаешься? Поехали быстрей.

— Не торопись, — ответил Грейнджер, — ты убьешь несчастную тварь своей добротой. Что у тебя там? — ткнул он в консервную банку.

— Хлебные крошки.

Грейнджер закрыл дверцу машины, вздохнул.

— Ну и тип же ты! Обо мне бы лучше так заботился. Мне тоже не хватает воздуха.

Миль за пять до озера Холидей, сидевший у руля, притормозил и показал на свежие отпечатки шин.

— Кто-то нас опередил.

— Ну и что? — Грейнджер пожал плечами. — Не мы одни такие умные.

Холидей посмотрел сквозь ветровое стекло.

— Раздражают меня эти платформы. Сбрасывают их на Землю, как на свалку. И все же, если бы не она, я бы не наткнулся на рыбу.

Чужой автомобиль стоял, загораживая им путь, ярдах в двухстах от платформы.

— Машина братьев Мерриуэзеров, — сказал Холидей. — Наверное, оба здесь.

Они обошли вокруг облезлого «бьюика», разрисованного желтой краской, с клаксонами и флажками.

— Вон они, уже здесь, — показал Грейнджер.

На самом краю платформы стоял младший Мерриуэзер, кривляясь и прыгая. Старший с Томом Джурандой, высоким широкоплечим парнем в куртке кадета космического флота, бесились около водоема с рыбой, забрасывая его камнями и большими комками соли.

Холидей истошно завопил и, бросив Грейнджера, помчался к ним.

Том Джуранда пробежал по берегу до глиняного барьера и расшвырял его ногами. Вода с шумом устремилась сквозь пробоину. Довольный, Том снова стал кидать камни.

Увлеченные своим веселым занятием, мальчишки продолжали забрасывать водоем импровизированными гранатами, а младший Мерриуэзер дурашливыми воплями выражал им свое одобрение.

— Прочь отсюда! — заорал Холидей. — Не смейте!

Джуранда размахнулся, чтобы швырнуть ком соли с кирпич величиной, но Холидей схватил его за плечо и резко развернул к себе. Соль рассыпалась дождем мелких кристаллов. Затем он метнулся к старшему Мерриуэзеру, дал и ему пинка.

Глубокая канава рассекала глиняный вал, почти вся вода ушла в соседние водоемы. Среди камней и комков соли билось изувеченное тело морской собаки, окрашивая соль в темно-красный цвет.

Холидей яростно встряхнул Джуранду.

— Ты хоть понимаешь, что вы натворили? Ты...

Пошатываясь, он спустился в бывший водоем, остановился над рыбиной, отбросил ногой несколько камней.

— Простите, мистер Холидей, — сконфуженно пробормотал один из братьев. — Мы не знали, что рыба ваша.

В отчаянье, не зная, как дать выход гневу и обиде, Холидей только безнадежно отмахнулся.

Джуранда захохотал, выкрикнул что-то издевательское, и мальчики, так и не поняв ничего, повернулись и наперегонки побежали к машине, вопя на разные голоса.

Подошел Грейнджер, увидел, что воды в водоеме больше нет, и болезненно поморщился.

— Пошли отсюда, Холидей.

Не отрывая глаз от изуродованного, а когда-то такого изящного тельца, Холидей покачал головой.

Послышались гудки, потом удаляющийся шум мотора — мальчишки уехали.

— Чертовы щенки, — Грейнджер мягко взял Холидея за локоть. — Пошли, пошли... Это еще не конец света.

Холидей наклонился к несчастной рыбе, протянул к ней руки. Она уже не двигалась. Руки на миг остановились в воздухе, потом снова повисли.

— Наверно, тут ничего нельзя сделать?.. — спросил он сам себя.

Если не считать раны в боку и раздавленной головы, кожа нигде не была повреждена.

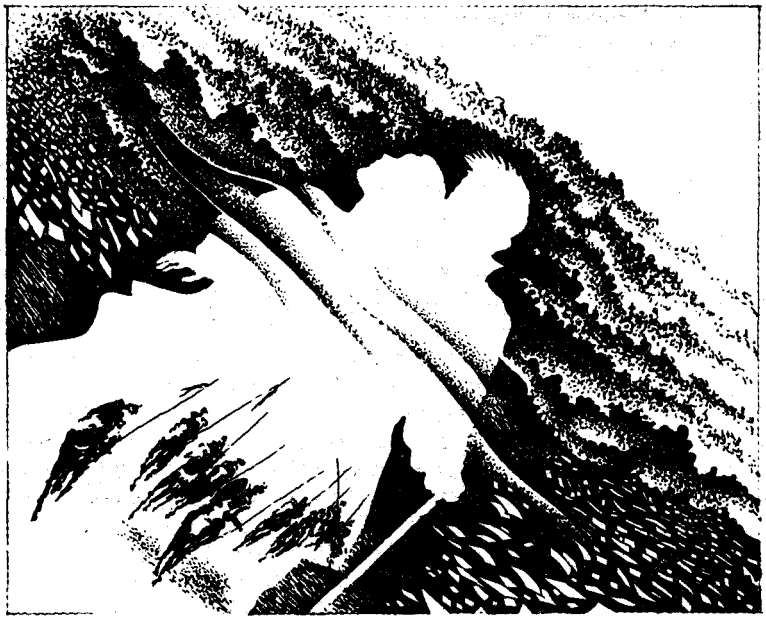
— А может, сделать из нее чучело? — спросил Грейнджер.

Холидей уставился на него, не веря своим ушам. Лицо его задергалось.

— Ты что, спятил?! — взорвался он. — А может, ты и из меня хочешь сделать чучело?

Он повернулся, слепой от гнева, толкнул Грейнджера плечом и выскочил наверх.

САД ВРЕМЕНИ

К вечеру, когда большая тень виллы накрыла террасу, граф Аксель покинул библиотеку и по широким ступеням — лестница была в стиле рококо — спустился к цветам времени. Высокий и горделивый, в черном бархатном камзоле, с золотой заколкой, блестящей под бородкой a la Георг V, с тростью, крепко сжатой рукой в белой перчатке, он совершенно спокойно осматривал прекрасные хрустальные цветы, прислушиваясь к звукам клавесина, доносящимся из музыкального кабинета, — графиня играла «Рондо» Моцарта. От музыки полупрозрачные лепестки цветов едва заметно дрожали.

Сад простирался на две сотни ярдов, полого опускаясь к миниатюрному озеру, через который был перекинут белый мостик, на другом берегу упирающийся в изящную беседку. Аксель редко добирался до озера; большинство цветов времени росло кучно как раз под террасой, защищенное высокой стеной, что окружала поместье. С террасы он мог поверх стены смотреть на равнину с холмами до самого горизонта, где она слегка поднималась, прежде

чем совсем пропасть из виду. Равнина окружала поместье со всех сторон, и ее однообразие лишь подчеркивало великолепное одиночество виллы. Здесь, в саду, воздух казался свежее и солнце теплее, а равнина всегда была пустынна и однообразна.

Как обычно перед началом вечерней прогулки, граф Аксель взглянул через равнину на самый последний холм, где горизонт был подсвечен заходящим солнцем, словно театральная рамка. И пока из-под рук его жены текли нежные звуки, пока они вились вокруг него, он смотрел, как авангард необъятной армии медленно переваливает через линию горизонта. Поначалу казалось, что длинные ряды и шеренги идут ровно и организованно, но потом становилось ясно, что, как и смутные фоновые детали на пейзажах Гойи, армия эта составлена из огромного множества оборванных мужчин и женщин и разбавлена солдатами в истрепанной форме и что вся эта огромная масса стремилась вперед, сгибаясь под тяжелыми грузами, другие боролись с громоздкими нескладными деревянными телегами, упираясь руками в спицы колес, некоторые тащились налегке, но все они шли с одной скоростью и их согбенные спины одинаково багровели под лучами закатного солнца.

Людская масса была слишком далеко, чтобы ее можно было разглядеть отчетливо, но пока Аксель надменно и равнодушно, хотя и внимательно, рассматривал эту толпу, она ощутимо продвинулась вперед и авангард орды исчез за линией горизонта. Наконец, когда день начал совсем угасать, передовая линия вновь появилась в поле зрения, достигнув гребня первого холма, расположенного ниже линии горизонта. Аксель спустился с террасы и медленно пошел среди цветов времени.

Цветы были высокие, не менее шести футов, их нежные стебли, похожие на стеклянные стержни, несли дюжину прозрачных листочков. Каждый стебель увенчиваался цветком времени размером с кубок, черные непрозрачные лепестки окружали хрустальную сердцевину. Бриллиантовые блики фонтаном били из каждого, словно цветы возвращали дневной цвет. Когда они легонько покачивались под порывами вечернего ветра, стебли больше всего напоминали копья с пламенными остриями.

На многих стеблях уже не было цветов, но Аксель тщательно разглядывал их в поисках новых бутонов, и надежда светилась в его глазах. Наконец он выбрал большой цветок, росший возле самой стены, снял перчатки и сво-

ими сильными пальцами оторвал его от стебля. Когда он понес его на террасу, цветок начал искриться и растворяться, выпуская пойманный свет на волю. Постепенно цветок истаял, испарился — лишь черные лепестки остались нетронутыми, — а воздух вокруг Акселя заиграл ослепительными огненными паутинками. Вечер вдруг переменился, словно пространство и время неуловимо сместились. Ротонда, сбросив темную вуаль, засветилась внутренним светом; так бывает, когда приснится детство.

Вскинув голову, Аксель снова вгляделся в равнину за стеной. Солнце освещало теперь лишь самый краешек горизонта, и огромная орда, заполонившая было почти четверть равнины, сейчас опять отступила к горизонту, резко отброшенная течением времени, и казалась неподвижной.

Цветок в руке Акселя истаял до размеров наперстка, черные лепестки сложились в коробочку. Напоследок из нее сверкнула слабая искра, и Аксель почувствовал, что цветок умер.

Вокруг дома сомкнулись сумерки, протянув длинные языки темноты к равнине, и горизонт слился с небом. Клавесин молчал, и цветы времени, не колеблемые более прекрасной музыкой, стояли неподвижно, словно вдруг окаменели.

Несколько минут Аксель смотрел вниз, пересчитывая оставшиеся цветы, потом обернулся и кивнул графине — она шла через террасу, парчовый подол шелестел по узорным плиткам.

— Какой прекрасный вечер, Аксель... — Она сказала это так, будто благодарила мужа за бархатные тени на лужайке и свежий воздух. Ее лицо было спокойным, волосы, собранные на затылке, удерживались драгоценной заколкой. Глубокое декольте обнажало высокую изящную шею. Аксель глядел на нее с любовью и гордостью. Он подал ей руку, и они вместе сошли в сад.

— Один из самых долгих вечеров, — согласился Аксель и добавил: — Я сорвал прекрасный цветок, дорогая, настоящую драгоценность. Если повезет, он подарит нам несколько дней. — Он нахмурился и помимо воли глянул поверх стены: — Кажется, они все ближе и ближе с каждым разом.

Графиня улыбнулась и крепко сжала руку любимого.

Оба они знали, что сад времени умирает.

Спустя три вечера — так и рассчитывал граф, хотя в душе и надеялся, что это произойдет не так быстро, — он сорвал в своем саду следующий цветок.

Когда он взглянул за стену, орда заполняла едва ли не все пространство равнины, протянувшись вдоль горизонта сплошной массой. Ему даже показалось, что он слышит глухой шум, на фоне которого выделялись крики и вопли, но граф быстро убедил себя, что все это лишь фантазия. К счастью, графиня сидела за клавесином и глубокие чарующие звуки фуги Баха легким каскадом лились на террасу, заглушая все остальное.

На равнине между поместьем и линией горизонта высились четыре громадных холма, их вершины четко рисовались на фоне неба. Когда-то Аксель обещал себе, что никогда не будет их считать, но их было слишком мало, чтобы забыть их число, особенно когда они так наглядно отмечали продвижение наступающей орды. Сейчас передние ряды уже перевалили через первый холм и были на пути ко второму; основная же масса сброда шла сзади, скрывая и вершину дальнего холма, и все необъятное пространство вплоть до горизонта. Теперь Аксель видел, сколько их. То, что на первый взгляд казалось ядром, было всего лишь маленьким передовым отрядом, одним из многих, что катились по равнине. Настоящий, реальный центр еще не появился, но Аксель легко подсчитал, что орда способна заполнить равнину от горизонта до горизонта.

Аксель поискал какие-либо машины, но все, как и прежде, сливалось в одну серую массу. Не было ни знамен, ни штандартов, ни бунчуков. Толпа согбенных оборванцев перла вперед, не замечая неба и, похоже, даже не подозревая о нем.

Неожиданно, как раз когда Аксель собирался повернуться, передовые ряды появились на вершине второго холма, а затем обрушились вниз и хлынули на равнину. Что ошеломило Акселя, так это невероятное расстояние, которое они покрыли, пока их не было видно. Их фигуры увеличились раза в два, теперь каждый был ясно виден.

Аксель быстро шагнул с террасы, выбрал цветок времени и сорвал его. Когда тот выплеснул весь свой свет, граф вернулся на террасу. Цветок сжался в черную жемчужину, но орда опять отступила к горизонту.

Затем он осознал, что горизонт теперь гораздо ближе, чем раньше: то, что он поначалу принял за горизонт, на самом деле было вершиной первого холма.

Когда он присоединился к графине во время вечерней прогулки, он ничего ей об этом не сказал, но она видела

правду под его напускной беспечностью и сделала все, что могла, чтобы развеять его волнения и тревогу. Спускаясь по ступеням, она повела рукой на сад времени:

— Смотри, как прекрасно! Здесь еще так много цветов!

Аксель кивнул, улыбнувшись этой попытке успокоить его. Слово «еще» выдавало, что и она предчувствует конец. Из многих сотен, росших когда-то в саду, сейчас осталась всего дюжина, а полностью распустились всего три или четыре. Пока они шли к озеру, он пытался решить, стоит ли сорвать большие цветы первыми или оставить их напоследок. Правильнее было бы дать нераспустившимся цветам время вырасти и созреть, но это преимущество будет потеряно, если он оставит большие цветы для последнего отпора. Впрочем, никакой разницы не было: сад скоро умрет, а бутонам нужно было куда больше времени, чтобы собрать время в своих сердцевинах. За всю свою жизнь он так и не заметил, чтобы цветы росли. Большие всегда были большими, а из бутонов ни один не обнаруживал никаких признаков развития.

Проходя по мостику через озеро, граф и графиня смотрели на свои отражения в спокойной черной воде. Теперь, когда они были защищены беседкой с одной стороны и высокой стеной сада с другой, Аксель чувствовал себя спокойно и в безопасности, а равнина с захватчиками казалась ему далеким кошмаром, от которого он вдруг очнулся. Он обвил рукой талию жены, любовно прижал ее к своему плечу и понял, что не обнимал ее так вот уже несколько лет; хотя их жизнь и казалась вечной, неподвластной времени, он явственно, как будто это случилось вчера, помнил тот день, когда он привел в дом свою молодую супругу.

— Аксель, — очень серьезно попросила графиня, — прежде чем сад умрет... можно мне сорвать последний цветок?

Осознав ее просьбу, он медленно кивнул.

Потом вечер за вечером он срывал оставшиеся цветки один за другим, приберегая маленький бутон, что рос прямо под террасой, для своей жены. Он срывал цветы, не считая, сколько остается, случалось, и по два-три бутона одновременно. Орда уже достигла второй и третьей вершины, копошащаяся людская масса совершенно закрыла горизонт. С террасы Аксель ясно видел усталую армию,

спускавшуюся в ложбину перед последним холмом; изредка до него долетали звуки голосов, крики страха и ярости, щелчки кнутов и бичей. Деревянные телеги кренились из стороны в сторону, раскачиваясь на неровных колесах, ездовые отчаянно боролись, пытаясь хоть как-то управлять ими. Насколько Аксель мог судить, никто из этого сброда не знал общего направления движения. Скорее всего каждый слепо двигался по следам идущего впереди, и лишь этим обеспечивалось их единство. Аксель надеялся — хотя уже не верил в это, — что настоящий центр армии, ее ядро, которое еще не показалось из-за горизонта, движется в другом направлении и что постепенно орда свернет, обойдет виллу и схлынет с равнины.

Два вечера назад, когда он сорвал цветок времени, передовые ряды уже достигли третьей вершины и обрушились вниз. Ожидая графиню, Аксель смотрел на два последних цветка — два маленьких бутона, которые подарят им лишь несколько минут. Стеклянные стебли уже сорванных цветов еще торчали упругими копьями, но сад уже отжил свое.

Следующее утро Аксель провел в своей библиотеке, пряча редчайшие из своих манускриптов в потайные стеклянные ящики, находящиеся между двумя галереями в тайном месте. Он прошел по галерее с портретами, бережно протирая каждую картину, затем навел порядок на столе и запер дверь. После обеда он нашел себе дело в гостиных: ненавязчиво помогал своей жене протирать мебель, расставлять по местам вазы и бюсты.

К вечеру, когда солнце уже зашло за дом, они страшно устали, но за весь день они не сказали друг другу ни слова. Когда графиня направилась в музыкальную комнату, Аксель остановил ее:

— Сегодня вечером мы вместе сорвем по цветку, дорогая, — произнес он ровным голосом. — По последнему цветку.

Он быстро глянул поверх стены. Они слышали — менее чем в полумиле — глухой шум нестройно наступавшей армии, лязганье железа и щелчки бичей; все эти звуки неслись теперь со всех сторон. Аксель быстро сорвал свой цветок, который был не больше сапфира в перстне. Пока тот таял, шум за стеной утих, но тут же раздался с новой силой.

Стараясь не обращать на него внимания, Аксель по-

смотрел на виллу, пересчитал колонны портика, затем взглянул через лужайку на серебряный диск озера, которое отражало последние лучи вечернего солнца, на тени, мечущиеся между деревьев. Взгляд его задержался на мостике, где они с графиней так часто стояли рука об руку...

— Аксель!

Он крепко обнял свою супругу. Орда ревела совсем рядом. Через стену перелетел камень и упал среди цветов времени, сломав несколько хрупких стеклянных стеблей. Затем в воздухе просвистел еще один и вдребезги разнес одно из окон.

— Аксель!

— Быстрей, дорогая, последний цветок!

Он свел ее в сад. Бережно обхватив стебель, она аккуратно сорвала последний цветок и начала баюкать его в ладонях. На секунду шум приутих, и Аксель весь подобрался. В ярком свете, исходящем от цветка, он видел белые испуганные глаза жены.

— Держи его как можно дольше, дорогая, пока не погаснет последняя искорка.

Они вернулись на террасу, графиня держала в ладонях умирающую драгоценность, а крики за стеной становились все громче. В железные ворота бил тяжелый таран, и вся вилла сотрясалась от этих ударов.

Когда погасла последняя искра, графиня подняла ладони вверх, будто отпуская на волю невидимую птичку, собрала все свое мужество и вложила свои руки в ладони мужа с улыбкой, сияющей, как только что погасший цветок.

— О, Аксель! — только и сказала она.

Темнота обрушилась на них мгновенно, словно удар меча.

Передовые отряды орды перевалили через разрушенную стену, перетащили через нее свои повозки и покатили их по подъездной аллее, некогда великолепной, теперь запустевшей. Развалины некогда обширной виллы ни на секунду не задержали бесконечный людской поток. Озеро пересохло, на дне гнили упавшие деревья, рядом ржавел рухнувший мостик. На лужайке с высокой травой, на дорожках и между узорных плиток буйно разрослись сорняки.

Большая часть террасы давно разрушилась, и основная масса наступающей армады прошла мимо разграбленной

виллы, но двое или трое самых любопытных залезли внутрь, чтобы пошарить в этих стенах. Двери давно сгнили на своих петлях, полы провалились. В музыкальной комнате старинный клавесин был разбит на дрова, но несколько чудом уцелевших клавиш валялись в пыли на полу. Все книги в библиотеке были выброшены из шкафов, картины изрезаны, обломки рам золотом усеяли пол. Когда основная масса орды достигла виллы, люди полезли через стену со всех сторон. Сталкиваясь, люди оступались в высохшее озеро, топтались на остатках террасы и врывались в дом через дверные проемы.

Только одно место пережило бесконечную волну захватчиков. Как раз под террасой, между рухнувшим балконом и стеной, были густые, в шесть футов высотой, заросли колючего кустарника. Колючие ветви сплелись в непроходимую завесу, и люди осторожно обходили это место, примечая к тому же оплетающую ветви белладонну. Оборванцы высматривали, куда бы поставить ногу, и поэтому не вглядывались в центр кустов, где бок о бок стояли две каменные статуи, словно обозревая поместье. Одна статуя изображала бородатого мужчину в камзоле с высоким воротником и с тростью в руке. Рядом с ним стояла женщина в изысканном длинном платье, ее красивое спокойное лицо ничуть не пострадало от дождя и ветра. В левой руке она держала розу с такими тонкими лепестками, что они казались прозрачными.

В тот миг, когда солнце уходило за развалины виллы, последний одинокий луч сорвался с карниза и упал на розу, а та бросила блик на статуи. На какое-то мгновение серый камень осветился так, что его вполне можно было спутать с живой плотью давно исчезнувших оригиналов.

СОДЕРЖАНИЕ

Затонувший мир *перевод Д. Литинского* 5

Пурпурные пески

Теперь пробуждается море *перевод Е. Кофман* 155
Тысяча грез Стеллависты *перевод Д. Литинского* 165
Облачные скульпторы *перевод Е. Гаркави* 186
Прима-белладонна *перевод В. Черных* 204
Звездная улица, пятая вилла *перевод Д. Литинского* 219
Утонувший гигант *перевод Д. Литинского* 252
Границы бытия *перевод Д. Литинского* 263
Садок для рептилий *перевод Д. Литинского* 283

Голоса времени

Хронополис *перевод В. Волкова* 297
Похищение Леонардо *перевод* Д. Литинского 316
Сеющий ветер пожнет бурю *перевод Д. Литинского* 332
Голоса времени *перевод Д. Литинского* 351
Тринадцать на пути к Альфа Центавра *перевод Д. Литинского* 388
Оживший ужас *перевод Д. Литинского* 413
Одним меньше *перевод* Д. Литинского 432
Мистер Эф — всегда мистер Эф *перевод Д. Литинского* ... 446
Воронка-69 *перевод Д. Литинского* 461
Месть *перевод* Д. Литинского 486
Ты купишь, доктор! *перевод Д. Литинского* 493
С благими намерениями *перевод Д. Литинского* 512
Конец *перевод В. Волкова* 525
Сад времени *перевод А. Ермошина* 535

Литературно-художественное издание

Джеймс Боллард

ЗАТОНУВШИЙ МИР

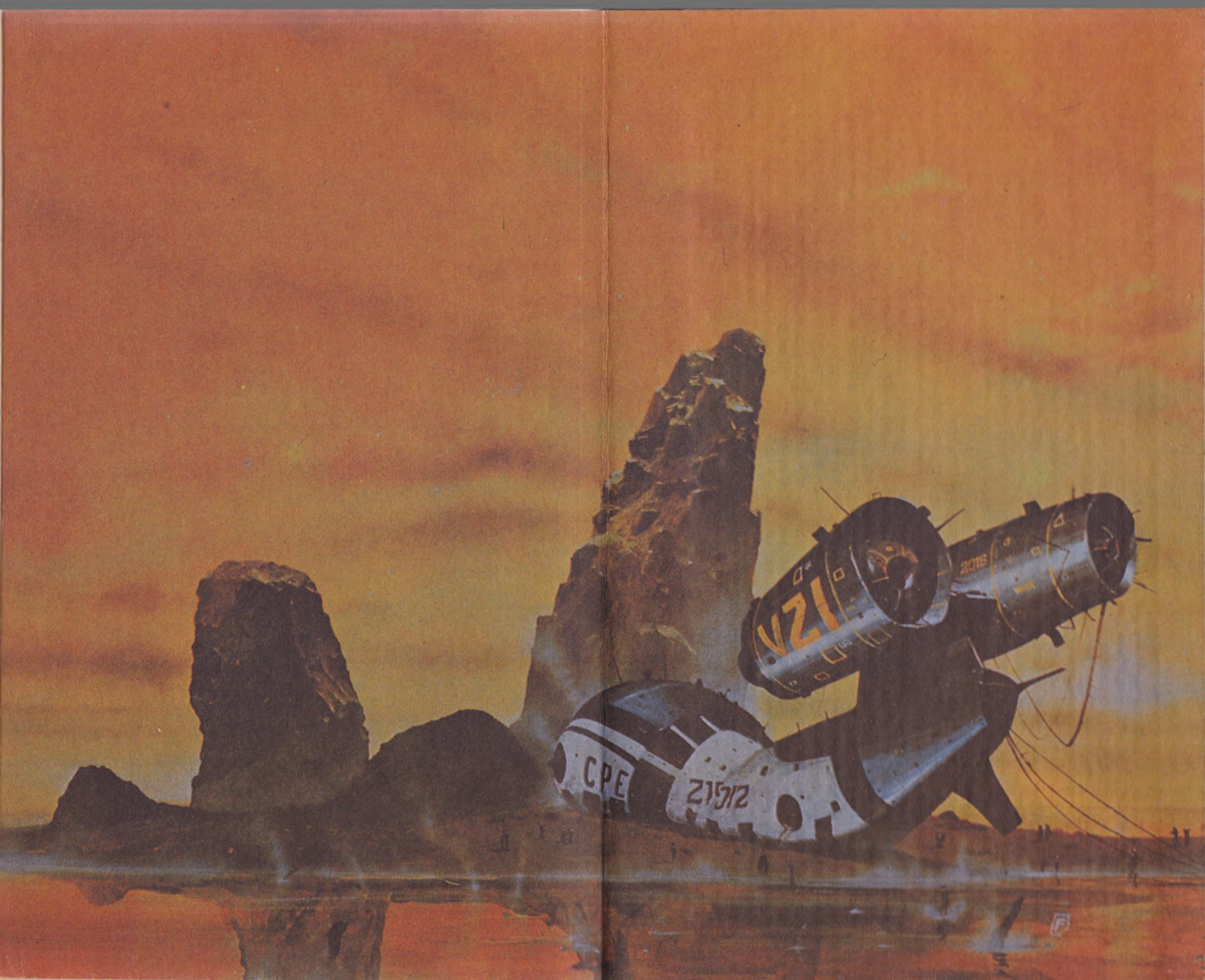
Редактор С. Ульянов
Художник Ю. Лук
Технический редактор М. Александров
Корректор Г. Шиханов

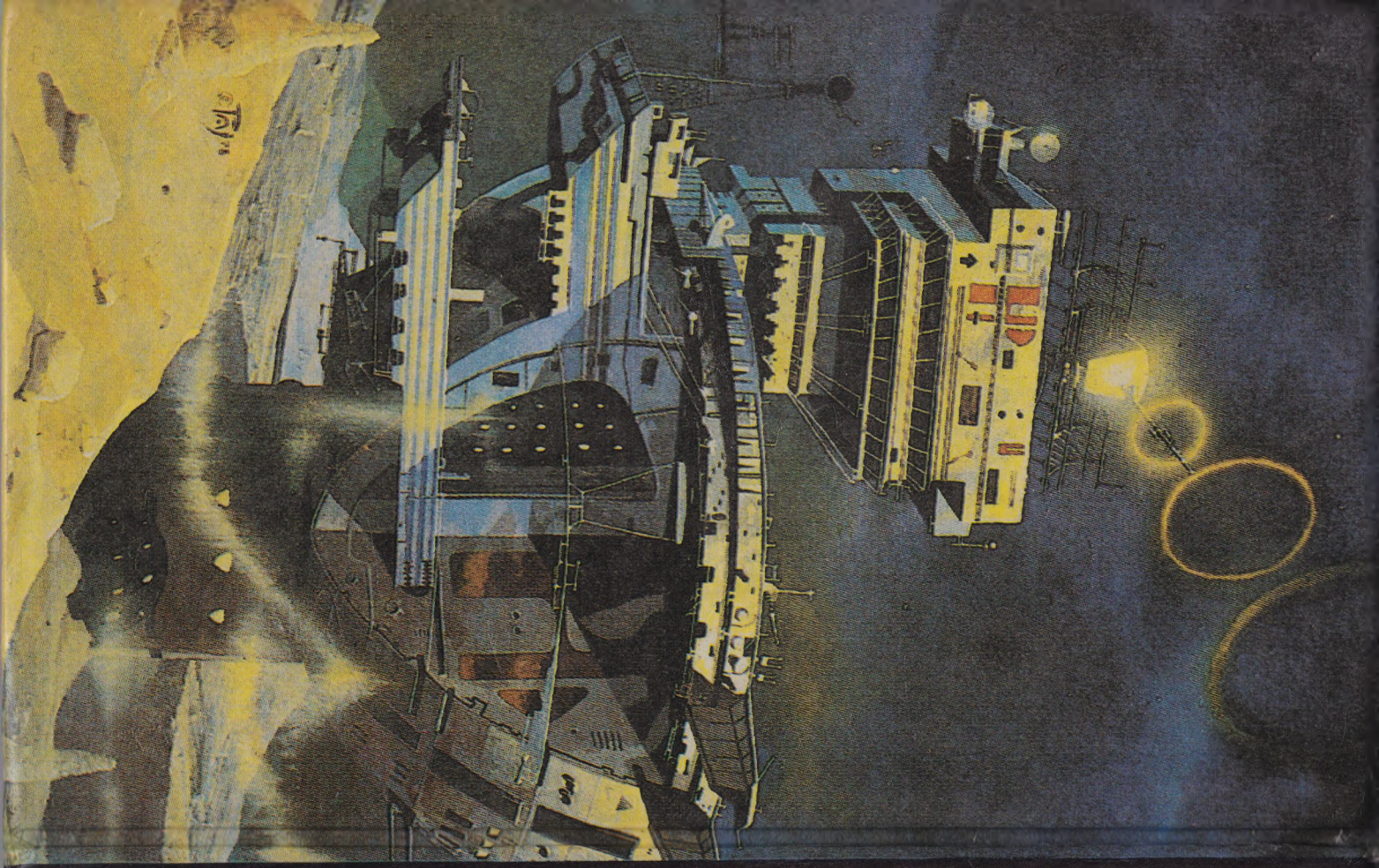
Лицензия ЛР № 063010 от 22.10.93

Подписано к печати 20.12.94. Формат 84x108/32. Бумага газетная и книжно-журнальная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл.-печ.л. 28,56. Уч.-изд.л. 34,5. Тираж 50 000 экз. Заказ 4238 Цена договорная.

ТОО "фирма "Нижкнига"
603003, Нижний Новгород, ул. Культуры, д. 6а, кв. 41

Отпечатано в ГИПП "Нижполиграф"
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32

VZ1
2016
CPE
Z1512

Джеймс Баллард

ЗАТОНУВШИЙ МИР